

801-
13

М. В. Довнаръ-Запольскій.

U 145
64

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ.

Томъ I.

Этнографія и социологія, обычное право, статистика,
бѣлорусская письменность.

Издание А. П. Сапунова.

К І Е В Ъ,
Типографія 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятительская 5.
1909.

В настоящем томѣ собраны работы автора, касающіяся этнографіи, социологии, диалектологии, статистики и письменности бѣлоруссовъ. Такимъ образомъ, въ нихъ затронуты весьма различныя стороны жизни бѣлорусской народности.

Когда впервые появились переиздаваемые теперь статьи, литература о бѣлоруссахъ и Бѣлорусси была очень незначительна, неполна,—вообще, къ этой области знанія замѣтно значительное ослабленіе интереса въ русской и польской литературахъ въ періодъ съ половины 60-хъ годовъ до конца 80-хъ. Вотъ почему авторъ, побуждаемый желаніемъ пролить возможно больше свѣта для уясненія всего, что касается бѣлоруссовъ, дѣлалъ попытки освѣтить положеніе этой народности съ точки зрѣнія различныхъ наукъ. Правда, съ тѣхъ поръ (1888—1895, къ каковымъ годамъ относится основная часть печатаемыхъ статей) литература о Бѣлорусси въ нѣкоторыхъ ея областяхъ весьма расширилась (этнографія, диалектологія); въ другихъ она, къ сожаленію, остается по прежнему бѣдной (экономическій бытъ, письменность, обычное право).

Выяснивъ основной мотивъ, въ силу котораго появлялись настоящія статьи, авторъ не можетъ не сознавать извѣстнаго рода неудобствъ, съ коими связано переизданіе работъ, появившихся впервые довольно давно, при большой бѣдности литературы, и не дополненныхъ новѣйшими матеріалами, иногда опирающихся на выводы науки, нынѣ ею оспариваемыя (это относится къ послѣдовавшему пересмотру нѣкоторыхъ положеній социологии); не безъ колебанія авторъ собралъ въ одинъ томъ статьи, часть которыхъ предназначалась для мѣстныхъ газетъ и, слѣдовательно, подвержена была условіямъ извѣстной спѣшности газетной работы, и даже болѣе—все это статьи, относящіяся къ очень раннему періоду научной дѣятельности ихъ автора. Но, рѣшаясь переиздать часть работъ, появившихся въ свѣтъ при указанныхъ условіяхъ, авторъ находитъ для того и нѣкоторое оправданіе. Всѣ эти работы носятъ спеціальнй научный характеръ, иногда очень узкій. Ученый интересъ побуждаетъ изучающаго знакомиться съ предше-

2004126403

ствующей литературой, и собрание таких работ в отдельной книге только облегчить библиографические поиски моих ученых коллег. Сь другой стороны, выдвинутые мною в свое время вопросы не были пересмотрены последующей наукой: по одним вопросам увеличился лишь собранный материал, по другим разработка не подвинулась; может быть, и тут не бесполезно будет облегчить работу библиографических изысканий.

Наконец, не могу не указать и на один мотив личного свойства: я не счел себя вправе отказать члену Государственной Думы глубокоуважаемому исследователю Витебской Белоруссии Алексею Парфеновичу Сапунову в его желании видеть мои работы собранными в одном издании; под его теплым дружеским побуждением и на его средства настоящая книга появляется в свет. Я считаю своим приятным долгом выразить Алексею Парфеновичу Сапунову свою глубокую признательность за его дружеское внимание к моим научным трудам.

М. Д.-З.

Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губ.¹⁾

Предлагаемые очерки основываются на материале тройкаго рода: главным источником служат решения волостных судов, записанные автором в Речицком, Вобруйском и Пинском уездах²⁾, затем личные наблюдения и, наконец, отчеты нескольких лиц из Минскаго, Новогрудскаго и Мозырскаго уездов, постоянных обывателей белорусских сел, обязательно сообщивших свои наблюдения на предложенные им автором вопросы. Тогда как в личных наблюдениях и сообщениях всегда можно предполагать известную долю субъективного отношения к предмету, решение волостных судов, как акты, может служить наиболее объективным источником для изучения правовой стороны народной жизни.

Поэтому, едва ли справедливо то скептическое отношение к выводам, основанным на этом материале, которое нерыдко проявляется в нашей юридической литературе и поддерживается даже такими первостепенными юристами, как покойный Оршанский³⁾ и М. М. Ковалевский⁴⁾, которые ссылаются на произвол „пьянаго“ писаря. Сь таким взглядом на решение волостных судов, как на источник обычного права, трудно согласиться, по крайней мере в сферах наших наблюдений.

Прежде всего в решениях волостных судов мы будем наблюдать одно и то же отношение их в однородных случаях, и в различных местностях, и в разное время, что указывает на то, что то или

¹⁾ „Этнографическое Обзорение“, 1897 г.

²⁾ Во время своих поездок я сдѣлал выписи решений волостных судов Телеханской вол. Пинск. у., Горбачевичской вол. Вобруйскаго у. и Дерновичской вол. Речицкаго у. (въ количествѣ болѣе 270 №№); сверхъ этого я занимался обзоромъ волостныхъ решений другихъ волостей—Доброславской, Погость-Загородской Пинскаго у., Игуменскаго у., Городокской Вобр. у. и нѣк. др.

³⁾ Оршанский, Нар. судъ и нар. право, 390.

⁴⁾ См. его статью, въ Nouvelle Revue historique du droit etc., 1890, май—июнь: „Etudes sur le droit coutumier russe“, введение.

другое рѣшеніе есть актъ обычнаго права, а не замышленнаго писаря. Съ другой стороны, принимая во вниманіе историческія данныя, мы можемъ убѣдиться, что современныя нормы обычнаго права бѣлоруссовъ соотвѣтствуютъ тѣмъ даннымъ, которыя мы можемъ извлечь изъ историческихъ источниковъ, по крайней мѣрѣ за триста лѣтъ до нашего времени¹⁾. Мало того, въ нашихъ рѣшеніяхъ мы не разъ встрѣчаемъ указаніе на то, что то или другое дѣло рѣшено по „мѣстному обычаю“. А въ одномъ дѣлѣ мы даже встрѣчаемъ любопытную борьбу мѣстнаго обычая съ властью Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ: оно четыре раза кассировало рѣшеніе и всякій разъ волостной судъ, опираясь на „мѣстный обычай“, постановлялъ прежнее рѣшеніе.

Правда, въ области уголовныхъ рѣшеній можно встрѣтить, особенно за послѣднія 3—5 лѣтъ, болѣе частые случаи справокъ съ Уложеніемъ о наказаніяхъ. Это вполне понятно: основы обычно-правовыхъ воззрѣній такъ или иначе подрываются, усложненіе жизни усложняетъ разнообразіе проступковъ, для сужденія о которыхъ еще не создался обычай, а между тѣмъ стройность и опредѣленность нашего уложенія о наказаніяхъ поддуживаетъ судей. Но въ сферу семейной жизни, домашняго очага, еще не проникъ писанный законъ; традиціи семьи чрезвычайно дороги для крестьянина, наше же законодательство мало примѣнимо въ этомъ отношеніи къ крестьянскому быту, и здѣсь волостному судѣ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, приходится пользоваться заплатами отцовъ и мирить ихъ, прилаживать къ новымъ жизненнымъ требованіямъ, отстаивая всякую мелочь народно-традиціи.

Все это позволяетъ намъ видѣть въ рѣшеніяхъ волостнаго суда наиболѣе достовѣрный источникъ народно-обычнаго права.

Положивъ, такимъ образомъ, въ основу настоящей статьи рѣшенія волостныхъ судовъ, мы однако, приводимъ, по возможности и то, что намъ извѣстно изъ личныхъ наблюденій или распросовъ.

Что касается способа пользованія всѣми этими источниками, то была принята во вниманіе возможность различныхъ уклоненій въ сферѣ обычнаго права въ зависимости отъ мѣстныхъ условий. Чтобы не принимать частностей за общее правило, я отмѣчаю въ скобкахъ уѣзды или волость, гдѣ замѣчается такое уклоненіе. Въ особенности я старательно выдѣляю всѣ обычно-правовыя особенности крестьянъ Пинскаго у.,—хотя ихъ оказалось весьма не много,—такъ какъ населеніе его не однородно съ населеніемъ другихъ уѣздовъ.

Въ заключеніе этихъ предварительныхъ замѣчаній, я не могу не замѣтить, что предложенный очеркъ далеко не исчерпываетъ всего содержа-

¹⁾ См. интересную статью проф. Владимірскаго-Буданова въ „Чтеніяхъ“ Истор. Общ. Лѣтоп. Нестора, Кіевъ, т. III.

нія собраннаго мною матеріала, представляя лишь краткій обзоръ его, лишь главнѣйшіе факты и выводы, пополненіе которыхъ было-бы крайне желательно.

I.

Теперь перейдемъ къ предмету статьи. Прежде всего рассмотримъ вопросъ о томъ, какую форму семьи мы должны признать преобладающею у бѣлоруссовъ разсматриваемой мѣстности. Терминологія для опредѣленія родовъ семьи, какъ извѣстно, далеко не установлена. Существующія опредѣленія *большой, малой* семьи, *простой и сложной семейной общины*¹⁾ иногда употребляются не въ одномъ и томъ-же смыслѣ. А потому слѣдуетъ замѣтить, что мы будемъ, слѣдуя болѣе обычной терминологіи, называть *малой* семейю такую, которая состоитъ изъ родителей и неженатыхъ дѣтей, *большой* семейей—такую, въ которой живутъ родители съ женатыми и замужними дѣтьми, и наконецъ *семейной общиной* такую форму семьи, когда живутъ нераздѣльно братья или дяди съ племянниками, сдольники и пр.

Итакъ, какую форму семьи изъ трехъ названныхъ можно признать здѣсь господствующею? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить абсолютно. Дѣло въ томъ, что раздѣлы дѣлаютъ свое дѣло, они проникаютъ не только въ семейную общину и разлагаютъ ее, но все чаще и чаще замѣщаются даже выдѣлы женатыхъ сыновей отъ отца. Поэтому здѣсь и отвѣтъ можетъ быть данъ только приблизительно. Я думаю, что едвали будетъ ошибочнымъ признать преобладающею формою семьи въ Минской губ.—семью большую. Выдѣлы сыновей при жизни отца, какъ увидимъ, все еще считается явленіемъ необычайнымъ, обусловливаемымъ специальнымъ положеніемъ той или другой семьи, а также не признаваемымъ за общее правило.

Стремленіе къ раздѣламъ при жизни родителей замѣчается лишь оазисами въ различныхъ мѣстностяхъ: въ однихъ ихъ совсѣмъ не знаютъ, въ другихъ, наоборотъ, именно эта послѣдняя форма прививается все болѣе и болѣе, съ каждымъ годомъ число такихъ семей увеличивается, и уже образуются правовыя нормы, опредѣляющія порядокъ раздѣла. Такъ, напр., въ Дерновичской волости (юго-восточный уголъ Рѣчицкаго у.) выдѣлы сыновей при жизни отца почти неизвѣстны. Если онъ и бываетъ, то далеко не полный: отецъ строитъ сыновьямъ у себя на дворѣ отдѣльныя хаты, въ которыхъ помѣщается каждая новая семья, но земля, скотъ, орудія—все находится въ общемъ владѣніи, дѣлятъ вмѣстѣ, вмѣстѣ и работаютъ. Каждая семья имѣетъ лишь въ отдѣльномъ владѣніи платье и другія мелкія вещи, деньги лично ею заработанныя и пр., т. е. соблюдается тотъ же порядокъ,

¹⁾ Ср. Пахамъ, Обычное право, т. II, стр. 137.

как и в семье, живущей в одной избѣ. Обостренныхъ отношений между отцомъ и сыновьями, подѣла землею и скотомъ почти не встрѣчается. Ни одного дѣла мѣстнаго суда (съ 60 годовъ до нашего времени) нѣтъ такого, гдѣ бы сынъ жаловался на отца или наоборотъ.

То же слѣдуетъ сказать и относительно многихъ другихъ мѣстностей Рѣчицкаго, Мозырскаго, Минскаго и Новогрудскаго уѣздовъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать лично, или откуда у меня имѣются свѣдѣнія.

Но весьма оригинальное явленіе мы замѣчаемъ въ Пинскомъ уѣздѣ. Глухое Полѣсьѣ, болотистость этой мѣстности, сравнительно первобытнѣйшей всего мировоззрѣнія пинчука—сохранили много архаичныхъ особенностей быта, во многихъ отношеніяхъ. Но не смотря на это здѣсь именно разложеніе большой семьи и семейной общины идетъ наиболѣе быстрыми шагами. Раздѣлы здѣсь охватываютъ весь уѣздъ повально и именно въ самые послѣдніе годы. Еще поколѣтіе средняго возраста не знало ихъ, смотря съ ужасомъ на то, что дѣлаютъ молодые, но покорятся необходимости. Нормы раздѣловъ не установились: дѣла волостныхъ правленій переполнены жалобами родителей и дѣтей другъ на друга, указывающими на самыя ожесточенныя отношенія тѣхъ и другихъ. Но еще болѣе замѣчательно то, что именно здѣсь-же мы находимъ наиболѣе типическіе остатки не только большой семьи въ строгомъ смыслѣ, но и семейной общины. Вслѣдствіи мы увидимъ, что экономическія причины заставляютъ здѣсь быстро разлагаться большія семьи и общины. Но гдѣ тяжесть экономическаго быта не довела семью до разложенія, тамъ въ томъ же Пинскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ самыя строгіе и чистыя типы ея. Здѣсь мнѣ перѣдко приходилось встрѣчать семейныя общины въ 15—25 человекъ, между тѣмъ какъ въ другихъ уѣздахъ такіа общины уже большая рѣдкость. Я имѣю лишь краткія указанія на существовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минскаго уѣзда общины въ 25—30 человекъ и даже до 50, въ Бобруйскомъ у. встрѣчались семьи въ 17 челов. Такимъ образомъ очевидно, что тогда какъ въ бѣлорусскихъ уѣздахъ Минской губ. семейная община представляетъ собою отживающій типъ и нормальнымъ типомъ семейной организаціи мы должны признать большую семью, въ свою очередь стремящуюся перейти въ малую, —въ Пинскомъ уѣздѣ мы, повидимому, присутствуемъ при непосредственномъ переходѣ семейной общины въ малую семью. При этомъ типъ большой семьи остается здѣсь, конечно, не безъизвѣстнымъ, но онъ не успѣлъ еще укорениться, проникнуть во все населеніе, какъ вдругъ новый порядокъ вещей, новыя отношенія сразу вызываютъ къ еще болѣе простой формѣ семьи,—именно къ малой. Въ виду все болѣе усиливающихся раздѣловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже признается болѣе удобнымъ раздѣлъ при жизни отца, чтобы предупредить раздоры послѣ смерти главы

семьи. Такой порядокъ вырабатывается, напр., въ Горбачевичской и Городокской вол. Бобр. у.

Таково общее впечатлѣніе, которое выносить наблюдатель.

Но чтобы дать читателю болѣе осязательное представленіе о составѣ семейной общины, мы приведемъ нѣсколько указаній изъ имѣющихся у насъ рѣшеній волостныхъ судовъ о лицахъ, которые входятъ въ составъ общины. Такая справка дастъ возможность ясно представить взаимныя отношенія членовъ, хотя, слѣшивъ замѣтить, она не можетъ дать выводовъ о количественномъ отношеніи общины къ семьѣ, какъ бы послѣднее ни было желательнымъ. Кроме того, тутъ же мы увидимъ и степень жизнестойкости этого института въ средѣ крестьянъ: чѣмъ болѣе далекое родство отдѣляетъ сожительствующихъ членовъ, тѣмъ большую силу, кажется намъ, долженъ имѣть самъ институтъ.

Чаще всего мы встрѣчаемъ, что живутъ вмѣстѣ родные семейные братья. Такихъ общинъ повсемѣстно мнѣ приходилось встрѣчать очень много, и онѣ представляютъ обычный и простѣйшій видъ семейной общины. Иногда такая семья держится до самой смерти братьевъ, или до смерти одного изъ нихъ и разстраивается уже двоюродными братьями, хотя не рѣдко можно видѣть, что посѣдѣвшіе братья расходятся на отдѣльныя хозяйства, чаще всего вслѣдствіе несогласія среди младшихъ членовъ. Затѣмъ встрѣчаемъ указанія на сожительство дядей съ племянникомъ; изъ одного рѣшенія видно, что двое дядей жили съ племянникомъ, община разложилась, при чемъ племянникъ остался жить съ однимъ изъ дядей: сожительство такое иногда бываетъ настолько продолжительно, что племянникъ отдѣляется съ взрослыми уже сыновьями (Рѣч. и Бобр. уѣзды). Но эта община, основанная на чисто родственныхъ и при томъ близкихъ отношеніяхъ, представляетъ явленіе довольно понятное, какъ слабыя пережитки родовой общины.

Для насъ особенный интересъ имѣютъ случаи сложена *искусственной* общины, или по крайней мѣрѣ такой, въ которой члены не связаны близкимъ родствомъ, а для совмѣстнаго сожительства должны были сойтись на извѣстныхъ условіяхъ.

Я приведу нѣсколько примѣровъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Такъ, односельцы Антонъ и Корней Борисевичи въ с. Озаричахъ Пинскаго уѣзда (изъ другого дѣла видно, что они не считаютъ себя родственниками даже согласились жить вмѣстѣ, при чемъ Корней принялъ на свое хозяйство Антона. Послѣдній „прожилъ семь лѣтъ, привелъ его (Корнеево) хозяйство въ хорошее состояніе, трудился какъ самъ, такъ рано и жена его и выкупили участокъ земли его, Корней, который былъ въ арендѣ у еврея за тридцать рублей“. Корней выгоняетъ изъ дому Антона, а потому послѣдній требуетъ за трудъ его 100 р. Корней признаетъ трудъ Антона и удовлетворилъ искъ по-

сдѣлно. Антош считался въ семьѣ Корней—*семяниномъ*—обычный терминъ для подобнаго рода принятыхъ въ домѣ; семяниномъ называютъ иногда и дальнихъ родственниковъ, также сожительствующихъ вмѣстѣ.

Въ Бобруйскомъ у. приняты въ семью въ качествѣ семянина носить название *сдолникоу*, и эта форма семейной общины является здѣсь довольно распространенной, не смотря на одновременно усиливающеся разложение большой семьи. И здѣсь сдолничество вызывается чисто экономическими причинами: вдова остается съ малолѣтними сыномъ, не можетъ сама управлять хозяйствомъ и принимаетъ къ себѣ сдолника; захудавшій по тѣмъ или другимъ причинамъ домохозяинъ точно также подыскиваетъ себѣ сдолника съ здоровыми руками, а иногда и съ хозяйственнымъ инвентаремъ. Для большей прочности договора, обѣ стороны очень часто заключаютъ формальный договоръ въ волостномъ правленіи. Въ договорѣ точно опредѣляется, въ какихъ отношеніяхъ стоять обѣ стороны, кто изъ нихъ будетъ заведывать хозяйствомъ, наконецъ самую существенную часть договора составляетъ условіе о землѣ¹⁾.

¹⁾ Приведемъ для примѣра два условія сдолника съ хозяиномъ: „1876 года февраля 19 дня, мы, крестьяне дер. Дѣдко, вдова Парасковія Росликъ и Иванъ Труханъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1. Я, Парасковія Росликъ, будучи въ немолодомъ вѣкѣ и оставшись вдовою съ малолѣтнимъ сыномъ Петромъ, не въ силахъ сама удержать оставшагося послѣ мужа моего хозяйства и обрабатывать землю и уплачивать за оную платежи, за лучше признала для поддержанія себя и хозяйства принять въ домъ свой Ивана Трухана, который обязанъ управлять всѣмъ хозяйствомъ, смотрѣть за онымъ какъ за своимъ собственнымъ, меня уважать какъ старшую, а малолѣтняго сына моего до достиженія совершеннолѣтій воспитывать, какъ свое собственное дитя; за что по смерти моей Иванъ Труханъ вступить въ права наследства наравнѣ съ сыномъ моимъ Петромъ, т. е. половину всего движимаго имущества и половину часть земли; на случай же Иванъ Труханъ долго не захочетъ находиться у меня и не будетъ смотрѣть за хозяйствомъ, то я удерживать права имѣть не буду, но тогда къ половинѣ хозяйства и земли Иванъ Труханъ права имѣть не будетъ, а когда проживетъ со мною до совершеннолѣтія сына моего Петра, тогда будетъ имѣть право къ половинной части. Ни я, ни сынъ мой прекословить въ отдачѣ части не будемъ, причѣмъ вѣняю въ обязанность Ивану и то, что уплатить денегъ за разная казенная повинности лежать должна на обязанности его, Ивана, а зарабатывать деньги на эти надобности обязаны вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ.— 2. Я, Иванъ Труханъ, на все предложенное 1 пунктомъ вдовою Парасковіею Росликъ согласенъ и обязанъ исполнить въ точности. Подписи“ (Горбач. вол., книга сдѣлокъ 1876 г. ст. 2).

„1874 года апрѣля 29 дня мы, нижеподписавшіеся, крест. дер. Богущовки, Иванъ Корбутъ и Константинъ Тарасевичъ, заключили условіе въ слѣдующемъ: Я, Иванъ Корбутъ, будучи бездѣльнымъ и не въ состояніи выплачивать за отведенный мнѣ участокъ земли подъ № 13 и обрабатывать оный, уступаю крестьянину одной со мною деревни Константину Тарасевичу, и считая занимаемой имъ на моемъ участкѣ усадебной земли,—половину всей пахотной, сѣнокошной и подъ дѣсомъ въ

сдолника или семянина народъ нѣкоимъ образомъ не смѣшиваетъ съ пріемышемъ. Пріемышь это тотъ, кто принятъ въ дѣтствѣ *за сына мнѣ*, *за сына*, или *за дочь*. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что крестьяне дѣлаютъ различіе даже между пріемышемъ въ собственномъ смыслѣ (за сына), отъ пріемыша, который, выросши, становится въ семьѣ уже въ качествѣ сдолника. Хозяинъ не будетъ называть такого пріемыша сыномъ, а пріемышь хозяина—отцомъ. Въ Бобр. у. съ десяти лѣтъ полный пріемышь считается въ семьѣ сдолникомъ.

Сдолникъ, являясь въ принимающую его семью, часто вноситъ съ собою и свою долю имущества, въ видѣ инвентаря, наличныхъ денегъ или даже земли. Такъ, въ одномъ случаѣ сдолникъ внесъ „40 руб., сало, муку и разную хозяйственную рухлядь“ (Бобр.). Въ другомъ случаѣ споръ шелъ за сѣбянное рожье такого сдолника поле (Пин.); одинъ семянинъ въ Дерновичской вол. внесъ 3½ осмины ржи, 1 осмину овса, 10 гарнецъ ячменя, 1 осм. ярицы, 10 гарнецъ картофеля и т. д. Однимъ словомъ, сдолникъ, кромѣ своего труда, вноситъ еще и капиталъ.

Положеніе, которое занимаетъ семянинъ въ семьѣ, зависитъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ онъ принятъ. Если принимающая его самъ заправляетъ хозяйствомъ, то сдолникъ является младшимъ, подчиненнымъ членомъ въ семьѣ. Одно, напр., рѣшеніе суда такъ опредѣляетъ положеніе такого сдолника: онъ принятъ въ семью „какъ родственникъ“, „съ тѣмъ, что онъ обязанъ работать въ его, Якіма, хозяйствѣ, какъ на своемъ собственномъ, нести должное повиновеніе и находиться съ Якимомъ до конца жизни“ (Бобр. у.). Но если въ семьѣ нѣтъ хозяина, или хозяинъ умираетъ, оставивъ младшихъ членовъ семьи, то и сдолникъ становится во главѣ хозяйства, и его прерогативы по отношенію къ остальнымъ членамъ ничѣмъ не отличаются отъ власти и значенія главы семьи, хозяина.

количествомъ 9 десятинъ. Постройка, произведенная Тарасевичемъ, должна оставаться за нимъ и не тронута съ занимаемаго ею теперь мѣста, при чемъ ставлю въ условіе, что плату за половину участка долженъ вносить Тарасевичъ; кромѣ того онъ долженъ отбывать всѣ общественныя и натуральныя повинности за полный участокъ, т. е. какъ за свою, такъ и за мою половину надѣла и уплачивать за меня мірской сборъ. За полъ-участка же, который я оставляю за собой, я долженъ выкупной платежъ вносить самъ, а также казенныя подати лежать на мнѣ. Обязательства, налагаемые мною на Тарасевича, обязательны для него до смерти моей и жены моей или же до переуступки мною законно оставленнаго себѣ полъ-участка земли другому лицу, въ такомъ случаѣ Тарасевичъ всѣ причитающіяся платежи и повинности долженъ нести за полъ-участка.— Я, Константинъ Тарасевичъ, принимаю въ свое вѣчное и потомства моего пользование переуступленный мнѣ Иваномъ Корбутомъ полъ-участка земли, всѣ вышеположенные на меня обязательства долженъ исполнить. Условіе же, заключенное между нами на счетъ участка земли въ 1867 г. апрѣля 2 дня, настоящимъ условіемъ уничтожается и теряетъ силу. Подписи“ (Тамъ же, кн. 1874 г., ст. 2).

Такъ, напр., мужъ и жена Наумчики и сынъ ихъ Ковалько (пасынокъ Наумчика) жаловались суду на притѣсненія со стороны семейнина—главаря и просили раздѣла. Судъ не только не удовлетворилъ ихъ просьбы, потому что не соглашался главарь семьи, но даже наказалъ Христину Наумчикову, которая была признана причиною ссоры въ семьѣ (Дерн. в.). Въ одномъ судебномъ рѣшеніи мы даже встрѣчаемъ своего рода наставленіе суда, что развѣ семейникъ „какъ старшій управляетъ хозяйствомъ по смерти отца“ (т. е. бывшаго хозяина), то ему должны остальные члены семьи повиноваться „какъ старшему“.

Цѣль, которая соединяетъ эти искусственныя семейныя общины,—это общій трудъ: одинъ изъ участниковъ имѣетъ землю, но почему либо неуспѣшно ее обрабатываетъ, за неимѣніемъ ли скота, посѣвовъ и т. п. Входящій въ соглашеніе приноситъ не только свой трудъ, который отъ полагается на обработку земли, но также и кое какое имущество, и за то получаетъ, конечно, право на имущество, приобретаемое съ момента договора общими трудами. Поэтому имущественныя отношенія играютъ огромную роль въ такой семьѣ. Не только движимое имущество становится общимъ достояніемъ, но и земли. Срокъ договора, подразумеваемый, или же прямо выраженный въ условіи,—смерть одного изъ контрагентовъ. Если этотъ срокъ выполненъ, то сдольникъ или его наслѣдники приобретаютъ такія же права на землю, какъ и члены семьи—родственники.

Права сдольника на землю въ народномъ представленіи имѣютъ большое значеніе, и волостной судъ, хотя иногда стороны и не были связаны формальнымъ условіемъ, хотя такая передача надѣльной земли и не находить себѣ одобренія въ средѣ членовъ крестьянскихъ присутствій, тѣмъ не менѣе прилагаетъ всѣ усилія для подтвержденія правъ сдольника, выдѣляя ему части земли наравнѣ съ прямыми наслѣдниками¹⁾. Если наслѣдни-

¹⁾ Приводимъ одно изъ такихъ рѣшеній (Горбац. вол.): „Кресг. дер. Сычкова Осипъ Рудацъ жаловался на односельца своего Антона Рудака, который захватилъ противозаконно въ свою пользу двѣ трети изъ участка земли, который получалъ въ надѣлъ при дѣйствіяхъ Люстраціонной коммисіи его нынѣ покойный отецъ Корнѣй, а ему оставилъ въ пользованіе лишь одну третью часть. Такъ какъ Антонъ Рудацъ былъ только сдольникомъ его отца, то онъ, считая себя прямымъ наслѣдникомъ на оставшуюся послѣ смерти отца землю, проситъ судъ предоставить ему право пользоваться еще одною третью частью, т. е. двумя третями земли.—Сирошенный Антонъ Рудацъ показалъ, что онъ не жадеетъ дать Осипу земли для пользованія потому, что у него большая семья и кромя, что землею онъ пользуется уже довольно долгое время.—*Справка*: по ревизской сказкѣ по дер. Сычковѣ подъ № 2 имѣется слѣдующая запись: Корнѣй Яковлевъ Рудацъ—умеръ; его сыновья: 1. Иванъ—умеръ, 2. Осипъ 12 лѣтъ.—Антонъ Петровъ 27 л., его сыновья: 1. Иванъ 2 л., и 2. Викторъ 1 годъ.—По выкупному акту по дер. Сычкова подъ № 1 на имя Кирилла Яковлева Рудака записанъ участокъ земли въ 22, 18, десят.—Антонъ Рудацъ добавилъ, что

ковъ нѣтъ, то земля вся должна перейти къ сдольнику. Иногда подобныя сдѣлки разстраиваются до срока; въ такомъ случаѣ удовлетвореніе обѣихъ сторонъ судомъ зависитъ отъ условій договора и отъ причинъ, почему семья разстроилась. Такъ, какъ видно изъ одного рѣшенія, дядя привѣлъ племянника „въ помощъ къ себѣ“ (значитъ, въ качествѣ сдольника), но послѣдній ушелъ, причѣмъ все таки получилъ отъ дяди шесть десятинъ земли. Въ другомъ случаѣ было заключено условіе, срокъ котораго истекъ со смертью принимавшаго; земля должна была перейти въ личное владѣніе сдольника, но стороны, вслѣдствіе ссоры, разошлись, и сдольникъ получилъ обратно только внесенныя имъ деньги. Иногда, впрочемъ, сдольникъ, развѣ условіе нарушено при такихъ обстоятельствахъ, что раздѣлъ земли невозможенъ, требуетъ отъ принявшаго его хозяина плату за проработанное время,—и судъ въ такихъ случаяхъ никогда не отказываетъ.

Въ этомъ отношеніи, очевидно, принимается въ расчетъ трудъ, положенный семейникомъ на обработку земли,—принципъ, котораго держатся бѣлоруссы и въ другихъ случаяхъ, какъ ниже увидимъ.

Всякая семья или семейная община, естественная или искусственная, имѣетъ своего представителя. Онъ не носитъ опредѣленнаго названія, какъ большакъ въ великорусской, или домашнѣ въ сербской общинѣ; названіе, которымъ опредѣляютъ такого представителя семьи,—это *хозяинъ*, *бабка* для сыновей, *дядька* для живущихъ въ семьѣ младшихъ родственниковъ и пріемныхъ членовъ. Значеніе такого хозяина опредѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ завѣдуетъ всѣми мужскими въ домѣ работами. Отъ него зависитъ, какъ распределить работу, кому какое назначить дѣло, что именно дѣлать въ тотъ или другой день и т. д. Распредѣленіе работъ дѣлается съ вечера, за ужиномъ. Старшіе въ семьѣ, взрослые сыновья, братья или семейники въ общинѣ, принимаютъ участіе въ домашнихъ совѣтахъ по поводу работъ, но только въ болѣе важныхъ случаяхъ. Передъ началомъ жатвы, жатвы, сѣнокоса, передъ продажей хлѣба, покупкой скота, постройками и т. п., хотя домашніе и обьявляются мыслями не развѣ и уже успѣютъ согласиться даже на этотъ счетъ, но все таки хозяину надлежитъ официально начать объ этомъ рѣчь за ужиномъ, если за дѣло предстоитъ принять въ слѣдующій же день, или въ воскресенье за обѣдомъ. Передъ жатвой, сѣнокосомъ и пр. хозяинъ еще развѣ отправляется

этой землею онъ пользуется уже 17 лѣтъ.—Волостъ судъ, по выслушаніи сторонъ и наведенной справкѣ изъ ревизскихъ сказокъ и выкупныхъ документовъ, руков. 107 ст. о Полож. продавалъ дѣло кончить миромъ; но за неспосѣдованіемъ такового, разрѣшая настояще дѣло, судъ нашелъ, что Осипъ Рудацъ до настоящаго времени не простираалъ претензій къ Антону Рудаку за землю и что Антонъ Рудацъ по его показанію пользуется этой землею уже около 17 лѣтъ, а потому судъ рѣшилъ: въ жалобѣ Осипу Рудаку отказать. Подписи судей“.

осмотреть поле, лугъ, приносить съ собою нѣсколько колосьевъ, травы; передъ закупкою чего нибудь, или передъ продажей онъ еще разъ спрашивается, хотя-бы раньше и то и другое и третье ему было извѣстно,—и тогда уже начинается рѣчь, сообщивши результаты предварительныхъ развѣдокъ. Отвѣчаютъ прежде всего старшіе члены семьи, наконецъ высказываетъ свое мнѣніе хозяинка, а хозяинъ дѣлаетъ уже распоряженіе; распределение обычныхъ работъ на слѣдующій день дѣлается безъ совѣта, самими хозяиномъ. Но никакой работы не могутъ предпринять даже старшіе члены семьи безъ порученія хозяина. Если кто либо изъ семьи находитъ нужнымъ то или другое сдѣлать, считаетъ, что уже пора начать ту или другую работу, то онъ только сообщаетъ объ этомъ хозяину, предлагаетъ ему сдѣлать соответствующее распоряженіе. Хозяинъ почти всегда бываетъ и казначеемъ семьи; у него хранятся общія деньги, онъ получаетъ выручки отъ продажи, производитъ и платежи и т. п. Впрочемъ, иногда этимъ завѣдуетъ хозяйка. Наконецъ, ему-же принадлежитъ наблюденіе за поведеніемъ молодыхъ членовъ семьи; онъ слѣдитъ за дочерями, своими и своихъ сообщинниковъ, слѣдитъ за ихъ нравственностью, за поведеніемъ парней, заставляетъ лѣнливыхъ работать, наказываетъ провинившихся; отпускаетъ на заработки свободныхъ отъ общихъ работъ, отдаетъ внаймы младшихъ членовъ, если это оказывается нужнымъ и т. п. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ сообщаетъ, что онъ въ Пинскомъ и Мозырскомъ уѣздахъ встрѣчалъ семьи въ 40 душъ, а въ др. уѣздахъ душъ по 25, и вездѣ въ такихъ семьяхъ, воли отца, матери или старшаго дяди, вообще, самаго старшаго въ семействѣ члена, священна для всего семейства; безъ его воли ничто важное не бываетъ въ семействѣ, при спорахъ члены присѣгаютъ къ его посредству¹⁾.

Хозяинъ окруженъ знаками уваженія и почета. Онъ садится за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ—на куту—въ углу подъ образами, такъ что сидѣть на кутѣ—синонимъ хозяина дома; прочіе члены по старшинству, рядомъ съ нимъ, женщины на противоположной сторонѣ стола, хозяйка всегда съ краю. Онъ представитель и хранитель домашнего благочестія; онъ творитъ общую молитву передъ пищей и начинаетъ самъ есть, а за нимъ остальные члены по старшинству. Онъ же наблюдаетъ за соблюдениемъ праздниковъ и всѣхъ необходимыхъ обрядовъ; среди послѣднихъ особенно важная роль хозяина тамъ, гдѣ выражается почитаніе душъ умершихъ предковъ; онъ во время „дзядо“ (поминальная вечеря) послѣ молитвы призываетъ души умершихъ „дзядо“, бабокъ“ на вечеру“, отливаетъ имъ часть пиши на столъ, ставитъ ее за окно на ночь и пр. Подобные же обряды совершаются имъ и послѣ смерти кого-нибудь изъ членовъ семьи¹⁾.

¹⁾ Ср. Довнаръ Запольскій, Записки по бѣлорусской этнографіи, Живая Старина.

Несомнѣнно, что въ этихъ случаяхъ бѣлорусскаго хозяина легко узнать великорусскаго большака, сербскаго домачина, вообще на немъ лежатъ черты древняго домоладыки. Однако, власть хозяина въ семьѣ не бываетъ деспотической, потому что всякая несправедливость съ его стороны, всякое угнетеніе кого либо изъ членовъ, неумѣлое распоряженіе имуществомъ, неопытность его въ работахъ, лѣнны, пьянство и т. п. неминуемо ведутъ за собою общій протестъ членовъ, который кончается раздѣломъ или, въ рѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ, что дѣла въ свои руки беретъ старшій изъ членовъ, напр., второй братъ или-же старшій сынъ при отцѣ. Хозяинъ можетъ имъ долженъ дѣлать лишь то, что требуется общимъ интересомъ семьи, и только въ этомъ отношеніи и съ этою цѣлью остальные члены ему повинуются. Хозяинъ въ то же время долженъ быть умѣлымъ и хорошимъ работникомъ, чтобы имѣть право наставлять и понуждать другихъ. При кособѣ, напр., хозяинъ всегда становится первымъ, съ правой стороны отъ него остальные: отъ скорости работы перваго косари зависитъ работа остальныхъ, такъ какъ эти равняются съ первымъ и т. п. Хозяинъ является представителемъ и приобретателемъ общаго семейнаго имущества, но онъ не можетъ имъ распоряжаться во вредъ семьи.

Для подтвержденія сказаннаго о власти главы семьи—независимо отъ его родственныхъ отношеній,—мы приведемъ характерную выдержку изъ одного судебного рѣшенія. По поводу жалобъ младшихъ членовъ семьи на главаря-сольника, „судъ постановилъ: такъ какъ въ хозяйственномъ быту необходимо, чтобы одинъ изъ членовъ семейства былъ главою и наблюдалъ за хозяйственнымъ порядкомъ, а прочіе члены должны подчиняться его власти и исполнять беспрекословно всѣ его законныя распоряженія, безъ чего не можетъ быть должнаго порядка въ хозяйствѣ, а потому, Осипу (жаловавшемуся на главаря), какъ много младшему противъ Антона, внушить повиновеніе къ Антону, какъ старшему члену и извѣстному своимъ хорошимъ поведеніемъ; а за ругательство наказатъ Осина 10 ударами розогъ; а Антона жену, какъ дозволяющую присваивать себѣ болѣе власти, чѣмъ указываетъ законный порядокъ, посадить на одни сутки въ карцеръ; Антона же за данное послабленіе своей женѣ општрафовать въ 75 коп. въ мірскую сумму“ (Бобр.). Таковъ сложный приговоръ суда. И эта мотивировка не случайна—она только подробнѣе другихъ. Въ нашихъ рѣшеніяхъ мы можемъ указать цѣлый рядъ аналогичныхъ поученій и словесныхъ и тѣлесныхъ строптивымъ младшимъ членамъ семьи. Судъ обязываетъ младшаго брата „во всемъ повиноваться и слушаться старшаго брата“, слушаться отца, старшаго родственника и пр.—повторяется въ очень многихъ рѣшеніяхъ.

Въ отношеніи имущества отецъ или вообще главарь не можетъ распоряжаться землею произвольно, не можетъ ни продать ее, ни передать.

(Дерн. в.), и даже если онъ продаетъ при малолѣтствѣ дѣтей, то судъ признаетъ такую продажу недействительной и возвращаетъ землю законному наследнику (Пин. и Рѣч.) Впрочемъ, за дурное поведение сына, сопротивленіе отцовской власти, родители могутъ лишитъ его по крайней мѣрѣ части всего имущества, передавъ остальное чужому лицу,—такіе случаи намъ извѣстны изъ рѣшеній вѣкоторыхъ судовъ; хотя бывали ли случаи полного лишенія наследственного имущества, неизвѣстно. Юридическое значеніе отца прекращается надъ сыновьями съ момента раздѣла его съ ними: если онъ продолжаетъ заниматься хозяйствомъ, то оставляетъ себѣ равную часть съ сыновьями. По одному дѣлу сынъ жаловался на своего брата и отца: при раздѣлѣ отецъ не далъ ему равной части гумна и хлѣба и пренятствовалъ ему владѣть третью частью сѣнокоса. Судъ удовлетворилъ просьбу сына, признавъ права сына на $\frac{1}{3}$ всего имущества (Пин.); то-же подтверждается и другими случаями. Разъ отецъ раздѣлялъ сыновей при своей еще жизни, то для него остается лишь сфера нравственного вліянія. Онъ можетъ, поселившись при одномъ изъ сыновей, помогать ему въ работѣ, совѣтами и пр.

Разумѣется, если семья не распалась со смертью отца, то она продолжаетъ существовать въ видѣ общины. Хозяиномъ въ такомъ случаѣ становится кто-либо изъ старшихъ членовъ—братъ умершаго, старшій сынъ, семьянинъ или примакъ, если нѣтъ братьевъ или взрослыхъ сыновей покойнаго. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ распорядительницей хозяйства дѣлается мать семейства, жена умершаго; это не считается правиломъ и болѣе или менѣе высокое положеніе хозяйки по смерти мужа зависитъ отъ ея личныхъ качествъ. Въ такомъ случаѣ старшій изъ мужскихъ членовъ все-таки распоряжается мужскою работою, но общія деньги и общій ходъ дѣлъ переходить въ руки хозяйки. Случаевъ избранія главара мнѣ не приходилось встрѣчать, и его, кажется, не бываетъ. Дѣло, повидимому, устраивается само собой, а не устроится—слѣдуетъ раздѣл. Такъ, напр., въ рѣшеніяхъ судовъ встрѣчаемъ указанія, что старшимъ въ семьѣ былъ примакъ, племянникъ умершаго сдольника и пр. Во всякомъ случаѣ, вновь признанный хозяйинъ, хотя и не отецъ всей семьѣ, пользуется всѣми правами хозяина, и власть и значеніе его тѣмъ больше, чѣмъ въ болѣе близкомъ родственномъ отношеніи онъ находится ко всей семьѣ, напр., если онъ старшій изъ братьевъ. Вліяніе такихъ представителей семьи, какъ отчимъ, примакъ, семьянинъ, всецѣло зиждется на ихъ умѣнн управлѣнн. Во всякомъ случаѣ, народный обычай признаетъ за такимъ хозяиномъ полныя права; судъ наказываетъ пасынка за непочтеніе къ отчиму, не разрѣшаетъ раздѣла, требуемаго младшими членами, при нежеланн дяди-главаря (напр., Пин.) или старшаго брата и т. п.

Въ семьѣ поддерживается самое строгое распредѣленіе труда на мужъ

скія и женскія работы. Мужскими работами считаются: запашка, посѣвъ, борошеніе, косыба, возка сѣна и сноповъ съ луга и поля, молотѣба, досмотръ скота зимою, возка и рубка дровъ, наконецъ, изъ приготовления одежды—заготовленіе лаптей. Женщины обязаны готовить пиццу для всей семьи, носить воду, засѣвать огородъ, дѣлать на немъ гряды, полоть его, полоть ленъ, картофель, копать картофель, и выдергивать ленъ на полѣ, убирать коношлю, жать хлѣбъ; ткать сукно и полотно, и шить бѣлье всей семьѣ, смотрѣть за молочными продуктами. Въ завѣдываннн женщнцъ находится носильное бѣлье и вообще платье. Кромѣ того въ большихъ же семьяхъ существуетъ еще болѣе мелкое распредѣленіе труда, сообразно возрасту и умѣнн членовъ. И это раздѣленіе наблюдается точно, особенно въ большихъ семьяхъ и общинахъ. Но въ малыхъ семьяхъ работы мужа, жены и дочерей часто перепутываются, и не рѣдко встрѣтитъ дѣвушку, которая прекрасно коситъ, молотитъ, пашетъ и т. п. Во всякомъ случаѣ это вызывается лишь настоятельною потребностью и безъ нужды никто не вмѣшается въ работу другою. Дѣлать для мужчины женскую работу считается даже «ззорнымъ». Мужчина самъ ни за что не станетъ доставать изъ печурн пиццу: для этого должна прнйтн хозяйка или невѣстка, которой поручено приготовленіе пиццы (это занятіе принадлежитъ старшей женщнцѣ въ семьѣ и только вслѣдствіе старости самой хозяйки передается старшей невѣсткѣ или братовой). Мужчина не можетъ достать изъ сундука бѣлья, хлѣба или сала передъ отправленіемъ въ дорогу—все это дѣло хозяйки¹⁾.

Какъ хозяйинъ является главнымъ распорядителемъ мужскихъ работъ, такъ хозяйка, мать для родныхъ дѣтей, «цѣтка» для старшихъ членовъ общины, и «баба», «хаджайка» для равныхъ,—является распорядительницею всей женской половины общины. Она обыкновенно бываетъ самая старшая въ домѣ женщина, чаще всего жена хозяина. Она, какъ уже было сказано, иногда является представительницей общины. Народный судъ въ такихъ случаяхъ поддерживаетъ ее. Такъ, однажды мать заявила суду, что старшій сынъ ея и его жена желаютъ раздѣла, а она и младшій сынъ и его

1) Чтобы представить себѣ эту строгость въ распредѣленн занятій, я приведу одинъ случай. Случилось мнѣ быть въ гостяхъ у одного старика, старшины волости. Отъ него мы вмѣстѣ возвратились въ волостное правленіе и на слѣдующій день условіемъ проѣхать явлюсь въ сосѣднее село. Вдругъ старикъ заявляетъ, что ему еще нужно «обгѣять» домой (верстъ за 10). «Зачѣмъ?»—«А жке, объяснилъ онъ,—завтра явдзля, а я поѣду на своей волости у грязной сарочцѣ и штаняхъ?» «Икежъ я начальство буду?»—«добавилъ онъ смѣясь—«Такъ отчего-же вы не надѣли дома: вѣдь мы только что были у васъ?»—«Э, да ны было хаджайки (старшей невѣстки). Яна мые и шіе, яна дае, а я хуба што знаю?»—«объявляя онъ. Я воспользовался случаемъ поразспроситъ его, почему существуетъ то или другое распредѣленіе обязанностей въ семьѣ. Сущность его объясненн сводится къ тому, что «што хто зрабуйт на хозяйства, нахай той и выдае усимъ».

жена не желают; старший сын с женою служит причиною ссоры в семье. Тогда судья не только приказал им жить нераздельно, но определил старшего сына наказать 16 ударами розог, а его жену четырехдневным арестом.

Положение женщины в белорусской семье далеко не может быть названо угнетенным. Она является полной хозяйкой в своей сфере, помощницей и советницей мужа. По отношению к детям народный взгляд требует также полного почтения со стороны последних к матери. Дети вообще находятся на ее попечении; только парни, летъ съ 14, когда они уже подростают на столько, что годятся для болѣе легких работъ при обработкѣ земли, напр., боронять, возять снопы, сѣно и пр. переходят въ непосредственное распоряженіе домохозяина. До этого же времени они, а дѣвочки до самаго выхода замужъ, находятся исключительно въ вѣдѣніи матери; въ то-же отношеніи становятся и невѣстки, хотя положеніе последнихъ нѣсколько тяжелѣе. Мать также обязана приготовить для дочери приданое. Юридическое положеніе женщины сводится къ тому, что она можетъ, при неизбѣнннхъ прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдовать отцовское имущество и землю, если останется на родительскомъ хозяйствѣ, о чемъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже. Она же признается опекушкой своихъ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія, считается въ это время полной хозяйкой въ распоряженіи землей и др. имуществомъ. Распоряженія, сдѣланныя матерью во время малолѣтства дѣтей, признаются законными и не подлежатъ отменѣ. Такъ, по одному дѣлу вдова вошла въ соглашеніе съ деверями относительно раздѣла земли; черезъ пять лѣтъ сыновья заявили недовольство раздѣломъ, но судъ въ ихъ искѣ отказалъ (Пин.).

Какъ участникъ въ общемъ трудѣ, женщина получаетъ права на имущество, приобретенное общими ея съ мужемъ трудами. Но она лично не имѣетъ никакого права на имущество, которое взято мужемъ изъ его семьи, составляло его семейную собственность. Такъ, одно рѣшеніе волостного суда дало такой результатъ: Семенъ Мяликъ жаловался на второго мужа своей братовой, жены умершаго его брата Антона, въ томъ, что та завладѣла строениями, столярными инструментами, коровою и пр. имуществомъ его покойнаго брата. На судѣ обвиненіе подтвердилось, но выяснилось и то, что имущество приобретено мужемъ и женою вмѣстѣ, кромѣ коровы и столярныхъ инструментовъ. И судъ предоставилъ вдовѣ, хотя у нея и не было дѣтей, владѣть благоприобрѣтеннымъ имуществомъ, а корову и инструменты, „какъ взятые покойнымъ нынѣ Антономъ Мяликомъ отъ своихъ родителей, за неоставленіемъ послѣ себя дѣтей покойнымъ, возвратить въ домъ родителей покойнаго“ (Пин.).

Другое дѣло указываетъ, что жена по мужу наслѣдуетъ часть имущества, приобретеннаго совместно на землѣ т. е. хлѣба и пр. (ib).

Вислѣдствіи еще разъ мы коснемся правъ наслѣдованія женщины; но для настоящей нашей цѣли приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть равноправное положеніе мужа и жены въ имущественномъ отношеніи, равнымъ образомъ и сравнительно высокое ея нравственное положеніе относительно дѣтей и мужа.

Чтобы покончить съ характеристикою положенія старшихъ членовъ семьи, здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о престарѣлыхъ и вдовыхъ ея членахъ. Разъ семья не раздѣлилась, то престарѣлые члены ея живутъ, разумѣется, въ ней. Если отецъ дѣлается старъ, завѣдывать хозяйствомъ не хочетъ, онъ передаетъ его старшему сыну. Съ этого момента отецъ не властенъ распоряжаться имуществомъ и землею. Все его значеніе въ домѣ сводится на то нравственное вліяніе, которое онъ можетъ оказывать. Если сыновья затѣваютъ раздѣлъ, то онъ не можетъ воспрепятствовать ему, разъ всѣ согласны; онъ вправе требовать себѣ лишь извѣстную часть имущества на прокормленіе. Родители обыкновенно напередъ, передавая хозяйство сыну, выговариваютъ себѣ извѣстную часть имущества, которую они передадутъ тому изъ сыновей, у котораго будутъ жить. Если же этого они не сдѣлаютъ почему либо, то судъ самъ, въ случаѣ споровъ, дѣлаетъ такой выдѣлъ. Такъ, по одному дѣлу, судъ удержалъ изъ общаго имущества въ пользу старика отца амбаръ, который старикъ долженъ былъ отдать своей замужней дочери съ тѣмъ, чтобы она его до смерти одѣвала, а невѣстка (сынъ умеръ) получила шубу съ тѣмъ, что она должна кормить старика (Пин.). Но эта семья была безземельная. Въ другихъ случаяхъ отцу выдѣляется еще участокъ земли. Такъ, по одному рѣшенію изъ Рѣчицкаго у., видимъ, что отецъ, состарѣвшись, оставилъ себѣ участокъ земли и поселеніе у младшаго сына. По смерти отца судъ присудилъ младшему сыну $\frac{2}{3}$ отцовскаго участка, а $\frac{1}{3}$ старшему; мотивъ тотъ, что отецъ былъ бо-дѣзненный (значитъ, не могъ помогать въ работѣ), и содержалъ его младшій сынъ безъ помощи старшаго.

Тотъ же принципъ приводится и въ другихъ рѣшеніяхъ. Такъ, по одному рѣшенію изъ Пинскаго у. отцу была оставлена на прокормленіе $\frac{1}{7}$ часть земли, которая и досталась кормившему его сыну (Пин.). За старухою—матерью въ этомъ случаѣ, кажется, не признается права оставлять за собой часть земли (если произошелъ раздѣлъ, хотя бы по распоряженію ея покойнаго мужа), но за то судъ обязываетъ сыновей кормить и одѣвать ее до смерти. Имѣющаеся у насъ по этому поводу рѣшеніе говоритъ, впрочемъ, глупо: оно не разъясшило сыновьямъ раздѣлиться вообще, но обязало содержать мать при себѣ (Пин.). Матери чаще всего выдѣляется часть изъ строеній, скота и хлѣба, передаваемыхъ ею тому сыну, у котораго она поселяется. Сынъ, у котораго селятся старики всегда бываетъ младшій, ему же достается отцовская селитба. Разсчетъ, заставляющій придерживаться пре-

стынь этого обычая, заключается въ томъ, что младшій сынъ всегда моложе, семья у него меньше, и какъ бы ни стары были родители, все-таки ихъ трудъ можетъ пригодиться въ малой семьѣ.

Что касается вдовыхъ членовъ семьи, то вопросъ о вдовѣ не имѣетъ особеннаго интереса. Если вдовецъ имѣетъ малолѣтнихъ дѣтей, онъ, независимо отъ своего возраста, женится нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти своей жены. Правда, вдовецъ очень рѣдко женится на дѣвушкѣ; развѣ очень бѣдной, опороченной или съ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ. Вдовецъ и вдова—обычная пара. Если же вдовецъ имѣетъ взрослыхъ дѣтей, то его юридическое положеніе въ семьѣ не измѣняется со смертью жены.

Положеніе вдовы—совсѣмъ другое. Въ немъ надо различать нѣсколько сторонъ: надо различать положеніе старой женщины, остающейся вдовой послѣ раздѣла дѣтей, или когда раздѣлъ произошелъ уже при ней, и положеніе вдовы, остающейся главою семьи, до ея раздѣла, или опекушкой при подрастающихъ дѣтяхъ. Объ обоихъ случаяхъ мы уже говорили, а обѣ опекѣ рѣчь будетъ впереди. Если же женщина остается вдовой при малолѣтнихъ дѣтяхъ послѣ раздѣла семьи ея мужа, то она вступаетъ въ управленіе хозяйствомъ и можетъ принять къ себѣ въ домъ примака или сдольника. Она является хозяйкою въ домѣ, распоряжается семейнымъ имуществомъ, и даже отецъ покойнаго мужа не можетъ отнять этого имущества¹⁾.

1) Сопшемся на слѣд. примѣръ изъ рѣшеній Телеханской вол. Пин. у.: „Борисъ Курятникъ жаловался словесно волостному суду на жену сына своего, нынѣ умершаго Купрана, Людмилу о неотдачѣ ему, Борису, амбара и одрины и избы, которая строенія имъ были построены при жизни сына.—Вслѣдствіе жалобы Бориса Курятника была спрошена крестьянка Людмила Ятковская, которая показала: что она не въ состояніи дать ему требуемаго строенія, такъ какъ имѣетъ четверыхъ дѣтей, безъ земли, а содержать его при себѣ она не отказывается. По выслушаніи жалобы Бориса Курятника, и показанія Людмилы Ятковской, волостной судъ, состоящій изъ трехъ судей, предложилъ обѣимъ сторонамъ примириться, но обѣ стороны не примирились. Рѣшилъ: Людмила Ятковская обязана отдать Борису Курятнику амбаръ съ тѣмъ, чтобы онъ, Курятникъ, таковой передалъ дочери своей Евдокии, которая обязана будетъ одѣвать его до смерти; жить же Курятникъ долженъ у Людмилы Ятковской, которая обязана его кормить и уплачивать всѣ повинности за него до смерти и послѣ оной, если будетъ требоваться“.

Въ данномъ случаѣ дѣло усложняется попеченіемъ о престарѣломъ отцѣ. Дѣло обстояло такъ: отецъ выдѣлилъ сына и дочь, слѣдовательно, распоряжаться имуществомъ уже не можетъ. По смерти сына, онъ хочетъ отнять имущество отъ семьи покойнаго, чему судъ воспрепятствовалъ однако. По отношенію къ престарѣлому отцу на вдовѣ его сына лежатъ обязанности поддерживать старика, которая судъ въ данномъ случаѣ раздѣлилъ между невѣсткою и дочерью, оставивъ однако основную долю имущества въ семьѣ покойнаго сына, равно какъ и главѣйшія обязанности по отношенію къ отцу. Однимъ словомъ, судъ смотритъ на вдову точно также, какъ смотритъ на отношенія сына—хозяйина къ отцу.

Иное дѣло, если вдова выходитъ замужъ на другой надѣлъ; въ такомъ случаѣ земля остается за наследниками, а права вдовы на распоряженіе семейнымъ имуществомъ прекращаются.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вдова бываетъ хозяйкою въ домѣ мужа. Но если женщина остается вдовой до раздѣла, положеніе ея совсѣмъ иное. Связь, скрѣплявшая ее съ семейю мужа, порвалась. Ей предстоитъ дилемма: или оставаться въ семьѣ мужа въ качествѣ работницы, или же удалиться въ родную семью. Наблюденія надъ практикою народной жизни показываютъ, что послѣдній исходъ является наиболее обычнымъ. Въ имущественномъ отношеніи, вдова не имѣетъ правъ на общинное имущество ея мужа; по свое приданое и все, что было приобретено ею лично въ семьѣ мужа, вдова получаетъ обратно; точно также она имѣетъ право на движимое имущество, приобретенное ею совмѣстными съ мужемъ трудомъ, о чемъ мы уже говорили; наконецъ, иногда вдовѣ предоставляется право требовать отъ семьи покойнаго мужа плату за проработанное время.

Но нѣтъ никакихъ данныхъ на то, чтобы вдова, удаляющаяся изъ семьи мужа, могла рассчитывать на полученіе части изъ семейнаго имущества, въ видѣ временнаго или постояннаго пособія, на прокормленіе себя лично. Весь вопросъ въ дѣтяхъ: вдова можетъ ихъ взять съ собою, можетъ и оставить ихъ въ семьѣ мужа. Семья покойнаго обязана дать на прокормленіе дѣтей, „на воспитаніе“, какъ выражаются судебныя рѣшенія. Пособіе это бываетъ одновременное или, рѣже впрочемъ, постоянное. Такъ, изъ одного рѣшенія видно, что вдовѣ на „воспитаніе“ ребенка судъ присудилъ корову, цѣною въ 5 р., и подл-кошны ржи въ 2½ р.; въ другомъ—по осмниѣ овса и гречихи, по чашкѣ ржи, ячменя, пшеницы, двѣ бочки картофеля и телушкы.

Перейдемъ къ положенію дѣтей въ семьѣ.

Дѣти съ раннихъ лѣтъ исполняютъ тѣ или другія хозяйственныя обязанности, и чѣмъ семья меньше, тѣмъ раньше крестьянскій простоты знакомится съ суровымъ трудомъ. Съ пяти лѣтъ ребенокъ нянчить своихъ прохотныхъ братьевъ и сестеръ, съ 7—8—онъ уже пастухъ, идетъ за возомъ и пр.; съ 12 лѣтъ для мальчика начинаются первыя упражненія въ земледѣліи: онъ сгребаетъ сѣно, боронитъ, съ пятнадцати лѣтъ берется за плѣгъ, косу, а еще года черезъ два и за соху, такъ что къ 20 годамъ онъ уже хлѣборобъ, прошедшій всѣ академическіе курсы крестьянскаго хозяйства. Дѣвушка къ 16—17 гт. знаетъ женскія работы. Разумѣется, интенсивность труда подростковъ всецѣло зависитъ отъ состава и экономическаго благосостоянія семьи.

Юридическія права дѣти получаютъ, по народному взгляду, только съ момента вступленія въ бракъ. До этого времени они не вмѣшиваются

въ общую семейную жизнь, съ нихъ меньше и требуется¹⁾. Но тѣмъ не менѣе за ними признается право частной собственности, если они усѣютъ ее приобрести отдѣльною работою; особенно много удобствъ для такихъ приобретений предоставляется дѣвушкамъ: она должна копить приданое; почти всегда въ этомъ ей помогаетъ сама мать. Такими источниками служатъ издѣлья женскаго труда. Женщины обращаютъ въ свою исключительную пользу излишекъ отъ продажи произведеній, которыя ими обрабатываются. Онѣ обрабатываютъ и продаютъ ленъ, коноплю, выдѣлываютъ изъ нихъ полотно и нитки, отдѣляя лишь въ пользу семьи столько, сколько нужно для одежды, а изъ конопли—столько, сколько мужчинамъ нужно на веревки, шнурки. Особенно распространено выдѣлываніе конопли. Имъ же идетъ часть огородныхъ овощей, которыя онѣ продаютъ, а также молочные продукты и шерсть, получаемые со скота, который привела мать въ приданное отъ своихъ родителей. Наконецъ, собирая грибы, ягоды и орѣховъ доставляетъ также женской половинѣ не малый доходъ. Всѣми этими путями накопается имущество, находящееся въ исключительномъ владѣніи женщины семьи, изъ котораго выдѣляется дочерямъ приданое. Въ подгородныхъ селахъ малоземельные родители отдають своихъ сыновей и дочерей въ наемъ, при чемъ, смотря по обстоятельствамъ, деньги то поступаютъ въ общую кассу, то составляютъ частную собственность дѣтей, то, наконецъ, семья только беретъ часть изъ нихъ. Это зависитъ отъ того, съ какою цѣлью хозяинъ отпускаетъ члена семьи на заработки, на какихъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе дѣти, до вступленія въ бракъ, фактически не владѣютъ своими приобретениями; они сдаютъ ихъ матери и получаютъ только при женитбѣ; деньги, нужные на украшенія, выдаетъ мать. Такъ какъ за дѣтьми не признается юридическихъ правъ, то они не могутъ лично вступать въ какия бы то ни было обязательства. Сынъ, дочь отдаются въ наемъ отцомъ или матерью, и за исправное отбываніе ими службы отвѣчаетъ отецъ, и онъ же получаетъ слѣдующія за наемъ деньги независимо отъ того, въ чью пользу онъ пойдутъ. Такъ, крестьянинъ Телеханской волости с. Богдановки жаловался волостному суду на другого крестьянина, „который отдалъ сына своего Данила въ работники ему, Богдановичу, съ условіемъ въ годъ жалованья 11 р. и шанокъ картофеля“. Но сынъ черезъ три недѣли ушелъ со службы, а отецъ отдалъ его другому хозяину. Отецъ и сынъ оправдавались тѣмъ, что сынъ ушелъ „по своей охотѣ“. Но судъ, „за дозволеніе сыну самовольно оставлять службу“, взыскалъ съ отца убытковъ въ пользу иста 3 р., и штрафъ въ пользу волости въ 1 р. По другому рѣшенію видно, что отецъ отдалъ въ наемъ сына за 24 р. въ годъ и взялъ впередъ плату хлѣбомъ и скотомъ; сынъ ушелъ со службы, и судъ приговорилъ взыскать

¹⁾ Они „отгуливають свае“, какъ говорятъ бѣлоруссы.

деньги съ отца. Равными правами повсемѣстно пользуются и въ равныхъ условіяхъ считается по отношенію къ дѣтямъ и мать, отъ которой также зависитъ отдача въ наемъ дѣтей¹⁾. Точно также отецъ или мать отдають дѣтей въ обученіе²⁾ ремесленнику.

¹⁾ Для примѣра приводимъ образецъ такого условія изъ Горбачев. вол. Бобр. у. 1877 года Января 18 дня. Мы, нижеподписавшіеся, съ одной стороны Иванъ Вериго и помѣщикъ Доменнъ Вириша заключая условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Иванъ Вериго, имѣя сына по имени Антона, *отдалъ во услуженіе помѣщику Вириши на два года*, срокъ службы долженъ считаться съ 1 Апрѣля 1877 г. при чемъ ставлю въ обязанность моему сыну Антону, что онъ долженъ повиноваться во всемъ Виришѣ и его женѣ; въ случаѣ неповиновенія я принимаю обязанность на себя, какъ отецъ, заставить сына своего быть вѣжливымъ человѣкомъ, по службѣ исполнять все, что будутъ отъ него они требовать г. Вириши; во время службы сына черезъ два года бѣлые, какъ то: рубахи и подштанники обязуюсь давать самъ, а верхнюю одежду—свиту, коужу и штаны должны быть помѣщика, харчъ для сына долженъ быть помѣщика хорошаго качества. За службу сына Вириша долженъ мнѣ ежегодно уплатить по тридцати рублей и деньги всѣ сполна за два года долженъ уплатить впередъ. Програльныхъ дней быть не должно, въ случаѣ таковы по какимъ либо причинамъ окажутся, то сынъ мой тѣ дни долженъ отслужить послѣ окончанія срока службы.—На случай если мой сынъ сдѣлаетъ какое либо преступленіе или воровство, то я, какъ отецъ, отвѣтственность принимаю на себя, а если сынъ броситъ службу у помѣщика Вириши, въ такомъ случаѣ я подвергаю себя штрафу 25 рублей.—2, Я, Вириша принимаю къ себѣ въ услуженіе сына Ивана Вериго. Автона, и на все сказанное въ 1 пунктѣ условія согласенъ.—Подписи.

²⁾ Приведемъ для примѣра одно изъ такихъ условій изъ той же волости (сдѣлка 1876 г.): Мы нижеподписавшіеся крест. дер. Богушовки Федора Перегудова и житель дер. Богушовки еврей Берка Иоселевъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Перегудова, будучи вдовомъ и имѣю дѣтей, коихъ съ трудомъ могу пропитать, и не имѣя махѣйшаго хозяйства и собственной земли, за лучшее обдумалася: Старшаго сына отдать въ обученіе какого нибудь ремесла, а какъ въ дер. Богушевкѣ постоянно проживають кузнецъ Еселевъ, тѣ для обученія кузнечнаго мастерства старшаго сына моего Гавриила отдамъ въ термінацію на 5 лѣтъ, т. е. по 15 іюля 1881 года, сказанному Еселеву съ обязательствомъ за науку сейчасъ уплатить ему 20 р. и кромѣ сего 6 мѣсяцевъ своего сына кормить и одинъ годъ одѣвать, а послѣдніе 4 года Еселевъ обязанъ его принять на свой столъ и давать верхнюю одежду и обувь, сподною же одежду я обязуюсь черезъ всѣ пять лѣтъ давать своему сыну свою; на случай же придется выхѣть кузнецу изъ дер. Богушовки прежде окончанія срока термінаціи моему сыну, то срывать его не въправѣ, и онъ обязанъ тамъ быть, гдѣ и его хозяинъ, съ тѣмъ только, что тогда Еселевъ обязанъ его одѣвать какъ верхнюю, такъ и сподною одеждою. Когда мой сынъ будетъ до исполненія срока вносить въ ревизскія сказки, то всѣ повинности подушные и мірскіе сборы уплачиваетъ кузнецъ; исходатайствованіе билета, если случится, на отлучку лежитъ на обязанности Еселева; при чемъ вмѣняется въ обязанность моему сыну Гавриилу хозяина своего слушать и ему повиноваться до окончанія 5 лѣтняго срока.—2, Я, Еселевъ, принимаю къ себѣ сына вдовы Перегудовой, Гавриила, обязуюсь его смотрѣть и учить кузнечной работѣ, на сколько самъ понимаю, обходиться съ нимъ обязуюсь честно и благопріятно, на предложенный пунктъ 1 условія во всемъ согласенъ.—Подписи.

Заканчивая характеристику положения кровных членов семьи, нам следовало бы коснуться взаимных личных отношений мужа к жене и родителей к детям. Но эта сторона семейных отношений, конечно, слабо формулирована в обычном праве. Это такая среда народных обычаев, о которой в настоящее время можно сказать весьма мало точного. Семейные чувства вообще мало считаются с законом, тем более в настоящее время, когда крестьянская семья реорганизуется, когда вдовой обычаи все более и более уступают новым влияниям, в которых личные отношения играют большую роль. Мы можем лишь подблиться своими личными впечатлениями¹⁾.

В белорусской семье жестокое обращение мужа с женой—явление очень редкое, даже более того—исключительное. Только пьянство мужа нарушает мирный ход семейной жизни, но в такой семье жизнь вообще бывает ненормальной. Впрочем, обычай предоставляет право жене уйти от мужа (что равносильно разводу), если муж жестоко обращается с ней. Но если жена уходит без причины, и дело доходит до волостного суда, последний—на стороне мужа. Так, в одном случае муж жаловался на тещу и брата своей жены, что вследствие их наговоров жена покинула его. В свое оправдание жена приводила то, что муж ее—человек бездельный, а семья мужа ее недолюбливает. Интересен приговор суда: жене за оставление мужа и неуважение к нему была приговорена к общественным работам на неделю; брата жены наказали пятнадцать ударами, тещу—штрафом в один рубль, брата истца „за неведение хорошего порядка в доме“—оштрафовали в один рубль; все вместе судь вменил в обязанность: „жить в доме хорошо и чтобы споров не было“.

Обычай вменяет жене повиноваться мужу, но это повиновение не слепое, это повиновение младшего члена семьи к старшим. Отдельность личного имущества, разделение труда, законное обычаем участие в общих делах,—все это придает женщине известную самостоятельность и устраняет частые поводы к семейным раздорам. Вообще, хорошее отношение мужа к жене—явление вполне обычное²⁾.

1) В статьях моих, помещенных в „Вид. Вѣст.“ за 1890—1 г. (ЖМ 202—262; 9—28), не вышедших, к сожалению, отдельной книгой, мне пришлось подробно изложить наблюдения над личными отношениями в семье.

2) Там, где личные впечатления не подтверждаются объективными данными, весьма важно наблюдение многих лиц, с разных сторон соприкасающихся с народной жизнью. Вот что говорит об отношениях мужа к жене нар. уч. П. П. Демидович, отыскавший мне на соответственный запрос: „Муж считается главой семьи, а жена должна находиться в полном его подчинении. Но подчинение жены мужу не во всякой семье одинаково. Хотя в редких случаях, но бывает, что это подчинение сдается совершенно обратным явлением, а именно подчине-

нием мужа жене, а еще чаще равновомь мужа и жены. Как бы то ни было, жена всегда считает себя вправе заявить свой протест, если ей муж сдает что-нибудь по хозяйству не по ее враву“.—Относительно драк он говорит, что они бывають очень редко и вообще можно сказать, что драки между крестьянскими супругами не составляют обыкновенного явления. Крестьянин Ярмакович нам писал по этому поводу: „у нас муж с женою живут мирно; бывають ссоры только тогда, когду муж пьяница“ и т. д.

Столь же мягко отношение белорусца к своим детям. Отец и мать любят своих детей, и в большой семье работа детей по возможности облегчается. Если вы спросите крестьянина, как дети должны относиться к родителям и к старшим вообще, он вам объяснит, что дети должны повиноваться родителям, детей не должно „распускать“ и пр., но все эти правила обиходной морали не проявляются по отношению к детям в суровой форме. Споры родителей с малолетними детьми не доходят до суда. Другое дело споры взрослых сыновей, отделившихся от отца, или желающих отделиться. Такие дела в некоторых местностях (например в Пинском у., в подгородных волостях Вобр. у.) очень и очень редки; в судебных решениях по этому поводу и скывается народный взгляд на отношения родителей и детей. Отчасти мы уже с этим взглядом знакомы, потому что нам приходилось говорить об отношении младших членов семьи к хозяйну. Отец, по отношению к взрослым детям, занимает положение хозяина. Взгляд суда на отношения взрослых детей к родителям весьма интересен. Судь смотрит так, что дети должны повиноваться родителям, но если они не повинуются, то родители сами виноваты в этом. В одном случае, напр., мать жаловалась суду на своих двух сыновей за непослушание. Свидетели показали, что братья живут „не спокойно между собою“, а мать „дает им сама потачку“. Судь помирил тяжущихся так: старшего присудил к 15 ударам, младшего к 10, причем старшему вменено в обязанность повиноваться матери, младшему—повиноваться матери и старшему брату; самую мать судь приговорил отправить на богомолье в приходскую церковь на покаяние за то, что она неумет мирить детей. Вообще судь очень строго преследует неповиновение детей к родителям, семейных ссор и пр., когда они ведут к требованию детьми разрыва, вообще к разрушению семьи. В случаях разрыва непочтения детей к родителям или младших к старшим, судь присуждает виновных мужичь к телесному наказанию, а женщин к штрафам, общественным работам, к заключению при арестантской волостного правления; в других случаях судь лишь вменяет в обязанность „младшим повиноваться старшим“. Но судь не падит и родителей и старших, если они сами служат причиною раздоров. Мы не зна-

емь фактов, когда бы судъ наказывалъ такъ или иначе отца или вообще хозяина, но среди рѣшеній суда есть случаи наказанія работою матери за ссоры въ семьѣ (Бобр. у.).

Судъ неоднократно говорить, что дѣти, вообще младше члены семьи, должны исполнять „законныя въ хозяйственномъ быту распоряженія“ домохозяина, слѣдовательно незаконное, т. е. неоснованное на обычномъ правѣ отношеніи родителей къ дѣтямъ, судъ неодобряетъ и самъ присуждаетъ раздѣлъ въ такой семьѣ. Въ одномъ, напр., случаѣ отецъ несправедливо относился къ сыну и не желалъ въ то же время выдѣлить ему часть имущества. Судъ заставилъ отца выдѣлить часть имущества сыну съ слѣд. мотивировкой: „хотя распоряженіе дѣтьми по праву и принадлежить родителямъ, но опросомъ свидѣтелей доказано жестокое обращеніе Авраама Ф. съ своимъ старшимъ сыномъ и его семействомъ“ (Бобр. у.).

Такимъ образомъ, судъ не поощряетъ непочтительнаго отношенія дѣтей къ отцу, ссоръ въ семьѣ и пр., но въ то-же время и ненормальное отношеніе отца къ дѣтямъ порицаетъ общественнымъ мнѣніемъ. И это послѣднее обстоятельство еще разъ указываетъ на то, что по народнымъ понятіямъ обоюдныя отношенія родителей и дѣтей не должны отличаться рѣзкостью, грубостью.

Мы рассмотрѣли положеніе представителей семьи, хозяина и хозяйки, и родителей къ дѣтямъ. Теперь намъ нужно перейти къ рассмотрѣнію положенія такихъ членовъ, которые принимаются въ семью и не связаны, до вступленія въ нее, кровнымъ родствомъ, именно положеніе невестки въ домѣ свекра, примака въ домѣ тестя и приемныхъ сыновей и сямьяниновъ. Тогда какъ положеніе невестки опредѣляется значеніемъ въ народномъ мировоззрѣніи брачной сдѣлки, положеніе примака, приемыша и сямьянина опредѣляется тѣмъ, въ какое отношеніе они поставлены къ землѣ тестя, или приемнаго отца. А потому мы перейдемъ къ рассмотрѣнію этихъ сторовъ обычнаго права.

II.

Какъ и вездѣ въ Россіи, бѣлорусская молодежь обоего пола имѣетъ не мало случаевъ, чтобы познакомиться и сойтись задолго до того времени, когда наступитъ время вступленія въ бракъ. Средствами такого общенія служатъ собранія молодежи, которыя бывають въ разное время года и по разнымъ случаямъ. Это—„кирмаши“ (ярмарки), „хвесты“ (храмовые праздники), „прощи“—мѣста въ честь какого нибудь святаго или праздника, подъ покровительствомъ котораго считается священный колодезь, источникъ, вѣстѣ, часовня, обыкновенно стоящіе гдѣ нибудь въ уединеніи—въ лѣсу, болотѣ; туда и собираются въ извѣстные дни года жители окрестныхъ де-

ревень. На эти собранія стекается все окрестное крестьянство; старики,—чтобы поглядѣться съ родственниками изъ сосѣднихъ деревень, купить что нибудь у прѣзжихъ продавцовъ, помолиться, а молодежь охотно собирается, чтобы пѣть, танцовать; переборчивый паренъ,—чтобы высмотрѣть себѣ невесту покрасивѣе и побогаче, а дѣвушка, особенно дочь богатыхъ родителей, чтобы показать себя „богатырямъ“ (богачамъ) сосѣдней деревни (для бѣдныхъ, говорятъ бѣлоруссы, и въ своемъ „кутку“ хватить мужей). Все это собирается въ разноцвѣтныхъ пестрыхъ костюмахъ. На дѣвушкахъ ярко горятъ красные „андаракы“, волосы ихъ украшены яркими „китайками“, посеребряныя, а не то мѣдныя кольца и серьги, бусы, яркіе платки, сверху накинута бѣлая свитка—весь праздничный нарядъ бѣлорусской красавицы. Парни не отстаютъ отъ дѣвушекъ: въ длинныхъ „чабояхъ“, въ камзолѣ чернаго или сянга цѣвта съ яркими стеклыными или металлическими пуговицами, въ поясахъ, охватывающихъ шесть—семь разъ станъ, въ свиткахъ и высокиихъ бѣлыхъ валенныхъ шапкахъ, теперь обычно замѣняющихся фуражками съ козырькомъ,—присутствуютъ тутъ-же.

Въ своей деревнѣ парни и дѣвушки имѣютъ также не мало случаевъ къ сближенію. Лѣтомъ они собираются по праздникамъ для игры; устраивають такъ называемыя „игрища“—нѣчто вродѣ деревенскихъ баловъ и пр. Но болѣе интимнымъ характеромъ отличаются малолюдныя зимнія собранія молодежи—„вечорки“, посидѣлки. Дѣвушки извѣстнаго „кутка“ деревни собираются по вечерамъ у кого нибудь изъ сосѣдей, прядутъ и поютъ пѣсни, старуха рассказываетъ имъ сказки. Сюда же собираются и парни¹⁾.

Извѣстно этнологическое значеніе этихъ посидѣлокъ²⁾. На сколько вліяетъ сближеніе молодыхъ людей обоего пола на заключеніе между ними браковъ,—въ этомъ случаѣ взгляды стараго и молодого поколѣнія совершенно противоположны. Тогда какъ молодое поколѣніе стремится добиться все болшей и болшей свободы выбора себѣ пары, старое и среднее даже поколѣніе этого совершенно не знало³⁾. И теперь еще старое поколѣніе оказываетъ сильное сопротивленіе абсолютной свободѣ выбора. Особенно это относится къ большимъ семьямъ и общинамъ. Ни время отдачи замужъ или женитьбы, ни личныя симпатіи здѣсь не могутъ имѣть значенія разѣ семейей предлагаемая связь признается неподходящей исполнѣ, или несвое-

1) Подробности о собраніяхъ бѣлорусской молодежи см. въ нашей статьѣ „Живая Старина“, 1893. II.

2) Ср. напр., Ковалевскій, Первобытное право, в. II, 5—6.

3) „Якъ мы были маладце,—можно слышать нерѣдко рассказы,—лькь ня було таго, кабъ неси за того хлопча, зъ кимъ на вѣчорахъ любіаась; але такъ. якъ скажудь бацька зъ маткой неси за каго, за таго й идучъ. Паплачамъ трохи, а потымъ ўѣб тые маладочи и забудуца“.

временной. Уступка, которая дѣлается семьей, состоитъ въ томъ, что она стремится согласить свои интересы съ интересами молодежи. Родители разумеютъ, съ кѣмъ „любится“ ихъ сынъ или дочь, и, если это не идетъ совершенно въ разрѣзъ съ интересами семьи, стараются избѣжать спорныхъ и раздора и сдѣлать по желанію парня или дѣвушки. Разумѣется, въ малыхъ семьяхъ дѣтямъ предоставляется больше свободы выбора: личныя чувства родителей, влияние которе имѣютъ сынъ или дочь, какъ единственные работники, большая очевидность пользы, приносимой ими въ хозяйство, — все это скорѣе склоняетъ родителей къ уступкамъ личнымъ симпатиямъ дѣтей.

Во всякомъ случаѣ, соображенія экономическаго характера играютъ очень видную роль при заключеніи брака, а родители стремятся поставить ихъ на первомъ планѣ. Съ свадьбой старшаго сына всегда сѣбшать, такъ какъ семья пужается въ работницѣ. Напротивъ, старшую дочь стараются по той. Кромѣ того, и въ томъ и другомъ случаѣ нужны расходы, которые иногда тяжело ложатся на бюджетъ семьи, а дочери при томъ нужно скупить еще „выправу“, т. е. приданое изъ одежды, бѣлыя и проч.

И эти соображенія настолько важны, что часто на два-три и больше года оттягиваютъ свадьбу бѣдныхъ. Въ одномъ актѣ мы имѣемъ соображеніе и другого еще характера, при чемъ мы встрѣчаемъ и указаніе на существованіе обычая уславливаться о женитбѣ дѣтей до ихъ совершенноно по письменному договору съ тѣмъ, однако, устнымъ условіемъ, чтобы понацать лѣтъ взявшій надѣлъ не исполнилъ условія о женитбѣ сына, то отецъ дочери отнять надѣлъ, и судъ оставилъ землю за нимъ (Рѣч. у.). Такимъ образомъ, судъ не призналъ незаконность такого договора, а счелъ его разстроившимся потому, что не было соблюдено и другое условіе. Очень видно, отецъ дочери, не имѣя возможности обрабатывать самъ землю и платить за нее подати, не желалъ передать ее въ чужія руки или въ руки общества, но передавалъ въ пользованіе и для обогащенія семьи своего будущаго зятя. Это же дѣло еще разъ подтверждаетъ сказанное нами о значеніи родителей въ женитбѣ своихъ дѣтей вообще.

Институтъ приданого въ видѣ денегъ мало извѣстенъ бѣлоруссамъ. Я имѣю свидѣнія о томъ, что оно начинаетъ распространяться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минскаго у. и доходитъ иногда до 100 и больше рублей, но все же считается явленіемъ новымъ, которое практикуется лишь у богатыхъ крестьянъ; иногда такимъ образомъ выдаютъ состоятельные родители свою дочь, завѣдомо опороченную, за бѣднаго парня. Такимъ образомъ, оно не можетъ играть существенной роли въ крестьянскомъ

быту. Но съ другой стороны и „выправа“, „пасагъ“, которая дается невѣстѣ, хотя затрудняютъ семью, выдающую дочь, но не могутъ имѣть большого значенія для той семьи, въ которую вносятся, во первыхъ, потому, что приданое принадлежитъ не ей, а невѣсткѣ, а во вторыхъ, потому, что оно состоитъ изъ такихъ вещей, которые въ хозяйствѣ не имѣютъ значенія. Поэтому, все значеніе вновь вступающаго члена въ семью сводится исключительно къ цѣнности его, какъ рабочей силы, и выборъ невѣсты съ этой стороны очень строгъ. Красота, часто даже богатство, не имѣютъ значенія въ глазахъ бѣлоруса; ему прежде всего нужна хорошая работница, и только эти качества высоко стоятъ въ глазахъ хозяина. Единственное условіе, которое требуется отъ невѣсты, это ея непорочность; она имѣетъ еще и теперь повсемѣстно весьма важное значеніе. Опороченная дѣвушка съ трудомъ находитъ себѣ жениха, чаще всего вдовца или бѣднаго сироту. Дѣвушка, рѣшившаяся выйти замужъ и обманувшая семью и мужа на счетъ своей нравственности, не только сама и вся ея семья, родственники и сваты подвергаются поруганію, но часто такая свадьба совсѣмъ разстраивается, или же молодые расходятся и не живутъ по нѣскольку лѣтъ, пока какъ нибудь обѣ стороны не помиряется. Непорочность часто узнается до церковнаго вѣнчанія. Одна часть свадебнаго ритуала — *посадъ*, когда невѣсту сажаютъ на почетномъ мѣстѣ, совершается во многихъ мѣстахъ не послѣ вѣнчанія, а накануне. Рѣдная дѣвушка рѣшится съѣсть на посадѣ, потерявши дѣломудріе, а если она не сядетъ, то это служитъ ей сознаніемъ. Тогда весь свадебный поѣздъ жениха, послѣ доброй перебранки, часто драки, упрековъ, требованій назадъ расходовъ, удаляется обратно, и свадьба разстраивается. Только заступничество жениха, принимающаго грѣхъ на себя, можетъ спасти дѣвушку, но и тогда она не избѣгнетъ упрековъ своей и жениховой родни. Замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ гдѣ сохранились болѣе древнія черты свадебнаго ритуала, непорочность требуется и отъ жениха, и отказъ его съѣсть на посадѣ влечетъ за собою точно такія-же послѣдствія¹⁾.

Но при этомъ нравственною обязанностью считается для парня, опороченного дѣвушку, на ней жениться. На этомъ настаиваетъ не только вся семья дѣвушки, но вся ея родня, также и родственники жениха, такъ что парень рѣдко можетъ уклониться отъ женитбы. Сожительство безъ церковнаго вѣнчанія „на сумленье“ (на совѣсть), хотя и встрѣчается, но рѣдко, обыкновенно, среди дальнихъ родственниковъ, которые однако по церковнымъ правиламъ не могутъ вѣнчаться.

¹⁾ Довнаръ-Запольскій, Бѣлор. свадьба въ культ.-религіозн. пережиткахъ, „Этн. Обзор“, кн. XIX, стр. 26 и слѣд.

Выше было упомянуто о свадебных расходах и о выправѣ невесты¹⁾.

Не безинтересно рассмотреть этот вопрос подробнѣе, такъ какъ онъ играетъ важную роль въ крестьянскомъ быту. По одному моему источнику свадебные расходы исчисляются минимумъ рублей въ 30 со стороны жениха и рублей въ 20—25 со стороны невесты, а наибольшіе доходятъ у жениха до 75 р. и у невесты до 50 р. Главную роль въ расходахъ играть съ той и другой стороны водка, которая у жениха занимаетъ половину расходовъ, у невесты третью часть²⁾. Выправа или посяда, который обязательно должна внести невеста, какъ бы она ни была бѣдна,—это одежда на годъ, а по прежнимъ порядкамъ непременно на 7 лѣтъ, постель (подушки, пуховикъ, „пирина“ и „ковдра“—одѣяло изъ домашней шерсти) и что нибудь изъ скота—овцу, свинью, корову. Но о приданомъ болѣе состоятельной невесты мы можемъ судить по нѣкоторымъ рѣшеніямъ валостныхъ судовъ. Одно рѣшеніе исчисляетъ такъ приданое: бочка въ 3 р., 2

1) Свадебнаго обряда я не привожу здѣсь, хотя онъ и касается нѣкоторыми своими сторонами обычнаго права. Свадебный обрядъ описанъ и рассмотрѣнъ мною въ слѣд. работахъ: „Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни“, Кіевъ 1898 г.; „Бѣлорусская свадьба въ культ.-религіозныхъ пережиткахъ“, Обзор., кн. XVI, XVII, XIX; „Мотивы свад. пѣсенъ Пинчуковъ“, Гродно 1893 г.

2) Привожу примѣрную сумму свадебныхъ расходовъ средней семьи (Минск. у.).

Расходы у „молодого“:

3—5 р. на водку во время запойнъ (3—5 гарнцевъ).

1 р. музыканту во время свадьбы.

5—10 р. водка на свадьбѣ.

3—10 р. священнику.

Мелкіе расходы:

Дружкамъ за выкупъ невесты 5—10 коп.

Врату невесты „ „ 5—15 коп.

За выкупъ сундука (куфарь)—брату 5—30 коп.

За проводы сундука музыканту 3—5 коп.

Непредвидѣнные расходы 50 к.—1 р. и болѣе.

По приему родителей 3—4 р.

Расходы у невесты меньше:

Ни запойнахъ отъ 80 коп. до 1 р. 20 к.

Водка на свадьбѣ—3—8 р.

Коровой 1—2 р.

Мелкіе расходы: цвѣты, пояса и пр.—1—3 р.

Хотя сумма наша составлена на основаніи фактическихъ данныхъ, но это свадьба небогатая, и потому всѣ расходы увеличиваются въ богатыхъ семьяхъ. Сами же статьи расхода вездѣ остаются неизмѣнными.

Къ свадебнымъ расходамъ отчасти относится и свадебная одежда невесты и „куфарь“ (сундукъ для приданого): подвѣнечный ситцевый уборъ—около 1 р. 50 к., куфарь—2—3 р., свитки—7—10 р.

кубла (кадка для сызда бѣлья, одежды)—4 р., веревка—1 р. 50 к., 2 топора на 2 р. 50 к., свитка—2 р., сани—1 р., бочка картофеля—3 р., 2 тофяка—2 р., бычокъ—3 р., 47 возовъ навозу—9 р. 40 к., амбаръ—10 р., всего на 41 р. 40 к. (По другому акту невеста имѣла корову, двое телятъ, овцу, свинью, и др. (Пин.).

Что касается юридическаго значенія брачной сдѣлки, то прежде всего отмѣтимъ, что нарушена она можетъ быть послѣ сватовства и послѣ сговора, т. наз. вторыхъ и третьихъ „запойнъ“. Какъ для жениха, такъ и для невесты считается безславіемъ отказъ противной стороны, но послѣ сватовства онъ бываетъ чаще и считается болѣе возможнымъ, чѣмъ послѣ запойнъ. Нужны слишкомъ серьезныя причины, чтобы какая нибудь сторона отказалась послѣ сговора, и важнѣйшее, едва-ли не единственную признается нецѣломудріе невесты, если она сама признается въ этомъ, или достаточно узнается стороною. Во всякомъ случаѣ потерпѣвшая сторона требуетъ удовлетворенія и возмщенія понесенныхъ ею расходовъ. Такъ, напр., по одному рѣшенію такіе расходы исчислены въ 10 р. (Рѣч.). Другое дѣло высчитываетъ расходы въ той же суммѣ, но передаетъ при этомъ рядъ любопытнѣйшихъ подробностей¹⁾.

1) Крест. дер. Осва Афанасій Шерба заявилъ волостному суду о томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года пришелъ къ нему сватать его дочь Анну крест. дер. Барановичъ Григорій Судимъ за сына своего Андрея, на что онъ былъ согласенъ, а какъ происходило наканунѣ Петрова поста, и Григорій Судимъ хотѣлъ совершить и вѣнецъ до поста чрезъ два дня послѣ сговора, но онъ Афанасій, какъ не имѣлъ еще ничего въ готовности, то предложилъ отложить вѣнецъ послѣ Петрова поста, чѣмъ Григорій Судимъ остался недоволенъ, а жена его пришла къ нему, Афанасію, въ домъ и стала грубо высказывать, что она совсѣмъ не хотѣла брать за сына его дочь Анну, но уже мужъ сдѣлалъ запойны, то такъ и быть; и затѣмъ стала стучать по столу кулакомъ и высказывать разныя угрозы, что увидала его дочь Анна, испугалась и приняла во вниманіе, что если мать жениха, еще не взявши ее, уже угрожаетъ, то что же будетъ, когда она поступитъ въ ихъ домъ? Тогда навѣрное ей не будетъ хорошаго житья, а потому совсѣмъ отказалась идти замужъ за Андрея. Не желая силою неволить дочь свою Анну пойти замужъ помимо ея согласія, я объявилъ объ этомъ и Григорію Судиму. Но тотъ сталъ упорствовать и требовать возврата его убытковъ, какъ бы затраченныхъ имъ при запойнахъ, 40 руб. А какъ ему хорошо извѣстно, что со стороны Григорія болѣе не вышло расходовъ, какъ на 10 рублей, каковыя деньги онъ ему возвращаетъ, и дочь его носила къ нему два раза, но Григорій не соглашается взять денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ приходскаго священника, чтобы онъ если найдется его дочери Аннѣ другой женихъ, то не вѣнчать ее какъ давшую обѣщаніе его сыну Андрею, что священникъ принялъ къ свѣдѣнію и объявилъ его дочери Аннѣ, что пока она не удовлетворитъ Григорія Судима, онъ не дастъ ей вѣнца. А какъ она во-первыхъ и не въ состояніи уплатить Григорію Судиму 40 руб., а во-вторыхъ и вполнѣ знаетъ, что некуда было ему израсходовать такую сумму денегъ на запойны; на 40 руб. можно отгулять и всю свадьбу, а на запойны вышло съ его стороны водки не

Свадьба, т. е. вся процедура ритуала, имѣетъ въ глазахъ крестьянъ значеніе акта, скрѣпляющаго брачный союзъ. Церковное вѣнчаніе не играетъ существенной роли, и его исполняютъ только потому, что оно требуется священникомъ. Вѣнчаніе является лишь одной изъ частей ритуала, непосредственно послѣ или передъ которой, смотря по мѣстности, совершается важнѣйшая часть его—сажаніе молодыхъ на посадь. Гдѣ она совершается передъ вѣнчаніемъ, тамъ въ указанныхъ нами случаяхъ, возможно разрывъ, но женихъ уже съ этого момента считается „человѣкомъ“,—опредѣленіе, даваемое только женатымъ мужчинамъ, а не вѣста, „жонкой“,—женщины. Слѣдовательно, народъ смотритъ на разошедшихъ какъ на разведенныхъ.

Вступающая въ семью или въ семейную общину женщина пользуется всѣмъ необходимымъ для своего прокормленія, а также и одеждою по истеченіи года со времени свадьбы, изъ того, что добывается общимъ съ нею трудомъ семьи. Но она не приобретаетъ правъ на общее семейное имущество, получая лишь часть изъ имущества, приобретеннаго ею совместно съ мужемъ. Все же, что приобретается общиною сообща, принадлежитъ не ей, а общинѣ, членами которой считаются и ея дѣти. Объ этомъ была уже рѣчь. Но за то она безконтрольно распоряжается своимъ личнымъ имуществомъ, внесеннымъ ею въ видѣ приданаго. Она владѣетъ не только этимъ

болѣе какъ на 5 руб., а закуска вся была его, какъ это было у него въ домѣ и онъ ему предлагаетъ 10 руб., но тотъ не беретъ. Такъ какъ его дочери находится другой женихъ и онъ готовъ бы выдать дочь, но какъ Григорій Сулимъ ему препятствуетъ въ этомъ, то онъ проситъ дѣло разобрать по совѣсти, какъ удовлетворить Григорія Сулима и дать его дочери свободу выдти замужъ по ея желанію.—На предложеніе Григорію Сулиму, не согласенъ ли онъ примириться съ Афанасіемъ Щербою, имѣя въ виду, что силою заставить дочь Афанасія Анну выдти за его сына Андрея замужъ во-первыхъ нѣтъ возможности, а во вторыхъ и нельзя изъ этого брака ожидать хорошей жизни, и что Григорій Сулимъ показалъ, что онъ согласенъ разойтись съ Афанасіемъ Щербою, тогда только, когда тотъ вернетъ ему убытки 40 р., каковые онъ израсходовалъ на запойны и на вынужденіе невесты метрики о ея рожденіи изъ Голынской церкви и на перенесеніе таковой въ Горбачевскую, гдѣ тоже ушатила и на заповѣди. Судъ разобравъ сію жалобу принесть къ тому заключенію, что такъ какъ суду хорошо извѣстно, какіе именно бываютъ расходы при запойнахъ, а равно извѣстно и сколько бываетъ расходовъ при вынужденіи метрики и на заповѣди, и признавъ, что Григорій Сулимъ болѣе не израсходовалъ какъ 10 р., но не желаетъ таковыхъ принять отъ Афанасія Щербы, будучи затронутъ за самолюбіе отказомъ невесты, а потому дабы одержать верхъ надъ Щербою и его дочерью Анною, онъ требуетъ отъ нихъ возврата небывалыхъ расходовъ на 40 р., а потому Судъ по своему убѣжденію и по совѣсти постановилъ: чтобы Афанасій Щерба ушатила Григорію Сулиму 12 руб.; оно будетъ безобидно какъ для одного, такъ и для другого, и они болѣе одинъ къ другому не должны распространять никакой претензіи.—Подпись судей.

имуществомъ, но также и всею тою прибылью, которая съ него получаетъ. Если она имѣетъ возможность заработать что либо на сторонѣ, то это также составляетъ ея личную собственность. Она можетъ ею распоряжаться по своему усмотрѣнію и, въ случаѣ смерти мужа, все ея имущество вмѣстѣ съ прибылью, если таковая получилась, безпрекословно ей выдается семьею покойнаго. Если супруги расходятся, то приданое возвращается женѣ¹⁾.

Взглядъ на невестку прежде всего какъ на работницу отражается и на томъ, что если она почему либо не работаетъ для семьи мужа, то послѣдняя отказывается кормить ее. Новыя условія крестьянской жизни служатъ иногда причиной продолжительнаго отсутствія мужа, напр. въ военной службѣ и т. п. Часто невестка не ужинаетъ съ семьей и ухаживать въ домъ родителей до возвращенія мужа. Тогда семья послѣдняго отказывается выдавать ей на содержаніе, а судъ не обязываетъ ее къ этому (Пин.). По одному рѣшенію видно, что сынъ, уходя на службу, сдѣлалъ распоря-

¹⁾ Приводимъ одно такое дѣло (Телеханской вол.), не лишенное любопытныхъ подробностей:

Крестьянка Вудьковского сельскаго общества деревни Вудьки Аксенія Ивановна Мяликова проситъ о взысканіи съ ея мужа Марка Станислава Мялика слѣдующаго имущества ея, а именно: бочки стоящей 3 рубля, двухъ кубловъ 4 руб., веревки (ужиче)—1 р. 50 копѣекъ, двухъ топоровъ—2 руб. 50 к., свитки 2 рубля, саней—1 рубль, кортофели одну бочку—3 рубля, двухъ холстовыхъ тюфяковъ—2 рубля, за проданнаго бычка 3 рубля и за 47 возовъ навоза за вывезенные на его поле 9 рублѣй 40 копѣекъ, а всего на сумму 31 руб. 40 копѣекъ, и кромѣ сего проситъ предоставить ей право взять свой амбаръ, перенесенный мужемъ на свой плацъ, стояцій 10 рублѣй сереб., а всего на сумму 41 рубль 40 копѣекъ серебромъ. Ответчикъ Марко Станиславовъ Мяликъ противъ иска жены своей Аксеніи Ивановны Мяликовой пояснилъ, что онъ прописаннаго имущества возвратитъ женѣ не желаетъ, потому что она его оставила. Имущество прописанное она дѣйствительно внесла къ нему Навоза же 47 возовъ не взято, а только 4 воза. Свидѣтель Федоръ Осиповъ Мяликъ показалъ, что дѣйствительно сказанное имущество внесла Аксенія къ мужу своему Марку при выходѣ въ замужество, навоза же было не болѣе 12 возовъ. Владостной Судъ по соображенію обстоятельствъ сего дѣла, нашель искъ Аксеніи Ивановны Мяликовой съ мужа ея Марка Станислава Мялика доказаннымъ только въ суммѣ 34 рублѣй 40 коп., такъ какъ изъ показанія свидѣтеля выяснилось, что навоза вывезено всего 12 возовъ, а не 47 возовъ, какъ истца заявляла. Стороны примириться не пожелали, а потому постановилъ: на основаніи 107 ст. общ. полож. обязать Марка Станислава Мяликова выдать задержанное имущество и амбаръ женѣ своей Аксеніи Ивановны Мяликовой и ушатила за проданнаго бычка 3 рубля и за 12 возовъ навоза 2 рубля 40 коп., въ случаѣ же не окажется прописаннаго имущества, взыскать съ Марка Мялика въ пользу Аксеніи Мяликовой по стоимости онаго 29 руб., а всего 34 рублѣй 40 копѣекъ; въ искѣ же еще 7 рублѣй за навозъ Аксеніи Мяликовой отказать, какъ недоказанномъ. Настоящее рѣшеніе недовольной стороной предоставляется право обжаловать въ Пинское Уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе въ тридцатидневный срокъ.

женіе, чтобы его женѣ данъ былъ изъ общаго имущества скотъ и хлѣбъ для пропитанія дѣтей, но не для ея самой (Пин.).

Указанный взглядъ достаточно рельефно обрисовывается еще въ томъ, что иногда вдова или ея родители требуютъ платы за проработанное ею время въ семьѣ мужа. Это бываетъ особенно тогда, когда мужъ умеръ молодымъ. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ отецъ вдовы потребовалъ съ семьи мужа плату за проработанное ею время въ видѣ 12 п. ржи, по 2 п. гречи, овса, ячменя, проса и яровой пшеницы и 1 воза сѣна; на судѣ помирились: братъ покойнаго призналъ искъ и согласился выдать половину требуемаго (Рѣч.). По другому рѣшенію, хотя судъ и отказалъ выдать требуемое вознагражденіе, но только потому, что отецъ покойнаго предложилъ невѣсткѣ поселиться у него и на судѣ было доказано, что и раньше они жили мирно и со стороны семьи не было повода къ ея уходу¹⁾.

Къ вопросу о бракѣ примыкаетъ и вопросъ о разводѣ. О формальномъ разводѣ среди крестьянъ мало кто знаетъ. Но практикуется разводъ безъ посредства церкви: неполадившіе супруги просто расходятся. Изъ имѣющихся у насъ рѣшеній видно, что если разводъ бываетъ добровольный съ обѣихъ сторонъ, то жена получаетъ внесенное ею имущество. Если же

1) Приведемъ для примѣра слѣд. рѣшеніе вол. суда Телеханской вол.: Крестьянинъ Святопольской волости деревни Колонска Николай Осиповъ Ильчукъ жалуется на крестьянина села Озаричъ Семена Феодорова Борисевича, что дочь его была въ замужествѣ за сыномъ его, и когда ея мужъ умеръ, то они выправили ее безъ времени, со скотомъ, который былъ данъ ей въ приданое, не давъ ни хлѣба, ни сѣна, отъ свиньи забрали поросятъ, каковыя цѣнить 6 руб.; просить присудить для дочери, какъ работавшей въ ихъ хозяйствѣ 3 года, дать хлѣба, шанокъ ржи, сала 10 фунтовъ, сѣна для скота 40 пудовъ и 6 руб. за поросята. Семень Борисевичъ противу жалобы бывшего своего свата, поясняетъ, что невѣстки онъ не прогонялъ, могла она жить у нихъ или до весны вмѣстѣ со скотомъ своимъ, а она безъ причины съ ихъ стороны, забравъ свой скотъ, овецъ и свинью, уѣхала, то онъ не считая обязанностью давать ей ни хлѣба, ни сѣна, ни сала, поросятъ же онъ, дѣйствительно побилъ всѣхъ изъ сожалѣнія, что когда они забрали свинью и поросятъ сосунувъ отъ 4 дней оставили, одного поросенка—жареннаго—предъявили на судѣ; невѣстка же, какъ они жили хорошо, можетъ возвратиться къ нимъ и жить сколько пожелаетъ, хоть до выхода замужу, да при томъ невѣстка привела съ собою корову и двое телятъ, а забрала три штуки скота и теленка. На основаніи 107 ст. полож. кр. волостной судъ склоняетъ стороны къ примиренію, чего не поспѣвало, а посему постановилъ: какъ со стороны Семена Борисевича не было дано никакого повода къ оставленію ихъ невѣсткой, какъ они и нынѣ заявляютъ, что она можетъ и теперь возвратиться къ нему со скотомъ своимъ и жить у него, сколько пожелаетъ, въ домогательствѣ Николая Ильчука о выдачѣ ему для дочери, хлѣба, сѣна, а также о взысканіи 6 руб. за поросятъ отказать, тѣмъ болѣе, что Ильчукъ, забравъ свинью, долженъ былъ брать вмѣстѣ и поросятъ, а когда не давали, то долженъ заявить старостѣ, и до рѣшенія дѣла оставить свинью. О чемъ объявить сторонамъ.

одна изъ сторонъ оставляетъ другую, то послѣдняя считаетъ себя вправѣ удержать имущество первой. Обѣ стороны въ спорахъ настаиваютъ на томъ, кто кого „прогналъ“ (Пин. и Боб.¹⁾).

Другое лицо, которое посредствомъ брака является въ чужую семью,— это примакъ, т. е. зять, перешедшій жить въ семью жены. Причины, по которымъ семья дѣвушки ищетъ примака, обыкновенно состоятъ въ томъ, что въ семьѣ нѣтъ или не хватаетъ работника. Если крестьянинъ имѣетъ только дочерей, или если вдова остается на хозяйствѣ съ малолѣтними дѣтьми, наконецъ дѣвушки сироты, остающіяся на отцовской землѣ,—во всѣхъ такихъ случаяхъ ищутъ примака. Но въ примакъ идутъ далеко неохотно и только по нуждѣ, когда семьи отца многочисленна и малоземельна, или совсѣмъ безземельна,—вдовцы, сироты, отставные солдаты. Относительно положенія примака въ домѣ тестя или жены бѣлорусская пословица энергично выражается: „примакъ хлѣбъ—собачій“, свидѣтельствуя тѣмъ о зависимои и тяжеломъ положеніи примака.

Съ юридической стороны примакъ, по народнымъ воззрѣніямъ, становится въ тѣ же условія къ семьѣ тестя или къ женѣ, которая его приняла, какъ и невѣстка къ семьѣ мужа. Въ Бобруйскомъ у. о примакѣ говорятъ „вышелъ за жену“, его имущество называютъ „приданымъ“.

Примакъ также вноситъ свое имущество. Размѣры его бываютъ различны и зависятъ отъ условій и состоятельности обѣихъ сторонъ. Такъ, какъ указываетъ одно дѣло, примакъ внесъ 2 лошадей, 6 штукъ скота, двухъ телокъ, свинью, двухъ овецъ, кубель съ одеждою, чашу льняного семени и пр.—всего на 142 р. (Пин.). Въ другомъ случаѣ примакъ внесъ 8 штукъ скота и 2 лошадей, или же вноситъ постройки и скотъ и пр.

Внесенное примакомъ имущество, приданое, принадлежитъ лично ему, хотя онъ и обязанъ употреблять его для хозяйственныхъ потребностей семьи (лошадей напр.). Въ случаѣ выдѣла, развода и т. п. онъ получаетъ все свое обратно.

Но примакъ рѣдко вступаетъ въ семью жены безъ условій, полагаемыхъ только „на сумленне“, развѣ ужъ очень бѣдный. Обыкновенно-же примакъ или его родители очень точно обозначаютъ съ родителями невѣсты условія, на которыхъ онъ вступаетъ въ семью.

Условія эти главнымъ образомъ касаются земли. Они бываютъ устные и письменныя²⁾. Обѣ стороны обязаны соблюдать условіе. Если послѣднее

¹⁾ Ср. примѣч. на стр. 118.

²⁾ Ср. „Этнографъ Обозрѣніе“, 1891 г. № 1, стр. 111. „О семейныхъ дѣлахъ бѣлоруссовъ“. Н. В. Тесленко.

Приведемъ нижеслѣд. условіе (Горбац. вол.): Я, нижеподписавшійся крест. дѣр. Ново-Старцовъ, даю настоящее обязательство крест. Оѣдору Андрееву Тимко въ томъ, что, женивъ его на своей дочери Анастасіи и принимая въ свою семью,

нарушено тестемъ, то судъ выдѣляетъ изъ имущества и земли то, что слѣдовало бы получить примаку, какъ наследнику; если же условіе нарушено примакомъ, то судъ или заставляетъ его жить вмѣстѣ въ семьѣ тестя, или лишаетъ его правъ на имущество¹⁾.

Отношенія примака къ землѣ и имуществу семьи бѣлоруссы часто опредѣляютъ выраженіемъ, что такой-то пришелъ въ примы „за хоявина“, „за сына“; послѣднее опредѣленіе дается и пріемнымъ сыновьямъ. Этими выраженіями указывается на то, что примакъ явился въ семью жены, выговоривъ себѣ извѣстную сумму правъ на имущество и землю. Если примакъ этого не сдѣлалъ, то онъ и не можетъ требовать ни того, ни другого. Такъ, въ одномъ случаѣ шелъ споръ о томъ, самъ ли прибылъ примакъ или же его взяла жена. Примакъ доказывалъ послѣднее, но братья жены его доказывали, что онъ „самъ прибылъ и былъ у его сестры въ родѣ работника“. На этомъ основаніи судъ отказалъ въ выдѣлѣ земли примаку. Въ другомъ случаѣ причина отказа въ выдѣлѣ земли та же: отвѣтчикъ утверждалъ, что примакъ жилъ въ семьѣ его отца только „временно“ (14 лѣтъ), хотя судъ и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что по спискамъ земля не числится за примакомъ (Пин.). Но такая мотивировка не имѣетъ осно-

я долженъ считать его, какъ родного сына, и сообразно этому обходиться съ нимъ, т. е. у насъ должно быть все общее, какъ въ хозяйствѣ, такъ и имуществѣ. Но имѣя также родныхъ сыновей, хотя еще и малолѣтнихъ, желая обезпечить Федора Тимко на случай мсей смерти, симъ обязую и дѣтей моихъ (обязую) жить постоянно въ одной семьѣ. Въ случаѣ же если мои дѣти, достигнувъ возраста, почему либо неполадитъ съ Федоромъ, то онъ на случай раздѣла имѣетъ право взять себѣ третью часть моей земли и третью часть движимаго имущества въ настоящемъ его составѣ. Если же Федоръ, еще при жизни моей, не имѣя отъ меня ни въ чемъ обиды, или же по моей смерти при малолѣтствѣ моихъ дѣтей по какому либо капризу захочетъ бросить мое семейство, то онъ теряетъ право на прописанное выше мое обязательство, исключая обыкновеннаго приданаго, которое я долженъ дать за мою дочерью Анастасією. Настоящее обязательство должно храниться или на рукахъ у самого Федора Тимко или же у лица, которому онъ доверяетъ. Крест Никифоръ Гаврильчичъ, а за него неграмотнаго росписался Яковъ Тимушевъ.

¹⁾ Приведемъ по этому поводу одно въ высшей степени любопытное рѣшеніе Горбачевическаго вол. суда (за 1885 г.): Крест. села Дѣдно Никифоръ Треуховъ занесъ жалобу волостному суду, что родной сынъ его Иванъ, будучи *отомъ въ примы* къ крестьянину того же села Ивану Рослику, не хочетъ жить у него, Никифора, безъ жены, жены же Иванъ Росликъ не отпускаетъ на томъ основаніи, что дочь его вышла замужъ за Ивана потому, что онъ взялъ имъ въ примы, для того собственно, чтобы имѣть въ домѣ работника.—Возраженія отвѣтника не записано.—Свидѣтелей выставляемо не было.—Волостной судъ, выслушавъ жалобу и показаніе отвѣтника, рѣшилъ: оставить Ивана примакомъ въ домѣ Ивана Рослика, вмѣстѣ, съ его женою Настей на томъ основаніи, что *по мѣстнымъ обычаямъ примакъ считается неотъемлемымъ членомъ семейства, которое его приняло.*—Слѣдуютъ подписи судей.

ванія въ обычномъ правѣ, какъ сейчасъ увидимъ. Однимъ изъ доказательствъ на судъ правъ примака на землю служить также и то, что тестъ принимаетъ его „какъ неимѣющій сыновей на полное хозяйство“ (Пин.), или, какъ говоритъ одно рѣшеніе, „былъ принять за семьянина, а не за работника“ (Бобр.). Если примакъ не сдѣлаетъ соответственнаго условія устно или письменно передъ вступленіемъ въ чужую семью, или же если послѣдній упорно отказывается признать за нимъ какое либо право на имущество и доказать своего права примакъ не можетъ, то онъ оказывается въ положеніи простаго работника и какъ таковой имѣетъ право на вознагражденіе отъ семьи за проработанное время. И народное мнѣніе во всякомъ случаѣ признаетъ за нимъ это право, хотя судъ часто отказывается по неподсудности, такъ какъ цѣна иска превышаетъ его компетенцію. Такъ, въ одномъ случаѣ примакъ требовалъ отъ своей жены и падчерицы, принявшихъ его, за 16 лѣтній трудъ по 20 р. годовой платы и вознагражденіе за растраченное его имущество. Вопросъ о землѣ не былъ поднятъ, потому что онъ не былъ обусловленъ при заключеніи брака, по отвѣтчицы не отрицали иска по существу, и жена предлагала ему возвратиться въ домъ. Судъ отказалъ по неподсудности (Пин.). Въ другомъ случаѣ общественное мнѣніе высказалось по этому вопросу болѣе опредѣленно. Примакъ 12 лѣтъ проработалъ на хозяйствѣ жены. Братья жены, подростки, началъ прогонять примака. Тогда по жалобѣ его „крестьяне всей деревни признали, чтобы Артемъ Лешошукъ (шуринъ примака) далъ ему половину хлѣба и сѣна урожая сего года и на будущее время пользоваться третьєю частью“. Это было дано ему обществомъ за его трудъ. Примакъ просилъ волостной судъ или утвердить рѣшеніе общества, или присудить ему за 12 лѣтъ по 50 р. въ годъ. Судъ отказалъ по неподсудности (Пин.), но принципъ обычнаго права ясенъ: примакъ, хоти и не обусловилъ при сномъ вступленіи въ хозяйство жены своихъ правъ на имущество, но крестьянское общество считаетъ его вправѣ требовать вознагражденія за рабочій трудъ и выдѣлять ему часть имущества. Въ другихъ случаяхъ, если примакъ не связываетъ вопроса о вознагражденіи себя съ вопросомъ о цѣлѣ иска, требуя лишь части земли и имущества, то и судъ не отказываетъ ему въ его требованіяхъ. Такъ, по одному рѣшенію судъ предоставлялъ примаку половину всего имущества, наследницей котораго была его падчерица (Пин.).

Во всякомъ случаѣ всегда примакъ наираетъ единственно на то, что онъ трудился, „трудился самъ на всемъ хозяйствѣ“ (болѣе трудная работа), и „работалъ, сколько могъ“ и т. п., и судъ также старается при помощи свидѣтелей констатировать этотъ фактъ¹⁾. Но нигдѣ мы не встрѣчаемъ даже

¹⁾ Приведемъ такой прихрѣръ: „1881 года февраля, 25 дня. Мы крестьяне Кисевичскаго сельскаго общества сего числа на сельскомъ сходѣ въ присутствіи сель. Довнаръ-Запольскій.

намека на какое нибудь право на имущество по родству; очевидно, принцип труда имѣть исключительное значеніе въ глазахъ крестьянъ.

Если примакъ успѣлъ оговорить свой будущій трудъ въ чужой семьѣ и можетъ сослаться на судъ на существованіе договора его съ женою или тестемъ, то право его признается бесспорнымъ. Часто примаки, для большей безопасности своихъ правъ обуславливаютъ еще и такъ, чтобы тестъ умирая „отказалъ“, т. е. записывалъ ему ту часть, которую отдалъ при жизни. Въ одномъ рѣшеніи по этому поводу былъ установленъ фактъ записанія тестя въ пользу примака, хотя жена послѣдняго умерла на 7 лѣтъ раньше

скаго старосты, слушали жалобу крестьянина дер. Киселевичъ Ивана Рослика о томъ, что онъ былъ принятъ въ примы Григорьемъ Гаврильчикомъ къ дочери его Агафій и что тестъ его Григорій, будучи уже въ пожилахъ лѣтахъ, остался вдовымъ въ 1866 г. и у него остался тогда еще малолѣтній сынъ Михаилъ, то онъ съ своею женою, а его дочерью, приняли хозяйство на себя, обрабатывали землю, уплачивали за онаю всѣ денежные повинности и отбывали натуральныя, а также одѣвали и содержали на своемъ иждивеніи какъ отца, такъ и сына его Михаила. Отецъ ихъ Григорій большею частью ходилъ по службамъ и болѣе или менѣе иногда помогалъ намъ въ хозяйственномъ отношеніи, а сынъ его какъ бывшій въ народномъ училищѣ, такъ и вышедши изъ онаго, требовалъ за нимъ ухода. Теперь же какъ уже поднялся на ноги, также не хочетъ заниматься ремесломъ, а ходитъ по заработкамъ, но считая себя наследникомъ посягъ отца, предлагаетъ ему выбраться изъ дому и съ земли и не дозволяетъ ему даже поставить себя на усадебной землѣ жилую хату, наговариваетъ отца, чтобы совсѣмъ ихъ выдалить, имѣя въ виду арендовать землю. А какъ онъ прожилъ болѣе 18 лѣтъ въ отцовскомъ домѣ и былъ принятъ за *семьянина*, а не за *работника* и никогда не ожидалъ, чтобы¹⁾ могъ быть удаленъ, старался удержать землю, обрабатывать такуюю и отбывать всѣ какъ денежныя, такъ и натуральныя повинности, а потому всѣ средства затрачивалъ, также гдѣ и пробирталъ, и въ настоящее время если будетъ выданы съ земли, то долженъ остаться нищимъ, а потому проситъ общество обсудить его семейное положеніе и дать ему возможность къ существованію.—Обсудивъ сію жалобу Ивана Рослика, мы признали справедливою, и какъ намъ вполнѣ извѣстно, что хотя по именному списку и записана земля на Григорія, но онъ ею совершенно мало занимался, а сынъ его Михаилъ и совсѣмъ не занимался, а управляетъ какъ землею такъ и хозяйствомъ уже болѣе 15 лѣтъ зять его Иванъ Росликъ,—а потому выдѣленіе его съ земли (судъ) призналъ неправильнымъ, и допустить его находить невозможнымъ потому, что самъ Григорій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, землею заниматься не можетъ; а сынъ его имѣя 20 лѣтъ отъ роду, будучи разбавованъ, то такъ же какъ землею не занимался и заниматься не будетъ, а только имѣть въ виду то, что если онъ будетъ арендовать землю и сѣнокосъ, то будетъ на прогулъ имѣть деньги, а если же зайдетъ недомыка за землю, то уплата таковыя, конечно, падетъ на общество,—а потому единогласно приговорили: чтобы Иванъ Росликъ какъ жилъ до сихъ поръ, такъ долженъ жить и впередъ и какъ занимался землею, такъ и долженъ заниматься, а если сынъ Григорія Михаилъ захочетъ ожениться и заняться хозяйствомъ и землею, то долженъ жить вмѣстѣ и обрабатывать землю вмѣстѣ, а если не захочетъ жить въ одной хатѣ, то пусть Иванъ поставитъ себя хату другую, а ему уступить хату отцовскую.—Подписи.

отца, примакъ женился на другой и продолжалъ жить вмѣстѣ, и по смерти тестя судъ призналъ его прана (Пин.). Разъ тестъ совершилъ передачу примаку, „принялъ его въ домъ и передалъ какъ зятю все хозяйство“, какъ выражается одно рѣшеніе, то онъ уже не вправе отказать ему въ имуществѣ. Въ одномъ случаѣ судъ самъ выдѣлялъ третью часть имущества (Рѣч.). Иногда примаки снѣзять укрѣпить за собою выговоренное имущество и требуютъ выдѣла при жизни тестя или тещи, не рассчитывая на прочность своихъ правъ въ случаѣ ихъ смерти (Рѣч.). Это обстоятельство тогда отоваривается передъ бракомъ: долженъ ли примакъ жить до смерти хозяйина или хозяйки опредѣленное время, или же можетъ уйти во всякое время. Иногда съ этимъ соединяется и большая или меньшая сумма прана на имущество. Но судъ поддерживаетъ права примака. Въ одномъ случаѣ примакъ и его жена жаловались на брата жены, что послѣдній гонитъ ихъ изъ дому. Судъ однако призналъ надѣль общецю собственностью и приказалъ имъ пользоваться совмѣстно. (Пин.).

Прана примака признаются и въ случаѣ смерти его жены, связывавшей его съ своею семьею. Такъ въ одномъ случаѣ примакъ получилъ часть земли, хотя жена и умерла (Пин.). Изъ другого рѣшенія видно, что примакъ, по смерти своей жены, женился на другой и продолжалъ жить въ семьѣ первой жены, а при раздѣлѣ онъ получаетъ часть имущества, въ томъ числѣ и 3 надѣла (Рѣч.). Въ другомъ дѣлѣ примакъ тоже по смерти жены своей женился на другой и при раздѣлѣ получилъ половину земли; онъ пришелъ въ пріймы до надѣленія крестьянъ землею и надѣль записанъ былъ на его имя, хотя у него и былъ пасынокъ, сынъ владѣльца земли. Надѣль перешелъ къ его второй женѣ, принявшей въ свою очередь примака. Судъ призналъ записаніе примака, передававшее свою часть земли роднымъ сыновьямъ, и отказалъ въ искѣ пасынку, подтвердивъ лишь его право на половину надѣла. (Пин.)¹⁾ Такимъ образомъ, примакъ, жившійся въ семью жены въ качествѣ семьянина, получаетъ права на землю въ той или другой мѣрѣ. Менѣе опредѣленнымъ вопросомъ представляется тогда, когда примакъ не заключилъ предварительнаго условія: въ послѣднемъ случаѣ народный обычай сталкивается съ писаннымъ закономъ, которымъ иногда не прочь воспользоваться протинная сторона. Но и сельское обще-

¹⁾ Замѣтимъ, что ссылка на выкупной актъ, по которому земля числилась за отчимомъ, на что и опиралась вдова его, не могла имѣть рѣшающаго значенія. Въ народномъ правѣ первенствующее значеніе имѣетъ батьковщина и оно, на сколько возможно, всегда отставиваетъ ее, не смотря на выкупные акты; притомъ, если бы примакъ считалъ землю своею въ силу выкупного акта, онъ не выдѣлялъ бы своему пасынку половины надѣла, имѣя самъ двоихъ сыновей. Очевидно, онъ бралъ лишь то, что выговорилъ по условію за свой трудъ, остальное, какъ батьковщину, отдавалъ закономъ ей владѣльцу.

ство и волостной судъ стоятъ на сторонѣ примака. Колебанія можно встрѣтить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, при отсутствіи письменныхъ условий, примакъ требуетъ землю лично для себя, а не для семьи. Судъ иногда колеблется и отказывает¹⁾, но рѣдкие случаи отказа не могутъ поколебать общаго принципа; примакъ, заключая условіе съ тестемъ, получаетъ права на землю лично, независимо отъ будущаго потомства; то же подтверждаютъ и приговоры суда.

Въ дѣлахъ, касающихся примака, весьма любопытно отмѣтить еще слѣд. обстоятельство: примакъ, заключивъ устное условіе, а иногда даже и имѣя письменное, обращается за утвержденіемъ своихъ правъ не прямо въ волостной судъ, но къ сельскому сходу; противники его начинаютъ дѣло въ судѣ, иногда даже въ мировомъ судѣ, или обращаются въ крестьянское присутствіе. Нѣтъ случая, чтобы сельскій сходъ отказалъ примаку, при чемъ приговоръ общества всегда настаиваетъ на двухъ вещахъ—на томъ, что примакъ былъ принятъ въ семью въ качествѣ семьянина, и на томъ, что примакъ „трудился на землѣ“, „платилъ подати“ и пр. Весьма попятно, почему примаки обращаются къ сельскому обществу: послѣднее гораздо консервативнѣе волостного суда, на который производитъ извѣстное воздѣйствіе кассадія его рѣшеній начальствомъ и пр.²⁾

Необходимо также оговорить и то обстоятельство, что въ этихъ случаяхъ ни въ одномъ дѣлѣ при спорахъ нѣтъ и помину о какихъ бы то ни

1) Намъ извѣстенъ одинъ такой случай отказа изъ Бобр. у.: примакъ требуетъ половины земли у сына своего покойнаго тестя. Но жена примака умерла уже 16 лѣтъ назадъ, сыновья этого ихъ брака не живутъ при отцѣ, наконецъ, примакъ женатъ на другой. Судъ отказалъ въ искѣ примака, п. ч. онъ былъ принятъ „на имущество жены и что послѣ ея смерти имѣютъ право протребовать претензію на имущество лишь оставшіяся послѣ нея дѣти“. Какъ ни категорично это утверждение, но оно противорѣчитъ цѣлому ряду фактовъ, утверждающихъ какъ разъ противное; мы не знаемъ, каковы были условія примака съ тестемъ, наконецъ, если примакъ плохой работникъ и хозяинъ (его родные сыновья ушли на работы), то симпатія суда будутъ не на его сторонѣ.

2) Приводимъ, изъ массы аналогическихъ примѣровъ, одинъ приговоръ сельскаго общества Бобр. у.:

Мы, крестьяне Побоквичскаго сельскаго общества сего числа на сельскомъ сходѣ слушали просьбу крестьянъ Сидора Булацкаго и его швагря Григорія Вошака въ слѣдующемъ: послѣ смерти перваго просителя отца Григорія Булацкаго крест. Григорій Вошакъ поступилъ приемышемъ въ семью покойнаго Григорія Булацкаго, женился на дочери его Агафіи и въ настоящее время проживаютъ вмѣстѣ съ Сидоромъ Булацкимъ; просятъ оставшіяся послѣ смерти Григорія Булацкаго землю въ количествѣ 17 $\frac{1}{2}$ десятинъ предоставить пополамъ въ пользованіе Сидору Булацкому и Григорію Вошаку. По выслушаніи чего, между собою единогласно приговорили: оставшіяся послѣ смерти Григорія Булацкаго 17 $\frac{1}{2}$ дес. земли предоставить въ пользованіе пополамъ Сидору Булацкому и Григорію Вошаку. Подписи.

было правахъ примака на имущество черезъ жену его. О послѣдней вовсе не упоминается, жива ли она или нѣтъ: примакъ самъ по себѣ требуетъ правосудія, и народный судъ удовлетворяетъ его лично, сообразно съ характеромъ выяснивагося на судѣ договора его съ тестемъ. Это вполне понятно, потому что наследованіе женщины на землю признается только въ особыхъ случаяхъ.

Что касается до отношенія сына, поступившаго въ пріимы, къ своей семьѣ, то и тутъ дѣло обставляется договоромъ его съ братьями или съ отцомъ.

На этотъ счетъ у насъ имѣется нѣсколько рѣшеній суда, и подразумеваемость договора въ спорахъ примака съ наследниками его отцовскаго надѣла не подлежитъ сомнѣнію.

Такъ, по одному изъ нихъ ушедшій въ пріимы просилъ судъ возстановить его права на владѣніе землею отца, въ раздѣлѣ четвертой части, по числу братьевъ. Но послѣдніе ссылались на то, что братъ ихъ ушелъ уже 22 года тому назадъ и имѣетъ въ семьѣ жены землю. Судъ призналъ справедливость ихъ доводовъ и, ссылаясь на семейный списокъ, по которому примакъ числится не въ семьѣ своего отца, а въ семьѣ жены, отказалъ ему въ искѣ (Пин.). Въ другомъ случаѣ сынъ, ушедшій въ пріимы, жаловался суду на своего отца и брата, что они, владѣя его участкомъ, не платятъ за него повинностей. О землѣ онъ претензій не заявлялъ. Судъ обязалъ отца платить повинности за сына (Пин.). Во второмъ дѣлѣ судъ высказался неопредѣленно, но другіе факты не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что отходящій членъ семьи лишается правъ на землю въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ одномъ случаѣ два брата раздѣлились. Черезъ 60 лѣтъ сыновья ихъ заспорили: одинъ изъ нихъ, ушедшій съ матерью къ отчиму въ 54 г., женившійся и жившій все время тамъ, требовалъ отъ своего двоюроднаго брата, „хотя четвертую часть участка“. По семейному списку онъ былъ записанъ въ семьѣ отчима. Опираясь на это, судъ отказалъ ему, хотя эта семья лишь формальная: истецъ, прося 1/4 части вмѣсто половины, самъ признавалъ себя не вполне правымъ (Пин.). Тоже находимъ и въ другихъ рѣшеніяхъ (Бобр.), и вездѣ проглядываетъ одинъ и тотъ-же принципъ. Семья рѣшается отпустить сына въ пріимы только въ рѣдкихъ случаяхъ, собственно тогда, когда сынъ въ своей семьѣ, какъ работникъ, является излишнимъ, напр., по малоземельности, большому числу братьевъ и пр.; ясно, что семья, отказываясь отъ труда одного изъ своихъ членовъ, тѣмъ самымъ желаетъ ограничить его права на поземельную собственность. Вотъ почему у бѣлорусовъ практикуется двойного рода уходъ въ пріимы, по отношенію къ семьѣ, изъ которой уходитъ. Уходящій въ пріимы или совершенно отказывается отъ своихъ правъ на отцовскій надѣлъ и получаетъ за это отъ своей семьи большую или меньшую часть движимаго иму-

щества, смотря по ее средствам, или оставляет за собою часть правъ, т. е. по условію онъ получаетъ сейчасъ-же или по смерти отпа, или въ случаѣ несогласій его съ тестемъ, часть земли, по размѣрамъ меньшую, чѣмъ онъ могъ бы получить, оставаясь въ семьѣ отца. Въ такомъ случаѣ онъ уже или ничего, или очень мало получить изъ движимаго имущества. Меньше всего даютъ примаку тогда, когда онъ хочетъ удержать часть надѣла точно такъ же послѣ своего ухода, и больше всего, когда онъ выговариваетъ себѣ право на землю въ случаѣ несогласій съ тестемъ. Въ послѣднемъ случаѣ семья идетъ на рискъ. Въ этихъ условіяхъ принимаютъ участие и родители невѣсты, для которыхъ желательнѣе принять зятя съ землею или съ большимъ имуществомъ.

Такимъ образомъ, семья, изъ которой уходитъ членъ въ пріймы, лишаясь его труда, старается тѣмъ самымъ ограничить его право на землю, надъ которой не перестаетъ трудиться остальные члены; но въ свою очередь, семья, пользующаяся трудомъ новаго члена, обязана вознаграждать его трудъ; если онъ не поставилъ условіемъ, чтобы такое вознагражденіе состояло въ известной суммѣ правъ его на общее имущество новой его семьи, то послѣдняя во всякомъ случаѣ обязана вознаграждать его трудъ платою, какъ рабочему.

Съ положеніемъ примака въ семьѣ наиболѣе сходно положеніе пріемыша и семьянина вообще.

Сущность положенія пріемыша, — все равно, принятаго въ семью взрослымъ, или же выросшаго въ ней, — и семьянина-сдольника, т. е. лица, принятаго для совмѣстнаго труда въ хозяйствѣ, въ ихъ отношеніяхъ къ семьѣ, среди которой они живутъ, одинаково опредѣляется ихъ правомъ на землю. Едва-ли извѣстны также способы законнаго усыновленія.

Предлагающій усыновить, принять къ себѣ въ домъ, улаивается или съ отцомъ своего будущаго пріемнаго сына, или съ этимъ послѣднимъ, если онъ уже взрослый, или наконецъ, что чаще всего бываетъ въ послѣднемъ случаѣ, и съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; сущность договора состоитъ въ томъ, принимаетъ ли хозяинъ къ себѣ пріемыша „за сына“, или просто беретъ безъ обязательныхъ для себя условій. На послѣднемъ основаніи принимаются лишь круглыя сироты и др. бездомные, сдаваясь на волю пріемателя, такъ какъ въ другихъ случаяхъ и семья не отпускаетъ своего члена, т. е. не откажется отъ его труда, да и онъ самъ не уйдетъ, не надѣясь окончательно утвердиться въ новой семьѣ.

Выраженіе *за сына* имѣетъ въ глазахъ крестьянъ юридическое значеніе. Пріемъ бываетъ обставленъ разными формальностями. Послѣ предварительныхъ переговоровъ съ родителями, опроса самого пріемыша и др., собираются при свидѣтеляхъ, родственникахъ, иногда зовутъ и старосту, и здѣсь еще разъ повторяютъ и точно разрабатываютъ условія пріема. Хозя-

инъ официально заявляетъ, что онъ беретъ такого-то „за сына“, дастъ ему по смерти своей, или при раздѣлѣ съ собственными дѣтьми, если таковыя есть, такую-то часть хозяйства, а принимаемый долженъ исполнять такую-то обязанность. Послѣднія состоятъ особенно въ почтеніи къ пріемному отцу, послушаніи, величественной работѣ, и „кабъ очи закрыѣ, якъ помру я, або малъ баба“ (жена) и пр.

Иногда пріемъ, особенно сиротъ, дѣлается передъ громадой, или съ разрѣшенія ея, что однако не мѣшаетъ заключенію еще и письменнаго условія съ принимаемымъ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ для иллюстраціи слѣд. примѣръ (Горбац. вол.): „1878 года мая 30 дня. Мы, крестьяне дер. Вороновичи Захарій Анисьевъ и дер. Писчахъ Тимофей Болбасъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1. Я, Захарій Анисьевъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ и не имѣя сыновей, а имѣю надѣльную землю при дер. Вороновичахъ въ количествѣ 16 десят., сдать такуюю обрабатывать не могу и даже для себя и жены не въ силахъ заработать куса хлѣба, за лучшее обдумавъ свою землю отдать въ вѣчное владѣніе Тимофею Болбасу, на что общество изъявило согласіе, съ тѣмъ, что Болбасъ обязанъ меня и жену мою взять къ себѣ и продержатъ до смерти, уважать насъ обоихъ какъ своихъ родителей, уплачивать за меня все повинности, а также и за землю, такъ чтобы ко мнѣ никто не имѣлъ претензій; при чемъ возлагая обязанность на Болбаса такуюю: такъ какъ у меня нынѣ есть малолѣтняя дочь, которая дойдетъ до совершенныхъ лѣтъ и придетъ ей выдти въ замужество, — обязанъ онъ сдѣлать своимъ капиталомъ свадьбу и дать приданое по обычаю крестьянскому, а вперед до выхода ея въ замужество должна находиться при Болбасу, и онъ ее не долженъ обижать, а уважать какъ свою родную; послѣ смерти нашей никто не вправѣ отъ Болбаса отнять землю. 2. Я, Болбасъ, на предложеніе мнѣ Анисьевымъ согласенъ, обязуюсь какъ самъ такъ и семейство мое уважать Захарія и жену его, какъ своихъ родныхъ“. Подписи.

Въ данномъ случаѣ пріемышъ принятъ вслѣдствіе отсутствія въ семьѣ сыновей, обязанность которыхъ онъ долженъ исполнять.

Особеннымъ интересомъ отличается еще слѣд. дѣло по принятію пріемыша. Сельское Осовское общество (Бобр. у.) въ 1876 г. составило пріговоръ по поводу просьбы односельчанина своего Ерм. Кухарчика; послѣдній просилъ общество „въ томъ, что онъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ не имѣетъ дѣтей и родства, а имѣетъ хорошее хозяйство и земельный надѣлъ 10½ десят., желаетъ какъ движимое такъ и недвижимое свое хозяйство отдать въ вѣчное владѣніе крест. дер. Осова Дороефу Щербѣ, котораго онъ, Кухарчукъ, принялъ къ себѣ какъ родного сына. Пріговорили: принявъ въ уваженіе просьбы Ермолая Кухарчика, признаемъ, что дѣйствительно онъ есть въ преклонныхъ лѣтахъ, самъ управлять хозяйствомъ не можетъ, дѣтей и родныхъ не имѣетъ, то на основаніи Полож. о выкупѣ ст. 164 изъявляетъ согласіе на передачу Дороефу Щербѣ надѣльнаго земельного надѣла съ тѣмъ, что Дороефъ, вступивши въ права хозяина, обязанъ уплачивать какъ выкупной платежъ, такъ равно и другія повинности полностью“.

Вслѣдствіе этого пріговора Кухарчикомъ и Щербю тогда же было заключено условіе, по которому первый передаетъ Щербѣ надѣльную и купленную землю, „на вѣчное владѣніе сказанному пріемышу съ тѣмъ, что онъ обязанъ меня и жену мою Феклу уважать, какъ собственныхъ своихъ родителей, повиноваться во всемъ,

Принимают белоруссы приемшей очень охотно, особенно подростки, даже многосемейные. Съ одной стороны надѣются на его рабочей трудъ, съ другой—пріемъ сиротъ составляетъ нравственную обязанность зажиточнаго крестьянина, особенно родственника сироты. Принудить взять можетъ даже общество или родственники.

Предпочитаютъ принимать родственниковъ, особенно тѣ, которые разсчитываютъ передать приемшу землю, хозяйство. Вѣлоруссы стремятся къ тому, чтобы „очи закрыть“ челоуѣкъ изъ своего рода, (т. е. семьи: родъ понимаютъ въ этихъ случаяхъ въ тѣсномъ смыслѣ), именно тотъ, который послѣ него будетъ жить въ его же хатѣ, пахать ту-же землю, что и онъ пахалъ (закрыть глаза мертвому, особенно хозяину непременно долженъ старшій изъ мужичинъ, остающихся въ домѣ); а умереть, не оставивъ лица, которое обязано было-бы „похаваць, очи закрыть“ (т. е. безъ преемника), вѣлоруссы считаютъ величайшимъ несчастьемъ.

По отношенію къ приемшу, усновитель заступаеъ мѣсто отца. Приемша зоветъ его отцомъ, даже и тогда, когда послѣдній ему приходится дядей. Для равныхъ себѣ въ семьѣ приемша—семьянинъ, для младшихъ, при личныхъ обращеніяхъ,—дядька, въ другихъ случаяхъ—тоже семьянинъ.

Вступивъ въ домъ, приемша пользуется всѣми обусловленными имъ или его родственниками правами. Самъ усновитель не можетъ измѣнить договора, если нѣтъ причинъ со стороны усновленнаго. Судъ строго поддерживаетъ права послѣднихъ.

Такъ, въ одномъ дѣлѣ мы находимъ любопытныя данныя по этому вопросу. Дядя прогналъ отъ себя приемша—племянника; но дядя доказы-

за хозяйствомъ смотрѣть, какъ за своимъ собственнымъ. Повинности какъ за землю, такъ и другіе платежи обязанъ уплачивать аккуратно; при чемъ предоставляю полное право Дороеву.—какъ я хорошо знаю, что у него есть родная мать и живеть оособо, но въ бѣдности, когда пожелаетъ отъ сына вспомошествованіе,—давать ей, ему прекословить и упрекать не долженъ. Послѣ нашей смерти Дороевъ имѣеъ полное право съ хозяйствомъ нашимъ и землею поступать по его собственному усмотрѣнію; на случай Дороевъ умереть прежде, чѣмъ я и жена моя,—если Дороевъ женится и у него будутъ дѣти то мы, обязаны ихъ смотрѣть какъ своихъ собственныхъ и хозяйство съ землею остается въ пользованіе дѣтей Дороева.—Если Дороевъ будетъ неуважителенъ и неисполнитъ всего предложеннаго въ точности, въ такомъ случаѣ я и жена моя имѣеъ право устранить отъ всего и претензіи Дороевъ имѣеъ не долженъ“.

Видно, оба контрагента не безъ основанія старались обставить сдѣлку чѣмъ рядомъ условій. Въ 1892 г. семейство Бухарчика, тогда уже покойнаго, предъявляетъ искъ къ Щербѣ на землю брата, утверждая, что послѣдній поступилъ къ ему брату „на службу“ и завладѣлъ послѣ смерти землей. Судъ отказалъ истца, удостовѣрившись въ правахъ отвѣтника.

валъ, что племянникъ самъ ушелъ къ своему отцу, притомъ племянникъ имѣеъ свою землю изъ трехъ десятинъ личнаго наѣла, которымъ пользуется его отецъ, отставной солдатъ. Племянникъ доказывалъ, что дядя самъ его прогналъ, а „права свои на движимое и недвижимое имущество дяди онъ простиралъ на томъ основаніи, что какъ до освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и послѣ освобожденія онъ *жилъ съ дядею вмѣстѣ* до сего года (1887) и пользовался всѣми правами *семьянина* и на этомъ основаніи домогается отъ дяди третьей части всего имущества“¹⁾. На судѣ выяснилось изъ показаній свидѣтелей „что П. Домасъ (пріемша) равноправный въ владѣніи имуществомъ, состоявшимся до весны сего года въ ихъ общемъ пользованіи“ (Пин.). Племянникъ могъ-бы сослаться просто на то, что онъ былъ принятъ за сына, какъ это мы видимъ въ другихъ случаяхъ. Но здѣсь онъ ссылается на свой трудъ съ дѣтства и на свои права семьянина. Въ томъ же дѣлѣ и показанія свидѣтелей. Поэтому можно думать, что подтвержденіе правъ племянника на имущество усновившаго его дяди было двойное: племянникъ былъ сначала въ дѣтствѣ принятъ за сына, или просто взятъ безъ условій, какъ сынъ ушедшаго въ солдаты и безземельнаго (отецъ пользовался землею сына, значить какъ солдатъ, взятый до освобожденія, наѣла не получалъ). Уже позже, когда приемша возмужалъ, права его были подтверждены тѣмъ, что онъ былъ объявленъ дядею семьяниномъ на равныхъ правахъ. На это послѣднее онъ особенно и напирать.

Такіе договоры съ выросшимъ уже приемшемъ извѣстны и въ другихъ случаяхъ. Одно дѣло, напр., разсказываетъ, что племянникъ съ колыбели жилъ съ матерью при дядѣ (по матери). Но по смерти первой жены дяди, вторая жена прогнала приемша (значить онъ, какъ сирота, былъ принятъ безъ условій въ домъ дяди, „на сумелье“, какъ говорятъ белоруссы). Но по смерти второй жены дядя снова пригласилъ его жить у себя и засагать за него невѣсту, родители которой рѣшились выдать свою дочь съ тѣмъ условіемъ, что дядя подтвердитъ права племянника на половину наѣла. Дядя подтвердилъ при свидѣтеляхъ. Но когда третья жена снова выгнала племянника, то на судѣ дядя заявилъ, что онъ самъ отходить отъ племянника (т. е. самъ нарушаетъ условіе съ нимъ), даеъ ему сейчасъ $\frac{1}{3}$ земли, а по смерти половину. Судъ подтвердилъ условіе (Рѣч.). И въ этомъ случаѣ очевидно желаніе приемша удвоить свои права правомъ семьянина.

До сихъ поръ мы говорили о приемшахъ муж. пола. Рѣже, но белоруссы принимаютъ „на правахъ дочери“ и лицъ женскаго пола, причеъмъ онѣ пользуются всѣми правами и положеніемъ дочерей въ семьѣ¹⁾.

¹⁾ Приведемъ свѣд. пріемъ (Бобр. у.):

Крестьянка дер. Старинокъ дѣвца дарья Евсейчикъ жаловалась на крестья-

Такимъ образомъ положеніе пріемыша сливается съ положеніемъ семьянина-сдольника и примака и взаимно дополняются одно другимъ, и это наблюдается не только въ правовомъ отношеніи, но и въ личныхъ отношеніяхъ членовъ, вступившихъ между собою въ соглашеніе, какъ это было уже отмѣчено. Въ самомъ дѣлѣ, въ положеніи семьянина мы наблюдаемъ совершенно аналогичныя черты. Разница состоитъ въ томъ, что пріемышъ не приноситъ своего имущества, а семьянинъ и примакъ часто являются въ чужую семью съ своимъ имуществомъ, скотомъ, орудіями и пр. Послѣдніе также переходятъ въ принимающую его семью на основаніи договора, существенной стороной котораго является, разумѣется земля. Приведемъ еще одно любопытное указаніе на такое условіе. Такъ, одна крестьянка, покойный мужъ которой принялъ къ себѣ семьянина, поспоривши съ послѣднимъ, хотѣла продать движимое имущество и требовала пожизненнаго пропитанія отъ него. Семьянинъ заявилъ, что „отецъ (его) не соглашался (на переходъ въ семью покойнаго), пока онъ не передастъ ему письменно всего имущества“. Судъ оставилъ за семьяниномъ надѣлъ, всё постройлѣ и часть скота, а жалобницѣ предоставилъ другую часть скота, пользованіе старой избой, $\frac{1}{4}$ посѣва ржи за этотъ годъ и на будущее время по 3 пуда ежегодно (Рѣч.), т. е. тоже самое, что предоставляетъ матери—вдовѣ при ея несогласіяхъ съ сыновьями.

Подтверженіе той же обязанности правъ принимаемыхъ членовъ семьи мы находимъ и въ другихъ случаяхъ: и сдольникъ, и примакъ и пріемышъ дѣлаются хозяевами въ семьѣ по смерти принявшаго ихъ, заботятся о престарѣлыхъ членахъ, являются опекунами малолѣтнихъ членовъ семьи, ихъ принявшей, и пр. Однимъ словомъ, они дѣлаются полноправными членами семьи. Дѣйствіе договора съ примакомъ, пріемышемъ и сдольникомъ предполагается пожизненнымъ, т. е. до смерти одной изъ сторонъ, рѣдко ограничиваются какимъ-либо срокомъ. Поэтому, если расходится раньше, то работавшій на хозяйствѣ другого требуетъ по крайней мѣрѣ

нина дер. Бобръ Романа Курильчука въ слѣдующемъ: Романъ взялъ ее къ себѣ *на правахъ дочери*, когда ей было 7 л. Съ того времени она пробыла у него до 20 л., т. е. до весны сего года, но когда ее стали притѣснять, она была принуждена уйти отъ Курильчука, взявъ съ собою только нѣсколько штукъ полотна. Такъ какъ за все время пребыванія у Курильчука она ничего не получила, просить судъ присудить съ Романа въ ея пользу, считая за каждый годъ по 6 руб., за 13 лѣтъ 78 рублей. Курильчукъ показалъ: что взялъ ее къ себѣ на правахъ дочери, когда ей было всего 7 лѣтъ и, конечно, обязался и воспитать и выдать замужъ съ приданнымъ приданымъ, но она ушла къ брату..., что онъ не согласенъ ей уплатить деньгами, такъ какъ на то не было уговору. Судъ рѣшилъ: выискать съ Романа Курильчука въ пользу Дарьи Евсейчикъ деньгами 25 руб., оставивъ въ ея пользу забранную ею одежду.

вознагражденія за свой трудъ, какъ работника, и возврата внесеннаго имъ имущества.

Мы рассмотрѣли право лицъ, входящихъ въ составъ семьи и дѣлающихся ея членами—примака, пріемыша и семьянина. Мы не могли не затронуть изъ многихъ приведенныхъ примѣровъ, что всё интересы, какъ цѣлой семейной группы, такъ и отдѣльнаго ея члена, всё стороны крестьянской жизни сосредоточиваются на двухъ главныхъ факторахъ ея—на отношеніяхъ къ землѣ и на трудѣ, который къ ней прилагается. Только съ цѣлью устроить себя болѣе или менѣе сносно по отношенію къ землѣ соединяются въ одну семейную общину двѣ семьи, изъ которыхъ у одной есть свободная рабочая сила, а у другой земля, къ которой можно приложить ее; только ради земли примакъ уходитъ изъ родительской семьи въ домъ тети, чтобы, перенеся нѣсколько лѣтъ тяжелаго труда работника, сдѣлаться потомъ самостоятельнымъ хозяиномъ-собственникомъ клочка земли; съ тою же цѣлью поступаетъ пріемышъ въ семью усыновителя. Семья и примака и пріемыша лишается труда одного изъ своихъ работниковъ, надѣясь заполнить его землю и такимъ образомъ вознаградить себя за трудъ ушедшаго, который бы былъ обращенъ на приобретеніе семейнаго имущества. Родители подыскиваютъ въ невѣсткѣ хорошую работницу, чтобы воспользоваться ея трудомъ. Всё сдѣлки относятся къ землѣ; ссоры и раздоры, заставляющіе нарушать ихъ, разлагающіе большую семью и общину, происходятъ отъ неумѣнья раздѣлить трудъ, прилагаемый къ землѣ, отъ того, что одинъ работаетъ больше, другой меньше, отъ того, что одинъ укореняетъ другого въ плохомъ приложеніи своего труда. Примѣры подобнаго рода мы еще увидимъ, когда будемъ говорить о раздѣлахъ. Но и изъ этого уже видно, что земля и трудъ составляютъ сущность народныхъ интересовъ, а потому обратимся къ ближайшему изученію принципиальныхъ взглядовъ народа въ отношеніяхъ къ тому и другому.

Земля самый дорогой предметъ для бѣлоруса. Во всѣхъ его многочисленныхъ обрядахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, отличающихся древностью воззрѣній, проглядываетъ глубокое чувство почтенія къ землѣ. Это вполнѣ понятно, потому что земля много вѣкомъ питала его и питаетъ теперь. Съ представленіемъ о землѣ тѣсно связывается представленіе о родѣ, въ смыслѣ прямого продолженія потомства. Мы видѣли, какъ дорожитъ бѣлорусъ тѣмъ, чтобы имѣть наследника, который-бы съѣлъ на его мѣсто, обрабатывалъ-бы и почиталъ ту самую землю, на которой проливали потъ его дѣды: если онъ не имѣетъ сына, онъ старается заранее принять пріемыша, зятя—примака, чтобы этотъ продолжилъ его родъ. Правда, отношенія къ землѣ начинаютъ колебаться въ молодомъ поколѣніи: незначительность, дробность надѣла, скудость почвы, сознаніе, что его родъ, потомство, долж-

но будет разбрестись, потому что вникаемъ бѣтъ будетъ нечего, — все это сильно колеблетъ отношенія крестьянина къ землѣ, заставляетъ его обращать больше вниманія на посторонніе заработки, отправлять лишнія работы руки искать счастья въ городахъ и пр.

Но все таки старыя основы народнаго мировоззрѣнія еще крѣпки. Вездѣ указаннаго отношенія къ землѣ, мы замѣчаемъ прежде всего постоянное стремленіе къ тому, чтобы она не выходила изъ рода, понимаемаго то въ болѣе узкомъ, то въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ значеніи всей родни вообще. Такъ, мы встрѣчаемся съ такимъ, напр., рѣшеніемъ: одинъ крестьянинъ, бездѣтный, передалъ другому свой надѣлъ; но по смерти послѣдняго жена его передала надѣлъ во временное владѣніе другому. Тогда вдова первого потребовала землю обратно; судъ возвратилъ ей землю на томъ основаніи, что мужъ ея былъ родственникъ покойнаго владѣльца земли (Рѣч.). Это стремленіе удержатъ надѣлъ среди родственниковъ указываетъ на то, что сама земля въ воззрѣніяхъ бѣлорусса принадлежитъ не лично ей владѣльцу, а ему лишь по столько, по сколько онъ представителю прежде всего рода, и хозяинъ — главарь, является лишь ея распорядителемъ. Всякая сдѣлка послѣдняго на землю, при законныхъ наслѣдникахъ, поэтому, считается недействительной. Мы имѣемъ многочисленныя подтвержденія сказаннаго. Въ одномъ случаѣ крестьянинъ передалъ свой надѣлъ другому при свидѣтеляхъ „на вѣчныя времена“. Но черезъ десять лѣтъ, когда подросли его наслѣдники, они рѣшили отнять землю. Несмотря на показанія свидѣтелей о томъ, что сдѣлка была совершена на вѣчныя времена, судъ, находя, что „такъ какъ у Мацака (зак. владѣлецъ земли) есть законные наслѣдники, то онъ не имѣлъ права продавать свой надѣлъ на вѣчныя времена“, — и возвратилъ ему землю. (Рѣч.).

Тоже мы встрѣчаемъ и въ другихъ рѣшеніяхъ, причемъ даже письменныя обязательства не имѣютъ въ глазахъ суда значенія (Рѣч., Пин., Бобр. и др. уу.). Вездѣ проводится одинъ и тотъ же принципъ: земля не должна выходить изъ круга родственниковъ, если нѣтъ прямихъ наслѣдниковъ, или если эти постороннія лица заранѣе не были сдѣланы членами семьи владѣльца, сдольниками. Не письменный актъ имѣетъ значеніе въ глазахъ суда, а родство, права сдольника, трудившагося рядомъ съ владѣльцемъ на землѣ. Трудъ, положенный на обработку земли, крестьянинъ цѣнитъ высоко.

Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ многочисленныя подтвержденія того, что права на землю освящаются и поддерживаются трудомъ на ней. Не достаточно имѣть права на землю по рожденію, — необходимо, чтобы это право поддерживалось трудомъ. Мы видимъ, что и примаекъ, и приемышъ, ушедшіе изъ своей семьи, лишаются въ ней правъ на свою долю, но за

то они приобрѣтаютъ права въ своей новой семьѣ и эти права опять таки обусловлены извѣстнымъ количествомъ труда.

Въ каждомъ рѣшеніи по этимъ вопросамъ, мы видимъ упорное стремленіе выяснитъ, действительно ли примаекъ или семьянинъ трудился въ новой семьѣ. Если онъ не трудился до смерти хозяина (а это обычный обусловливаемый или подразумеваемый срокъ), то судъ лишь признаетъ его права на вознагражденіе. Этимъ принципиальнымъ взглядомъ на отношенія труда къ землѣ объясняется и то, что членъ семьи, почему-либо вообще долго не жившій въ семьѣ, или совсѣмъ не жившій въ ней, несмотря на свои права по рожденію, лишается всѣхъ, или части своихъ правъ на землю. Это особенно относится къ взгляду крестьянъ на права отставныхъ солдатъ на общій надѣлъ.

Въ литературѣ часто раздаются голоса, что замѣчаемое среди крестьянъ желаніе устранить солдатъ отъ пользованія землей происходитъ не изъ совсѣмъ хорошихъ побужденій ихъ отцовъ и братьевъ. Но такіе нападки на крестьянъ не совсѣмъ вѣрны. Указанныя отношенія крестьянъ къ солдатамъ объясняются ихъ основнымъ взглядомъ на трудъ. Въ послѣднее время солдаты, уходившіе лишь на 3—5 лѣтъ изъ семьи и потомъ въ нее возвращавшіеся, не теряютъ своихъ правъ на надѣлъ, такъ какъ время ихъ отлучки незначительно; имъ не даютъ только того движимаго имущества, которое приобрѣтено было въ ихъ отсутствіе. Но когда солдаты служили по 15—20 лѣтъ и возвращались въ семью уже отвыкшими и мало способными къ сельскимъ работамъ, то обычное право отказывало имъ въ ихъ правахъ на землю. Въ нашихъ источникахъ мы находимъ этотъ взглядъ вездѣ строго проведеннымъ и вездѣ указывается на то, что солдатъ не жилъ вмѣстѣ, не работалъ вмѣстѣ.

Но если солдатъ возвращался домой и успѣвалъ снова начать трудиться собою, то права его на землю остаются, по крайней мѣрѣ на меньшій, чѣмъ бы слѣдовало надѣлъ.

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытный документъ. Солдатъ былъ призванъ въ 55 г. и уволенъ въ 57 г., потомъ снова призванъ въ 63 г. и уволенъ въ 65 г. Онъ успѣлъ прожить въ семьѣ брата послѣ этого 6 лѣтъ, но былъ устраненъ послѣднимъ и жилъ на сторонѣ. Въ 1880 г. онъ началъ тяжбу съ братомъ о землѣ, которая продолжалась до 1889 г. Судъ присудилъ ему пользоваться третьей частью земли, но крестьянское присутствіе четыре раза отбъивало рѣшеніе суда, разъяснивъ, что солдатамъ, отданнымъ до 10 ревизіи, земли не полагается. Судъ, еще разъ разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что солдатъ до поступленія на службу, въ промежуткахъ между нею и послѣ нея 6 лѣтъ сряду работалъ въ семьѣ и успѣлъ недобровольно, и снова присудилъ ему $\frac{1}{3}$ надѣла, „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту“ (Пин.). Совершенно анало-

гичны и другія рѣшенія. Тотъ же принципъ проводится, напр., въ слѣд. дѣлѣ, хотя рѣчь идетъ уже не о солдатѣ: одинъ братъ ушелъ отъ другого вслѣдствіе притѣсненій со стороны послѣдняго, но такъ какъ они работали вмѣстѣ до 1863 г., то судъ призналъ ихъ равноправными владѣльцами.

Такимъ образомъ, членъ семьи, по своей винѣ прервавшей семейную трудовую традицію по отношенію къ землѣ, лишается ея. Но съ другой стороны трудъ освящаетъ, въ понятіяхъ обычнаго права, права на землю. Недостаточно быть формально принятымъ въ семью—нужно еще на нее потрудиться. Обычное право относится съ глубокимъ уваженіемъ къ долготѣнному труду, полагаемому на нее: признаетъ часто права на владѣніе землею и постороннихъ лицъ, долго трудившихся на ней и приобрѣвшихъ такимъ образомъ право на самое землю. Такъ, въ одномъ случаѣ вдова передала безъ всякихъ формальностей надѣль ея мужа. Черезъ 19 лѣтъ сынъ вдовы выросъ и отнять землю у временнаго владѣльца. Но судъ, принимая во вниманіе трудъ этого послѣдняго и то, что онъ все время платилъ подати, позволилъ ему совместно съ законнымъ наслѣдникомъ пользоваться землей, въ половинномъ размѣрѣ (Рѣч.). Но другой примѣръ въ томъ же духѣ еще болѣе интересенъ: судъ рѣшилъ, что такъ какъ временный владѣлецъ (завладѣвъ землею самъ, такъ какъ хозяинъ ея не обрабатывалъ) владѣлъ надѣломъ со дня перехода крестьянина на выкупъ и такъ какъ онъ, „будучи многосемейнымъ и слѣснымъ при томъ, аккуратно выплачивалъ всѣ платежи“ (т. е. былъ хорошимъ хозяиномъ),—то ему и отдана была половина земли (ib).

Ссылки на давность владѣнія въ обоихъ случаяхъ подразумевать нельзя, такъ какъ понятіе о давности по отношенію къ землѣ, при существованіи законнаго наслѣдника, да еще прямого, не имѣетъ приложенія въ народномъ правѣ. Здѣсь принципъ одинъ—принципъ труда.

Указывая на значеніе труда въ организации бѣлорусской семьи, нельзя не сдѣлать нѣкоторой оговорки въ виду сильныхъ возраженій, выставленныхъ противъ такого пониманія народной жизни. Принципъ трудового начала былъ удачно подмѣченъ г-жею Ефименко и разработанъ ею въ рядѣ талантливо и съ большимъ чувствомъ написанныхъ статей¹⁾.

Ея статьи нашли въ свое время сильное сочувствіе и въ журналистикѣ²⁾ и въ наукѣ: теорію эту поддерживалъ Оршанскій³⁾, и въ практическомъ примѣненіи къ изслѣдованію народной жизни прилагалъ и г. Матвѣевъ⁴⁾ и др. Но теорія эта нашла не менѣе сильныхъ противниковъ, въ

1) Статьи ея собраны въ „Изслѣдованіяхъ народной жизни“, М. 1884 г.

2) См. напр. ст. въ „Русскомъ Богатствѣ“, 1884 г., т. III, стр. 260—72.

3) Нар. судъ и нар. право, стр. 380, 381 и др.

4) Напр. его „Оч. юридич. быта Самар. губ.“, „Зап.“ Геогр. Общ. по отл.

Этн., т. VIII, стр. 22. Ср. Иванюкова „Общинное земледѣл.“ стр. 5. (отт. изъ „Р. Мысли“).

лицъ профессора Пахмана¹⁾, профессора М. Ковалевскаго²⁾, гг. Кулишера³⁾, Мухина⁴⁾ и мн. другихъ.

Теорія г-жи Ефименко не была проведена въ одномъ цѣльномъ изслѣдованіи, и въ ней найдено далеко не мало недостатковъ. Проф. Пахманъ очень убѣдительно доказывалъ, что семья—не артель (на чемъ, впрочемъ, сама г-жа Ефименко не настаиваетъ; выраженія въ этой крайней формѣ можно найти у Оршанскаго), причѣмъ онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду основную типъ римской семьи⁵⁾. Проф. Ковалевскій и г. Кулишеръ разсматривали ту-же теорію съ этнологической точки зрѣнія, хотя непонятно, почему эта послѣдняя точка зрѣнія не можетъ мириться съ современнымъ строемъ крестьянской семьи, и почему наша семья должна оставаться окаменѣлымъ остаткомъ древняго родового устройства⁶⁾, или почему новіте о трудѣ въ современной организаціи семьи должно поддерживаться суетвѣрнымъ представленіемъ первобытнаго человѣка о борьбѣ съ природой, какъ этого хочетъ г. Кулишеръ. Въ народной жизни, правѣ, обрядахъ и повѣрьяхъ, мы, правда, встрѣчаемъ самыя разнообразныя переживанія первобытнаго общественаго строя, но эти пережитки являются безсознательными остатками первобытныхъ формъ, символомъ, нѣкогда имѣвшимъ жизненное значеніе, но послѣдующее теченіе народной жизни выдвигаетъ новые принципы, регулирующие народную жизнь въ данное время.

Здѣсь не мѣсто, разумеется, вдаваться ни въ разборъ самой теоріи, ни возраженій, выставленныхъ противъ нея. Обращая еще разъ вниманіе на приведенные факты, мы думаемъ, что они говорятъ сами за себя, по крайней мѣрѣ въ сферѣ нашихъ источниковъ, подтверждаемыхъ лишь личнымъ убѣжденіемъ, которое выноситъ непосредственный наблюдатель. Конечно, трудъ, какъ регуляторъ, имѣетъ наибольшее приложеніе въ семейной общинѣ, въ большой семьѣ, но онъ менѣе дѣйствителенъ въ семьѣ малой, строй которой переходитъ на личные отношенія, привязанности, чувства родителей къ дѣтямъ. Особенно искусственно сложившаяся семейная община держится только общностью цѣлей труда ея членовъ, и, въ случаѣ неумѣнья приложить этотъ трудъ къ общей выгодѣ, такая община неминуемо распадается. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ распадается не только община, но и большая семья и даже малая: сынъ думаетъ, что отецъ пло-

1) Обычное право, т. II, стр. 8 и слѣд., ср. стр. 26 и слѣд.

2) Первобытное право, вып. 1, стр. 32 и слѣд.

3) Очерки сравнительной этнографіи и культуры, СПб. 1887 г., стр. 13 слѣд.

4) Наслѣдованіе крестьянъ по обычному праву.

5) Что вѣрно подмѣчено г-жею Ефименко, см. ея предисловіе въ указ. собр. ея статей.

6) Какою хочетъ представить великорусскую семью проф. Ковалевскій въ назв. ст. въ „N. Revue historique du droit“: „Etudes sur le droit coutumier russe“.

хой работник, что онъ не умѣетъ хорошо распорядиться, а самъ не властенъ дѣлать, а между тѣмъ ему и его семьѣ приходится терпѣть недостатки, — и сынъ рѣшается требовать раздѣла. Поговорите въ хорошенко съ крестьяниномъ, и вы убѣдитесь, что эти побужденія вызываютъ три четверти раздѣловъ. Основная причина раздѣловъ лежитъ, разумѣется, глубже, въ упадкѣ общаго экономическаго строя, въ малоземельности и пр., но крестьянинъ нападаетъ на то, что къ нему поближе, что ему виднѣе.

III.

Въ заключение необходимо разсмотрѣть вопросъ о раздѣлахъ, наследованіи и опекаѣ. Эти отдѣлы обычнаго права настолько важны, что они могли бы составить предметъ особой работы. Мы, впрочемъ, остановимся на нихъ, лишь настолько, сколько это необходимо для полноты обзора обычнаго права семьи.

Незачѣмъ говорить о причинахъ раздѣловъ. Въ Бѣлоруссіи эти причины тѣ-же, что и въ остальной Россіи, и онѣ очень хорошо извѣстны. Общественныя семьи, малоземельность, неурожаи, часто бывшіе въ послѣднее время, трудность найти заработки, и между тѣмъ довольно значительныя подати, обременяющія хозяйственный бюджетъ крестьянина, — вотъ общія причины, вызывающія раздѣлы. Слѣдствія раздѣловъ не менѣе хорошо извѣстны. Старшіе члены семьи, выдѣлившись уже съ взрослыми сыновьями, еще перебиваются кое-какъ; но младшіе, обремененные подростками, падаютъ, безсилъютъ подъ тяжестью труда, въ концѣ концовъ бросаются на посторонніе заработки, сплавъ, и все хозяйство приходится въ упадокъ. Вышнія причины, вызывающія, по объясненіямъ крестьянъ, раздѣлы, выражаются ссорами среди членовъ семейства. Ивану кажется, что Степанъ дѣлшитъ, что онъ могъ-бы въ одинъ день скопить сѣнокосъ, да затянулъ на другой, а тутъ пошли дожди и сѣно пропало; а Степану въ свою очередь кажется, что по винѣ Ивана пала кобыла, цѣлый годъ кормившаяся соломою съ крышъ и т. д. до безконечности. Всякому кажется, что если бы онъ самъ косилъ, не полагаясь на брата, то дождь не сгноилъ-бы сѣна, да и кобыла хоть безъ сѣна, а жила бы и т. д. Братья еще кое-какъ терпятъ, младшій уступаетъ старшему, и тотъ и другой понимаютъ тяжелое положеніе хозяина — одиночки. Но женщины склизаются съ большимъ трудомъ. Онѣ спорятся другъ съ другомъ изъ-за дѣтей, работы и пр. и если самъ хозяинъ не имѣетъ достаточнаго авторитета, не прикрикнетъ въ время, то эти споры ведутъ къ раздѣлу: жены пользуются всякимъ случаемъ, чтобы возбудить враждебныя отношенія между мужьями. Въ рѣшеніяхъ суда мы постоянно встрѣчаемъ указанія на то, что причина раздѣловъ — женскія споры, судъ наказываетъ иногда виновныхъ, но это мало помогаетъ дѣлу и только отсрочиваетъ раздѣлъ.

Что касается до отношенія крестьянъ къ раздѣламъ, то въ обществѣ, соудившею массу не на сторонѣ раздѣла, не исключая даже и тѣхъ, которые сами подѣлились. Они очень хорошо знаютъ все невыгодныя стороны раздѣловъ, но жизнь все таки дѣлаетъ свое и раздѣлы увеличиваются.

Въ бытовомъ отношеніи интересно привести нѣсколько указаній на причины раздѣла. При отрицательномъ взглядѣ на раздѣлы, судъ, слѣдуя общественному мнѣнію, въ каждомъ данномъ случаѣ старается установить различіе такихъ причинъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее совмѣстное существованіе семействъ. На судѣ, напр., констатировано, что одинъ изъ братьевъ „отвыкъ отъ работы“, скитается на службѣ по чужимъ дворамъ; понятно, что семьѣ мало пользы отъ такого отбивающаго члена, и судъ даетъ братьямъ раздѣлъ (Бобр.). Изъ другого дѣла выписывается неприглядное положеніе младшаго брата въ семьѣ старшаго, и суду приходится раздѣлить ихъ (Бобр.). Или, наконецъ, члены семьи не выполняютъ всѣхъ условій общей жизни и заставляютъ ихъ исполнять эти условія невозможно, напр. „стали сами себя зарабатывать деньги и употреблять ихъ на себя“ (ib.), или жена одного изъ братьевъ „здорная женщина и на спокойствіе въ семьѣ нѣтъ надежды“ и т. п. и судъ постановляетъ раздѣлъ. За то съ другой стороны, судъ не разбиваетъ раздѣла, разъ есть надежда на то, что семейныя дѣла пойдутъ гладко. Въ одномъ интересномъ дѣлѣ между родными братьями приводится содержаніе трехъ предыдущихъ рѣшеній суда: всѣми ими запрещалось братьямъ дѣлиться, но, наконецъ, раздѣлъ фактически произошелъ помимо суда, какъ видно изъ дѣла, по невозможности братьямъ сжиться (Бобр.). Въ другихъ случаяхъ иногда приводятся и аргументы, почему раздѣлъ воспрещается: „семья мала, чтобы жить отдѣльно“, говорить одно дѣло, мотивируя отказъ. Но у суда есть еще одинъ важный аргументъ для отказа въ раздѣлѣ: нежеланіе раздѣла со стороны старшаго въ семьѣ — отца, брата, примака и пр., вообще „хозяина“ — служить самою вѣскою причиною для отказа; судъ въ такихъ случаяхъ не только отказывается зачинщикамъ раздѣла, но и наказываетъ ихъ за виновное „старшему въ домѣ“. Такого рода факты настолько многочисленны, что нѣтъ нужды приводить отдѣльныхъ примѣровъ; слѣдуетъ только отмѣтить, что въ южной половѣ Минской губ. и случается отказа встрѣчается больше, и мотивировка, только что указанная, встрѣчается чаще. Только выясненіе полной невозможности дальнѣйшаго существованія семьи нераздѣльно, или выясненіе неодобрительныхъ поступковъ одного изъ членовъ по отношенію къ младшимъ членамъ семьи, можетъ побудить судъ не обратить вниманія на протесты представителя семьи.

Стремясь предупредить раздѣлы, судъ иногда прибѣгаетъ къ средней мѣрѣ, въ практичности которой можно усомниться: онъ предписываетъ раздѣляться движимымъ имуществомъ, жить въ отдѣльныхъ избахъ, но владѣть

землю сообща. (Пин.). Въ одномъ случаѣ, судъ потребовалъ такого общаго владѣнія землею отъ братьевъ, раньше раздѣлившихся (Вобр.). Мало того, судъ готовъ преслѣдовать того изъ братьевъ, который отдѣлился самовольно, безъ согласія остальныхъ: въ такихъ случаяхъ онъ иногда налагаетъ наказаніе, а иногда, подтверждая раздѣлъ, лишаетъ виновника его извѣстной части семейнаго имущества, по крайней мѣрѣ движимаго (Пин.).

Таковъ взглядъ суда на раздѣлъ, и едва ли нужно доказывать, что онъ отражаетъ въ себѣ представленія большей части, наиболее консервативной, крестьянскаго общества: практика суда вполне сходится съ впечатлѣніями наблюдателя¹⁾.

Отцы не всегда надѣются, что послѣ ихъ смерти дѣти долго проживутъ вмѣстѣ. Вотъ почему нѣкоторые заранѣе приготавливаютъ все нужное для раздѣла: строятъ общими силами семьи избы и др. хозяйственныя постройки для каждаго сына и пр. Бываютъ раздѣлы и при жизни отца; иногда даже отецъ предлагаетъ сыновьямъ мирно раздѣлиться и дѣлится ихъ самъ, оставаясь или при одномъ изъ сыновей (обыкновенно младшемъ) или, если можетъ еще работать, оставляя себѣ часть равную съ сыновьями; отецъ не можетъ надѣяться своихъ сыновей по своему усмотрѣнію: въ случаѣ малѣйшаго отступленія судъ уравниваетъ права отца съ сыновьями и заставляетъ его дать имъ равныя части²⁾. Если отецъ имѣетъ младшихъ сыновей и выдѣляетъ старшаго сына, то обязанъ ему дать равную часть, но при передѣлѣ земли, когда подрастутъ малолѣтніе, сынъ обязанъ возвратитъ свою занятую и раздѣлиться съ братьями поровну (Пин.). Отецъ, оставляющій занятіе хозяйствомъ, можетъ удержатъ себѣ часть земли

1) Къ нашимъ личнымъ наблюденіямъ прибавимъ еще одинъ отзывъ постоянного жителя бѣлорусской деревни: „Народъ считаетъ раздѣлы разрушителями хозяйства; въ особенности же ими недовольны старики; молодые же мирятся съ раздѣлами, какъ съ неизбежнымъ зломъ потому именно, что никакъ не могутъ удержатъ своихъ женъ отъ ссоръ съ прочими членами семьи“ и пр. (П. П. Демидович).

2) Приведемъ слѣд. выдержку изъ одного рѣш. суда Пинскаго у.: Михаилъ Сляжъ просилъ рассмотреть дѣло „о завладѣніи его частью земли и сѣнокоса отцомъ его Василіемъ и братомъ Еремѣемъ, за которую онъ уплачиваетъ ежегодно, а также гумна и хлѣба, засѣяннаго ими на его части земли рожью, не дають. А потому проситъ о вышеизложенномъ удовлетвореніи. Вслѣдствіе сего былъ спрошенъ отецъ Михаила Василій, который показалъ, что онъ третью часть земли отдалъ сыну Михаилу, которою онъ нынѣ пользуется, изъ строеній сдѣланную ему часть получилъ, а гумна ему не сдѣдуетъ. Что же касается до засѣяннаго хлѣба, то такового не давалъ и давать не намѣренъ. Судъ рѣшилъ: „крестьянинъ Василій Сляжъ обязанъ дать сыну своему Михаилу въ добавокъ къ имѣющимся у него строеніямъ, еще двѣ стѣнки отъ гумна, а также изъ засѣва ржи 30 сноповъ, кромѣ сего предоставляется право рядовому Михаилу Сляжу совместно съ отцомъ и братомъ пользоваться доходами съ 1/3 части земли и сѣнокоса“.

(обыкновенно седьмую) и передать ее до своей смерти тому сыну, у котораго онъ живетъ; объ этой землѣ мы уже говорили.

Послѣ раздѣла, каждый изъ раздѣлившихся имѣетъ право распоряжаться своимъ участкомъ, какъ ему угодно. Одинъ крестьянинъ, уже раздѣлившійся съ братомъ, пожелалъ взять примакъ къ своей дочери и передать ему землю, такъ какъ сыновей у него не было. Но братъ его воспротивился. Дѣло было представлено на судъ и онъ рѣшилъ, что всякій изъ братьевъ можетъ по своему усмотрѣнію передавать землю послѣ раздѣла (Пин.).

Выше шла рѣчь о дѣлѣжѣ имущества при жизни отца. Но если отецъ умираетъ, не раздѣливъ сыновей, то раздѣлъ въ такомъ случаѣ опредѣляется или завѣщаніемъ или обычаемъ, хотя завѣщаніе едва ли когда либо противорѣчитъ обычаю.

Только въ послѣдніе годы бѣлоруссы чаще и чаще обращаются къ письменнымъ завѣщаніямъ. Обыкновенно же все, что завѣщаетъ отецъ своимъ сыновьямъ—это жить мирно, не спорить, жить вмѣстѣ, а если и дѣлится, то по любви, безъ дракъ, не проклиная имени отца. Эти увѣщанія отца къ дѣтямъ очень обычны: они считаются какъ бы священною обязанностью бѣлоруса, они же вмѣстѣ съ предсмертнымъ благословеніемъ считаются самымъ дорогимъ завѣтомъ для сыновей. Бѣлорусъ умираетъ очень спокойно и прямо смотритъ въ глаза смерти. На смертномъ одрѣ онъ съ мельчайшими подробностями рассказываетъ сыновьямъ, какъ они должны жить и какъ и чѣмъ дѣлится; только сдѣлавъ такое „наказаніе“ и благословивъ дѣтей, онъ считаетъ свой жизненный долгъ исполненнымъ.

Предсмертное „наказаніе“ замѣняется или дополняется письменнымъ актомъ, когда хозяйинъ предвидитъ раздоры въ семьѣ при дѣлѣжѣ. Убѣжденный ходомъ окружающаго жизни, старикъ рѣшается завѣщаніемъ напередъ распределить имущество между сыновьями¹⁾. Если раздѣлы между

1) Напр., изъ Вобр. у.: „Я, Колосенко, будучи въ настоящае время уже въ дряхлости и старости, но при здоровомъ умѣ, имѣя двухъ сыновей Мартина и Сафона, оба семейные, пожелалъ распределить при моей жизни принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущихъ возникнуть послѣ моей смерти между моими сыновьями споровъ и тяжбъ. Принадлежащія мнѣ постройки и распределяю такъ: Мартинъ долженъ получить въ свое пользованіе одинъ новый домъ съ стѣнами двѣ скотскихъ сараевъ, одинъ сарай для овецъ и одинъ сарай для свиней варивню, одну клѣтѣ и одну пуно; все означенныя постройки въ настоящае находятся въ пользованіи Мартина. А другому сыну Сафону я отдаю домъ съ сѣнями, 2 сараевъ, варивню, клѣтѣ и гумно съ овинами; также и нынѣ находятся въ пользованіи Сафона. Все остальное принадлежащее мнѣ должно находиться въ пользованіи такъ, какъ оно находится въ настоящае время, и ни одинъ изъ моихъ сыновей не имѣетъ права простирадъ имущество къ другому“.

родными братьями далеко не всегда совершаются гладко, то тѣмъ болѣе трудно отстоять свои права примаку, сдольнику, пріемыщу. Неудивительно поэтому, что завѣщанія въ пользу послѣднихъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ завѣщанія въ пользу родныхъ сыновей. Такъ, дядя дѣлаетъ устное завѣщаніе при свидѣтеляхъ о раздѣлѣ земли между племянникомъ, которому назначаетъ одну треть ея, и примакомъ, получающимъ остальные двѣ трети (Шин.). Легко можно предположить, что раздѣл между племянникомъ и примакомъ могъ бы повести къ цѣлому ряду споровъ¹⁾. Весьма понятно также желаніе примака или сдольника, право на землю которыхъ основывается на обычаяхъ, утвердить за своими наследниками землю. Такъ, напр., отчимъ-примакъ, владѣвшій въ качествѣ хозяина-примака землею пасынка, дѣлаетъ письменное духовное завѣщаніе въ пользу и пасынка и своихъ дѣтей (Шин.) и т. д. Завѣщаніе матери намъ встрѣтилось всего одно, но и оно передаетъ волю ея покойнаго мужа, выраженную имъ при своемъ духовномъ отцѣ. При отсутствіи завѣщанія порядокъ раздѣла покоится на обычаяхъ.

При жизни отца раздѣл совершается весьма просто: неизвѣстны даже случаи приглашенія постороннихъ лицъ для совершенія раздѣла. Братья, если дѣлятся въ согласіи, иногда обходятся безъ постороннихъ лицъ. Но въ спорныхъ случаяхъ присутствіе послѣднихъ обязательно. Иногда дѣлящіеся приглашаютъ только близкихъ людей, родственниковъ, но бываютъ раздѣлы и при стеченіи 20 человекъ (Шин.), съ участіемъ сельскаго старосты, или даже всего сельскаго общества: большинство раздѣловъ доволь-

1) Приведемъ еще одно рѣшеніе Горб. в.: Я, Андрей Шереметь, будучи въ настоящее время уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, но при здоровомъ умѣ, имѣя двухъ дочерей, старшую Александра и младшую Ирину, изъ которыхъ къ Александру въ настоящее время приняла въ мужа Ивана Северна, пожелаю заблаговременно распределить между ними принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущаго возникнуть послѣ моей смерти спора о такомъ. Принадлежащее мнѣ движимое имущество и строенія я распределяю такъ: старшей своей дочери Александрѣ я завѣщаю жилой домъ съ сѣнами, 1 новый сарай, одного молодого мерина масти чужей и двое старыхъ свиней, а младшей Иринѣ варивню, гумно, одного старого чна и 2 свиней. Присланнымъ выше имуществомъ дочери мои Александра и Ирина могутъ воспользоваться лишь послѣ моей смерти, но если младшая дочь еще при моей жизни или послѣ моей смерти выйдетъ замужъ въ другое мѣсто, т. е. не приметъ мужа къ себѣ на мое хозяйство, то она имѣетъ право въ видѣ приданаго описанный ей выше скотъ, а завѣщанныя ей строенія оставаться на мѣстѣ и перейти въ собственность старшей дочери въ собственность которой по выходѣ Ирины въ замужество въ друге мѣсто перейдетъ и все положительно принадлежащее мнѣ имущество, кромѣ приданаго.

родными братьями далеко не всегда совершаются гладко, то тѣмъ болѣе трудно отстаивать свои права примаку, сдольнику, приемнику. Неудивительно поэтому, что завѣщанія въ пользу послѣднихъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ завѣщанія въ пользу родныхъ сыновей. Такъ, дядя дѣлаетъ устное завѣщаніе при свидѣтеляхъ о раздѣлѣ земли между племянникомъ, которому назначаетъ одну треть ея, и примакомъ, получающимъ остальные двѣ трети (Пин.). Легко можно предположить, что раздѣлъ между племянникомъ и примакомъ могъ бы повести къ цѣлому ряду споровъ¹⁾. Весьма понятно также желаніе примака или сдольника, право на землю которыхъ основывается на обычаяхъ, утвердить за своими наследниками землю. Такъ, напр., отчимъ-примакъ, владѣвшій въ качествѣ хозяина-примака землею пасынка, дѣлаетъ письменное духовное завѣщаніе въ пользу и пасынка и своихъ дѣтей (Пин.) и т. д. Завѣщаніе матери намъ встрѣтилось всего одно, но и оно передаетъ волю ея покойнаго мужа, выраженную имъ при своемъ духовномъ отцѣ. При отсутствіи завѣщанія порядокъ раздѣла покоится на обычаяхъ.

При жизни отца раздѣлъ совершается весьма просто: неизвѣстны даже случаи приглашенія постороннихъ лицъ для совершения раздѣла. Братья, если дѣлятся въ согласіи, иногда обходятся безъ постороннихъ лицъ. Но въ спорныхъ случаяхъ присутствіе послѣднихъ обязательно. Иногда дѣлящіеся приглашаютъ только близкихъ людей, родственниковъ, но бываютъ раздѣлы и при стеченіи 20 человѣкъ (Пин.), съ участіемъ сельскаго старосты, или даже всего сельскаго общества: большинство раздѣловъ доволь-

¹⁾ Приведемъ еще одно рѣшеніе Горб. в.: Я, Андрей Шереметь, будучи въ настоящее время уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, но при здоровомъ умѣ, имѣя двухъ дочерей, старшую Александра и младшую Ирину, изъ которыхъ къ Александру въ настоящее время принимаю въ мужья Ивана Северуна, пожелаю заблаговременно распределить между ними принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущаго возникнуть послѣ моей смерти спора о такомъ. Принадлежащее мнѣ движимое имущество и строенія я распределяю такъ: старшей своей дочери Александрѣ я завѣщаю жилой домъ съ сѣнами, 1 новый сарай, одного молодого мерина старшей и двое старыхъ свиней, а младшей Иринѣ варивню, гумно, одного старика чна и 2 свиней. Приспавшимъ выше имуществомъ дочери мои Александра и я могу воспользоваться лишь послѣ моей смерти, но если младшая дочь еще при моей жизни или послѣ моей смерти выйдетъ замужъ въ другое, т. е. не приметъ мужа къ себѣ на мое хозяйство, то она имѣетъ право въ видѣ приданаго описанный ей выше скотъ, а завѣщанная ей строения оставаться на мѣстѣ и перейти въ собственность старшей дочери въ собственность которой по выходѣ Ирины въ замужество въ другое оцѣняется и все положительно принадлежащее мнѣ имущество, кромѣ оныхъ приданаго.

ствуется присутствіемъ третьихъ лицъ, но иногда составляется ими же письменный актъ¹⁾.

Итъ нужды подтверждать особыми примѣрами права при раздѣлѣ отдѣльныхъ членовъ семьи на общее имущество. Единокровные братья получаютъ равныя части отцовскаго имущества. Если дѣлятся племянникъ съ дядями, то онъ получаетъ часть, которая слѣдовала бы его отцу. Изба отцовская переходитъ къ младшему изъ братьевъ съ тѣмъ однако, что онъ помогаетъ въ постройкѣ старшимъ; если отцовская изба весьма плоха, то младшему брату надбавляется что-либо изъ построекъ. Надворныя постройки дѣлятся поровну, по стѣнкамъ. Если одинъ изъ братьевъ не участвовалъ въ возведеніи той или иной постройки (будучи, напр., въ солдатахъ или на заработкахъ въ свою пользу), то онъ и не получаетъ изъ нея соответственной части. Тоже примѣняется и въ томъ случаѣ, если братъ не жилъ въ семьѣ при покупкѣ скота, посѣвѣ хлѣба и пр. Надо имѣть въ виду, что если братья единокровные въ малолѣтствѣ не живутъ на землѣ отца, уходя съ матерью къ отчиму, то они не теряютъ правъ своихъ на землю. Съ другой стороны, необходимо напомнить, что при раздѣлѣ принимается въ расчетъ и то, всѣ ли братья одинаково трудились на общей землѣ. Если одинъ изъ нихъ не работалъ въ семьѣ по собственному желанію, уйдя напр., въ пріемы или приемныи, то такой земли не получаетъ.

Всякаго рода обязательства, напр. долги, принятые на себя главою

¹⁾ Бобр. у.: 1892 года, октября 13 дня. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Бобруйскаго уѣзда, Горбалевицкой волости, Сычковскаго общества, села Сычкова Онуфрій Белодоровъ Гринковъ, дер. Миронина Михаилъ Тимофеевъ Сафонъ и застѣпка Краснаго Игнатій Бобковъ, будучи приглашены по добровольному желанію кр. нашего общества, села Сычкова родными братьями Климомъ, Тимофеемъ и Савеліемъ Павловыми Зубовичами для раздѣла ихъ между собою спора въ отношеніи между ними ихъ движимаго и недвижимаго имущества и рѣшенія такового по нашему убѣжденію, осмотрѣвъ ихъ строенія мы рѣшили: 1-му Климу должно остаться изъ строеній жилой домъ съ сѣницами, въ которомъ онъ живетъ, скотскій хлѣвъ и половину пуня, а гумно пополамъ съ двоюроднымъ братомъ Платономъ Зубовичемъ. 2-му Тимофею должно остаться дворъ, жилой истопка, амбаръ, половина скотскаго хлѣва и половина запаснаго гумна, и 3-му Савелію должно остаться пяти аршинный хлѣвъ цѣлый и половина восьми аршиннаго, а жилой домъ оный построить новый Имѣющимся у нихъ земля въ количествѣ 10¹/₂ дес. должна остаться въ общемъ пользованіи Клима и Тимофея Зубовичей, за которую они общими силами должны выплачивать денежные и отбывать натуральныя повинности, а брату ихъ Савелію они должны уступить безплатно кусокъ земли, гдѣ онъ построилъ себѣ жилой домъ, и дать ему же за причитающейся платѣеъ свѣюкса среднюю лучку въ уроч. Галахъ; и такъ какъ Тимофей и Савелій отплыли отъ Клима по собственному желанію, то Тимофей и долженъ дать Савелію изъ своей части кусокъ пахатнаго поля въ уроч. подь Василевичи, гдѣ уже онъ ни къ Климу, ни къ Савелію касаться не долженъ.

семья, отнимомъ, старшимъ братомъ и др., въ имущественномъ отношеніи падаютъ на всѣхъ тѣхъ, кто владѣетъ имуществомъ¹⁾.

По опредѣленности правовыхъ нормъ съ правами братьевъ надо сопоставить права сдольниковъ, примака или пріемыша. Ихъ участіе въ общесемейномъ имуществѣ зиждется на обычаяхъ или на письменномъ договорѣ, который приходитъ въ послѣднее время въ подтвержденіе обычая. Общественное мнѣніе о такихъ лицахъ наводитъ справку въ одномъ направленіи: было ли оно въ семьѣ семьяниномъ, или простымъ рабочимъ. Въ первомъ случаѣ они получаютъ часть земли или опредѣленную договоромъ, или равную съ остальными сонаслѣдниками. Выше было достаточно говорено о правахъ пріемныхъ членовъ семьи на общее имущество, и здѣсь нѣтъ нужды повторять прежнее.

Гораздо труднѣе опредѣлить права наслѣдованія такихъ лицъ, которые не являются сыновьями, родными или пріемными, оставившаго имущество лица. Практика волостного суда имѣетъ мало случаевъ высказаться по этому поводу, понятія крестьянской среды также смутны. И это вполне понятно. Стоитъ ближе взглянуть въ народную жизнь, чтобы убѣдиться въ томъ, что имущество, земельное и движимое, рѣдко остается безъ пріаго наслѣдника.

Юридическія права на имущество крестьяннинъ получаетъ только при образованіи собственной семьи—съ женитьбой. Но если безсмертный крестьяннинъ умираетъ до раздѣла, то его жена уходитъ изъ семьи покойнаго, а имущество его остается въ средѣ этой послѣдней. Если крестьяннинъ отдѣлился (что съ безсмертными опять таки бываетъ очень рѣдко) и умеръ, оставивъ послѣ себя жену или дочерей, то онѣ имѣютъ возможность завладѣть землей, если останутся на ней, прінявъ къ себѣ прімака или сдольника. Только тогда, если ни жена, ни дочь не остаются на землѣ, можетъ быть рѣчь о наслѣдникѣ. Въ этомъ случаѣ передача земли зави-

¹⁾ Крест. дер. Бояръ Панкратъ Курильчикъ жаловался на крест. дер. Осова Давида, Федора и Андрея Бебчиковъ, которые не отдадутъ ему 10 рублей, одолженныхъ у него ихъ покойнымъ отцомъ, и кромѣ того Давидъ Бебчикъ, какъ старшій въ семьѣ послѣ смерти отца, взялъ у него одинъ возъ сѣна и пару козель, за что ему также не платитъ. Просить высказать съ отвѣтчиковъ 16 р. Отвѣтчики показали: Давидъ Бебчикъ, что дѣйствительно отцовскаго долга осталось 10 р., и кромѣ того, когда они братья жили еще вмѣстѣ, онъ бралъ у Курильчика возъ сѣна и пару козель для общаго ихъ хозяйства, за что еще неуплачено. Андрей и Федоръ Бебчики показали, что Курильчикъ собственно желаетъ, чтобы съ нихъ взыскало 16 руб. въ пользу зятя своего, а ихъ брата Давида, почему онъ и признаетъ этотъ долгъ, но въ сущности онъ уже уплаченъ. Волостной судъ по выслушаніи сторонъ, предлагалъ дѣло кончить миромъ, но за непослѣдованіемъ таковаго, судъ, признавая жалобу Курильчика основательною, рѣшилъ: взыскавъ съ Давида, Андрея и Федора Бебчиковъ для Панкрата Курильчика всего 13 руб. (Горб. в.).

силь отъ сельскаго общества, которое далеко не всегда справляется, при передачѣ земли, съ родственными отношеніями: оно, правда, предпочитаетъ передать землю родственнику покойнаго, но наименѣе обезпеченному землей или совсѣмъ безземельному, причемъ близость родства не имѣетъ особеннаго значенія.

Право женщины на наслѣдованіе землею зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: уходитъ ли она въ чужую семью, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ женщина никомъ образомъ не получаетъ части земли. Это одинаково относится какъ къ вдовѣ, послѣ мужа которой остается земля безъ наслѣдниковъ¹⁾, такъ и къ незамужнимъ. При назначеніи опеки надъ пятью малолѣтними сиротами, среди которыхъ были двѣ дѣвочки, сельскій сходъ Побоконичскаго общества (Бобр. у.) задалъ вопросомъ: кто по существующимъ мѣстнымъ обычаямъ въ обществѣ долженъ почитаться наслѣдникомъ на оставшееся имущество? Сходъ нашелъ, что мѣстный обычай по наслѣдованію имуществомъ существуетъ такой: „прямыми наслѣдниками считаются дѣти мужскаго пола, а женщины имѣютъ право получить изъ имущества при выходѣ въ замужество лишь приличное состоянію приданое, но наслѣдница женщина, оставшаяся на хозяйствѣ отца и принявшая къ себѣ прімака, имѣетъ равныя права на наслѣдованіе имуществомъ наравнѣ съ наслѣдниками мужскаго пола; каковой обычай наслѣдованія и примѣнить къ малолѣтнимъ Селивановичамъ“.

Рѣшеніе схода, равно какъ и рѣшеніе суда, приведенное въ примѣчаніи, вполне раскрываютъ народный взглядъ на наслѣдованіе женщины; къ словамъ его слѣдуетъ только прибавить, что такой взглядъ развитъ повсемѣстно въ изученномъ нами районѣ, и нѣтъ надобности приводить дальнѣйшихъ цитатъ.

¹⁾ Выписъ изъ рѣш. вол. суда Горбачевичской волости: Волостные судьи въ засѣданіи своемъ слушали: прошеніе кр. дер. Дѣдково Пелагеи Гавриловой Росликъ объ отнятіи отъ нея десятины земли, надѣленной на перваго ея мужа солдата Осипа Шпиля, переданной бывшимъ старшиной солдатѣ Екагеринѣ Головачъ въ дер. Побоконичахъ. На судѣ изъ поясненія сторонъ и свидѣтельскихъ показаній оказалось слѣдующее: просительница Пелагея Росликъ за смертію ея перваго мужа солдата Осипа Шпиля 10 лѣтъ уже вышла вторымъ бракомъ за крест. дер. Дѣдково Парфена Рослика, который имѣетъ хозяйство и новый участокъ земли: десятина же земли, надѣленная на ея перваго мужа солдата Осипа Шпиля, какъ оставлена просительницею, и какъ (просительница) не имѣетъ дѣтей отъ перваго мужа, б. старшиною передача солдатѣ Екагеринѣ Головачъ съ согласія общества. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла постановили: десятину земли, надѣленную и записанную по выкупнымъ документамъ при дер. Побоконичахъ на солдата Осипа Шпиля, который послѣ смерти мужа не оставилъ наслѣдниковъ и жена его Пелагея Гаврилова вышла вторымъ бракомъ въ дер. Дѣдково, въ домогательствѣ ей отказать, а землю признать въ пользу солдатки Екатерины Головачъ.

Можно прибавить, что ссылка на „мѣстные обычаи“ особенно часто встрѣчается въ дѣлахъ, касающихся правъ наслѣдованія женщины: волостной судъ, или сельскій сходъ несомнѣнно знаютъ, что мѣстный обычай въ данномъ случаѣ не сходитя съ писанымъ правомъ, и потому особенно настойчиво напоминаютъ о немъ.

Пока выяснится, останется ли вдова или дѣвушка на землѣ, или удалится въ другую семью, она сохраняетъ всѣ наслѣдственные права на землѣ¹⁾.

Если бы по малолѣтству дочерей земля отца захвачена тѣмънибудь, то дочери имѣютъ право требовать землю назадъ (Пин.). Если дочерей нѣсколько, то всѣ онѣ признаются наслѣдницами въ равныхъ доляхъ (Пин.). При раздѣлѣ дочь или мать, принявшія примака, уравниваются въ правахъ на землѣ съ другими членами семьи: извѣстны многочисленные случаи, когда женщина получаетъ часть земли такую же, какъ и братья. Изъ одного дѣла видно, что дочери дана была равная часть съ семейнымъ примакомъ, принятымъ: ея отцомъ къ своей племянницѣ, — „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ“. Въ другомъ случаѣ судъ раздѣлилъ дочь и ея мужа примака съ матерью, принявшею тоже примака, и опредѣлилъ имъ пользоваться равными долями (Пин.).

1) Приведемъ еще одно рѣшеніе суда, любопытное по своей сложности. Обстоятельства дѣла слѣдующія: послѣ смерти крест. дер. Атрошквичъ Василія Семенова Рудьки родныхъ дѣтей не осталось, а только падчерица Магдалина Осипова и ея мужъ Петръ Ошурко, которые и до смерти своей владѣли имуществомъ Рудьки, а послѣ смерти ихъ остались дочери Домна, Пелагея, Макрина, Грипина и Фрузина. Изъ нихъ на старшей Домнѣ женился крест. дер. Петровичъ Лука Бородинъ и завладѣлъ имуществомъ Василія Рудьки. А какъ послѣдняго племянникъ записалъ въ одномъ семействѣ по X народной переписи Илья Рудько, то и предъявилъ права на имущество Василія Рудьки. Никѣ на судѣ крест. Лука Бородинъ объяснилъ, что 7 дѣтъ тому послѣ смерти Петра Ошурки, онъ былъ работникомъ въ хозяйствѣ Ошурки, а потомъ остался хозяиномъ, какъ женился на старшей дочери Петра Домнѣ, и владѣть имуществомъ по праву наслѣдства жены Домны Петровой. Илья Рудько объяснилъ, что ранѣе не предъявлялъ правъ на имущество дяди Василія Рудьки какъ состоялъ пріемышемъ въ дер. Забудькахъ Городковской волости, но за возрастомъ сыновей у тещи и вытѣсненія его изъ хозяйства тещи, онъ, оставшись безземельнымъ, предъявилъ права на имущество дяди въ 1883 г., и съ тѣхъ поръ производилось дѣло въ разсмотрѣніи сельскаго схода и нѣсколько разъ волостнаго суда. Свидѣтели подтвердили жалобу Ильи Рудьки. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла судъ намѣшалъ: хоти дѣйствительно по X народной переписи по дер. Атрошквичи въ одномъ семействѣ записаны Василій Рудько, его племянникъ Никифоръ съ отѣткою „рекрутъ“ и послѣдняго сынъ Илья, и по выкупнымъ документамъ участокъ земли записалъ на Василія Рудьку, но такъ какъ Илья Рудько не жилъ въ семействѣ Василія, а жилъ пріемышемъ въ дочери Магдалинѣ Петрѣ Ошурко и отъ нихъ происходятъ дѣти Домна, Пелагея, Макрина, Грипина и Фрузина, постановили: все имущество Василія Рудьки предоставить въ пользу дѣтей Петра Ошурки: Домны, Пелагеи, Макрины, Грипины и Фрузины.

Такимъ образомъ, права дочерей на землѣ ограничиваются лишь такими случаями, когда отецъ, отдѣлившись отъ своей семьи, не оставилъ мужскаго потомства, и когда эти дочери остаются на своей землѣ, принимая къ себѣ примаковъ: въ такомъ же отношеніи стоитъ жена къ мужиной землѣ.

Для полноты остается отмѣтить о правахъ наслѣдованія по женщинѣ. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о движимомъ имуществѣ. Материнское приданое и сбереженія переходятъ къ дочерямъ, и даже мать не можетъ взять приданое покойной дочери, если у послѣдней остались дочери; если ихъ нѣтъ, то приданое возвращается въ родную семью.

Обычное право, въ разныхъ углахъ изслѣдованнаго района, смотритъ совершенно одинаково на опеку, на то, кто можетъ быть опекуномъ и въ чемъ ея суть. Разнообразіе заключается не столько въ пониманіи обычнымъ правомъ своей задачи, сколько въ чисто внѣшней сторонѣ дѣла: въ однихъ мѣстностяхъ, преимущественно въ южныхъ, сельскій сходъ составляетъ изустные приговоры, въ другихъ—всѣмъ приговоръ заносится въ соотвѣтственную книгу волостнаго правленія. Высшее поученіе надъ сиротами находится въ рукахъ сельскаго схода.

Для него опека имѣетъ двойное значеніе: онъ наблюдаетъ за „воспитаніемъ“ сиротъ, т. е. за тѣмъ, чтобы было ихъ кому одѣвать и кормить, и за исправнымъ взносомъ податей съ того участка земли, который принадлежитъ малолѣтнимъ; къ этому надо присоединить и заботы о чѣлости опекаемаго имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго. Если сироты необезпечены землей, то сходъ старается пристроить ихъ пріемышами въ болѣе состоятельныя семьи.

Когда нужно назначить опеку, сходъ собирается и составляетъ приговоръ, въ которомъ называются имена опекуновъ, перечисляется движимое и недвижимое имущество опекаемыхъ, опредѣляется срокъ опеки (до совершеннолѣтія старшаго изъ опекаемыхъ мальчиковъ или до выхода дѣвочки замужъ) и даются наставленія о томъ, чтобы имущество было сохранено въ чѣлости и подати уплачивались бы аккуратно. Нѣтъ нигдѣ намека на то, чтобы опекаемые получали чтонибудь въ родѣ аренды съ земли; опекуны обязаны только платить за нихъ подати и кормить ихъ; даже изъ скота къ концу опеки онѣ обязаны сохранить то же количество, которое получаютъ въ поученіе, рѣдко говорится о томъ, что приплодъ составить собственность дѣтей. Такимъ образомъ за заботы о малолѣтнихъ опекуны получаютъ доходъ съ земли и имущества.

Однако, всѣ эти сложныя формальности опеки имѣютъ мѣсто тогда, когда въ семьѣ не осталось старшаго, хозяина: среди многочисленныхъ приговоровъ не удалось встрѣтить такого, который бы поручалъ опеку старшему брату—представителю семьи, дядѣ въ нераздѣлившейся семьѣ и т. п.

Вплоть естественно, что сходъ въ этомъ случаѣ не считаетъ нужнымъ вмешиваться въ дѣла семьи: оставшіяся его представитель является опекуномъ малолѣтнихъ и плательщикомъ податей. Встрѣчаются случаи поручения опеки приему надъ дѣтьми приѣмнаго отца, или примаку, вошедшему въ домъ къ старшей изъ малолѣтнихъ уже по смерти отца. Въ такомъ случаѣ къ мужу переходитъ опека и надъ женою до раздѣла ея съ остальными сонаслѣдниками, или ихъ совершеннолѣтніа.

Если у малолѣтнихъ есть мать, то дѣти поручаются ей, а веденіе хозяйства возлагается на особо назначенныхъ опекуновъ въ томъ случаѣ, если мать не намѣрена вести его сама. Такъ, въ одномъ случаѣ сельскій сходъ назначаетъ опекунами мать и еще двоихъ крестьянъ, хотя высшій надзоръ за дѣтьми онъ оставляетъ за собой. Можно даже указать приговоръ схода, назначающій опекуна, при жизни матери дѣтей безъ указанія на то, сохраняеть ли она права опеки надъ дѣтьми или устранилась. Но эти единичные случаи, можетъ быть объяснимы какими либо особыми условиями, не измѣняютъ однако повсемѣтнаго представленія, по которому мать имѣетъ неотъемлемое право опеки: она распоряжается имуществомъ, совершаетъ за опекаемыхъ сдѣлки и пр. ¹⁾

Другое дѣло если сходу приходится заботиться о сиротахъ не только по отцу, но и по матери. Въ такомъ случаѣ онъ назначаетъ опекунами ближайшихъ родственниковъ и усиливаетъ надъ ними контроль, смѣняетъ ихъ и пр.

Необходимо отмѣтить еще и то, что сельскій сходъ беретъ въ опеку только сиротъ. Извѣстны случаи, когда сходъ назначаетъ опеку надъ семь-

¹⁾ Приведемъ по этому поводу рѣшеніе Горбачевич вол. суда, (1891 г.): Крестьянка дер. Старинкоя Пелагея Курильчикъ жаловалась на братьевъ покойнаго мужа ея Устина, Леона и Григорія Курильчиковъ, которые забрали въ свое пользованіе всю землю, у нихъ находящуюся, а ей ничего не даютъ, такъ что она не имѣетъ гдѣ посѣять картофель. Такъ какъ послѣ смерти мужа остался сынъ Антонъ 14 лѣтъ—она желаетъ его отдать къ дядѣ его, т. е. къ брату мужа ея Устину Курильчику, почему и проситъ судъ слѣдующую часть земли передать въ пользованіе Устина, при которомъ будетъ находиться сынъ ея Антонъ. Отвѣтчики показали: Устинъ, что онъ согласенъ принять къ себѣ Антона съ тѣмъ, чтобы часть его земли находилась у него; Леонъ, что согласенъ отдать часть Антону по совершеннолѣтніи его; Григорій, что онъ засѣялъ одинъ загонъ картофеля Пелагеѣ и больше дѣла не хочетъ. Волостной Судъ, по выслушаніи сторонъ предлагалъ дѣло кончить миромъ, но за непоступаніемъ онаго, признавая жалобу Пелагеѣ основательною, рѣшилъ: предоставить Устину Курильчику право пользоваться одною четвертою частью земли изъ общаго ихъ надела, принадлежащаго малолѣтнимъ Курильчикамъ, съ тѣмъ, что они должны будутъ находиться на полномъ его попеченіи.

ей, представитель которой боленъ, вести хозяйства не можетъ, а въ семьѣ одни малолѣтки, безъ хозяйки ¹⁾.

На обязанности опекуна, какъ сказано, лежитъ наблюденіе надъ дѣтьми и сохраненіе имущества. Опека прекращается, когда дѣвушка выходитъ замужъ и парни женятся. По отношенію къ первымъ, если дѣвушка выходитъ въ чужую семью, на обязанности опекуна лежитъ выдача ей приданаго „по состоянію“. Если дѣвушка живетъ въ семьѣ брата, то та же обязанность лежитъ на немъ.

Мы разсмотрѣли строй бѣлорусской семьи и нормы обычнаго права, которыми она регулируется. Нашъ бѣглый очеркъ достаточно свидѣтельствуетъ, что обычай въ данное время слабѣетъ въ крестьянской средѣ, уступая новымъ жизненнымъ условиямъ. Но и то, что осталось гдѣ настоящимъ, представляетъ глубокой научный интересъ, который способенъ еще болѣе возрасти, при сопоставленіи настоящаго съ прошлымъ. Рядомъ съ семейною общиною, состоящею изъ родственниковъ, въ крестьянской средѣ бытуетъ община, составляющаяся искусственно. Прототипъ такой семьи можно безошибочно указать въ дворницѣ-службѣ періода Литовско-русскаго государства: въ основѣ своей дворницѣ носило семейнородовой характеръ, хотя и тогда уже сибры не всегда были связаны кровнымъ родствомъ. Въ XV—XVI в. преобладающею формою крестьянскаго землевладѣнія—было сложное дворницѣ, но, оно какъ тогда такъ и теперь, не сосуществовало

¹⁾ 1877 года, апрѣля 21 дня. Мы нижеподписавшіеся крестьяне дер. Бояръ, собравшись на деревенскій сходъ и въ присутствіи нашего сельскаго старосты, разсудили между собою о томъ, что односельцѣ нашей деревни крестьянинъ Григорій Рудякъ совершенно больной, такъ что имѣть никакой надежды на его выздоровленіе, и онъ не имѣетъ жены, а имѣетъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей—сына Василія и дочерей Матрену и Прасковію, за которыми нуженъ примотръ, а также и за самимъ Григоріемъ, для того единогласно притворили: для досмотра за Григоріемъ Рудякомъ и его дѣтьми назначить опекуна крест. дер. Бояръ Семена Шимокъ съ тѣмъ, что онъ обязанъ при всѣхъ взять къ себѣ на свое иждивеніе, принадлежащую землю Григорію Рудяку, $\frac{1}{2}$ надела отдать въ пользованіе Шимоку на восемь лѣтъ, Семенъ обязанъ платить за Григорія всѣ казенныя повинности и за землю выкупной платежъ, а такъ какъ у Григорія Рудяка есть движимое имущество: два вола, одна корова и одна свинья, жилой домъ, амбаръ, варня и хлѣвокъ, то это должно находиться въ распоряженіи Семена Шимокъ на теченіе 8 лѣтъ, а по истеченіи этого срока когда сынъ Василій будетъ совершеннолѣтнимъ, Семенъ Шимокъ обязанъ землю возвратить, а также и движимое ему имущество; строенія Шимокъ обязанъ поддерживать, дабы не приходили въ ветхость. Нынѣ же на Григорія числится много казенной вѣдомки и онъ не имѣетъ денегъ очистить оную, то предоставить право Шимоку одного вола продать и такуюю попоинить: когда Григорій умретъ, то Шимокъ обязанъ похоронить его по христіанскому обряду.

рядомъ съ формой малой семьи. Мало того, можно даже указать на то, что способы и причины образования семейной общины нѣсколько вѣковъ тому назадъ часто вполне совпадаютъ съ нынѣшними: приемъ въ семью „за сына мѣсто“, какъ выражаются документы, большой надѣлъ при маломъ числѣ рабочихъ рукъ и очевидныя выгоды сибириннаго владѣнія—побуждали соединиться нѣсколько семействъ въ одно дворницѣ; наоборотъ, малоземельность, обиліе рукъ заставляли семью дѣлиться и младшихъ членовъ ея уходить „на свой хлѣбъ“. Въ самой организаціи семейной общины, въ характерѣ, напр., власти отца, порядкѣ наследованія и опеки и пр., можно найти типическія черты, которыя легко сопоставить съ бытомъ отдаленнаго прошлаго.

Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ¹⁾.

При изслѣдованіи культурныхъ и религіозныхъ переживаній свадебныхъ обрядовъ можно имѣть въ виду два метода. По первому можно было бы расположить изслѣдуемый матеріалъ по разнымъ рубрикамъ, которыя выработаны въ современной этнологической фольклористической наукѣ относительно эволюціи семьи и религіозныхъ культовъ. Другой методъ состоитъ въ простомъ объясненіи обрядовъ по мѣрѣ ихъ исполненія. Оба метода имѣютъ свои выгоды и невыгодныя стороны. Я рѣшился слѣдовать второму, во-первыхъ, какъ наименѣе сложному и отвѣтственному, во-вторыхъ, еще и потому, что въ него легко входитъ первый.

Но, слѣдуя второму методу, приходится встрѣчать затрудненіе въ выборѣ основного описанія свадебнаго обряда, которому пришлось бы слѣдовать при изложеніи отдѣльныхъ частей. По описанію бѣлорусской свадьбы, правда, до сихъ поръ сдѣлано не мало, не мало издано описаній изъ различныхъ частей Бѣлоруссіи. Но описанія эти не всегда и не совсѣмъ сходятся въ изложеніи различныхъ подробностей: одни пространнѣе, другія короче и т. п. Разница, повидимому, происходитъ и вслѣдствіе того, что различные обряды въ разныхъ мѣстностяхъ исполняются различно, и вслѣдствіе того, что наблюдатели придавали неодинаговую цѣну различнымъ частностямъ. Выбрать въ основу изложенія приходится описаніе, отличающееся наибольшими подробностями и исходящее изъ центральной части страны. Я scelto, по многимъ причинамъ, наиболѣе удовлетворяющимъ такимъ требованіямъ собранный мною матеріалъ. Въ основу были приняты два описанія свадьбы, доставленныя мнѣ изъ Никольской волости Минскаго у.: одно—учителемъ П. П. Демидовичемъ, другое—крестьяниномъ Ѳ. В. Ярмако-

¹⁾ Этногр. Обзор. 1893 г.

вичемъ, ¹⁾ уроженцами и жителями данной мѣстности. Я считаю своимъ приятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность П. П. Демидовичу за его содѣйствіе и воздать должное памяти Ѳ. В. Ярмаконича, такъ горячо любившаго свою родину и преданнаго ей; онъ вѣрно угадалъ пользу, которую можетъ принести странѣ, гдѣ родился, и съ любовью и энергіей отдался ей. Миръ праху твоему, добрый труженикъ! Дай Богъ, чтобы побольше было у насъ такихъ крестьянъ!

Кромѣ того, мною лично были сдѣланы записи обрядовъ и пѣсень въ Игуменскомъ, Бобруйскомъ, Рѣчицкомъ, Мозырскомъ и Пинскомъ уу. Эти материалы были поставлены также на первый планъ. За тѣмъ я старался воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что даетъ уже изданныя литература этого вопроса, какъ это и увидитъ читатель изъ ссылокъ.

Но я не имѣю здѣсь въ виду дать подробное описаніе обрядовъ. Это описаніе читатель найдетъ въ моихъ материалахъ, когда мнѣ удастся ихъ издать. Цѣль моя—выбрать только тѣ факты, которые могутъ имѣть интересъ съ точки зрѣнія современной этнологической науки, и поставить ихъ въ связь съ параллельными фактами изъ ритуаловъ различныхъ индо-европейскихъ народностей, насколько мнѣ была доступна литература о нихъ.

По отношенію къ великорусской, малорусской и отчасти славянской свадьбѣ многи параллели уже сведены въ трудахъ гг. Сумцова, Янчука, Волкова, Весина и Смирнова, къ которымъ мнѣ пришлось часто обращаться. Предупрежденный въ этомъ отношеніи своими предшественниками, я старался внести бѣлорусскіе, а слѣдовательно и вообще русскіе обряды въ сферу романо-германскихъ сродныхъ обычаевъ; но литература, бывшая у меня подъ руками, оказалась, къ сожалѣнію, далеко недостаточной.

Мнѣ приходится мало говорить о юридическомъ значеніи нашей свадьбы, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльных частяхъ. Въ данномъ случаѣ это выходитъ изъ круга моей задачи. При томъ, объ этомъ мнѣ придется говорить въ спеціальной работѣ, посвященной обработкѣ собранныхъ мною матеріаловъ о юридическихъ обычаяхъ въ области бѣлорусской семьи.

Здѣсь я однако скажу два слова о церковномъ вѣнчаніи. По понятію бѣлорусса, безъ „вяселія“, т. е. всего ритуала, исполнѣннаго законнаго брака быть не можетъ. Иногда между вѣнчаніемъ и свадьбой проходитъ нѣкоторое время, и все таки формальные мужъ и жена считаются только женихомъ и невестой, и сожителство строго воспрещается. Такимъ образомъ, какъ и нѣредко въ Россіи, церковное вѣнчаніе въ глазахъ бѣлорусса не играетъ существеннаго значенія.

¹⁾ Къ сожалѣнію, этотъ многообѣщавшій самородокъ-этнографъ скончался во время послѣдней холерной эпидеміи.

Предварительныя приготовления.

1. Сватовство. Опросъ невесты.—2. Дружина жениха и невесты.—3. Записки.—4. Змѣины.—5. Юридическое значеніе сговора.—6. Дареніе монеты невестѣ.—7. Таецъ невесты.—8. Выборъ времени года и дней.

Свадьба завязывается длинной процедурой сватовства. Обыкновенно въ сваты избирается кто-либо изъ наиболее уважаемыхъ родственниковъ, чаще всего крестный отецъ, если онъ живъ; къ нему придется въ помощь еще одинъ—другой изъ родственниковъ. Рѣдко женихъ отправляется со сватами самъ, особенно въ первый разъ. Иногда дѣлаютъ предварительныя развѣдки, что исполняютъ или самъ паренъ, или его мать, такъ какъ отказъ въ выдачѣ дочери есть уже „ганьба“ (позоръ) для парня.

Этикетъ требуетъ, чтобы сватовъ въ семьѣ невесты встрѣтили небрежно, какъ бы не замѣтивъ ихъ появленія: всякій усердно продолжаетъ свою работу. Процедура сватовства болѣе или менѣе общезвѣстна. Разговоры, которые заводитъ сватъ, доводы, которыми онъ старается убѣдить родителей невесты и самой невесту, — зависятъ въ большой мѣрѣ отъ искусства свата, отъ его умѣнья побалагурить. Замѣтимъ, что этикетъ не дозволяетъ сторонѣ невесты сразу согласиться на бракъ: женихъ хорошаго тона жетъ и отказаться отъ такой хотничи выйти поскорѣе замужъ. Обычно сторона невесты даетъ согласіе только за третьимъ приходомъ сватовъ.

Важный атрибутъ сватовства составляетъ бутылка водки и хлѣбъ, которые они несутъ съ собою. Сторона невесты, пока не дастъ согласія на бракъ, не соглашается ни за что попробовать ихъ угощенія, потому что такая проба означать согласіе сама по себѣ.

Весь порядокъ сватовства имѣетъ чисто обрядовое значеніе, и обряды его имѣютъ самое широкое распространеніе.

Начнемъ съ обычая дѣлать предварительныя развѣдки. Онъ совершается различными образомъ, но имѣютъ вездѣ одинъ и тотъ же характеръ. Такъ, въ Сициліи, извѣстенъ обычай, называемый *zuscuppiu*: молодой человекъ кладетъ ночью у входа въ домъ своей возлюбленной различные подарки—платокъ, золотыя украшения и пр. Если отецъ дѣвушки поутру возьметъ эти подарки и передастъ ей, то молодой человекъ можетъ посылать сватовъ ¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Амусетѣ, молодой человекъ

¹⁾ *Giuseppe Pitri*, Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliani; XV, Usi et costumi, V. II (Palermo), p. 26.

идеть съ своею матерью ночью къ дверямъ дѣвушки и поеть санзона (і апогі; если сторона невѣсты выходитъ слушать, онъ на слѣдующій день посылаетъ сватовъ ¹⁾. У калабрийцевъ такимъ образомъ паренъ узнаетъ о согласіи любимой дѣвушки: онъ ставитъ у входа въ избу ея огромный стволъ дерева, на которомъ вырѣзываетъ остриемъ топора знаки и украшаетъ его цвѣтами. Если мать дѣвушки утромъ возьметъ дерево и броситъ его въ домъ, то это означаетъ, что родные дѣвушки согласны вести формальные переговоры съ парнемъ ²⁾.

Различные способы вручить избранной дѣвушкѣ предварительнo подарокъ соотвѣствуютъ бѣлорусскому обычаю, существующему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, — передавать дѣвушкѣ подарокъ (платокъ, серьги, кольцо или башмаки); передать либо самъ паренъ, либо одна изъ его родственницъ, отправляющаяся на развѣдки. Болѣе поэтической характеръ носить, еще одинъ способъ узнать согласіе дѣвушки: ларенъ на вечеркахъ тайно старается пожать руку дѣвушки; если она отвѣтитъ тѣмъ же, — это считается предварительнымъ съ ея стороны согласіемъ. Обычай этотъ называется „поданіемъ руки“ (въ Минскѣ и Рѣчицкѣ уу.).

Обычай предварительнo пересылать дѣвушкѣ подарокъ встрѣчается и у латышей, гдѣ паренъ пересылаетъ талеръ, завернутый въ платокъ ³⁾. Затѣмъ мы еще приведемъ аналогичный обычай у племени Галеда, въ Индіи. Мѣстный обычай указываетъ, что предварительный подарокъ является какъ бы задаткомъ выкупа за невѣсту. Молодая женщина, по порученію родичей парня, является въ домъ дѣвушки съ чашею, наполненною 10—15 пинаговыми орѣхами, и среди разговоровъ незамѣтно оставляетъ эту чашу въ домѣ, а сама уходитъ. Если домашніе не обратятъ вниманія на эту чашу, — это служитъ хорошимъ признакомъ. На третій день снова та же женщина является въ домъ родителей дѣвушки уже съ чашею, наполненною 10—15 реалами. Если прежняя чаша находится на мѣстѣ, это означаетъ, что родители дѣвушки согласны вести переговоры о выкупѣ ⁴⁾.

Принесеніе подарковъ иногда дѣлается самими сватами, и во всякомъ случаѣ принятіе ихъ означаетъ согласіе на бракъ родителей невѣсты ⁵⁾.

Обычай вести переговоры о женитбѣ черезъ посредство третьихъ лицъ — явленіе, повидимому, не имѣющее исключеній среди самыхъ различ-

ныхъ народовъ ¹⁾; оно свойственно почти всѣмъ представителямъ индо-европейскихъ и финскихъ народовъ. Оно было извѣстно и народамъ древности: индусамъ ²⁾, иранцамъ ³⁾, грекамъ и римлянамъ ⁴⁾. Различныя частности сватовства повсюду имѣютъ поразительно сходство.

Такъ, обычай приноситъ съ собою вино встрѣчается у эстовъ, финновъ, вотанковъ, мордвы, шведовъ, у тирольскихъ нѣмцевъ, въ Гессенѣ и др., у всѣхъ славянъ ⁵⁾, у латышей ⁶⁾, у лопарей ⁷⁾. Сицилійцы также отправляются сватать съ бутылкой вина и хлѣбомъ ⁸⁾. Даже сродный обычай встрѣчаемъ у одного изъ африканскихъ народовъ ⁹⁾.

Принятіе угощенія отъ сватовъ считается, какъ мы сказали, за предварительное согласіе. Въ Арденнахъ, во Франціи, если невѣста не даетъ своего согласія сватамъ, она ѣстъ отдѣльно; если же соглашается, — всѣ ѣдятъ вмѣстѣ ¹⁰⁾.

Изъ обычаевъ сватовства обращаетъ на себя вниманіе то, что сваты рѣдко говорятъ прямо о цѣли своего прихода. Обычно они выражаются иносказательно. Въ Рѣчицкѣмъ уѣздѣ сваты, входя въ избу, спрашиваютъ: „Чи ни маяня дѣлушки ля продажи?“ — „Мамо и продамо“, — отвѣчаетъ хозяйня, выражая тѣмъ свое согласіе на начатіе предварительныхъ переговоровъ ¹¹⁾. Въ околицахъ Минска, по описанію 1800 г., сватъ говорилъ хозяйну дома: „Нашъ быкъ да до вашей дѣлушки привикъ. Кабъ дау Богъ даждаць—вашю дѣлушку да нашего быка загнаць“ ¹²⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ цѣль сватовства ставится еще болѣе опредѣленно. Сватъ говоритъ: „У тебе, го сподарю, есьць товаръ ледзенець, а у меня есьць купецъ молодець“ ¹³⁾. Въ

¹⁾ Leop. Schröder, Die Hochzeitsbräuche der Esten und einiger anderer finn.-ungarisch. Völkerschaften im Vergl. mit denen der indogerm. Volk., Berl. 1888, p. 32.

²⁾ Weber, Indische Studien, V, p. 276. Ср. комментарий къ сутрамъ Apastamba, описывающей сватовство; описаніе весьма интересно въ смыслѣ устойчивости обрядовыхъ формъ. См. Winteritz, Das altindische Hochzeitsrituell nach dem Apastamba-Grihyasutra und einigen Anderer verwandten Werken. Wien, 1892, p. 40.

³⁾ Geiger, Östiranische Kultur in Alterthum, Erlangen, 1882, p. 241.

⁴⁾ Ang. de Gubernatis, Storia comparata degli usi nuziali in Italia, Milano, 1869, p. 88—90.

⁵⁾ Schröder, 33—35.

⁶⁾ Вольтеръ, Матеріалы, 169.

⁷⁾ Харузинъ, Русскіе лопари, Москва, 1890, стр. 263.

⁸⁾ Pitré, Biblioteca d. trad. pop. XV, Usi, XI, 24.

⁹⁾ Letourneau, L'evolution du mariage et de la famille, Paris, 1888, p. 138.

¹⁰⁾ Meucas—въ Revue des traditions populaires, III, p. 111.

¹¹⁾ М. Запольскій, Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни, Кіевъ, 1888, стр. 10.

¹²⁾ Gołkiewski, Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony. Warsz. 1830, p. 66.

¹³⁾ Носовичъ, Бѣлорусскія пѣсни. Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., т. V, стр. 134.

¹⁾ Ibidem, 18—19.
²⁾ Vincenzo Dorsa, La tradizione greco-latina negli usi e nelle credenze popolari della Calabria citeriore. Cosenza, 1879, p. 35.
³⁾ Вольтеръ, Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витъ-губ., Спб., 1891, стр. 166.
⁴⁾ Alb. Herm. Post, Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts. Oldenb. und Leipzig, 1890, p. 172.
⁵⁾ Ibidem, 173.

Могилевской губ. отец выводит дочь къ сватамъ со словами: „Добрый вечеръ вамъ, сваты, виду вамъ таваръ—ни слипой, ни храмой, дай Богъ и мѣб такой. Даю вамъ, говорю вамъ, штобъ вамъ ни было абыды на нашъ таваръ“¹⁾.

Описанные приемы имѣютъ также обрядовое значеніе. Обычай, что сваты ищутъ корову, теленка, голубя, птицу, встрѣчается у ливонцевъ, эстовъ, венгровъ, финновъ, въ Сардиніи и др.²⁾ У латышей сваты ищутъ лисицу, зайца³⁾, то являются какъ куццы, покушающіе лень⁴⁾. У лопарей они спрашиваютъ, не отдадутъ ли „уточку“⁵⁾ и т. д. Въ Нижней Бретани сваты говорятъ о сватаньи дѣвушки, какъ о покупке лошади, не упоминая даже имени ея⁶⁾.

Указанные только что факты даютъ возможность прийти къ заключенію, что само сватовство представляетъ собою одно изъ переживаній купли-продажи невесты. Сваты являются теперь подъ видомъ куццовъ, потому что при существованіи фактической купли они дѣйствительно являлись представителями жениховаго рода, обязанными вести переговоры о куплѣ для одного изъ его членовъ жены.

Это подтверждается еще и обрядомъ рукобитья. Сваты и отецъ невесты, какъ только придутъ къ предварительному соглашенію, тотчасъ же ударяютъ по рукамъ. Этотъ обрядъ мы встрѣчаемъ въ Витебской губ.⁷⁾ Въ Смоленской губ. сватовство называется баршешемъ⁸⁾, въ чемъ нельзя не видѣть яснаго указанія на торговую сдѣлку. Рукобитие мы встрѣчаемъ также и во Франціи, въ Нижней Бретани, гдѣ весь обрядъ сватовства, по выраженію наблюдателя, — простой актъ торговли⁹⁾. Рукобитие мы встрѣчаемъ у мордвы¹⁰⁾, у лопарей¹¹⁾, въ средневековомъ сѣверо-германскомъ правѣ и пр.¹²⁾ Въ общемъ, рукобитие признается, какъ самый примитивный актъ заключенія торговой сдѣлки¹³⁾.

1) *Шейнс*, Материалы для изученія быта и яз. русск. нас. сѣв.-зап. края, ч. II, стр. 295.

2) *Schröder*, Die Hochzeitsbräuche der Esten, 36—39.

3) *Вольтеръ*, Материалы, 198.

4) *Ibidem*, 202—203.

5) *Харузинъ*, Русскіе лопари, Москва, 1890 г., стр. 276.

6) *Sarrance*, Le mariage chez nos pères. Paris, 1872, p. 101.

7) Вѣстникъ И. Русскаго Геогр. Общ., ч. 9, стр. 23. *Шейнс*, Материалы, 2 ч., стр. 14, 252.

8) *Шейнс*, Мат., II, стр. 491.

9) *Sarrance*, Le mariage chez nos pères, p. 101.

10) *Майновъ*, Очерки юридическаго быта мордвы, СПб., 1885, стр. 59.

11) *Харузинъ*, Русскіе лопари, 276.

12) *K. Lehmann*, Verlobung und Hochzeit nach den nordgermanischen Rechten des früheren Mittelalters, München, 1882, p. 108.

13) *Ковалевскій*, Современный обычай и древн. законъ. Обычное право осетинъ, М. 1886, I. стр. 163—5.

Сама невеста во всемъ сватовствѣ не играетъ никакой роли. Извѣстенъ опросъ невесты ея родителями и сватами, желаетъ ли она за такогото парня итти, или нѣтъ¹⁾. Но этотъ опросъ имѣетъ чисто обрядовое значеніе. У мѣщанъ Могилевской губ. спрашиваютъ, напр., невесту уже послѣ того, какъ написана предбрачная роспись, и когда рѣшеніе ея уже не можетъ имѣть какого-либо значенія²⁾. Обрядовый опросъ невесты можно указать, напр., у племени Kuhl, въ горной Индіи, гдѣ дѣвушка, какъ и у насъ, ссылается на волю родителей³⁾, или же, напр., у сартовъ, якутовъ⁴⁾ и др.

Въ народной поэзіи также отразилось возрѣніе на сватовъ, какъ на покупателей невесты. Они пускаютъ стрѣлу, чтобы добыть невесту⁵⁾. Невѣста невесела, потому что каждую субботу наѣзжаютъ сваты, возить зеленое вино, поить ея отца—„мене молоденькую просишь“⁶⁾. Одна сицилійская пѣсенка рассказываетъ, какъ сынъ совѣщается съ матерью насчетъ женитьбы. Она собирается сама пойти свахой, заплатитъ за дѣвицу, если потребуютъ; сынъ проситъ передать возлюбленной, что pensando o lei non vedo dagli occhi⁷⁾.

За сватовствомъ начинаются приготовления въ домѣ жениха и невесты. Молодой собираетъ дружину, избираетъ еще одного-двухъ сватовъ, изъ которыхъ одинъ считается старшимъ: первого и второго „братуоу“, „свацею“, двухъ „сваценокъ“. Дружина всегда набирается изъ родственниковъ, „рода“. Особенно важна роль первого брата (дружка). Онъ сажаетъ жениха на посадь, держитъ надъ нимъ вѣнецъ въ церкви и пр.; второй братъ, по объясненію крестьянъ, избирается „ля юнару“. За столомъ первый братъ сидитъ съ правой, второй—съ лѣвой стороны жениха. „Свацея“—помощница свата и запѣвало.

Въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Борисовскомъ у., избираютъ трехъ свахъ, изъ которыхъ старшая—крестная мать, и двухъ замѣстителей дружекъ⁸⁾. Крестный отецъ—непремѣнный членъ дружины; онъ старшій свать и называется въ некоторыхъ мѣстностяхъ *возиламъ*, потому что везетъ дружину къ невестѣ. Въ Виленской губ. избираютъ еще *панибрия*, роль котораго таже, что и дружки⁹⁾.

1) Описание обряда см., напр., у *Носовича*, Зап. И. Р. Г. Общ., V, 135.

2) *Дембовскій*, Опытъ описанія Могилевской губ., I, стр. 642.

3) Статья *Iellinghaus'a* въ „Zeitschrift für Ethnologie, Organ der Berl. Gesellschaft f. Anthrop., Ethnol. und Urgeschichte“, Bd. III, 1871, p. 368.

4) *Alt. Post. Studien zur Entwicklungsgeschichte der Familienrechts*. Leipz. 1890, p. 167—168.

5) *Носовичъ*, Зап. И. Р. Г. Общ., V, 137, № 3.

6) *Ibidem*, стр. 271, № 15.

7) *Pitré*, I. c., p. 23.

8) *Шейнс*, Мат., 2 ч., стр. 73.

9) *Ibidem*, 3.

Невеста также собирает свою дружину. У нея есть также сваты, дружки и пр. По описанію свадьбы въ околицахъ Минска 1800 г., непосредственно послѣ согласія родителей невеста избираетъ себѣ двухъ подругъ, которыя называются „большанки“; онѣ во все время сватовства и свадьбы живутъ въ домѣ невесты и не отходятъ отъ нея, поютъ пѣсни, помогаютъ приводить въ порядокъ приданое, одежду и проч. ¹⁾ Впослѣдствіи къ дружинѣ невесты примыкаетъ еще должностное лицо—„маладзица“.

Кромѣ того, и къ невестѣ и къ жениху примыкаетъ человекъ по 10—20 парней и дѣвушекъ, подругъ и друзей ихъ, которыя также слѣдуютъ за ними во все время совершенія свадебныхъ обрядовъ; вообще, родители обѣихъ сторонъ стараются, чтобы дружины было какъ можно больше. Кромѣ того, вся дружина непременно должна быть на лошадахъ: часть въ телѣгахъ, а другая часть верхами. Какъ бы ни былъ близокъ домъ невесты, или церковь, все таки стараются ѣхать, а не итти. Интересно, что этимъ мотивомъ, приходилось слышать не разъ, объясняютъ крестьяне свое стремленіе брать невесту изъ другого села.

Значеніе дружины жениха не подлежитъ сомнѣнію. Это—тотъ „полкъ“, какъ поется въ пинскихъ пѣсняхъ, съ которымъ женихъ собирается раздобыть дѣвушку „тести звеваты“, разбить „крамянну (каменную) стѣну“. Мы сейчасъ увидимъ, что и фактически дружина жениха должна отнять невесту отъ дружины невесты, ее защищающей. Это составляетъ одинъ изъ важныхъ актовъ свадебнаго обряда. У бѣлорусовъ Тверской губ. мы находимъ въ высшей степени интересный обычай, напоминающій древніе сборы дружины, отправлявшейся за добываніемъ женъ. Утромъ въ день свадьбы дружка садится въ передній уголъ, и отецъ жениха обращается къ нему: „Я тебѣ даю одного, а ты привези мнѣ пару“. Дружка предлагаетъ привезти четырехъ, но отецъ заявляетъ, что ему нужно только пару. Затѣмъ дружка приглашаетъ одѣть жениха „обрядъ палажиться“. Жениха одѣваютъ. Послѣ этого ставятъ на землѣ сковородку, въ нее становится женихъ обими ногами, а тѣ, которымъ назначено ѣхать за невестой, числомъ 6—8 человекъ, ставятъ вокругъ него на сковороду только правыя ноги. Тогда всѣ стоящіе на сковородкѣ цѣлуютъ образъ и дружку произносятъ: „Ну, цаудите Вожіе милосердіе, щобъ стаяли дружка за дружка, братья за брата, за единую кровь каплю“. Затѣмъ начинается обрядъ „кликанья“—собираніе денегъ въ пользу молодого ²⁾. Этотъ обрядъ не требуетъ особенныхъ комментариевъ: молодежь собираетъ дружину, чтобы раздобыть съ нею себѣ жену; имъ придется сражаться, брать ее съ боя, перенести опасности, труды, а потому они даютъ другъ другу клятву стоять брать за брата. Отецъ жениха и весь присутствующій родъ снабжаютъ его деньгами.

¹⁾ *Cotmbiowski*, Lud, p. 69.

²⁾ Этнографическій Сборникъ И. Русск. Геогр. Общ., т. I, p. 254—246.

Обычай собирать дружину для жениха и невесты извѣстенъ не только повсемѣстно въ Россіи ¹⁾ и среди славянъ вообще ²⁾. Его мы встрѣчаемъ уже у древнихъ индусовъ, гдѣ упоминаются сваты и дружки ³⁾. Въ настоящее время въ Уэльсѣ женихъ является къ невестѣ въ сопровожденіи воруженныхъ поселянъ, тоже и въ Скандинавіи ⁴⁾. Дружина жениха невесты играетъ крупную роль въ борьбѣ за невесту во французской свадьбѣ ⁵⁾, во многихъ мѣстахъ Германіи, Ирландіи и др. ⁶⁾. У тирольскихъ пѣмцевъ жениха всегда сопровождаетъ братъ его или близкій родственникъ, невесту—„носитель вѣнча“ ⁷⁾. То-же значеніе имѣетъ дружина у латышей ⁸⁾, и т. д.

Значеніе дружины особенно рельефно выступаетъ тамъ, гдѣ существуетъ реальное похищеніе невесты. Женихъ собираетъ своихъ со товарищей и съ ними рѣшается добыть себѣ невесту. Такое значеніе дружины жениха можно видѣть, наприимѣръ, изъ обычая похищенія у кавказскихъ горцевъ ⁹⁾, у чувашей ¹⁰⁾, у мордвы ¹¹⁾, у вотяковъ ¹²⁾ и мн. другихъ.

Появленіе дружины въ такомъ же числѣ и съ такимъ же значеніемъ и со стороны невесты слѣдуетъ отчасти отнести на счетъ ритуальнаго параллелизма: съ уравниемъ положенія относительно иступленія въ бракъ жениха и невесты, уравнивались постепенно и обряды, совершаемые отдѣльно у того и другого. Отсюда мы видимъ цѣлый рядъ обрядовъ, совершаемыхъ у невесты совершенно такимъ же образомъ, какъ и у жениха. Съ другой стороны, въ пѣсняхъ мы видимъ, что дружина невесты является ея естественною защитницей противъ дружины жениха; въ обрядахъ дружина невесты продаетъ ее, защищаетъ во время симулированнаго похищенія и пр.

¹⁾ *Сумцовъ*, „О свадебныхъ обрядахъ преимущественно русскихъ“, Харьковъ, 1882, стр. 6—24, *passim*.

²⁾ Ср. „Обычное право южн. Славянъ“. (По Богичичу) „Юридик. Вѣстн.“ 1877, I, стр. 100, 107.

³⁾ *В. Миллеръ*, „Очерки арійской миеологии“, стр. 25.

⁴⁾ *Ковалевскій*, „Перибытное право“, II, стр. 105, 106.

⁵⁾ *Garrence*, Le mariage chez nos pères p. 224, 218—219 и др.

⁶⁾ *Loth. Dargun*, Mutterrecht und Raubehe, Breslau, 1883, p. 134, 103 и др.

⁷⁾ *Zingerle*, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, Innsbruck, 1859, p. +56.

⁸⁾ *Вольтеръ*, „Материалы для этн. Лат. плем.“, стр. 205, 206.

⁹⁾ См. описаніе г. *Егизарянца*—„Вракъ у кавказскихъ горцевъ“, Юридик. Вѣстн., 1878, июль, стр. 965; ср. „Этнограф. Обзор.“, 1890, № 3, стр. 46 и сл. Въ адаткахъ по дѣламъ объ уносахъ дѣвушки съ особенною рельефностью выступаетъ все громадное значеніе дружины жениха. См. *Леонтовичъ*, Адаты кавказскихъ горцевъ, II, стр. 29, 69—70, 98 и пр.

¹⁰⁾ *В. Сбогъ*, Чуваши въ бытов. истор. и религіозн. отношен. Москва, 1865, p. 28—30.

¹¹⁾ *Майновъ*, Очерки юридич. быта мордвы, стр. 31.

¹²⁾ *Max. Buch*, Die Wotjaken, eine ethnologische Studie, Stuttgart, 1882, p. 50.

Съ особенною яркостью значеніе дружины выразилось въ пинскихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Дружина жениха—это его полкъ, съ которымъ онъ добываетъ себѣ дѣвицу. Полкъ этотъ—несомнѣнно родовой, состоящей изъ членовъ рода жениха¹⁾. Мы увидимъ, при разборѣ собственно бѣлорусскихъ пѣсней о похищеніи невесты, что подобные мотивы не чужды и послѣднимъ, хотя, быть можетъ, въ менѣе опредѣленныхъ формахъ.

Сватовство совпадаетъ обычно съ „малой горьлкой“, или „малыми запоинами“. Какъ только сваты добьются согласія родителей невесты, послѣдніе тотчасъ посылаютъ за ближайшими родственниками, за наиболѣе уважаемыми сосѣдами. Когда послѣдніе соберутся, имъ объявляется о дѣлѣ ихъ приглашенія. Тутъ и пьютъ „малую горьлку“, говорятъ о важнѣйшихъ приготовленияхъ къ свадьбѣ. Всѣхъ запоинъ бываетъ три; третій называется великими²⁾. Онѣ обычно соединяются съ сговоромъ, змовинами. Змовины бываютъ иногда и отдѣльно. Кромѣ того, известны еще заручины и дѣвичники. Но вся эта процедура у бѣдныхъ сокращается, ради избѣжанія расходовъ, такъ что запоинъ бываетъ двое, малая и большія; большія соединяются съ змовинами, заручины съ дѣвичникомъ; послѣдній иногда совсѣмъ опускаютъ.

Запоины никакими особенными обрядами не отличаются. Значеніе ихъ чисто юридическое. На нихъ опредѣляется съ мельчайшими подробностями весь ходъ свадьбы, всѣ расходы, подарки и пр. На нихъ собираются только старшіе родственники. Змовины нѣсколько многолюднѣе запоинъ. На нихъ окончательно объявляются всѣ условія заключаемой сдѣлки между обѣими сторонами; измѣнять эти условія уже послѣ змовинъ не допускается. Главное условіе змовинъ—это присутствіе родственниковъ и сосѣдей, привязанныхъ обѣими сторонами, какъ свидѣтелей сговора. Главная роль принадлежитъ крестнымъ отцамъ или родственникамъ, ихъ заступающимъ.

На змовинахъ же пишутъ „предбрачную“ записку. Этотъ обычай до сихъ поръ очень рѣдокъ среди бѣлоруссовъ, такъ какъ довольствуются устнымъ условіемъ. Свѣдѣнія о предбрачной запискѣ мы встрѣчаемъ у мѣщанъ Могилевской губ.³⁾ Среди крестьянъ такія письменныя условія дѣлаются въ исключительныхъ случаяхъ, напр., когда отецъ дѣвушки принимаетъ къ себѣ въ домъ зятя-примака. Нѣсколько подобнаго рода условій мнѣ удалось извлечь изъ книгъ волостныхъ правленій Бобруйскаго уѣзда.

Сговоръ предшествуетъ заключенію брака у различныхъ народовъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, и потому долженъ быть

¹⁾ Богѣе подробно о мотивахъ свадебныхъ пѣсней пинчуковъ въ отдѣльной статьѣ „Мотивы свадебн. пѣсней пинчуковъ“, Гродна, 1893.

²⁾ Аналогичное раздѣленіе запоинъ на большое и малое пиво см. у латышей. *Волтеръ*, *Мат. для этн. Лат. плем.*, стр. 169.

³⁾ *Дембовецкій*, Опытъ описанія Могилевской губ., I, 641.

признанъ явленіемъ общераспространеннымъ¹⁾. Онъ имѣетъ чисто юридическое значеніе контракта, заключаемаго обѣими сторонами. Главное условіе его—обязательное присутствіе извѣстнаго числа лицъ изъ родственниковъ, являющихся свидѣтелями сговора.

Участіе свидѣтелей сговора мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ чешской свадьбѣ²⁾, у тирольскихъ нѣмцевъ³⁾. Присутствіе родственниковъ требовалось средневѣковымъ французскимъ правомъ⁴⁾. Сговоръ въ сѣверо-германскомъ средневѣковомъ правѣ—одно изъ непремѣнныхъ условій брачной сдѣлки. Тотъ только считался законнорожденнымъ, чья мать была сговорена: безъ сговора не могло быть правильно заключеннаго брака⁵⁾. Сговоръ освѣдчался присутствіемъ свидѣтелей, какъ и покупка всякой другой вещи, земли и пр.⁶⁾ Köhler считаетъ сговоръ самымъ важнымъ и непремѣннымъ условіемъ брачной сдѣлки въ древне-индускомъ правѣ; остальная часть брака имѣетъ лишь религіозное значеніе⁷⁾. Такое же значеніе сговора выступаетъ и среди народовъ финскаго племени. У лопарей, напр., сговоръ обязательнъ; на немъ даютъ свое согласіе на бракъ всѣ родичи⁸⁾.

Участіе родственниковъ при сговорѣ и вообще во всей свадебной церемоніи мы наблюдаемъ и въ обычаяхъ французскихъ⁹⁾ и итальянскихъ племей¹⁰⁾.

Собственно женихъ и невеста не играютъ никакой роли на сговорѣ. Въ Игуменскомъ у. женихъ вовсе не ѣздитъ на змовины; невеста обычно удаляется на все это время въ домъ кого-либо изъ родственниковъ. Сговоръ, слѣдовательно, контрактъ, заключенный не между брачующимися, но между ихъ семьями. Это вполне естественно, потому что при родовой организаціи, къ которой относится большая часть свадебнаго ритуала, сами женихъ и невеста не были правоспособны вступать въ какія бы то ни было обязательства.

Запоины и змовины происходятъ безъ особенныхъ обрядовъ. Стѣдуетъ однако остановиться на духъ особенностей этихъ частей ритуала: на предбрачномъ дареніи женихомъ невестѣ и на обрядовомъ танцѣ по-

¹⁾ *Post*, Studien zur Entwicklungsgeschichte d. Familienrechts, p. 157, и сл.

²⁾ *Bartoš*, Lid a narod, Praha, 1892, p. 78—79.

³⁾ *Zingerle*, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, p. 456.

⁴⁾ *Koenigsarter*, Histoire de l'organisation de la famille en France depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris, 1851, p. 122—123.

⁵⁾ *K. Lehmann*, Verlobung und Hochzeit, p. 98.

⁶⁾ *Ibidem*, p. 76.

⁷⁾ Indische Ehe und Familienrecht, „Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft“, B. III, p. 305.

⁸⁾ *Харузинъ*, Русскіе Лопари, стр. 270, 274.

⁹⁾ *Carrence*, Le mariage chez nos pères, p. 102, 103 и др.

¹⁰⁾ *Pitrè*, Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliani, XV. Usi e costumi, II, p. 62.

слѣдней. Это бываетъ либо на запоинахъ, либо на змовинахъ, когда, по окончаніи всѣхъ формальныхъ переговоровъ, призываютъ молодежь, находящуюся гдѣ-нибудь по сосѣдству. Оба обряда неустойчивы въ бѣлорусской свадьбѣ: въ иныхъ мѣстахъ исполняются, въ другихъ гѣтъ; въ иныхъ исполняются уже послѣ вѣнчания, на брачномъ пирѣ, въ другихъ до него; оба между собою обрядовой связи не имѣютъ.

Передача предбрачнаго дара невестѣ женихомъ совершается такъ. Онъ пьетъ къ невестѣ, наливаетъ рюмку, бросаетъ туда нѣсколько серебряныхъ монетъ и передаетъ невестѣ. Последняя или выпиваетъ водку, или выливаетъ ее въ платокъ, смотря по обычаю, а деньги забираетъ себѣ. Онѣ составляютъ ея личную собственность¹⁾. Это общій видъ обряда. У пинчуковъ свать передаетъ такимъ же образомъ невестѣ монету еще на первыхъ запоинахъ²⁾, то-же бываетъ и въ Витебской губ.³⁾ Иногда мать принимаетъ монету и передаетъ дочери⁴⁾. Въ Виленской губ., какъ только родители невесты дадутъ свое согласіе на бракъ, то свать пожимаетъ правую руку невесты, кладетъ передъ нею пироги, сыръ и бросаетъ нѣсколько монетъ въ чашу, которую и наливаетъ виномъ⁵⁾.

Это дареніе невестѣ монеты имѣетъ чисто обрядовое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ очень убѣдительныхъ аналогій къ этому, повидимому, незначительному обряду.

У великоруссовъ, на заручинахъ, женихъ и невеста опоражниваютъ вмѣстѣ по глоткамъ стаканъ меду, и въ этотъ стаканъ женихъ бросаетъ монету, которую невеста и беретъ себѣ⁶⁾.

Весьма интересны, по своимъ указаніямъ на первоисточникъ этого даренія, сродные обычаи у краицевъ, чеховъ и поляковъ. У первыхъ, во время сговора, женихъ и невеста сидятъ нѣкоторое время вмѣстѣ. Потомъ женихъ встаетъ, беретъ невесту за правую руку, обводитъ трижды вокругъ себя, а гости въ это время льютъ имъ на руки вино. Затѣмъ женихъ бросаетъ нѣсколько монетъ на колѣни невестѣ⁷⁾. Мы увидимъ впоследствии, что хватаніе невесты за руку означаетъ символическій захватъ ея. У кратовъ, какъ и у великоруссовъ, женихъ и невеста вмѣстѣ опоражниваютъ бокалъ вина, и въ него сваты бросаютъ золотыя вещи, а женихъ деньги, что и достается невестѣ⁸⁾.

1) *Шейнъ*, *Mat.*, 2 ч., стр. 189 и др.

2) *Kolberg*, въ „Zbiórъ Wiadomosci do Antropologii Kr.“, t. XIII, p. 209.

3) *Шейнъ*, 14.

4) *Носовичъ*, *Зап. И. Р. Г. Общ.*, V, 145.

5) *Кыркоръ*—въ *Вѣстн. И. Р. Г. Общ.*, 1857, кн. IV, стр. 259.

6) *Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этн.*, т. II, стр. 63.

7) *Krauss*, *Sitte und Brauch der Südslaven*, Wien, 1885, p. 356.

8) *Ibidem*, p. 386.

У поляковъ дружка сейчасъ послѣ заручинъ отдастъ жениху вѣнокъ и платокъ невесты со словами: „Отдаю тебѣ, пане молодой, вѣнецъ и пропу червонецъ“. Женихъ даетъ два или болѣе талера. Дружка бросаетъ эти деньги въ подставленный фаргукъ невесты со словами: „Daje-ć ten szewconiec w fartuszek, ażeby ci też urosł brzuszek“¹⁾. У чеховъ также существуетъ сродный обычай. По окончаніи змовинъ, невеста подноситъ жениху на тарелкѣ розмаринъ и платокъ, а женихъ даетъ невестѣ серебряную монету²⁾. По окончаніи свадебнаго пира собираютъ деньги для невесты „na kolebku“. Собравъ ихъ, дружка бросаетъ на колѣни невестѣ со словами: „Nevěsta, drž klín, aby byla do roka deera nebo syn“³⁾.

Частности описанныхъ обычаевъ даютъ право прийти къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ платою за цѣломудріе невесты. Въ обычаѣ поляковъ мы видимъ, что женихъ получаетъ платокъ и вѣнокъ невесты—символы ея дѣвичей невинности; отдать вѣнокъ—для дѣвицы все равно, что потерять невинность. Мы увидимъ впоследствии, какъ широко распространено последнее воззрѣніе. Такъ и здѣсь, невеста символически отдается жениху, за что и получаетъ отъ него плату. Пожеланіе дружки, „ażeby urosł brzuszek“, указываетъ, что невеста какъ бы уже потеряла свою невинность.

Рядъ аналогій убѣдительно свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго предположенія. Сродный обычай мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ Франціи. Женихъ вскорѣ послѣ сватовства долженъ уплатить извѣстную сумму, обычно три золотыя монеты, которая переходитъ въ полную собственность невесты. Если запрашиваютъ больше и женихъ не даетъ, то это и служитъ самымъ чувствительнымъ для нея оскорбленіемъ⁴⁾. Почти повсемѣстно въ Сициліи, а также и въ другихъ мѣстахъ Италіи, когда невестѣ преподносятъ подарки, отецъ жениха даетъ ей также и монету⁵⁾. Обычаи эстовъ даютъ также интересную аналогію. Здѣсь молодой на утро послѣ брачной ночи нацѣпываетъ на шею молодой ленту, на которой виситъ нѣсколько монетъ; эту ленту молодая женщина носить годъ или до первой беременности⁶⁾. Совершенно сродный обычай мы встрѣчаемъ у народовъ на Малабарскомъ берегу Индостана: женихъ вѣшаетъ на шею невестѣ тесему съ золотомъ монетомъ, которую она потомъ носить всю жизнь, какъ признакъ замужней женщины⁷⁾.

1) *Kolberg*, *Lud. Serya* II, t. III, p. 168—169, ep. p. 387.

2) *Bartoš*, *Moravská svatba*, Praha, 1892, p. 13.

3) *Ibidem*, p. 54.

4) *Alb. Meyrac*, въ *Revue des traditions populaires*, vol. III, p. 111.

5) *Salomono Marino*, *Etenia nuptialia*, въ *Archivio per lo studio delle tradizioni popolari*, подъ ред. G. Pitre и Sal. Marino, Palermo, 1890, fasc. I, p. 95.

6) *Schröder* *Die Hochzeitsbräuche der Esten*, p. 147.

7) *Giraud Telon*, *Les origines du mariage et de la famille*, Paris, 1884, p. 157.

Для полноты отмѣтимъ, что подобное же дареніе монеты женихомъ или его отцомъ невѣстѣ, какъ предбрачный даръ, встрѣчается въ обычаяхъ вотяковъ¹⁾, у мордвы²⁾; у чувашей дарятъ монетой всѣ родственники жениха³⁾. У лопарей встрѣчаются также слѣды предбрачнаго дара⁴⁾. У якутовъ женихъ имѣетъ право забрать въ свою юрту невѣсту, только привезши ей подарокъ; пока не дастъ предбрачнаго дара, невѣста не выдается, хотя бы калымъ былъ уплаченъ⁵⁾.

Средние вѣка хорошо различали плату за дѣвственность невѣсты отъ другихъ брачныхъ платежей. У Франковъ въ VI в. существовалъ обычай, чтобы супругъ давалъ невѣстѣ монету во время церковнаго вѣнчанія⁶⁾. Обычай галловъ зналъ двойную плату за невѣсту: *amobug*—плата родителямъ дѣвушки, и *cowull*—утренній, послѣ брачной ночи, даръ невѣстѣ, собственно плата за ея невинность; наконецъ, третій еще даръ—*egweddi*, вдовья часть⁷⁾. Собственно утренній и вдовій даръ—одно и то-же, имѣютъ одно и то-же происхождение, какъ плата за невинность. Напротивъ, плата родителямъ невѣсты, какъ плата, выкупъ за нее всегда представлялъ особое явленіе. Въ средне-вѣковыхъ правдахъ это выражалось въ формулѣ брачнаго союза—*per solidum et denarium*. Koenigsvarter невѣрно думалъ, что плата *per solidum et denarium* перешла отъ платы родителямъ невѣсты въ утренній даръ ей⁸⁾. Обѣ платы ничего общаго не имѣютъ. Женихъ покупалъ у родителей невѣсту и такой бракъ назывался *per solidum et denarium* (едва ли не съ V в. продажа была уже фиктивная); деньги поступали родителямъ дѣвушки, и за это они передавали свою власть, свое *mundium* надъ дочерью жениху. Такъ Клодвигъ приобрѣлъ *mundium* надъ Клотильдой, заплативъ одинъ солидъ и одинъ динарій⁹⁾.

Исслѣдователи средне-вѣковаго сѣверо-германскаго права послѣ стовора различаютъ три акта брачной сдѣлки: брачный даръ, торжественное уведеніе невѣсты къ жениху и восхожденіе на брачное ложе¹⁰⁾. Послѣ брачнаго дара женихъ не имѣлъ еще *mundium* надъ невѣстой, пока не довелъ ее до своего дома. Но въ имущественномъ отношеніи, по остготскому

1) *Верещагинъ*, Вотяки Сарапульскаго у. СПб., 1889, стр. 132.

2) *Майновъ*, Оч. юрид. быта мордвы, 87.

3) *Соболевъ*, Чувашіе, стр. 38.

4) *Харузинъ*, Русскіе Лопари, 269.

5) См. *Приклонскаго*, Живая Старина, 1891, III, стр. 55.

6) *Beaume*, Introduction à l'étude historique du droit coutumier français. Paris, 1888, p. 94—95.

7) *Koenigsvarter*, Histoire de l'organisation de la famille en France, p. 42.

8) *Ibidem*, 123.

9) *Beaume*, Introduction, p. 177. *Kulischer* въ „Zeitschrift für Ethnologie“, 1878, III, 224.

10) *K. Lehmann*, Verlobung und Hochzeit, p. 83.

праву, всякое имущество, приобретенное послѣ брачнаго дара, считалось общимъ¹⁾. Брачный даръ невѣстѣ состоялъ обычно въ правѣ ея на третью часть имущества²⁾. Очень опутительные слѣды *donatio propter nuptias* находятъ изслѣдователи и въ правѣ балтійскихъ славянъ³⁾. Мы подходимъ къ извѣстному римскому институту *donum ante* или *propter nuptias*, который также дался до брака⁴⁾. Къ разряду этихъ дареній, очевидно, принадлежатъ всѣ новыя записи Литовскаго Статута.

Въ средне-вѣковомъ нѣмецкомъ правѣ плата за невинность невѣсты извѣстна подъ названіемъ утренняго дара, *Morgengabe*⁵⁾. Этотъ даръ имѣетъ очень широкое распространеніе⁶⁾ и сроденъ вообще подаркамъ отъ жениха невѣстѣ, независимо отъ времени, когда они даются. Древній нормандскій обычай говоритъ, что *au coucher gagne la femme son denaire*. Слѣды фактической платы за дѣвственность невѣсты находятъ почти у всѣхъ франкскихъ племенъ⁷⁾. Въ дополненіе къ предыдущему, я укажу еще на средне-вѣковую ирландскую легенду о бракѣ *Etáin*, прекраснѣйшей женщины Ирландіи, съ королемъ *Eochaoaid Airen*, причѣмъ послѣдній далъ своей невѣстѣ *denaire* изъ семи *simal*, т.-е. изъ семи рыбинъ, и тогда *Etáin* сдѣлалась его женою⁸⁾.

Все это даетъ намъ возможность соглашаться съ мнѣніемъ г. Salomono Marino, который сравниваетъ дары отъ жениха невѣстѣ, независимо отъ времени даренія, съ институтомъ *Morgengabe*⁹⁾, т.-е. платою за ея дѣвственность. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно придавать рѣшающее значеніе времени, въ которое дается брачный даръ. У мордвы, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, брачный даръ, пшнѣ, дается мужемъ женѣ на утро послѣ брачной ночи; а у мокши это самое пшнѣ дается до брака, и на него невѣста дѣлаетъ себѣ шубу, постель¹⁰⁾. Аналогичный обычай, хотя менѣе осазательный по темнотѣ текстовъ, мы имѣемъ у древнихъ индусовъ. Одно мѣсто Каушия, къ социальнѣю, темное по испорченности текста, даетъ воз-

1) *Ibidem*, 86.

2) *Ibidem*, 84.

3) *Котляревскій*, Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ, Прага, 1874, стр. 95.

4) См. Исслѣдованіе *Гуллева*, Предбрачный даръ въ римскомъ правѣ, Дерпт, 1891.

5) *Schröder* Richard, Das eheiche Güterrecht Norddeutschlands und Niederlande im Mittelalter, 1874, p. 349 и сл. Его-же—Geschichte des ehelichen Güterrechts in Deutschland, т. II, ч. 1, p. 24 и сл., и ч. II, p. 242 и сл.

6) *Ковалевскій*, Первоытное право, II, стр. 150.

7) *Beaume*, Introduction, p. 178.

8) *D'Arbois de Jubainville*, Le cycle mythologique Irlandais, p. 314.

9) *Etenia nuptialia*, Archivio per lo studio delle tradiz. popol. 1890 г., p. 94.

10) *Майновъ*, Очерки юридическаго быта мордвы, стр. 37.

возможность заключить, что молодой на утро послѣ брачной ночи дѣлаетъ подарокъ жентѣ своей, состоявшій изъ коровъ¹⁾. Но изъ другихъ источниковъ (напр. Apastamba) мы знаемъ, что еще въ началѣ брачной церемоніи невѣстѣ клалось на голову золото²⁾; это золото, какъ и темны источники, мы по всей видимости можемъ сопоставить съ обрядовымъ дареніемъ невѣстѣ монетъ.

Обращаясь къ вопросу о происхожденіи платы за дѣвственность невѣсты, получасмой ею самою, мы прежде всего должны замѣтить, что это дареніе не соответствуетъ общему отношенію свадебнаго обряда къ невѣстѣ. Дѣло въ томъ, что наши свадебные обряды и гѣсни ставятъ невѣсту въ столь зависимое отъ всего рода, общины положеніе, что едва ли можемъ предполагать за невѣстой такую самостоятельность. Если она сама продаетъ свою дѣвственность жениху, то она можетъ сдѣлать и свободный выборъ мужа. Между тѣмъ формы ритуала въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, сложились именно въ такую эпоху, когда дѣвушка была наименѣе самостоятельна. Она цѣлкомъ зависитъ отъ рода, и въ религиозномъ отношеніи мы въ свадебномъ обрядѣ наблюдаемъ именно остатки родовой религіи. Весь свадебный обрядъ сохранилъ болѣе всего чертъ родовой организаціи. А эта послѣдняя менѣе всего способна дать самостоятельность какому-нибудь изъ своихъ членовъ.

Поэтому, мы должны искать источниковъ *donatio propter nuptias* въ такой организаціи брачныхъ отношеній, которая представляла женщинѣ полный просторъ въ распоряженіи собою. Намъ кажется, что здѣсь мы имѣемъ пережитокъ эпохи гетеризма.

Въ этнологической наукѣ признается несомнѣннымъ такой моментъ въ историко-культурномъ развитіи всѣхъ народовъ, когда допускалось безпорочное половое сожительство. Женщина не была стѣснена узами брака, требовавшими вѣрности мужу, но свободно отдавалась любому мужчине. Леббокъ³⁾, первый изъ ученыхъ, сдѣлалъ весьма удачную попытку подвести относящіеся сюда факты подъ одно общее явленіе; онъ называетъ это состояніе смѣшанными безразличными состояніями половъ. Женщина принадлежала всей общинѣ, всему племени. Но съ теченіемъ времени общинныя права на женщину получали все большія и большія ограниченія. Женщина начинаетъ принадлежать одному мужчине. Но ей до брака разрѣшается полная половая свобода, она можетъ принадлежать всякому муж-

1) Мѣсто у *Weber's Indische Studien*, V, p. 402.

2) *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell, Wien, 1893, p. 46; ср. *Weber*, Indische Studien, V, p. 192.

3) Начала цивилизаціи.

чинѣ и, только ставши женой одного, обязана хранить супружескую верность. Факты подобнаго рода отношеній, какъ у древнихъ, такъ и у современныхъ мало развитыхъ народовъ, ученые находятъ въ большемъ количествѣ. Дѣвушка дѣлается доходной статьей для родителей, доставляя имъ доходъ проституціею, а сдѣлавшись женою, она приноситъ мужу приданое, собранное тѣмъ-же путемъ. Есть много народовъ, которыхъ дѣвушки собираютъ себѣ приданное проституціею, и это не только не считается позорнымъ, но даже очень приличнымъ. Чѣмъ болѣе дѣвушка имѣла любовныхъ приключеній до брака, тѣмъ болѣе лакомый кусочекъ представляетъ она для мужчины, желающаго сдѣлаться ея единственнымъ обладателемъ. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого реального гетеризма было то, что женщина, какъ принадлежащая всей общинѣ, переходя въ обладаніе одного изъ ея членовъ, должна была получить *искупленіе*, по выраженію Леббока, за то, что община передаетъ ее во власть одного человѣка. Это искупленіе состояло въ томъ, что дѣвушка могла принадлежать или всѣмъ членамъ общины нѣкоторое время до брака, или только одну ночь за извѣстную плату, или же приглашался одинъ кто-нибудь, который лишалъ дѣвушку невинности. Плата составляла ея приданое. Эти обычаи развили религиозный гетеризмъ, какъ онъ извѣстенъ въ древнемъ востокѣ и современной Индіи; дѣвушка должна получить искупленіе отъ самого бога—оплодотворителя. Онъ долженъ нарушить ея дѣвственность и положить первыя сѣмена плодородія. Дѣвушка является, передъ самымъ вступленіемъ въ бракъ, въ храмъ, и здѣсь замѣстителемъ бога, лишующимъ ея невинности, являются или жрецъ, или кто-нибудь другой, который долженъ дать ей извѣстную плату¹⁾.

Я напомиу въ области массы сюда относящихся фактовъ, разскажетъ Геродотъ о религиозной проституціи у храма Милитты въ Вавилонѣ. Всѣ вавилонянки должны были проституироваться у храма Милитты. Они получали отъ сходящихся съ ними мужчинъ монету, которая служила имъ какъ бы приданымъ, посланнымъ самою богинею, и носилась всю жизнь, какъ таисманъ; только получивъ эту монету, дѣвушка могла выйти замужъ. Религиозная цѣль проституціи сводилась къ тому, что дѣвушка, оплодотворен-

1) Литература по этому вопросу общеизвѣстна; напомиу соч. *Леббока*, *Поста*, *Жиро-Теллона*, на которыя я не разъ ссылался, *Ковалевскаго*—Первобытное право, *Зибера*—Очерки первобытной экономической культуры, *Letourneau*—1 Evolution du mariage et de la famille, *Стенсера*—Основ. социологии, также *Oliviera Martins*—Quadro das instituições primitivas, Lisboa 1883, въ которомъ въ достаточной полнотѣ выражено современное ученіе социологовъ, *Кулишевъ* въ *Zeitschr. f. Ethn.*, 1876, № 2. Въ русской литературѣ краткій обзоръ мнѣнія и литературы можно найти въ книгахъ *Ефимова*—„Очерки по ист. древне-римскаго родства и наследованія“, Спб. 1885, и у *Казанцева*—„О развѣдѣ по римскому праву“, Кіевъ, 1892, 43. Новѣйшее изслѣдованіе въ этой области, съ критикою вопроса,—*Westerwark*—The history of human marriage, Lond., 1891, p. 51—134.

ная самую богиню, должна сдѣлаться плодородной матерью и принести мужу многихъ дѣтей.

Въ родствѣ съ этими фактами гетеризма намъ представляется и происхождение платы за дѣвственность невѣсты; женихъ постепенно, съ развитіемъ общественной нравственности, явился самъ замѣстителемъ бога и искупителемъ отъ общины, но за это онъ долженъ уплатить за цѣломудріе невѣсты. Онъ платитъ именно до брака, такъ какъ только искупленная дѣвушка можетъ отдаться одному мужчине. Съ этимъ не трудно видѣть связь обычая, по которому разрѣшается жениху до свадьбы спать вмѣстѣ съ невѣстой (но безъ сожителства), каковъ, напр., извѣстный на Дону, при стговорѣ, обычай празднованія „подушечки“. Вотъ какъ описывается этотъ обычай. Стговоръ бываетъ въ домѣ родителей невѣсты. Позилые люди уходятъ на ужинъ къ родителямъ жениха. Тогда одна изъ подушечницъ беретъ съ постели двѣ подушки, кладетъ ихъ рядомъ на скамью или на диванъ и приглашаетъ желающихъ садиться. Первыми садятся женихъ и невѣста и, принявъ изъ рукъ подушечницы вино, въ перемежку съ поцѣлуйми выпиваютъ его при пѣніи подушечницъ: „у насъ новѣ незнакомый побывалъ, у столика три ножки поломалъ, у Н. пуховая подушечка помалъ, а Н. цѣловалъ, миловалъ“. Послѣ этого то-же самое продѣлываютъ и остальные бояре съ избранными ими дѣвушками, пока всѣ не перебиваются на подушки. Почти всѣ бояре расходятся по домамъ; остаются двѣ-три пары. Оставшіеся ужинаютъ и вмѣстѣ ложатся спать въ домѣ невѣсты ¹⁾. Большое сродство съ изложенною игрой имѣетъ игра „подушечка“ у бѣлоруссовъ, хотя и не приуроченная къ свадьбѣ, а также „женитьба Церенки“ ²⁾.

Въ описаніи игры не трудно узнать символическое лишеніе дѣвственности невѣсты. Искупителемъ ея является самъ женихъ. Подушка замѣняетъ постель. Поцѣлуй, какъ увидимъ, означаютъ также завладѣніе невѣстой. Пѣсня, которую поютъ подушечницы, не оставляетъ сомнѣнія въ общемъ значеніи этого обряда. Далѣе, какъ женихъ, такъ и другія пары расплачиваются за вино; эта плата—остатокъ выкупа, который давалъ лишающій дѣвушку цѣломудрія въ пользу храма или въ пользу общины, дозволявшей дѣвушкѣ вступить въ индивидуальный бракъ. Одна изъ подушечницъ, распоразжающаяся обрядомъ,—представительница общины, или жрица богини. Переживанія гетеризма выразились еще въ иной формѣ. Тамъ, гдѣ лишеніе дѣвушки невинности не приняло сильной религіозной окраски, искупителемъ ея передъ общиной является не религіозный глава послѣд-

ней, жрецъ, какъ на востоцкѣ, а представитель свѣтской власти. Такимъ образомъ произошло очень хорошо извѣстное въ средніе вѣка jus primae noctis. Искупителемъ, первымъ обладателемъ дѣвушки, являлся представитель общины, помѣщикъ. Мы имѣемъ очень опутительные слѣды этого jus primae noctis и среди бѣлоруссовъ. Они заключаются прежде всего въ томъ, что молодые ходили на поклонъ съ подарками къ помѣщику. Подарокъ является какъ бы выкупомъ права помѣщика на первую ночь,—явленіе, очень хорошо извѣстное въ обычаяхъ западной Европы въ средніе вѣка. Но далѣе мы встрѣчаемъ и очень вѣское свидѣтельство о томъ, что помѣщики иногда фактически считали себя въ правѣ воспользоваться своимъ правомъ. Я приведу слова наблюдателя, сообщившаго свои свѣдѣнія въ сборникъ г. Шейна: „Иногда помѣщикъ и его управляющій пользовались и правомъ первой ночи, избѣгнуть котораго можно было только посредствомъ выкупа“ ¹⁾. Факты подобнаго рода извѣстны мнѣ, по разсказамъ старожиловъ, изъ Рѣвницкаго у. Мин. г. Ходить же съ подаркомъ къ помѣщику передъ или послѣ вѣнчанія—было принято во всей Бѣлоруссіи.

Ближайшее сродство съ только что указанными переживаніями первобытнаго гетеризма имѣетъ обрядовый танецъ невѣсты. Нужно замѣтить, что этотъ обрядъ мало устойчивъ въ нашей свадьбѣ. Трудно указать съ опредѣленностью время, въ которое онъ исполняется. Во всякомъ случаѣ онъ отличается по характеру своему отъ другихъ танцевъ на свадьбѣ. Всякій парень можетъ танцевать съ невѣстой, пока она не сдѣлается женою. Это бываетъ чаще всего послѣ стговора, когда приглашаютъ на пиръ и танцы молодежь, или же переносится на дѣвичникъ, если послѣдній справляется съ танцами. Иногда женихъ открываетъ танцы съ невѣстой, за нимъ танцуетъ съ нею старшій дружокъ и остальные парни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ слѣдующій любопытный вариантъ. Послѣ мѣны кольцами (что, какъ мы увидимъ, представляетъ одно изъ переживаній захвата), женихъ посылаетъ невѣстѣ подарокъ. Она его не беретъ, отбрасываетъ и принимаетъ только за третьимъ разомъ. „Это обстоятельство какъ бы приводитъ ее въ стыдъ и смущеніе, и она потупляетъ глаза и отворачивается въ сторону“,—пишетъ наблюдатель. Всѣ встаютъ изъ-за стола; женихъ беретъ за руку невѣсту, выводитъ на средину избы и начинаетъ танцевать ²⁾. Стыдъ невѣсты, конечно, обрядовый: она принимаетъ отъ жениха подарокъ, который здѣсь, повидимому, играетъ роль предбрачнаго дара вообще; она смущается отъ сознанія потери невинности, и наконецъ женихъ завладѣваетъ ею, что выражается символически въ танцѣ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, судя по аналогичнымъ обрядамъ, что вслѣдъ за же-

¹⁾ Смирновъ, Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. Юрич. Вѣстн. 1877, ч. I, p. 62—63.

²⁾ Шейнъ, Мат., I, 101, 546.—Киркоръ, Вѣстн. II. Р. Геогр. Общ. 1857, ч. IV, p. 284—287, и въ моихъ матерьялахъ.

¹⁾ Шейнъ, Мат., II, 153.

²⁾ Носовичъ, Зап. II. Р. Геогр. Общ., V, стр. 140.

нихом танцуетъ съ невѣстою старшій дружка и т. д., невѣста переходитъ изъ рукъ въ руки.

Въ Виленской губ. танецъ переносится на утро послѣ брачной ночи. Когда разопьютъ „сладкіе розки“, дружка пляшетъ съ молодою и подучаетъ за это въ подарокъ поясъ. Затѣмъ свекровь проситъ остальныхъ присутствующихъ протанцовать съ невѣстой, и каждый по окончаніи танца подучаетъ въ подарокъ кусокъ полотна. Когда всѣ перетанцуютъ съ невѣстой, начинается общія пляска ¹⁾.

Интересъ этого обрядоваго танца заключается въ томъ, что невѣста обязана со всякимъ танцовать. До выхода замужъ невѣста принадлежитъ всѣмъ мужчинамъ своей общины. Я указывалъ на обычаи, передавшіе исключеніе дѣвушки одному лицу. Но мы встрѣчаемъ также и такіе обычаи, когда невѣста, въ видѣ искупленія, можетъ принадлежать въ первую ночь всякому члену общины. Такой, напримѣръ, обычай мы встрѣчаемъ у ливонцевъ у которыхъ каждый долженъ также дать невѣстѣ какой-нибудь подарокъ ²⁾. Подарки эти составляютъ приданое невѣсты. Въ обрядовомъ танцѣ невѣсты мы въ правѣ видѣть переживание гетеризма. Танецъ—символическій, актъ временнаго владѣнія невѣстою. Народные танцы представляютъ вообще не мало примѣровъ переживанія первобытнаго гетеризма ³⁾, и потому въ подобномъ же значеніи настоящаго танца нѣтъ ничего удивительнаго. Указанія на плату невѣстѣ всякимъ, кто съ нею хочетъ танцовать, я встрѣтилъ въ Игуменскомъ уѣздѣ Мин. г., гдѣ, по словамъ рассказчицы, парень долженъ бросить нѣсколько монетъ въ тарелку, которую держитъ дружка; деньги передаются потомъ невѣстѣ. Въ Рѣчицкомъ и Мозырскомъ уѣздахъ парни платятъ за танецъ съ невѣстой не ей, а „музыкѣ“, музыканту, и такимъ образомъ, обычно, оплачивается свадебная музыка.

Обращаясь къ сферѣ переживанія разсмотрѣннаго обычая, мы видимъ, что онъ далеко не одиноко стоитъ въ нашей свадьбѣ. У угро-руссовъ невѣста обязана со всѣми протанцовать; это бываетъ послѣ брачной ночи ⁴⁾. У чеховъ мы встрѣчаемъ слѣдующій обрядъ. Когда на молодую надѣвнутъ женскій головной уборъ, одна изъ женщинъ, курсова, назначаетъ дѣву за невѣсту; она выхаживаетъ всѣ достоинства молодой: красоту, бѣлые зубы, трудолюбіе и проч.; другія женщины ищутъ купцовъ. Кто покупаетъ, тотъ бросаетъ деньги на колѣни продавщицъ, которая потомъ передаетъ ихъ не-

¹⁾ Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., 1857 г., ч. IX, p. 60.

²⁾ Giraud Telon, Les origines du mariage et de la famille, p. 31.

³⁾ Нѣкоторыя общія указанія на этотъ счетъ см. въ статьѣ г. Кулишера „Die geschlechtliche Zuechtwal bei den Menschen in der Urzeit“, въ Zeitschrift für Ethnologie, 1876, № 2, стр. 148; см. интересный танецъ „подушечки“ (Kissentanz) въ среднеангло-англійской Англии, аналогичный нашему.

⁴⁾ Живая Старина, 1891, III, 134.

вѣстѣ. Наконецъ подходитъ женихъ, даетъ больше другихъ, выводитъ невѣсту и танцуетъ съ нею кругомъ. Послѣ жениха танцуетъ съ невѣстой старшій дружка, потомъ старшій „младенецъ“, наконецъ всѣ гости ¹⁾. У мазуровъ невѣста проситъ всѣхъ протанцовать съ нею; послѣ танца дружка съ тарелкой собираетъ со всѣхъ подарки ²⁾.

Аналогичные обычаи мы встрѣчаемъ и въ средѣ народовъ романогерманскихъ.

Почти повсемѣстно въ Сициліи и Италіи всякій изъ гостей можетъ танцовать съ невѣстой, если дастъ ей какой-нибудь подарокъ ³⁾; въ Сициліи обычно даютъ серебряную или золотую монету или украшеніе ⁴⁾. Въ департаментѣ Lotgaine, во Франціи, невѣста танцуетъ со всѣми мужчинами, а женихъ со всѣми женщинами ⁵⁾. Обычаи другихъ мѣстъ еще интереснѣе: невѣста должна протанцовать со всѣми, и ее всѣ должны обнять ⁶⁾. Мы увидимъ впоследствии, что обниманіе, поцѣлуи представляютъ также символы закладѣнія. У нѣмцевъ мы встрѣчаемъ также слѣды этого обычая. Танцы обычно начинаются танцемъ жениха и невѣсты; ⁷⁾. Въ Тиролѣ невѣста обязана протанцовать со всѣми парнями; этотъ танецъ бываетъ сейчасъ послѣ брачнаго пира ⁸⁾. Отмѣтимъ еще такой же обычай у латышей. Во время свадебнаго пира танцы начинаются танцемъ жениха и невѣсты ⁹⁾. Во время одариванія невѣсты, всякій дарщій, положивъ свою ленту, выводитъ невѣсту изъ-за стола и танцуетъ съ нею вокругъ комнаты; это бываетъ до вѣнца ¹⁰⁾.

Приведенными примѣрами въ значительной мѣрѣ подтверждается высказанное выше мнѣніе о значеніи обрядоваго танца невѣсты.

Въ заключеніе настоящаго обзора предварительныхъ свадебныхъ обрядовъ, намъ нужно сказать нѣсколько словъ о выборѣ времени года и дней свадьбы. Указанія на этотъ счетъ дѣлались уже не разъ, и мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями. Самымъ обычнымъ временемъ для совершенія свадебѣ считается весна и осень, причѣмъ осеннимъ свадьбамъ всегда отдается преимущество. Въ Рѣчицкомъ и Минскомъ уу. бываетъ не

¹⁾ Bartoš, Moravská Svatba, Praha, 1892, p. 60—61. Ср. ego же, Lid a narod, Mezirici, 1892, p. 109.

²⁾ Kolberg, Mazowsze, I, 262.

³⁾ Sal. Marino, въ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, 1890, I, p. 96.

⁴⁾ Pitré, Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliani. XV. Usi e costumi, II, p. 85.

⁵⁾ Eddestand du Mérid, Des formes du mariage, p. 62, прим. 2.

⁶⁾ Carrence, Le mariage chez nos pères, p. 71.

⁷⁾ Ad. Wuttke, Der deutsche Aberglaube der Gegenwart, Berlin, 1869, p. 352.

⁸⁾ Zingerle, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol. Innsbruck, 1859, p. 457.

⁹⁾ Волмбергъ, Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени, стр. 167.

¹⁰⁾ Ibidem, 208.

мало свадеб также в февраль, вообще в мисодь перед самой масляной. В Гомельском у. свадьбы справляются на „Гриной недѣль“, в маѣ или перед началом жатвы¹⁾. В Витебской губ. в одних мѣстах обыкновенное время для свадеб—октябрь²⁾ и ноябрь³⁾; в других мѣстах—бывают осенью и зимою: отъ Покрова до заговѣнья—*большая свадебница*, и отъ Крещенья до Великаго поста—*малая свадебница*³⁾.

Наши свѣдѣнія о времени свадеб не совсѣмъ полны. Но очевидно, что в различных мѣстностях онѣ справляются въ различное время. Важно лишь то, что повсемѣстно признается какое либо время года особенно счастливымъ для брака. В настоящее время выборъ этого времени, сопровождаемый примѣтами, поддерживается и объясняется соображениями экономическими. Осенью женятся потому, что собранный хлѣбъ, заработанный на сторонѣ деньги даютъ возможность справить свадьбу. Но весення и зимня свадьбы предпочитаютъ, потому что къ лѣту семья получаетъ рабочую силу, что для нея представляетъ большую выгоду. Взявъ молодуху осенью, ее нужно цѣлую зиму бесплатно для семьи кормить. Оттого родители дѣвушки дорожатся ими весною и охотно отдаютъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. Если за дочерью даютъ приданое, то выдавал ее весною, родители ея вытнутъ изъ приданого за лѣтнее рабочее время. Съ такимъ объясненіемъ мнѣ пришлось встрѣтиться въ Минскомъ, Рѣчицкомъ и Игуменскомъ уу.

Но едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что первоисточникъ выбора времени для свадеб кроется въ болѣе отдаленномъ времени, въ чисто религиозныхъ воззрѣніяхъ. На связь религиозныхъ культовъ и особенно культа солнца съ выборомъ времени для брака было уже сдѣлано указаніе проф. Сумцовымъ⁴⁾. Связь мѣсяца съ временемъ для брака у бѣлоруссовъ выражается тѣмъ, что сватать идутъ непременно тогда, когда мѣсяцъ на ущербѣ⁵⁾. О ближайшемъ влияніи солнечнаго свѣтла на бракъ мы еще будемъ говорить.

У древнихъ индусовъ мы также видимъ, что выборъ времени для брака вполнѣ подчиняется религиознымъ воззрѣніямъ: бракъ запрещается съ половины января до половины марта, и съ половины юня до половины июля; время это связано было съ почитаніемъ солнца и мановъ⁶⁾—божествъ, устроителей браковъ. Тѣ же религиозныя основанія мы встрѣчаемъ у

1) *Шейнс*, Материалы II, стр. 334.

2) Вѣстникъ И. Р. Геогр. Общ., 1853, ч. 9, стр. 23.

3) *Шейнс*, Мат., II, стр. 1.

4) О свад. обрядахъ, стр. 61 и сл.; здѣсь же сведены факты о выборѣ времени у русскихъ и славянъ; дополнимъ извѣстіемъ, что у чеховъ свадьбы обычно въ провадахъ, у словинцевъ—въ „nové vino“, *Baroš*. Moravská Svatba, 14.

5) Новоградскій у., *Шейнс*, Мат., II, стр. 234.

6) *Winternitz*, Das Altindische Hochzeitsrituell, 27—28.

римлянъ и грековъ¹⁾. У мордвы охотнѣ всего женятся передъ масляной и послѣ радунницы, именно когда приходятся праздники богинѣ Вельявѣ, богинѣ воды и брака²⁾. У чувашей свадьбы бываютъ преимущественно весною и лѣтомъ³⁾.

Очень часто первоисточникъ религиознаго воззрѣнія кроется въ области чисто бытовыхъ переживаній. Быть можетъ, здѣсь, мы встрѣчаемся съ подобнымъ же фактомъ. Мнѣ кажется, что попытка г. Кулишера доказать, что на наиболѣе примитивной ступени первобытнаго гетеризма половое сближеніе между мужчинами и женщинами происходило въ извѣстные періоды года, именно весною и во время жатвы⁴⁾, имѣть за собою не мало основаній. Очень возможно, что въ теперешнемъ обычаѣ избирать то или иное время для брака кроется переживание гетеризма. Съ теченіемъ времени этотъ выборъ подучилъ религиозное толкованіе и освященіе, какъ и вообще другія переживанія того же періода.

Относительно выбора дней для различныхъ частей брачнаго обряда мы знаемъ нѣсколько больше. Но за то объясненіе причины выбора того или другаго дня гораздо труднѣе: основное значеніе тутъ имѣютъ примѣты, а о примѣтахъ бѣлорусскихъ мы мало знаемъ. Въ Минскомъ у. удачными днями для сватовства считаются воскресенье, вторникъ и четвергъ. Въ Новоградскомъ у.—въ субботу или воскреснѣ малая горѣлка въ четвергъ—большая⁵⁾; сватать ходятъ въ воскресенье, вторникъ, четвергъ, и субботу⁶⁾. Въ Рогачевскомъ у. сватаютъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ⁷⁾. Время для вѣнчанія избирается всегда въ воскресенье, рѣже въ какой либо большой праздникъ⁸⁾. Четвергъ является особенно, излюбленнымъ днемъ: въ этотъ день совершается по крайней мѣрѣ какой нибудь одинъ важнѣйшій актъ свадьбы⁹⁾.

1) *Roszbach*, Untersuchungen über die Römische Ehe, Stuttgart, 1853, p. 264 и сл.; ср. *Edlestand du Mérid*, Des formes du mariage et des usages populaires, въ сбор. его статей: Etudes sur quelques points d'archéologie et d'histoire littéraire, Paris, 1862, p. 74 и сл.

2) *Майновъ*, Очерки юрид. быта мордвы, стр. 39.

3) *Сбоевъ*, Чувашн, 23. *Аимарингъ*—въ „Этн. Обзор.“ V, 158.

4) Die Geschlechtliche Zuchtwal, въ Zeitschrift f. Ethnologie, 1876, II, p. 156 и слѣд.; ср. *Edw. Westermarck*, The history of human marriage, London, 1891, p. 25 и слѣд., гдѣ приведенъ цѣлый рядъ фактовъ о времени брака у различныхъ первобытныхъ народовъ.

5) *Шейнс*, Мат., II, 219, 221.

6) *Ibid.*, 234.

7) *Ibidem*, 294.

8) *Ibid.*, 15, 200, 221, 236, 257, 334, 376; Бѣлор. пѣсни, стр. 288, и др.

9) Указанія на выборъ дней у русскихъ и славянъ см. у *Сумцова*, О свад. обр., стр. 69; ср. *Янчука*, Малорусская свадьба въ Констант. у. Сѣд. губ., стр. 72; у Чеховъ—*Baroš*, Morawska Swatba, 14; у Поляковъ—*Kolberg*, Lud, Ser. XI,

II.

Заручины.

Общій видъ обряда.—Выдача невесты.—Соединеніе рукъ жениха и невесты.—
Мѣна кольцами.—Совмѣстная вѣд.—Обрядовый плачь невесты.

Дальнѣйшимъ актомъ свадебной церемоніи являются заручины. Трудно указать опредѣленно время ихъ совершенія. Въ большихъ, парадныхъ свадьбахъ онѣ бывають въ четвергъ вечеромъ, дѣвичникъ или „вѣнокъ“ въ субботу, вѣчаніе въ воскресенье. Но иногда заручины стягиваються съ дѣвичникомъ на субботу, или же въ четвергъ плетуть вѣнокъ, въ субботу заручають. Въ моемъ описаніи свадьбы изъ Минскаго у. время заручинъ—утро передъ самымъ вѣчаніемъ, послѣ посадовъ жениха и невесты. Въ иныхъ мѣстностяхъ заручины совершенно опускаются, или лучше сказать, сливаются съ замовинами, на которыхъ и бываетъ соединеніе рукъ брачующихся.

Я укажу ниже важнѣйшіе обряды заручинъ. Но прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что когда является женихъ съ дружкой, то обычно ихъ не прямо выпускають въ хату. Въ Игуменскомъ у. женихова дружина находитъ ворота дома невесты залептыми; начинаются долгіе переговоры: сваты выдаютъ себя за пріѣзжихъ купцовъ, сбившихся съ дороги, просятъ на ночь. Наконецъ, дѣло выясняется, ихъ выпускають и требуютъ водки. Подобные обряды, съ большими или меньшими вариациями, мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ Витебскомъ у. сваты прямо просятъ переночевать, и ихъ выпускають¹⁾. Очень сходные съ только что разсказанными въ Игуменскомъ у. переговоры ведутъ сваты и въ нѣкоторыхъ частяхъ Борисовскаго у.²⁾ Въ этомъ же уѣздѣ встрѣчается и другой вариантъ. Гости прямо входятъ въ избу, но ихъ встрѣчаютъ молчаніемъ. На шутки и заговариванія свата всѣ отвѣчаютъ молчаніемъ. Наконецъ, сватъ замѣчаетъ, что самого-то хозяина нѣтъ въ хатѣ, ищутъ послѣдняго и находятъ его въ снѣгахъ. Долго сваты упрощиваютъ хозяина войти, но онъ отиѣкивается: „може я тамъ не дуже потребенъ“, и только усердные поклонны жениха заставляють его войти въ избу и занять свое мѣсто³⁾.

ч. III, p. 53, *Magowska*, I, 24; у Нѣмцевъ—*Buchholz*, *Deutscher Glaube und Brauch in Spiegel der heidnischen Vorzeit*. II Bd., Berl. 1877, p. 17, 14, 31, 52; *Wuttke*, *Der Deutsche Volksglaube*, Berl., 1869, p. 346; ср. *Schröder*, *Die Hochzeitbräutche der Esten*, Berl., 1888, p. 51; у французовъ, *Revue des traditions populaires*, t. IV, p. 23; у литовцевъ, *Матеріалы для Геогр. и Стат. Россіи*, Ковенская губ., стр. 571 и мн. друг.

1) *Шейнъ*, *Мат.*, II, 15.

2) *Ididem*, 155—156.

3) *Шейнъ*, *ib.*, стр. 135—137; *Носовичъ*, *Зап. Р. Геогр. Общ.*, V, 137—138.

Въ настоящее время всѣ эти обряды, сопровождаемые дружнымъ смѣхомъ присутствующихъ, не болѣе какъ свадебныя шутки. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай указать на средные обычаи и у другихъ народовъ. Теперь же замѣтимъ, что эти наши обычаи представляютъ собою переживанія отчасти похищенія, отчасти купли-продажи невесты. Пріѣзжіе добиваються войти въ домъ невесты, что указываетъ на борьбу; они входятъ въ избу въ шапкахъ, дружки съ кнутомъ черезъ плечо, разгоняють невинныхъ гостей и садятся сами; хозяинъ удаляется изъ дому, предоставивъ его побѣдителямъ. Это—переживаніе умычки. Съ другой стороны, сваты являются кушачами, цѣль ихъ покупки—невеста.

За пріѣздомъ сватовъ начинается выдача имъ невесты. Сваты передають невестѣ и ея роднымъ подарки¹⁾. Часто на заручинахъ же бываетъ и обрядовое дареніе невестѣ монеты²⁾, о которомъ мы уже говорили. Въ этихъ случаяхъ сваты продолжаютъ свою роль кушцовъ. „Показице-жь намъ того, за кимъ мы страдаемъ“, говоритъ въ Витебской губ. сватъ, и крестная мать невесты выводитъ ее къ сватамъ, чѣмъ, собственно, и выражается выдача³⁾. Въ Бобруйскомъ у. сватъ спрашиваетъ: „За што я пиў гарьлку? Покажь мнѣ дѣўку“. Братъ приводитъ сестру и, подводя къ жениху, передаетъ ему „сестру ни слышу, ни кривую“⁴⁾. Въ Борисовскомъ у. женихъ самъ разыскиваетъ среди дѣвушекъ невесту и выводитъ ее на среднюю комнату, тогда отецъ невесты складываетъ ихъ руки, съ пожеланіемъ—„на высѣлое житця, на доброе здароўе, на доўгій вѣкъ, на дзяццное счастье!“⁵⁾.

Въ Минскомъ у. сватъ требуетъ выдачи невесты, ему приводятъ двухъ дѣвушекъ, спрашивая, которую онъ требуетъ. Сватъ угощаетъ дѣвицъ, говоритъ, что и эти хороши, но онъ желалъ бы лучшую. Ему приводятъ другую пару, и потомъ уже невесту, которую онъ угощаетъ и даетъ ей подарки. Это—веселая свадебная шутка. Она, повидимому, пародируетъ одну изъ сценъ купли. Сватъ явился въ родъ невесты, чтобы купить жену для жениха, члена своего рода. Ему приводятъ нѣсколькихъ дѣвицъ, среди которыхъ онъ и дѣлаетъ выборъ.

Очень замѣчательно, что эта, повидимому, незначительная свадебная игра получила очень широкое распространеніе въ свадебныхъ обрядахъ. Подобную мистификацію мы встрѣчаемъ еще у древнихъ индусовъ⁶⁾. Въ настоящее время она господствуетъ на всемъ славянскомъ югѣ, гдѣ изъ

1) Напр., *Шейнъ*, *Мат.*, II, 16 (Витеб. у.).

2) Напр., *Шейнъ*, *Вѣлорус. пѣсни*, стр. 314.

3) *Шейнъ*, *Мат.*, II, 16.

4) *Ibid.*, 253.

5) *Ibidem*, 157.

6) *Weber*, *Indische Studien*, V, 313.

вѣсна еще изъ средневѣковыхъ источниковъ¹⁾, на славянскомъ западѣ, среди малоросссовъ и великоросссовъ, во многихъ мѣстахъ Германіи, въ Богеміи, Шнеци, во Франціи, Румыніи, среди эстовъ и др.²⁾ Очень часто обрядъ варьируется тѣмъ, что приводятъ сначала одну—другую старую бабу въ лохмотьяхъ, лицо которой закрыто. Свать или дружка открываетъ, смотритъ и прогоняетъ бабу назадъ. Такая версія повсемѣстно практикуется среди южныхъ славянъ. Это дало поводъ Узенеру сопоставить настоящей обичай съ похоронами Марены и другими сродными обычаями похоронъ зимы. Но сходство этихъ обрядовъ чисто внѣшнее, случайное (старая баба въ лохмотьяхъ—и соломенное чучело зимы въ лохмотьяхъ) и потому мнѣніе его едва ли тѣмъ-нибудь оправдывается. Появление бабы въ лохмотьяхъ—не болѣе какъ утрировка обряда, съ цѣлью вызвать побольше смѣха, дать пицу шуткамъ и пр.

Обращаемся далѣе къ обрядамъ, сопровождающимъ заручины. Въ Минскомъ у. онѣ происходятъ слѣдующимъ образомъ.

Женихъ со своею дружиною садится за столъ на лавку; противъ него на скамейкѣ помѣщается невѣста съ своею дружиною. Свать наливаетъ по стакану водки жениху и невѣстѣ и сливаетъ эту водку изъ стакановъ въ чашку, поставленную посрединѣ стола. Надъ этой чашкой молодые соединяютъ правыя руки, которыя свать связываетъ носовымъ платкомъ, затѣмъ ложкой наливаетъ водку въ стаканъ и подаетъ жениху; тотъ отпиваетъ половину, доликаетъ и подаетъ невѣстѣ. Она отпиваетъ, снова доликаетъ, прикрываетъ платкомъ и подаетъ старшему дружкѣ жениха. Последній беретъ платки себѣ, выпиваетъ водку, наполняетъ стаканъ и снова передаетъ невѣстѣ; та прикрываетъ стаканъ платкомъ и передаетъ слѣдующему брату и т. д., пока ея стаканъ не обойдетъ всей дружины жениха и невѣсты.

Въ описаніи заручинъ 1800 г. мы находимъ слѣдующее интересное дополненіе. Послѣ описанной церемоніи, „маладзца“ разстилаетъ бѣлый платокъ на столъ, куда молодые кладутъ свои кольца. Тогда „большанки“, сядица по обѣ стороны невѣсты, и братья, занимающіе то-же положеніе относительно жениха, берутся за углы платка и трижды поднимаютъ его вверхъ. Послѣ этого „маладзца“ надѣваетъ кольцо жениха на палецъ невѣсты, а кольцо послѣдней на палецъ жениха. Платокъ, бывший на

столѣ, свать беретъ себѣ, а невѣстѣ даютъ башмаки, но та трижды ихъ отбрасываетъ и наконецъ принимаетъ¹⁾.

Этотъ несомнѣнно по своей обстановкѣ основной типъ заручинъ измѣняется по мѣстностямъ. Если доврѣять описаніямъ, то иногда заручины проходятъ только въ одной попойкѣ²⁾, или же женихъ сжимаетъ только протянутую руку невѣсты³⁾ (Витебск. губ.). Иногда отцы жениха и невѣсты даютъ другъ другу руки, молодые кладутъ свои руки, а мать невѣсты своею рукой обхватываетъ всѣ руки; затѣмъ мѣняются перстнями⁴⁾. Иногда свать только подаетъ руку невѣстѣ⁵⁾ (Гродн. губ.); или же отцы молодыхъ сдѣлываютъ свои руки, ихъ разнимаетъ кто-либо посторонній, и тогда выдаютъ невѣсту⁶⁾ (Бобруйскій у.). Перстнями иногда мѣняются, иногда нѣтъ⁷⁾. Въ Борисовскомъ у. женихъ самъ отыскиваетъ невѣсту и беретъ ее за руку⁸⁾.

Изъ предложеннаго обзора различныхъ вариаций обрядовъ, практикующихся на заручинахъ, рельефно выдѣляются три акта: соединеніе рукъ брачующихся, мѣна ихъ кольцами и совмѣстная ѣда. Къ обзорѣнныиъ этихъ обрядовъ мы и обратимся. Широта распространенія этихъ обычаевъ и ихъ устойчивость въ свадебномъ обрядѣ поразительны.

Такъ, въ санскритѣ само названіе брака означаетъ вообще актъ соединенія руки: *karagraha*, *panigraha*, *hastekarana*, *panaukarana*—всѣ эти названія имѣютъ одинъ и тотъ-же основной смыслъ⁹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ индусскимъ памятникамъ извѣстны соединенія рукъ жениха и невѣсты, какъ одни изъ важѣйшихъ и неизмѣнныхъ частей брачнаго обряда: женихъ хватаетъ правую руку невѣсты¹⁰⁾. Kohler считаетъ соединеніе рукъ въ индусскомъ бракѣ именно такимъ моментомъ, когда невѣста фактически передавалась въ руки жениха¹¹⁾. Но уже у индусовъ этотъ обрядъ получилъ религиозное освященіе и толкованіе: руки брачующихся отецъ связывалъ священною травой, обливалъ священною водою и соединялъ концы

1) *Golebowski*, Lud, p. 80.

2) *Шейнс*, Mat., II, 199, 16.

3) *Шейнс*, Бѣлор. пѣсни, 314.

4) *Ibidem*, 334.

5) *Шейнс*, Mat., II, 366.

6) *Ibidem*, 252.

7) *Ibidem*, 220.

8) *Ibidem*, 157.

9) *Pictet*, Les origines des indoeuropéens, t. III, p. 14—15.

10) *Weber*, Indische Studien, V, 317; *Вс. Миллеръ*, Очерки аріійской мнелогіи, 30; *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell, Wien, 1892, p. 48, cp. p. 22. *Kohler*, Indische Ehe und Familienrecht. Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft, V, III, 347.

11) *Zeitschr. f. Vergl. Rechtswiss.*, V, III, 350—351.

1) *Usener*, Italische Mythen, Rheinisches Museum für Philologie, Bd. XXX, Frankfurt am Main, 1875, p. 183—189.

2) Относящіяся сюда указанія: *Schröder*, Die Hochzeitsräuche der Esten, Berl. 1888, p. 68—72; *Volkov*, Rites et usages des noces d'Ukraine, „Anthropologie“ (Paris), 1891, V, II, p. 181; *Суминовъ*, О свад. обрядахъ, 27—28. Обычное право южн. сл. „Юридич. Вѣстн.“, 1877, янв., 104 и др.

одеждъ ихъ¹⁾. Беря за руку невѣсту, женихъ произносилъ священный стихъ, выражалъ надежду на „дородное потомство“, на долгодѣіе: боги даютъ ему жену, чтобъ служить вмѣстѣ домашнему огню²⁾. Сами боги, слѣдовательно, передаютъ невѣсту въ руки жениха. Сосѣдніе адудсамъ древніе иранцы главнымъ актомъ въ сговорѣ также ставили соединеніе рукъ брачующихся³⁾.

Въ современной Индіи соединеніе рукъ распространено повсемѣстно: обычно отецъ вкладываетъ руку дочери своей въ руку жениха, и такимъ образомъ передаетъ ее ему, или же просто соединяетъ руки молодыхъ; въ другихъ мѣстахъ льютъ на руки воду и связываютъ ихъ платкомъ⁴⁾.

У римлянъ передъ жертвоприношеніемъ, сваха подводила невѣсту къ жениху и соединяла руки обоихъ⁵⁾. А отецъ невѣсты говорилъ, обращаясь къ невѣстѣ: „я передаю тебя вотъ этому другу, опекуну и отцу“⁶⁾, передавая такимъ образомъ свою отцовскую власть будущему мужу. Поэты римскіе для означенія женитбы обычно употребляютъ выраженія: взять, похитить, унести невѣсту⁷⁾. Обычай соединенія рукъ практиковался въ средне-вѣковой Франціи, причемъ женихъ бралъ руку невѣсты⁸⁾. По сѣверо-германскому средневѣковому праву считалось необходимымъ, чтобъ женихъ и невѣста протянули на сговорѣ другъ другу руки⁹⁾. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи молодой человѣкъ пожатіемъ руки пред-варяетъ дѣвушку о сватовствѣ¹⁰⁾.

У мордвы, передъ отъѣздомъ въ церковь, женихъ подходитъ къ невѣстѣ и хочетъ взять ее за руку, но она отталкиваетъ его, вопить и ругаетъ¹¹⁾. Этотъ обычай характеренъ по отношенію къ опредѣленію первоисточника его. Сродный обычай мы встрѣчаемъ даже у одного новогвинейскаго племени Noeforezen: при заключеніи брака, старшій изъ родственниковъ вкладываетъ правую руку жениха въ правую руку невѣсты, беретъ въ ротъ глотокъ воды и льетъ ее на руки молодыхъ съ особымъ разговоромъ¹²⁾.

1) *Roszbach*, Untersuchungen über die Römische Ehe, 203. *Kohler*, 348.

2) *Wintirnitz*, Das altind. Hochz., p. 49.

3) *Geiger*, Ostiranische Kultur in Alterthum, p. 242.

4) *Wintirnitz*, p. 49.

5) *Roszbach*, Untersuch. üb. d. Röm. Ehe., p. 308.

6) *Valentino Giachi*, Amori e costumi latini, 1885, p. 180.

7) *Ibidem*, 175.

8) *Beaume*, Introduction à l'étude hist. du droit coutumier fr., Paris, 1880, 385.

9) *Lehman*, Verlobung und Hochzeit, p. 130, 133.

10) *Les mariages en Bourbonnais*. Revue des traditions populaires, t. I, p. 196.

11) *Mainoos*, Оч. юридич. быта Мордвы, 94.

12) *Nassell*, Die Noeforezen. Zeitschrift f. Ethnologie, 1876, H. III, p. 181.

Въ настоящее время обычай соединенія рукъ существуетъ во всей Россіи¹⁾.

Уже было высказано мнѣніе, что соединеніе рукъ брачующихся—одинъ изъ переживковъ умчички²⁾. Это весьма правдоподобно и подтверждается тѣмъ, что древнѣйшимъ актомъ было именно схватываніе невѣсты за руку: женихъ выражалъ тѣмъ свое завладѣніе невѣстой. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что невѣста при этомъ фактически выдается жениху. А въ версіи мордовскаго обряда мы еще видѣли, что невѣста отбивается, не давая взять себя за руку.

Въ подтвержденіе высказаннаго значенія хватанія за руку говорить нѣкоторое количество фактовъ, сущность которыхъ сводится къ тому, что всякое прикосновеніе къ дѣвушкѣ со стороны парня считается символомъ завладѣнія, даже болѣе—именно похищенія. У лавковъ, напримѣръ, одного горнаго племени Кавказа, парень срываетъ платокъ съ головы дѣвушки, или хватаетъ ее за руку или за грудь это называется „поймать“ дѣвушку, и она должна выйти за парня замужъ, хотя бы и не желала, потому что считается обезпеченной³⁾. Нѣчто подобное практикуется и въ Калабріи также съ дѣлю вѣрнѣе добиться согласія любимой дѣвушки. Парень выжидаетъ день, когда дѣвушка пойдетъ въ церковь. На дорогѣ къ церкви онъ срываетъ съ нея платокъ и замѣляетъ болѣе дорогимъ, совершенно бѣлымъ, или вообще какъ нибудь дотрогивается до дѣвушки. Такая дѣвица называется scapigliata, съ распущенными волосами, или imbiancata, segnata⁴⁾. Послѣдній фактъ равно относится и къ растрепыванію волосъ дѣвушки, какъ символу завладѣнія ею. Но въ то же время оба примѣра показываютъ, что прикосновеніе парня къ дѣвушкѣ, хватаніе ея, рассматривается, какъ одинъ изъ актовъ похищенія ея, завладѣнія ею.

Отраженіе того же взгляда мы встрѣчаемъ въ возрѣвнѣхъ бѣлорусовъ. Я позволю себѣ указать на это здѣсь же, хотя это и не относится прямо къ занимающему насъ вопросу. Если парень захочетъ нанести обиду дѣвушкѣ, онъ старается въ публичномъ мѣстѣ сорвать съ нея платокъ, хватить за косу, за грудь. Это считается очень обиднымъ и поворнымъ для дѣвушки, даже если парень не имѣлъ основаній такъ оскорбить ее. Проф. Вл. Зен. Завитневичъ передавалъ мнѣ очень интересное въ этомъ отношеніи наблюденіе свое во время раскопокъ въ Бобруйскомъ у. По сосѣдству отъ раскапываемыхъ имъ кургановъ вдругъ раздался раздражающій душу женскій крикъ. Всѣ рабочіе бросились туда. Оказалось, что парень и дѣвушка, пасшіе стадо, о чѣмъ-то заспорили; парень сорвалъ съ нея платокъ

1) *Сумцовъ*, О свад. обрядахъ, 28.

2) *Ibidem*. *Вс. Миллеръ*, Оч. ар. мѣод. 30—31.

3) *Ковалевскій*, Первобытное право, II, 110.

4) *Dorsa*, La tradizione grecolatina etc., 36.

и разорвалъ его. Дѣвушка горько плакала, держа въ рукѣ разорванный платокъ. Собжавшіе были возмущены поступкомъ парня. „Она въ дѣвничкомъ станѣ,—говорили они,—а онъ сорвалъ платокъ“. Дѣло кончилось дракой между защитниками права дѣвичи и оскорбившаго ее парня. Аналогичный случай я наблюдалъ въ с. Дерновичахъ, на Припяти (Рѣчицкій у.). Проходили плотовщики-могилевцы и начали пьянствовать въ мѣстной корчмѣ. Въ это время туда зашла зачѣмъ-то сосѣдская дѣвушка. Одинъ изъ плотовщиковъ хватилъ ее за руку, она вырвалась; онъ догналъ ее, но она съ крикомъ вырвалась и убѣжала на улицу. На крикъ явился братъ ея, онъ заспорилъ съ обидчикомъ, но присутствующіе помиривъ ихъ, и дѣло кончилось выпивкой. Братъ дѣвушки скоро ушелъ. Но тогда пьяные плотовщики стали подуривать надъ своимъ сотоариемъ, что онъ струсилъ. Тотъ, долго не думая, пошелъ разыскивать дѣвушку, поднялъ стукъ у воротъ ея, Собравшіеся односельчане завязали серьезную драку съ плотовщиками, кончившуюся проломами головъ, реберъ. Всѣхъ плотовщиковъ связали и привели въ волостное правленіе. Среди шумныхъ толковъ собравшейся толпы объ этомъ событіи ясно опредѣлился взглядъ ея: „какъ смѣлъ мужчина оскорблять такъ дѣвушку, да еще могилевецъ“,—прибавляли они.

Въ этомъ чувствѣ негодованія отразилось традиціонное убѣжденіе, что всякое прикосновеніе къ дѣвухѣ есть символъ захвата ея, и община считаетъ своимъ долгомъ вступить за нее.

Къ нашему вопросу относится и еще одинъ фактъ изъ римской жизни. При посвященіи въ весталки, понтифексъ хваталъ (*capiebat*) за руку посвящаемую дѣвушку. По объясненію Геллія, это означало, что дѣвушка уходитъ отъ отца, какъ бы захваченная на войнѣ. Этотъ взглядъ отразился и на завладѣніи всякой вещью, вообще *mancipatio*, по объясненію Гая, состояло въ томъ, что покупающій бралъ за предметъ купли и этимъ выражалъ свое завладѣніе вещью¹⁾.

Приведеннаго достаточно для объясненія значенія обряда соединенія рукъ брачующихся.

Переходимъ ко второму обряду заручинъ—мѣнѣ колецъми.

У древнихъ индусовъ одна изъ родственницъ надѣвала желѣзное кольцо на правую руку жениха и на лѣвую невесты²⁾. У римлянъ отецъ жениха спрашивалъ отца невесты: „Spondesne?“ Тотъ отвѣчалъ: „Spondeo“. Затѣмъ составлялся актъ, скрѣпляемый печатами присутствующихъ, и невестѣ надѣвали желѣзное кольцо, *annulus pronubus*³⁾; у древнихъ герман-

цевъ, послѣ жертвоприношенія, женихъ надѣвалъ на палецъ невесты кольцо, сплетенное изъ вѣтви⁴⁾.

Въ настоящее время мѣна колецъми извѣстна во всемъ славянскомъ мірѣ⁵⁾, среди нѣмцевъ, французовъ⁶⁾, итальянцевъ⁷⁾, у латышей⁸⁾, лопарей⁹⁾ и среди многихъ менѣе культурныхъ народовъ¹⁰⁾.

Мнѣнія ученыхъ объ обрядовомъ значеніи кольца сильно разнятся. Мнѣологіе склонны думать, что кольцо есть символъ солнца—брачнаго соединенія солнца съ мѣсяцемъ или съ землей¹¹⁾. Напротивъ, этнологи видятъ въ кольцѣ одно изъ звеньевъ дѣпи, надѣвавшейся нѣкогда на женщину, какъ на плѣнницу, рабу, и затѣмъ уже кольцо приняло значеніе связи, прикрѣпляющей жену къ мужу¹²⁾.

Мнѣологическое объясненіе не ясно. У индусовъ и римлянъ кольца употреблялись желѣзные, у др. германцевъ—изъ вѣтви. Слѣдовательно, кольцо не могло напоминать своимъ блескомъ солнечнаго божества.

Этнологическое объясненіе едва ли не болѣе вѣрно. Повидимому, въ началѣ существовало только обычай, по которому женихъ давалъ кольцо невестѣ. Онъ ее какъ бы привязывалъ къ себѣ. Такую версію обряда мы встрѣчаемъ у римлянъ. Въ прадахъ Визиготской и Лангобардской ирече ные кольца представляли родъ задатка, дѣль котораго была—обеспечить выполнение обшанія заключить бракъ¹³⁾. Значеніе кольца съ достаточной убѣдительносью выясняется изъ сицилійскаго обряда. Мать жениха раздѣляетъ гребешкомъ волосы на головѣ невесты и затѣмъ надѣваетъ ей на палецъ кольцо и даритъ платокъ. Въ Mazzara обрядъ кончается тѣмъ, что невеста цѣлуетъ руки женихова отца¹⁴⁾. Расчесываніе волосъ невесты матерью же-

1) *Kulischer*, *Intercommunale Ehe durch Raub und Kauf*. *Zeitschrift f. Ethnologie*, 1878, II, III, p. 208—290.

2) *Сумцовъ*, О свад. обрядахъ, 78. *Krauss*, *Sitte und Brauch d. Südslaven*, Wien, 1885, p. 356.

3) Указ. см. *Кулишера*, *Ср. Édilestand du Méri*, *Des Formes du mariage*, p. 9. *Revue des trad. popul.* 1890, № 4, p. 270—277.

4) *Pitré*, *Biblioteca delle tradizioni popolari siciliani*, XV, *Usi e costumi*, II, p. 33. Ср. *De Gubernatis*, *Storia, comparata degli usi nuziali in Italia*. Milano, 1869, p. 147.

5) *Э. Волътеръ*, *Матеріалы для этн. лат. плем.*, 166.

6) *Харузинъ*, *Русскіе лопари*, 278.

7) *Post*, *Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts*, Leipz. 1890, p. 236.

8) *Сумцовъ*, О св. обрядахъ, 78, *De Gubernatis*, *Storia comparata*, p. 147. Ср., еще мнѣніе *Янцуржнскаго*, *Русск. Филологич. Вѣсти*. 1880, № 3, стр. 2.

9) *Кулишеръ*, *Очерки сравнительной этнографіи и кудатуры*, p. 154—155, и въ назв. ст. его же въ *Zeitschr. f. Ethn.*, 1878, II, III; *Édilestand du Méri*, *Des formes du mariage*, 9; *Post*, *Studien*, 236.

10) *Карасевичъ*, *Обычное гражданское право Франціи*, 86.

11) *Pitré* *Biblioteca d. trad. pop Sic.*, XV, *Usi*, II, p. 33.

1) *Туриевичъ*, *Культь Весты въ древн. Римѣ*. Кіевъ. 33—35.

2) *Weber*, *Indische Studien*, V, 299.

3) *Val. Giachi*, *Amori e costumi latini*, 169.

ниха есть несомнѣнный остатокъ подстриженія волосъ дѣвушки въ знакъ перехода ея въ рабское подчиненное положеніе. Одинъ символъ похищенія, насильственнаго завладѣнія (что расчесываніе волосъ невѣсты имѣетъ такое значеніе—мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи) слѣдуетъ за другимъ: расчесываніе волосъ, затѣмъ надѣваніе кольца-дѣни. Невѣста, признавшая свое новое рабское положеніе, цѣлуетъ руки отца жениха, своего повелителя.

Не менѣе интересенъ обычай у племени наировъ, на Малабарскомъ берегу Индостана, среди котораго бытуетъ типичная поландрія. Здѣсь, когда дѣвушка вступаетъ въ первый разъ въ бракъ, новобрачныхъ соединяютъ цѣпью за шею ¹⁾.

За кольцомъ по настоящее время остается значеніе связи, неразрывно соединяющей брачующихся. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ одна французская пѣсенка, обращенная къ невѣстѣ:

Vous voilà liée,
Madame la mariée,
Et pour cet anneau d'or,
Qui vous condra à la mort ²⁾.

На заручинахъ у насъ мало поютъ пѣсенъ, часто ихъ совсѣмъ не поютъ; во всякомъ случаѣ пѣсни мало говорятъ о заручинахъ. Я обращаю лишь вниманіе на двѣ пѣсенки, сообщаемыя изъ Борисовскаго у. Въ нихъ отразилось то обстоятельство, что два акта заручинъ, соединеніе рукъ и мѣна кольцами, принадлежатъ переживаніямъ умыканія невѣсты. „Коршунъ“,—говоритъ пѣсня, называя такъ дружину жениха, —„летѣли черезъ боръ, сѣли къ намъ на дворъ“; они ищутъ „сѣру вуточку“; она совѣтуетъ поймать коршуна въ клѣтку, а сѣру вуточку загнать въ хату. Другая пѣсня говоритъ, что посадили коршуновъ за столъ, чувствуютъ ихъ, а сѣру вуточку не ратуютъ.

А ты, шѣра вуточка, ховайся,
Лютому сокоду не давайся:
Бо ѣвъ цябѣ, вуточку, проклюе,
У чужую сторону понасе ³⁾.

Третій актъ заручинъ—это совмѣстная ѣда молодыхъ. Этотъ обычай выражаетъ собою союзъ брачующихся. Вообще, совмѣстная ѣда у различныхъ народовъ служитъ символомъ для заключенія союзовъ, договоровъ ⁴⁾. Сюда же относятся и наши моговичи.

Разбираемый обычай имѣетъ большую устойчивость и распространеніе. У древнихъ индусовъ молодые, на утро послѣ брака, съѣдали вмѣстѣ часть

¹⁾ Giraud Telon, Les origines du mariage, 157.

²⁾ P. Bourchenin, Une noce en Béarn. Revues des trad. popul. 1890, № 4, p. 266.

³⁾ Шейнс, Mat., II, 156—157.

⁴⁾ Кулишеръ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, 103, 118—119.

жертвенной лепешки. Въ современной Индіи почти повсемѣстно существуетъ обычай, что брачующіеся совмѣстно вкушаютъ хлѣбъ или выпиваютъ вино изъ одной чаши ¹⁾.

Совмѣстная ѣда, какъ свадебный обрядъ, встрѣчается еще у древнихъ индусовъ ²⁾. У Римлянъ это былъ самый важный моментъ заключенія брака; одна изъ формъ брака, въ которой главную роль играло принесеніе въ жертву хлѣба и вкушеніе лепешекъ молодыми, получила названіе отъ этого акта—confatreatio. Confatreatio въ римскомъ бракѣ, несмотря на свое чисто бытовое происхожденіе, получило религіозное значеніе и было священнымъ бракомъ; изслѣдователи тѣсно связываютъ его съ сакральными учрежденіями патриціевъ. Karlowa особенно настаиваетъ на томъ, что принатіе хлѣба брачующимися вмѣстѣ съ сидѣніемъ было самымъ важнымъ фактомъ римскаго брака ³⁾.

По старинному сѣверо-германскому обычаю молодые опорожняли вмѣстѣ бокаль вина. Этотъ обычай бытуетъ по настоящее время въ Норвегіи, Кельцѣ, Седмиградѣ; въ Чешской части Рудныхъ горъ молодые пьютъ кофе ⁴⁾. Въ другихъ частяхъ Германіи молодые въ утро передъ бракомъ должны ѣсть изъ одного блюда ⁵⁾, а по приѣздѣ изъ церкви они съѣдаютъ вмѣстѣ кусокъ хлѣба и выпиваютъ другъ съ другомъ по стакану вина ⁶⁾. Въ Баваріи женихъ и невѣста съѣдаютъ вмѣстѣ печеніе изъ яицъ ⁷⁾; съ этимъ можно сопоставить обычай Борисовскаго у., гдѣ молодымъ даютъ ѣсть яичницу ⁸⁾.

Совмѣстная ѣда встрѣчается почти повсемѣстно въ Италіи ⁹⁾. Въ Калабріи мать жениха при встрѣчѣ предлагаетъ молодымъ бокаль меду ¹⁰⁾. Въ Сардиніи молодые, послѣ вѣнчанія, ѣдятъ одной ложкой изъ одной миски ¹¹⁾.

Аналогичные обычаи были извѣстны въ средніе вѣка во всей Франціи, Италіи и Англии ¹²⁾. Въ настоящее время, въ Бретани, новобрачные

¹⁾ Winternitz, Das altindische Hochzeitsrituell, p. 80.

²⁾ Rossbach, Untersuch. üb. di Röm. Ehe, p. 143 и др. Marquardt, Das Privatleben der Römer, I, p. 34.

³⁾ Die Formen der Römischen Ehe und Manus, Bonn, 1868, p. 10.

⁴⁾ Schröder, Die Hochzeitsbräuche der Esten, 83.

⁵⁾ Wuttke, Der deutsche Volksglaube, Berl., 1869, p. 347.

⁶⁾ Ibidem, p. 350.

⁷⁾ Schröder, p. 83.

⁸⁾ Шейнс, Mat., II, 106.

⁹⁾ De Gubernatis, Storia comparata, 148—150.

¹⁰⁾ Dorsa, La tradizione preco-latina, p. 38.

¹¹⁾ Gabrieli, Usi dei contadini della Sardegna. Archivio per lo studio delle tradiz. popul. 1888, p. 473.

¹²⁾ Edélestand du Ménil, Des formes du mariage, p. 40—42.

сейчас послѣ вѣнчания уходить къ священнику въ сакрестію. Сюда дружно относятъ корзину, изъ которой священникъ вынимаетъ хлѣбъ и вино и даетъ молодымъ. Въ горахъ французскаго Юры новобрачныхъ встрѣчаетъ мать жениха и даетъ имъ хлѣбъ и вино; они пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ¹⁾.

Обычай совмѣстной ѣды извѣстенъ у астовъ, албанцевъ, ново-грековъ²⁾; у послѣднихъ молодые ѣдятъ пироги и фрукты³⁾. У морды молодымъ даютъ яичницу въ одной ложке⁴⁾; у вотяковъ брачующимся давали освятенное пиво: „сіе служить, какъ будто брачнымъ таинствомъ“⁵⁾.

Среди славянъ въ настоящее время этотъ обычай нужно признать общераспространеннымъ. Въ Москвѣ, напр., на царскихъ свадьбахъ новобрачные пили вино изъ одного сосуда изъ рукъ митрополита⁶⁾.

Совмѣстная ѣда извѣстна среди южныхъ славянъ⁷⁾. У гнѣзенскихъ поляковъ молодые ѣдятъ хлѣбъ съ сыромъ⁸⁾, въ другихъ мѣстахъ практикуется обычай совмѣстной ѣды одной ложкой⁹⁾. Въ Моравіи мать жениха кладетъ жениху и невѣстѣ на правыя ладони по куску меду; невѣста слизываетъ медъ съ руки жениха, женихъ—съ ея руки¹⁰⁾.

Ѣда и питье настолько тѣсно связываются съ бракомъ и любовью, что уже Потебня указалъ рядъ сближеній въ области народной поэзіи и образовъ, гдѣ *любить*—равнозначуще *стать*¹¹⁾. Съ этимъ вполне гармонируетъ французская пословица: *boire et manger, coucher ensemble—c'est mariage, ce me semble*.

Совмѣстная ѣда—одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ заключенія брака у самыхъ различныхъ народовъ. Важность его настолько велика, что можно привести рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что у многихъ народовъ, стоящихъ на болѣе низкой ступени цивилизациіи, въ совмѣстной ѣдѣ состоитъ вся брачная церемонія. Въ Японіи существуетъ обрядъ, подобный римскому *coniugatio*, какъ важнѣйшій актъ брачной церемоніи¹²⁾. У нѣкоторыхъ племенъ Бенгаліи заключеніе брака выражается въ совмѣстномъ питьѣ вина женихомъ

1) Schröder, 83.

2) Ibidem.

3) *Mélusine*, t. IV, p. 124.

4) *Майновъ*, Оч. юридич. быта Морды, р. 88.

5) *М. Ч.*, Словарь русскихъ суевѣрій. Москва, 1782, стр. 25.

6) *Терещенко*, Бытъ рус. нар. II, 51.

7) *Krauss*, Sitte und Brauch, 386.

8) *Kolberg*, Lud, ser. XI, ч. III, 75, 84.

9) *Kolberg*, Pokucio, I, 266.

10) *Bartos*, Moravska svatba, 32.

11) *Потебня*, О значеніи нѣкот. обрядовъ и повѣрій, 54.

12) *H. H. Giglioli*, Usi e credenze Giapponesi. Archivio per lo stud. d. trad. pol., 1889, 512—513.

и невѣстою съ присутствующими¹⁾. У наваевъ вступающіе въ бракъ ѣдятъ масть изъ одного сосуда²⁾. У сартовъ молодые выпиваютъ каждый изъ одной чаши по глотку воды. У манассаровъ невѣста даетъ жениху сливу. У балинцевъ, послѣ благословенія священника, невѣста беретъ горсть рису и кладетъ въ ротъ жениху; онъ дѣлаетъ то-же. У альфуровъ и минагасовъ брачная церемонія состоитъ въ томъ, что женихъ и невѣста ѣдятъ немного рису вмѣстѣ и кусочекъ сала и пьютъ нѣсколько капель пальмоваго вина³⁾. У вахосовъ вступающіе въ бракъ садятся другъ противъ друга, по обѣ стороны корзины, въ которой лежитъ пища, и ѣдятъ ее⁴⁾.

Такимъ образомъ, совмѣстная ѣда и питье, представлявшія въ началѣ лишь обычный актъ заключенія между двумя лицами какой бы то ни было сдѣлки, перешли съ такимъ же значеніемъ и въ свадебный обрядъ, сдѣлавшись здѣсь необходимою формою. Съ теченіемъ времени она приняла религиозное освященіе, какъ это мы видимъ въ индусскомъ и римскомъ бракѣ.

Мы разсмотрѣли обряды и ходъ заручинъ въ бѣлорусской свадьбѣ. Онѣ состоятъ изъ четырехъ актовъ: выдачи невѣсты сватамъ и жениху, двухъ актовъ, выражающихъ символическое завладѣніе женихомъ невѣстою (хватаніе за руку и мѣна кольцами) и одного акта, выражающаго союзъ, заключаемый между договаривающимися сторонами (совмѣстная ѣда). Заручины въ русской свадьбѣ отдѣлились отъ стовора, но по своему внутреннему значенію являются какъ бы продолженіемъ его. У другихъ народовъ, какъ мы видѣли, тѣ-же обряды совершаются собственно на стоворѣ.

Въ народномъ міровоззрѣніи Вѣлорусіи заручины являются актомъ, окончательнымъ связывающимъ брачующихся; разрывъ послѣ нихъ не мыслимъ. Въ одной пѣснѣ изъ Минскаго у., поющейя сейчасъ послѣ заручинъ, говорится, чтобы „заручальничка-дзѣвачка“ подала своей матери воды. Но: „вжошь я табіе, маточка, ня слуга!“—говоритъ невѣста и не идетъ за водой. Съ заручинами прекращается власть родителей надъ дочерью, ихъ *mundium* переходитъ къ жениху. Въ другой пѣснѣ, изъ Борисовскаго у., выражается также окончательное благословеніе присутствующей общины молодой парѣ. Заручили дѣвушку—

На висола житця,
На добра здароуе,
Богъ намъ дау!
Намъ многа здароуе
Ды на доугій вѣкъ,
На многа богатця,
На дзяццо шасца⁵⁾.

1) Beschreibende Ethnologie Bengalens. Zeitschrift f. Ethnol., VI, 261.

2) *Post*, Studien, 235.

3) *Ibidem*, 236.

4) *Зибель*, Очерки первобытной экономической культуры, 310.

5) *Стенсеръ*, Основ. социологіи, р. 670.

6) *Шейнъ*, Мат. II, 154.

Съ заручинами кончается собственно бытовая сторона свадебного обряда; общее впечатлѣніе, которое оставляетъ остальная часть обрядовъ, таково, что въ послѣдней въ значительной мѣрѣ, почти сплошную, мы уже встречаемся съ переживаниями религиозныхъ культовъ. Переживания бытовья (символическая купля, похищеніе) являются уже свадебными шутками, основа же обрядовъ носитъ чисто религиозный характеръ.

Оканчивая обзоръ заручинъ, мы считаемъ уместнымъ здѣсь же отмѣтить еще одно явленіе—обрядовый плачъ невесты. Въ бѣлорусской свадьбѣ есть два момента, когда невеста обязана плакать,—это заручины и посадъ. Впрочемъ, мы не встречаемъ здѣсь такъ наз. заплачекъ, длинныхъ, надрывающихъ душу рацей, произносимыхъ на великорусской свадьбѣ самою невестою съ рыдающими волями¹⁾. Невѣста ничего не поетъ въ нашей свадьбѣ; за нее поютъ подруги преимущественно о томъ, что совершается въ то или другое время обряда. Плачъ бѣлорусской невесты—тихія, горькія слезы, въ которыхъ много отражается и естественнаго чувства. Но все-таки въ извѣстные моменты этотъ плачъ обязателенъ и имѣетъ чисто обрядовое значеніе.

Народная пѣсня относится съ большою симпатіей къ слезамъ дѣвушки. Слезы ея—„крушень жемчугъ“, говоритъ пѣсня²⁾. Дѣвушка сидитъ за столомъ, а слезы у нея текутъ „ручаемъ“³⁾. „Дробныя“ слезы дѣвцы покатились,

Да на земли пали,
Крамни разбили,
Крамни разбили,
Песокъ размыли⁴⁾.

Такова сила слезъ дѣвушки, которой приходится сочетаться бракомъ съ неизвѣстнымъ „чужаницею“. Но во всякомъ случаѣ нельзя характеризовать по нимъ несчастную долю женщины, которой „слезы, гонимыя скорбью, выливались обильно и видны были въ каждой дѣвичьей и женской пѣснѣ“, какъ иногда дѣлаютъ изслѣдователи нашей народной поэзіи,—было бы не совсѣмъ справедливо. Время, когда эти плачи имѣли реальное значеніе, когда дѣвица дѣйствительно продавалась въ руки чужому чужанину, уже для многихъ мѣстностей прошло или, по крайней мѣрѣ, проходитъ⁵⁾. Еще менѣе справедливо сопоставлять наши „плачи“ съ *canzoni di amore*

¹⁾ Объ этихъ плачахъ см. ст. *Весна*, въ „Русской Мысли“, 1891 г. №9, стр. 78 и сл.

²⁾ *Шейнъ*, Мат. II, 405.

³⁾ *Ibid.*, 242.

⁴⁾ *Ibid.*, 224.

⁵⁾ См. *Будде*, Полож. рус. женщины по бытовымъ пѣснямъ народа. Филологич. Записки, 1883, вып. IV, 2, стр. 5—6.

западноевропейцевъ. Свадебныя пѣсни послѣднихъ дышатъ такою же грустью, переполнены такими же мотивами, какъ и наши „плачи“, потому что порядокъ вещей былъ одинаковъ. Губернати съ указываетъ, что обычной невесты плакать (*piangere*) во время благословенія и другихъ церемоній свадебнаго ритуала ведетъ свое начало еще съ ведійскаго періода¹⁾, и въ настоящее время въ употребленіи среди итальянцевъ, грековъ, албанцевъ, славянъ и финновъ. У ново-грековъ паферъ говоритъ жениху: „если она плачетъ, оставьте ее“; но невеста быстро возражаетъ: „берите меня съ собою, но позвольте плакать“. У сицилійцевъ эти обрядовые „плачи“ называются „Sona“. Они также запечатлѣны грустнымъ раздумьемъ о будущей участи²⁾. Одна французская пѣсня (изъ департамента Верхней Марны), которую друзья поютъ невестѣ, въ непривлекательномъ свѣтѣ выставляетъ невестѣ будущую супружескую жизнь: „прощай, прелестный чертогъ, чертогъ моего отца! прощай, свобода!“, она предупреждаетъ молодую, что ей уже не придется посѣщать собранія, она должна смотрѣть за домомъ, когда другіе пойдутъ³⁾. Въ томъ же духѣ выражаются и другія пѣсни⁴⁾. Schröder указываетъ на существованіе обрядоваго плача у римлянъ, эстовъ, финновъ, вотяковъ, мордвы, а также въ Германіи и Богеміи⁵⁾.

III.

Обрядъ посады жениха и невесты.

Общій ходъ обряда въ Минскомъ у.—Варианціи обряда въ другихъ мѣстностяхъ—Колебаніе цѣльности обряда.—Значеніе обряда въ глазахъ крестьянъ.—Сложность культурно-религиозныхъ мотивовъ обряда.—Сходство и различіе посады жениха и невесты.

Мы должны приступить къ описанію срединной и важнѣйшей части свадебнаго ритуала бѣлоруссовъ—къ посадѣ жениха и невесты. Прежде всего мы остановимся на чисто описательной сторонѣ обряда. Это необходимо по многимъ причинамъ: вслѣдствіе важности и сложности обряда у самихъ бѣлоруссовъ, вслѣдствіе разнообразія и сложности культурно-религиозныхъ мотивовъ, легшихъ въ его основаніе, и, въ особенности, вслѣдствіе того, что этотъ обрядъ, не подвергавшійся въ нашей литературѣ болѣе или менѣе обстоятельному разсмотрѣнію, главнымъ образомъ, потому, что

¹⁾ *De Gubernatis*, Storia comparata, p. 135—137; ср. *Weber*, Ind. Stud., V, 327; *Winternitz*, Das altind. Hochzeitsrit., 42.

²⁾ *Pitrè*, l. c., 93; ср. Archivio per lo stud. d. trad. popol., 1890, 83.

³⁾ *Carrence*, Le mariage chez nos pères, 87—88.

⁴⁾ *Revue des trad. popul.*, 1890, № 4, p. 224—226.

⁵⁾ *Schröder*, Die Hochzeitsbräuche der Esten. 86—88; ср. *Wuttke*, Der deutsche Volksglaube, 349.

онь почти неизвѣстенъ у великороссовъ и малороссовъ, да и описанія его въ бѣлорусскомъ ритуалѣ до сихъ поръ крайне отрывочны.

Въ Минскомъ у. (Никольской вол.) обрядъ посады жениха происходитъ, въ общихъ чертахъ (подробное описаніе въ матеріалахъ), слѣд. образомъ. Обрядъ исполняется съ вечера, наканунѣ вѣнчанія. Женихъ, собравъ дружину, ходитъ просить сосѣдей на „благославленства“. На свадьбу собственно приглашаютъ и раньше, теперь женихъ повторяетъ приглашеніе только близкимъ родственникамъ и важнѣйшимъ сосѣдямъ; остальные сходятся сами. Когда всѣ собрались, женихъ съ дружиною садится за столъ. Свять беретъ въ руки стаканъ съ водкой и трижды испрашиваетъ у присутствующихъ благословенія „пѣсни заспѣвади“. Ему отвѣчаютъ: „Божа, благослови!“—два раза, а за третьимъ: „Дай Божа, шасьце й долю!“ Сваиха угощаетъ дѣвухешъ. Въ пѣсняхъ поется про сборы жениха въ путь за невѣстой. Въ это время ужинаютъ. Затѣмъ выходятъ всѣ изъ-за стола, столъ немного отодвигаютъ. „Братъ“ (дружко) подаетъ жениху конецъ платка, другой конецъ держитъ самъ; начинается троекратное обхождение вокругъ стола, причѣмъ женихъ каждый разъ кланяется „на поцудъ“—уголъ съ образцами за столомъ. Между тѣмъ свать, поднимъ въ рукѣ стаканъ съ водкой, произноситъ: „Просимъ адъ Бога ласки, адъ айца, адъ матки, пановы сусѣдзи, пановы прияцѣли, благословица маладому дзяжъ ўнасыци!“ Онъ громкогласно произноситъ это трижды; отвѣтъ толпы слѣдуетъ такой же, какъ и прежде. Вносятъ „дзезу“ (квашню) и ставятъ ее посрединѣ избы, прикрывъ вывороченной шубой. „Братъ“ тѣмъ же порядкомъ ведетъ молодого за конецъ платка къ „дзезѣ“, обводитъ вокругъ нея три раза, затѣмъ произноситъ трижды формулу благословенія молодому „на пасать сѣсьци“. Молодой въ ноги кланяется родителямъ, получаетъ отъ нихъ благословеніе и садится на „дзезу“. Это самая торжественная и тяжелая для присутствующихъ минута. Всѣ молчатъ, принявъ серьезный видъ. Дѣвухи поютъ 2—3 коротенькихъ пѣсенки о томъ, что женихъ сѣлъ на посаду. „Братъ“ стоитъ молча нѣсколько минутъ передъ женихомъ, держа въ рукахъ „громничную“ свѣчу. Мать съ рыданиями бросается сыну на шею и обнимаетъ его; женщины, дѣвухи плачутъ. Женихъ также рѣдко выдерживаетъ безъ слезъ. Происходитъ таинственное, несомнѣнно традиционное священнодѣйствіе, смыслъ котораго мало кому понятенъ, но къ которому всѣ присутствующіе относятся съ глубокимъ уваженіемъ. Еще болѣе тяжелая сцена, при томъ же обрядѣ, происходитъ въ домѣ невѣсты. Когда все успокоится, „братъ“ проситъ благословенія „маладому кѣсу рашасацъ“. Хоръ дѣвухешъ, съ послѣдними словами громады: „дай, Божа, шасьца“, поетъ:

Да падайца шоточки-грабянца,
Рашасаца косачу да вянца.

„Братъ“ поднимаетъ вверхъ горящую громничную свѣчу, которую все время держатъ; пари расчесываютъ молодому волосы. „Братъ“ снова торжественно испрашиваетъ благословенія „маладому кѣсу застрыхчи“. При послѣднихъ словахъ громады дѣвухи снова поютъ пѣсню, содержаніе которой намекаетъ на глубокую древность:

Да бѣда, бѣда да бѣлы камянь,
Агну дасцавайця,
Маладого застрыгайца!
Да били, били да бѣлы камянь,
Агну даставали,
Маладого застрыгали!

Во время этой пѣсни братъ прижигаетъ жениху волосы свѣчей, сначала на лбу, потомъ на затылкѣ и около ушей; затѣмъ передаетъ свѣчу парнямъ, которые продолжаютъ то же. По окончаніи этой процедуры, братъ снова проситъ благословенія поднять молодого съ посады и поднимаетъ его подъ руки.

Сажаніе невѣсты на посаду происходитъ на слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, передъ вѣнчаніемъ. Разницы въ обоихъ обрядахъ нѣтъ; только въ пѣсняхъ вставляется имя невѣсты. Замѣтимъ еще, что при посадѣ жениха родственники невѣсты не присутствуютъ официально, по приглашенію, хотя въ толпѣ бывають. Посадъ же невѣсты начинается съ прѣзѣдомъ жениха, но ни женихъ, ни его дружина въ хату не входятъ и во все время посады остаются во дворѣ.

Таковъ ходъ обряда въ Минскомъ у. Разсмотримъ теперь важнѣйшія измѣненія его въ другихъ мѣстностяхъ.

Очень интересный вариантъ обряда встрѣчаемъ мы въ Борисовскомъ у., въ известномъ описаніи этого уѣзда гр. Тышкенича¹⁾. Когда женихъ со своею дружиною въѣзжаетъ во дворъ невѣсты, всѣ выходятъ встрѣчать его; въ хатѣ остается только молодой съ дружкой и „брагомъ“. Онъ становится на порогѣ избы съ пирогомъ, чашкой и березовой вилокъ въ рукахъ и произноситъ: „Нехъ бендзе похвалены Іезусъ Хрыстусъ!“ Толпа стоитъ за порогомъ. Невѣста беретъ за руку дѣвицу, находящуюся при ней, покрываетъ ее и себя платкомъ, и обѣ встають. Братъ беретъ ее за руку, подводитъ къ порогу и произноситъ: „Есьць тутъ Богъ, бацька и матка, хрышчены и радзоны, сусѣдзи близкіе и дальніе, мужи статэчны (почтенны) и бабки запечныя и дѣтки запечныя, благословице маладую панну на пасадъ пасадзици!“ Трижды произносится эта формула и трижды получается отвѣтъ толпы. Невѣста съ причитаніями проситъ родительскаго

¹⁾ Переведено въ 2-й ч. Матеріаловъ г. Шейна; этимъ переводомъ я и пользуюсь.

благословенія. Братъ ставитъ чашку съ водою на полку, подводитъ невѣсту къ скамьѣ и, сдѣлавъ съ нею три оборота, сажаетъ на разостланный шерстью вверхъ кожку.

Нѣкоторыя частности вышеописаннаго обряда дополняютъ обрядъ Минскаго у. въ отношеніи культа домашняго божества, какъ это мы увидимъ ниже.

Изъ другихъ особенностей посада укажу на вариантъ его въ Игуменскомъ у. (Дудицкая волость). По сдѣланной мною записи, дѣло происходитъ такъ: сначала здѣсь бываетъ посадъ невѣсты, передъ самымъ отправленіемъ въ церковь. Она садится на дезеу, покрытую скатертью: на скатерть насыпаютъ рожь, и на нее-то и садится невѣста; въ руки ей даютъ хлѣбъ, завернутый въ полотенце. Невѣста при всѣхъ переодѣвается тутъ же, одѣваетъ чистую сорочку, и затѣмъ братъ расчесываетъ ей волосы. Одѣтую къ вѣнцу невѣсту братъ ведетъ за платокъ къ услоу (скамьѣ) передъ столомъ. Братъ жениха сажаетъ и его рядомъ съ невѣстой. Молодые пьютъ черезъ хлѣбъ, положенный передъ ними; за третьимъ разомъ женихъ бросаетъ въ рюмку нѣсколько монетъ и подаетъ невѣстѣ. Затѣмъ молодые встаютъ, кланяются родителямъ, покуту, хлѣбу и пирогу и выходятъ на дворъ, чтобы ѣхать въ церковь. Посадъ жениха бываетъ вечеромъ, въ тотъ же день, слѣдовательно, уже послѣ вѣнчанія. Мать вноситъ дезеу, застилаетъ ее коухомъ. Сватъ усаживаетъ жениха и поджигаетъ его волосы съ трехъ сторонъ свѣчей, испрашивая на всякое дѣйствіе благословенія присутствующихъ.

Въ Вѣлорудцкой вол. Минскаго у. особенность посада молодой состоитъ въ слѣдующемъ. Когда внесутъ дезеу, закосникъ ведетъ къ ней невѣсту. Онъ кружитъ ее на рукахъ трижды и старается посадить на дезеу. Но первый и второй разъ невѣста встаетъ, и только за третьимъ разомъ она остается на посадѣ. Одинъ закосникъ обноситъ вокругъ головы ея три раза свѣчей, другой въ это время продѣваетъ клокъ волосъ невѣсты черезъ кольцо и поджигаетъ ихъ. Послѣ этого уже расплетаютъ молодой косу¹⁾.

Въ Новогрудскомъ у. молодую сажаютъ на дезеу, въ которой расчищаютъ коровай, и затѣмъ прижигаютъ волосы. Въ формулѣ благословенія интересно обращеніе къ „покуцу святому“²⁾. Въ Виленской губ. молодого подстригаютъ родители его³⁾, въ иныхъ мѣстахъ Новогрудскаго у. молодого подстригаетъ сестра его, молодую—братъ ея⁴⁾.

1) Шейнъ, Матеріалы, 2 ч. стр. 190—191.

2) Ibidem, 212.

3) Ibidem, 379.

4) Ibidem, 223.

Въ Витебской губ. обрядъ варьируется слѣд. образомъ: въ день вѣнчанія невѣста сначала ходитъ голосить, а потомъ возвращается въ истошку, гдѣ ей расплетаютъ косу. Большой дружокъ велитъ ставить кланью, кладетъ на нее шубу, сажаетъ невѣсту, велитъ ей снять сапогъ, въ который онъ самъ кладетъ нѣсколько монетъ, завернутыхъ въ овечью шерсть, и снова велитъ надѣть сапогъ. Тогда дезеу выносятъ въ сѣни, застилаютъ ее шубой, братъ ударяетъ по ней два раза кнутомъ, сажаетъ снова невѣсту, которой ставятъ на подолъ тарелку со щеткою, дружокъ беретъ щетку, проводитъ ею по волосамъ невѣсты и кладетъ въ тарелку конфектъ 5. Затѣмъ вызываютъ всѣхъ присутствующихъ, которые продѣлываютъ то же¹⁾

Сажаніе на дезеу и надѣваніе сапога бываетъ въ то же время и у жениха съ такими же обрядами.²⁾ Но, кромѣ того, уже послѣ, въ концѣ свадьбы, по приѣздѣ въ домъ жениха, молодыхъ обоимъ вмѣстѣ снова сажаютъ вмѣстѣ за столъ на шубу и обоимъ надѣляютъ³⁾.

Въ Ошминскомъ у. Виленской губ. жениха сажаютъ на посадъ передъ отъѣздомъ къ невѣстѣ. кладутъ подушку на сундукъ или на дезеу, сватъ ведетъ къ посадѣ жениха за конецъ полотенца. По испрошеніи благословенія у родителей, женихъ садится на посадъ. Но волосъ ему не подстригаютъ: онъ прямо встаетъ, кланяется родителямъ и присутствующимъ, и съ дружиною ѣдетъ къ невѣстѣ. Хотя, быть можетъ, иногда и здѣсь бываетъ подстриганіе молодого, потому что въ числѣ его дружины неперемѣнный членъ *покосникъ*.⁴⁾ Посадъ невѣсты здѣсь представляетъ еще болѣе интересный: онъ происходитъ въ то же время, какъ и у жениха. Невѣста одѣвается, причѣмъ голова ея убрана миртовымъ вѣнкомъ. Затѣмъ невѣста, среди своей дружины, садится за столъ на подушкѣ. Черезъ минуту всѣ встаютъ, столъ отодвигается, и начинается троекратное обхожденіе вокругъ стола. Впередъ идетъ братъ, держа за одинъ конецъ полотенца, другой конецъ котораго въ рукахъ у невѣсты; за нею идетъ свадница съ подушкой, на которой сидѣла невѣста (подушка эта называется „свадебной“ и обшита кругомъ красными лентами). За свадницей идутъ дружки съ пѣснею, въ которой приглашаютъ „куть“, которому кланяется невѣста, благословитъ ее. Послѣ троекратнаго обхожденія, братъ ведетъ невѣсту на посадъ въ *стошку* (кладовая), при пѣніи подругъ. Тутъ невѣсту сажаютъ снова на ту же подушку, положенную на сундукъ, на которомъ уже раньше поставлена водка и закуска (ни того, ни другого не трогаютъ), потомъ братъ проситъ

1) Вѣстникъ Русск. Географ. Общ. 1857 г., ч. IV, стр. 39.

2) Ibidem, стр. 51.

3) Ibidem, стр. 55.

4) С. Карскій, Нар. вѣлорус. свадьбы въ Ошм. у. Виленск. губ., Вильна 1888 (Отт. изъ Вид. Вѣстника), стр. 21.

благословенія у громады, и ведетъ обратно къ столу невѣсту. Раздаются всеобщія благословенія присутствующихъ. Къ этому времени призываетъ уже женихъ, и обѣ дружины вскорѣ уѣзжаютъ въ церковь.¹⁾

Я описалъ важнѣйшіе сложные варианты обряда. Для полноты отмѣчу еще нѣсколько частныхъ. Въ Могилевской губ., предъ прибытіемъ жениха на столъ ставятъ крышку отъ джеги, въ нее кладутъ хлѣбъ, сверху прикрываютъ шубой; невѣста подходитъ къ шубѣ, молится передъ иконами и затѣмъ прощается²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Виленской губ., при постриженіи жениха, его сажаютъ на коробъ съ рожью³⁾. Но послѣ вѣнчанія прижигаютъ снова волосы молодой и молодой вмѣстѣ⁴⁾. Въ Минской губ., въ иныхъ мѣстахъ, тоже сажаютъ жениха на коробъ съ рожью пристригаетъ крестная мать его⁵⁾; въ другихъ мѣстахъ бываетъ посадъ невѣсты безъ расплетанія косы, которую расплетаютъ только передъ самымъ отъѣздомъ въ церковь; сажаютъ при этомъ на дукошко съ рожью, покрытое шубою⁶⁾. Иногда сажаютъ не на джегу, а прямо на лавку подъ образами⁷⁾, или же сажаютъ жениха и невѣсту вмѣстѣ⁸⁾. Иногда этотъ обрядъ соединяютъ съ заручинами, какъ „злученіе молодыхъ“ въ Витебской губ.,⁹⁾ то же соединеніе мы видимъ въ обрядѣ Игуменскаго у. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Могилевской губ. практикуются еще обрядъ посады невѣсты въ связи съ витьемъ елки¹⁰⁾. Но какъ описаніе этого обряда, такъ и разсмотрѣнія его мы отнесемъ въ слѣдующее изложеніе.

Главное условіе посады—это цѣломудріе какъ жениха, такъ и невѣсты: сѣсть на посадъ ни тотъ, ни другой не можетъ, если не сохранилъ цѣломудрія. Это обстоятельство также дало поводъ къ вариціямъ обряда. Такъ, въ иныхъ случаяхъ, сватья торжественно исповѣдуютъ молодую (Слудкій у.)¹¹⁾. Въ Новогрудскомъ у. невѣста сидитъ на посадѣ съ покрытой головой за столомъ. Жениха призываютъ, и если онъ сохранилъ цѣломудріе, то перелѣзаетъ черезъ столъ и цѣдуетъ невѣсту, если не сохранилъ, —лѣзетъ подъ столъ на ея колѣни.¹²⁾

Сложный обрядъ посады постепенно уступаетъ болѣе упрощенному,

1) Ibidem, 23—32.

2) Дембовскій, Опытъ описанія Могил. губ., I, 487.

3) Ст. Киргора, Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1857 г., кн. IV, 261.

4) Ibidem, 264.

5) Носовичъ, Зап. Р. Геогр. Общ., V, 142.

6) Ibidem, 143 и 146.

7) Шейнъ, Мат. II, 161.

8) Запольскій, Вѣдор. свадьба, 22.

9) Шейнъ, Мат., ч. 2, стр. 8.

10) Ibidem, 298—301.

11) Ibidem, 208.

12) Ibidem, 231.

такъ какъ и вообще весь свадебный обрядъ въ послѣднее время сильно сокращается. Это происходитъ и потому, что вообще древнія бытовыя условія жизни сильно пошатнулись въ глазахъ крестьянъ подъ влияніемъ разныхъ городскихъ обычаевъ, да еще и потому, что, съ сокращеніемъ свадебной процедуры, сокращается и трата времени, расходы. Наконецъ требованіе цѣломудрія съ обѣихъ сторонъ дѣлаетъ посадъ часто невыполнимымъ, особенно для парней, а нерѣдко и для дѣвушекъ. Вотъ почему обрядъ посады жениха встрѣчается все рѣже, и рѣже, но рѣдкая свадьба обходится безъ посады невѣсты: его отправляютъ и тогда, когда знаютъ навѣрное, что невѣста откажется отъ сидѣнья. Требовательность къ дѣвушкамъ сильнѣе, чѣмъ къ парню, а потому свадебные заправилы считаютъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ, поставить въ неловкое положеніе провинившуюся и ея мать, хотя бы женихъ и объявилъ себя виновникомъ. Впрочемъ, мы увидимъ, что цѣломудріе невѣсты еще разъ строго проверяется женскимъ персоналомъ.

Но гдѣ посадъ сохранилъ свою первобытную чистоту, гдѣ онъ имѣетъ громадное значеніе: это центръ свадьбы, традиціонно привлекающій къ себѣ вниманіе всѣхъ присутствующихъ, выполняемый съ особеннымъ эффектомъ, торжественно; но торжественность эта скорѣе мрачная, удручающаго духа характера, производящая тяжелое нравственное впечатлѣніе даже на совершенно сторонняго зрителя и рѣзко отличающаяся отъ безконечнаго веселья слѣдующихъ свадебныхъ обрядовъ.

Но еще болѣе тяжелая картина получается, если кто-либо изъ молодыхъ не садится на посадъ, особенно въ глухихъ селахъ, гдѣ старинные обычаи еще держатся. Съ юридической стороны обиженная сторона имѣетъ право тотчасъ уѣхать, отказавшись отъ всякихъ обязательствъ и потребовавъ возвращенія расходовъ на свадебныя приготовления и за протраченное время,—что, по обычаю, и выполняется. Разумеетсяъ, разрывъ возможенъ только тогда, когда посадъ выполняется передъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Для предупрежденія разрыва во многихъ мѣстностяхъ входитъ въ обычай садить на посадъ именно послѣ вѣнчанія. Но и въ послѣднемъ случаѣ извѣстны факты, когда молодые расходятся на нѣкоторое время и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда черезъ полгода, родственники примѣряютъ обѣ стороны.

Чтобы наглядно представить весь процессъ отказа съѣсть на посадъ, я рѣшаюсь, въ выдержкахъ, привести одинъ изъ имѣющихся у меня рассказовъ подобныхъ случаевъ. Рассказъ принадлежитъ очевидцу Ѳ. В. Ирматовичу.

Обыда трижды столъ съ „братомъ“, женихъ молча остановился передъ иконами. Ему рукою указали на джегу, но онъ продолжалъ еще нѣсколько минутъ стоять. Водворилось суровое, гробовое молчаніе. „Потомъ онъ сдѣлалъ движеніе рукою, какъ будто хотѣлъ молиться, но рука его по-

гнулась и снова остановилась. Кровь хлынула к лицу его, а потом он поблѣднѣлъ, какъ полотно. Затѣмъ онъ машинально опустилъ руку въ карманъ, вынулъ оттуда носовой платокъ, растопталъ передъ собою на полу и, опустившись на колѣни, принявъ устами къ землѣ. Потомъ женихъ поклонился и сотворилъ крестное знаменіе, снова повергся на землю. Мертвое молчаніе продолжалось. Вдругъ раздался стукъ разбитой посуды; и отъѣлъ глаза въ сторону отъ жениха на отца его, стоявшаго надъ разбитой чашкой; лицо его было блѣло, онъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ, но не двигался съ мѣста, а стоялъ надъ разбитой чашкой, устремивъ свирѣпый взоръ на сына, уже въ третій разъ повергшагося на землю. Жена его, мать жениха смотрѣла на сына умоляющими глазами. Не вставая съ земли и не глядя никуда, женихъ повернулся въ сторону отца и принявъ къ его ногамъ, обливаясь слезами и издавая глухіе звуки отъ сдерживаемыхъ рыданій. Отецъ вскопчилъ какъ ужаленный и ногами сталъ бить сына, но тотъ не всталъ, а продолжалъ цѣловатьъ ноги отца. Всѣ молчали, наконецъ, свать вступился за жениха: онъ при помощи неслишкомъ вѣжливыхъ толчковъ въ грудь хозяина, уприсиль его перестать давать наставленія сыну. Тяжело дыша, отецъ жениха прислонился къ скамейкѣ и зарыдалъ какъ ребенокъ, закрывшись руками. Сынъ такъ и не переставалъ плакать, обнимая и цѣлуя ноги отца. При видѣ этого, многіе стали просить отца простить сына и благословить его. „Не,—сказалъ онъ,—хоть я и благославолю, але Бугоъ яго ня благословиць, кали йонѣ гѣдакъ зрабиў мнѣ; гѣдакая твае будзи жицьа, сынникъ, кали ты ня баѣуся Бога и ня хацѣў слушаць бацькуоу“. Насиду уприсили отца благословить сына, а послѣдняго оторвали отъ ногъ и подыали.—Замѣтимъ что въ этой мѣстности крестьяне твердо убѣждены, что парню, потерявшему цѣломудріе до женитбы, будетъ неудача въ жизни: у него будутъ умирать дѣти и падать скотъ.

Рассказъ очевидца производитъ тяжелое впечатлѣніе. Но такова сила традицій, сложившихся подъ влияніемъ вѣкового процесса народной жизни подъ влияніемъ вѣрованій, юридическихъ обычаевъ, всѣхъ бытовыхъ условій жизни народа, который еще остался вѣренъ своей завѣтной старинѣ, обычаямъ и религіи предковъ.

У великороссовъ и малороссовъ посадь или рѣдко встрѣчается, или имѣеть слишкомъ ничтожное значеніе, иногда совершенно сливаясь съ другими обрядами.

Общій ходъ, колоритъ обряда не находитъ себѣ прочныхъ аналогій ни въ славянской, ни въ общецарской свадьбѣ и можетъ быть, повидимому, признанъ оригинальнымъ проявленіемъ бытовой дѣятельности бѣлорусской народности; особенно это слѣдуетъ сказать относительно посады жениха. Но отдѣльныя частности посады, отдѣльныя дѣйствія и обряды входятъ въ широкую область аналогическихъ обрядовъ другихъ народовъ. Въ са-

момъ дѣлѣ, въ послѣдующихъ главахъ увидимъ, что посадь нашъ является обрядомъ сложнымъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ частей, являющихся пережитками то культурныхъ, то чисто религиозныхъ мотивовъ. Въ посадь можно ясно различить главныя и побочныя стороны обряда. Всѣ ходъ его группируется около пристригания или прижиганія волосъ, сажанія на шубу, сюда же присоединяется и покрываніе головы невѣсты. Эти три части обряда окружены другими дѣйствіями и предметами, не принадлежащими специально къ посади, но повторяющимися и при другихъ частяхъ свадьбы или же вообще въ обыденномъ теченіи крестьянской жизни. Эти второстепенныя части уже, но располагаются въ двѣ группы. Первая группа—бытовые переживания, это участіе въ посадѣ брата, дружины и всей общины. Вторая группа болѣе сложная: сюда относятся всѣ проявленія религиозныхъ культовъ, легшихъ въ основу обрядовыхъ дѣйствій. Такъ, испрашивание благословенія, обхожденіе вокругъ стола, почитаніе покута, порога, употребленіе свѣчи—представляетъ намъ, какъ увидимъ ниже, частями культа домашняго очага; употребленіе же лабѣа, хлѣбной квашни, зелени и елки являются частями культа божества-производителя. Расчлененность обрядовъ посады заставляетъ насъ перейти къ разсмотрѣнію каждой части его въ отдѣльности. Но притомъ, значеніе побочныхъ частей, о которыхъ мы говоримъ, выясняется только при сопоставленіи случаевъ ихъ примѣненія во всѣхъ другихъ частяхъ свадебнаго обряда. Поэтому намъ придется отложить разсмотрѣніе ихъ до другого мѣста.

Необходимо еще одно замѣчаніе, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію значенія посады. При всемъ внѣшнемъ сходствѣ посады жениха и посады невѣсты въ современныхъ обычаяхъ бѣлоруссовъ, ихъ происхожденіе и этнологическое значеніе совершенно различны. Намъ не должно нисколько удивлять это обстоятельство. Въ народномъ преданіи часто одинъ и тотъ же пережитокъ, культурный или религиозный, раздвояется и принимается въ послѣдующей жизни своей различныя обряды, различную внѣшнюю оболочку, и только наука открываетъ тожество источниковъ. И наоборотъ, два различныхъ по характеру своему переживанія получаютъ настолько сходственныя внѣшнія черты, что съ перваго взгляда могутъ показаться тождественными. То же случилось и съ посадомъ жениха и невѣсты. Для того и другого обряда употребляются одни и тѣ же предметы и дѣйствія. Употребленіе ихъ при первоначальной культурѣ было существенно необходимо, какъ увидимъ, хотя цѣль была и различна. Отсюда произошло и полное сліаніе обрядовъ. Мало того. Въ свадебномъ обрядѣ мы постоянно можемъ наблюдать стремленіе удвоить, или отождествить обряды, исполняемые у невѣсты, съ обрядами, выполняемыми у жениха, что происходило, конечно, подъ влияніемъ возрастающаго сознанія равенства положенія жениха и невѣсты. Поэтому, параллелизмъ въ свадебныхъ обрядахъ—вещь обычная.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдетъ къ разсмотрѣнію значенія посада жениха.

IV.

Посадъ жениха. (Продолженіе).

Общее замѣчаніе о составѣ посада.—Обычай постригъ у славянъ и другихъ народовъ.—Значеніе ихъ.—Связь постригъ съ свадьбой.—Признаніе зрѣлости у различныхъ народовъ.—Изувѣченія и связь ихъ съ постригами.—Борьба за невесту.—Переживаніе этихъ обычаевъ.—Достоинство мужчины по мнѣнію первобытн. народовъ.—Женихъ въ белорусск. свадебн. пѣсняхъ.—Связь постригъ съ религіозными атрибутами.—Значеніе „лежи“ и овечьей шкуры.—Заключеніе.

Посадъ жениха—сложный пережитокъ культурно-религіозной жизни народа. Онъ могъ окончательно сформироваться только въ періодъ высшаго развитія бытовой и религіозной жизни народа. Прочно установившійся земледѣльческій бытъ каждаго народа—наиболѣе плодотворный періодъ для созданія религіознаго міровоззрѣнія. Человѣкъ находится въ самомъ близкомъ, непосредственномъ соприкосновеніи съ природою и ея силами. Онъ внимательно начинаетъ слѣдить за дѣйствіями и проявленіями ея силъ, изучаетъ явленія, благопріятствующія ему и неблагопріятствующія, и доходитъ до почитанія тѣхъ и другихъ. Онъ старается склонить къ себѣ, умиротворить страшныя для него явленія природы и возблагодарить тѣ изъ нихъ, которыя способствуютъ главному его занятію—земледѣлію. Вслѣдствіе этого аграрные культы доходятъ до высшаго своего развитія, проникаютъ во все міровоззрѣніе человѣка: онъ старается всяческимъ образомъ почитать производительныя силы божества. Съ другой стороны, земледѣльческій бытъ болѣе всего способствуетъ развитію родового быта и его прочной организаціи. Земледѣліе въ первой стадіи своего развитія требуетъ особенныхъ усилій со стороны человѣка. Борьба съ природою требовала сильной сплоченной организаціи возможно большаго числа лицъ, а это было мыслимо только при родовой организаціи. Но родовой бытъ, въ свою очередь, способствуетъ развитію тѣхъ культовъ, которые связаны съ почитаніемъ предковъ, съ почитаніемъ домашняго очага. Славянинъ, сколько знаетъ его исторія, былъ прежде всего земледѣлецъ. Во всѣхъ его обрядахъ культы аграрный и домашняго очага занимаютъ первенствующее положеніе.

На посадѣ белорусской свадьбы оба культа отразились очень рельефно. Посадъ обставленъ поклоненіемъ домашнему очагу, душамъ предковъ и поклоненіемъ богу—покровителю земледѣльческихъ продуктовъ. Но рядомъ съ этими остатками первобытной религіи удѣлялъ въ посадѣ жениха и остатокъ чисто бытовой организаціи. Этотъ послѣдній—обрядъ пострига-

нія или прижиганія волосъ жениха, съ котораго мы и начнемъ, какъ съ центральнаго факта обряда.

Самый фактъ подстриженія или прижиганія волосъ жениха стоитъ единично въ посадѣ белорусской свадьбы. Мы не встрѣчаемъ полной аналогіи ему даже у сосѣднихъ малороссовъ и великороссовъ. Но зато, выходя изъ сферы собственно свадебныхъ обрядовъ, мы встрѣчаемся съ широкимъ распространеніемъ обрядовъ, аналогичныхъ нашему подстриганію волосъ жениха. Прежде всего, едва ли мы ошибемся, если сопоставимъ постриженіе нашего посада съ древнерусскимъ обрядомъ пострига. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи, гдѣ вообще посадъ жениха съ постригами, повидимому, не встрѣчается, совершаютъ однако постриги надъ младенцами. Такъ, въ Мценскомъ у. Орловской губ., какъ передаетъ А. Н. Труновъ, „застрижки“ бывають по прошествіи года отъ рожденія. Застригаютъ дѣтей обоего пола. Церемонія происходитъ торжественно, при собраніи родныхъ и знакомыхъ. Ребенка сажаютъ на столъ на подушкѣ, около него, съ правой стороны кладутъ ножницы. Крестные мать и отецъ выстригаютъ волосы на головѣ младенца крестообразно и кладутъ на голову нѣсколько денегъ, что называется „осеребреніе“¹⁾. У малороссовъ, по свидѣтельству Потебни, въ первый разъ постригаютъ ребенка на второмъ году; подъ него подкладываютъ „повесмо конопель, або кожухъ, щобъ бувъ косматый“²⁾. Есть извѣстіе, что обрядъ подстрига существовалъ также въ Области Войска Донскаго, но на сороковой день отъ рожденія, причемъ отецъ надѣвалъ на ребенка саблю, сажалъ его на лошадь, постригалъ ножницами волосы въ кружокъ и возвращалъ сына матери, поздравляя ее съ казакомъ³⁾. Послѣдній фактъ уже очень близко напоминаетъ древнерусскіе постриги, при которыхъ также сажали на коня: „Сотвори постриги сынови своему Ярославу и на конь его всади“—говоритъ Лаврентьевская лѣтопись про Всеволода Юрьевича. Уже давно было замѣчено, что актомъ пострига въ древней Руси признавалось всушлиеніе въ совершеннолѣтній возрастъ постриженнаго⁴⁾. Посаженный торжественно на коня юноша уже считалъ себя съ этого момента воиномъ. Такъ и у донскихъ казаковъ отецъ поздравлялъ жену „съ казакомъ“. Но съ теченіемъ времени обрядъ теряетъ свое реальное значеніе, и постриги начинаютъ совершаться въ болѣе раннемъ возрастѣ, переходя затѣмъ и на младенческій періодъ.

Съ обрядовымъ постриженіемъ мальчинокъ мы встрѣчаемся не только у русскихъ; оно извѣстно и южнымъ славянамъ. Для постриженія здѣсь

1) „Записки“ И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., т. II, стр. 47—48.

2) „О значеніи нѣкотор. обрядовъ и повѣрій“, стр. 70, въ примѣч.

3) Кулишъ, „Очерки сравнит. этнографіи и культуры“, стр. 80.

4) Ср. Котляревскій, „Древности юридич. быта Славянъ“, стр. 129—130.

избирается особое лицо „стриженный кумъ“, который по совершении обряда уже становится лицомъ, родственнымъ всей семьѣ. „Стриженому куму“ подносят на тарелкѣ маленькія пожницы и подводят ребенка. Онъ трижды постригаетъ волосы ребенку и кладетъ ихъ на тарелку, затѣмъ одариваетъ его. Обрядъ совершается торжественно ¹⁾. Постриги сохранялись и у албанцевъ ²⁾. Тотъ же обрядъ мы встрѣчаемъ и у другихъ народовъ. Такъ, постриги совершаются у одного индусскаго горнаго племени Kolhs слѣдующимъ образомъ: на восьмой день по рожденіи ребенокъ принимается *въ родъ*. Приносятъ бѣдную курицу въ жертву Синборгу, а затѣмъ выстригаютъ волосы на головѣ, послѣ чего уже ребенку дается имя ³⁾. Обрядовое постриженіе волосъ мальчиковъ у дравидскихъ племенъ Бенгаліи бываетъ на 6—7 году отъ рожденія ⁴⁾. Цѣль этихъ постриженій—принятіе въ число членовъ рода именно родившагося или подростовающаго его члена. Такое значеніе разсматриваемый обрядъ имѣлъ и у древнихъ индусовъ, гдѣ родовая религія получала высшее развитіе. Предписанія Ману гласятъ, что если ребенокъ умираетъ до двухъ лѣтъ безъ постриженія, то онъ *не считается предкамъ*, и послѣ него не должны были совершаться похороны и очищенія, приличныя умершему предку; духу его не предлагались священные поминальные пироги ⁵⁾. Это изреченіе Ману для насъ имѣетъ то значеніе, что оно объясняетъ, почему постриженіе, будучи въ первоначальномъ своемъ значеніи актомъ признанія зрѣлости, половой и военной, за молодымъ членомъ рода перешло на такой возрастъ, который очень далекъ отъ зрѣлаго. Каждая индусская семья стремилась дать какъ можно большее число потомковъ мужскаго пола, чтобы они были почитателями духовъ домашняго очага. Поэтому родъ стремился какъ можно скорѣе причислить, ввести въ свое лоно подростовающаго члена. Съ момента вступленія въ возрастъ половой зрѣлости это посвященіе переходило на болѣе ранній возрастъ и наконецъ перешло и на дѣтство. Ребенокъ долженъ былъ быть принятъ въ число членовъ рода, чтобы въ случаѣ его ранней смерти онъ могъ быть причисленъ къ предкамъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы видимъ раздвоеніе одного и того же обряда. Въ дѣтствѣ совершается принятіе мужского потомка въ число членовъ рода, а при наступленіи возраста половой и боевой зрѣлости снова совершается принятіе его въ число взрослыхъ членовъ. Это мы наблюдаемъ въ обычаяхъ римлянъ. У нихъ было въ обычай подрѣзывать и посвящать пер-

1) Krauss, *Sitte und Brauch*, 609.

2) Maciejowski, *Hist. prawodawstw Słow.*, t. II, p. 322 (изд. 1858 г.).

3) Jellinghaus, *Sagen, Sitten und Gebräuche der Mundo-Kolhs*, въ *Zeitschrift für Ethnologie*, 1871, Bd. III.

4) Beschreibende *Ethnologie Bengalens*, *Zeitschr. f. Ethn.*, 1874, Bd. VI, p. 384.

5) L. Jacoliot, *Les traditions Indo-Asiatiques*, Paris, 1876, p. 150, 148.

вые волосы на головѣ ребенка, причемъ происходило торжественное жертвоприношеніе; это называлось *dies lustricus* ¹⁾. Но затѣмъ, съ наступленіемъ 17-ти лѣтъ, римскій юноша торжественно праздновалъ свое вступленіе въ совершеннолѣтній возрастъ, когда надѣвалъ *toga virilis* и складывалъ передъ ларями свои *insignia puerilia* ²⁾.

Такое же раздвоеніе мы встрѣчаемъ и у грековъ, очевидно, вызванное аналогичными причинами. Праздникъ *amphidromion* соответствуетъ римскому *dies lustricus*; на немъ совершалось очищеніе матери и ребенка, которые обводились вокругъ алтаря домашней Гестіи ³⁾. Слѣдовательно, и здѣсь ребенокъ, посредствомъ очищенія и моленія домашнимъ богамъ, сопричислялся къ членамъ семьи. Но греческіе молодые люди, вступившіе въ зрѣлый возрастъ, должны были отпраздновать свое вступленіе посвященіемъ волосъ богу. Юноши посвящали свои волосы Аполлону ⁴⁾. По разсказу Лукіана, дѣвушкамъ и юношамъ въ Трезенѣ было запрещено вступленіе въ бракъ, пока они не посвятятъ своихъ волосъ Гипполиту, также соларному божеству ⁵⁾. Послѣдній фактъ уже нѣсколько ближе связываетъ обрядъ пострига съ женитьбой. Интересную аналогію мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мексики, напр., въ Ichcatlau: здѣсь желающій вступить въ бракъ приходитъ къ жрецу, который ведетъ его въ храмъ и тамъ отрѣзываетъ часть его волосъ ⁶⁾. У племени *Miztecas*, во время обряда связыванія жрецомъ краевъ платья брачующихся, имъ отрѣзывали часть волосъ на головѣ ⁷⁾. Наконецъ, важный фактъ встрѣчаемъ мы у болгаръ. Здѣсь существуетъ обрядъ постриженія ребенка, какъ и у всѣхъ южныхъ славянъ, но передъ свадьбой совершается торжественное снятіе волосъ на бородѣ парня. Утромъ, въ день свадьбы, къ нему является цирюльникъ и торжественно брѣдетъ его. Двѣ дѣвушки собираютъ падающіе волосы, связываютъ ихъ въ платокъ и позже кладутъ въ сундукъ невѣсты. Остальные дѣвушки пляшутъ и поютъ вокругъ жениха. По окончаніи бритья, цирюльникъ собираетъ отъ каждаго въ платокъ деньги, женихъ цѣлуетъ у всѣхъ руки и моетъ ⁸⁾.

Такимъ образомъ, приведенные факты даютъ намъ право вывести за-

1) *Marquardt*, *Das Privatleben der Römer*, Leipzig, 1879, t. I, p. 81—82, срв. p. 581.

2) *Ibidem*, p. 122—124.

3) *Preuner*, *Hestia—Vesta*, p. 58.

4) *A. Gitté*, *La chevelure*. *Revue des traditions popul.*, t. III, p. 402.

5) *Ibidem*, p. 404.

6) *Tegg William*, *The Knottied. Marriage ceremonies of all nations*. London, 1877, p. 128.

7) *Ibidem*, p. 129.

8) *Krauss*, *loc cit.*, p. 442.

ключение, что белорусский обряд постригания жениха представляет собою просто акт признания зрелости молодого члена со стороны его однообщинников. Этот обряд связывается со свадьбой главным образом потому, что женитьба является главным показателем половой зрелости мужчины или женщины. В самом деле, общественное положение молодого человека у белорусов носит все признаки зависимости его от семьи: он не может выдти, он не может наняться иначе, как с согласия отца, матери или старшего вообще и т. д. ¹⁾ Кроме того, от него требуется до женитьбы сохранение целомудрия, и во многих местностях и по настоящее время несохранение целомудрия до женитьбы считается величайшим позором для парня. Мало того, частности обряда некоторых местностей прямо указывают на обрядовое значение пострига. Так, по запискам Носовича, крестная мать, во время посады жениха, говорит нарспивъ: „подстригайся N съ ребячаго стану да въ мужскую славу“ ²⁾. О томъ же поетъ и пѣна:

Брахна Миколкинъ по гумнѣ ходиць,
Три сады садциць,
Уси сады хмелевыя,
Війся, хмѣлю, війся коло тычкы,
Подстригайся (имя) съ ребячаго стану,
Да въ мужскую славу ³⁾.

Почти въ такихъ же выражѣнїяхъ крестная мать паутствуетъ жениха и въ Витебской губ. ⁴⁾

Признание зрелости, особенно за мужчиною, имѣетъ вообще самое широкое распространѣнїе у различныхъ народовъ, хотя выражается иными способами и сопровождается иными обрядами. Но самое важное, что актъ признания всюду совершается при наступленїи половой зрелости и предшествуетъ заключенїю брака. Довольно общезвѣстно сообщенїе Тацита, что молодые германцы опоясывались мечемъ въ народномъ собранїи и тутъ признавались воинами. У древнихъ иранцевъ общественное признанїе юноши или дѣвушки членомъ общины совершалось черезъ опоясыванїе. У современныхъ парсовъ поясъ этотъ носить названїе *kost* и имѣетъ и теперь то же значенїе ⁵⁾. У башкиръ при сочетанїи бракомъ, мулла даритъ жениху стрѣлу, говоря: „будь

храбръ, содержи и защищай свою жену“ ¹⁾. Народы, стоящіе на низкихъ ступеняхъ развитїя, представляютъ собою цѣлый рядъ очень интересныхъ фактовъ разбираемаго обряда. Вступленїе въ зрѣлый возрастъ выражается у нихъ различно. У некоторыхъ племенъ это выражается просто перемѣною одежды, заботою о ней, ношенїемъ ожерельевъ и пр. (напр., нѣкоторыя племена Индо-Китаю, Австраліи и пр. ²⁾). Эти сравнительно невинныя способы отличить уже возмужалаго человека, способнаго къ брачной жизни, отъ невозмужалаго принимаютъ иногда очень оригинальныя формы. Такъ у американскихъ аскимосовъ, африканскихъ масарвовъ, у многихъ австралійцевъ и пр. продѣваютъ черезъ носовой хрящъ кость, раковину или желѣзо ³⁾. У чибчасовъ и аборигеновъ Калифорніи прокалываютъ дырочки въ ухахъ. У нѣкоторыхъ племенъ изувѣченїе имѣетъ болѣе слабый характеръ, какъ подпильванїе и черненїе зубовъ, практикуемое у многихъ африканскихъ и австралійскихъ дикарей ⁴⁾. У многихъ племенъ тѣ же обычаи принимаютъ довольно сложныя формы. Въ южной Австраліи мальчики вводятся въ состоянїе взрослого на 14-мъ или 16-мъ году слѣдующимъ образомъ: его смазываютъ жиромъ, выдергиваютъ волосы изъ тѣла, и его друзья gather green gum bushes, which they place under his arm-pits and over the os pubis, after which the boy is entitled to marry ⁵⁾. Въ другихъ частяхъ той же страны мальчики смазываютъ свое тѣло, волосы и конечности охрой и жиромъ, чего требуютъ обычаи, дающїе ему право быть мужемъ ⁶⁾. У готтентотовъ юноши передъ вступленїемъ въ бракъ разрисовываютъ себѣ носъ, щеки и середину лба сажею. У гуарайевъ молодой человекъ за нѣсколько дней до женитьбы разрисовывается съ головы до ногъ и одѣваетъ оружіе ⁷⁾.

Очень интересенъ и тотъ фактъ, что у тѣхъ народовъ, которые практикуютъ татуированїе, какъ абионы, дайяки, гуарайи, многіе австралійцы и др., это послѣднее совершается надъ молодыми людьми при вступленїи въ брачный возрастъ. Съ татуированїемъ связываютъ обычно, съ полнымъ основанїемъ, и другое явленїе—тотемизмъ ⁸⁾. Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ такъ называемыхъ „испытанїй зрелости“, это обрѣзанїе юношей, а иногда и дѣвушекъ. Почти у всѣхъ австралійскихъ племенъ оно совершается при первомъ появленїи волосъ на бородѣ и ухахъ юно-

¹⁾ Словарь русскихъ суевѣрій. М., 1782, р. 34.

²⁾ Westermarck *Eduard*, The History of human Marriage. London, 1891, p. 173.

³⁾ Ibidem, 173—174.

⁴⁾ Ibidem, p. 174.

⁵⁾ Ibidem, p. 199.

⁶⁾ Ibidem, p. 176.

⁷⁾ Ibidem, p. 176.

⁸⁾ Ibidem, 177 и сл.

¹⁾ О правовомъ положенїи парня до женитьбы въ белорусской семьѣ говорится въ ст. о сем. правѣ.

²⁾ Бѣлор. пѣсни, Записки П. Р. Георг. Общ. по Отд. Этн., т. V, стр. 142.

³⁾ Ibidem, стр. 196, № 60; ср. *Шейнъ*, Мат., ч. II, стр. 80.

⁴⁾ Памятная книжка Витебской губ. на 1865 г., подъ ред. Семеновскаго, ст. Серебренникова, 85.

⁵⁾ Geiger, Ostiranische Kultur in Alterthum, 238—239.

шей ¹⁾. Оно имѣетъ широкое распространѣніе на западномъ и южномъ берегу Африки, въ христіанской Абиссиніи, у богосовъ, коптовъ, на Мадагаскарѣ, въ срединѣ чернаго континента—въ Монбутту и Акке; кромѣ собственной Австраліи, оно извѣстно во всей Полинезій, у многихъ аборигеновъ Южной и Сѣв. Америки и пр. Важно, что повсемѣстно этотъ обычай является, какъ актъ, признающій зрѣлость мужчины и дающій ему право вступить въ бракъ ²⁾.

Такимъ образомъ, нашъ обрядъ постриженія волосъ жениха связывается съ очень распространенными обычаями изувѣченій, какъ способъ „испытанія зрѣлости“, такъ какъ и то и другое представляетъ актъ признанія зрѣлости половой и военной за молодымъ членомъ. Сущность мнѣнія по этому вопросу большинства современныхъ этнологовъ сводится къ слѣдующему. На первобытныхъ ступеняхъ человѣческой культуры борьба за жизнь, за пропитаніе чрезвычайно трудна. Поэтому племя не имѣетъ возможности вскармливать всѣхъ своихъ рождающихся членовъ; извѣстная часть послѣднихъ уничтожается сейчасъ по рожденіи; избавляются не только дѣвочки, но и мальчики, хотя въ меньшемъ числѣ. Оставляются въ живыхъ столько народившихся членовъ, сколько племя или семья можетъ вскормить, и притомъ оставляются въ живыхъ наиболее здоровые дѣтскіе организмы. Расчитать тотъ въ послѣднемъ случаѣ, что здоровыя дѣти по достиженіи зрѣлага возраста окажутся сильными членами племени, способными воевать, защищать себя и другихъ и кромѣ того производить здоровое и крѣпкое потомство. Съ наступленіемъ возраста половой зрѣлости, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и возрастомъ, когда юноша уже становится способнымъ носить оружіе, воевать,—молодые подростки члены вновь подвергаются испытанію, насколько они дѣйствительно способны воевать и производить. Съ этой цѣлью у многихъ племенъ дѣлаются очень суровыя испытанія, юношей подвергаютъ изувѣченіямъ, лишеніямъ и пр. Только выдержавшій такой испытаніе можетъ вступить въ число взрослыхъ членовъ общины, можетъ носить оружіе и добывать себѣ жену ³⁾. Впрочемъ, современная наука обогатилась цѣнною книгою профессора Уэстермарка, въ которой авторъ, однако, отрицаетъ существующіе взгляды на различныя виды изувѣченій. Сущность его мнѣнія сводится къ тому, что всѣ обряды перехода въ возрастъ возмужалости, въ томъ числѣ и обрѣзаніе и другія изувѣченія, представляютъ собою своего рода соcіеtіе со стороны мужчинъ и женщинъ. Правда, что такое объясненіе какъ будто бы хорошо подходитъ къ теоріи о половомъ

¹⁾ Zeitschr. für Ethnologie, 1874, Bd. VI, p. 268, срв. p. 287 и сл.

²⁾ Westermarch, loc. cit., p. 201—202.

³⁾ См. Спенсеръ, Основ. соціологіи; срв. его же, Обрядовыя учрежденія. Сжато и полно теорія изложена г. Кулишеромъ, Очерки сравн. этн. и культ., стр. 57—58 и др.

подборъ у животныхъ и людей, на которую авторъ особенно напиралъ, но нужно замѣтить и то, что подъ его теорію далеко не подходятъ факты суровыхъ изувѣченій и факты принятія въ родъ или племя испытаннаго юноши, которые онъ, намъ кажется, тщательнѣе обѣтаетъ. Зачѣмъ было бы роду истязать своего молодого члена, посвящая его въ родъ съ религіозными обрядами и пр., когда все дѣло сводилось бы на то, чтобы этотъ юноша могъ нравиться женщинамъ. Но если племя практикуетъ строгую экзогамію съ похищеніемъ въ враждебнаго племени, то зачѣмъ молодому члену прихорашиваться татуированіемъ или обрѣзываніемъ, когда ему нужна только сила и военная споровка, чтобы добыть себѣ жену и защитить ее? Поэтому старая теорія изувѣченій, изложенная выше, имѣетъ все-таки болѣе основаній: подъ нее безъ натяжекъ подходитъ болѣе число извѣстныхъ наукъ фактовъ, хотя и она не разъясняетъ всего и къ ней можно было бы предъявить не мало вопросовъ. Притомъ, она съ достаточной убѣдительною разъясняетъ, почему суровыя изувѣченія съ теченіемъ времени теряли свой жестокий характеръ, переходя наконецъ въ символы и дойдя до насъ только въ переживаніяхъ. Въ виду этого можно съ большою вѣроятностью предположить, что постриганіе волосъ имѣло своимъ преемникомъ одинъ изъ видовъ изувѣченій съ цѣлью испытанія зрѣлости, перейдя потомъ лишь въ символическій обрядъ.

Человѣкъ, признанный зрѣлымъ и способнымъ быть мужемъ, долженъ однако фактически доказать свою возмужалость тѣмъ или инымъ способомъ. Это требованіе дало поводъ къ многимъ и интереснымъ обычаямъ. Послѣдніе еще разъ указываютъ на то, что отъ вновь признаннаго члена требуется именно сила и военная споровка, способность быть воиномъ, умѣющимъ защитить свою будущую семью и добыть ей пропитаніе. Такъ, у племени Галла, мужчина только тогда можетъ жениться въ средѣ своего племени, когда онъ оскорпитъ извѣстное число враговъ и тѣмъ уменьшить число враждебныхъ конкурентовъ, которые могли бы похищать женщинъ его племени. Совершенно сродный обрядъ существуетъ и у абиссинцевъ ¹⁾. На о. Борнео молодой человѣкъ, желающій вступить въ бракъ, долженъ отрѣзать голову своему врагу ²⁾. На о. Новомъ Самосѣ или Nicaria существуетъ такой обычай пробы жениха. Какъ только дѣвушка достигнетъ половой зрѣлости, отецъ ея объявляетъ, что у него есть дочь для замужества, и назначаетъ день, когда лучшій пловецъ можетъ получить въ призь его дочь. Кто долѣе всѣхъ продержится на водѣ, тотъ и считается даннымъ судьбою женихомъ ³⁾. У племени Creek молодой человѣкъ посылаетъ

¹⁾ Kulischer, Intergommunale Ehe durch Raub und Kauf. Zeitschrift f. Ethnol., 1878, II, III, p. 19 f.

²⁾ Tegg, loc. cit., 165.

³⁾ Ibidem, p. 164—165.

Доннаръ-Запольскій.

своей возлюбленной сало убитого имъ медвѣдя и помогаетъ ей обработать поле, именно посадить бобы ¹⁾. У Магутовъ и др. мужчина не имѣетъ права взять себѣ жену, пока не подвергнетъ себя жестокой пыткѣ ²⁾. Сюда же относится и обычай состязательной борьбы за дѣвushку, причѣмъ она достается побѣдителю. Слѣды такой борьбы находятъ въ древне-греческихъ мѣвахъ ³⁾. У индѣйцевъ Гудзонова залива существуетъ обычай драться за женщину, и она достается побѣдителю ⁴⁾. Въ Новой Зеландіи, если дѣвushка имѣетъ двухъ равныхъ претендентовъ, то она достается сильнѣйшему. Сродные обычай существуютъ на о. о. Самоа, Маори и др. ⁵⁾, у древнихъ индусовъ царская дочь доставалась тоже побѣдителю всѣхъ претендентовъ ⁶⁾. Въ Ирландіи было въ обычаѣ состязаться въ скачкахъ ⁷⁾. Въ Гуанѣ молодые люди не женятся до 15 и болѣе лѣтъ, пока не побѣдятъ своего соперника. У племени Мугас практикуется борьба на кулакахъ между всѣми поклонниками дѣвushки. Въ Австраліи у многихъ племенъ, если женщина красива, къ ней приходять всѣ мужчины состязаться, и она достается побѣдителю ⁸⁾. Съ этимъ имѣютъ явную связь и обычаи, когда одинъ отнимаетъ жену у другого, побѣдивъ его въ какомъ-либо состязаніи. Такіе обычаи практикуются у многихъ племенъ Африки ⁹⁾, у камчадаловъ ¹⁰⁾ и др. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи существуетъ въ этомъ отношеніи оригинальный обычай. Если одинъ мужчина хочетъ лишитъ жены другого, онъ вызываетъ его на состязаніе, состоящее въ томъ, что противники вдѣлаются въ волосы другъ другу и держатся до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не закричитъ *ressavi*. Если побѣждаетъ вызвавшій, то онъ платитъ мужу за жену, а ее самое уводитъ ¹¹⁾.

Проба силы мужчины передъ всупленіемъ въ бракъ дала интересныя переживанія.

На Далматскомъ побережьи молодые, въ первое послѣ свадьбы воскресенье, отправляются къ родителямъ молодой. Зять, прежде чѣмъ войти въ домъ, долженъ выказать свое искусство въ стрѣльбѣ: ему отворяютъ дверь только тогда, когда онъ попадетъ изъ ружья въ деревянную фигуру,

1) *Post, Studien*, p. 235.

2) *Спенсеръ*, Осн. социологіи, II, p. 688 и сл.; *Post, Studien*, p. 231—233.

3) *Rosbach, Untersuchungen über d. Röm. Ehe*, 221.

4) *Левковъ*, Начало цивилизаціи, p. 74.

5) *Westermarch, loc. cit.*, p. 161.

6) *Ibidem*, p. 162.

7) *Ibidem*, p. 163.

8) *Ibidem*, p. 160 и 161, въ примѣч.

9) *Ibidem*, p. 161.

10) *Ibidem*, p. 161—162.

11) *Ibidem*, p. 160.

прикрѣпленную къ дереву ¹⁾. У французовъ родители невѣсты стараются провѣрить, хорошій ли работникъ парень, сватающійся къ ихъ дочери ²⁾. У сицилійцевъ молодой человекъ долженъ выказать силу и ловкость, чтобы имѣть право предложить свою руку возлюбленной. Съ этой дѣлю въ *Chiamante* и другихъ мѣстностяхъ парень старается взять во время процессіи самую большую хоругвь и, проходя мимо дома возлюбленной, подбрасываетъ эту хоругвь, выказывая такимъ образомъ свою ловкость и намекая на желаніе посвататься ³⁾. У нихъ же ловкому и мужественному парню дозволяется обычаями похитить дѣвushку. Если дѣвushка отказывается парню и выходитъ за другого, то первый поджидаетъ ее у входа въ церковь и отсюда быстро уноситъ на глазахъ у всѣхъ. Если дѣвushку не успѣютъ отнять во время, она должна сдѣлаться женою похитителя въ награду за любовь и мужество. Родители-же ея считаютъ такое похищеніе за честь себѣ и дочери ⁴⁾.

Такимъ образомъ, сила, ловкость и мужество, приспособленныя къ защитѣ и нападенію, требуются преимущественно отъ молодого человека, желающаго вступить въ бракъ. Одна пѣсенка сѣв.-американскихъ индѣйцевъ такъ описываетъ идеалъ дѣвushки; „My love is tall and graceful at the young pine waving on the hill—And as swift in his course as the noble stately deer.—His hair is flowing, and dark as the black bird that floats through the air.—And his eyes, like the eagles, both piercing and bright.—His heart, it is fearless and great, and his arm, it is strong in the fight“.— У одного племени на Мадагаскарѣ качества жениха описываются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Placed at a certain distance from a clever caster of the spear, he is bidden to catch between his arm and side every spear thrown by the man opposite to him. If he displays fear or fails to catch the spear, he is ignominiously rejected; but if there be no finching and the steers are caught, he is once proclaimed an „accepted lover“ ⁵⁾.

Если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ представляеть себѣ жениха бѣлорусская свадебная поэзія, въ которой еще въ достаточной мѣрѣ сохранились традиціи стариннаго бытового строя, то мы найдемъ въ ней полное соотвѣтствіе только что сказанному. Пѣсни поютъ о женихѣ—добромъ молодцѣ; онъ красивъ, но главнымъ образомъ онъ воинъ, добывающій себѣ дѣвицу, а добываніе это сопряжено съ большими трудностями. Мы приведемъ нѣсколько пѣсенныхъ отрывковъ.

1) Юрич. Вѣстникъ, 1877, № 1, стр. 115.

2) *Carrence, Le mariage chez nos pères*, p. 178.

3) *Pitré, Biblioteca d. tradiz. popol. sicil. v. XV, Usi, v. II, p. 24.*

4) *Ibidem*, p. 24—24.

5) *Westermarch, loc. cit.*, p. 255.

По пѣснѣ Витебской губерніи мать родила Ванютку „ў нидзѣлку“,—

Кола рэчыньки ходзіла,
Зельле коренне копала
И тымъ Ванютычку ўмывала,
Кабъ яго уроци ни брали,
А ни винныя похмѣлье,
Ни цяжкое ўдыханье,
Ни Ганкина цалонашье ¹⁾.

Такъ онъ закаленъ еще съ перваго дѣтства. Пѣсни представляютъ жениха красивымъ, статнымъ молодецмъ. Хомочка на конѣ—„червоной, пригожей“ калины; онъ расчесалъ „русь хохоль, позавивавъ кудри молодзецкія“ ²⁾; онъ—„бѣлинки, кудравиньки“; его „бядѣсинька“ ўмывали сестрицы, расчесывали кудри—братья. Его посылають съ напутствіемъ:

А в ѣдзъ орати, Иванька, да ня баўся!
Скрозь цемную, скрозь ночушку пробивайся,
И до свае Гапулюхны добывайся ³⁾.

Женихъ соответственно одѣтъ. Ёдетъ Ригорка—„а ў яго шалунька ярунька и золотая квѣтунька“ ⁴⁾, „яго боцки казловы, у яго панчѣшки бялевые, у яго падызкі шоўковы“,—говорить другая пѣсня ⁵⁾.

Прибирайся, Сямѣнка,
То ў атласъ, то ў золото,
То ў чырвоную шапку,
Кабъ отъ цабе вулочка зыяла,
Кабъ цабе дзѣвочка знала ⁶⁾.

Куда ни явится женихъ—все собою озаветъ: „на дворъ ўзѣхавъ—дворъ зазявѣ, съ коня злѣзъ—конь зарзавѣ, ў сѣнки войшовъ—шапку знявѣ“ ⁷⁾.

Пѣсни часто поють о его „вѣжствѣ“. Вотъ какъ входитъ онъ въ домъ своей тещи:

Ай вуминькій, разуминькій Паўлютка
Къ тещи на дворъ василѣчкомъ сцѣляцца,
У сѣни лѣзць—гарнушничкомъ кѣнцица,
У хату лѣзць червоною матою,

¹⁾ Шейнъ, Матерьялы, ч. II, 36, № 48.

²⁾ Романовъ, Вѣлор. Сб., в. I, р. 462, № 125.

³⁾ Шейнъ, Вѣлор. пѣсни, р. 301, № 559.

⁴⁾ Романовъ, *loc. cit.*, р. 364, № 111.

⁵⁾ Шейнъ, Вѣл. пѣсни, р. 302.

⁶⁾ Шейнъ, Матерьялы, ч. II, р. 287, № 5.

⁷⁾ Романовъ, *loc. cit.*, р. 356, № 83.

За столикомъ соколикомъ верцицца,
Ли Матрунки близѣхынько садзицца ¹⁾.

Или по другой пѣснѣ—Яночка ѣдетъ къ тещю:
Ёнъ дзѣца разумное,
Ёнъ море селезнемъ пливецъ,
Ёнъ поле соколомъ лянцѣ,
У вороныхъ росой падзецъ,
На дворѣ княземъ станецъ,
За столомъ госьцемъ сядзецъ ²⁾.

Но всѣ эти качества блѣднѣють передъ описаніемъ жениха, какъ воина, воюющаго съ своей дружиной съ тестемъ, добывающаго себѣ невѣсту. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мнѣ придется подробнѣе коснуться пѣсенъ объ умыканіи дѣвушки. Теперь я ограничусь нѣсколькими выдержками, характеризующими главнымъ образомъ жениха. Зять стоитъ за воротами у „грознаго тестя, сибѣжомъ перепашни“ ³⁾. Янечка си цитъ и крѣпкую думу думаетъ о томъ, какъ пришлось ему добывать невѣсту. Онъ „поняў родзину богатую, збѣдзѣў кончыка гарчуочы, стопаў боцки танцючы“ ⁴⁾. Невѣста жалуется своему брату, что

Откуль ўзяўся Ликѣйка:
Коникомъ таночыць разыгнаў,
Ручками вяночыць разрываў,
А мяне, милоду, къ сабѣ ўзиў ⁵⁾.

„Ликѣйка ювицца“, такъ что „ўси люди дзвинуцца“ ⁶⁾. Яркими красками рисуютъ жениха-воина смоленскія пѣсни. Онъ—„сизый орелъ“, который собирается поцутать „чоронъ шоўкъ“—косу невѣсты, раз.пать „крупенъ жемчугъ“—слезы ея ⁷⁾. Женихъ собирается на сторону незнамому на добромъ ворономъ конѣ, впереди его ле ить соколъ, по сторонамъ—друзья ѣдутъ: „Мяне, молодца, не выладуцъ, да суженую мнѣ введеуцъ“ ⁸⁾. Женихъ—„князь Егорушка“ подѣбеть къ тестеву двору, „стукнецъ, грохнецъ ў верешку—верешка покачулася“. Для невѣсты онъ—„погубицель, погубиць мяне, дзѣўку красную“ ⁹⁾. „Грозенъ князь Егорушка“ подѣбжаецъ

¹⁾ Шейнъ, Матерьялы, ч. II, р. 17, № 5.

²⁾ Ibidem, р. 84, № 37.

³⁾ Ibidem, р. 92, № 57.

⁴⁾ Ibidem, р. 80, № 28.

⁵⁾ Ibidem, р. 56, № 84.

⁶⁾ Ibidem, р. 56, № 85.

⁷⁾ Ibidem, р. 404, № 3.

⁸⁾ Ibidem, р. 405, № 5.

⁹⁾ Ibidem, р. 407, № 7.

къ тестеву двору, „стукнець, грохнець ёнъ копыёмъ у ворота“—и требуетъ Аленушку ¹⁾. Онъ ѣдетъ—

И какъ соколъ лениць,
Колоколь гудзиць ли,
Какъ Егоръ ѣзецъ,
Уся земля трасецца ²⁾.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ (хотя подобные мотивы общи малорусской и великорусской свадьбѣ) ³⁾ отразились переживания того болѣе ранняго строя жизни, когда отъ мужчины, вступившаго въ возрастъ половой зрѣлости, требовалось, чтобы онъ прежде всего былъ воиномъ, подобно тому, какъ это показываютъ обычаи другихъ народовъ. Но рядомъ съ этимъ требуется и фактическое достиженіе половой зрѣлости, что тѣсно соединяется одно съ другимъ. Одинъ наблюдатель описалъ: „Бывали случаи, что послѣ заговѣта родители невесты свидѣтельствовали дѣтородные органы жениха, если были какія-либо сомнѣнія на счетъ его способности удовлетворительно выполнить назначеніе мужа“ ⁴⁾. Съ этимъ гармонируютъ обычаи, по которыхъ послѣ доказанной импотенціи мужа бракъ немедленно расторгается въ первые же дни послѣ его заключенія ⁵⁾.

Покончивъ съ обрядомъ пострига, перейдемъ къ разсмотрѣнію значенія тѣхъ атрибутовъ, которые его сопровождаютъ.

Посадъ совершается среди торжественной, напряженно-серіозной обстановки, въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ, знакомыхъ и друзей. Главную роль играетъ крестный отецъ или мать, или сватъ—лица всегда уважаемыя; имъ помогаетъ старшій дружка. Это соотвѣтствуетъ бытовому значенію всей церемоніи. Возмужавшій молодой человѣкъ вводится въ число членовъ рода, общины въ присутствіи ближайшихъ и важнѣйшихъ ихъ представителей; онъ вводится наиболѣе почтеннымъ лицомъ ея, замѣняющимъ прежняго родовладыку, старшину. Участіе друзей объясняется характеромъ и значеніемъ дружки жениха, какъ остатковъ родового „полка“, блюдущаго интересы рода, на стражѣ которыхъ долженъ стоять теперь и новый членъ.

Весь обрядъ совершается при обстановкѣ, которая носитъ характеръ религиозныхъ пережитковъ. Это послѣднее обстоятельство—связь бытового факта съ религіею—явленіе обычное. Соотвѣтственныя обычаи римлянъ и грековъ имѣли также религиозное освященіе. Даже у народовъ съ мало

1) Ibidem, p. 411, № 12.

2) Ibidem, p. 412, № 14.

3) См. статью *Охримовича* въ „Этнограф. Обзорніи“ 1892 г.

4) *Шейнъ*, Матерьялы, ч. II, p. 15.

5) *См. Post, Szudien*, p. 228.

развитую религіею актъ признанія зрѣлости связывается съ религіею. Такъ, нѣкоторые австралійскіе дикари, татуирующіеся при наступленіи зрѣлаго возраста, объясняютъ этотъ обрядъ тѣмъ, что богъ Мурамура разрисовалъ первое дитя, созданное имъ, и такъ приказалъ дѣлать ¹⁾. Жители о.о. Фиджи приписываютъ установленіе татуированія богу Денгей ²⁾. Тайтине рассказываютъ легенду о Таароа, Апаувару и ихъ дочери Гинериремоню, которыхъ они считаютъ богами ³⁾ и пр.

Бѣлорусскій посадъ прежде всего связывается съ культомъ домашняго очага, культомъ предковъ. Сюда относится обхожденіе вокругъ стола, замѣнявшаго собою древній жертвенникъ, и поклоненіе куту (углу), куда перенесено мѣстопребываніе духовъ предковъ; употребляемая при прижитіи волосъ громничная свѣча, хранимая круглый годъ за образами,—возженный огонь на жертвенникѣ. Объ этихъ предметахъ, которые вообще играютъ крупную роль въ свадебномъ обрядѣ, мнѣ придется говорить особо, гдѣ я надѣюсь доказать указанное ихъ значеніе. Здѣсь же я считаю нужнымъ остановиться на обрядовомъ значеніи вывернутаго овчиннаго тулупа и квашни (дзежи), на которые сажаютъ молодого.

На дежу перешло почитаніе, которое у всѣхъ славянъ придается хлѣбу. Посидѣть около дежи или на дежѣ—символически выражаетъ желаніе, чтобы родиль хлѣбъ, чтобы онъ не выволился. Когда бѣлорусъ входитъ въ первый разъ во вновь устроенную избу, онъ вноситъ прежде всего дежу, покрытую бѣлою скатертью; хозяйка должна посидѣть около нее нѣсколько времени, чтобы хлѣбъ не переводился ⁴⁾. Во многихъ мѣстностяхъ молодые входятъ въ избу и выходятъ изъ нея подъ крышкою дежи (Игуменскій у., напр.). Дежа употребляется при пожарахъ, гаданіяхъ и вообще пользуется всеобщимъ у славянъ уваженіемъ ⁵⁾.

Сажаніе на вывернутомъ тулупѣ выражаетъ также пожеланіе всякаго богатства, обилія вообще. Мать жениха или невесты встрѣчаетъ всегда молодыхъ въ вывернутомъ тулупѣ. Въ Борисовскомъ уѣздѣ сватъ ведетъ невесту къ столу, держа ее за руку черезъ кожу ⁶⁾. Въ одной пѣсенкѣ говорится, что

Агашка за столъ идзецъ,
Шубочку ў. рукахъ несецъ ⁷⁾,

1) *Westermarck, loc. cit.*, p. 169.

2) *Ibidem*, p. 170.

3) *Ibidem*, p. 179—180.

4) Труды Этногр. Отд. Моск. Общ. Любит. Естествозн., кн. IV, Вѣров. и обряды жит. Могил. губ., стр. 28.

5) *Сумцовъ*, О свад. обр., стр. 147.

6) *Шейнъ*, Матер., II, стр. 143.

7) *Ibidem*, 99.

гдѣ шубочка, повидимому, приравнивается къ богатству, которое принесетъ невѣста въ свое новое жилище. И въ другихъ случаяхъ жизни вывернутый тулупъ у бѣлоруса служитъ символомъ богатства ¹⁾. Для объясненія этого значенія мѣхъ Потебня привелъ прекрасное объясненіе: „мохнать—богатъ“, говорить поговорка ²⁾. Подобное значеніе мѣхъ имѣетъ у всѣхъ славянъ ³⁾.

Важно отмѣтить, что мѣхъ повсемѣстно тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ аграрными культами, и жертвоприношеніе овцы—лучшая дань аграрнымъ божествамъ. Это относится не только къ славянамъ ⁴⁾, но въ равной мѣрѣ и къ римлянамъ, германцамъ ⁵⁾, древнимъ египтянамъ и мн. др. ⁶⁾. Римское преданіе, сохраненное Овидіемъ, говоритъ, что въ случаѣ неплодородія земли слѣдуетъ принести оцу въ жертву Фавну, какъ это сдѣлала Нума, причѣмъ именно шкура овцы играла при обрядѣ крупную роль ⁷⁾. Съ этой стороны понятно, почему въ народномъ представленіи шкура животнаго сравнивается съ тучею, дающею также плодородіе полей ⁸⁾. Въ индусскихъ гимнахъ сама земля, подательница плодородія, сравнивается иногда съ шкурою животнаго, распростертою Агни ⁹⁾. По другимъ представленіямъ шкура сравнивается съ кущей дерева, которое также служатъ символомъ растительной силы ¹⁰⁾. Поэтому становится понятной и связь шкуры овцы съ Ярилой, въ представленіи славянъ, отмѣченнаго Леонасьевымъ ¹¹⁾. Это нѣсколько сходно съ ролью козлиной шкуры въ культѣ Діониса; ее носилъ очиститель при очищеніяхъ ¹²⁾. Ниже мы еще увидимъ специальное значеніе шкуры овцы для плодородія женщины. Но и сказаннаго достаточно, чтобы прийти къ заключенію, что сидѣніе въ нашемъ посадѣ на овчинномъ тулупѣ имѣетъ самую тѣсную связь съ аграрнымъ культомъ.

Сводя къ одному общему представленію все сказанное о посадѣ жениха, мы получили слѣдующую картину. Посадъ не представляетъ собою

¹⁾ „Виленскій Сборникъ“ Кудина I, ст. Крачковскаго, стр. 107, 190.

²⁾ О знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій, стр. 69.

³⁾ См. Сумцовъ, О свад. обрядахъ, стр. 109; Аванасьева, Поэтич. возр. Слав., I, 690; Архивъ Калачова, т. I, ст. Буслаева, стр. 6—7. Ср. гаданіе, Словарь русскихъ суевѣрій, М. 1782, стр. 123.

⁴⁾ Аванасьева, Поэт. возр., I, стр. 680.

⁵⁾ Указаніе см. у Karlowa, Die Formen d. Röm. Ehe, p. 21—23.

⁶⁾ Bastian, der Mensch in der Geschichte, В. III, p. 130 и сл.

⁷⁾ Preller, Römische Mythologie, p. 338.

⁸⁾ Schwartz, Indogermanische Volksglaube, p. 30.

⁹⁾ Bergaigne, La religion Vedique, t. I, 241.

¹⁰⁾ De Gubernatis, La mythologie des Plantes, t. I, p. 123.

¹¹⁾ Поэтич. возр., I, 682—683.

¹²⁾ Faucart, Des associations religieuses, p. 73.

части собственно свадебнаго ритуала. Въ основѣ его лежитъ бытовой актъ—принятіе въ число членовъ рода новаго возмужавшаго члена; принятіе это основывается на признаніи зрѣлости этого члена, половой и военной, или, примѣняясь къ позднѣйшему быту,—зрѣлости хозяйственной, способности быть хозяиномъ, продолжателемъ рода и бластителемъ домашнихъ культовъ. Въ основѣ этого акта, быть можетъ, лежитъ болѣе древній мотивъ—„испытаніе зрѣлости“ съ тѣми же цѣлями. По отношенію къ свадьбѣ, этотъ актъ предварительный; только возмужавшему члену рода, признанному такимъ со стороны своихъ сочленовъ, дозволяется ввести въ домъ, приобщить къ домашнему алтарю новаго члена, будущую жену его. Этимъ объясняется связь посада съ свадебными обрядами. Далѣе, посадъ обставленъ по преимуществу культомъ родовымъ, затѣмъ аграрнымъ. Онъ принялъ окончательный видъ, очевидно, въ ту пору народной жизни, когда народъ имѣлъ родовое устройство и когда главнымъ его занятіемъ было земледѣіе.

V.

Посадъ невѣсты. (Продолженіе).

Подрѣзываніе и растрепываніе волосъ невѣсты у различныхъ народовъ.—Мнѣнія ученыхъ объ этомъ.—Значеніе обряда.—Переживание: женскій головной уборъ, потеря косы—потеря цѣломудрія.—Бѣлорусскія пѣсни о косѣ дѣвчии.—Обрядъ сажанія невѣсты на овчинномъ тулупѣ.—Обычай индусовъ.—Шкура животнаго и ея значеніе.—Сидѣніе невѣсты у другихъ народовъ.—Мнѣнія ученыхъ объ этомъ обрядѣ.—Значеніе его.—Покрываніе невѣсты.—Положеніе обряда въ бѣлорусской свадьбѣ.—Покрывала у римлянъ и др. народовъ.—Связь покрывала съ краснымъ цвѣтомъ.—Символика краснаго цвѣта.—Мнѣнія ученыхъ о покрываніи невѣсты.—Религіозное значеніе покрывала.—Значеніе краснаго цвѣта.—Религіозная концепція покрывала съ краснымъ цвѣтомъ.—Общій колоритъ посада невѣсты.

Посадъ невѣсты, подобно посаду жениха,—обрядъ сложный и мы мало встрѣчаемъ полныхъ ему аналогій. Но если мы обратимся къ основнымъ чертамъ его, представляющимъ какъ бы три составныя части его, то встрѣтимъ самое широкое распространеніе его у различныхъ народовъ. Напомнимъ, что три основныя момента посада невѣсты составляютъ: подстриганіе или прижиганіе косы ея, упрощающееся иногда простымъ расплетеніемъ ея, сажаніе на вывернутомъ овчинномъ тулупѣ и покрываніе головы ея во время обряда. Разсмотримъ эти части.

Начнемъ съ обряда подстриганія косы. У др. индусовъ, при чтеніи изреченій, выражающихъ символически удаленіе дѣвчухъ изъ дома ея родителей, ей отрѣзывали съ двухъ сторонъ по логону волосъ и призывали на ихъ мѣсто по клочку овечьей шерсти; жрецъ говорилъ при этомъ: „Я

освобождая тебя от оков Варуны, которыми связалъ тебя блестящій Савитри⁴). Римская невѣста зачесывала свои волосы in sex crines; они растрепывались копьемъ, hasta coelbaris, и перевязывались повязкой, vitta lanea⁵), что соответствуетъ привязыванію овечьей шерсти у индусовъ. У доранъ, невѣсть подстригала волосы сваха — нимфетры⁶). Аналогичные обычаи сохранились у итальянцевъ. У калабрийцевъ, невѣсть растрепываютъ волосы особымъ остриемъ, на подобіе копыя, назыв. spatina, что вполне соответствуетъ римскому hasta coelbaris⁴). У сицилийцевъ, на заручинахъ, невѣсту сажаютъ среди комнаты, и мать жениха раздѣляетъ ей волосы особымъ гребешкомъ, retine⁵). Въ настоящее время обычаи расплетать косу невѣсты передъ вѣчаніемъ извѣстны у всѣхъ славянъ⁶). Но онъ также бытуеетъ и у другихъ народовъ, выражаясь съ тѣми или другими отлѣчiami. Такъ, у латшей невѣсть передъ вѣдомъ чешутъ голову; каждый присутствующій чешетъ понемногу, подруги заплетаютъ косу⁷). У эстовъ обрядъ сродный бываетъ на утро послѣ брачной ночи: молодой подрѣзываютъ волосы и привѣшиваютъ на лобъ особую ленту, на которой виситъ нѣсколько монетъ⁸). У чувашъ существуетъ обрядъ окруживанія: невѣсть свахи расплетаютъ косу и вмѣсто дѣвичьяго убора одѣваютъ женскій⁹). Въ самомъ дѣлѣ, надѣваніе женскаго головного убора, каковой обрядъ существуетъ и у бѣлоруссовъ, имѣетъ много общаго по основному своему характеру, какъ увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ; оба обряда часто соединяются. Расплетеніе дѣвичьей косы существуетъ у мордвы¹⁰), при чемъ невѣста отдаетъ матери кисточку, которую она имѣетъ всегда въ косѣ¹¹), подобно тому какъ у бѣлоруссовъ невѣста отдаетъ матери „ушлеты“, ленточки изъ косы. Подобно чувашамъ, у калмыковъ зачесываютъ косу невѣсть по-женски передъ ложемъ¹²). У лопарей невѣста является передъ гостями съ растрепанными волосами¹³). Довольно сложный обрядъ существуетъ у абсинцевъ. Здѣсь жениху и невѣсть отрѣзывается по локопу волосъ; эти

1) Weber, Indische Studien, V, 319.

2) Kossbach, loc. cit., 286—287.

3) Ibidem, p. 216.

4) Dorsa, La tradizione greco-latina negli usi etc., p. 36.

5) Pitri, Biblioteca d. tradiz. popol., v. XV r. II, p. 33.

6) Суминовъ, О св. обр., 150 и др., Терещенко, Бытъ р. нар., II, 132 др., и Слав. русск. сув., 1782 г., стр. 5.

7) Волтеръ, Матерьялы и пр., стр. 177.

8) Schröder, Die Hochzeitsbräuche der Esten, p. 147.

9) Сбоевъ, Чувашы, стр. 35.

10) Майновъ, Очерки юрид. быта Мордвы, стр. 66.

11) Ibidem, 91.

12) Ир. Житешій, Астраханскіе калмыки, М., 1893 г., стр. 22.

13) Словарь русск. сув., М., 1872 г., стр. 27.

локоны погружаютъ въ вино, смѣшанное съ медомъ, а затѣмъ прикалываютъ локоны невѣсты къ волосамъ жениха, и наоборотъ¹). Этимъ какъ бы указывается на связь жениха и невѣсты. Но гораздо характернѣе обычай съ волосами дѣвушки и нѣкоторыхъ персидскихъ племенъ. У персовъ есть средство для предпримчиваго влюбленнаго юноши обойтись безъ согласія родителей невѣсты. При удобномъ случаѣ, онъ отрѣзываетъ локоны волосъ дѣвушки, срываетъ съ нея покрывало и набрасываетъ простыню, объявляя ее обрученною²). У одного горнаго персидскаго племени vizeges, съ сильными остатками матриархата, — выборъ мужа зависитъ отъ женщины. Если ей нравится какой нибудь мужчина, она посылаетъ въ его станъ тамбуриста: онъ долженъ приколотъ къ шапкѣ жениха платочекъ булавкою, къ которой она прикрѣпила часть своихъ волосъ. Тамбуристъ передаетъ платочекъ и булавку избраннику публично, и послѣдній обязанъ жениться на избранной его дѣвушкѣ, если можетъ уплатить отцу ея соответствующую плату³). Интересно еще отмѣтить обычай калмыцевъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай, что одна изъ замужнихъ женщинъ заплетаетъ косу невѣсть по-женски, — и въ этомъ состоятъ вся брачная церемонія: и законъ, и общественное мнѣніе считаютъ бракъ заключеннымъ⁴); въ другихъ же мѣстахъ къ этому присоединяютъ еще другія церемоніи⁵).

Такимъ образомъ, подрѣзываніе или растрепываніе женской косы имѣетъ широкое распространеніе въ свадебныхъ обрядахъ. Учеными были высказаны различныя мнѣнія по поводу значенія этого обряда. Гаасъ высказывалъ предположеніе, что отрѣзываніе локона въ индусскомъ ритуалѣ имѣло то значеніе, что невѣста символически отдѣлялась отъ своего родного дома⁶), но расчесываніе косы онъ отдѣляетъ и отъ отрѣзыванія, предполагая, что этотъ актъ, подобно осколению, совершался для очищенія и предохраненія отъ чаръ⁷). Преллеръ актъ растрепыванія волосъ связываетъ съ культомъ Юноны: новобрачная должна перейти во власть мужа, но въ то же время она находится подъ покровительствомъ богини; онъ сопоставляетъ употребленіе hasta coelbaris съ пошеніемъ копыя женщинами на сабинскомъ праздествѣ въ честь Юноны⁸). Къ числу мнѣній, придающихъ женской косѣ въ обрядахъ характеръ религиозный, относятся и мнѣніе

1) Tegg, Marriage ceremonies of all nations, p. 172.

2) Ibidem, p. 156 Сродный обычай у калабрийцевъ былъ уже приведенъ по другому поводу, см. „Этн. Об.“ кн. XVII, стр. 53.

3) Ibidem, 158.

4) Usi nuziali nelle China, Archivio per lo st. d. trad. popol., 1888, p. 487.

5) Tegg, loc. cit., 116.

6) Weber, Ind. Studien, V, 277—8.

7) Ibidem, 278.

8) Preller, Römische Mythologie, p. 248.

проф. Сумцова, сопоставляющего женскую косу съ солнечною косою ¹⁾. Но объяснения изъ религиозныхъ воззрѣній народовъ едва ли могутъ имѣть приложение въ данномъ вопросѣ: здѣсь проглядываетъ чисто бытовой фактъ. Уже *Edelstand du Mérid* видѣлъ въ обычаяхъ раздѣленія волосъ на головѣ невѣсты актъ завладѣнія ею ²⁾. Дарить прямо видятъ въ обычай подрѣзыванія косы пережитокъ похищенія невѣсты ³⁾.

Последнее предположеніе, по нашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворительно объясняетъ различныя проявленія обычая. Тогда понятно, что копые является оружіемъ завладѣнія невѣстой; растрепать волосы, обрывать ихъ — достаточно, чтобы выразить завладѣніе ею, объявить ее обрученною, какъ въ приведенномъ персидскомъ обрядѣ. Съ этой стороны понятно также и обрядовое рваніе косы невѣсты жнихомъ въ великорусскихъ обрядахъ ⁴⁾; общеизвѣстенъ обрядъ, совершающійся и у бѣлоруссовъ передъ самымъ отъѣздомъ молодой къ жениху, — покупка женихомъ ей косы: купить косу дѣвушки — все равно, что приобрести, купить ее самою.

Расчесываніе косы часто соединяется съ другими обрядами — надѣваніемъ женскаго головного убора, который также представляетъ пережитокъ. Что касается происхожденія настоящаго обряда, то едва ли не болѣе вѣрное будетъ — видѣть въ немъ остатокъ трофеевъ. Для побѣдителя женщины являлась такимъ же побѣжденнымъ врагомъ, какъ и мужчина. Побѣжденнаго мужчину онъ убивалъ, снималъ съ него скальпъ, отрубывалъ носъ, руку или др. часть тѣла для удовлетворенія своей гордости побѣдителя, отпуская врага иногда и живымъ, но изувѣченнымъ. Съ развитіемъ эсгогаміи, съ возражающимъ стремленіемъ мужчины имѣть себѣ жену — плѣнницу и рабу, снятіе съ последней скальпа, отрубываніе носа и т. п. дѣлалось невгоднымъ. Но всегдѣ побѣжденные женщины были врагами, и побѣдители какъ трофей обрубывали волосы тѣмъ изъ нихъ, которыя предназначались въ жены. Если мужчина-плѣнникъ оставался въ живыхъ, съ него также срѣзывали волосы или брили голову. Этимъ объясняется обычай, по которому рабамъ запрещалось носить длинныя волосы; обычай извѣстенъ не только у американскихъ и австралийскихъ дикарей, грековъ и римлянъ, но онъ перешелъ еще и въ средніе вѣка ⁵⁾. Женщины очень многихъ австралийскихъ племенъ, какъ лица несвободныя, также носятъ короткіе волосы — признакъ ихъ рабскаго положенія ⁶⁾.

¹⁾ О свадебн. обр., стр. 152.

²⁾ *Edelstand du Mérid*, loc. cit., p. 16.

³⁾ Das Mutterrecht und Raubehe, p. 282.

⁴⁾ Терещенко, Выт. р. нар., II, 174.

⁵⁾ *Spencer*, Обрядовыя учрежденія, перев. Лучицкаго, стр. 94—98.

⁶⁾ *Karassevich*, Гражданское обычное право Франціи, стр. 83.

⁷⁾ *Spencer*, Обр. учр., 98.

Съ другой стороны, длинныя волосы всегда служатъ признакомъ свободнаго челоѣка ¹⁾. У древнихъ славянъ также длинный плокъ волосъ (чубъ) былъ признакомъ благороднаго происхожденія и свободы ²⁾.

Такимъ образомъ, подрѣженіе волосъ женщины служитъ признакомъ ея перехода въ подчиненное положеніе. Съ теченіемъ времени, когда женщина видѣлась изъ толпы рабовъ, когда она сама стала бластительницей домашняго очага, ее перестали лишать ея природнаго украшенія смѣшивающаго ее съ настоящими рабами; въ обрядахъ же свадебныхъ остался одинъ пережитокъ бытового факта въ видѣ подрѣзыванія косы, да въ видѣ пережитка въ способѣ ношенія волосъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемся съ распространеннымъ обычаемъ, что женщины замужнія носятъ свои волосы прикрытыми, или, по крайней мѣрѣ, не могутъ распускать ихъ, что дозволяется только дѣвушкамъ. Въ древней Индіи замужнія женщины носили волосы стянутыми подъ сѣткой, дѣвушки — распущенными ³⁾. Такъ же носили и древнія Римлянки ⁴⁾. По древне-армянскому обычаю женщины не могли носить распущенныхъ волосъ; переносное значеніе для замужества было — *unter die Haube kommen* ⁵⁾. Въ Эстоніи женщины носятъ чепцы или шляпки, дѣвушки распущенныя волосы, или заплетенныя въ двѣ косы ⁶⁾. Аналогичныя обычаи извѣстны всѣмъ славянамъ ⁷⁾. У калмыковъ съ момента расплетенія дѣвчечьей косы, женщина всю жизнь не должна показываться съ открытою головою ⁸⁾, — обычай, строго соблюдаемый на всемъ пространствѣ Россіи. У албанцевъ дѣвушки по своему головному убору отличаются отъ замужнихъ ⁹⁾ и т. д.

Распущенныя волосы — признакъ дѣвчества и цѣломудрія. Чтобы овладѣть женщиной, нужно прикрыть ея волосы, растрепать ихъ или подрѣзать, какъ мы видѣли изъ предшествующихъ обычаевъ. Невѣста одного горнаго индусскаго племени поетъ своему возлюбленному: если ты не имѣешь денегъ (чтобы выкупить ее), то не пой „приди ко мнѣ: моя коса распущена, мой платокъ (головной) не связанъ“ ¹⁰⁾.

Въ одной сицилійской пѣсенкѣ — мать идетъ, по просьбѣ сына, къ возлюбленной его — *col pettine mio*, — съ гребнемъ, чтобы растрепать ея воло-

¹⁾ *Gitté*, La chevelure, Revue des traditions popul., t. III, p. 404.

²⁾ *Голубовскій*, Извѣстія Ибнъ Фодлана о Руссахъ, — отд. от. изъ Киев.

Унив. Изв.

³⁾ *Weber*, loc. cit., p. 405.—406.

⁴⁾ *Rossbach*, loc. cit., 287.

⁵⁾ *Schröder*, loc. cit., 145.

⁶⁾ *Ibidem*, 146—147.

⁷⁾ *Krauss*, loc. cit., 367.

⁸⁾ *Жумевскій*, loc. cit., 24.

⁹⁾ *Tegg*, loc. cit., 170.

¹⁰⁾ *Jellinghaus*, Zeitschr. f. Ethnol., B. III, p. 377

сы¹⁾. Во Франціи существуетъ повѣрье: чтобы заставить женщину полюбить себя, нужно достать ей волосъ²⁾. Потеря косы, поэтому,—потери дѣвчества, цѣломудрія и свободы. У познанскихъ поляковъ, дѣвушка потерявшая невинность, идетъ къ старшей въ селѣ женщинѣ и проситъ послѣднюю обрѣзать ей косу³⁾. Тотъ же мотивъ извѣстенъ и пѣснямъ пинчуковъ⁴⁾. У южныхъ славянъ сохранился старинный обычай, теперь уже исчезающій: парень за отказъ въ рукѣ дѣвушки грозитъ обрѣзать ей волосы⁵⁾. Въ среднее вѣка выраженіе *in capillis esse* было синонимомъ *in virginitate esse*. Духовные соборы строго требовали, чтобы опороченная дѣвушка стригла себѣ волосы, а бургундскіе законы наказывали порочныхъ дѣвицъ остриженіемъ волосъ⁶⁾.

Такимъ образомъ, остриженіе волосъ женщины, переходящей во власть мужчины, съ теченіемъ времени получило еще и значеніе потери цѣломудрія. Замѣтимъ еще, что и встрѣчаемые обычай посвященія волосъ божеству, по всей видимости, сходны съ обычаемъ постриженія волосъ невесты: какъ она лишается съ замужествомъ свободы, подчиняется мужу, такъ и посвящающій свои волосы богамъ выражаетъ этимъ свое подчиненіе и посвященіе божеству⁷⁾.

Если мы обратимся къ народной поэзіи, то увидимъ, что въ ней сохранилось то же сознание, что съ лишеніемъ косы дѣвушка лишается своей свободы, переходитъ во власть мужа, причемъ потери косы—въ божественствѣ случаетъ насильственная: дѣвушка не даетъ „рвать“ косы, ее

1) *Pitré loc. cit.*, 23.

2) *Revue des tradit. popul.*, t. III, p. 405.

3) *Kolberg*, Lud, Serja XI, ч. III, стр. 53.

4) См. мою брошюру „Мотивы свадебныхъ пѣсень Пинчуковъ“. Гродна. 1893 г.

5) *Krauss, loc. cit.*, 192—193.

6) *Edelestand du Mérid. loc. cit.*, p. 13 и примѣч. 3, 4.

7) Др. греки посвящали волосы Гипократу или Аполлону, вообще солярнымъ божествамъ, см. *Mauvy*, Histoire des religions de la Grèce antique, Paris, 1875, II, 244. *Revue des traditions popul.*, III, 404. У буддистовъ, поступающіе въ ученики къ ламамъ обрѣзаваютъ свои волосы. Интересно, что у мексиканцевъ дѣвушки, посвящаемыя божеству, остригаютъ также волосы. *Westermarck*, The Hist. of hum. Marriage, p. 175, примѣч. 6. У калмыковъ духовенство брѣжетъ голову, даже выбрѣты дѣти, предназначенные въ духовный санъ, Словарь русск. суев., стр. 64. Быть можетъ, съ культомъ предковъ и съ культомъ домашняго очага имѣютъ общающійся обрядъ остригать волосы въ знакъ траура по умершимъ, какъ у римлянъ, *Marquardt*, Das Privatleben der Römer. Th. I, Leipz. 1879, p. 346, въ обычаяхъ Новой Гвиней, *Zeitschr. für Ethnologie*, 1874, p. 184; сюда же относится обычай въ Нижней Бретани: дѣвушки отрѣзываютъ клочекъ волосъ у мертвыхъ и прячутъ, *Revue des tradit. popul.*, III, 47. Въ Богеміи молодая, входя въ первый разъ въ домъ мужа, бросаетъ на очагъ три свои волоса—жертвъ очагу, *Revue des trad. popul.*, III, p. 404.

пытаются защищать подружки, но женихъ либо насильно „рветъ“ косу, либо покупаетъ ее у брата или матери. Пѣсни эти чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Мы приведемъ нѣсколько относящихся сюда отрывковъ.

Въ пѣсняхъ отразились стремленія дѣвушки не давать, не позволять „коски рвати“ или „коски расплетаць“:

— Не давайся, Калирынка, Радабъ же я да не далася,
Русое касы расплетаць. Де скубуць на нибо мясо¹⁾.

Пѣсня совѣтуетъ невестѣ заранѣе остерегаться „застрыгалничкоу“:
Спяражыся, дѣвонька, Застраже твою коску,
Застрыгалочка ѣдзя, Разолье твою слезку²⁾.

Яна цибе застрыгаць будзя.

Другая предупреждаетъ дѣвушку стеречь косу отъ самого жениха: „штобы твоей Антуонко не раструосъ“³⁾. Женихъ—„погубицель“ дѣвушки; съ его прѣзрѣдомъ она распуститъ косу и разольетъ слезу⁴⁾. Дѣвушка боится предстоящаго расплетенія косы; она проситъ подружекъ:

Запляциця маю косу русую, Кабъ ни распляли
Замкниця маю косу русую, Маю русаю косаньку
Дзивици замками, И ня сняли бъ съ мене
Кабъ ни наѣхали татары, Мою дзѣвнью красоту⁵⁾.

Но невеста ничего не могла подѣлать: двадцать два года она чесала свою косу, но „проиграла“ за одинъ вечерокъ:

Наѣхали купчики, дружки бояры,
Раздзялили косочку да й на двѣ косы,
Обмотали косочку вокругъ головы,
Надѣли на косочку кичку съ обручомъ⁶⁾.

Съ понятіемъ о косѣ тѣсно соединеніе понятіе о красотѣ и свободѣ дѣвчечьей. Пѣсня напоминаетъ дѣвушкѣ, что она косу утратила:

Коса косою такъ будзецъ—
Половина красоты не будзецъ⁷⁾,

отвѣчаетъ она. Вся красота дѣвушки въ косѣ:

Чашнице пляцице Юличкину коску!
Уся краса, Уся краса Юличкина—коска.

1) *Янчукъ*, По Мивекой губ., 51, № 18.

2) *Шейнкъ*, Матер., II, 246, № 22.

3) *Ibidem*, 233, № 11.

4) *Ibidem*, 407, № 7.

5) Вѣстникъ И. Русск. Геогр. Общ., 1857, ч. IX, стр. 39.

6) *Романовъ*, Бѣлорусскій сборникъ, I, 346, № 42.

7) *Ibidem*, 349, № 53.

Ее заплетают шелком¹⁾. Съ потерей косы, дѣвушка теряетъ и красоту, и нѣгу-ласку домашнихъ, и свободу:

А плачь, Тадинка, нямножко тебѣ плаваць,—

Тольки ўсаге три вечары:

Первый вечарокъ—по косѣ,

Другой вечарокъ—по красѣ,

Третій вечарокъ—по нѣзи:

Зыгѣживала мяне матушка,

Якъ вшпаньку ў саду, якъ пчилачку ў яду²⁾.

Чтобъ выразить свою печаль, дѣвушка распускаетъ косу „по кованому поясу“³⁾. Коса дѣвицы—черный шелкъ, говоритъ пѣсня, слезы дѣвицы—крупный жемчуг⁴⁾. Дѣвушка съ величайшею нѣжностью относится къ своей косѣ:

Куквала зязюля по росѣ,

Русью косыньку чесала,

Плакала дѣвыньки по косѣ:

Бѣлая личико ўмывала.

А косица моя русая!

Чесала косыньку гребанцомъ,

Погуляння моѣ ранно!

Кинула гребанецъ подь вѣнецъ,

Ня одно раняйко гуляла,

Русую косыньку подь чапечъ⁵⁾.

Что будетъ съ косой послѣ свадьбы, будетъ ли она такая у мужа, какою у отца была:

Коса моя, коса русая,

Ци будзешь такова

Какъ у бацьки была?⁶⁾

спрашиваетъ дѣвушка у косы и отвѣчаетъ: нѣтъ не будешь у молодого такая, какъ у батьки⁶⁾.

Плачь о косѣ—любимый пѣсенный мотивъ. Дѣвушка не такъ жалѣеть о матери, какъ о своей косѣ:

Ни жалѣиць своей матуньки,

Русую косаньку чесала,

Да жалѣиць своей косыньки.

Учосы мое гладкіе,

Косынька моя русая!

Уплѣты мое густыя⁷⁾.

Ня одно раняйко супраля,

„Ты распалчклася, Грушачка, ни по тѣцу, ни по матери—по своей русой косынькѣ, по своей дѣвичей кросонькѣ“,—обращается къ невѣстѣ

1) Ibidem, 463, № 126.

2) Ibidem, 365, № 112.

3) Янчукъ, *loc. cit.*, 57, № 35.

4) Шейнъ, *Мат.*, II, 405; ср. Романовъ, *loc. cit.*, 367, № 121.

5) Шейнъ, *Вѣлорус. пѣсни.* 334, № 624.

6) Шейнъ, *Матер.*, II, 420, № 1.

7) Шейнъ, *Вѣлор. пѣсни.* 327, № 580.

пѣсни¹⁾. Ей не жаль разлуки съ отцомъ, съ матерью, ей не жаль „ни подворья его—только жаль русой косы“²⁾.

Невѣста жалѣетъ косы потому, что ей уже не придется ее „плести“: „зѣ вечера косочку плела, шовковыя вилеточки улетывала“, но прїѣхали „сваточки ни жалосливые“, сторговали косу, „стали мою русую растрепывать“³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, коса была утѣхой дѣвицы:

Куквала зязюлячка на страѣ, Я дворъ пирайду чечушы,

Да плакала дѣвочка по косѣ: У сѣни ўвїду плетучы,

„Да косица жѣ моя русая— У хату ўвїду—заплачу,

Отдыха моя частая; Што русыя косочки ни бачу“⁴⁾.

Такъ убивается невѣста по своей косѣ, убивается потому, что съ подрѣзываніемъ и расплетаніемъ дѣвичей косы соединяется отдаленная традиція о быломъ значеніи этого факта.

Перейдемъ теперь къ другой части посада невѣсты—сажанію ея овчинномъ, вывернутомъ шерстью вверхъ, тулупѣ. Тулупъ разстлается или на дежѣ или на услонѣ (скамейкѣ); то и другое помѣщается около стола.

Наиболѣе интересныя и полная аналогия нашему посаду невѣсты мы встрѣчаемъ у древнихъ индусовъ и римлянъ, особенно у первыхъ. Древнеиндусскіе памятники оставили намъ, повидимому, нѣсколько вариантовъ одного и того же обряда, весьма близкихъ между собою; отличія въ подробностяхъ, быть можетъ, происходили потому, что въ однихъ мѣстностяхъ обрядъ исполнялся нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ. По памятникамъ, изслѣдованнымъ Гаасомъ, обрядъ имѣлъ слѣдующій видъ. Около очага разстлалась бычачья шкура красного цвѣта. Одинъ изъ сильныхъ мужчинъ вносилъ на нее невѣсту; она садилась, причѣмъ женихъ выражаетъ ей пожеланія о богатствѣ. Онъ, во время произнесенія различныхъ мѣстъ гимновъ, намазываетъ глаза невѣсты жертвеннымъ жиромъ и дотрогивается до волосъ ея. Послѣ этого друзья и присутствующіе желаютъ ей счастья⁵⁾. Этотъ обрядъ совершается въ домѣ родителей невѣсты, хотя въ тѣхъ же памятникахъ онъ, повидимому, повторяется и въ домѣ жениха, но прїѣздъ туда наоборотной⁶⁾. Интересно отмѣтить, что въ приведенной версіи обрядъ сидѣнія невѣсты соединенъ съ обрядомъ аналогичнымъ растрепыванію или подстриженію косы ея: женихъ дотрогивается до волосъ невѣсты.

1) Романовъ, *loc. cit.*, 344, № 32.

2) Радченко, Гомельскія пѣсни, 70, № 9.

3) Шейнъ, *Мат.*, II, 349, № 1.

4) Шейнъ, *Мат.*, II, 310, № 10.

5) Weber, *Indische Studien*, V, 324.

6) Ibidem, 75.

Суда по сутрам Анштамбы, недавно изслѣдованной г. Винтерницомъ, тотъ же обрядъ принимаетъ слѣдующую версію. Онъ происходитъ только въ домѣ новобрачнаго, когда къ нему прибываетъ невеста. Молодой сначала входитъ самъ въ домъ, посрединѣ разстилаетъ красную бычачью шкуру, шерстью вверхъ; она разстилается у жертвенника. Женихъ приноситъ и возжигаетъ огонь, сажаетъ самъ, взявъ за правую руку, молодую вѣсть съ собою на эту шкуру; тогда начиналось жертвоприношеніе¹⁾. Дополнимъ, что по тексту Баудайяны, когда молодые садятся на шкуру, ихъ обсыпаютъ стеблями зеленого ячменя²⁾. По Manavagrihyasutra это сажаніе бываетъ сейчасъ послѣ церемоніи семи шаговъ, т. е. въ домѣ отца невесты; сверхъ шкуры посыпается трава darbha,—миенская трава, часто упоминаемая въ индусской поэзіи³⁾, или же молодые садятся просто на этой травѣ.

Кромѣ своей близости къ бѣлоросскому пасуду, индусскій обрядъ важенъ еще и тѣмъ, что сопровождающія его изреченія поясняютъ намъ смыслъ самаго обряда. Весь обрядъ носитъ характеръ строго религіозный, причѣмъ основа его—культъ домашнего очага; вся церемонія происходитъ около очага, сопровождаема возжиганіемъ на немъ огня. Изреченія поясняютъ намъ, чего именно просилъ у боговъ индусъ при этомъ обрядѣ и къ какимъ преимущественно богамъ обращался онъ. Главнымъ образомъ женихъ обращается къ Агни, устроителю и покровителю домашнего очага; онъ проситъ его о дарованіи новой семьѣ многочисленнаго потомства и всякаго богатства: лошадей, быковъ и пр. „Къ загому пришла госпожа, говорить изреченіе, съ быками и лошадками,—госпожа, которой супругъ долготѣнъ, которая черезъ потомство достигнетъ неба: сто зимъ пусть она служитъ у этого Агни здѣсь, произведя многочисленное потомство и богатое прекрасными драгоценностями“. Женихъ проситъ Агни, Приятыи и Индру дать ему дѣтей, сохранить ихъ и не дать имъ умереть, пока будутъ жить сами родители⁴⁾. Садясь на шкуру, женихъ произноситъ: „Hier solt ihr, Kühe euch fortpflanzen, hir ihr Pferde, hier ihr Menschen (очевидно приведенные невестою), und hier auch soll sich Reichthumherung mit tausend Gaben niederlassen“⁵⁾. Какъ изъ этого изреченія, такъ и изъ другихъ, съ особенною опредѣленностью выступаетъ значеніе шкуры животнаго, на которой сидятъ молодые. Разстлала шкуру, женихъ произноситъ: „Als Schutz und Schirm bring es herbei, um es für diese Frau auszubreiten, o Sinivali, gebären soll diese hier, sie stehe in Bhagas Huld“⁶⁾.

1) *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell, Wien, 1893, p. 23.

2) *De Gubernatis*, La Mythologie des plantes, II, p. 182—185.

3) *Winternitz*, loc. cit., 64.

4) *Winternitz*, loc. cit., 73.

5) *Ibidem*, 74; полагаемъ достигнуть болѣе точной передачи отрывка, оставаясь въ нѣмецкомъ переводѣ.

6) *Ibidem*, 71.

Къ моменту, когда садится молодая, приуроченъ слѣдующій текстъ гимна: „Войди на эту шкуру. Сядь здѣсь у огня. Богъ отдалитъ отъ тебя всѣхъ ракшей (злыхъ духовъ). Рождай здѣсь дѣтей этому супругу! И пусть сынъ твой будетъ вполне благополученъ, какъ и этотъ (т. е. мужъ)“¹⁾. Одно правило Аншалайяны говоритъ, что мужъ въ этотъ самый моментъ восклицаетъ: „Пусть владыко всѣхъ существъ дастъ намъ дѣтей!“²⁾. Приведемъ еще два стиха, не менѣе характерныхъ: „Сколько стеблей здѣсь положено и сколько волосъ шкуры (welches Fell) здѣсь разстлано,—на нихъ пусть войдетъ богатыи дѣтymi дѣвушка, которая обрѣла супруга“³⁾; „Такъ разстели ты стебли на красную шкуру! Пусть, сяди на нихъ, она блюдетъ этотъ огонь (домашняго очага), богатыи дѣтymi“⁴⁾.

Выступающее въ этихъ стихахъ значеніе разстилаемой въ обрядѣ шкуры животнаго получаетъ свое спеціальное значеніе для невесты: отъ соприкосновенія, черезъ сидѣніе, съ волосами шкуры умерщвленнаго животнаго ожидается проявленіе наибольшей производительной силы женщины, она родитъ многочисленное потомство. Сюда относится и еще одинъ фактъ изъ одного сборника индусскихъ обычаевъ. Мужъ на третій мѣсяцъ беременности своей жены приноситъ въ домъ кислое молоко отъ тельной коровы, сажаетъ жену у жертвенника на шкуру коровы (вѣроятно убитой для жертвоприношенія), даетъ ей пить это молоко, вбросивъ въ него два боба и одно овсяное зерно. Мужъ спрашиваетъ при этомъ трижды: „что ты пьешь“? Жена трижды отвѣчаетъ: „мужское наслѣдіе“⁵⁾.

Вѣра въ то, что шкура животнаго способствуетъ плодородію женщинъ, бытовала не у однихъ индусовъ. У послѣднихъ въ обрядахъ употребляли шкуру коровы, у другихъ народовъ (грековъ, римлянъ, египтянъ и др.)—овцы или козла. Обобщая это всеобщее убѣжденіе среди арійскихъ народовъ, Губернатисъ говоритъ: „женщина должна лишь сѣсть на нее, чтобы сдѣлаться матерью“⁶⁾. Интересно въ этомъ отношеніи латинское преданіе, сохраненное Овидіемъ. Похищенные римлянами сабинянки были неплодны. Когда онѣ и мужья ихъ молились о плодородіи въ роцѣ Юноны-Луцины, то услышавъ бѣлый голосъ, говорившій, что „священный козелъ долженъ вступить на спины матерей (italiadas matres sacer hircus inito)“. Одинъ изъ очевидцевъ зарѣзалъ козла, вырѣзалъ ремень изъ его шкуры и началъ бить женщинъ по синамъ. Съ помощью Юноны онѣ забеременѣли⁷⁾.

1) *Weber*, Indische Studien, V, 208.

2) *De Gubernatis*, Die Thiere in d. Indogermanisch. Mythologie, p. 34.

3) *Weber*, loc. cit., 207.

4) *Ibidem*, 208.

5) *De Gubernatis*, Die Thire in d. Indogermanisch Mythologie, 35.

6) *Ibidem*, p. 34.

7) *Preller*, Römische Mythologie, 243.

Шкура животного, овцы или коровы, во многих случаях замѣняется ковромъ, войлокомъ, вообще всеѣмъ тѣмъ, что „мохнато“, по меткому выраженію Потебни. Съ этой ступени, напр., понятенъ обычай, практиковавшійся у татаръ, что молодые клали спать на войлокѣ¹⁾. У чувашей, передъ самымъ отправленіемъ въ клѣть, съ головы невѣсты снимаютъ покрывало, кладутъ вмѣсто него войлокъ и льютъ сверху „похлебку молодой“, затѣмъ войлокъ снимается и ее ведутъ въ клѣть²⁾. И въ этихъ обрядахъ проглядываетъ тотъ же основной смыслъ—пожеланіе невѣстѣ плодородія черезъ символическое сопряженіе съ тѣмъ-либо „мохнатымъ“.

Обращаясь къ аналогичнымъ обрядамъ другихъ народовъ, мы прежде всего встрѣчаемся съ родственными обрядами у римлянъ: шкуру убитой при жертвоприношеніи овцы раскладывали на двухъ сидѣньяхъ у жертвенника; на нихъ сидѣли женихъ и невѣста во время *confarreatio*³⁾. Что касается до того, что въ римскомъ и индусскомъ обрядѣ невѣста и женихъ садятся на шкуру вмѣстѣ, то это обстоятельство не должно устранять ихъ отъ сравненія съ бѣлорусскимъ посадомъ: мы видѣли, что въ большинствѣ версій бѣлорусскаго посада невѣста и женихъ сидятъ также рядомъ.

По всей видимости, у древнихъ евреевъ былъ также извѣстенъ обычай, сродный нашему посаду. Такъ, у нихъ существовала такая церемонія въ день свадьбы: женщины вводили невѣсту безъ покрывала и съ распущенными волосами въ особую комнату. Тамъ ее сажали на „почетное мѣсто“, особо устроенное, заплетали ей волосы, украшали ихъ лентами, надѣвали на невѣсту свадебное платье и покрывали покрываломъ⁴⁾. Хотя въ этомъ обрядѣ не упоминается сидѣнье на шкурѣ животного, но сажаніе невѣсты на особенное почетное мѣсто, съ присоединеніемъ такихъ особенностей, какъ заплетаніе косы и покрываніе покрываломъ, даетъ намъ право и этотъ обрядъ сравнивать съ посадомъ.

Среди новѣйшихъ народовъ мы прежде всего встрѣчаемъ пережитки даннаго обряда у французовъ и итальянцевъ. Въ Сициліи на заручинахъ невѣсту сажаютъ посреди комнаты на стулѣ, покрытомъ ковромъ, и здѣсь мать расчесываетъ ей волосы⁵⁾. Во многихъ мѣстахъ Италіи невѣсту ставятъ на козлѣнн на порогѣ дома жениха, покрытомъ ковромъ или подушкой⁶⁾. Въ Сардиніи молодые послѣ вѣнчанія обѣдаютъ въ домѣ невѣсты и затѣмъ отправляются въ домъ жениха. Ихъ встрѣчаетъ мать послѣдняго съ хлѣбомъ. Невѣсту подводятъ къ столу, поставленному у входа

въ конюшню и покрытому богатымъ ковромъ: она должна стать на него, послѣ чего, сходить и цѣлуетъ руки родителей молодого¹⁾. Этотъ обрядъ согласуется съ тѣми изрѣченіями индусскихъ гимновъ, въ которыхъ высказывается мысль, что молодая несетъ въ домъ не только будущее потомство но и богатство въ лошадахъ, коровахъ и др.; невѣсту подводятъ къ конюшнѣ, и здѣсь она соприкасается съ „мохнатымъ“. На Корсикѣ, передъ брачнымъ пиромъ, женщины удаляютъ мужчинъ и дѣтей изъ комнаты; онѣ сажаютъ молодую на сосудѣ, наполненный зерномъ; затѣмъ каждая изъ женщинъ отбираетъ горсть зерна и сыплетъ на голову молодой. Замѣчательна пѣсенка, которую поютъ при этомъ женщины:

Dio vi calmi d'ogni bene Dio vi accordi lungo età
Figli maschi in quantità Poi vi accolga in Paradiso,
Senza duoli e senza pene, L'un dall' altro mai diviso²⁾.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сажаніе на сосудѣ съ зерномъ, что вполнѣ сходно съ бѣлорусскою дежей или душономъ съ рожью; не менѣе интересны и пожеланія пѣсни о мужскомъ потомствѣ и долгой жизни.

Основныя черты разсматриваемаго обряда мы встрѣчаемъ и у народовъ не арійскаго происхожденія. У эстовъ по пріѣздѣ изъ церкви въ домъ невѣсты, отецъ жениха саживаетъ съ вѣна невѣсту на разостланный шерстью вверхъ тулупъ³⁾. У калмыковъ, во время смотрѣнія жениха (послѣ окончательнаго сватовства) молодежь собирается у невѣсты и танцуетъ, причѣмъ женихъ сидитъ на подушкѣ⁴⁾. Сидѣнье на подушкѣ жениха имѣетъ въ настоящемъ случаѣ то же религіозное значеніе, что и сидѣнье невѣсты или обоихъ молодыхъ. Сюда же относится и обычай, существовавшій у казанскихъ татаръ, гдѣ невѣсту въ свадебный домъ несли на коврѣ. Но въ высшей степени интересною аналогіею разсматриваемому обычаю мы встрѣчаемъ у одного мексиканскаго племени. Невѣсту приводятъ торжественно въ домъ жениха. Послѣдній вводитъ новобрачную въ особую комнату, оба садятся на разостланную посреди комнаты особо приготовленную циновку и возжигаютъ огонь. Жрецъ соединяетъ концы платья невѣсты съ концомъ платья жениха. Въ этомъ и состоитъ собственно брачная „церемонія“⁵⁾. Черезъ четыре дня эту циновку и простыни съ постели относятъ въ храмъ и передаютъ въ жертву идоламъ⁶⁾. Съ

¹⁾ *Ser. Gabrielo*, Usi dei contadini della Sardegna. Archivio per lo studio delle tradiz. popolari, 1888, p. 473.

²⁾ *De Gubernatis*, La Mythologie des plantes, II, p. 167.

³⁾ *Schröder*, loc. cit., p. 89.

⁴⁾ *Kumeuciu*, loc. cit., 21.

⁵⁾ Словарь русскихъ суевѣрій, 32.

⁶⁾ *Tegg*, loc. cit. 127.

⁷⁾ *Ibidem*, 128.

¹⁾ Словарь русскихъ суевѣрій, p. 36.

²⁾ „Этнографическое Обзоріе“, кн. V, стр. 165.

³⁾ *Rosbach*, loc. cit., p. 112—114; *Karlowa*, loc. cit., p. 18, 24.

⁴⁾ *Tegg*, loc. cit., 52—53.

⁵⁾ *Pitre*, Biblioteca etc., p. 33.

⁶⁾ *De Gubernatis*, Storia comparata degli usi nuziali, p. 146.

этим обрядом интересно сопоставить вариацию посада у древних индусов, у которых в началѣ свадебныхъ церемоній (въ домѣ невесты) молодые тоже садились на циновку¹⁾. Кроме того интересъ мексиканскаго обычая заключается еще и въ томъ, что въ немъ ясна религіозная цѣль обряда. Слѣдовательно, обычай сажанія молодыхъ на шкуру, на коверъ или на циновку (какъ у мексиканцевъ) уже у наиболѣе первобытныхъ народовъ, т. е. на первыхъ ступеняхъ своего развитія, имѣть религіозную основу. Циновка здѣсь имѣть то же значеніе, что и шкура животнаго: животное убивается въ жертву богамъ, точно также и циновка на четвертый день относится въ храмъ, какъ жертва. Въ параллель къ этимъ обрядамъ мы еще можемъ привести обрядъ у австралийцевъ, описанный миссіонеромъ Джономъ Вильямсомъ. Во время свадьбы владѣтеля острововъ Самоа Маііеіа, названный миссіонеръ наблюдалъ такую церемонію. Недалеко отъ дома жениха, подъ тѣнью дерева, сидѣла группа женщинъ, расстѣвавшихъ героическія пѣсни. Противъ нихъ сидѣла купленная невеста на подстилкѣ изъ вѣтвей хлѣбнаго дерева; она была въ праздничномъ платьѣ, въ вѣнкѣ изъ зелени и цвѣтовъ²⁾. И въ данномъ случаѣ религіозная цѣль обычая очевидна. Шкуру жертвеннаго животнаго замѣнили здѣсь вѣтви хлѣбнаго дерева. Какъ отъ соприсношенія съ мохнатою шкурою животнаго ожидается плодородіе новобрачной, такъ точно ожидается оно и отъ соприсношенія съ деревомъ, въ которомъ первобытный человѣкъ видитъ высшее проявленіе растительной производительной силы природы.

Указавъ извѣстные намъ обычаямъ сидѣнія невесты на шкурѣ животнаго, дополнимъ еще указаніемъ слѣдовъ того же обряда у славянъ. У великорусовъ жениха и невесту сажали на мохнатую шубу въ домѣ невесты³⁾. У поляковъ невесту сажаютъ на квашню⁴⁾, у болгаръ посадъ извѣстенъ подъ названіемъ бучки⁵⁾, у южныхъ славянъ сажаніе невесты обычно бываетъ на коврѣ⁶⁾.

Изъ обзора различныхъ переживаній обычая сажать на шкуру жертвеннаго животнаго невесту прежде всего явствуетъ тотъ фактъ, что этотъ обрядъ—явленіе не случайное въ области свадебнаго ритуала, что онъ имѣть за собой широкое распространеніе. Это обстоятельство важно отмѣтить въ виду мнѣнія, высказаннаго Россахомъ, склоннымъ думать, что сидѣніе молодыхъ въ римскомъ обрядѣ представляетъ собою не болѣе, какъ обыч-

ное при всякомъ римскомъ жертвоприношеніи дѣйствіе¹⁾. Неосновательность подобнаго мнѣнія была уже указана Карловой, который настаиваетъ на томъ, что сидѣніе брачующихся и принатіе ими хлѣба при confarreatio—спеціально свадебный обрядъ, и при томъ самый важный актъ его²⁾. Edéstand du Ménil сравниваетъ обрядъ сидѣнія на шкурѣ коровы у индусовъ съ застланіемъ шкурою брачнаго ложа у грековъ и римлянъ³⁾. Конечно, значеніе шкуры животнаго въ томъ или другомъ случаѣ, какъ символическое пожеланіе плодородія женщинѣ,—одно и то же, но и это сопоставленіе не устраняетъ факта сидѣнія, какъ отдѣльнаго свадебнаго обряда.

Г. Винтерницъ не признаетъ сидѣнія обычаемъ индогерманскимъ на томъ основаніи, что онъ будто бы встрѣчается только у индусовъ и славянъ⁴⁾, но это мнѣніе, смѣемъ надѣяться, достаточно опровергается приведенными аналогичными обрядами.

Г. Шредеръ совершенно неосновательно, по нашему мнѣнію, сопоставляетъ обрядовое сидѣніе невесты на шкурѣ или коврѣ съ подниманіемъ ея и перенесеніемъ⁵⁾ (напр., перенесеніемъ съ тѣлги въ домъ и т. п. фактами). Перенесеніе или подниманіе невесты, совершаемое иногда и на коврѣ, не имѣть ничего общаго съ обрядовымъ сидѣніемъ на шкурѣ, жертвеннаго животнаго: этотъ обрядъ представляетъ собою исполнѣ, опредѣленный пережитокъ похищенія невесты. Употребляемый же при перенесеніи невесты коверъ имѣть лишь то общее съ сидѣніемъ на шкурѣ или коврѣ, что и въ этомъ актѣ выражается пожеланіе, чтобы похищаемая женщина внесла въ домъ своего супруга богатство и потомство. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ бытовое фактъ, сдѣлавшись символическимъ обрядомъ получилъ религіозную окраску, но самъ по себѣ онъ не могъ создать стройнаго религіознаго обряда, составляющаго центральную, важнѣйшую часть ритуала. Религіозный смыслъ сидѣнія на шкурѣ жертвеннаго животнаго ясенъ: молодые садятся у домашняго очага, на которомъ приносится жертва за ихъ благополучіе въ будущей совмѣстной жизни; предъ лицомъ домашнихъ боговъ основывается новая семья, которая ищетъ ихъ покровительства. Кроме того, молодая женщина должна быть посвящена въ службу новому культу, что выражается еще другими обрядами, о которыхъ рѣчь впереди.

Но въ обычаяхъ сидѣнія мы встрѣчаемъ двойную форму обряда: то сажать одну невесту, то и жениха и невесту вмѣстѣ; бѣлорусскій посадъ знаетъ ту и другую форму. Какую форму посада признать за первоначо-

¹⁾ *Winternitz, loc. cit.*, p. 21, № 9, ср. p. 50.

²⁾ *Tegg, loc. cit.*, 160.

³⁾ Словарь русскихъ словѣрій, М. 1782, p. 5

⁴⁾ *Kolberg, Mazowsze*, 218, 221.

⁵⁾ *Сумцовъ*, О свадебн. обрядахъ.

⁶⁾ *Krauss, loc. cit.*, 398—9, 428, 448

¹⁾ *Unters. über d. Röm. Ehe*, 143.

²⁾ *Die Formen d. Röm. Ehe*, 10.

³⁾ *Des formes du mariage et des usages populaires*, p. 67—68.

⁴⁾ *Winternitz, loc. cit.*, p. 4.

⁵⁾ *Die Hochzeitsbräuche der Esten etc.*, Berlin, 1888, p. 91.

никъ обряда,—это другой вопросъ. Разсмотрѣнные факты посада даютъ полное показаніе, что въ болѣе сложныхъ обрядахъ садятся оба молодые (въ индусскомъ, римскомъ), въ менѣе сложныхъ, повидимому болѣе первобытныхъ (напр. мексиканскій), сажаютъ одну невѣсту. Съ другой стороны, изреченія свѣшанныхъ гимновъ въ индусскомъ посадѣ всѣ почти относятся къ невѣстѣ: она вноситъ въ домъ потомство и благополучіе, она приобщается къ домашнему Агни: женщину, какъ существо менѣе чистое, стараются очистить жертвоприношеніемъ богамъ, приобщеніемъ къ культу; отъ благосклонности боговъ именно къ ней ожидается потомство и благополучіе будущей семьи. Мужчина самъ по себѣ не требуетъ очищеній, онъ уже служитель алтаря, признанный таковымъ болѣе раннимъ обрядомъ—актомъ признанія его зрѣлости, возмужалости. Все это заставляя предположить, что первоначальная религиозная церемонія посада—сидѣніе одной невѣсты на шкурѣ животнаго. Сидѣніе рядомъ съ ней и жениха можетъ быть отнесено отчасти къ свадебному параллелизму, отчасти къ тому, что женихъ, какъ жрецъ, участвовать въ жертвоприношеніи и молить богамъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію слѣдующаго акта посада—къ покрыванію головы невѣсты. Этотъ обрядъ встрѣчается въ Бѣлоруссіи далеко не повсемѣстно. Встрѣчаемое же покрываніе головы невѣсты при надѣваніи на нее женскаго головнаго убора принадлежать къ сферѣ обрядовъ, имѣющихъ другое происхожденіе и цѣль; о нихъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Хотя покрываніе головы невѣсты—обычай, сравнительно рѣдко практикуемый въ бѣлорусскомъ посадѣ, тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ самаго подробнаго изслѣдованія въ виду распространенности сродныхъ обычаевъ у другихъ народовъ. Если покрываніе головы невѣсты рѣдко встрѣчается при ея посадѣ, то употребленіе свадебнаго покрывала вообще имѣетъ гораздо большее распространеніе. Такъ, въ Витебской губ. невѣста во время голошенія ходитъ въ шубѣ и покрята сверху нея платкомъ ¹⁾. Въ той же губерніи головная принадлежность подвѣчнаго наряда невѣсты—большой ситцевый платокъ, распущенный отъ головы до пятъ; верхній конецъ платка, покрывая голову и лицо, завязывается на шеѣ такъ, что невѣста ничего не можетъ видѣть ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ голова и плечи невѣсты покрываются платками ³⁾. Мало того, въ одномъ извѣстнн мы встрѣчаемъ указаніе и на основной цвѣтъ этого покрывала. Въ той же губерніи существовало до недавняго времени обычай, по которому засватанная невѣста ходила съ распущенными волосами и въ вѣнкѣ; вѣнокъ дѣлался изъ

краснаго кумача, вышиною въ $\frac{1}{4}$ аршина, и внизу обшивался полотномъ; онъ надѣвался совѣтъ на глаза, и поверхъ вѣнка повязывался красный шелковый платокъ ¹⁾.

Такое употребленіе въ бѣлорусскихъ обрядахъ покрывала невѣсты вводитъ насъ въ сферу обрядовъ, сродныхъ покрыванію головы римской невѣсты flammem. У римлянъ этимъ flammem покрывалась голова невѣсты при confarreatio, во время сидѣнія на шкурѣ ²⁾. У грековъ невѣста сидѣла среди женщинъ на свадебномъ ширѣ подъ покрываломъ ³⁾. Кромѣ фактовъ, приведенныхъ по сроднымъ обычаямъ у г. Шредера ⁴⁾, добавимъ еще слѣдующіе. По описанію путешественника конца прошлаго вѣка Гга Раоліно, у индусовъ покрываніе невѣсты имѣетъ очень важное значеніе. Покрывало называется pidambara; это кусокъ шелковой матеріи золотистаго цвѣта, который свѣшивается съ головы до середины тѣла, образуя нѣчто въ родѣ плаща, и ниспадаетъ до ногъ; это pidambara индусы считаютъ священнымъ, надѣваютъ его на невѣсту послѣ омовенія ея и намазыванія груди, колыма и плечъ и опоясыванія ⁵⁾. У латышей, когда ѣдутъ отъ вѣнка, невѣста и дружки покрываются платками или холстомъ ⁶⁾. У новогорекъ въ Энцирѣ невѣста ѣдетъ въ церковь подъ покрываломъ, которое снимается только передъ очагомъ дома жениха какимъ-либо мальчикомъ, уже послѣ вѣнчанія ⁷⁾. Среди народовъ не-арійскихъ интересно указать на употребленіе покрывала у лопарей ⁸⁾. У морды невѣсту везутъ въ церковь подъ бѣлымъ покрываломъ ⁹⁾. Въ прежнее время у нихъ же голову невѣсты покрывали красной фатой ¹⁰⁾. Краснымъ платкомъ голову ея покрываютъ и въ настоящее время ¹¹⁾. Обычай морды особенно интересенъ тѣмъ, что они съ достаточной ясностью указываютъ на религиозное значеніе покрывала. Когда женщины покрываютъ невѣсту краснымъ платкомъ, что дѣлается за занавѣской, ее выводятъ, сажаютъ со снахами и спрашиваютъ *ведьня-язьор-ов*, т. е. моленіе рожаницы, которую просятъ благословить

1) Шейнъ, Матерьялы, ч. II, стр. 2.

2) Rossbach, Ueters. über. d. Röm. Ehe, p. 280; cp. C. Boettiger, Die Aldobrandinische Hochzeit. Eine Archeologische Ausdeutung. Dresden, 1810, p. 31—33.

3) Die Griechischen Privatalterthümer, von Iv Müller—въ Handbuch der Klassischen Altertums-Wissenschaft, B. IV. часть I. Nördlingen, 1887, p. 447 d.

4) Schröder, loc. cit., 72 и слѣд.

5) Winternitz, loc. cit., 47.

6) Вольтеръ, Матерьялы для этногр. Лат. пл., 199.

7) „Mélusine“, т. IV. Mœurs et coutumes de l'Épire par Ar. G. Contis, p. 124.

8) Харузинъ, Русскіе Лопари, p. 986.

9) Майновъ, Очеркъ юридическаго быта Морды, p. 73.

10) Словарь русскихъ суевѣрій, 14.

11) Майновъ, loc. cit., 83.

1) Вѣстникъ II. Русскаго Географическаго Общества, 1853 г., ч. IX, p. 27.

2) Витебская губернія. историко-географическій и статистическій обзоръ, вып. I, подъ редакціей Витебскаго губернатора кн. Долгорукова, Витебскъ, 1890 г., стр. 262.

3) Вѣстникъ II. Русскаго Геогр. Общ., 1857, IX ч., стр. 42.

будущую женщину, облегчить ей роды послать ей больше дѣтей¹⁾. Въ прошломъ вѣкѣ, по разсказу Лепехина, мордовскую невѣсту одѣвали въ въ красное кумачное платье, красную рубаху и красные сапоги; голову покрывали красною фатою, и при этомъ такъ, чтобы лица не было видно. Передъ нею ставили скамейку, на которой находились коровай хлѣба, ведро пива и солонка съ солью. Сидя тамъ, невѣста оплакивала своихъ родичей²⁾. Хлѣбъ, пиво и соль составляли, повидимому, жертвоприношеніе богамъ; дѣль жертвоприношенія ясна изъ предыдущаго обряда, связаннаго съ почитаніемъ рожаницы; невѣста проситъ объ облегченіи родовъ и о дарованіи ей потомства. Та же дѣль явствуетъ и изъ одного изъ послѣдующихъ обрядовъ, исполнявшагося, по разсказу того же Лепехина, уже въ домъ жениха. Когда невѣсту привозили къ нему, братъ его бралъ ее за руку, вводилъ въ избу и сажалъ за столъ. Подлѣ невѣсты садился женихъ. Отецъ жениха бралъ за одинъ конецъ длинный, аршина въ полтора, пирогъ, ставившійся передъ невѣстой, и поднималъ другимъ концомъ пирога покрывало съ ея головы, со словами: «вотъ тебѣ снѣтъ, будь счастлива къ хлѣбу, животу и размноженію семьи»³⁾.

Къ указаннымъ фактамъ употребленія покрывала прибавимъ еще нѣсколько. У калмыковъ невѣста три первые дня послѣ брака ходитъ подлѣ покрываломъ⁴⁾. У современныхъ египтянъ невѣста идетъ въ баню подлѣ багдахиномъ изъ розовой или желтой матеріи⁵⁾; багдахинъ здѣсь, быть можетъ, замѣняетъ покрывало. У абиссинцевъ невѣста идетъ къ жениху подлѣ чернымъ покрываломъ⁶⁾. У коптовъ во время обрученія, по разсказу миссионера Whately, невѣста сидитъ по срединѣ комнаты, окруженная друзьями и сосѣдями; голова ея покрыта красною шалью, сама она украшена цвѣтами, золотыми монетами и ожерельемъ⁷⁾. У нихъ же священникъ, по совершеніи церковнаго обряда, покрываетъ головы обоимъ молодымъ платкомъ и благословляетъ ихъ⁸⁾. У древнихъ вавилонянъ невѣсту веди въ домъ жениха, покрытую густымъ покрываломъ съ головы до ногъ⁹⁾. У армянъ употребляется для покрыванія головы невѣсты сѣтка или вуаль

1) Ibidem, 83.

2) Ibidem, 44.

3) Ibidem, 43.

4) *Житиецкій*, Астраханскіе калмыки, М. 1893, р. 24.

5) *Tegg*, Marriage ceremonies of all nations, р. 83.

6) Ibidem, р. 173.

7) Ibidem, р. 94.

8) Ibidem, р. 93.

9) Ibidem, р. 77.

ярко краснаго цвѣта¹⁾. Покрывало на свадьбѣ употребляется также у японцевъ²⁾, у чувашей³⁾ и пр. У болгаръ оно краснаго цвѣта⁴⁾.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что покрывало невѣсты типа *Pantheon* имѣетъ религіозное значеніе. Но чтобы опредѣлить характеръ его, дѣль употребленія, слѣдуетъ обратить вниманіе на цвѣтъ его. Мы видѣли, что у многихъ народовъ цвѣтъ покрывала—красный. Это обстоятельство заставляетъ обратить вниманіе на общее значеніе въ свадебныхъ обрядахъ краснаго цвѣта.

Въ бѣлорусскихъ обрядахъ красный цвѣтъ на свадьбахъ имѣетъ довольно широкое примѣненіе. Невѣста и ея дружки украшаютъ голову и шею красными лентами. Къ шапкамъ жениха и его дружины пришиваютъ красныя ленты, шейные платки у нихъ также красные и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляютъ ручки краснаго цвѣта⁵⁾. Въ другихъ женихъ, отправляясь къ невѣстѣ, надѣваетъ баранью шапку съ бантомъ изъ красной ленты, на шею повязываетъ платокъ, также перевитый красной лентой⁶⁾, или же женихъ имѣетъ на шапкѣ красную кокарду и красную ленту пришивающую къ шейному платку⁷⁾. Невѣста даритъ дружкамъ красныя платки⁸⁾. Невѣстину вънокъ въ Московской губерніи дѣлаютъ изъ красной матеріи⁹⁾. Повсемѣстно бытуетъ обычай пить красную водку на утро послѣ брачной ночи, если невѣста сохранила свое цѣломудріе¹⁰⁾ и т. п. Въ прежнее время женихъ отправлялся къ невѣстѣ въ красной шапкѣ, на грудь навѣшивалъ красныя платки и полотенца¹¹⁾.

Употребленіе краснаго цвѣта въ бѣлорусскихъ свадебныхъ обрядахъ сходно съ обычаями другихъ славянъ. У моравянъ красный цвѣтъ въ одеждѣ молодыхъ играетъ крупную роль. Молодой шею повязываетъ краснымъ платкомъ, молодецъ одѣваетъ красныя чулки; употребительны красныя каймы на жунахахъ и пр.¹²⁾. Даже упряжь лошадей окаймляется краснымъ сукномъ, въ гривы лошадей влетаютъ красныя ленты¹³⁾. И у чеховъ

1) Ibidem, р. 98.

2) Archivio per lo studio delle tradizioni popol. 1889, р. 513.

3) *Сорова*, Чуваши, стр. 35.

4) *Krauss*, Sitte und Brauch, р. 441, 450.

5) *Шейнс*, Mat. II, 263.

6) Ibidem, р. 81.

7) *Носовичъ*, Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., т. V, стр. 142.

8) Ibidem, р. 139.

9) *Дембовецкій*, Опытъ описанія Могилевской губ., I, 686.

10) *Шейнс*, Mat., II, р. 317. 338, 250 и др.

11) Ст. *Барцескаго*, Журн. Мин. Нар. Просв., 1846, т. LI, р. 64.

12) *Bartoš*, Moravska svatba, р. 19.

13) Ibidem, 21.

вообще красный¹⁾ цвѣтъ въ уборѣ невѣсты весьма употребителенъ, дружки же одѣваютъ пояса краснаго цвѣта²⁾. Молороссы вообще выказываютъ пристрастіе къ красному цвѣту; у нихъ извѣстенъ красный коровай, красныя ленты въ нарядѣ невѣсты³⁾.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ параллелямъ, мы прежде всего напомнимъ объ употребленіи въ индусскомъ посадѣ красной бычачьей шкуры. У древнихъ грековъ и римлянъ обычный цвѣтъ брачнаго убора невѣсты былъ желтый, шафрановый⁴⁾, который имѣетъ то же значеніе, что и цвѣтъ красный. Затѣмъ, мы встрѣчаемъ широкое употребленіе краснаго цвѣта въ германской свадьбѣ. Въ Тиролѣ невѣста украшается красными и зелеными ленточками⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи невѣста имѣетъ на головѣ красную шелковую ленту, въ другихъ красный или черный платокъ⁶⁾. Рохгольдъ даетъ очень подробный подборъ обрядовъ, связанныхъ съ употребленіемъ краснаго цвѣта. Мы приведемъ изъ его работъ нѣсколько указаній, имѣющихъ ближайшую связь съ нашей задачей. Въ германской свадьбѣ красный цвѣтъ самый употребительный. Впереди брачнаго поѣзда ѣдетъ всадникъ въ красномъ и съ краснымъ знаменемъ. У фризоровъ красный поясъ и чепчикъ были признакомъ замужней женщины; невѣста, идя въ церковь, надѣвала красныя башмаки. Во Франкфуртѣ невѣста идетъ въ церковь вся въ красномъ, на женихѣ красныя штаны. Въ Страсбургѣ дружки одѣваются въ красное⁷⁾. Обычно также украшеніе телги и лошадей брачнаго поѣзда красными лентами и т. п.⁸⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время брачнаго шествія одинъ изъ гостей несетъ красный платокъ—подарокъ невѣсты⁹⁾ и пр.

У латышей, въ прежнее время, вѣнокъ невѣсты былъ красный¹⁰⁾. У калмыковъ, когда невѣста подѣбываетъ къ кибиткѣ жениха, двое изъ молодежи берутъ занавѣску отъ полога, обычно краснаго или синяго цвѣта, и везутъ передъ невѣстой¹¹⁾. У алтайскихъ инородцевъ брачною жертвою служитъ лошадь, украшенная красными лентами¹²⁾. У эстовъ голову невѣ-

сты покрываютъ красными лентами¹⁾. У саларовъ женихъ и невѣста обвязываются красною матеріею, опоясываются краснымъ поясомъ²⁾. Венгерская невѣста надѣваетъ башмаки краснаго цвѣта³⁾. Общерапространенность употребленія красныхъ цвѣтовъ въ свадебныхъ обрядахъ имѣетъ особенно важное значеніе въ связи съ краснымъ цвѣтомъ свадебнаго покрывала невѣсты.

Мнѣнія ученыхъ относительно обрядоваго значенія покрыванія головы невѣсты различны. Исслѣдователь римской свадьбы Россбахъ высказалъ предположеніе, что римское flammem не болѣе, какъ обыкновенный платокъ краснаго цвѣта⁴⁾. Flammem, по его мнѣнію, національное покрывало римскихъ женщинъ болѣе ранняго времени. Огненный цвѣтъ его—символъ домашняго огня; само покрываніе головы невѣсты во время брачной церемоніи—не болѣе какъ обычный актъ при жертвоприношеніяхъ⁵⁾. Национальность римскаго flammem и самого обряда въ достаточной мѣрѣ опровергается фактами: покрываніе головы невѣсты и самый красный цвѣтъ покрывала далеко выходятъ за предѣлы римскаго ритуала. Предшественникъ Россбаха по изслѣдованію римской свадьбы, Беттигеръ, обращаетъ вниманіе на связь римскаго flammem съ древними изображениями Юноны, покровительницы браковъ: ее изображали подъ покрываломъ, спускавшимся съ головы до ногъ. Онъ приводитъ также и фрагментъ Виррона, который, говоря о храмѣ Юноны въ Самосѣ, описываетъ статую богини: et simulacrum in habitu nubentis figuratum et sacra ejus anniversaria ritu celebrantur. По мнѣнію Беттигера, покрывало римской невѣсты, подобно покрывалу Юноны, прикрывало все тѣло ея, ниспадая съ головы до ногъ⁶⁾. Такимъ образомъ, римское flammem имѣло не бытовое значеніе обычнаго женскаго наряда, прикрѣпленнаго потомъ къ свадебному ритуалу, а представляетъ собою самостоятельный религиозный актъ, связанный съ почитаніемъ покровительницы браковъ Юноны и съ празднествомъ брака Геры и Зевса на Самосѣ.

Изъ послѣдующихъ ученыхъ проф. Н. Э. Сумцовъ давалъ разбираемому акту мнѣологическое объясненіе, сравнивая покрываніе невѣсты съ весеннимъ облачнымъ покровомъ⁷⁾. Де-Губертисъ высказываетъ два предположенія: покрывало могло быть символомъ или брачной связи, или дѣвственности, и болѣе склоненъ къ послѣднему предположенію⁸⁾. Слѣ-

1) Bartoš, Lid a národ na Zlinisku, I, Mežirčič, 1892, p. 93—94.

2) Ibidem, p. 95.

3) Ст. Сумцова, «Этнограф. Обзор.», 1889 г., кн. III, p. 129—130.

4) С. Boettiger, Die Aldobrandinische Hochzeit, Dresden, 1810, 128—129.

5) Zingerle, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, Innsbruck, 1859, p. 487.

6) Wuttke, Der Deutsche Aberglaube der Gegenwart, Berl., 1869, p. 348.

7) Rochholz, Deutscher Glaube und Brauch, Berl., 1867, II, p. 242.

8) Ibidem, 343.

9) Ibidem, 244.

10) Вольтеръ, loc. cit., p. 211.

11) Житницкій, loc. cit., 22.

12) Вербицкий, Алтайскіе инородцы, М. 1893, стр. 43.

1) «Живая Старина», т. I, стр. 26.

2) «Этнографическое Обзорѣніе», XVI, 18.

3) Tegg, loc. cit., p. 111.

4) Untersuch. über d. Röm. Ehe, p. 280.

5) Ibidem, 284, ep. 143.

6) С. Böttiger, die Aldobrandinische Hochzeit, p. 126.

7) О свадебныхъ обрядахъ, p. 161.

8) Storia comparata degli usi nuziali, 143—144.

дуетъ еще отмѣтить два мнѣнія историко-бытового характера. Покойный проф. Потебня сравниваетъ покрываніе невісты съ скрываніемъ женщиною волосъ ея и съ постриженіемъ ихъ ¹⁾. Слѣдовательно, въ этомъ обрядѣ онъ видитъ одно изъ переживаній умычки. Въ томъ же смыслѣ высказывается и проф. Ковалевскій: по его мнѣнію этотъ обрядъ означаетъ переходъ женщины во власть мужа ²⁾. Последніа два объясненія имѣютъ за собой извѣстное число фактовъ. Но факты эти относятся къ другому моменту свадебнаго ритуала и не имѣютъ ничего общаго съ обрядомъ типа римскаго *flammeum*. Дѣло въ томъ, что въ славянскій свадебъ бываетъ еще разъ покрываніе головы невісты, сопровождаемое обычно продажей косы ея и заканчиваемое одѣваніемъ женскаго головнаго убора; этотъ обрядъ совершается всегда въ концѣ свадебнаго пира, передъ отъѣздомъ невісты къ жениху или передъ уходомъ молодыхъ на брачное ложе; иногда онъ переносится на утро послѣ брачной ночи. Этотъ обрядъ имѣетъ извѣстное число аналогій и въ обычаяхъ другихъ народовъ. Онъ также смѣшивается съ посадомъ, такъ что иногда и у белорусовъ онъ называется посадомъ, хотя и существуетъ посадь въ собственномъ смыслѣ ³⁾. Этими обычаями мы займемся впоследствии. Здѣсь же отмѣчаемъ лишь разницу, существующую въ обоихъ обрядахъ. Обрядъ одѣванія женскаго головнаго убора, предаряемый покрываніемъ намѣткою головы невісты, сопровождаемый продажей ея косы и заканчиваемый выдачею молодой жениху, — дѣйствительно носитъ всѣ признаки переживанія купли продажи невісты; онъ является какъ бы продолженіемъ и окончаніемъ расчесыванія или растрепыванія косы невісты. Къ этому же покрыванію относятся нѣкоторые число фактовъ изъ жизни народовъ, практикующихъ символическое похищеніе, именно, увозъ невісты, голова которой окутана покрываломъ.

Вопросъ другой — находится ли оба обычая въ генетической связи, или же они возникли самостоятельно. Покриваніе головы невісты во время одѣванія женскаго головнаго убора, какъ актъ бытовой, носящій въ себѣ всѣ признаки переживанія умычки, могъ появиться ранѣе и послужить прототипомъ покрывала невісты съ религиозно дѣлью, изъ бытового факта могъ превратиться въ религиозный обрядъ. Быть можетъ, одинъ лопарскій обрядъ, извѣстный подъ названіемъ „ловли утки“, носитъ рядомъ съ чертами чисто бытовыми и религиозный оттѣнокъ. „Ловли утки“ у лопарей состоятъ въ слѣдующемъ. Пріѣзжаютъ въ домъ невісты сваты съ женихомъ и дружиной и выкупаютъ „уточку“; у но „уточки“ есть „маленькія лапки“;

ее нужно поймать. Невісту, покрытую платкомъ, выдвигаютъ впередъ, женихъ ее ловитъ трижды, стараясь схватить за концы пальцевъ. Поймавъ въ третій разъ, онъ сажаетъ ее вмѣстѣ съ собою на постель и покрывается вмѣстѣ платкомъ, привезеннымъ имъ съ собою изъ дому, а не тѣмъ, которымъ была покрыта невіста. Молодые, которые считаются таковыми съ момента покрыта платкомъ и имѣютъ право вступить въ брачное сожителство, сидятъ подъ покрываломъ часа два, потомъ открываются и принимаютъ участіе въ пири ¹⁾. Въ описанномъ обрядѣ ловля невісты женихомъ носитъ всѣ признаки умычки; прикрывъ вмѣстѣ съ собою невісту, женихъ тѣмъ самымъ показываетъ фактъ похищенія оконченнымъ. Но сидѣніе молодыхъ подъ покрываломъ на постели, повидимому, напоминаетъ сидѣніе молодыхъ во время посада вообще. Быть можетъ, здѣсь бытовой фактъ уже началъ получать религиозную окраску, какъ и во многихъ другихъ фактахъ народной жизни.

Разсмотрѣнный же нами обычай покрыванія головы невісты во время посада покрываломъ, преимущественно краснаго цвѣта, имѣетъ самостоятельное значеніе въ свадебномъ обрядѣ. Значеніе его — чисто религиозное, имѣющее ближайшую связь съ сидѣніемъ на шкурѣ жертвеннаго животнаго. Мы видѣли, что въ римскомъ ритуалѣ оно стоитъ въ связи съ культомъ Юноны, въ мордовской свадьбѣ при покрываніи молятся рожанницѣ, испрашиваютъ у боговъ дарованія потомства и пр. Этимъ опредѣляется общій характеръ религиознаго значенія покрывала. Связь же его съ краснымъ цвѣтомъ, которую, по нашему мнѣнію, необходимо брать въ расчетъ, даетъ возможность точно опредѣлить, къ какому богу обращаются при покрываніи головы невісты краснымъ покрываломъ. Учеными уже не разъ отмѣчалось, что красный цвѣтъ — преимущественно свадебный ²⁾. Часто его считаютъ символомъ домашнего огня; такъ, Веберъ этимъ объясняетъ цвѣтъ бычьей кожи въ индусскомъ посадѣ ³⁾. Но красный цвѣтъ, въ обрядовомъ своемъ значеніи, находится въ тѣсной связи съ культомъ бога-производителя вообще, и съ культомъ фаллическихъ божествъ. Такъ, изъ Агуае извѣстно, что желтое платье носили жрецы Кибелы ⁴⁾. Рохгольдъ приводитъ данныя, свидѣтельствующія, что фаллическія божества различныхъ народовъ, даже американскія и африканскія, тѣсно связаны съ употребленіемъ краснаго цвѣта, какъ символа ихъ, а также съ употребленіемъ его въ богослуженіяхъ ⁵⁾. Въ верхнемъ Египтѣ приносили въ жертву Зенсу Амону барана, шкурой котораго былъ покрытъ богъ въ мѣсяцъ овна; въ этотъ мѣсяць

1) О знач. нѣкотор. обрядовъ и пов. 78, въ примѣч.

2) Первобытное право. Семья, р 59; Юридик. обычай татовъ — въ „Трудахъ“ Этнограф. Отд. Моск. Общ. Любит. Естеств., кн. VIII, р 43.

3) Напр., см. *Карский*, Народныя белорусскія свѣдѣнія, Вильно, 1888, р 49.

1) *Харузинъ*, Русскіе лопари, 286.

2) *Winternitz*, *loc. cit.*, p. 67.

3) *Indische studien*, V, 208.

4) *C. Boettiger*, *loc. cit.*, 129.

5) *Deutscher Glaube und Brauch*, p. 227—228.

египтяне дѣлали красной краской значки на всѣхъ овцахъ ¹⁾. Вообще греческіе фаллическіе культы представляютъ въ этомъ отношеніи интересныя данныя. Такъ, во время Дионисій, въ процессіяхъ употреблялись фаллосы краснаго цвѣта; въ индусскихъ процессіяхъ лингами также краснаго цвѣта, тотъ же цвѣтъ имѣютъ и изображенія римскихъ пріаповъ ²⁾. Къ тому же выводу пришелъ и извѣстный мнѣологъ Кунъ, изслѣдуя растенія, служащія символами фаллическихъ божествъ: всѣ растенія, имѣющія связь съ Сомой или съ аналогичными обрядами, отличаются либо краснымъ цвѣтомъ своихъ плодовъ или листьевъ, либо краснымъ цвѣтомъ самого дерева ³⁾. Эти факты даютъ основаніе предполагать, что красный цвѣтъ въ свадебныхъ обрядахъ вообще и покрывала въ частности—символь бота-производителя, простѣйшимъ выраженіемъ котораго служитъ фаллосъ ⁴⁾. Фаллическое божество занимаетъ видное мѣсто въ свадебныхъ обрядахъ: ему поклоняются, его призываютъ различными способами; призывать же его на свадьбы было необходимо, потому что отъ него зависитъ плодородіе женщины. На женщину стремятся всяческимъ образомъ вывести это божество: оно должно быть первымъ ея супругомъ, освятить ея лоно, развѣшить ее отъ дѣлмудрія. Это воззрѣніе лежитъ въ основѣ религіознаго гетеризма, наиболѣе примитивной религіи человечества; оно даже дало рядъ интересныхъ обрядовъ, обставляющихъ первые моменты брачнаго сожителства. Намъ кажется, что и покрываніе невесты ярко-краснымъ покрываломъ относится къ культу фаллоса, первоисточникъ котораго кроется въ религіозномъ гетеризмѣ. Цѣломудренная дѣвица покрывается покрываломъ, символомъ фаллическаго божества; она отдается въ этотъ моментъ во власть божества, и только уже послѣ этого можетъ перейти во власть мужа. Съ этой стороны намъ представляется строго послѣдовательнымъ требованіе цѣломудрія отъ невесты: посвящаемая богу дѣвушка должна быть чиста. Трѣбованіе это имѣетъ свое

¹⁾ Bastian, Der Mensch in der Geschichte, т. III, p. 130.

²⁾ Schwarz, Der (rothe) Sonnenphallos der Urzeit, Zeitschr. f. Ethnologie, 1871, В. VI, p. 170.

³⁾ Kuhn, Herabkunft des Feuers, p. 173 (2-е изданіе сына).

⁴⁾ Для поясненія концепціи народныхъ представленій о фаллосѣ съ краснымъ цвѣтомъ, приведенъ характерный стихъ изъ Каушика: „Des Mannes Körper wird garstig, geröthet durch die Ueble dort: Wenn er mit seiner Gattin Kleid den eignen Leib bedecken wollte“. Этотъ стихъ читается при поднятіи сорочки молодой. Weber, Ind. Stud., V, 188. Съ этой стороны понятны и такіе обычай, напр. въ Бразиліи: если дѣвушка уже способна къ супружеству и за нею никто не ухаживаетъ, то мать разписываетъ ей подъ глазами красной краской (*Westermarck, loc. cit.*, 177, или натираетъ охрой при наступленіи совершеннолѣтія (напр., *ibid.*, 199).—Бѣлорусскія пѣсни, относящіяся къ утру послѣ брачной ночи, поютъ о „чирвономъ подолѣ молодой, о „чирвоной казинѣ, и т. под.

выраженіе даже въ томъ, что сваты, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, исповѣдуютъ въ этомъ смыслѣ невесту ¹⁾.

Намъ остается въ заключеніе настоящей главы собрать все сказанное о посадѣ невесты. Напомнимъ при этомъ и нѣкоторыя мелкія черты обряда. Въ основѣ обряда лежитъ религіознаго церемонія моленія и посвященія невесты божеству-производителю, божеству фаллическому. Для этого невесту сажаютъ на шкуру животнаго, иногда расстилаемую въ бѣлорусскомъ посадѣ на дежъ или на лукошкѣ съ розью; сюда же относится и держаніе невесты въ рукахъ хлѣба, поклоненіе хлѣбу (Игуменскій у.), держаніе въ рукахъ братомъ пирога (Борисовскій ул.). Пирогъ и хлѣбъ могутъ разсматриваться и какъ жертва богамъ, и какъ самъ-стоятельный символъ божества-производителя. Къ этому же культу слѣдуетъ отнести и употребленіе березовой вѣтки въ Борисовскомъ у. Всѣми этими мѣтрами, сопрікосновеніемъ невесты съ символами производительности, стараются перенести на нее самое производительную силу, чтобы она внесла въ свой новый домъ потомство и богатство. Выспимъ выраженіемъ того же пожеланія служитъ актъ покрыванія головы невесты покрываломъ краснаго цвѣта. Въ свадебномъ обрядѣ упорно проводится идея о посвященіи невесты фаллическому божеству, ее окружаютъ символами этого божества. Эта идея, намъ кажется, гнѣздится въ первобытномъ религіозномъ гетеризмѣ, требующемъ отдати невесты богу, прежде чѣмъ ею овладѣетъ мужъ. Посадъ невесты намъ представляется въ бѣлорусской свадьбѣ высшимъ и наиболѣе цѣльнымъ выраженіемъ этой идеи. Кромѣ того, посадъ окруженъ атрибутами, связанными съ религіей домашняго очага. Онъ совершается у самаго очага (у бѣлоруссовъ сидѣние около стола и троекратное обхожденіе его). Въ нѣкоторыхъ версияхъ братъ становится на порогъ (Борисовскій у.), невеста и женихъ кланяются порогу (Игуменскій у.), повсемѣстно кланяются куту; въ Борисовскомъ у. братъ ставитъ чашку съ водой на полку у печи, какъ бы въ видѣ жертвы, тамъ же онъ, испрашивая благословенія у присутствующихъ, обращается и къ *бабкамъ запечнымъ, дѣткамъ запечнымъ*.

Мы будемъ имѣть случай показать, что поклоненіе столу, куту, порогу и печи относится къ культу домашняго очага. Здѣсь мы отмѣтимъ лишь представленія бѣлоруссовъ о бабкахъ запечныхъ и дѣткахъ запечныхъ. Печь и ея части заселены духами, которые благопріятствуютъ домохозяйству, если имъ угождать. На печи преимущественно пребываетъ домовою, но тамъ же обитаютъ и бабки запечныя. Теперь это выраженіе молодежь употребляетъ въ шутку, но для стариковъ оно еще имѣетъ опредѣленное значеніе. Печные духи пребываютъ въ „печуркахъ“—кубическихъ

¹⁾ Шейнъ, Мат., II, 208.

Довнаръ-Запольскій.

углублениях въ стѣнках печи, и между трубою („коминномъ“) и стѣною, и на полкахъ около или противъ печи (куда въ посадѣ ставятъ чашку съ водою). Дѣтей пугаютъ, что изъ печурки или комина выйдетъ бабна (запечная) или дѣдка (домовой). Считается нехорошимъ, если дитя выглядываетъ изъ-за комина: оно можетъ умереть. Это повѣрье стоитъ, очевидно, въ связи съ тѣмъ, что если дитя садится на мѣсто, гдѣ обитаютъ домашніе духи, души предковъ, то оно само можетъ сдѣлаться такимъ же духомъ, умереть. Между коминномъ и трубою нельзя ничего класть лишняго; тамъ лежатъ только ухваты, дрова, лучина; сюда же и на полки хозяйка кладетъ частички поминальныхъ обѣдовъ и вечеръ („дзядоу“); за комингъ бросаютъ выпавшіе зубы, туда бросаютъ заговоренныя отъ болѣзни хлѣбъ, льютъ такую же воду. Дѣтки залпечныя относятся къ области духовъ, постоянно сопутствующихъ человѣку; они помѣщаются за плечами. Тутъ помѣщаются или добрые или злые духи, дающіе человѣку то счастье и богатство, то горе и бѣдность; они относятся къ одному разряду съ *долей, горемъ, злыднями*. Бѣлорусскія сказанія полны разказами объ этихъ существахъ. Если человѣкъ прогнѣваетъ добрыхъ дѣтокъ залпечныхъ, то они могутъ уйти къ другому, а на его плечахъ поселятся злыя дѣтки, злыдни, горе. Поэтому ихъ благословенія нужно испрашивать на свадьбѣ.

Таковъ религиозный характеръ посада невесты. Но съ нимъ тѣсно связанъ бытовой пережитокъ—подрѣзываніе или прижиганіе косы невесты. Этимъ символомъ умыканія, введеннымъ въ центральный религиозный обрядъ, выражается окончательный переходъ невесты во власть мужа. Общая постановка посада невесты могла сложиться, по нашему мнѣнію, въ періодъ родового быта. Однимъ изъ блестящихъ доказательствъ такого мнѣнія можетъ служить близость бѣлорусскаго посада съ индусскимъ. Посадъ невесты представляется намъ основною религиозною частью свадебнаго ритуала. Разрывъ послѣ него въ понятіяхъ бѣлоруссовъ невозможенъ, въ индусскомъ, римскомъ и др. ритуалахъ посадомъ окончательно заключался обрядъ. Послѣ сидѣнія и confagratio римская невеста была уже женою; въ индусскомъ обрядѣ женихъ, привезши въ домъ купленную имъ дѣвушку, предъ лицомъ домашняго алтаря объявляетъ ее своей женою. За посадомъ повсемѣстно слѣдуютъ свадебный пиръ, переполненный у бѣлоруссовъ пережитками бытовыми, принявшими теперь видъ свадебныхъ шутокъ; короваинный обрядъ и постельный освящаютъ лишь сожитіе молодой пары, бракъ которой уже заключенъ фактически ¹⁾.

¹⁾ Настоящее изслѣдованіе не было закончено въ полномъ объемѣ, хотя начертанныя его главы представляютъ собою самостоятельные этюды. Изъ продолженія этой работы была напечатана нижеслѣдующая статья и нѣсколько отрывковъ въ газетѣ „Минскій Листокъ“.

Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ.*)

Въ бѣлорусской свадьбѣ существуетъ много обрядовъ, связанныхъ съ употребленіемъ хлѣба въ томъ или иномъ видѣ. Такъ, мы встрѣчаемъ обрядъ обсыпанія молодыхъ зернами хлѣба, совместную ѣду молодыхъ, бросаніе молодымъ хлѣба въ уголь избы, въ печь, на „запечекъ“ и нѣк. др. Но среди обрядовъ употребленія хлѣба коровайн, его печеніе и раздача занимаетъ центральное мѣсто. Судя по записямъ свадебнаго обряда, представляющимъ собою, повидимому, наибольшую полноту и архаизмъ, короваинный обрядъ, наравнѣ съ обрядомъ посада можетъ быть признанъ самою важною частью свадьбы.

Обрядъ коровайнъ общеизвестенъ. Намъ нѣтъ нужды описывать его въ подробностяхъ, но достаточно будетъ напомнить наиболѣе важныя черты его, особенно характерныя для выясненія значенія обряда.

Коровайнъ обычно печется два: одинъ въ домѣ жениха, другой—у невесты. Матери жениха и невесты собираютъ заранее короваинникъ, въ числѣ 5, 7 или 10, къ нимъ приглашаютъ еще одного или двухъ мужчинъ, одного непремѣнно холостого. Изъ женщинъ—часть должны быть дѣвушки; старая короваинница, распоряджающаяся обрядомъ, если возможно бываеи крестная мать молодого или молодой или старшая сваха. Очень замѣчательно, что избираются въ короваинницы женщины, отличающіяся чадородіемъ, хорошия хозяйки. Пекутъ коровайнъ либо накапуть вѣнчанія, въ субботу, а въ понедѣльникъ, когда „поднимутъ“ молодыхъ, раздадутъ, либо пекутъ въ день вѣнчанія, но раздѣляютъ во всякомъ случаѣ послѣ первой брачной ночи.

*) Напечатана въ юбилейномъ сборникѣ въ честь профессора В. О. Миллера.

Всякое дѣйствіе надъ короваемъ: расчинка его, мѣсиво, сажаніе въ печь, вниманіе изъ нея, выносъ въ клѣтъ и принесеніе оттуда, непремѣнно сопровождается испрошеніемъ благословія въ родѣ слѣдующей формулы:

Ой, дай намъ Боже,
Свое дѣло зробици,
Коровай расчиници! ¹⁾

Или „замѣсици“, въ пѣчь „посадзици“ и т. д.

Въ одномъ описаніи свадьбы (Борис. у.) мы встрѣчаемъ пѣблюю пѣсню, которой начинается печеніе коровай. Пѣсня проситъ близкихъ, сосѣдей и всѣхъ гостей благословить замѣсить коровай и, наконецъ, обращается къ Богу:

Ты заступи, Боже, зъ неба,
Якъ намъ пѣперъ треба!
Памага ѱ расчиници,
Памагай замисици
Ручками бяленькими,
Перьсьянами золоценькими,
Пѣсьянами веселенькими.
— „Ня стой, Боже, за дзвьярми,
Да иди, Боже, ѱ хату,
Да сидь на куцѣ,
Да дай долю маладзѣ.“
— „Я ѱ хату ня пайду,
Я за дзвьярми постою,
Маладзѣ долѣ перешлю.“

И дальше пѣсня приглашаетъ собраться весь „родъ“ ²⁾. Пѣсня эта, несомнѣнно, носитъ всѣ признаки молитвеннаго обращенія къ покровителю брака.

По окончаніи мѣшенія коровай, опять пѣсня благодаритъ божество:

Хвала табѣ, Боже,
Што мы дѣла зрабили,
Коровай замисици, и т. д. ³⁾

Въ самомъ дѣлѣ, присутствіе божества въ коровайнѣмъ обрядѣ очень значительно. Коровай „Самъ Богъ мѣсици, а Пречистая свѣщици, анѣлы воду носюци, у Бога доли просюци“. И далѣе, пѣсня обозначаетъ, какую долю нужно молодымъ:

Одну долю грошовую,

¹⁾ Шейнъ, Матеріалы, ч. II, стр. 170.

²⁾ Ibidem, 74.

³⁾ Ibidem.

А другую—збововую,

А трецію—дзяциною ¹⁾.

Пѣсня проситъ божество о томъ, чтобы у молодыхъ водились деньги, хлѣбъ и дѣти. Последнее очень важно. Вообще въ коровайнѣхъ пѣсняхъ, больше чѣмъ въ какой-нибудь другой части свадьбы, мы находимъ обращеніе къ божеству о дарованіи молодымъ „доли“, именно въ изобиліи хлѣба и потомства, многолѣтія брачной четы. Нужно положить коровай на жито, говорить пѣсня,—

Дай Божа, яго, спожици,

А нашемъ дзѣцямъ доўга пожици ²⁾.

Въ предыдущихъ пѣсняхъ божество призывается благословить печеніе коровай, при чемъ и испрашивается у него доля: божество призывается въ домъ, присутствующіе вѣрятъ, что оно находится въ хатѣ при исполненіи обряда, и потому обращаются къ нему съ молитвою. Въ пѣсенкѣ, приглашающей къ раздѣлу коровай, онъ называется „божимъ даромъ“. Другая пѣсня спрашиваетъ у коровай:

Короваю мой румянь!

Ци боги цѣбе малявали? ³⁾

Близость коровай къ божеству такова, что Богъ, Пречистая, ангелы принимаютъ участіе въ изготовленіи его, а

Мѣсици ѱ печь сажая,

Зоренька закладая,

Слонейно запекал ⁴⁾.

Въ приведенныхъ пѣсенкахъ видна большая близость коровай къ божеству. Но есть данныя, которыя позволяютъ утверждать, что народное представленіе переносило божественныя свойства на самую коровай. Одна пѣсенка, записанная въ Гродненской губ., призываетъ женихова отца поближе къ короваю съ „тройчатой свѣчою“ и проситъ у коровай доли смну:

Да Трохимуо ойченька,

Чаму не стоишгъ близко короваю?

Чаму не дзержишгъ тройчатой свѣчки?

—Ой я стою, ой я стою

Близко короваю,

Ой я прошу, ой я прошу

Свойму дзяцяти доли ⁵⁾.

¹⁾ Ibidem, 171. Въ короваѣ, говоритъ пинская пѣсня, „доля и шасте“. (См. мою статью: Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ, 1893, стр. 55).

²⁾ Ibidem, 289.

³⁾ Ibidem, 341.

⁴⁾ Ibidem, 378.

⁵⁾ Ibidem, 378.

Значить, отецъ долженъ просить доли у самого короваля, который обладает божественными свойствами, можетъ надѣлить молодого долею.

Пѣсни занимаются немало и наружнымъ видомъ короваля. „Родина“ свезла для короваля „семь пудъ муки“, „семь пудъ соли“, „семь пудъ масла“, „семь копъ яицъ“ ¹⁾. Вотъ какой разгѣръ короваля: въ коровай вошло изъ семи полей пшеницы, изъ семи рѣкъ водица, десяти коровъ масла и яицъ полтораства ²⁾. Или по другой пѣснѣ:

Тры бочки криничной воды,
Тры копы перепелчиныхъ яицъ,
Тры фаски дровячного масла ³⁾.

Однимъ словомъ, когда коровай поставятъ на столъ, то ножки у стола „пагнутца“,

Да людзи короваю дзвятца ⁴⁾.

Это гиперболическое представление о размѣрахъ короваля соответствуетъ той особой силѣ, которая ему приписывается.

Въ самомъ дѣлѣ, пѣсни вполне опредѣленно говорятъ о тѣхъ функцияхъ, которыя приписываются короваю, или той силѣ, которой символомъ онъ служитъ. Рассмотрѣніе этихъ пѣсенъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ коровайнѣмъ обрядѣ мы имѣемъ остатки такъ называемаго пріаписческаго культа. Одна пѣсенка обращается къ короваю съ просьбою о покровительствѣ браку ⁵⁾:

„Злучи, Божа, да мое дзѣтки!“

А другая, которую поютъ при закваскѣ короваля, дѣлаетъ и еще болѣе прозрачный намекъ:

„Нехай мой кося (конь) по росѣ поскаче,
„Нехай молода Аўдоцька по кось поплачѣ“ ⁶⁾!

Смыслъ послѣдняго замѣчанія станетъ вполне яснымъ, если мы припомнимъ, какое значеніе брачные обряды приписываютъ расплетанію или обрѣзыванію дѣвичьей косы ⁷⁾.

Но, конечно, указанное значеніе короваля еще болѣе характеризуется цѣлымъ рядомъ пѣсенъ фаллическаго содержанія, составляющихъ обязательную часть только этого обряда, наконецъ, и самую внѣшнюю формую этого обрядоваго хлѣба, которая придается ему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

¹⁾ Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 292.

²⁾ Ibidem, 371.

³⁾ Шейнъ, Матеріалы, 367.

⁴⁾ Янчукъ, По Минской губ., стр. 98, № 7.

⁵⁾ Шейнъ, Матеріалы, II, стр. 241.

⁶⁾ Ibidem, стр. 215.

⁷⁾ Довнаръ-Запольскій, „Бѣлор. свадьба“ и пр. въ „Этнограф. Обзор.“, кн. XIX.

Правда, фаллическія коровайныя пѣсенки съ трудомъ попадаютъ въ наши этнографическіе сборники; собиратели нерѣдко опускаютъ ихъ сознательно, но ихъ не легко и записать, такъ какъ бабы не скажутъ въ обычное время. Несмотря на эти не вполне благоприятныя условія, извѣстны намъ записи свадебныхъ обрядовъ сохранили немало пѣсенъ, приуроченныхъ къ короваю.

Эти пѣсенки въ грубой формѣ отмѣчаютъ дѣйствія коровайнаго хлѣба на плодovitость женщины: одно прикосновеніе къ короваю, качаніе его, вылѣпка для него украшеній изъ тѣста и т. п. уже дѣйствуетъ на работницу:

- 1) А коли я коровай качала,
Тогда я животомъ кричала ¹⁾!
- 2) А богатые качали,
А пузатые сажали ²⁾.

Такъ говорятъ пѣсни. ³⁾

Пѣсни идутъ иногда дальше въ олицетвореніи короваля:

Коровай рогоче,
Да до печи хоче,
А печь рогоче,—
Коровай хоче ⁴⁾.

Эти грубыя пѣсенки не случайно попали въ коровайнѣмъ обрядѣ. Онѣ только отражаютъ въ себѣ вѣру въ ту оплодотворяющую силу, символомъ которой является коровайнѣмъ хлѣбъ въ обрядѣ. Этимъ, вѣроятно, объясняется убѣжденіе, существующее у великороссовъ, съ томъ, что если молодая отвѣдаетъ до ночи короваля, то молодой не будетъ любить ея ⁵⁾: со вкушеніемъ короваля невѣста какъ бы теритъ дѣвичество.

¹⁾ Ibidem, 257.

²⁾ Ibidem, 341.

³⁾ Приведемъ еще нѣкоторыя изъ нихъ:

- а) Якъ мы шыпачки качали,
Тогда мы животомъ кричали;
Якъ мы шыпачки ляпили,
Тогда мы животомъ кропили. (Ibidem, 307).

- б) Старшая коровайница!
Ни стой коля печи:
Аба ты хвартуэхъ спалишь,
Аба курку осмалишь! (Ibid., 259).
- в) Въ огородѣ макъ паламаўся,
До дзвончъ Езепъ прикасаўся;
Собралися дзѣўки паганки,
Привязали Езепу да лаўки, и т. д. (Ibidem, 215).

⁴⁾ Ibidem, стр. 227.

⁵⁾ Терещенко, Бытъ русск. нар., II, 133

Только что описанное свойство коровай выражается въ пѣсняхъ и еще особымъ образомъ.

Коровайное тѣсто растегъ особенно: чтобы вынуть его изъ печи, необходимо взять „вострый мечъ“, „порубаць камянную печь“¹⁾, потому что онъ такъ выросъ въ печи, что уже не проходитъ въ ея отверстіе. Пѣсенка приглашаетъ коровай:

Подыходзь, подыходзь, нашъ коровай,
Да вышей печи муравой,
Да вышей стоуна золотого,
Да вышей князя молодого²⁾.

Или другая такъ описываетъ коровай въ дежѣ:

Коровай ъ дзязи играецъ,
До бѣка поднимаецъ,
Коровайницъ ожидаецъ³⁾.

Во всѣхъ этихъ пѣсенкахъ коровай является символомъ оплодотворяющей силы. Ее надо передать невестѣ.

Последнимъ объясняется любопытная особенность посада, существующая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи; невесту во время расплетанія косы сажаютъ на дежу, въ которой расчинець коровай⁴⁾ и въ которой его тѣсто, по пѣснямъ, такъ чудодѣйственно подходитъ. Существуетъ и примѣта: коровайницы слѣдятъ, хорошо ли подходитъ тѣсто, и изъ этого заключаютъ о плодородіи молодой четы.

Сама внѣшняя форма коровай подтверждаетъ выводы, только что сдѣланные нами изъ пѣсенъ. Отдѣлка коровай, лѣпка изъ его тѣста различныхъ украшеній занимаетъ довольно много времени, сопровождается весьма нескромными намеками, замѣчаниями, критикой молодыхъ и пр. Сдѣлавъ основу коровай—большую круглую булку, приступаютъ къ украшенію ея: тутъ лѣпятъ изъ того же тѣста домашнихъ животныхъ, птицъ, растенія—рѣпу, морковь⁵⁾. Лѣпятъ и отдѣльные части животныхъ. Всѣми этими произведеніями свадебной скульптуры украшаютъ коровай. Правда, въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Минской губ., гдѣ мнѣ приходилось наблюдать обряды, нескромныхъ фигуръ уже не запекаютъ, но передѣлываютъ ихъ. Во многихъ же мѣстностяхъ на жениховскомъ короваѣ изображаютъ, напримѣръ, въ Минской губ., селезня, на невестиномъ — уточку;

¹⁾ Ячукъ, По Минской губ., 49, № 10.

²⁾ Шейнъ, Матеріалы, II, 221.

³⁾ Ibidem, 752.

⁴⁾ Ibidem, 222; ср. Довнаръ-Запольскій, Бѣлорусск. Полѣсье, I, стр. 132.

⁵⁾ Ср. описаніе „Бѣлорусская свадьба“, этнографическій этюдъ. М. Довнаръ-Запольскаго, Кіевъ. 1888 годъ, стр. 21.

вокругъ птицъ кладутъ яйца изъ тѣста¹⁾. Кое-гдѣ вставляють въ коровай зеленыя вѣтки (Гродненская губ.)²⁾. Впрочемъ, грубая изображенія на короваѣ еще въ ходу; такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ чрезвычайно интересное изображеніе его въ одномъ описаніи изъ Гродненской губ.³⁾. Эти описанія только подтверждаютъ сказанное нами о связи коровайнаго обряда съ праірическимъ культомъ.

Обряды во время печенія и раздѣленія коровай вполне гармонируютъ съ его общимъ значеніемъ. Наблюдатели всегда поражаетъ экзальтированное состояніе участвующихъ въ коровайнѣ обрядѣ. И этотъ экстазъ не случайное явленіе: въ народныхъ обрядахъ экстазъ является столь же традиционнымъ, какъ и народный обычай. Музыкой и пѣніемъ сопровождаются различныя частности обряда.

Такъ, въ Минскомъ у. парни выносятъ изъ кѣтки коровай на вѣкъ отъ квашни съ музыкой; внесши въ избу, они кружатся нѣкоторое время и только тогда ставятъ на столъ. Въ Гродненской губ. дѣвушки пляшутъ вокругъ коровай послѣ того, какъ его замѣсятъ⁴⁾. Здѣсь же, когда вынуть коровай изъ печи, „маршалокъ“ кружится съ нимъ по избѣ, приговаривая: „раю короваю, раю, раю, я съ тобою пограю“⁵⁾. Въ Минской губ., предъ раздѣленіемъ, коровай трижды обносятъ вокругъ стола⁶⁾. Этотъ традиціонный экстазъ, конечно, имѣетъ въ коровайнѣ обрядѣ такое же значеніе, какъ и въ праірическихъ культурахъ вообще⁷⁾, а съ послѣдними нашъ обрядъ имѣетъ общую основу.

Наши замѣчанія о коровайнѣ обрядѣ и пѣсняхъ были бы не полны, если бы не были разсмотрѣны еще два мотива коровайныхъ пѣсенъ, въ которыхъ коровай (т.-е. изображенія на немъ) сопоставляется съ женихомъ и невестой, а также съ солнцемъ и мѣсяцемъ.

„Шпачка“ на короваѣ—невеста.

¹⁾ Шейнъ, II, стр. 171.

²⁾ Ibidem, 379.

³⁾ Коровай бываетъ вѣсомъ въ 50 и болѣе фунтовъ. На немъ запекають такую картину: стоитъ невеста по колѣна въ короваѣ и правой рукой держитъ подпоясое къверху платье и рубашку. Женихъ стоитъ такимъ же родомъ насперевѣтъ невесты и держитъ въ правой рукѣ рѣпу. Кругомъ изображенія животныхъ: борось верхомъ на свинѣ, пѣтухъ—на курицѣ, и т. д. Кругомъ этихъ фигуръ солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Вынувъ коровай изъ печи, въ него втыкають вилы деревянные, въ аршинъ величиной, и покрываютъ его простыней (ibid., 379). Кроме того, здѣсь же пекутъ вѣстѣ съ короваемъ отдѣльные пироги цилиндрической формы. (Дашанская вол.).

⁴⁾ Ibidem, 378.

⁵⁾ Ibidem, 361.

⁶⁾ Ibidem, 222.

⁷⁾ См., напр., книгу Foucart, Des associations religieuses.

„Куда коровой унести?“—спрашивает пѣсня и отвѣчает:

Понесѣи коровой до клѣщи,
А покласѣи на матчиной скрынѣ:
А нехай матчино сирдечко радуютца.
Што на коровай пышачка сидиць, якъ лебядзь.
А пышачка моя бласенька—
Дочка моя милушенька! ¹⁾

Эта пѣсня поется при невѣстномъ короваѣ. Другая, которая поется у жениха, совбтуетъ короваю взять „широжокъ“ и добинаться въ клѣть. Тамъ, въ клѣти, на полатяхъ, лежить „сырокъ бѣленькій—зять цеци мяленькій“ ²⁾. Тутъ коровой-женихъ идетъ въ клѣть, гдѣ устроено брачное ложе. Въ другой пѣснѣ выражается пожеланіе, чтобы коровой былъ „ясанъ“, а женихъ—„красянъ“.

А ясанъ коровой, ясенекъ,
А красянъ Сименка, красянекъ ³⁾!

Во основѣ этихъ сопоставленій лежитъ мысль о перенесеніи свойствъ коровай на новобрачную пару: у коровай просятъ объ изобиліи для новобрачныхъ въ богатствѣ, умноженіи семьи; отсюда и сопоставленіе молодыхъ съ короваемъ.

Относительно сопоставленія коровай съ солнцемъ уже выше приведено было указаніе на то, что среди его украшеній встрѣчаемъ солнце, луну, звѣзды ⁴⁾; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изображеніе полумѣсяца обязательно ⁵⁾. То же сопоставленіе проходитъ и въ пѣсняхъ. Коровай окружень звѣздами и мѣсяцемъ:

Биты коровой густо,
Подъ бѣлюхно хусто,—
Мѣсяцемъ окружоны,
Зорами осадзоны ⁶⁾.

По пѣснѣ, коровай—

Мѣсяць ў печь саяла,
Зоренька заклада,
Слонейко залекала ⁷⁾!

Такимъ образомъ высказанныя въ предыдущемъ изложеніи замѣчанія способны, какъ кажется, привести насъ къ заключенію, что въ бѣлорус-

1) *Шейнъ*, Материалы, 259.

2) *Ibidem*.

3) *Ibidem*, 288.

4) *Ibidem*, 361, 226.

5) *Ibidem*, 307, 77 и др.

6) *Ibidem*, 368.

7) *Ibidem*, 378.

скомъ коровайномъ обрядѣ и пѣсняхъ мы имѣемъ остатки пріащического культа. Въ этомъ не оставляютъ сомнѣній какъ пѣсенки, такъ и формы коровайнаго хлѣба. Обрядъ и пѣсни ясно высказываютъ свою основную цѣль—испросить для молодой пары благословенія той высшей силы, которая содѣлываетъ плодородію людей, скота, хлѣббѣвъ—тѣхъ „долей“, которая такъ нужна пахарю. Коровай то является въ пѣсняхъ символомъ этой силы, то самъ ея носителемъ, конкретнымъ образомъ ея. Вариацией на ту же тему является сопоставленіе коровай съ женихомъ и невѣстою и невѣстными свѣтлами.

При этомъ интересно замѣтить, что бѣлорусская свадьба вообще представляетъ въ себѣ не мало слѣдовъ названнаго культа ¹⁾; и его можно бы подмѣтить не только въ свадебномъ обрядѣ, но и въ другихъ, особенно въ живинныхъ ²⁾.

Однако, слѣды даннаго культа не представляются, случайнымъ явленіемъ въ бѣлорусскомъ свадебномъ ритуалѣ. Достаточно было бы гривести на память обряды древнихъ индусовъ, чтобы убѣдиться въ широкомъ распространеніи его. Но для нашей цѣли гораздо важнѣе то обстоятельство, что и обычай печь свадебный пирогъ имѣетъ самое широкое распространеніе. Для насъ достаточно будетъ для подтвержденія сказаннаго привести нѣсколько параллелей изъ обычаевъ другихъ народовъ.

Свадебный пирогъ составлялъ непрѣмьную принадлежность свадьбы въ Московской Руси, гдѣ онъ даже вносился въ церковь во время вѣнчанія ³⁾, хотя въ настоящее время онъ мало извѣстенъ въ великорусской матеріалъ ⁴⁾. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своихъ работахъ собралъ богатый матеріалъ по употребленію хлѣба-коровай и различныхъ славянскихъ народностей ⁵⁾, такъ что можно безошибочно утверждать, что коровайный обрядъ, съ тѣми или иными отступленіями, извѣстенъ свадебному обряду всѣхъ славянъ.

Но мы позволимъ себѣ привести нѣсколько сопоставленій изъ обрядовъ не-славянскихъ народностей. Напомнимъ, что уже *Плакшъ*; древнихъ

1) Ср. сказанное въ моей статьѣ „Бѣлорусск. свадьба въ культурно-рел. перспективѣ“.

2) Ср. напечатанныя мною живинныя пѣсни въ стат. „Замѣтки по бѣлорусской этнографіи“, „Живая Старина“, 1894 г. вып. I.

3) *Терещенко*, Бытъ русск. нар. II, 51.

4) Русск. Филологич. Вѣстникъ“, 1880 г., I, стр. 84 (ст. *Яцуржинскаго*).

5) О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ (Харьковъ), стр. 135 сл.; Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ стр. 63 сл.; ср. *Kolberg*, *Mazowsze*, стр. 220; *Krauss*, *Sitte und Brauch der Südslaven*, p. 432—438; для разъясненія этимологіи коровай могутъ служить: *Pictet*, *Les origines indo-européennes*, II, 402 и *Потебни*, „О значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“, стр. 51.

греков может представлять собою некоторую аналогию к короваю ¹⁾. Но наиболее близкия черты обрядов мы встрѣчаем въ Калабріи. Здѣсь пироги особой формы составляетъ непремѣнную принадлежность свадьбы. Въ Cozenza при выдачѣ приданого даютъ одинъ или два пирога особой формы, которые называются *muscicelati*, *collari*, *tortani*. Въ другихъ мѣстностяхъ женихъ даритъ невѣстѣ два пирога, *fossare* и *berlingozzi*; первый изъ нихъ имѣетъ обыкновенную форму, второй—большой и продолговатый, Калабріицы же албанцы на огромномъ пирогахъ дѣлаютъ изображенія солдатиковъ, птицъ и различныхъ животныхъ; послѣ свадебнаго пира женихъ и невѣста обязаны съѣсть по куску его ²⁾. Въ Сициліи въ половинѣ прошлаго вѣка молодой, уже послѣ вѣнчанія, являлся къ невѣстѣ съ большимъ хлѣбомъ, сдѣланнымъ въ видѣ короны; этотъ хлѣбъ назывался *bucceleto* ³⁾. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, въ Беарнѣ, молодые дѣлятъ сладкіе пироги особой формы ⁴⁾; такихъ пировъ обычно бываетъ два ⁵⁾. Въ Бельгіи, если дѣвушка выходитъ замужъ въ другое село, молодежь ея села подноситъ ей пирогъ (*le paté*), длиною въ аршинъ, и букетъ цвѣтотъ ⁶⁾. Въ Германіи и Англии обычай свадебныхъ пировъ очень распространенъ; въ Англии онъ называется *bridecakes*. Объ употребленіи этихъ пировъ свидѣлствуютъ еще средневѣковые источники ⁷⁾. Этихъ бѣлыхъ узаній, число которыхъ можно было бы значительно увеличить ⁸⁾, кажется, достаточно прежде всего для вывода въ томъ смыслѣ, что короваинный обрядъ бѣлорусской (и вообще славянской) свадьбы не стоитъ одиноко и находится себѣ широкую аналогию у другихъ народовъ. Этого общаго вывода намъ представляется достаточнымъ. Входить въ изслѣдованіе вопроса о томъ, насколько употребленіе свадебнаго пирога у другихъ народовъ соот-

вѣтствуетъ тому его характеру, который получился въ бѣлорусской свадьбѣ, было бы, въ предѣлахъ нашего очерка, неумѣстнымъ, но, можетъ быть, было бы познательно высказать по этому поводу два-три замѣчанія.

Несомнѣнно, первоначальное значеніе свадебнаго пирога въ ритуалѣ нашихъ народовъ представляется теперь не вполне яснымъ; иногда этотъ обрядъ почти смѣшивается съ другимъ—съ совмѣстнымъ вкушеніемъ пиши женихомъ и невѣстой. Очевидно, тутъ могла произойти обычная въ исторіи обрядовъ дифференціація. Кромѣ того, этотъ грубый обрядъ не можетъ долго оставаться въ своей первобытной наготѣ.

При этомъ, если принять во вниманіе, какую роль играли, особенно въ древности, обряды, связанные съ хлѣбомъ, въ приписанныхъ культахъ ¹⁾, то аналогическое значеніе пирога въ свадьбѣ не могло бы быть несказаннымъ. Въдъ свадебный обрядъ очень занятъ плодородіемъ новобрачныхъ, почему иногда допускаетъ такіа ритуальныя особенности, которыя не позволяютъ ошибаться въ ихъ основномъ значеніи ²⁾.

Чѣмъ некультурнѣе народъ, тѣмъ рельефнѣе выражаетъ онъ въ своихъ обрядахъ заботу о судьбѣ новобрачныхъ.

Въ примѣръ въ данномъ случаѣ можно было бы привести свадебные обряды мордвы, гдѣ употребленіе свадебнаго хлѣба весьма близко къ нашему истолкованію его, какое ему можно дать въ бѣлорусской свадьбѣ ³⁾.

¹⁾ См., напримѣръ, въ книгѣ *Hodder M. Westropp's Primitive symbolism as illustrated in Phallic worship or the reproductive principle*. London, 1885.

²⁾ Ср., напримѣръ, обрядъ у литовцевъ, записанный въ началѣ нынѣшняго вѣка, *Ch. Laumier, Cérémonies nuptiales anciens et modernes*, Paris, 1830, p. 123.

³⁾ Вотъ некоторые изъ такихъ обрядовъ:

Передъ свадьбой невѣстѣ даютъ отвѣдать кашу. Съѣвъ ее, она кричитъ и причитаетъ: „Допнутъ бы мнѣ какъ яйцу, разорваться бы мнѣ, какъ тройной веревкѣ, отъ этой каши! Поѣла я чужое счастье!“ (*Майновъ*, Очерки юридическаго быта мордвы, стр. 91). Не менѣе интересенъ и другой обрядъ. Отецъ жениха, поднося надъ головою корзину съ хлѣбомъ со вставленною въ него солоницею и личицей, обращается къ божеству Шкаи съ молитвою за молодыхъ и между прочимъ говоритъ: „Мы даемъ тебѣ хлѣбъ, ты дай ему (жениху) хлѣбъ; Мы даемъ тебѣ куриное сѣмя, ты дай ему человеческое сѣмя!“ и пр. (*ibidem*, p. 111). Въ этомъ наивно-первобытномъ обращеніи къ божеству какъ нельзя лучше отражается цѣль принесенія въ жертву хлѣба на свадьбѣ и его значеніе.

Но у мордвы же употребляется и хлѣбъ, соотвѣствующій нашему короваю. По разсказу Лепехина, совершался слѣдующій интересный обрядъ. Когда невѣсту приводили къ жениху, то брать жениха бралъ ее за руку, вводилъ въ избу и сажалъ за столъ. Очевидно, невѣста такимъ образомъ вводилась въ новую семью, приобщалась къ домашнему очагу мужа. Женихъ садился подлѣ нея. Предъ ними ставился огромный длинный, аршина въ полтора, пирогъ. Отецъ жениха бралъ за одинъ конецъ этого пирога и другимъ концомъ поднималъ съ головы невѣсты покрывало со словами: „Вотъ тебѣ свѣтъ, будь счастлива къ хлѣбу, животу и размноженію дѣтей“ (*ibidem*, 113).

¹⁾ Die Griechischen Privataltertümer, von S. Muller (Handb. d. klass. Alt.-Wiss. IV, r. 1, p. 447).

²⁾ *Dorsa*, La tradizione greco-latina negli usi etc., p. 37.

³⁾ *Pitré*, Archivio per lo studio delle tradiz. popolari, XV, Usi, II, p. 68. Для поясненія южно-итальянскихъ обрядовъ необходимо помнить о сильномъ развитіи здѣсь культа приапа не только въ древности, но еще и въ XVIII в.; см. интересную и очень рѣдкую брошюру „The worship of Priapus. An account of the fête of St. Cosmo and Damiano celebrated of Isernia in 1780.. To which is added some account of the phallic worship... by Richard Payne Knight“, London, 1883.

⁴⁾ *Edelstand-du-Ménil*, Etudes sur quelques points d'Archéologie, 1862, p. 59, прим. 6.

⁵⁾ Une nocé en Béarn, par D. Bourchemin, Revue des tradit. popul. 1890, № 4, p. 275.

⁶⁾ Revue des tradit. popul. 1890, № 3, p. 181—2.

⁷⁾ *Edelstand-du-Ménil*, o. c., p. 59.

⁸⁾ См., напримѣръ, еще *William Tegg*, Marriage ceremonies of all nations. London, 1872.

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ коровянаго обряда, кажется, можно высказать увѣренность въ связи этого обряда съ прилическимъ культомъ; значеніе его такимъ образомъ связано съ испрошеніемъ молодымъ всякихъ благъ, главнымъ образомъ потомства. Быть-можетъ, такое значеніе свадебнаго пирога не стоитъ одиноко въ бѣлорусской свадьбѣ, но находится въ связи съ обрядами другихъ народовъ, хотя для послѣдняго вывода еще требовалось бы особое изслѣдованіе вопроса.

Женская доля въ пѣняхъ Пинчуковъ*).

Пинскій уѣздъ Минской губерніи, занимающій верховья Припяти, съ массою рѣчекъ, озеръ и болотъ, изрѣзывающихъ его во всеѣхъ направленихъ, является едва ли не однимъ изъ самыхъ глухихъ и неизвѣданныхъ уголковъ нашего обширнаго отечества. Это центръ Подлесья, самая интересная, самая характерная его часть, природа, которая до сихъ поръ дика и сохраняетъ свою первобытную прелесть. Здѣсь живетъ таинственный, угрюмый подлѣшукъ, про котораго всеѣмъ извѣстенъ давнишній расказъ, будто на вопросъ, что онъ за человекъ, онъ отвѣчалъ: „я не человекъ, я—пинчукъ“. Въ обществѣ упорно держится странное, фантастическое предствленіе объ этой части Подлесья, его природѣ и обитателяхъ, и именно потому, что до сихъ поръ еще и въ наукѣ этотъ край остается темнымъ мѣстомъ¹⁾.

* Напечатанное въ „Этнограф. Обзорнѣи“.

1) Работъ по этнографіи Пинскаго Подлесья очень немного: 1) *Zienkiewicz, Piesni gminne ludu Pniskiego Kowno. 1854.*—2) Материалы по географіи и статистикѣ Россійской Имперіи. Гродненская губ., сост. полк. *Бобровскимъ* СПб. (замѣтки на стр. 622—652 въ I части).—3) въ VII т. „Трудовъ экспедиціи въ Западно-Русскій край“ статья *Михальчука* о пинскомъ нарѣччіи.—4) *Каринский*, „Говоръ пинчуковъ“ (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1888, 1).—5) *Piesni obrzedowe ludu ruskiego z okolic Pniska, zebral P. Bykowski*, во II т. „Zbiogu wiadomosci do antropol. krajowej. Krakow.—6) Свящ. *Булгаковскій*. „Пинчуки. Этнограф. сборникъ“ СПб. 1890 г.—7) Памятная книжка по Витебской губ. 1868 г., статья: „Свадебные обряды и пѣни крест. Пинск. уѣзда“.—8) Нави, „Замѣтки изъ путешествія по Бѣлорусіи“ въ „Вилensk. Вѣстн.“ 1890 и 1891 г.г. №№ 202, 206, 210, 211, 217, 219, 220, 225, 232, 264, 265; 9, 18, 22, 23, 25, 27, 28. Къ этому можно бы прибавить нѣкоторыя мелкія замѣтки въ мѣстныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, см. мою книгу „Пѣни Пинчуковъ“.

Болѣе подробную библиографію Подлесья вообще можно найти въ книгѣ: „Подлесье—Виблюграфіческіе матеріалы по географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Подлесья (сѣв.-зап. и юго-зап. край вообще и губ. Минская, Гродненская, Волинская, Кіевская и Могилевская въ частности)“, СПб. 1883. 8° стр. VII+X+274+1 нон. Книга оставлена Э. *Ленинкой* при содѣйствіи *В. П. Мезжова*, но къ сожалѣнію уже вышла изъ продажи.

Этот-то край пришлось мнѣ посѣтить лѣтомъ прошлаго года¹⁾ по порученію Этнографическаго Отдѣла Имп. Московскаго Общества Любителей Естественнаго, Антропологіи и Этнографіи. Результатомъ поѣздки явились между прочимъ собраніе пѣсень, среди которыхъ лирическія занимаютъ весьма солидное мѣсто²⁾. Мотивы ихъ весьма разнообразны; но самый теплый, задушевный мотивъ—это женская доля, съ ея горечью и радостями. Эту сторону поэзіи пинчуковъ мы и избрали предметомъ нашей статьи. При этомъ считаемъ не лишнимъ предупредить, что мы пользуемся исключительно записанными нами пѣснями. Мы не считали нужнымъ также указывать варианты приводимыхъ нами пѣсень, хотя онѣ и сходятся съ бѣлорусскими и малорусскими, такъ какъ это будетъ сдѣлано при изданіи самыхъ пѣсень³⁾.

Дѣвушка въ очень раннемъ возрастѣ вступаетъ въ общественную жизнь, т. е. въ тотъ счастливый періодъ своей жизни, когда на нее начинаютъ смотрѣть, какъ на взрослую, на невѣсту: на нее засматриваются парни, ухаживаютъ за нею; она, въ свою очередь, останавливаетъ свое вниманіе то на томъ, то на другомъ, пока, наконецъ, не изберетъ себѣ „дружка пудъ мысли“. Это время для дѣвушки наступаетъ лѣтъ съ пятнадцати, когда она начинаетъ съ парнями принимать участіе въ „вечоркахъ“ (вечернихъ собраніяхъ молодыхъ людей обоего пола), въ играхъ, пѣсняхъ и танцахъ. Но и до этого времени еще дѣвочкою 12—14 лѣтъ, она присматривалась къ отношеніямъ парней и дѣвицъ, подслушивала ихъ пѣсни и сама пѣла, гдѣ-нибудь вдали отъ взрослыхъ, про милого казака черноброваго, про горькую долю невѣстки въ большой семьѣ. Теперь, въ 16 лѣтъ, начинается только болѣе сознательная жизнь. Въ праздники дѣвушка кокетливо украшаетъ голову разноцвѣтными „квитками“ (цвѣтами), „китайками“ (ленточками), вышиваетъ тщательно передній борть и рукава сорочки и проч. Время, въ которое на свободѣ развивается „дѣвочья краса ўсему роду прикраса“, непродолжительно; дѣвушка понимаетъ это и спѣшитъ насладиться природою и молодою жизнью. Она понимаетъ, что пройдетъ годъ—два, и придутъ сваты, быть можетъ, отъ милого, изъ другого села, и ее отдадутъ родители, оторвутъ отъ милого парня, отдадутъ на „чужую чужину, ў вальку сѣмью, ў тяжку нволю“. Между тѣмъ красота дѣвушки только начинаетъ развиваться въ это время во всей своей силѣ. Пинчучка, стройная, средняго роста, съ длиною русою косою, рѣдко черною, съ большими карими или сѣрыми глазами и темными бровями, при бѣжномъ бѣломъ цвѣтѣ лица—очень красива. При этомъ пинчучки вовсе не

угрумы: насколько важны и степенны представители обоего пола ихъ въ зрѣломъ возрастѣ, настолько-же весело и игриво молодое поколѣніе. Праздничные дни и предпраздничные вечера молодежь проводитъ шумно и весело, среди пѣсень, игры на трубахъ, въ танцахъ, въ прогулкахъ большими компаніями въ лѣсъ по грибы и ягоды и проч. Они шумно справляютъ всѣ свои обряды: на Троицу, въ день Ивана Купала, въ колядки, на Пасху—раздаются веселыя пѣсни соответствующаго случая содержанія. Зимомъ, на „вечоркахъ“, поютъ пѣсни зимнія, филиповскія и великопостныя.

Въ пѣсняхъ это время дѣвичьей жизни отражается весьма рельефно; „мылый“ въ нихъ играетъ, конечно, первенствующую роль.

Уже сонце низенько, уже вечеръ близенько,

Прыбувай до мене, козаче, срдѣйко;

Прыбувай до мене, до моеи хаты,

То я тѣбѣ ўнусту, щобъ не чула маты,

поетъ дѣвушка съ замираніемъ сердца. Она ждетъ своего милого, не можетъ дожидаться, но наконецъ онъ приходитъ и вызываетъ ее игрою:

Ой, ў саду вишня съ-пидь корѣня вишла,

Ой, козакъ грае, штобъ дѣўчина вишла.

Ой, дѣўчина зышла, праву руку дала:

—Здороў, здороў, козаченько, доўго тѣбѣ ждала.

Всѣ мысли ея заняты милымъ; она дни него „головушку чеше и кѣсу (косу) плетѣ“. „Ой люблю я молодойчика—нѣ наляжуся; нѣ такъ люблю, якъ зъ имъ гуляю“,—поетъ она.

Разумѣется, поглощенная любовью, она старается побороть всѣ встрѣчающіяся на пути препятствія. Когда она слышитъ отъ милого, что онъ не можетъ прибыть къ ней „за лихими ворогами“, она поетъ:

Я вороги поточу подъ ноги, круту гору перескочу,—

Оддай мене, маты, за кого я сама схочу!

Въ пѣсняхъ сестра парня является часто лицомъ, препятствующимъ сближенію его съ дѣвушкой. Мотивъ, по которому она удерживаетъ брата отъ поѣздки „до тое дѣўки, цю вѣрню кохашь“, почему она и прячетъ сѣдло его,—пѣсня объясняетъ такимъ образомъ:

Бо тая дѣўка не умѣе жаты,

Ни вышывати, тилько косу чесати:

—Ой, росты-жѣ, кѣса, ниже пояса,

То я буду чесати.

Рекрутчина—также важное препятствіе, разрывающее любовныя отношенія. Оплакивая своего милого, взятаго въ солдаты, дѣвушка:

Плакала, рыдала, слѣзы утнрала

Своей русою косою, правою рукою.

¹⁾ Имѣется въ виду 1890 г.

²⁾ Налечтаны въ книгѣ „Пѣсни Пинчуковъ“.

³⁾ См. примѣчанія къ названной книгѣ, гдѣ указаны варианты.

Замѣчательно, что пѣсни какъ будто вовсе не знаютъ о матери, которая являлась бы препятствіемъ къ сближенію молодыхъ людей. Въ юности собраніи есть только одна, не безвѣстная впрочемъ, пѣсня, передающая разговоръ матери съ сыномъ по поводу его ночныхъ походовъ. Пѣсня эта замѣчательна по прекрасному мягкому мотиву и по содержанию. Я приведу ее цѣликомъ:

—Дѣ ты, хмелю, зыму зымоваў, що нэ распускаўса?

Дѣ ты, сыну, ночь ночоваў, що нэ разуваўса?

—Зымоваў я, зымоваў, ў лузи на тычынн,

Ночоваў я, ночоваў у слаўное дѣўчыны.

—Нахораше, сынку, робышь, што по ноче ходышь:

Скаржилса ¹⁾ молодци, що ты шкочу ²⁾ робышь.

—Охъ, робыў я, моя матко, и буду робыты:

Було мэнэ, моя матко, ў семъ лѣты оженыты.

—Ой, я-жъ тобѣ, мой сыночку, дай нэ бороньла ³⁾:

Було тобѣ оженытыся, скоро я родыла.

Но и помимо постороннихъ препятствій и внимательствъ не всегда первая дѣйственная любовь кончается такъ, какъ того хотѣлось бы молодой парочкѣ. Съ грустью начинаетъ задумываться дѣвушка, начинаетъ замѣчать, что „не по правды козакъ живъ ись своею дѣвичною“. Она предчувствуетъ, что милый можетъ ее покинуть.

Ой, кабъ же я знала, що вынъ нэ покыне,

Тобъ я его крыльця дай озолотыла.

Дѣвушка, уже предвидя разладъ съ милымъ, дѣлается грустной и старается всячески предотвратить разрывъ. Поддѣлываетъ молодецъ къ воротамъ своей „коханки“,—стоитъ дѣвица „у золоты“, подходитъ къ дверямъ,—стоитъ „на пашэры ⁴⁾“. Она взяла его коня за уздечку, повела на „стайнечку“, козака—„за рученьку да ў свѣтлыченьку“. Кормить она коня овсомъ сѣномъ, а козака угощаетъ медомъ-виномъ, старался угодить ему. Но все-таки она „задумала, чорны очи зарумала“ ⁵⁾. Козакъ спрашиваетъ ее о причинѣ грусти.

—Ой, жаль-же мнѣ по любви,

Що нэ живемъ по ширсты,—отвѣчаетъ она.

Въ другой пѣсенѣ дѣвушка выражаетъ свое горе и сомнѣніе въ слѣдующемъ поэтическомъ сравненіи:

1) Жаловалась.

2) Убытокъ.

3) Запрещала.

4) Т. е. поблѣднѣла, поблѣла какъ бумага?

5) Заплакала.

Тыхо, тыхо Дунай воду пѣсе,

Еще й тыше дѣўка косу хмѣе.

Що й вычеше, то й на Дунай пѣсе:

—Плыви, коса, пидъ залыные луги,

Задай тугу зеленому лугу,

Задай жалю зеленому гаю.

Нерѣдко остается одно лишь грустное воспоминаніе о первой молодой любви:

Любылса, насъ матка нэ знала;

Розыплыса, якъ темная хмѣе.

Но помимо грустнаго воспоминанія о пріятно проведенномъ времени, часто дѣвушкѣ ждетъ еще большее горе,—пѣсня на всю послѣдующую жизнь. Въ саду соловей „шебече“, говоритъ пѣсня, въ саду протекаетъ рѣчка; дѣвица „хорошаго стану, бѣлзнького лица“ пришла въ садъ, „якъ чирвона рожа“, а изъ саду шла, „якъ бѣла бероза“,—

У садъ ишла бѣлзнькими ниженьками,

А зъ саду вышла дрыбнѣнькими слѣзюньками.

Молодость, неопытность жизни, дѣйствіе окружающей поэтической обстановки сгубили ее:

Вона думала, що групки—минюшки,

Ажно ростуть до утра фартушки;

Вона думала, што соколыкъ летае,

Ажно ў боку да тѣтына брыкае.

Покинутая милымъ въ самую тяжкую минуту, дѣвушка „три недѣли у полози лежала“, выплакавши „по малойчику глаза“. На пятую она пошла въ вишневы садъ, гдѣ съ грустью видитъ три дорожки:

Знаю, знаю, хто дорожки поробыў,—

Молодъ барынь (парень) до дѣвицы прыходыў.

Пѣсенъ, изображающихъ неподдѣльное горе покинутой, обманутой женщины, не мало; мотивы ихъ очень разнообразны и дышатъ неподдѣльнымъ народнымъ лиризмомъ. Милый „до иншоє“, т. е. къ иной ходить, бросилъ „коморушку“, въ которой стоитъ „постель бѣла пухова“; она

Тую ложу рученьками обняла,

Постель бѣлу слѣзюньками облила,

Што на ручкахъ маленькая дѣтына.

Покинутая мать плачетъ не о себѣ только: участь ребенка, запятнаного ею паденіемъ, обреченнаго на горькую, тяжелую жизнь, разрываетъ ей сердце:

Сынку мой, сынку, нѣма ў моры лѣду,—

Нѣма ў тѣбэ, сынку, жадного роду,

Ой, сынку мой, сынку, нѣма ў моры донца,—

Нема ў табе, сынку, да рыдного ойца!

Мотивъ обь убіеніи матери незаконнорожденнаго неизвѣстенъ пинскимъ пѣснямъ; есть только двѣ—три, передающія размышленіе матери, что ей дѣлать съ ребенкомъ:

Чи мнѣ тѣбѣ годувати,

Чи ў Дунаю поховати?

Но тутъ-же дѣвушка вспоминаетъ, что „паховаўши—отъ Бога грѣхъ“, хотя и „годоваўши—отъ людей смѣхъ“.

Впрочемъ, подобные случаи несчастнаго исхода молодого увлеченія все же довольно рѣдки, и чаще возникающія въ молодыхъ сердцахъ симпатія ведутъ къ благополучному концу. Проходитъ веселая пора „дѣвочтва“, беззаботная весна жизни, когда едва лишь успѣла расцвѣсти „дѣвочка краса“, едва лишь „роса (руса) кеса“ выросла до пояса; наступаютъ пасмурные дни осени или послѣдородственскаго мясоѣда, когда ходятъ сватать. И дѣвушки, и парни уже заранѣе обдумываютъ свое будущее положеніе, свою участь. Часто неравное матеріальное положеніе понаравившихся другъ-другу парня и дѣвушки, желающихъ вступитъ въ бракъ, бываетъ препятствіемъ для ихъ счастья:

На вѣдае отць-маты,

Хто до мэнэ залцаецца,—

говорится въ пѣснѣ. Но когда отецъ и мать узнаютъ, кто „залцаецца“ къ ихъ дочери, то далеко не всегда бываютъ согласны на бракъ. Напрасно просить отца и мать,—говоритъ парень дѣвушкѣ,—не отдадутъ за меня: у тебѣ отецъ и мать есть, они богаты;

У тебѣ хата накратая,

А я—бѣдный сыртыня.

Въ другой пѣснѣ парень совѣтуется съ матерью, кого взять:

Чи нэ тую богатую, що хороше убрана,

Чи нэ тую сыртыньку, що къ сарцу прыпала.

У хорошее, богатое—бычки да талушки,

У бѣдное сыртыньки—цычки, язь подушки.

Пѣсня развиваетъ тотъ взглядъ, что бѣдная дѣвушка—работница, что сама по себѣ—лучшій вкладъ въ домашнее хозяйство: у богатой „бычки подыхалы“, а у бѣдной „волы забуылы“; бѣдная „съ поля идэ—скаче“, а богатая „съ хормы идэ—плаче“. Но не всегда бѣдная дѣвушка сразу соглашается выйти замужъ за богатаго:

Ты мэнэ любышъ,—я товару (скота) нэ маю,—

мотивируетъ она свой отказъ, опасаясь погрѣшковъ. Но парень убѣждаетъ ее, что ей не будетъ „доганы“ (упрека) ни отъ кого.—„Не доженэшъ (упрекнешъ) ты, доженэ твоя маты“,—возражаетъ ему дѣвушка и рисуетъ

себѣ неприглядную картину положенія бѣдной невѣстки въ богатой семьѣ. Свекровь говорятъ:

—Устань, невѣста, бодай ты не ўстала,

Выжень той товаръ, що одь батьки нагнала.

Устала дѣўчина зь бѣлое постали,

Ударыласа головою обь днѣры:

—Було нэ браты, шо съ черными бровами;

Було браты, шо съ кыными да зь волами.

Каждый осенній или зимній мясоѣдъ семья дѣвушки-невѣсты съ терпѣніемъ ожидаетъ прибытія сватовъ, строить всевозможныя предположенія, планы. Взрослые члены семьи подтруниваютъ надъ невѣстою, спрашивая: „а колы-жъ прышла до тебѣ ў сваты Ииска?“

Случаи насильственнаго брака, насколько мнѣ извѣстно, рѣдки. Это объясняется просто тѣмъ, что молодые люди сближаются между собою приблизительно равные по состоянію своихъ родителей. Всегда въ каждомъ селѣ можно наметить нѣсколько группъ молодежи, составленныхъ или изъ богатыхъ, или изъ бѣдныхъ семей; образуется какъ бы нѣсколько деревенскихъ клубовъ, каждая изъ группъ собирается на посидѣлки или вечерки въ одной избѣ, всѣ держатся другъ-друга и въ дѣтніе праздники, и въ хожденіи съ колядою и пр. Между представителями того или другого состоянія нельзя не замѣтить нѣкотораго антагонизма, который отъ родителей переходитъ къ дѣтямъ. Поэтому послѣдніи и группируются сообразно экономическому состоянію первыхъ. Замѣчу кстати, что разобщенность между крестьянами имѣетъ своимъ основаніемъ не только недоброжелательное отношеніе бѣдняка къ богатцу, но также и разобщенность экономическихъ интересовъ и вообще жизненныхъ условий села. Бѣдняки находятъ въ кабалахъ и евреевъ, бросаются на заработки, ходятъ цѣлыми семьями на славъ, такъ что земля перестаетъ быть для нихъ единственнымъ источникомъ благосостоянія, забрасывается и неохотно обрабатывается ими. Богатые крестьяне, напротивъ, все свое благосостояніе видятъ въ землѣ, смотрятъ съ презрѣніемъ на тѣхъ, которые бросаютъ землю и отправляются на отхожіе промыслы.

Естественно, что при такихъ условіяхъ жизни сельскаго населенія, молодые люди сходятся изъ семей, одинаковыхъ по состоянію, и препятствій къ браку бываетъ мало; при томъ и родители справляются съ желаніемъ молодыхъ, замѣчаютъ заранѣе, кто къ кому питаетъ склонность и пр. Но бываютъ и исключенія, случаи сближенія между молодыми людьми неподходящихъ состояній, или когда родители почему-либо враждебно настроены другъ противъ друга. Тогда родственники дѣвушки стараются какъ-нибудь помѣшать браку, отказываютъ сватамъ. Въ пѣсняхъ отразили и этотъ

моментъ въ жизни дѣвушки, когда она борется съ семьею, но должна или уступить обезсиленная, или прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ пѣсни передаютъ только совѣщаніе матери съ сыномъ относительно неравной женитьбы, самимъ молодымъ людямъ вовсе неизвестенъ мотивъ горькой доли дѣвушки, браку которой препятствуютъ отецъ или мать,—напротивъ, братъ является въ пѣснѣ главнымъ лицомъ, препятствующимъ сближенію сестры своей съ парнемъ, подобно тому какъ сестра иногда препятствуетъ брату, какъ мы видѣли выше. Такъ, одна пѣсня, отличающаяся большими лирическими достоинствами, начинающаяся при томъ съ упоминанія о Дунаѣ, что, вѣроятно, указываетъ, на ея относительную древность,—эта пѣсня рассказываетъ, какъ дѣвушка „до козака лысть писала: возьми мѧна, дѣўчиноньку“. Но козака не хочетъ братъ, потому что у нея „братъ проклятый“.

Счаруй брата своего,—

Будашъ мѣта млѧзнього,—совѣтуетъ онъ.

Дѣвушка рѣшается и поступаетъ по совѣту козака:

Тамъ на ели сонце пѣче, зъ гаду кроў тѣче.

Озьми, дѣўко, квартиру-коновачку (кружку),

Постаў пудъ гадську головачку...

Сестра „спѣшно зустрічає“ брата, даєтъ ему выпить „пива“, отъ котораго онъ „съ кыныка схмыўса“. Но когда она снова написала „лысть“ козаку, то получила отвѣтъ:

Якъ я маю тѣбѣ брати, колы умѣнешъ чаровати?

Счаровала брата своего, а милого—нѧма й чого.

Нельзя не замѣтить, что мотивъ послѣдней пѣсни имѣеть всѣ права на глубокую древность, когда братъ старался не выпускать сестру изъ рода, какъ рабочую силу, или позже, когда онъ является главнымъ лицомъ при совершеніи купли—продажи невѣсты. Значеніе брата невѣсты въ заключеніи свадебныхъ условій и въ свадебномъ ритуалѣ общезвѣстно. Лирика пинчуковъ, носящая на себѣ всѣ признаки архаичности, также даєтъ большое мѣсто брату въ свадебныхъ пѣсняхъ и самомъ ритуалѣ:

Расплѣў братю кѧску, да разлѣў же мнѣ слѣзку

Да по бѣдому лыченьку, по чернымъ нагрудничку.

Другой важный древній мотивъ—похищеніе дѣвушки—извѣстенъ почти исключительно по пѣснямъ свадебнымъ. Молодой человѣкъ собираєтъ ісю „роднину ў громаду“, чтобы всѣмъ вмѣстѣ поѣхать на тестя, стать „своимъ полкомъ пудъ гѧнкомъ“ (крыльцомъ), выбить „кременну стѣну“ и взять „дѣвоньку изъ вѧнкомъ“. Вообще, пѣсень, въ которыхъ женихъ собираєтъ родъ, чтобы „звоевати“ тестя, добыть дѣвушку,—много. Въ свою очередь, и родъ невѣсты принимаетъ мѣры, чтобы узнать, когда зять придетъ „воевать“. Въ иныхъ пѣсняхъ можно видѣть слѣды воспоминаній о со-

глашеніи дѣвушки съ парнемъ, послѣ котораго уже слѣдовало умыканіе. Дѣвушка наказываетъ парню прибѣгать за нею „въ понедѣлокъ раненько“, общаетъ подтесать „скрышлымыи“ ворота во дворъ своего отца, умирить сварливость его и пр. Въ пѣсняхъ отразился также послѣдовательно и тотъ періодъ купли невѣсты, когда женихъ собирается ее „выпросить и выважить золотомъ вагою“ у ея рода.

Собственно лирическія пѣсни, какъ кажется, не знаютъ этого мотива, или же въ нихъ остались только самые отдаленные отголоски. Можно найти двѣ—три пѣсни о похищеніи „Ганульки“ матросомъ, объ увозѣ дѣвушки на Дунай-рѣку козакомъ, который затѣмъ бросаетъ ее въ Дунай, или же оставляетъ привязанною къ дереву въ лѣсу; но эти пѣсни едва ли можно принять за отраженіе мотива похищенія дѣвушки-невѣсты. Притомъ же это не исключительно мѣстные мотивы; они извѣстны почти всѣмъ славянамъ, что опять-таки указываетъ на ихъ древность.

Проходитъ свадьба,—и начинается жизнь замужней женщины, полная горя и лишений. Лирика пинчуковъ почти не знаетъ ея радостей; но зато ей хорошо извѣстно ея горе. Особенно прекрасны пѣсни, рисующія положеніе женщины въ семьѣ мужа.

Ой, ты, калына! ой ты, чирвоная! Чого рано зацѣла?

Ой, ты дѣўчина! ой, ты, молодая! Чого хутко змарнила?

—Чи мачоха, чи рѧдна маты мѧнѣ за-мужъ оддала

На чужину, ў вѧлку семью: ўсе я воду подносю.

Ой, выйду я на високу гору, ой, гляну я, посмотру:

Сюды гляну, туды оглянуса—ўсе чужая сторона.

Стоить, стоить рѧдна маты за плечима ў мѧнѣ.

Мать совѣтуетъ ей вернуться, но это уже невозможно:

Росчесана, росплетѧна моя роса кѧса,

Накинѧна бѣда намиточка на мое жоўты волосы.

Горько размышляя о своемъ положеніи, она призываетъ свою долю:

Ой, доля моя, доля! дѣ ты, доля, подѣлѧса?

Да чи ты ў огни згорѣла, чи ты ў лузи утопылѧса?

Горе молодой женщины такъ велико, что вся природа отзывается на ея страданія:

Ой, я боромъ лѧнула, ўсѣ бори поздрыгала,

Бори здрыгнулы (содрогнулись), дуги затонулы.

Бори здрыгнулы, чо тонѧнки голосочокъ,

А дуги затонулы одъ дрыбнѧнькихъ слезочекъ.

Тѣмъ больше тоска и горе молодой женщины, если она вышла такъ рано, что еще

Не нажилѧса, не набылѧса,

На свою рѧднину не наглядѣлѧса,

попала на чужую сторону, „одъ роду одбыласа“. Теперь, съ чужбины, она собирается писать домой:

Выщипну два листочки, выпишу два письмочки,

Нэхай матка прочтает, вэхай мою бѣду знае.

Она не можетъ забыть, что виною ея отчужденности, горькой доли былъ братъ, который, какъ поется въ свадебныхъ пѣсняхъ, „продѣ състрицу за кончукъ“ (нагайку):

Було ў мэнэ два браточки,—обое выноваты,

Що й отдады сестрычку на чужую сторонку.

И опять слѣдуетъ отмѣтить, что на отца нигдѣ пѣсня не сѣтуетъ, хотя этого слѣдовало бы ожидать, такъ какъ онъ—виновникъ несчастія дѣвушки. Косвенный укоръ матери—черта обычная, но прямыми виновниками пѣсня называетъ братьевъ.

Но гдѣ-же причина, въ чемъ основаніе горя молодой женщины? Дѣло въ томъ, что „свекруха невѣстущи назывѣдѣла“; она „не пускае мэнэ молодую на улицу гулять“. Невѣстка въ новой семьѣ сразу попадаетъ въ подчиненное положеніе, изъ котораго ей трудно выйти, вслѣдствіе враждебнаго отношенія остальныхъ членовъ, которые смотрятъ на нее прежде всего, какъ на рабочую силу, давно желанную въ семьѣ, и изъ которой стараются извлечь возможно больше выгоды. Крестьянка ждет, не дождется того времени, когда старухѣ можно будетъ отдохнуть, сваливъ всю наибольшую трудную работу на невѣстку.

Охъ, вѣлыкая семья вѣчераты сѣла,

Охъ, мэнэ молоду да послала по воду.

Поки жь воду принесла, то вѣчера одышла.

А мой мыльи стоить, проти мэнэ говорить:

—Чому, мыла, етоишь, чому ложки нэ мыешь,

Посталь бѣду нэ сталешь?

Она, скрѣпя сердце, постлала постель и легла спать, но „нэ улежалася, да прислухалася“: семья мужа „карае“ (коритъ): „Чому жонки нэ бьешь“? Мужъ, хотя повидимому и симпатично относился къ своей женѣ, мало защищаетъ ее; она предлагаетъ семьѣ:

„Коли вона сонлива, то будытэ ее;

Коли вона ниць (ничего) нэ знае, то вучитэ ее;

Коли вона вамъ нэ трѣба, одсылайтэ ее“.

Чужая семья обращается съ нею сурово: свекоръ запрещаетъ невѣсткѣ даже выражать свое горе пѣснями.

Сама иду дорогою, а голосокъ дубровою;

услышавъ его свекоръ, „на ганочку сѣды, ў облоночку глядѣ“;

Коли идэ дѣтя мое, то нэхай вэзаліе;

Коли нѣвѣсточка, нэхай прытыхае

И къ дѣлу прывыкае.

А свекоръ задаетъ ей трудныя работы, притомъ со строгимъ наказомъ. Посылая невѣстку вырвать въ чистомъ полѣ ленъ, она приказываетъ:

Нэ вырвашъ лену,—не иды до дому.

Вохъ, и рвала, рвала, да нэ вырвала,

У чистому полю прыночала,

У чистому полю при долиноцѣ,

Тонкой, высокой тополиноцѣ.

Милый шель „зъ Украинночки“, куда послала его мать, увидѣлъ въ полѣ „тополю за тры миленьки“:

Вохъ, станьмо, братцы, подивѣмоса,

Прыдэмъ до дому, похвалимося:

—Вохъ, маты, маты, ты-жь матусенька,

Што ў нашимъ поли за тополи ростэ?

Тонка, высока, лыстомъ широка;

Што одъ вѣтрыку похыляецца,

А одъ солнушка нэ мѣняецца.

Мать соѣтуетъ сыну взять „гостру сѣкерку“ и срубить въ полѣ тополю. Ударилъ онъ разъ—тополи содргнулася,

Сѣкнуў другой разъ—ажъ тѣло было,

Сѣкнуў третій разъ—заговорила:

—Нэ рубай мэнэ,—я твоя мыла! ¹⁾

Отданная „одъ роду, одъ родныны“, получившая наказъ отъ матери, „кабъ ў гости нэ бувала“, „щобъ семь лѣтъ нэ бувала“—молодая женщина собирается лѣтъ домой „ў рочевъ“ (чрезъ годъ) то въ видѣ „заўзульки“, то „соколя“. Прилетѣла въ садъ, „сѣла, упала у брата ў саду голысно заковала, жалысно заплакала“. Вышелъ братъ „заўзульку гоняты“: „колы сестра моя, то просю-жь до хаты“. Въ другой пѣснѣ она собирается лѣтъ соколомъ и упасть „у матки на порозѣ“. Мать вышла, „розлыла слезы“,

—Охъ, покынь, маты, плакаты, да научи гороваты...

Охъ, маты-жь, маты! дѣ доли дѣласа?

Ой чи ў огни згорѣла, чи ў Дунаи утонула?

Коли ў огни згорѣла, тамъ лежить пѣпальце;

Коли ў Дунаи затонула, тамъ лежить камѣнце.

Таковы представленія о горѣ женщины въ семьѣ ея мужа, пока она занимаетъ подчиненное положеніе въ ней, пока сама не сдѣлается хозяйкою, свекровью и сама не будетъ загадывать сыну „тополю рубаты“. Но горе, переносимое женщиною въ чужой семьѣ, не единственное горе ея

¹⁾ Срв. „Этногр. Обзор.“ III, 42, 50—2, 214; VI, 234; VII, 252.

жизни; этим не ограничиваются ее несчастия, и скорбная лирика пинчука сопровождает женщину во всех многообразных случаях ее жизни. Не всегда только семья мужа доставляет страдания женщинам, бывают и другие причины:

Вышла я за-мужь молода,
Первая бѣда, што дѣтанушка мала,
Другая бѣда—свакровоушка лиха,
Трѣйтая бѣда—мой мыльный не любить.

Со стѣсненнымъ сердцемъ, не разъ мысленно обращается она къ матери:

Маты жь моя, маты! мэнэ мужь не любить,
До инное ходыть.

Хорошо еще если есть родня, есть съ кѣмъ размыкать горе; но она нередко остается круглою сиротою; „померъ отецъ-маты, гостына минѣтца“. Нѣтъ „гостыны“ у родныхъ, не съ кѣмъ поговорить, отвести свою душу, не передъ кѣмъ поплакать о томъ, что она „свои лѣта марно тратитъ“. Молодые годы проходить подъ гнетомъ несчастій и нуждъ. Молодая женщина только что расцвѣла, вошла въ жизнь, ее „первый мыльный“ остается тѣмъ-же для нея; она рвется къ нему всѣми силами своей души: несеть ему обѣдъ въ поле и уже задумывается, ласкаетъ себя мыслью, „чи нэ скаже мыльный сѣсты“, „чи нэ будэ говорыть“. Но не тутъ то было: хотя она и „охвоча, и робоча, и до людѣй говороча“, но мужь „напыўса, наўса“ и „на родлю (землю) схылыўса“. О чемъ онъ думаетъ?—спрашиваетъ его жена. Думаетъ онъ о томъ, что „неудалу жонку имѣеть“. Оскорбленное чувство женщины заговорило въ ней; она вспоминаетъ, что не такъ давно и она была мила ему, когда они собирались на вечерки. Она говоритъ ему:

Нэ выгѣзлы тобѣ очи,—
Нэ свататы було ў ноци;
Було свататы мэнэ ў дэнъ,
Роспнатца старыхъ людѣй!

Нелюбящій мужь приходитъ домой „ў бѣлому свѣци“, (на разсвѣтѣ) ложится спать „попэрэкъ кровати“, къ своей женѣ „плечима, а до стѣны очима“.

Ой, одвернысь, мыльный, я тѣбэ розую,
Хочь разъ поцѣдую,—
умоляетъ жена; но мужь ее гонить:
Охъ, есть у мэнэ луччѣйша отъ тѣбе:
Вона жь мэнэ розуе, семъ разъ поцѣдуе.

Бѣжитъ молодая женщина къ быстрой рѣчкѣ, рассказываетъ другая

пѣсня, чтобъ посмотреть, какъ ее милый ѣдетъ съ другою; посмотрѣла, „да на лица¹⁾ лозы похымыласа“:

Ой, вѣнь, вѣтру, повѣнь съ далекаго краю!
Нэхай zobачу, по чимъ же я плачу,
Нэхай надѣўлюса, по кимъ я журса.

И вздыхаетъ тяжело молодая, ложась и вставая „сама молодѣнька“ на „постели пуховынькой“. Нѣсколько пѣсень рассказываютъ, какъ женщина бѣжитъ за милымъ „ў погань“, спрашиваетъ когда онъ вернется, зоветъ „вечераты“, но получаетъ отвѣтъ: „вечерай сама“, застаётъ милого сидящимъ „у сусѣдки за столомъ“ и т. д.

Не всегда дѣло ограничивается одними только нравственными страданиями. Мужь, „пьяница—ледащица“, чужой женѣ

Мадь, горѣлку кукуе,
А на свою нѣўдалочку да ногайку готуе.

Несетъ мужь, говоритъ другая пѣсня, подъ полюю „ногаю дротяную“, возвратившись домой „къ билому свиту“, и приказываетъ женѣ итти въ корчму и выкупить коня вороного:

Якъ выкупышь—люблю тѣбэ,
На выкунышь—убью тѣбэ,
Убую тѣбэ, замордую (замучу).

„Ногай дротяный“ (перевитый проволокою) часто ходитъ по „бѣлу тѣлу“ несчастной жены:

Якъ ударыў мэнэ да по бѣлому плечу,—
Полылася кроў горича, побѣжала по лицу.

Или вотъ какъ гордится мужь истязать свою „шельму“ жену: онъ намѣренъ привезти ей изъ города „ногай дротяный“, привязать къ свивому коню и пустить въ чистое поле.—

Нэхай собѣ кынь нагуляецца,
А шельма жона научаецца.

Доля жены представляется въ мрачныхъ краскахъ даже тогда, когда милый не изменяетъ ей. Одна пѣсня изображаетъ еще новую печальную картину семейной крестьянской обстановки. На полѣ „ратай“ пашетъ и поглядываетъ на дорогу: чужія жены обѣдъ несутъ, а его—нѣтъ. Бросилъ онъ воловь, и идетъ домой:

Ўступыў і на подвырье,—подвырье мое нэ веселое,
Ўступыў і ў радѣнку,—родня моя нѣтопьяна:
Да жена сына родыла, дай на вѣки заснула.
Чи нэ було дятычы да воды податы?
Чи нэ було сусѣдочки кому ратоваты?

1) Вм. „нице“ (нищя)? Нищій—низко растущій (о лозахъ-кустахъ).

Эта небольшая картинка, выхваченная прямо из жизни, изображает одно из многочисленных проявлений крестьянской бѣды. Но не всегда доля женщины имѣет такой печальный беспросвѣтный исходъ: проходить годы, боязни за невѣрность милого нѣтъ мѣста, вырастаютъ дѣти, она дѣлается хозяйкою дома, сама имѣетъ невѣстокъ, распоряжается ими; приходите, повидимому, время отдыха.

Но эти свѣтлыя минуты омрачаются опять новымъ горемъ: сынъ подрастаетъ, приближается время итти ему въ солдаты; женское сердце, отдавшее все свое вниманіе, всю заботливость и нѣжность любимому сыну, получаетъ новыя испытанія. Со слезами мать снаряжаетъ сына.

— „Наплачесса той часъ, матко, якъ буду ў дорози“,
останавливаетъ онъ ее.

Нэ кажи, сыночку, тяжкими словами,

Буду тэбэ обливати дрыбнымі слэзами,—

отвѣчаетъ ему маты.

Не лучше ея участь и тогда, когда она остается вдовою:

Зашумѣло дрэваво (2) надъ водою стоячи,

Заплакала ўдова (2) сына Ёвана родячи.

— „Що мнѣ тобѣ робыты“?—спрашиваетъ она сына: женить тебя или отдать въ солдаты? На это сынъ отвѣчаетъ:

— Матко жъ моя старенькая,

Якъ голубка смывенькая!

Якъ ты мэнэ оженышъ,

Сэрце свое звесэлышъ;

А ў солдаты одасы,

Сэрцю жалю задасы.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ перипетія горькой женской доли, про которая знаютъ пѣсни пивчунковъ, отъ молодости женщины влооть до самой старости.

„Гапонъ“

повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ

В. Дунина-Марцинкевича.

(Изъ исторіи бѣлорусской письменности ¹⁾.)

I.

Время до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, т. е. до послѣдней польско-русской войны, ознаменовалось въ польской литературѣ значительнымъ оживленіемъ въ изученіи мѣстныхъ этнографическихъ элементовъ, входившихъ нѣкогда въ составъ Польскаго государства. Почти съ начала нашего вѣка въ этой литературѣ начали появляться изслѣдованія о Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ; эти области изучались съ исторической этнографической и экономической точки зрѣнія. Такому направленію не мало способствовали Виленскій Университетъ, закрытый послѣ польскаго возстанія 30-хъ годовъ; въ немъ сосредоточился цвѣтъ тогдашней польской науки, въ немъ были лучшіе тогдашніе польскіе профессора, изъ него вышли извѣстные ученые. Конечно, наука далеко ушла съ тѣхъ поръ, но однако ко многимъ работамъ того времени изслѣдователями Западно-русской старины приходится обращаться и теперь: таковы труды Ярошевича, Нарбутта, Тышкевича и др. Вліяніе Виленскаго университета продолжалось и послѣ его закрытія до событій 63 года, когда началось усиленно расти вліяніе великорусское.

Литературное и научное движеніе того времени, начавшееся въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ основѣ своей было чисто мѣстнымъ движеніемъ; руководителями его были туземные уроженцы, дорожившіе мѣстными интересами, съ любовью обращавшіе свои интеллектуальныя силы на изученіе мѣстной жизни въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Сообразно съ тогдашнимъ поло-

¹⁾ Полное заглавіе этой повѣсти слѣд.: „Hapon, powieść białoruska, z prawdziwego zdarzenia, w języku białoruskiego ludu napisana. Przez Wincentego Duminia-Marцинкевича. Minsk, 1855 г.“ (Ст. наст. напечатана въ „Календарѣ Северо-Зап. Края“ на 1888 г.).

женіемъ дѣлъ, это научное оживленіе шло изъ Польши и потому литература упомянутого направленія до сихъ поръ считается польскою. Однако это не совсѣмъ справедливо, потому что ее можно признать польскою развѣ по языку, на которомъ большая часть ея написана, но по направленію своему ее нужно признать вѣрнѣ всего бѣлорусско-литовскою.

„Политическое событіе,—говоритъ Безсоновъ, нѣкогда сплотившее ихъ суровою силою и именемъ Литвы, отозвалось вновь: усиленно стали всѣ принимать названіе Литвы, литовцевъ, литовскаго и подъ этимъ названіемъ дѣйствовать, по возможности вмѣстѣ, сообщая, не всегда къ одной, но по крайности къ нѣсколькимъ сходнымъ цѣлямъ. Недостойно было-бы намъ, по обычаю другихъ, видѣть и здѣсь хитрое укрывательство полиціи или предлогъ затереть все русское: не диво, если полякъ, не имѣя возможности жить въ семь качествѣ, преобразался въ Литовца, а Русь одѣвалась Литвою, чтобы отличить себя отъ извѣстнаго руссизма; въ сей формѣ поляки все-таки давали отпоръ исключительности польской, какъ давало нѣкогда Литовское княжество, а Русь все-таки выходялась на сцену, хотя и подъ собирательнымъ, политическимъ нѣкогда, теперь же народнымъ именемъ Литвы. То была просто и естественно исковая формула хоть какого либо примиренія“ (Бѣлор. Пѣсни). По тогдашнимъ взглядамъ, господствовавшимъ въ Польской литературѣ и обществѣ и поддерживаемымъ русскимъ даже правительствомъ, Бѣлоруссія не различалась отъ Литвы: та и другая считались частями Польши; бѣлорусскій языкъ, называемый большей частью древнимъ именемъ „кревицкаго“, считался смѣсью польскаго съ великорусскимъ.

Какъ ни смутны были понятія многихъ тогдашнихъ ученыхъ объ этнографическомъ и историческомъ различіи Литвы и Бѣлоруссіи отъ собственной Польши, однако они видѣли различіе интересовъ этихъ народностей, сознавали хорошо свои мѣстные интересы того племени, среди котораго они родились, выросли; они стремились придти на помощь этому мѣстному элементу, облегчить страданія простаго народа. Г. Пыпинъ рисуетъ такое положеніе слѣдующими достойными замѣчанія словами: (стр. 295—6 „Вѣст. Евр.“, 87 г. июнь).

„Нельзя было не видѣть, что въ западномъ краѣ эти массы были въ громадномъ большинствѣ чужды польской національности—русскія и литовскія; но, по старой памяти, никому не приходило въ голову, чтобы эти массы, при какомъ либо дальнѣйшемъ развитіи, могли найти иные средства просвѣщенія, кромѣ польскихъ, и могли вступить на иной путь цивилизаціи, кромѣ польскаго. Рядомъ съ этимъ была—часто горячая—любовь къ своей мѣстной родинѣ, къ ея исторической и бытовой особенностямъ, къ народному обычаю, знакомому съ дѣтства и въ панской средѣ; въ этой средѣ не чужды были и народный (въ данномъ случаѣ бѣлорусскій) языкъ, къ которому

привыкали отъ нянекъ, домашней прислуги и отъ сельскихъ рабочихъ: многие изъ панства, сами бѣлоруссы, кажется, до довольно поздняго времени не были окончательно полонизованы, и языкъ бѣлорусскій частію держался и въ этой средѣ, какъ родной; въ мелкой „запѣвничкой“, „околицной“, шляхтѣ—тѣмъ болѣе. Народно-романтическое направленіе литературы совпадало съ этой памятью бѣлорусскаго и съ привязанностью къ нему въ самой жизни,—и въ мѣстномъ патриотизмѣ произошло довольно странное соединеніе весьма разнородныхъ элементовъ: этотъ патриотизмъ былъ „бѣлорусскій“, но сущность его была польская. Отъ быть бѣлорусскій—по любви къ территориальной родинѣ и ея пейзажной и бытовой обстановкѣ, но вся жизнь самаго бѣлорусскаго народа понималась съ чисто польской точки зрѣнія: этотъ народъ игралъ только служебную роль; его бытовое содержаніе, его поэзія не могли ожидать какого-нибудь собственнаго самостоятельнаго развитія и должны были только послужить къ обогащенію польской литературы и поэзіи, какъ самый народъ долженъ былъ питать польскую національность, въ которой онъ и считался“.

Вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ въ средѣ тогдашней мѣстной бѣлорусской интеллигенціи появилось много собирателей памятниковъ народнаго творчества, каковыми были: Зенькевичъ, Сырокомля, извѣстный польскій поэтъ, бѣлорусъ по происхожденію и мн. др. Тогда же у многихъ зародилась мысль о возможности создать искусственную бѣлорусскую литературу, представителями которой явились Янъ Чечотъ, Дунинъ-Марцинкевичъ, Маньковский и мн. др. Кромѣ литературнаго интереса, эти произведенія имѣютъ значеніе чисто этнографическое, такъ какъ авторы ихъ обладали обширнымъ знаніемъ бѣлорусскаго народа, его языка, обычаевъ и порядковъ, домашней обстановки и проч. Съ этой стороны остатки бѣлорусской литературы имѣютъ глубокий интересъ. При томъ въ настоящее время сочиненія эти составляютъ большую библиографическую рѣдкость. Съ однимъ изъ такихъ произведеній „Гапономъ“, принадлежащимъ перу Викентія Дунина-Марцинкевича¹⁾, мы и намѣрены познакомить читателей.

II.

Содержаніемъ повѣсти служитъ судьба героя ея Гапона, по происхожденію крестьянина, который, попавъ въ солдаты, благодаря кознямъ эконома своей помѣщичьи, влюбленнаго въ невѣсту Гапона, дослуживается

¹⁾ Дунинъ-Марцинкевичъ родился въ 1807 г. въ Минской губ. Бобруйскаго уѣзда, въ фольваркѣ Полюшкеничахъ, и скончался въ 1885 г. въ мартѣ мѣсяца. Когда печаталась настоящая статья въ 1888 г., то московская цензура выбросила изъ нея биографію Марцинкевича и его портретъ. Къ сожалѣнію я не могу теперь восстановить ни того ни другого.

до офицерскаго чина и женится на давно любимой имъ крѣпостной той же помѣщицы—Катеринѣ. Повѣсть состоитъ изъ 4 пѣсенъ, изъ которыхъ каждая рисуетъ различные моменты жизни героя.

Въ первой пѣснѣ авторъ рисуетъ живыми красками веселье бѣлорусскихъ крестьянъ; это—одно изъ лучшихъ мѣстъ повѣсти по живости изображенія и вѣрности жизненной обстановки, равнымъ образомъ и по изложению. Передъ читателемъ, хоть немного знакомымъ съ нашей деревней, рисуется очень оживленная картина веселья, когда крестьянши, натомившись отъ непосильнаго труда, спѣшить въ корчму, чтобы тамъ, подъ вліяніемъ водки и удалой пляски, сопровождаемой пѣніемъ, отдохнуть на свободѣ, забыться хоть на нѣсколько часовъ.

Шумъ, крикъ, гомонъ у карчмѣ.
Клищъ сельская дружина,
Пива, мѣдъ, гарелки пѣе,
Ажъ-ны курица чупрына.
Гаспадары за сталами
Громка гутарку вядуць,
А ландарка зъ ландарами
Мѣдъ, гарелку раздаюць.
Хлопцы, дзѣўки, маладзицы
Ля парога гаманяць,
А старые чараўницы
Цишомъ ля пѣчы сядзяць.
Апанась на скрыпцѣ йграець
Лявонику, то бычна,
Гапонъ жару подаваець:
„Зыграй, крычиць, казачка“!
Ажъ гокнула Кацярынка,
Такъ задаў ей кулакомъ,
„Хадзи, майя ты малинка“!
Дый затупай хадаромъ.
„Ананья рѣжъ вьсяѣлу“!
Крычиць громка нашъ Гапонъ,
Дый забраўши ў свицѣ полы,
Меремъ хохликъ! меремъ ёнгъ!
То ў прысюдки выкидаець,
Ажъ-ны стогнець падъ нимъ польъ,
То галубца падбиваець,
Ажъ-ны трасецца хахоль.
„Ахъ! ухъ! давай жару,
Давай боли, давай пару“!

Крычиць Гапонъ, дый гуляець,
Падъ скрыпачку падбиваець.

„Эй чухъ Кацярынка!

Чабочки красны;
Каму блинцѣ, каго любяць
Твои вочки ясны?

„Эй, чухъ Кацярынка!

Твои кудры ўюцца,
Скачець, пляшець, майя мила,
Ажъ шочки трасуцца“.

Трейчи Гапонъ прамахнуў,
Браджанъ ножны зъ вагнивомъ,
Стаў на мѣсцѣ—падругнуў,
Дый затупаў хадаромъ.

Кацярынка-жъ успляснула,
На мильнякаго зирнула,
Хвидъ! снадничку разпусцила,
Тречи заняткомъ надбила,

Дробны ножки выкидаець,
Чаравички скрыпяць,
А изъ вочакъ ажъ сийаець,
Бытцемъ искры лецаць.

Русы коски падлятайоць,
Касники якъ жаръ гараць;
А вось выжей якъ заграйоць,
Такъ и возьме прыгващъ:

„Милы Харто, милы Саўка,
Да милѣйшижъ мой Гапонъ,
Хахоль ясны поясъ красны,
А галасокъ! кабы звонъ.
Ня хачу Саўки, Хартона,
Мнѣ жыцця съ ними ня быць,
Валѣй майго Гапона,
Съ нимъ ня буду я тужыць“!

Пляець, пляшець, падбиваець,
Усягъ вокамъ за ней бродзецъ,
Якъ ластачка надплываець,
Ажъ-ны хочацца глядзѣць.

Ананя—воўча юха!
То ўже нечаго маниць!
Ярка рѣже изъ завуха,

Ажъ скрипка яго звиниць.
Мицелицу дробирайе,
Йомка, громка, ладны часъ!
Дробна шыкамъ подсѣбайе,
Звиниць рымка—гудзиць басъ,
Ловець е уперши ў бруха,
Ля кабылки насъ дзяржаў,
Дали сцяхнуў—дый зъ завуха
На лявониху падняў.

Схвапиў Гапонъ Кацярынку,
Смѣла къ сердцу прыцхнуў,
Абняўши рукой за спинку,
Лявониху успрыхнуў.

Угрунь за нимъ маладзицы,
Дзѣўки, хлошцы, хто якъ змогъ,
Дражаць чупрыны, спадницы,
Сумагоха—што крыў Богъ!

Атъ пилу ажъ пацямнѣла,
Хохать, лопать, шумъ да крыкъ,
Якъ у гаршку закипѣла,
Якъ на быдла напаў зыкъ.

Той ўпрысядки, той выкидки,
Чупрыны, якъ иець, дражаць,
Тая бокамъ, тая слокамъ,
Дай такъ возмуць пригѣваць:
„Ахъ, валижъ я ў матульки быда,
Якъ вишенька ў садочку цѣбла,
Папалася злomu духу, мужику,
Йонъ высушиў, якъ липинку у духу.
Наѣхала повень дворъ татароў,
Да узялижъ майгожъ мужа у палонъ.
Не жалъжежъ мнѣ, што яго узiali,
Толька шкода, што ня крѣпка звязали;
Йонъ паганецъ удачецъ, удачецъ,
Мнѣ галоўку натаўчечъ, натаўчечъ.
Требажъ будзя сцяражциса, удакаць,
Съ варабьями падъ страхомъ начаваць“.

Дали крикнула Тацяна,
Абняўши за пшю Яна:
„Пашоў Янка у гробы,
Тацяна у апенки;

Спаткалися, абнялися,
Якъ дзѣтки маленьки“.
А за нею Халимонъ,
Гудзиць якъ царкѣўны звонъ:
„Ой Боже мой, Боже!
На што я радзиўся;
Состарѣўся якъ сабака,
Досюль ня жаниўся“.

Пірастаў—Ганка спляснула,
Дый тоненька зацянула:
„На улицы курта бреше.
А да мене милый чеше,
А чи чеше, чи ня чеше,
Да ня даромъ курта бреше“.

Вотъ такъ пляшучъ, припѣваюць,
Хохать, лопать, крыкъ и зыкъ,
Ажъ падъ пылъ надлятаюць,
А якъ рѣзаў—рѣже смыкъ!

Однако гулянье на этотъ разъ окончилось для молодежи весьма печально: эконо́мъ съ войтомъ явились въ самый разгаръ гульбы, они пришли забрать изъ молодежи рекрутовъ. Всѣ бросились, кто куда могъ, одинъ только Гапонъ „хвациў за колъ“ и началъ обороняться. Долго съ нимъ не могли справиться, но наконецъ эконо́мъ догадался: онъ забросалъ его ко-жухами, подушками и проч., такъ что Гапону нельзя было повернуться; его связали, заковали въ колодки и сдали въ солдаты.

Во второй пѣснь авторъ знакомитъ читателя съ героемъ и героинею своей повѣсти: *Гапономъ и Катериною*:

„У вяликамъ ў сялѣ
Надъ Днѣпроўскай стараною,
На прыгорку ў вулгѣ,
Межъ тѣсамъ, да межъ ракою,
Тамъ стаяли двѣ хадины,—
Усидны, друга Гарпини.
Пернай мужикъ быў Миронъ:
Негѣсь за якіе грѣхи,
Ня дажиў зъ сына пацѣхи,
А той сынъ—быў нашъ Гапонъ.
Йонъ —нема чаго казаць!
Горды, смѣлы,—зухъ дзящина!
За сванхъ умѣў стаць,
А прыгожи якъ малина,

Да и письменны-жь быў йонь:
 На яго саўсихъ старонъ
 Дзѣўки сумаўчкомъ зиркали,
 На играшчахъ присядали;
 А Гапонъ ани глядиць,
 Йонъ при сужаной дзяўчинѣ,
 Наймилѣйшай Кацярынѣ,
 Якъ присядзе—дыкъ сядзиць.

У ўдавы же Агрыпины,
 Апрычъ дочки Кацярыны,
 Болий не было сваяхъ;
 Ена съ Усциной кумойю
 Жила якъ рука съ рукою.
 Адна дума была ў нихъ,
 Штобъ сваяхъ дзѣтакъ засватаць,
 Штобъ худобку имъ прыпратаць,
 Штобъ якъ сядуць на сваёмъ,
 Яны веселя зажили;
 Безъ патрэбы ня тужили,
 Ня рупели ня объ чомъ.

У Грыпины-жь Кацярына,
 Крый Боже! бяды ня знала,
 Якъ у садочку малина,
 Расла, цвяла, даспѣвала:
 На шочкахъ кроў съ малакомъ,
 А вочки блищаць агнѣмъ,
 И семнадцать уже лѣтъ,
 Якъ прышла яна на свѣтъ.

Нужъ зъ сабой кумы сайдуца,
 Тутъ заразъ гадки начнуца,
 Пара, бачъ, дзяцей жаниць;
 Яно ўсякі адкладъ,
 Ня вельми идзе на ладъ;
 Пойдаць Пани чаломъ биць:
 А тамъ—дзѣйся Божа воля!
 Якъ прыбяромъ ўсе съ поля,
 Дзѣтакъ къ вяццю повядомъ.
 Гетаць стары гуманили,
 И напеўна улажили,
 Да памѣшаў Аканомъ.

Далѣе разказываецца довольно обыкновенная история времени крупяного права:

„Йонъ—бачъ ты, сабачи сыну,
 Уподобавъ Кацярыну,
 Дый нужъ къ бѣдной присядашъ;
 То ластачкай падпывайе,
 Красны слаўца выпускае,
 Штобъ якъ небудзь яе ўняць.

А Кацярына нябога!
 „Бойся, каже, Паничъ, Бога!
 Ета жъ грѣхъ така напасць;
 Якъ пожалюся Гапону,
 Йонъ неўне такога гону
 Паничу ципкомъ задасць,
 Што зубоў не пазбираешъ,
 И ахвоту пацярайешъ
 Чужихъ нагѣстакъ кмулицъ“.
 Команъ Гапона злякаўся,
 На часъ адстаў, да закліўся
 Маладыхъ йонъ пагубиць“.

Приведенная характеристика героя и героини повѣсти не отличается, какъ видно, поэтическими красотами; въ художественномъ смыслѣ она весьма слаба, но за то вѣрна дѣйствительности: она вполне составлена въ народномъ духѣ, соответствуетъ его понятіямъ о красотѣ и удалствѣ. Далѣе авторъ излагаетъ, какъ удалось эконому отомстить Гапону, какъ сопернику, и Катеринѣ за нанесенную ею ему обиду. Отъ кормчари Ицки эконому узнаеть, что Гапонъ собирается засылать сватовъ къ Катеринѣ безъ предварительнаго разрѣшенія помѣщицы, и кромѣ того, что Гапонъ, узнавъ о томъ, что скоро будутъ набирать рекрутовъ, бунтуеть деревенскую молодежь. Эти извѣстія даютъ эконому случай поиздѣваться надъ Гапономъ и въ то-же время заставить помѣшнину сдать его въ солдаты, не дожидаясь набора. Расправа пана эконома съ подвластнымъ ему крестьяниномъ—случай весьма обыкновенный въ тогдашней жизни, описанъ у автора со всею рѣзкостью, характеризующею тогдашнія отношенія. Экономъ призываетъ къ себѣ Гапона и не ожидающаго, быть можетъ, грозы:

„Рыжи вусы Аканомъ
 Щецю уверхъ поднялись;
 Зиркнуў скоса на Гапона,
 Вочи кроўю залились,
 Губы страина пакривіў.
 Кнуть у жмени ажъ трапиць:

Якъ къ Гапону падстунѣ,

Такъ и ѣяѣ яго сучиѣ:

„Якъ ты смѣнешь, воѣча юха!

Безъ двора у сваты слаць?“

И брызнула апливуха,

Што Гапонѣ лезѣ могъ ѣстаць.

„Ось я табѣ, ѣражи сыну!

Якъ адѣвшу сатни дзѣѣ,

То забудзешь Кацярыну,

Да забудзешь и самѣ гдзѣѣ.“

Гапонѣ на бокъ паматнуѣся,

Тварь далоняю закрыѣ,

Наакола аглянѣся,

Да за таѣкачѣ ухвацѣѣ.

„Кабѣ я Бога ня баяѣся,

Показаѣ бы я табѣ!!

Чаго ты тутѣ прискепаѣся:

Думаешь, баюся кабѣ?

Пани за то ня сярдицца,

Хоць шлюць сваты безъ двора,

А пазваляѣе жаницца,

Якъ каму на то пара:

А ты! маѣляѣ, ваѣкулака,

Здекуешься тутѣ надѣ нами;

Сцѣражѣся жѣ ты, сабака!

Помни, што и мы зѣ зубами!“

Каманѣ якъ ту рѣчь сумѣѣ,

До стадолы набѣжаѣ,

Гапонѣ кончиць ня пасѣѣѣ,

Такъ сѣ карчмы йонѣ пягу даѣ.

На этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, экономъ не остановился: онъ отправляется къ помѣщицѣ, увѣряетъ ее, что Гапонѣ бунтуетъ молодежь, убѣждая уйти въ лѣсъ для избѣжанія рекрутскаго набора; какъ спасительное средство, онъ предлагаетъ сдать бунтовщи ка немедленно. Помѣщица, запуганная имъ, на все согласна, и Гапона, какъ мы уже видѣли при изложеніи содержания первой пѣсни, сдаютъ въ рекруты. Катерина не была оставлена экономомъ въ покоѣ: онъ употребляетъ всѣ средства погубить несчастную дѣвушку:

„А Романъ при бѣдной скаче,

Вотъ налегъ яѣе згубиць....

То прыкинеца къ ней лѣсамъ,

То са злосци страшнымъ бѣсамъ,

Штобъ якъ небудзѣ яѣе змочъ“.

Чтобы имѣть больше возможности подѣйствовать на свою жертву, онъ даетъ ей работу въ прачечной при дворѣ, отрывая такимъ образомъ отъ любимой матери. Однако случай помогъ Катеринѣ избавиться отъ приставаиваѣй эконома и въ то-же время погубить послѣдняго. Служа при дворѣ, она однажды въ саду „ѣ цемнымъ ѣ кусточку“ проливала горькія слезы, вспоминая о печальной участи любимаго Гапона. Въ этомъ положеніи застаѣетъ ее помѣщица, расспрашиваетъ въ чемъ дѣло, и узнаѣетъ всю правду. Возмущаясь поступкомъ своего служащаго, она тотчасъ-же выгнала эконома изъ своего имѣнія, а Катерина:

„Якъ пакайова дзѣѣчина,

Пры пани стала служиць;

Пани яѣе полюбила,

Читаць, писаць наѣчила.

На ксенжцѣ Бога хвалиць“.

На этомъ заканчивается вторая пѣсня. Содержаніемъ *третьей*—служить рекрутскій наборъ въ г. Могилевѣ, на которомъ самъ экономъ попадается въ солдаты. Эта часть повѣсти, не отличаясь художественными красотами, тѣмъ не менѣе весьма интересна, такъ какъ обильна чисто народными сравненіями и оборотами.

„У горадзѣ Магилевѣ,

Пры шырокамъ пры Дняпрѣ,

Гудзиць кабы шершни у древѣ,

Кшиць якбы у катлѣ.

Тамъ улицаю Панѣ гониць,

Калѣска страдой яциць,

Падѣ каньми ажѣ зямля стониць,

А хварысь, падзи, крмиць!

Тутѣ сустрѣнешь каламажку,

Вотѣ коники! глядзѣ! кругомъ

Гладки—лицяцѣ у размашку;

Гета, пеѣне, Аканомъ.

Дали хтось тамъ на драбинѣ,

Конникъ бѣтцѣмъ ракъ паѣзе,

Згадаешь па кисля мнѣѣ,

Што пацѣсора язе.

А тамъ хвурманаѣѣ багата,

Маѣляѣ, грибоѣ у бару;

Глядзишѣ!—то нашаго брата

Вязуць на службу Цару.

Кабы галодны сабаки,
Такъ жидоўски лапсардаки
Лезуць къ табѣ якъ сабаки;
Пападзисе-жъ имъ у коцци,
Наўрадъ патрафишь ихъ змоцци,
Вытрыбушаць кармаць твой.

Вотъ у каменны палаты,
Сходзяцца паны багаты,
Золота на нихъ кишиць:
Мужикоў туды-жъ прыводзяць,
И аднадворцы приходзяць,
Тамъ на службу майоць брыць.

На сиредзінѣ святлицы
Станць столь накрыць сукномъ,
Пры нѣмъ, съ крыжамъ у пятлицы,
Падпёршыся кулакомъ,
Ясны Маршалакъ сядзиць;
Йонь, маўляў, рабинъ у школѣ,
Чи якъ хурманъ у стадолѣ,
Важна такъ на ўсихъ глядзиць!

Направа паць вельми сроги,
Вусы якъ у быка роги,
Вотъ такъ старчимою стаяць;
Водасы яго сивеньки;
Мундзиръ на нѣмъ гадубеньки,
На грудзяхъ крыжи блищаць.

А за нимъ якисъ пузаты, —
Быццемъ мядзвѣдзь такъ косматы,
Гета дохторъ майе быдзь;
Руки за сабой трымайе,
Пальцами прабирайе,
Дый часто у кармаць глядзиць.

Съ лѣвой стараны Маршалка,
Тоненьки, просты якъ палка,
На розумъ, видна, хицѣръ!
Йонь съ надлобья паглядаець,
У рудѣ пиро тримаець:

Гета, кажущъ, пракуроръ,
На канцѣ якисъ вайсковы,
Смаглы, видны и здаровы,
Прыгоженьки кавалеръ!

Часта йонь на стойку вокамъ
Мециць у раздумьи глубокамъ:
То прыёмный ахвицеръ.

Вотъ съ кресла Маршалъ схвацѣся,
Усѣмъ у поясъ покланиўся,
Табакеркай заскрыпѣў;
Дали крыкнуў на дazorцъ;
„Нехай начнуць аднадворцы“!
Дый зноў на мѣста прысѣў.

Тутъ ля бакавой раздаўся
Святлицы жалобны стонъ,
И найпершый показаўся
Нашъ знайома Аканомъ.
Якъ прышла шляхцѣ травога,
Штабъ бумаги ўсякъ складаў,
Команъ, съ дапуццены Бога,
У аднадворцы палаў.

И вотъ, маўляў, ня урогамъ
Кажучи, пагана чесьць!
Треба-жъ, бытабы нарокамъ
На очередь яму ўлесьць.

Якъ вала вядуць на бойку,
Такъ Аканомъ падъ стойку,
Йонь-же не пацягне й ногъ;
Да скорчиўся у клубочакъ,
Съ дахтура ня сводзиць вочакъ,
А такъ стогна, што крыў Богъ!

Дохтаръ важна прыстунайе,
И некрута аглядае,
Зубы, ноги, боки, станъ;
Пагуль кала няго тунаў,
Пакуль кругомъ ня ацупаў,
Вагъ, маўляў, кани цыганъ.

Видна зъ сабой яны знались,
Пярвѣй, видна, паўстрѣчались;
Дохтаръ, бачъ, ганьбу нашоў.
Каже, у службу ня гадзица,
Яму треба паличицца,
Да и мѣры ня даноў.

А некрутъ: „Маи паночки,
Вы ясныя сакалочки!

Гдзѣ тутъ хвораму служницѣ,
Вотъ такъ коле мнѣ у грудзи,
Што сухвоты кажуць людзи,
И у баку вельми балиць“.

Кабы варамъ абліў плечи,
Якъ пачуў гетаки рѣчи,
Нашъ малады ахвицерь,
Йонь съ мѣста свайго самкнуўся,
Пры некруцѣ апынуўся,
Глядзиць бытцёмъ лихи звѣрѣ.

Падъ стойкай яго прастуйе,
Струной сягне, дый мацуїе,
А у бораду кулакомъ
Якъ парадкамъ яму суне,
Глядзи! вотъ саўсімъ ачуне
Нашъ неспасны Аканомъ.

На што людзей, каже, звадзиць.

Йонь мѣру наветъ праходзиць.

Я бяру на свой атвѣтъ;

Яка тутъ къ чорту хвароба?

Здаць!—а пасля будзе проба.

Возьмемъ яго ў лазаретъ“.

Дохтаръ кяшеню пачухаў,

Маршалъ табачки панюхаў,

Некруць жаласна запѣў;

Сударга на Аканомъ

Напала, пазнаў Гапона,

Дый за страху абамтѣў.

На этомъ кончаецца содержаніе третьей пѣсни. Содержаніемъ четвертой тэмы служить свадьба Гапона. Пока послѣдній служить въ войскахъ, Катерина живеть у помѣщицы при дворѣ, въ качествѣ ея „покоевой“:

„Цяперъ нашу Кацярыну,

Туйу сельскуюю дзяўчину,

Штобъ сустрѣў—ня пазнаў:

Паньску говарку сумѣла,

И сукеначку надзѣла,

Быцёмъ паненка, маўлиў!

Однако она не перемѣнилась и въ душѣ осталась вѣрной своему Гапону, часто тосковала по немъ:

„Гдзѣжъ Гапонка налпъ дзяецца,

Якъ бѣдному тамъ вядзецца“?

Такъ часто говаривала она своей старушкѣ матери. Однажды, распѣвая за работой съ своей госпожей „святы пѣсни“, онѣ узнають, что къ господскому двору прїѣхалъ какой то офицеръ. Когда въ комнату вошелъ

„Пригоженья ахвицерь;

Красны, видны и здаровы,

Золатамъ блиницѣ мундзеръ“,

—въ немъ Катерина узнала своего возлюбленнаго. Послѣдній, упавъ передъ бывшей своей помѣщицей на колѣни, просилъ выдать за него Катерину; просьба его, конечно, была исполнена, и скоро начались свадебныя приготовления. Описание свадьбы у автора вполнѣ соглашается съ народными обычаями бѣлорусскихъ крестьянъ; оно не лишено живости и занимательности. Мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

„Вотъ у удавы Агрипины,

Гаспадароў повянтъ дворѣ,

А на перадѣў дружины

Станць важна сватъ Хвидоръ;

У рукахъ съ гарелкай пляха,

А чарка гоўста якъ вольт,

Миргнуў!—и Маланя сваха

Абрусомъ наврыла столѣ.

Йонь пляшку съ чаркой наставиў,

Разны закуски дабавиў.

Дый съ галавы шапку сняў;

Агрипинѣ пакланиўся,

Водки да яїе напиўся,

И таки рѣчи начаў.

„Нехъ бендзе Езусъ Христусъ похвалены!

Для спасення грѣшныхъ зъ Марыи жоны.

Ня прышлы мы чарадой отъ сябе,

Да прислаў насъ Гапонъ да цябѣ.

Есць у цябе Кацярынка дочка,

Яна у маці якъ правая вочка;

Дый Гапонъ нашъ малады,

Йонь Цару вѣрна служиў,

Чиноў, почасцей нажиў,

Хватъ дзяцгна—хоць куды!

Вьомъ мы ўсѣ чаломъ Вашеци!

Зазави яїе изъ клѣци,

Няхай зъ нами пагуляе,

Дый гарелки паспытайе“.

Тутъ дзяўчата, маладзицы

Кацяринку изъ святлицы
Чесна падъ ручки вядуць,
И такі пѣсни плійюць:
„Огожъ табѣ, Хвѣдарка,

Увидзенка Кацяринка,
Кали яіе любишь, дай пирогъ,
Кали ня любишь—то вонь за парогъ!
Ня хвалися што у насъ быў,
Што нашай Кацяринки нязлюбійў“.

Хвѣдаръ маладу ўстрѣчайе,

Поўнай чаркай прапывайе,
Пирогъ, сыръ кладзе на столъ;
Гарелка у миски лѣпца,
Рублявикъ на днѣ кладзецца.
Разгуляўся сватъ висель.

А дзѣўкі водку забрала,

Закуска, пирогъ и сыръ,
У истопку пабяжали,
Галасіўши на ўвесь міръ;
Уздаволь тамъ пили, ѣли,
И гэтакі пѣсни пѣли:

„Мовила бочачка, у піўніцы стаячи,
Кали мяне ня выпьнеце,
Сама выкачуся,
На дварѣ разальюся,
Ракой да крыніцай,
Сцюдзенай вадзіцай.

Мовила Кацяринка, у маці седзячи:
Кали мяне ня выдаси,
То я сама пайду;
На дварѣ памаленьку набраду,
За варота угрунъ пабягу“.

Тутъ яны у позню ночку,

Ажъ да яснаго святочку
Пили, ѣли, дый гуляли,
Запоины праважали.

А ў субботу вичаркомъ,

За Грыниннымъ сталомъ,
Сядзѣла така дружина:
На пачеснамъ на куцѣ,
Важна говарку вядзе

Перша сваха Акулина.

Дружки ўправа возлѣ свахи,
Дзѣў прыгожи маладзіцы,—
То Гапонавы сестрицы,
Хоць ня адной яны маці.

Ўлѣва намѣсникъ сядзіць,

Жадна на пляшку глядзіць.
Дали сустрѣнешъ Гапона,
Дружкаў Янку и Мирона,
На канцѣ-жъ хростны Данило,—
То маладаго вазило.

А сватъ Хвѣдаръ то и дзѣла
Гарелку ўсцяжъ паддывайе,
Новы закуски стаўляйе,
Пираги, сыръ, што прысѣбла!

Тутъ чатыры маладзіцы,

Цягнуць дзюжку изъ святлицы,
На крыжу яіе стаўляюць,
Вѣлѣ Каравай разчынійюць;
Сваха мuku імъ прыносъць,
Дый благословлення просіць:

„Йосць тутъ Богъ, дый татка,

Радзёныя и сусѣды близкіе,
И дальныя, мужи сустрѣчныяе,
Бабы запечныяе,
Дзѣўтки заплечныяе,

Благословице краснай паннѣ каравай учиниць“!

Каравайкыжъ при рабоцѣ

Плійюць у доброй авхоцѣ:

„Благаславице людзи!

Близкіе сусѣдзи,
Гетаму дзіцяци,
Каравай замасиць.
Ручкамі бѣленькіми,
Персцеными залаценькіми,
Пѣснями выселенькіми.
Ты ступъ, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цяперъ треба,
Памагаў разчыниць,
Памагай замасиць.
Ня стой, Боже, за дзвярамі

Да йдзи Боже, у хату,
 Да сядзь, Боже на кучѣ,
 Да дай долю маладзѣ!
 — „Я у хату ня пайду,

Я за дзверами пастайю,
 Маладзѣ долю пярашлю.
 Зберайся, родзе!
 Да къ бѣлянѣкаму каравайю,
 Старыя бабы ли парадку,
 Маладыя маладзцы пѣсни пѣць,
 Удамы малайцы каравай пець“.

Да штобъ ўсе разказацы,
 Яки парадакъ у хацы,
 Якъ змавыны атбыли,
 Дый каравай атпякли
 Якъ хлопцы, дзѣўки скагали
 Лявониху, то бычка,
 Мяцелицу, казачка,
 Якъ маладую сажали
 На пасадь—казка така,
 Што ня сталабъ языка.

Вотъ прышла нядзѣлька красна,
 Засвящала зара ясна,
 Гапонъ нашъ мундзиръ надзеў;
 Щира уздыхнуў да Бога!
 Сѣў на каяі вараного,
 Дый къ маладой паяцѣў.

А дружбы Янка съ Миронамъ
 Вихрамъ садзцы за Гапонамъ:
 Слѣдамъ хлопцаў грамады
 Ляциць—пѣсни запявайець,
 Вѣцерь свитки развѣвайець,
 Ну! прыгожа череда!

На канцѣ вазомъ Данила
 Гудзцы!—сколька зможе сила,
 Капемъ музыку вѣзе.
 Ананя жѣ прыпѣвайець,
 Йомка смыкомъ подсѣвайець,
 Не заўважйў, што трасе.

Якъ заѣхала дружина;
 Съ хаты вышла Агрыпина,

Надзѣўши кажухъ наўзнакъ;
 Чарку Гапону падно зйць,
 У святлицу зайцы просиць,
 И рѣчи вынодзиць такъ:

„Зяценка!

Пью на цябе поўнымъ кубкамъ.
 Добрымъ здароўеямъ,
 Што мысляю сабѣ,
 То и табѣ“.

Гапонъ чарку бярэ ў руки,
 Двойчы вылиў за сябѣ,
 А тречи разъ для выруки
 Бѣлы рублявикъ кладзе.
 Грыпина чарку прымае,
 У святлицу запрашайе.
 Дзѣўки-жѣ карагодамъ, ходзяць,
 Жалобны пѣсни заводзяць:

„Хто у поли пацяхоньку шукаець?
 Тамъ Кацярынка сваго татки шукаець,
 Хоць шукаець, не знайдзѣць.
 Ой далека йой татачка далека,
 У сырой зямлі у жоўтымъ пяску глубока:
 Да зрабили добры людзи вѣчны домъ,
 Безъ дзвярей, безъ аконачки, безъ сонца,
 Ня прамоўлю, дзизятка, ня слоўца“.

Тутъ настала частованя,
 Дый падаркаў раздаваня,
 Сотню паясаў, маўляў!
 Свата ручникомъ звязали,
 Ваклагу у руки ткали,
 Штобъ гарелки большъ достаў.

Лубку съ ситамъ падстаўляюць,
 Маладу на ней сажуюць,
 Якъ каралеўну на урадь,
 Янажъ усцяжъ галосиць,
 Кругомъ наклони разносиць,
 Дый зноў сядзе на пасадь.
 Дзѣўки-жѣ, хлопцы, пьюць, гуляюць,
 Падъ скрыпачку падпявайюць:

„Скочила Кацярынка съ лаўки да лаўки,
 Скланялася мамачѣ низку у ножки,

Коскаками зямлю накрыла,
Слезками пожки памыла.
Карыся, Капірынка, стараму,
Клянэйся і маладому,
Зь павлонаў галоўка на балиць,
Стары і малы благасловіць“.

Якь, бачь, нявісту прибрали,
Да двора так паскакалі
Яснай пани чаломь биць,
На выселлы папрасіць.
А пани — не пани, маці!
Маўляў радному дзінціці,
Прыгожи пасагь дала,
Радосну слёзку урапіла,
Маладыхь благаславила,
Сама кь вянку павяла.

Ксецдзь маладыхь снятыкайе,
На ўсе жидь ихь случае;
А якь скончѣся абрадѣ,
Скрыпичеми загудзѣли,
Дружки вежила зашѣли,
Днѣ вырѣжѣся назадѣ.

Паню на куць запрасили,
При ней Ксецдза насадили,
Святѣ парадкамь начаў чещь;
Пына, медь радой лилися,
Каўбаса зь саломь нашлася,
Уздоволь было пиць, ѣсьць.

Дзѣўки, хлопцы, маладзцы,
Цѣлу ночку па святлицы,
Вадзѣлися, хто якь змогьт:
Якь ў гаршку тамь кипѣла,
Атѣ пылу ажь пацяміѣла,
Суматоха — што крыў Богь!

Я на томь выселлы быў,
Пива, медь, гарелки пиў,
У роцѣ здаволь было,
Ажь па барадзѣ цякло“.

III.

Мы рассмотрѣли содержание повѣсти Дунина-Марцинкевича „Гапонъ“. Какъ видно, главная цѣль ея — показать, что добродѣтель вознаграждается, а пороки наказываются. Въ самомъ дѣлѣ, добродѣтельные герои и героини повѣсти много перенесли горя отъ коварнаго эконома; но, послѣ достигнутаго испытанія, ихъ желанія сбываются и они инопѣль вознаграждены послѣдующимъ счастьемъ; въ то-же время, эконома, копаншій подь другимъ яму, самъ попадаетъ въ нее. Такимъ образомъ „Гапона“ нужно отнести къ ряду *правовучительныхъ повѣстей*, что составляетъ отличительный признакъ тогдашней мѣстной бѣлорусской литературы. Марцинкевичъ отдалъ долгу своему времени. Однако дидактизмъ его повѣсти преслѣдуетъ и болѣе глубокую цѣль, чѣмъ одно простое правовученіе: желая своими трудами принести посильную пользу какъ „панамъ“, такъ и „хлопамъ“, авторъ имѣетъ въ виду еще и другую цѣль. Такъ, кромѣ вышеуказанной цѣли, въ повѣсти проводится еще и другая мысль: авторъ хочетъ доказать, что помѣщики часто вводятся въ заблужденіе своими-же безп्राветными слугами, какимы здѣсь является эконома; но сами паны „добродѣтельны“ и потому, узнавъ о коварствѣ, стараются вознаградить по возможности пострадавшихъ.

Такого рода направленіе обще большинству тогдашнихъ мѣстныхъ писателей, которые видѣли въ литературѣ средство для проведения нравственныхъ идей, средство для поученія.

Такъ понималъ свою задачу и авторъ разбираемой повѣсти. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ: „Пиша ее (повѣсть), я имѣлъ цѣлю, чтобы наши помѣщики, при выборѣ въ помощъ себѣ официалістовъ, обращали серьезное вниманіе на ихъ характеръ и нравы; ибо они злоупотребляютъ иногда вибреной имъ властью, изъ своихъ видовъ губятъ рабочій людъ, и чрезъ это весьма часто безъ вины возбуждаютъ его ненависть на пановъ“. Желая поучить пановъ въ этомъ смыслѣ, онъ и рѣшается „выпустить въ свѣтъ свою повѣсть, взявши содержаніе изъ правдиваго случая“, чтобы слѣдовательно, поученіе его могло быть тѣмъ сильнѣе.

Характеръ отношеній между панамъ и хлопами понимается авторомъ довольно наивно; но въ этихъ его словахъ нельзя не видѣть другой задачи, которую преслѣдовали и другіе современные ему мѣстные писатели (напр. Янъ Чечотъ)¹⁾, хотя и понимали ее весьма неопредѣленно и наивно. Смотри

¹⁾ Такъ, напр., Янъ Чечотъ говоритъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ сочиненій: „Быть можетъ, онѣ (стихотворенія на бѣлорусскомъ языкѣ) проникнуть какъ нибудь въ деревню? быть можетъ, онѣ заговорятъ сердцу благожелательныхъ пановъ и обратятъ болѣе любящее вниманіе на крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ содѣйствовать успѣху этихъ трудолюбивыхъ соотечественниковъ въ правдивости“ (А. Пыпинъ „Бѣлор. пѣсни“. В. Евр. 1887 г., май, р. 217).

въ то время на литературу, какъ на средство для проведенія различныхъ идей, они и обратились къ ней для своей проповѣди, писали повѣсти, рассказы, стихотворенія, рисованіе въ розовыхъ краскахъ отношеніе „добрыхъ пановъ“ къ „милымъ, добрымъ хлопамъ“. Тогдашніе писатели (по преимуществу, конечно, мѣстные бѣлорусскіе и литовскіе уроженцы, которымъ ближе были эти вопросы), поучая пановъ, не понимали причинъ, вслѣдствіе которыхъ возникало раздѣленіе мѣстныхъ бѣлорусскихъ и польскихъ интересовъ. Отличіе бѣлоруссовъ отъ поляковъ они видѣли только въ „схизмѣ“— православной религіи, но и оно уничтожалось для большинства памятью о недавней униі въ значительной части населенія. На бѣлоруссовъ они смотрѣли, какъ на тѣхъ-же поляковъ, только говорящихъ языкомъ, смѣшаннымъ изъ польскаго и великорусскаго; въ остальномъ они не видѣли разницы между полякомъ и бѣлоруссомъ, называя бѣлорусскихъ крестьянъ „нашими“. Между тѣмъ такой взглядъ на бѣлоруссовъ, какъ на равнозначность поляковъ и на Бѣлоруссію, какъ часть Польши кореннымъ образомъ рознился съ тѣмъ, что замѣчалось ими въ дѣйствительности. Тутъ они видѣли безпрестанную борьбу польскаго и бѣлорусскаго элементовъ, недоброумное отношеніе другъ къ другу. Представители обоихъ племенъ, живя совместно на одной территоріи, имѣли въ то-же время различныя цѣли въ своихъ стремленіяхъ. Поляки или ополяченные бѣлоруссы тянули къ Польшѣ и католичеству, бѣлоруссы—къ православію. Польскіе писатели того времени, видя общность славянскаго происхожденія того и другого племени, не понимали, что при этомъ общемъ славянскомъ происхожденіи между обоими племенами лежитъ коренное различіе въ ихъ культурѣ, историческихъ началахъ развитія и языкѣ, который не составляетъ смѣси польскаго въ великорусскимъ, но составляетъ, какъ показали ученныя изслѣдованія, самостоятельную вѣтвь славянскаго языка.

Бѣлоруссы и поляки воспитались на различныхъ національных основахъ, успѣли выработать, каждое племя отдѣльно, задатки самостоятельной культуры, когда имъ пришлось соединиться въ одно государство (послѣ Люблинской, конечно, униі). Писатели указаннаго направленія, зная о государственномъ соединеніи Польши, Литвы и Бѣлоруссіи до 1793 г., послѣ уничтоженія политическаго существованія Польскаго государственнаго тѣла, стремились найти способъ культурнаго сліянія племенъ и при томъ на почвѣ польскихъ національных началъ.

Писатели указаннаго направленія видѣли только внѣшнее политическое соединеніе Бѣлоруссіи съ Польшей, считая его (а многие и до сихъ поръ считаютъ) „братскимъ союзомъ“ двухъ народовъ; оба народа имъ казались близки по происхожденію, слѣдовательно, могли сойтись, но при этомъ союзъ предполагался съ точки зрѣнія исключительно польской. Они забывали, что пропасть, лежавшая между обѣими народностями, была поло-

жена именно во время политической ихъ униі, тогда именно и обострились обоюдныя ихъ отношенія, такъ какъ время это было временемъ борьбы двухъ культурныхъ началъ.

Вообще, взаимныя отношенія обѣихъ народностей могла бы выяснитъ только наука, но польская наука (въ общемъ, конечно) того времени не стояла выше чисто польскихъ аристократическихъ тенденцій, а русская только зарождалась¹⁾.

Къ разряду писателей указаннаго направленія принадлежатъ всецѣло и авторъ „Гапона“. Видя въ повѣсти средство для нравоченія, Дуинь-Марцинкевичъ заходитъ слишкомъ далеко, придавая огромное воспитательное значеніе своему труду. Кромѣ указаннаго, онъ еще полагаетъ, что его повѣсть можетъ служить для читателей—крестьянъ—убѣдительнымъ примѣромъ того, какъ „трезвый, безупречный нравомъ (obyczajow nierozlakowany)“, и притомъ храбрый, даровитый и исполнительный въ службѣ крестьянинъ (chłopek)“ всегда получитъ награду у правительства (ojcowskiego Rządu); поэтому, прочтя его повѣсть, многіе изъ крестьянъ съ охотою отдадутся службѣ, тогда какъ вообще они служатъ весьма неохотно. Кажется, не смотря на прекрасныя намѣренія автора, нечего и доказывать, что трудъ его не соответствуетъ высокимъ его цѣлямъ.

Мы остановились подробнѣе на предисловіи автора, выражающемъ его взглядъ на свое назначеніе потому, что эти взгляды не принадлежатъ ему исключительно, но выражаютъ взгляды почти всѣхъ мѣстныхъ писателей того времени²⁾.

Для цѣлей, которыя имѣлъ авторъ при изданіи своей повѣсти, она не могла имѣть особеннаго значенія, но за то его трудъ имѣютъ еще и въ настоящее время большое значеніе, котораго, быть можетъ, не подозреваютъ творецъ ихъ; значеніе это заключается въ бытовой сторонѣ повѣсти и ея языкѣ. Языкъ вездѣ представляетъ чистое Минское нарѣчіе, весьма хорошо и точно переданное. Авторъ прекрасно знаетъ бытъ крестьянъ и описанія бытовой обстановки составляютъ лучшія мѣста повѣсти, какъ, напр., описаніе гулянья въ корчмѣ, свадьбы и др.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ схвачена съ поразительной вѣрностью и проникательностью бытовая обстановка жизни бѣлорусса, наконецъ, авторъ старается по возможности отразить въ своемъ произведеніи складъ умственныхъ понятій бѣлорусса: въ его сраженіяхъ, напр., въ третьей пѣснѣ, въ описаніи движенія въ городѣ, засѣданія присутствія выражается богат-

¹⁾ Объ этихъ отношеніяхъ см. подробнѣе въ статьяхъ нашихъ; „Докторъ Францискъ Скоруна“ („Минскій Листокъ“ за 1888 годъ №№ 42, 44) и „Бѣлорусское прошлое“ („Минскій Листокъ“ №№ 53, 57, 58, 62, 64, 82 и 86 за 1888 г.).

²⁾ См. Статьи А. Пыпина „Бѣлорусская этнографія“ въ „В. Евр.“ 1887 г., май.

ство своеобразнаго бѣлорускаго юмора и тонкой наблюдательности; онъ вѣрно рисуетъ типическія особенности характера бѣлорусса. Произведеніе его важно по той любви, по тому теплomu чувству къ судьбѣ крестьянина, къ его горю и радости, которыя вложилъ въ свое произведеніе авторъ.

Заключимъ нашъ бѣглый очеркъ указаніемъ на тотъ фактъ, что, не смотря на 40 почти лѣтъ, прошедшихъ со времени перваго изданія „Гарона“, повѣсть эта и теперь еще не изгладилась изъ памяти бѣлорускаго крестьянина: намъ удавалось слышать отрывки изъ него въ разныхъ мѣстахъ Минской губерніи. Многіе изъ крестьянъ, особенно старики, знаютъ фамилію автора, а иногда даже содержаніе повѣсти, но большинство считаетъ его произведеніе чисто народнымъ. Наибольше извѣстное мѣсто, которое чаще всего приходится слышать,—это первая половина первой пѣсни—веселье въ корчмѣ.

В. ДУНИНЪ-МАРЦИНКЕВИЧЪ И ЕГО ПОЭМА

„Гарасъ на Парнастѣ“.

Очеркъ изъ исторіи бѣлорусской этнографіи ¹⁾.

I.

Въ половинѣ настоящаго столѣтія бѣлорусскій край и его обитатели возбуждаютъ къ себѣ не малый интересъ въ польской и русской литературѣ и наукѣ. Появляется рядъ замѣтокъ, путешествій, сборники пѣсенъ, разсужденія о языкѣ, историческія сочиненія. Интересъ къ краю возбуждается большею частью мѣстными уроженцами и центромъ этого литературно-научнаго движенія сдѣлалась Вильна. Одна часть писателей, воспитанная въ польской культурной средѣ, писала по-польски, другіе, имѣвшіе больше связи съ русскими, перенесли свою дѣятельность въ столицы (профессоры Григоровичъ, Шпилевскій и др.). Однихъ край интересовалъ, какъ предметъ научныхъ наблюденій, другіе писали о краѣ, потому что любили его, какъ мѣсто своего рожденія ²⁾.

Изученіе народной поэзіи повело къ стремленію подражать ей, пиша на народномъ языкѣ. Такимъ образомъ появляются попытки создать

¹⁾ Напечатана въ „Витеб. Губ. Вѣдом.“, 1896 г.

²⁾ Въ шестидесятихъ годахъ, да иногда и теперь, встрѣчаются порицатели этого научнаго движенія, повидимому, больше потому, что писали тогда мѣстные люди по-польски или хотя и по бѣлорусски, но польскимъ шрифтомъ. Но на это можно отвѣтить словами г. Пыпина: „Той эпохѣ польской литературы и общественной у насъ приписываютъ обыкновенно или явную, или затѣянную интригу и пропаганду полонизма; мы замѣчали уже, что въ отношеніи польскихъ патріотовъ къ Западному краю гораздо больше было простой исторической привычки смотрѣть на этотъ край, какъ на издавную часть ихъ польскаго отечества, тѣмъ больше, когда съ русской стороны интересъ къ этому краю почти не существовалъ. Множество этихъ поляковъ-патріотовъ и писателей были именно уроженцы этого края; „народъ“ края не былъ польскій, но они, по старой памяти, считали его своимъ, давно съ ними связаннымъ, и въ ту эпоху развитія народнаго романтизма ихъ интересъ направился на этотъ народъ, собственно литовскій и народъ польскій“. Пыпинъ, Ист. Русской Этнографіи, IV, 47.

крѣпкую связь между собой и бѣдруссомъ. Мораль Мардинкевича сводилась, прежде всего, къ тому, что крестьянинъ—существо, обладающее высокими нравственными достоинствами, такъ что часто онъ стоитъ выше испорченныхъ, извѣженныхъ пановъ и особенно высоко стоитъ въ сравненіи съ такъ называемыми „полупанками“. Въ самомъ дѣлѣ, большіе паны не обходились безъ этихъ „полупанковъ“, происходившихъ изъ мелкой шляхты: они бывали арендаторами, экономами, управляющими въ имѣніяхъ. Люди необразованные и грубые, приближавшіеся къ настоящимъ панамъ только благодаря своему шляхетскому званію, они презирали и угнетали крѣпостныхъ усерднѣе самихъ помѣщиковъ. Типы такихъ „полупанковъ“ выведены имъ въ „Гапонѣ“ и въ „Купалѣ“, въ неизданной драматической пьесѣ „Пинская шляхта“ и въ „Дажникахъ“. Но правота крестьянина, честность крестьянской дѣвушки берутъ верхъ. Любимый типъ Мардинкевича—невинная дѣвушка, которую стараются такъ или иначе оклеветать, обидѣть. Въ „Шавроўскихъ дажникахъ“ Тадорка „якъ зорачка ясна“ (р. 100):

Кроу съ малакомъ ле щочки,
Молвиннію блиндаць вочки,
Снадишпа, бачь, якъ зирне,
Серца молатамъ забѣцда,
Грудзь поламаямъ обальсца,
Ня спазнаешь самъ сябе.

Яна-жъ чѣсна—працавита и т. д. ¹⁾.

Нѣсколько разъ поэтъ возвращается къ образу молодой крестьянской дѣвушки. Въ „Купалѣ“ Агатка любитъ панича, онъ ее. Но паничъ, по своей испорченности, клянися ей въ любви, предлагаетъ ей въ то же время выйти за любящаго Агатку Савку, а сами мы „якъ циперь любимъ другъ друга—любици будзимъ“. Такое коварство обижаетъ дѣвушку:

¹⁾ Качества крестьянской жены поэтъ ставитъ высоко. Въ „Купалѣ“ („Сіека-вусъ?... 33), передавая народное преданіе, поэтъ отъяняетъ, что и князена жена, которую мужъ бралъ въ золотѣ, и панова жена, которую мужъ бралъ въ серебрѣ, —обѣ оказались не хорошими. Только господарская дочка, жена господаря Янки, оказалась женой и працовитой, и болейшей Бога и вѣрной:

Трѣця Яначкава,—что была убога,
Працавала цыри, у боязни Бога;
Пакорная, циха,—для мужыка вѣрна,
Безъ думы, безъ жоўци—а такъ миласерна!
Што якъ Богъ дарыў ихъ у гумнѣ избыткамъ,
Ў клѣцкі запасамъ—аборы дабыткамъ,
Ўсяки кусочакъ зъ бѣднымъ дзялама,
Ня одна тамъ маці ей благословила,—

и т. д.

Якъ пачуда дзѣўка гэтакі науки,
Вось, моўляў, асінка ўся затраслася,
Уздыхнула пажыки, заламала руки,
Горкіми слезами тутъ-же зайлася,
Посля смутнымъ вокамъ на дзядюка гліяне,
Днй гэтакі рэчы казаль іму стане:
„Да таго-жъ нясчасной мнѣ ужо пршлося,
Што такія брѣдни тутъ-же далялося!
Богъ мне карае, што вѣтрона стала,
Пачываго серца чурацца пачала;
Паничъ только зводзіць, хочешъ забаўляцца?
А ня ласка-жъ будзі са мной абвянчаца?“
—„Што табѣ, Агатка, сегодня прысѣла,
Чи ты упилася, чи ты адурѣла?—
Штобъ шляхціцъ зъ мужыкай дочкай ажаніўся!
Я-жъ бы межъ своими тагда ня ужыўся!
Пальцамі-бы мне ўсѣ вытыкала,
Якъ отъ злой собаки чурацца-бы стали!“
—„А мне-жъ ня будуць свои выражацца,
Бацца прахлінаці, сасѣды чурацца,
Што съ паничомъ стану ў саромѣ жыць?
Вамъ ня грэхъ мужычку на чэсці забіці,
Бо мужыкъ ня годны,—ня Боская справа?
Ўсякъ зьдэкавацца надъ нимъ мае права!
Яно, башъ, ня маці, якъ вась, парадзіла!
Якъ шляхціца, яго не прыме магіла!—
Дзікуй же паничу за твае кахане,
Милѣйшы-жъ мнѣ Саўка ў мужыцкамъ станѣ:
Енъ ня схочэ бѣдной дзѣўчачы,
Енъ пачывымъ серцамъ вѣкъ будзі любіц!“
Такъ наша Агатка миламу аткаже,
А хаць слезка градамъ на тварѣ пакацілася,
Ў поламі серцѣ молатамъ забілася,
Хоць на душы гора камяіемъ наліжэ,
Разумная дзѣўка, помня боязню Бога,
Маўляў, ать гадзюки, ать сваго милога,
Цугліваю ланій яна уцекае:
Дарма злосны писаръ вѣрносць прыгае,
Яна уже далека—грудзь цисне рукою,
Сердце аблілося крававай таскою.

Этотъ отрывокъ въ достаточной мѣрѣ характеризуетъ теплое отно-

шение поэта к крестьянину. Поэт идеализирует тип крестьянки, и главным образом для того, чтобы показать, что и надь мужикомъ „грѣхъ здекавацца“,— какъ говоритъ та же Агатка въ другомъ мѣстѣ; идеализируя крестьянина, онъ въ то же время призываетъ помѣщика-пшлятича къ болѣе человѣческому отношенію къ своему крестьянину.

Марцинкевичъ не только взывалъ къ панамъ о болѣе человѣческомъ отношеніи къ крестьянамъ, онъ шелъ дальше, проповѣдую необходимость образованія для крестьянина, необходимость школы и, наконецъ, улучшенія экономическаго быта. Въ „Галонѣ“ онъ далъ образецъ того, что крестьянинъ далеко не такъ низко стоитъ въ умственномъ отношеніи, что образованіе доступно и ему. Съ какою радостью посвящаетъ онъ свою книгу „Сiekawys?? Przeczytaj!“ Александру Лаппѣ, маршалу Бобруйскаго повѣта, именно потому, что, проѣзжая черезъ имѣніе Лаппы, авторъ видѣлъ прекрасныя хозяйственныя постройки крестьянскаго люда (rozcziwego ludu), свидѣтельствовавшія о благосостояніи обитателей. „Грудь моя забилась веселіемъ! Я нашелъ здѣсь достатокъ во всемъ, указывающій на зажиточность жителей. Радостно тогда я воскликнулъ: Богъ живетъ съ этимъ людомъ! Не панская тутъ, но отповская распоряжается рука“. Онъ не находить никого кругомъ, кому-бы слѣдовало посвятить свою книгу, какъ не „олекуну слабыхъ“, отцу крестьянъ. Да и дѣлъ его книжки, говорить Марцинкевичъ далѣе,—заохотитъ деревенскаго жителя (wiesniak) къ чтенію, чтобы онъ развилъ свой умъ, погруженный дотолъ въ темноту.

Но, зная хорошо, что мало найдется помѣщиковъ, которые бы безкорыстно старались объ улучшеніи быта и образованіи своихъ крѣпостныхъ, онъ въ предисловіи къ „Галону“ указываетъ помѣщикамъ и на практическую выгоду: образованный достаточный крестьянинъ будетъ болѣе честнымъ, болѣе понятливымъ слугою,—думая хоть такимъ мотивомъ обратить вниманіе помѣщиковъ на своихъ крестьянъ. Но конечной дѣлюю его желаній, о чемъ онъ могъ писать, но не могъ въ то время печатать,—это было полное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго ига. Что именно эта дѣль составляла завѣтную мечту Марцинкевича, видно изъ одного неизданнаго стихотворенія, которое мы, пользуясь случаемъ, здѣсь и приводимъ. Стихотвореніе написано въ 1860 году. Рукопись написана рукою поэта и подписана псевдонимомъ „Наумъ“¹⁾.

Вотъ оно:

Вясна голодь парापала,
Ани соли, ани крупы:

¹⁾ Наумъ подраз. Прыворка—герой пьесы „Селянка“; этимъ именемъ Марцинкевичъ часто называетъ себя въ своихъ произведеніяхъ, часто подписывался, избѣгаясь быть подлѣ этимъ именемъ у друзей. Роль Наума Марцинкевичъ игралъ на Минской сценѣ и имѣлъ успѣхъ.

И скацинѣ корму мала,
И самому ани у зубъ.
* * *

На палацяхъ дохнуць дѣщи,
Жонка тры дни здуру пець,
И даўно парожна ў кльци,
Хоць была добрая кльць.
* * *

Хоць халодва, хоць голодна,
Хоць бы голадъ—випачомъ:
Вотъ кабъ тольки намъ свободна—
На свободзѣ аджынемъ.
* * *

Будзимъ роўныя зъ панамы
И такъ сама якъ паны
Пницъ гарэлку збанами
И гулицъ такъ, якъ яны.
* * *

Вотъ панамъ нядужа лоўка—
Самымъ трэба працаваць!
Пабалиць ни разъ галоўка,
Коли прыдзецца араць!
* * *

Ни адзинъ зъ ихъ зацаецъ
И заскачнць драпака:
Яны тольки вець умѣюць
И драць шкуру зъ мужыка!
* * *

Перестануць нашымъ братамъ,
Якъ скацинны таргавачъ,
Напусацца лихимъ магатамъ,
И шкуру зъ насъ да карка драць.
* * *

Будзе мужыкъ ни скацина,
Ни разъ скажыць панъ зъ пановъ:
„Пане Хведэръ, пане Мина,
Якъ же, васпаць, ци здароу?“

И такъ, конечное желаніе поэта—это свобода крестьянина. По своему обыкновенію онъ не удерживается и въ этомъ случаѣ отъ идеализаціи: вмѣстѣ съ свободой поэту мерещится и полное „равенство“ мужика съ

панамі, заключаюцца ў тым, што мужык будзе называцца „паном“; пастфудзе і матэрыяльнае ўдасканаленне: яны будуць п'ць горэлку з панамі і „гуляць“; паэт так пранікся сваёй ідэяй, яго жаданні так сліваюцца з мечтамі с'брой масы, што ён злорадствуе, смеецца над паложэннем панова, ў якім яны оцутыя пры освободжэнні, хоць і яго, і яго круг з такімі-жэ панамі—помішчы. Прыведзенных прыкладаў дастаткова, каб склаціць больш ці менш вызначанае ўяўленне аб практычных д'ялах, якія себ' ставіў Марцінкевіч, хоць здэсь зусім не імгало ў вачы ісчерпаць усях характэрных м'стаў з яго прадзвіненяў. Галоўнае, паўтараем, — што адшувало душу паэта, гэта безкорыстная любов да сялянства, жаданне прынесці карысць асабліва і пабудзіць да тых-жэ другіх; нарэшце, ён адчуваў і себ' часткаю гэтага грамадскага „міра“. Путь, абраны для гэтай д'ля Марцінкевічам, у асноўку выпадку арыгінальнага (свядомасць гэтага было лепшай наградой паэта; см. прадмова да „Дудары“) і больш заслужыўшага адрознення, чым злобнае раскрыццё народнага гора, без указання прычын, без указання сродкаў, як выйсці з яго ¹⁾.

Но як жэ мастака-любителя Марцінкевіча цікавіла і агульнае жыццё беларускага сялянства. У яго прадзвіненнях мы знаходзім этнаграфічныя звесткі, хоць мастацтвам-воспрыймаемае выяўленне народнага жыцця. Да ліку бытавых п'сень прыналежаць п'сеньнікі ніжэй „Тарас на Парнась“.

II.

„Тарас на Парнась“ не быў да с'х пор напечатаць у поўнаму выглядзе, хоць гэта невялікае прадзвіненне досыць добра вядома ў рукопісках у усях угодках Беларусі, пры чым імя аўтара адна і тая-жэ вядома. Ён ужо вошле ў цыкл тых любімых прадзвіненяў, большаю часткаю сатырычнага напраўлення, якія ў большым ліку ходзяць у спісках ілі ў усной перадачы ў краі, як „Паньское ігрышце“, „Гутарка Данылы“, а аўтары якіх невядомы. У гэты цыкл папала такжэ большыя адрывкі з „Гагона“. Ко мн' асабіста „Тарас на Парнась“ дошле ў больш ці менш ісканенных відах з розных канцоў Мінскай і Могілеўскай губ.; некаторыя спіскі, асабліва, вышлі з с'реды, незнаючай ні польскай, ні рускай літаратуры,

¹⁾ Тяжелае ўвпечадлівае прадзвіненне разказа напрыклад „Газыка“ ў „Москвітаніні“ 1843, т. IV, ч. 8, стр. 383—412. Аўтар яго, витебцавін, зь якім-то злорадствам апісвае в'чно п'юшага Янку і др. л'ятавца. Разумецца, тіль Янку і др., выведзеныя там, гэта такжэ свайго роду ідэалізацыя народнага жыцця, зь д'ляю абратнае ўважанне на яго літаратуры. Но такой спосаб можаць і отвратіць агульнае ад сялянства.

т. е. з с'реды паўнароднай і дажна народнай, таму што сустракаюцца ў ім імяна пісателёў ісканены ілі выброшаны. Адна з спіскаў, вращаюцца ў Витебскай губ., быў напечатаць ў № 37 1889 г. „Мінскага Листа“, а гэты спісок адна зь ісканенных. Прычыну усп'ха, якім пользуется „Тарас“, трэба іскаць ў тым, што ў гэтым маленькаму прадзвіненні, як і ў другіх п'снях Марцінкевіча, звычайна жыво і цікава зображана жыццё багатага беларускага сялянства; не толькі зображана в'рно в'шняя жыццё, но дапа в'рна, п'ятая для ўсякага беларуса, характэрная прыкмета святага і умственага абліка сялянства.

Л'снай сторож Тарас, чэсны і добросовестны ў ісполненні сваіх абавязкаў, вышле на абход л'са да св'ята на самаго Кузьму-Дем'яна, кога, па народнаму ўяўленню, лёгка могуць прымерціць усе страхі і небывіды. Так і адбылося. Простатай Тарас прызнае, сам гэта не свядомы, і папале ў сапраўды для сябе неабичную абстаноўку, — папале на Парнась да самаго Зеву за гості. Ён „протрухался“ між паважліва ілі паважліва ў падножжы горы паэтамі на вершыню яе і здэсь заставіў сапраўды вядомаму абстаноўку: большы дом багатага сялянства, па двору бродзяць свіны, багні могуць богаць парты, Нешчун плетзе с'ты і пр.; ў ісполненні вядомаму картіны: жаргы Амура, драка Марса з Геркулесам, асабісты абход богаў, — такой абход, які толькі можа ілі мог прысціць в'дому л'снаму, — усе гэта абрысана жыво і в'рно. Но, як вядома з гэтага с'хемы, п'сеньнікі Тараса аблечылі ў ісканенную абичную форму. Мы імгнем д'жае з сатырой. К' сожал'нію, досыць цяжка сказаць што нібудзь вызначанае аб тым, па какому поводу аўтар напісаў гэту сатыру ілі што ён імглем ў вачы.

Думаць, што аўтар заднім лікам бачыў ложна-класіцызм, — адна ілі в'можна. Быць можа, аўтар імглем ў вачы другую д'ля: воспользоваўшыся старымі абразамі, ў родзе перелицовок Энеіды, даць нам жывую картину беларускага народнага жыцця і пры выпадку п'сеньнікі над ідэямі пісателёў, якія, не імяя крупных дараван'яў, тянута ілі тунуліся за велікімі паэтамі, набрасывалі на „высокія“ тэмы, забываючы аб сваёму народзе і сваёму родзіне; такіх паэтоваў мы знаём, было не мала сярод с'верстнікоў Марцінкевіча.

У заключенні нашай зм'яткі прыводзім тэкст самаго „Тараса на Парнась“.

Тарас на Парнась.

Чы знаў хто зь вас, браткі, Тараса,
Што паісоўдыком служыў? —

Што на Пуцявицы, ля Парнаса,
 У присёлку сабѣ жыў?
 О! челоуѣкъ ёнѣ быў рахманы,
 Гаралкі ў губы ёнѣ ня браў—
 Зато ў ласы быў у пана:
 Яго панѣ вельми шанавалі!
 Любила тожѣ Тараса пани,—
 И войтѣ ни разу ня брахаў;
 За то атѣ вечера до раньня
 Ёнѣ бору шыра пильнавалі.
 Чувѣ сьвѣтѣ,—а ёнѣ стральбу за плечи,
 Сякеру заткнець за паясь,
 Да идзе бору сцярычы,
 И птушачки страдальцѣ подѣ часѣ.
 Хадзіў ёнѣ доўга такѣ, чы мала,—
 Ажѣ вѣшта адзінѣ разѣ
 Вяліка бяда яго спаткала—
 Вось, якѣ казаў мнѣ самѣ Тарасѣ.
 На самога Кузьму-Дзямьяна
 Пашоў я быць цыцарукоў,—
 А ўстаў той дзень я дужа рана—
 Здаецца зѣ первыхъ пятахоў.
 Иду сабѣ я панямогу,—
 Да и на пни троха прысѣў,
 Ажѣ разамѣ—лупѣ! чэрэзѣ дарогу
 Якѣ бытто цыцаруцѣ узаліцѣў.
 Я за стральбу—ни палиць!
 Я за други куроцѣ—ни пячѣць!..
 Гляджу,—ажѣ зѣ-за ели валиць—
 Якѣ есьцѣ хоромина—мядзвѣдзѣ!
 Хоць ня труслиў я быў дзядина,
 Аднакѣ затросся якѣ асина,
 Зубми якѣ пуцька лапятаў,—
 Да й чутѣ не захвараў!
 А зѣ парापугу ажѣ сплюнуўся
 И думаў—за пень заскачу!—
 Скакнуў, ня трапіў, послізнуўся
 И ў яму тарчакомѣ лячу!
 Ляцѣў, ляцѣў—якѣ загрымиць,—
 Ажѣ стала зелѣна у вачахѣ!
 Дожджѣ якѣ зѣ видра пачаў ляць,—

А я ляжу—якѣ доўга—на плячахѣ,
 Ўстаў зѣ зямлі, акаладзіўся,
 Бо быў у грази якѣ свини—
 И доўга самѣ сабѣ дзивиўся:—
 Куды же гѣта пашаў я?...
 Рукой поскробаў кола вуха,
 Дастаў зѣ кишени рагавень,
 И храпы насыціў цартухой,
 Бо ужо ня шюхаў цѣлы дзень.
 А вой! а вой! якѣ тутѣ прыгожа,—
 Якѣ бы хто намалеваў:
 Чырвоны краскі,—макѣ и рожа—
 Шыринку мерамѣ хто паслаў!
 И птушкі есьцѣ тамѣ дужа стройны,
 Паяцѣ ни горай салаў.
 Ахѣ вохтци мнѣ! ахѣ вохци я!
 Куды же гѣта пашаў я?
 Стояў я доўга, дзивонаўся,
 Разинуў зявы и глядзѣў,—
 Ажѣ тутѣ аткулитка не узіўся,—
 Ни то пришоў, ни прилицѣў—
 Хлапчынка вѣкѣ—кругладзкі,
 Увесь кудравы якѣ баранѣ,—
 А за его плечми вялікі
 Прычепляць лукѣ да и каўчанѣ.
 — Аткуль идзецѣ дорога гѣта?
 Спытаў я хлопчыка той частѣ.
 — Дорога гѣта зѣ таго сьвѣта,—
 Атвѣціў,—просто идзе на Парнась.
 Сказаўши, хлопчыкѣ засьмяяўся,
 На скрыдлахѣ шпарка поляцѣў,
 Куды то, мусиць ёнѣ сѣўшаўся:
 Сказаць дороги нехацѣў.
 Парнась? Што за чортѣ такі?
 Падумаў сабѣ нашѣ Тарасѣ,
 И ўзіўши ў руки добры кій,
 Шпаныцѣ проста на Парнась.
 Прашоў вѣреть дзесцѣ той дарогай,
 Ажѣ бачиць,—тамѣ гара стайць,
 Паць той гарой народу многа—
 Якѣ бы кермаць яки виниць.

Прапоў ёнъ ближай,—што за лиха?
 Народъ ня прости,—усё паны!
 Хто дужа шпарко, хто папаха
 Усе ў гару идуць яны.
 Якъ жиды у школы галасуюць,
 Гатоў адзінъ другога зъѣсць—
 Другъ друга у баки штурхаюць—
 Кабъ першимъ на гару узлѣсць.
 Усе зъ сабой цягаюць книжки,
 Ажъ потъ зъ лысинъ ручьмяи хлищиць,
 Адзінъ другому выцискаюць книжки,
 Ажъ нѣхта памяжъ нихъ пищиць:
 — Памала, братки, не давица
 Вы хвалитону мойей „Пчалы“,
 Мне самаго вы пусцица
 Да не дзяржяца за палы!
 Бо слухайца! у газетъ
 Я васъ аблаю на весь свѣтъ,
 Якъ тое была ў пропломъ лѣтъ,—
 Бо я радахаромъ газетъ!
 Глядзяць Тарасъ, ажъ нѣки сивы,
 Коротки, тоўсты, якъ чурбанъ,
 Кудлаты, неакъ ня красивы,
 Крычыць якъ апантаны панъ.
 Нясець велики мѣхъ панъ готы
 Да и паўнохеньки набить,—
 Усе тамъ ксѣнжки да газетъ,—
 Ну, бачъ, каробачникъ, чы жьдъ.
 Удругъ нѣшта зашумѣла,
 Народъ раздаўся на канцы,
 Якбы итушекъ наляцѣла—
 Узышли чатыры малоыцы.
 То быў народъ ужъ ня такоўски:
 Мицкевичъ, Пушкинъ, Каханоўски
 И Гоголь,—хутка када насъ
 Пашли якъ павы на Парнась.
 За ними ззаду Грѣчь идзець,
 Нясьди имъ ксѣнжки памалае,
 И граматку за поясомъ нясець,—
 Тую, што у школы науцаюць,
 Ну, словамъ, много тутъ народу

Збиралась лѣзци на Парнась:
 Было и рѣжныхъ тамъ, и зброду,—
 Такъ якъ трапшяцца у насъ.
 Намежъ людзей Тарасъ штурхаўся
 Ать пары до пары—
 Аднакъ празъ талаку пробраўся
 И проста валиць да гары.
 Узлѣзь, глядзяць: будынакъ новы;
 Стаиць звычайны паньски дворъ;
 Кругомъ же яго тымъ дубовы—
 Нябось ня улѣзець сюды воръ!
 А на дворѣ тамъ свинни ходзяць,
 Сабаки, козы й бараны,—
 Мусить, и баги гаснадарку вѣдзять,
 Калі свиней дзяржать яны?
 У цотъ и лишку на дварѣ гуляюць.
 Парнаски хлопцы— дзюцюки,
 А хто кошечки ня маецъ,
 Той лупиць проста на шаўки.
 Улѣзь Тарасъ къ багамъ зъ хату,
 Ажъ тамъ—ну отъ, ни даць, ни ўзяць,—
 Якъ у казармахъ тамъ салдатаў—
 Вагоў ня можна сащитаць!
 Шаўцы на лаўкахъ драгвай шыюць
 Багамъ, багнямъ хадаки,
 Багини же у начвахъ мяюць
 Багамъ сорочки и партки.
 Сатурнъ самъ, лыки размачиўши,
 Касякой лащи заплятаў,—
 Па сѣбци многа нахадзиўши,
 Лащей ёнъ много патаптаў.
 Няптунь на лаўци чиниць сѣбци
 И ладзяць вѣсьци на шасты,
 Кругомъ жа,—мусиць яго дѣбци,—
 Дзяржавы ляпляць нероты.
 Отъ, бьюцца Марсъ зъ Виркулесамъ;
 Виркулесъ—якъ яки мядзвѣдзь,
 Кабъ циниць стараго Зявеса,
 Чупрыну Марсу добра мнесь!
 Зявесь залѣгъ сабѣ на печи,
 Сирмягу ў голану надклаў

И, грэючы старыя плечы,
Нѣшто ў барыздѣ шукаў...
Тамъ перадъ люстрамъ задамъ меліць
И масламъ мажыць валасы
Да й нечымъ сабѣ тварокъ бѣліць
Вянера,—мусіць для красы.
Амуръ зъ дзяўчатамі гуляеь—
Ну проста смѣхъ на нихъ глядзѣць:

То ёнъ зьначку абнимаеь,
То хустку зъ галавы здзяраеь!
То ў горлянку заиграеь,
То аднымъ вокамъ памагаеь,
Якъ бы мядую сваю завець.

Тарасъ тутъ дзвінца, смяецца,
На ўсе разінуў ротъ, глядзюць,
И лихо што яму здаецца—
Ну, быць ў раю ёнъ сядзюць!

Зявесь на печы повернуўся,—
Ажъ затраслася ўся гара,
Зяўнуў ёнъ разъ да поцягнуўся
И кажиць: ёсць уже пара.
Тогды проворна дзѣўка Геба
Даваць да столу пачала:
Якъ жорны три булки хлѣба
Прывнесла, дай бразъ сяродъ стала.
На гаспадыню ў неба ўзята
И ёсць и піць багамъ варыць;
Ня бойся! ня дарамъ яе плата:
Чийжъ легко столькіхъ накарміць?!

Якъ са ўсяго сабраліся неба
Багі, пасѣлі ўкругъ стала,
Тагды патравы зъ нечы Геба
Данаць да столу пачала.
Ўперадъ паставілі капусту,
Патомъ са шкваркамі кулешъ,
На малаціѣ крупеню густу -
Даюць ў волю, толька фшь,—
Изъ пастаялки сыръ студзены,
А зъ кашы масло такъ цягло!
Да и гусяціны пачонай
Ў волю ўсімъ багамъ было.

А якъ унясі на столь каўбасы.
Бліны аўсіны ў рашацѣ,—
Ажъ слінка пацякла ў Тараса
И забурчала ў жывацѣ!
Багі гарелку піць пачалі,
Наліўку проста такъ и льюць:
Падпіўшы пѣсни заспівалі,—
Такъ, якъ ў карчмѣ пваюць.

Вахъ зьяна пѣў прыпѣўкі
И веў гутаркі такія,
Што ажъ сароміліся дзѣўкі,
А зъ імі й бабы старыя.
Да й Зевесъ якъ насцябаўся,
Такъ носамъ чуць зямлі ня рыў,
Якъ жмдѣ надъ біблію киваўся
И брыдка рэчы гаварыў.

Тагды зъ-за столу ўстали,
Якъ ўсе паўлі—напілі,
И той часъ музыкі зайгралі:
Багіны скакаць пачалі.
Ўзяўшы хустачку, Вянера
Панла мяцеліцу гуляць,—
Прыгожа, стройна чэразъ мѣру,
Што ажъ-ня можна и сказаць!
Бѣла, тоўста, круглалица,
А вочы, бачъ, на калесахъ;
Якъ жаръ гарыць яе спадніца
И чырвона ўступка на косахъ.

Няптунъ сь пригоженькой Наядой
Папоў ўпрысядкі казака,—
Нябось й у стараго дзѣда
Зайграла кроў, якъ у дзяцюка!
А вось и самъ Юпіцерь зъ Вестай
Пусьціўся, стары хрэнъ, ў плясць
И якъ жаніхъ пярэдъ нявѣстай
Заткнуў ёнъ рукі за свой пась!

Хоць тутъ и ня маеь ужъ дзѣла,
Ня слѣдъ мнѣ, можа, и казаць,—
Любіў ёнъ вельмі грэшнэ тѣло,
И часамъ лоўко падгуляць...
Даліі Марсь ў новыхъ ботахъ,

Каторыхъ, мусиць, не жалѣй,
 Бо зъ нимхами скакаѣ ѣ потахъ,
 Играѣ ѣ жмурки и шалѣй.

И важны боѣ такъ разгудѣся,—
 Ня могъ галенокъ удзыржаць!
 А хто празъ мѣру наскакаѣся,
 Таго падъ лаѣки клали спаць.
 Якъ заиграѣ дударъ скакуху,
 То и Тарасъ ня выдирѣй:
 Изъ-за прыполку, што есць духу,
 Гуляць на хаць палицьѣ.
 Якъ стаѣ прытанываць атопамъ.—
 Ажъ рты разинули баги,
 А ёнъ зъ размахамъ, то зъ падскокамъ,
 Якъ вехаръ гониць ѣ круги!
 Глядзѣй Юпицерь да дзивиѣся
 И подъ дуду ѣ ладони даѣ,
 Потомъ къ Тарасу приближѣся
 И ласкана его спытаѣ:
 — А ты аткуличка, прыяцель?
 Што жъ ты забраѣся на Парнась?
 Хто ты такі? може писацель?
 — Не, мой паночку, я Тарасъ!
 Я лясничъ сь Пуцявици,
 Толька сегодня зъ дыра,
 Я заблудиѣся на то игрыца,
 А, бачъ, дамоѣ уже пара!
 Чы ня была бъ паночекъ, ласка,
 Мне ѣ дворъ атсюль завесць?
 Хадзиѣши на гары Парнаской,
 Мне вельми захацьфласъ ѣсьць.
 Киѣнуѣ Зявесъ, и заразъ Геба
 Крупени мису налила
 И добрую краюху хлѣба,
 Сказавши „ѣль“, мнѣ падала.
 Тагды я круцянку подѣѣшы,
 Хацьѣй ни да дому самъ,
 Ажъ тутъ зафіры подхвацили,—
 Хто за руку, хто за поясъ,
 И, мерамъ, силой потапцѣли.
 Яны мене празъ ѣвесъ Парнась.

И такъ мене ѣсе цягнули,
 Якбы хто гнаѣ ихъ ѣ каршенъ,
 Зъ гары мнѣ звѣѣши, поддихнули
 Падъ нѣки гнили воеъ плянень.
 Паслухаѣ я—таки дмець вѣляръ,
 Што ажъ кивалица воеъ лѣсь.
 Глядку,—ажъ поздна—уже вечарь,
 И мѣсяць на неба ѣзлѣзь...
 Съ тыхъ поръ Тарасъ уже ня ходзиць
 Такъ рано лѣсу пильнаваць,
 А празъ тое и ня шкодзиць
 Людзямъ дрова выкрадаць...
 Такъ отъ што бачиѣ нашъ Тарасъ,
 Ылѣзны на гару Парнась.
 Ёнъ мнѣ тое расказаѣ,
 А я ѣ кѣнжку записаѣ.

Чародѣйство въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVII—XVIII вв. ¹⁾

Историко-этнографической этюдъ.

Чародѣйство—одинъ изъ весьма интересныхъ вопросовъ какъ исторической, такъ и современной этнографіи; это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми тѣсно связывается развитіе культуры народа. Однако, на русской почвѣ онъ не подвергался еще всестороннему разсмотрѣнію, особенно въ его историческомъ развитіи. Наука наша имѣетъ до сихъ поръ лишь небольшія изслѣдованія о чародѣйствѣ въ юго-западномъ краѣ и Великороссіи; относительно историческаго развитія колдовства въ Вѣлороссіи и Литвѣ, насколько намъ извѣстно, пока ничего не сдѣлано ²⁾. Поэтому мы воспользовавшись изданными уже матеріалами о колдовствѣ, заключающимися въ судебныхъ процессахъ, желали бы по возможности пополнить этотъ существенный пробѣлъ нашей исторической этнографіи. Замѣтимъ что количественная незначительность имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала не позволяетъ намъ сдѣлать, съ одной стороны, болѣе широкихъ обобщеній; небольшое количество и неточность матеріала о сибирскихъ современныхъ бѣлоруссовъ и литовцевъ, съ другой стороны, не даетъ намъ возможности сдѣлать интересныя сопоставленія съ состояніемъ этихъ возрѣвій въ настоящее время, указать на ихъ переживанія среди современныхъ намъ поколѣній. Предоставляя себѣ сдѣлать то и другое, когда матеріалы нашей этнографіи дадутъ возможность къ такимъ сопоставленіямъ, мы ограничиваемся въ настоящемъ нашемъ очеркѣ исключительно данными, заключающимися въ судебныхъ процессахъ XVII и начала XVIII вв.

¹⁾ Напеч. въ „Этногр. Обзор.“ 1890 г.

²⁾ Къ литературѣ вопроса см. В. Б. Антоновича: „Колдовство. Документы, процессы, изслѣдованіе“. СПб. 1887 (изд. И. Р. Геогр. Общ.). Н. О. Сумцова: „Очеркъ исторіи колдовства въ Зап. Европѣ“, Харьковъ. 1878.—Нѣсколько замѣтокъ въ *Kievской Старинѣ*.—Soldan's Geschichte der Hexenprozesse, neubeard. von. dr. Heinr. Heffe. 2 тома. Штутгартъ, 1880, и др.

Область неизвѣстнаго, тающагося за предѣлами знаній человѣка, стоящаго на низкой ступени развитія культуры, представляется ему чѣмъ то таинственнымъ, страннымъ, неизбѣданнымъ; онъ боится этого неизбѣднаго ему міра, но въ то же время благоговѣетъ передъ нимъ, хотя и называетъ тайную силу нечистою. Человѣкъ даже не сознаетъ, что именно вселяетъ въ него страхъ, каковы проявленія этой неизбѣдной, таинственной силы, въ какой мѣрѣ его жизнь зависитъ отъ нея. Эта нечистая сила представляетъ ему чѣмъ-то страшнымъ, подавляющимъ, чѣмъ-то такимъ, съ чѣмъ очень трудно бороться его темному уму. Но эта сила можетъ вредить или приносить пользу во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, которыхъ онъ самъ объяснить не можетъ: внезапная, повидимому безпричинная смерть или болѣзнь кого-нибудь, пожаръ, надежъ скота, какое-либо непонятное для него физическое явленіе и т. п.—приписываются проявленію этой силы.

Выразителемъ нечистой таинственной силы на землѣ служатъ нѣкоторые люди, предызбранные ею, или же добровольные служители ея. Они настолько же страшны, какъ и самая сила, потому что послѣдняя находится въ ихъ распоряженіи, подвластна имъ, служитъ послушнымъ орудіемъ для нанесенія вреда ближнему въ рукахъ тѣхъ, кто умѣетъ обращаться съ нею. Простой смертный не знаетъ, какіе люди именно сносятся съ этой таинственной силой, какими средствами и съ какими цѣлями они это дѣлаютъ; но онъ глубоко увѣренъ, что такіе люди есть, старается разгадать, кто изъ окружающихъ его принадлежитъ къ нимъ, чтобы во время остречья. Малѣйшій поводъ служитъ уже для подтвержденія опасеній человѣка. Но въ большинствѣ случаевъ даже и этого повода не представляется: человѣкъ замѣчаетъ только какое-либо явленіе, оказывающееся, по его мнѣнію, слѣдствіемъ чародѣйства, и отсюда уже восходитъ къ предполагаемому виновнику его и къ тѣмъ дѣйствіямъ или словамъ послѣдняго, непонятнымъ и загадочнымъ для него, которыя вызвали, по его убѣжденію, самое явленіе.

Въ виду высказанныхъ соображеній объ отношеніи къ личности жителей чародѣйственной силы, мы въ большинствѣ процессовъ находимъ лишь неопредѣленныя заявленія о томъ или другомъ лицѣ, что оно *чаруетъ*, при чемъ смыслъ этому понятію дается весьма обширный. Такъ, въ одномъ процессѣ встрѣчаемъ заявленіе мужа объ очарованіи подсудимую жены его ¹⁾; въ другомъ обвиняютъ въ очарованіи дома ²⁾, въ очарованіи самого жалующагося и его дома ³⁾, наконецъ, въ очарованіи маршала ли-

¹⁾ Археографич. Сборникъ Виленской Археограф. Комм. Т. III, 101.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Wspomnienia Żmudzi, Jucewicza, 203. (Вильно 1842), Процессы о чародѣйствѣ помѣщены въ приложеніи.

товскаго Сапѣги ¹⁾ и т. д. Неудно можно встрѣтить и такое обвиненіе, что тотъ или другой былъ очарованъ въ домѣ обвиняемой ²⁾.

Такое неясное понятіе объ очарованіи, въ другихъ случаяхъ сопровождается болѣе опредѣленными указаніями на то или другое лицо, что оно обладаетъ свойствомъ очаровывать, что тотъ или другой—чаровникъ, ворожить ³⁾, или „давний чаровникъ и ворожить“, а объ одномъ чародѣй Кузьмѣ говорится даже, что онъ знакомъ съ этимъ дѣломъ съ 18-лѣтняго возраста ⁴⁾.

Изъ хода дѣлъ мы узнаемъ, что чародѣи не обладали всѣ одинаковою силою и знаніемъ, но что между ними были болѣе знающіе и менѣе знающіе, старшіе и младшіе. Такъ, одна привлеченная къ дѣлу указывала на крестьянъ Давида Пусца и Кузьму, что они „оба старшіе надъ нами, лучше умѣютъ чаровать, управляютъ нами, чаруя, что сами захотятъ, и намъ позволяютъ“ ⁵⁾; на другую было указано, что она считается „старшею, умѣетъ чаровать людей, хлѣба, скотъ и вообще, что захочетъ“ ⁶⁾. Изъ одного акта мы узнаемъ, что чародѣйству нужно было учиться тѣмъ, которые хотѣли имъ пользоваться ⁷⁾. При этомъ надо замѣтить, что послѣднія показанія приведены со словъ лицъ, обвиняемыхъ въ чародѣйствѣ; трудно сказать, говорилось ли это ими вслѣдствіе искренняго убѣжденія въ томъ, что такіе факты существуютъ, или же съ цѣлью оговорить то или другое лицо и, такимъ образомъ, свалить хоть отчасти вину на другого. Какъ увидимъ ниже, изъ показаній обвиняемыхъ можно извлечь еще болѣе интересныя подробности, какъ о личности самихъ чародѣевъ, ихъ свойствахъ, такъ и о сущности самаго чародѣйства. Одно только намъ кажется несомнѣннымъ, что передаваемые обвиняемыми и свидѣтелями факты, независимо отъ того съ какою цѣлью они передавались въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, служатъ къ опредѣленію того, какія понятія циркулировали въ обществѣ о чародѣйственной силѣ, ея средствахъ и людяхъ служащихъ ей.

Поводомъ къ обвиненію служили не только одни неопредѣленные указанія на то, что извѣстное лицо чаруетъ, что онъ чародѣй, ворожитъ. Часто какое-либо неосторожное слово со стороны подозреваемого, непонятное или загадочное для свидѣтеля, какой-нибудь непонятный случай служить для подтвержденія обвиненія и дѣлался поводомъ привлеченія къ судебной отвѣтственности. Это отношеніе современнаго общества весьма ин-

тересно и характерно. Иногда достаточно было одного только подозрѣнія для привлеченія къ суду. Такъ, настоятель одного монастыря заявилъ суду, что, „по нѣкоторымъ доказательствамъ и слухамъ, подозрѣваютъ въ чародѣйствѣ Кумцевичеву“; чародѣйство ея, по его убѣренію, „наноситъ большой вредъ монастырю, и дай Богъ, чтобы оно было искоренено“ ¹⁾. Въ другой разъ былъ признанъ подозрительнымъ и приведенъ свидѣтельницею въ доказательство слѣдующій разговоръ ея съ чародѣемъ-мужикомъ Карпомъ. Когда она, Ференсова, была заручена и переливала медь къ свадѣбѣ, Карпъ просилъ ее дать напиться меду; Ференсова отказала; тогда Карпъ сказалъ: „не даешь теперь, але (но) будешь давать потомъ, але я не буду хотѣть“ ²⁾. Могилевскій мѣщанинъ Харько рѣшился обвинять въ колдовствѣ служившую у него женщину Орину единственно по тѣмъ признакамъ, что въ домѣ онъ замѣтилъ „пикоды“ (убытки), начались недоразумѣнія съ женой, „зевсованье“ (порча) дѣтей (сынъ только на восьмомъ году началъ говорить), наконецъ по нѣкоторымъ (безъ указанія какимъ) заявленіямъ своего шурина, дѣтей и сосѣдей ³⁾. Вообще указаніе на „пикоды“ приводится часто для подтвержденія обвиненія. Въ одномъ процессѣ свидѣтельница показала, что, она перебиралась въ качествѣ слуги въ домъ, въ которомъ служила пастушкой обвиняемая, прежде тѣмъ войти въ новое свое помѣщеніе, впустила туда для предосторожности курицу, и та на другой день-издохла. Та же свидѣтельница рассказывала, что замѣтила у обвиняемой мѣшокъ, прилѣпленный къ стѣнѣ воскомъ; на ея вопросъ о назначеніи мѣшка, дочь пастушки отвѣтила, что мать ея дѣлала въ немъ сыр ⁴⁾.

Нравственные качества лицъ, подозреваемыхъ въ чародѣйствѣ, также принимались во вниманіе. Такъ извѣстенъ случай, когда свидѣтели ставили въ упрекъ женѣ крестьянина Убы, обвиняемой въ чародѣйствѣ, и то, что по ей винѣ происходила „неспокойства“ въ сосѣдствѣ, что она женщина неспокойная, сварливая, злая, съ каждымъ ссорится, что сынъ ея замѣченъ былъ въ кражѣ и что она сама раньше обвинялась въ воровствѣ и чародѣйствѣ ⁵⁾; въ подтвержденіе обвиненія одной приводилось, что она „умѣетъ чаровать, мужа своего отравила и жила съ паробкомъ“ ⁶⁾. Иногда даже дѣлались упреки въ томъ, что чародѣи отступали отъ Бога ⁷⁾.

1) Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ Витеб. и Могилев. губ., изд. подъ ред. Созонова, т. VI, 249.

2) Арх. Сб. т. III, 145.

3) Ист.-юр. мат., изд. подъ ред. Созонова, т. IX (1878), стр. 292—3.

4) Акты изд. Вил. Археологр. Ком. т. X, 284.

5) *Jucewicz*, 190, 191, 188.

6) *Ibidem*, 209.

7) *Ibidem*, 164.

1) Археограф. Сб. Т. III, 99, 115, 151, 166 и *passim*.

2) *Jucewicz*, 203, 204.

3) *Ibidem*, 206, 208, 209. Арх. Сб., Т. III, 135, 144.

4) *Jucewicz*, 209.

5) *Ibidem*, 208.

6) *Ibidem*, 209.

7) *Ibidem*, 182.

Въ иныхъ случаяхъ придавалось особенное значеніе угрозамъ, „похвакамъ“ подозрѣваемыхъ лицъ, какъ мы уже указали вскользь. Такъ, относительно уломянутой жены Убы свидѣтели показывали, что она похвальной была словами: „скоро вы трое плакать будете, и мѣста вашихъ домовъ пусты будутъ“. Вскорѣ послѣ этого дѣйствительно сгорѣли дома свидѣтелей¹⁾. Въ другой разъ та-же подсудимая ходила по улицѣ обнаженная до пояса, говори: „какъ я голая хожу, такъ и вы будете голы“²⁾. Та же самая подсудимая похвалялась одному, что онъ ослѣпнетъ, чтѣ и случилось³⁾. Цѣлый процессъ былъ возбужденъ почти исключительно по поводу слѣдующихъ словъ, сказанныхъ подсудимой: „если меня удалить изъ этого дома, то съ нимъ случится то-же самое, что случилось въ домѣ сапожника, прогнавшаго меня изъ костела“⁴⁾. Не разъ подобныя „похваки“ служили причиною возбужденія процесса. Еврей Гошко Ёскевичъ обвинялъ крестьянина Юрка Войтюлевича въ чародѣйствѣ по слѣдующимъ даннымъ: Юрко съ пріятелемъ пили въ корчмѣ Гошки водку, и когда вошелъ со двора хозяинъ, Юрко пошелъ къ нему навстрѣчу съ чаркой водки „съ приправою чародѣйскою“, по мнѣнію Гошки, предлагая ее выпить; но Гошко, „будучи престоюгою (предостереженіемъ) Божою упомянутый, абы оного напитоку не уживалъ, страхомъ великимъ знятый, же (такъ что) яко сердце, такъ навѣтъ (даже) и руки трестъ се почали, же ажъ горѣла съ тое шкленницы проливати ся почала“—отказался выпить, потому что „поголоска“ на него ходила, будто онъ „чарами своими шкодить“. Юрко началъ драться съ Гошкой, но его увели сосѣди. Вскорѣ послѣ этого заболѣлъ ребенокъ Гошки: „панъ Гошко Ёскевичъ меноваль,—говорить слѣдствіе,—же (что) такая хороба иначе се не могла стать тому дитяти его только съ чарованья Юрка“⁵⁾. Въ дѣлѣ Василія Брикуна свидѣтель привелъ цѣлый рядъ „похвадокъ“ его, причинившихъ ямъ болѣзни⁶⁾.

Иногда самое пустое обстоятельство обращало на себя вниманіе и приписывалось таинственному дѣйствію чаръ. Такъ одинъ возный стерегъ вятую подъ стражу лошадей; онъ началъ съ товарищемъ играть въ кости, и въ это время три бѣлыхъ кашки, какъ молоко, упали съ потолка около его руки. Это онъ приписалъ дѣйствію находившейся у него подъ стражей чаровницы⁷⁾.

Кромѣ рассмотрѣнныхъ нами различныхъ внѣшнихъ проявленій ча-

1) Ibidem, 189.

2) Ibidem, 190.

3) Ibidem, 191.

4) Акты Вид. Арх. Ком. т. X, 282.

5) Арх. Сб. Вид. Арх. Ком. I, 295—6.

6) Ibid., 338 и сл.

7) Арх. Сб., т. III, 109.

родѣйства, какія считались въ обществѣ достаточными для признанія того или другого лица причастнымъ колдовству, изъ процессовъ раскрывается не мало еще новыхъ свойствъ чаровниковъ. Эти свойства составляли тайну лицъ, посвященныхъ въ тайны чародѣйства, хотя неясныя понятія о нихъ циркулировали въ современномъ обществѣ. Намекъ на такія интимныя свойства чародѣевъ мы уже видѣли въ показаніяхъ о ихъ старшинствѣ. Однако имѣющіеся у насъ подъ рукою матеріалы даютъ возможность сообщить еще нѣкоторыя подробности.

Прежде всего мы узнаемъ, что вѣдмы отличались свойствомъ *летать*, при чемъ летали ночью, обыкновенно въ ночь наканунѣ Иванова дня, сопровождавая свои полеты метаніемъ искръ. Такъ одна обвиняемая указала, что Шлопакова и дочь ея Магдалена обѣ умѣютъ чаровать и летали на гору Шатрію съ искрами въ ночь передъ св. Яномъ¹⁾. Относительно одной подсудимой было заявлено, что она по ночамъ черезъ крышу выносила изъ амбара хлѣбъ, какъ *лятавица*²⁾. Интересно, что то-же передаетъ подсудимая про свою подругу, не отпираясь отъ сообщества съ ней. Еще одна подсудимая, по указанію свидѣтельницы, научилась чарамъ отъ своей матери, которая „летуцала вѣдма, чаровница была“³⁾. Чародѣй Кузьма также научился отъ своей матери, которая летала „съ огнистыми искрами“⁴⁾. Сами подсудимыя иногда признавались, что онѣ дѣйствительно летали. Такъ, одна указывала, что летала съ Шлопаковой и дочерью ея Магдаленой на г. Шатрію предъ св. Яномъ⁵⁾. Очень интересный разсказъ находимъ о такихъ летаніяхъ въ показаніяхъ другой подсудимой; она разсказываетъ, что когда сосѣдка ея, сваривъ ночью какую-то кашу, дала ей поѣсть ее, то она вмѣстѣ съ другими, обратившись въ сорокъ, полетѣли въ сосѣдную деревню и здѣсь у дома Лукана Двила въ пруду купались; между ними была одна изъ семейства Двила, еще дѣвѣ ея знакомыхъ и около 30 незнакомыхъ женщинъ. Онѣ имѣли своего начальника „дѣвца кудлататаго“, котораго знали Павломъ. Изъ пруда онѣ отравились въ „комору“ (чуланъ) Двила и тамъ „раду имѣли между собой“. Когда заплѣлѣ плѣтухъ, онѣ снова очутились въ своей деревнѣ, за милою отъ пруда⁶⁾.

Нѣкоторымъ вѣдмамъ сами же подсудимыя приписывали необыкновенную силу. Такъ, про одну лошадей привлеченная по тому же дѣлу говорила, что „лошадей половиною сѣбѣ тресеть“⁷⁾.

1) *Jucewicz*, 205.

2) Ibidem, 183.—„Лятавецъ“—летающій змѣй, духъ. Отсюда женское имя „лятавица“.

3) Арх. Сб. III, 146.

4) *Jucewicz*, 209

5) *Jucew.*, 208.

6) Ibidem, 182.

7) Арх. Сб. III, 100, 150.

Мало того: было убеждение, что у некоторых вѣдьм на тѣлѣ есть признаки их принадлежности къ таковымъ. Такъ, неопровержимое доказательство виновности одной подсудимой, Люціи Войцолжихи, судъ усмотрѣлъ въ томъ, что на тѣлѣ ея оказались „дьявольскія пятна, руки отъ плечъ и ноги отъ коленъ были синіе, налиты кровью, измученныя“. Она признава была несомнѣнной вѣдьмой, совсѣмъ „опанованной“ дьяволомъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эти пятна остались на ней послѣ пытки ¹⁾).

О сношеніяхъ съ дьяволомъ встрѣчается указаніе только въ одномъ процессѣ Марианны Косцюковой. На пыткѣ она дала противъ себя такіа интересныя и характерныя показанія, что мы приведемъ ихъ почти цѣлкомъ. 1) Она показывала, что собравшись на рынокъ въ Тышлевичахъ, полетѣла она вмѣстѣ съ Шимоной, Савковой, Гончаровой и Сугавдзювой, которая ихъ помазала чѣмъ-то подъ пахами, приводя съ собой еще какую-то женщину изъ сосѣдней деревни. Всѣ онѣ прилетѣли на Шатрію, гдѣ увидѣли много народу. Старшей между всеми была Сугавдзюна. 2) Созналась, что видѣла на Шатріи *piana* (дьявола) въ нѣмецкой одеждѣ, въ шляпѣ, прогуливающагося съ палочкой. Тамъ танцевали, при чемъ на скрипкѣ игралъ *rogatki*; самъ панъ и его дѣти тоже рогаты. Панъ танцевалъ прежде съ Савковой, потомъ съ Гончаровой, Костоцковной и другими *per consequens*. Хромая Михалова Москалева не танцевала; она у Гончаровны недавно изучила „wszystkie wszechmocności“ (всякое всемогущество, тайную силу). Веселились не долго, потому что боялись, чтобы пѣніе пѣтуховъ не застало ихъ. Прилетѣвъ въ мѣстечко, онѣ разошлись. Летѣли выше дѣсовъ самыхъ высокиихъ. 3) На Шатріи ни одного зданія нѣтъ. 4) Видѣла, что панъ пришелъ съ палкой въ шляпѣ и, кивнувши на нее головой, ушелъ назадъ. 5) Созналась, что отреплась отъ Бога. 6) Что ее самое мучилъ злой духъ, но Павлюкова, ея госпожа, начала окуривать ее „зелемъ“ освещеннымъ и водой, и онъ пересталъ безпокоить. 7) Что крестилась дьявольской рукою и ногою, которая онъ ей подавалъ, когда нужно было ²⁾).

Конечно, такіа показанія могли очень естественно сорваться съ языка подъ пыткой у человѣка, отчаявшагося уже въ спасеніи, или у человѣка съ разстроенными умственными способностями. Но для насъ, съ этнографической точки зрѣнія, эти демонологическія представленія, носящія въ себѣ несомнѣнно продуктъ общественнаго мнѣнія, весьма интересны. Дѣло Косцюковой только одно изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ богато такими подробностями. Въ другихъ процессахъ мы вовсе не встрѣчаемъ указаній на сношеніе съ дьяволомъ. Мы нашли только два заговора, съ содержаніемъ

1) *Jucwicz*, 184.

2) *Jucwicz*, 77-9.

которыхъ познакомимъ читателей впоследствии, въ которыхъ упоминается имя дьявола.

Итакъ мы рассмотрѣли тѣ признаки, по которымъ общественное мнѣніе признавало чаровникомъ то или другое лицо, и нѣкоторыя изъ свойствъ чародѣевъ, которыя приписывались имъ. Но какъ мы видѣли, понятія о чарахъ были весьма неопредѣленны; рассказы о ихъ свойствахъ, принадлежатъ также привлеченнымъ къ суду лицамъ, отличаются тѣмъ же свойствомъ, и хотя они циркулировали въ обществѣ, но, конечно, провѣрить ихъ никто не могъ. Гораздо важнѣе для общества были результаты колдовства, его цѣли и средства. Эти послѣднія стороны были видны для массы, ближе стояли къ ней, такъ какъ всѣ необъяснимыя явленія она старалась свалить на дѣйствія колдовства, на проявленія невѣдомой, но страшной, таинственной и злой силы. Поэтому мы находимъ въ процессахъ немало указаній, отличающихся точностью и опредѣленностью, на какія именно стороны чародѣической жизни обращало колдовство свое губительное дѣйствіе.

По отношенію къ людямъ чародѣйство могло имѣть прежде всего значеніе для ихъ здоровья. Такъ могилевскій мѣщанинъ Харько обвинялъ служанку свою, что она „вохналку чинила“ въ томъ, что повредитъ его здоровью и что его хозяйство будетъ „исоваться“, т. е. приходить въ упадокъ ¹⁾. Одна обвиняемая призналась, что по просьбѣ своей внучки она чаровала на болѣзнь одну женщину, но не на смерть ²⁾. Цѣлое дѣло было возбуждено по подозрѣнію въ томъ, что попадья Громыкина вмѣстѣ съ другими хотѣла чарами повредить здоровью маршалка литовскаго Сапѣги. Одна обвиняемая въ чародѣйствѣ утверждала, что умѣетъ „малымъ дѣти покурить, а тесницну (тоску) отходить“ ³⁾, предлагая свои услуги вылѣчить маршала отъ „тесницца“. Далѣе посредствомъ чародѣйства можно было „дѣлѣтамъ малымъ умолять уrazy (заговаривать поврежденія) и иныше дефекты дѣлѣть малыхъ“ ⁴⁾. Вообще, заговаривать, „умолять“ можно было и другія болѣзни людей: „матницъ, уrazy, рунтуры (перелома), въ костяхъ болѣзня и инышихъ принадлежонъ подобныхъ“ ⁵⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что чародѣйство не только приносило людямъ болѣзни, но и наоборотъ: посредствомъ чаръ можно было продлить жизнь, что обѣщала маршалку Сапѣгѣ одна подсудимая, привлеченная по этому дѣлу, говоря, что она можетъ вылѣчить также отъ „тесницца“ что она вылѣчила отъ нея Офанасовичеву, у которой болѣзнь эта выражалась тѣмъ, что та смотрѣла въ стѣну и ковыряла по стѣнамъ, говоря, что тамъ показалось что-то недоб-

1) Истор.-юр. Мат. Созопова, т.

2) *Арх. Сб.* т. III, 101.

3) *Ibidem*.

4) *Ibidem*, стр. 125.

5) *Арх. Сб.* т. III, 145-146.

рое¹⁾. Чарами можно было прекратить бессоницу²⁾. Чары были весьма сильным орудием для причинения болѣзней людямъ. Если вообще чарами можно было вредить здоровью людей, каковое указаніе мы встрѣчаемъ неоднократно³⁾, то въ частности встрѣчаются указанія на то, что отъ чаръ человекѣ лишился разсудка⁴⁾, терлялъ зрѣніе и т. п.⁵⁾.

Чародѣйство могло не только вредить здоровью, но и причинило смерть. Такъ, нѣкая Двилова обвинялась въ томъ, что она отравила жену иста чарами и сына его погубила чародѣйствомъ⁶⁾. Другой случай разсказывается такъ: чародѣй Кузьма подалъ въ руки женѣ жалобника кусокъ мяса, отчего она изсохла и умерла⁷⁾. Наконецъ, чародѣй могъ заговорить ребенка до рождения, такъ что онъ рождался мертвымъ⁸⁾, и т. п.

Вліянію чаръ были подвластны и отношенія людей между собою. Такъ, можно было очаровать, чтобы господинъ былъ благосклоненъ къ своему подчиненному⁹⁾, чтобы передалъ ему управленіе всѣмъ имуществомъ. Известно очарованіе въ томъ смыслѣ чтобы очарованный по смерти своей жены женился на сестрѣ обвиняемой¹⁰⁾. Практиковалось также привораживаніе парней къ дѣвушкамъ¹¹⁾. Интересенъ одинъ разсказъ объ участіи чародѣйства въ отношеніяхъ мужа къ жемъ. Служанка пани Офанасовичевой разсказала, что пріятельница ея, госпожа Ференсова, по выходѣ замужъ жила шесть недѣлъ съ мужемъ „nie miałe sroki“. Тогда Офанасовичена посоветовала обратиться къ чародѣю Карлу, известному во всей околицѣ. Тотъ пришелъ къ Ференсовой и только *laszczka (łaska) uderzył po biodrach samę Ferensową y kazał iść iey do męża. I na tych miast mieli z sobą spoleczność y do łozka niedopusciwszy*¹²⁾.

Кремъ силы надъ людьми, чародѣйство имѣло вредное или полезное вліяніе на хозяйство, распространяя свою силу даже на внѣшнюю природу. Такъ какъ процессы касались преимущественно крестьянской среды, то естественно, мы и находимъ наиболѣе указаній на дѣйствіе чаръ въ кругу понятій и предметовъ этой среды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно встрѣтить указанія на то, что чарамъ придавалось весьма огромное значеніе въ хо-

1) Ibidem, 100.

2) Juscewicz, 205 и др.

3) Ibidem, 205.

4) Ibidem, 190, 38. 185.

5) Ibidem, 185.

6) Ibidem.

7) Ibidem, 204.

8) Арх. Сб., III, 100.

9) Ibidem, 165.

10) Ibidem, 205.

11) Акты Вид. Ком. VI, 511.

12) Арх. Сб. III, 145.

зяйствѣ. Такъ объ одной чародѣйкѣ, считавшейся старшей, сказано, что она „умѣетъ чаровать людей, хлѣбъ, скоть и что за хочетъ“¹⁾. Другая учила заклинать, чтобы пропадалъ скоть и люди и дождя не было²⁾. Одинъ чародѣй могъ чаровать на „лѣса, воды, людей, скоть и на что захочетъ“³⁾. Андруль Тувкшайца чаровалъ „людей, хлѣбъ, скоть“⁴⁾. Тѣми же свойствами отличалась нѣкая Катерина Ринкевичовна, чаровавшая людей, лѣса, хлѣбъ и воду⁵⁾. Другая чародѣйка очаровала домъ жалобщика такъ, что скоть его палъ, хлѣбъ погибъ и заболѣло дити⁶⁾. Таковы общія дѣла чародѣйства по отношенію къ предметамъ хозяйства. Но встрѣчается не мало указаній на частные случаи примѣненія его. Такъ, напримѣръ, послѣ доенія коровъ иста чародѣйкой, онѣ начали давать мало молока, болѣть и падать⁷⁾ и т. п. Стоило только обладающему чарами пожелать, чтобы случился какой-либо уронъ въ хозяйствѣ, и это могло сбыться. Такъ, упомянутая уже не разъ жена Убы сказала свидѣтелю Якову Янайтису: „твои коровы, которые сынъ мой пасъ, всѣ погибнуть“,—послѣ чего двѣ коровы пали⁸⁾. Отъ пожеланія другой палъ весь скоть въ домѣ⁹⁾. На Сугавдіону свидѣтели показали слѣдующее: свидѣтель не ссудилъ ей лошади въ дорогу; она сказала: „не долго ты будешь ѣздить на ней“; на третій день лошадь издохла¹⁰⁾. Отъ „похвалики“ другой погибли свиньи свидѣтельницы¹¹⁾.

Впрочемъ, какъ и относительно людей, чародѣйство могло приносить и пользу хозяйству. Такъ, одна обвиняемая сознавалась, что знаетъ лѣкарства, которыя даются очарованному скоту¹²⁾. Другая чаровала коровъ „на молоко и телата“, т. е. чтобы онѣ давали больше молока и ежегодно телились¹³⁾. Одинъ чародѣй повѣсилъ въ полѣ на сухомъ деревѣ „jelita kole“, чтобы плодились кони крѣпкіе къ работѣ¹⁴⁾. Одна вѣдьма хвалилась: „я доила одну только корову, а продала полтора ведра масла и еще себѣ оставила, саръ продала и нищимъ давала, а у васъ нѣтъ молока“¹⁵⁾.

1) Juscewicz, 209.

2) Ibidem, 208.

3) Ibidem, 209.

4) Ibidem, 209.

5) Ibidem, 207.

6) Ibidem, 184.

7) Ibidem, 75.

8) Ibidem, 189.

9) Ibidem, 190.

10) Ibidem, 75.

11) Ibidem, 74.

12) Ibidem, 78.

13) Ibidem, 74.

14) Ibidem, 188.

15) Ibidem, 74.

Кромѣ вліянія чародѣйства на судьбу человѣка, на его благосостояніе обладателямъ тайнаго чарованія приписывалось еще большее значеніе, хотя указаній на это мы находимъ немного. Мы уже приводили мѣста, въ которыхъ говорилось, что чародѣй могъ чаровать дѣся и воду. Въ процессахъ сохранилось еще нѣсколько указаній на то, что вообще дѣйствію чаръ подвержены были и другія стихіи и явленія природы. Чародѣй могъ повелѣвать тучами. Такъ, Андрей Гломуйтисъ далъ показаніе, что дочь Убы, Софія, замѣтивъ, что небо покрылось тучами и собирался дождь, сняла съ себя сермягу, повернула ее—и тучи тотчасъ разошлись ¹⁾. Петрова Ласыкова, чтобы остановить дождь, вѣшала на дворѣ котелокъ на рукояткѣ топора, который вѣивала въ стѣну; отъ этого тучи расходились ²⁾. Затѣмъ находимъ указаніе на то, что чародѣямъ повиновался огонь. Такъ, слуга Сапѣга, въ дѣлѣ попады Громыкиной, показалъ, что три раскаленные угля, вылетѣвшіе изъ трубы, упали: одинъ на избу, съ которой перелетѣлъ на другую избу и воткнулся въ балку, а другой вблизи воротъ ³⁾. Велѣдствіе чаръ жены Убы сторило въ селѣ три дома ⁴⁾; она же утѣрила одного крестьянина, что во время пожара огонь не коснется его хаты, потому что онъ человѣкъ добрый ⁵⁾.

Указанныхъ дѣлѣй чародѣйство достигало только съ помощью какихъ-либо средствъ, имѣвшихъ таинственное значеніе, дѣйствій или словъ. Имѣющіяся въ процессахъ данныя представляютъ довольно богатый источникъ для опредѣленія такихъ способовъ чарованія. Такъ, чаровать можно было: посредствомъ заговора, взгляда, какихъ-либо особыхъ таинственныхъ дѣйствій, предметовъ, напитковъ и наконецъ „зелья“, т. е. различныхъ травъ, „зельемъ, питьемъ, альбо подлѣтѣемъ, шентаньемъ“, какъ выражались въ актахъ ⁶⁾.

Относительно чарованія исключительно заговоромъ или взглядомъ указаній встрѣчается весьма немного. Попады Громыкина заговорилъ дитя, чтобы оно родилось мертвымъ ⁷⁾; она же показала, что „дѣткамъ зась малымъ умовляють уразы и нишыя дефекты дѣтей малыхъ“ ⁸⁾.

Одна чаровница чаровала скотъ „взглядомъ и ласканьемъ“ ⁹⁾, другая только взглядомъ ¹⁰⁾. Хотя заговоръ и взгляду приписывалось особое таин-

ственно значеніе, однако заговоръ чаще соединялся съ какимъ либо магическимъ дѣйствіемъ. Указанія на послѣдній способъ чарованія особенно многочисленны. Это, быть можетъ, происходитъ и оттого, что свидѣтели и истцы скорѣе могли подмѣтить со стороны заповорѣннаго лица какое-либо дѣйствіе, которое могло бы имъ показаться страннымъ, необъяснимымъ и опаснымъ, чѣмъ услышать заговоръ, подмѣтить особенный взглядъ и т. п.

Чтобы повредить здоровью людей, жена Убы употребляла, напр., такіа дѣйствія. Она дѣлаю недѣлю засушивала въ дымѣ поворожденнаго незаконнаго ребенка (nierzadne splodzonego), затѣмъ погребла; спусти нѣкоторое время она его выкопала, вѣроятно, для того, чтобы доказать, что ребенокъ не былъ умерщвленъ ею (przyniosła na ukazanie); но когда ей приказано было отнести, она размсала эти кости въ огородѣ сосѣда своего Рудзя, послѣ чего вся семья сосѣда „не имѣли здоровья“ и даже скотъ ежегодно пропадалъ ¹⁾. Сухіе дубовые листья втыкались въ углы дома и строений, чтобы и въ домѣ все сохло ²⁾. Чародѣйка Гирніова вымыла въ ведрѣ ноги, вслѣдствіе чего издохли четыре лошади, пившія изъ того же ведра ³⁾. Выше мы видѣли, что коровы начали болѣть и издыхать отъ того, что чародѣйка ихъ выдоила ⁴⁾. Приденіе шерсти съ произнесеніемъ заговора служило для очарованія скота и всего дома ⁵⁾. Для очарованія хлѣбовъ, употреблялось слѣдующее средство: изъ гарнца въ гарнецъ переливалась вода съ зельемъ, названіе котораго неизвѣстно, и потомъ этой водой окроплялись поля ⁶⁾. Наконецъ, съ дѣлюю повредить хлѣбу на полѣ, часто практиковалось завиваніе „завитокъ“ ⁷⁾.

Всѣ указанныя таинственныя дѣйствія клонились ко вреду человѣка. Для принесенія пользы людямъ посредствомъ колдовства также были ототвѣтственныя дѣйствія. Такъ, не разъ упомянутый уже чародѣй Карпъ предлагалъ такое средство противъ тоски: въ первомъ мѣсяцѣ нужно набрать въ новый гарнецъ, немного больше половины его, рѣчной воды, черная ее внизъ по теченію, и старался ни одной капли не пролить изъ этой воды; притомъ за водой нужно итти, ни съ кѣмъ не разговаривая по дорогѣ, такъ же нужно и возвращаться съ водой; въ этой водѣ нужно спарить зелье (вѣроятно dziewiędziosniork ⁸⁾ biały, каковое названіе написано въ заголовкѣ средства, хотя и въ самомъ текстѣ его и нѣтъ), залѣ-

1) Ibidem, 191.

2) Ibidem, 129.

3) Арх. Сб., т. III, 109, 101, 100.

4) Jucewicz, 189.

5) Ibidem, 191.

6) Арх. Сб. III, 122.

7) Арх. Сб. III, 100.

8) Арх. Сб. III, 125.

9) Jucewicz, 205.

10) Ibid., 208, 207.

1) Ibidem, 189.

2) Ibidem, 182.

3) Ibidem, 196—7.

4) Ibidem, 183.

5) Ibidem, 189.

6) Ibidem, 207.

7) Badania Archeologiczne, E. Tyszkiewiczza, Wilno 1850, 37.

8) Въ другомъ актѣ по-русски: девятерникъ. Арх. Сб. III, 151.

пивъ горшокъ тѣсомъ, и этимъ снадобьемъ нужно умываться въ концѣ мѣсяцѣ (na zeisciu miesiaca) три раза въ недѣлю: въ среду утромъ, въ четвертъ вечеромъ и въ субботу предъ восходомъ солнца. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ все это продѣлывается съ другою травою—центурией (centuria), а затѣмъ съ зельемъ, называемымъ „odtesnikъ“, которое растетъ по ржи и на межахъ, сѣрватого цвѣта (farbu plowej¹⁾). Тотъ же Карпъ предложилъ для лѣченія различныхъ болѣзней еще нѣкоторые рецепты²⁾.

Одна обвиняемая по дѣлу объ очарованіи маршалка Сапѣги, общала, если ее выпустятъ, сдѣлать такъ, что маршалъ будетъ здоровъ, веселъ и скоро женится. При этомъ она предложила такой рецептъ. Когда Сапѣга придетъ, пусть возьметъ изъ гумна девять колосевъ ржи и изъ каждаго по девяти зеренъ, потомъ взять девять хлѣбковъ и изъ каждаго вырѣзать сверху по куску. Все это намочитъ въ сосудѣ съ виномъ или пивомъ, и набрать въ другой сосудъ рѣчной воды, черная противъ течения; потомъ эти сосуды поставитъ въ банѣ, высуши доски въ поду. Въ сосудѣ долженъ стать Сапѣга и поливать самъ себя съ головы, или же поручитъ вѣрному человеку. Послѣ обмыванія нужно пустить на воду эту смѣсь и хлѣбъ, выбравши только зерна, при чемъ 9 зеренъ нужно носить при себѣ, а остальные воткнуть въ молодое плодовое дерево, замазавши воскомъ. Затѣмъ, когда Сапѣга будетъ куда-нибудь ѣхать, нужно положить банку хлѣба надъ воротами, въ которыя онъ пройдетъ. Кусокъ этого хлѣба онъ долженъ носить всегда при себѣ, а остальной тщательно спрятать³⁾. Встрѣ-

1) Арх. Сб. III, 167—8.

2) Мы приведемъ ихъ цѣликомъ въ подлинникъ, потому что съ одной стороны они представляютъ большой интересъ, а съ другой потому, что языкъ, которыми они переданы, не вездѣ понятенъ, и мы предоставляемъ каждому объяснять тѣ или другія выраженія по своему.

„Ołow wylewac tak: wziandz wody, jako idzie, y mowicz: ia k tobie przyszedz i Naswietszam Pannam wody brać y natą wodę wylewac udczu wsiakuiu chorobu y strachu y przeplocy krowneg Jana jego głowy wsiakuiu chorobu poty bela, pokym ołowia nie wylewała, a coepier potym wilewaniu Naswietsza Panna niech będzie na pomoc, a ma to iadz razy 9, tho za kazdym razem ołowiu z wodi wziącz y rosyrzacz do dziewiątego razu rozegrącz y na tęg wodę lycz. Ty kłocz od kłocz trzy dziewiec ostropes dac wypicz w ocie, a mow nowi: Panna Naswięsza! umawiaui osmdziesiąt w robi holowniow y pluczuiu zplaceniui y ktoru końwiek kluciu wyhoronie osmdziesiąt choroqu wo wiau koscieniu choroby. Na uplawi biali głowi. Pomiot święny w piwie uparzyć y pod podeszwę przylozycz, dziewiec kaminie rospalacz y swinie gnoi naklacz y pywem parzycz, na krzeste siedząc. Jesco krowi czarni, żeby zadnia odmienia nie biła zadni włosky inszy nie bilu y thi krowi, skrobacz lewi rok od biadich uplaw a tęg rok trzeba żeby ku wirsu zkrobane tak wiele jak bobkowa dziarna, dacz wypucz w winie albo w piwie lub w ocie. Babkę wziącz z listkami y nazieniem uwarzyc y pycz od tego, takze tego zieleu w luskę kłasc. Do pani Mogielniczky po ziele posłacz od pani swiecinikowi (= по-падни) просząc od dziewięcziornik y o ałosniuk“ (Арх. Сб., т. III, 167).

3) Арх. Сб. III, 102.

чаются и менѣ сложные рецепты лѣченія. Такъ, чтобы парни любили дѣвушку, послѣдней нужно было умыться древеснымъ цвѣтомъ (drzewem z kwiatem) на первый день Пасхи, передъ восходомъ солнца; затѣмъ составъ этотъ занести въ одной рубахѣ и закопать подъ хлѣвъ дома того парня, любовь котораго желательно приобрести¹⁾.

Относительно того, какимъ образомъ чародѣйство помогало домашнему хозяйству, мы почти не встрѣчаемъ указаній. Извѣстенъ одинъ только фактъ: Уба, вынесши въ поле „jelita (книжки) kole (?)*“, повѣсилъ на сухой яблонѣ, объяснивъ потомъ, что это сдѣлано для того, чтобы водились крѣпкія рабочія лошади²⁾. Наконецъ, мы уже видѣли, какъ поступали чародѣи для разогнанія тучъ.

Всѣ разсказанныя дѣйствія чародѣевъ получаютъ опредѣленный характеръ по своему назначенію—принести вредъ или пользу людямъ или хозяйству. Но есть нѣсколько указаній на такія дѣйствія, которыя не имѣли опредѣленнаго назначенія, или по крайней мѣрѣ характеръ ихъ не выяснился, но которыя тѣмъ не менѣ были признаны судомъ или свидѣтелями за чарованіе. Такъ, одна обвинялась въ томъ, что она чаровала хлѣбъ, завязывала рожъ (очевидно, дѣлала „занитки“), терла руками овесъ, говоря, что изъ этого овса она испечетъ хлѣбъ съ липовыми листьями, затѣмъ во время игрища передъ Ивановымъ днемъ несла съ поля огонь,— всѣ эти дѣйствія признаны были чародѣйствомъ³⁾. Другая кодуныя, чтобы повредить дому свидѣтеля, бросила у воротъ его палку, шелягъ (мѣдный грошъ) и нитки⁴⁾. Не разъ встрѣчаемъ указанія на то, что чары можно было подбрасывать⁵⁾. Наконецъ, однимъ изъ чародѣйскихъ средствъ служило окуриваніе какимъ-то составомъ⁶⁾.

Къ дѣйствіямъ, употребленнымъ при чарованіяхъ, близко стоитъ употребленіе отдѣльныхъ предметовъ съ тою же цѣлью. Такъ, могилевская мѣщанка Орина обвинялась въ томъ, что она втыкала ножъ въ притолку, обносила какимъ-то зельемъ дворъ и домъ и давала чары въ пицѣ⁷⁾. Попадья Громыкина употребляла съ какою-то цѣлью „Agnusek“⁸⁾. На чары же употреблялась каша изъ жуконъ⁹⁾, подкова лошади, на кототорой ѣз-

1) Акты Вилен. Арх. Ком. VI, 511.

2) *Juciewicz*, 188.

3) *Ibidem*, 201.

4) *Ibidem*, 195.

5) Арх. Сб., т. III, 101.

6) *Ibidem*, p. 124—5.

7) Ист.-юр. мат. Созонова, т. IX, 293.

8) Арх. Сб., III, 108. (Agnus Dei; тутъ же и описаніе его).

9) *Juciewicz*, 207.

дить тотъ, кого желаютъ очаровать ¹⁾, кости ²⁾, земля ³⁾, дохлый поросенокъ ⁴⁾ и, какъ мы уже видѣли, высушенный трупъ ребенка.

При лѣченіи болѣзней употреблялись яйца: нужно взять три яйца, выпустить желтокъ и бѣлокъ, набрать въ скорлупу стоячей воды, слить ее въ другую посудину и вылить эту воду на бревно, (матичу?) въ избѣ (на *biegłono w uzbie rominąwszu rotębę pierwszą*), упомянувъ, противъ какой болѣзни выливается ⁵⁾. Родильницъ окуривали бобровой струей, перьями живыхъ куропатокъ, „перестрѣломъ“, церковнымъ муромъ и освященными травами, „енорожецъ пить даютъ, то есть орлій камень *мываютъ*“ (*имплотъ*) ⁶⁾. Чародѣй Кузьма далъ женѣ свидѣтеля кусокъ мяса, отъ чего она заболѣла и умерла ⁷⁾; одна, привлеченная къ суду, причинила болѣзнь тѣмъ, что дала яблоко ⁸⁾.

Нерѣдко вода, пиво, вино, даже роса служили для чарованія, давались также чары въ пищу ⁹⁾. Боязнь къ лицамъ, заподозрѣннымъ въ чародѣйствѣ, была настолько велика, что одинъ свидѣтель рассказывалъ, что не далъ подозрѣваемой въ колдовствѣ напитокъ святой воды, боясь, что она проситъ на чары ¹⁰⁾.

Интересна „протестація“ Василія Паука объ очарованіи его дома водою: „...въ ночи, нѣтъ вѣдома кто, подышovsky (подойдя) на знакъ чаровъ, ворота и стѣны дому пана Василія Пауковича... зъ улицы не вѣдати чимъ позаливаль...; хтось за тымъ заливаньемъ на здоровье самага пана Василія Пауковича, пани малжонки (жены) и дѣтей ихъ чугаетъ (покушается). За чимъ менечы (думая) чары починены, а не будучи безпечнымъ здоровьемъ, маетности (имущества) и фортуного въ пожитю поваженья, тое позаливалъе воротъ и стѣны за разомъ того часу радости обвелъ (объявилъ начальству)“, и занесъ, на случай открытія виновника, въ градскія книги ¹¹⁾.

Болѣзни насылали посредствомъ чарованія на пиво, водкѣ, пищу ¹²⁾. Одинъ потерялъ умственные способности, очарованный на водкѣ ¹³⁾. Полоцкій мѣщанинъ Василій Брикунтъ обвинялся въ чародѣйствѣ, при чемъ боль-

шая часть свидѣтелей говорили что онъ давалъ чары въ пиво и водкѣ. Такъ, онъ „Петра Демидовича виталь (угощаль) пивомъ по-полудню, а до вечера трохе не розервало, ажъ мусели людии ему Брикуну кланять се, абы отходзилъ (отчароваль)“. Нѣсколькимъ людямъ онъ причинилъ болѣзнь и смерть поднесши чары въ водкѣ ¹⁾. Недопитое вино или водка были употреблены, чтобы „запутати дорогу“ Сашкѣ предъ женитьбой ²⁾. Также давалась каша, составъ которой неизвѣстенъ ³⁾.

Интересно употребленіе при чарахъ росы и иней. Чародѣйка Бѣлорозова собирала росу въ гарнецъ и кропила этимъ хлѣба, чѣмъ приносила имъ вредъ ⁴⁾. Другая, собирая росу съ травъ и деревьевъ, чаровала ею хлѣбъ, скоть и людей ⁵⁾. Про одну рассказывали, что она умѣетъ, собравши иней, дѣлать градъ (*lody i gradu robić*) и такимъ образомъ портить хлѣба ⁶⁾.

Употребленіе металловъ при чародѣйствѣ почти неизвѣстно. Есть указаніе лишь на то, что выливаніе олова служило средствомъ противъ различныхъ болѣзней ⁷⁾.

Употребленіе при чарованіи разныхъ травъ было сильно развито, но, къ сожалѣнію, сохранилось весьма немного точныхъ указаній на названіе и способы употребленія этихъ травъ. Большею частью встрѣчаются лишь общія указанія на употребленіе при чарахъ травъ и другихъ растений, „зелья“, также какъ и на ихъ назначеніе ⁸⁾. Изъ болѣе точныхъ указаній извѣстно, напр., что собирались какіе-то цвѣты во ржи, чѣмъ наносился вредъ хлѣбамъ ⁹⁾, какую-то траву, собирающуюся во время кукованія кукушки, давали коровамъ и курамъ ¹⁰⁾. Иногда употреблялись и хлѣбные злаки, молодой ячмень ¹¹⁾, рожь ¹²⁾, овесъ съ липовыми листьями ¹³⁾. Кромѣ того употреблялись сухіе дубовые листья, которые затыкали въ углы дома для того, чтобы въ немъ все сохло ¹⁴⁾, и листья неизвѣстнаго дерева, которое дѣвушка вмѣсто съ цвѣтами мочила въ водѣ и мылиась, чтобы парни ихъ любили ¹⁵⁾.

1) Археогр. Сб., I, 338—346.

2) Арх. Сб., III, 100.

3) *Jucewicz*, 182.

4) *Ibidem*, 208.

5) *Ibidem*.

6) *Ibidem*, 206.

7) Арх. Сб. III, 117, 125, 144.

8) *Ibidem*, 124—5, 122, 104; *Jucewicz*, 207, 182 и др.

9) *Jucewicz*, 183.

10) *Ibidem*, 74.

11) *Ibidem*, 204, 203.

12) Арх. Сб. III, 101.

13) *Jucewicz*, 201.

14) *Ibidem*, 182.

15) Акты изд. Вил. Арх. К., VI, 511.

1) Арх. Сб., т. III, 100.

2) Акты Вил. Комм., т. VI, 511.

3) Арх. Сб., т. III, 100.

4) *Jucewicz*, 76.

5) Арх. Сб., т. III, 146.

6) *Ibidem*, 124—5.

7) *Jucewicz*, 204, 203.

8) *Jucewicz*, 185.

9) Истор.-юр. мат. Созонова, т. IX, 293; *Jucewicz*, 208.

10) Арх. Сб., т. III, 108.

11) Археогр. Сб. Вил. Комм., I, 307.

12) *Jucewicz*, 207.

13) *Ibidem*, 205.

Изъ другихъ растений употреблялись: табакъ, очарованный которымъ умеръ ¹⁾, денетерникъ, рута ярая, употреблявшійся для лѣченія ²⁾, „dziewięciornik i alosnik“, тоже какъ лѣкарство ³⁾, центурия и „odtesknik“, которое пошло во ржи ⁴⁾.

Но всѣ эти дѣйствія и средства не всегда могли успѣшно дѣйствовать сами по себѣ: нужны были еще какія либо таинственные слова, заговоръ. Формуль заговоровъ сохранилось въ процессахъ не много, такъ какъ они составляли тайну колдуновъ и уносились ими на костеръ.

Нѣсколько заговоровъ, попавшихъ въ процессъ со словъ подсудимыхъ, мы уже привели; приведемъ еще нѣсколько другихъ, какіе нашлись. Такъ, одна служанка показала, что ее учила чародѣйка, прядя шерсть, говорить: „какъ это веретено кружится, пусть скотъ и овцы выкрутятся изъ дома моего господина, чтобы сталъ пустой“ ⁵⁾. Затѣмъ сухіе дубовые листья въ углы чужихъ строеній, колдуньи говорили: „какъ эти листья изсохли, такъ пусть сохнетъ такой-то“ ⁶⁾.

Люція Марианна сознавалась, что ее учила одна чаровница такимъ заклинаніямъ: „дьяволъ, заступи дорогу такому-то, ѣдущему на торгъ, чтобы онъ не имѣлъ счастья и обнищалъ“; и другое: „дьяволъ, вытри некло этимъ мѣшкомъ, засѣки (такой-то), чтобы амбаръ ея былъ пустой“ ⁷⁾.

Когда нужно было „отходить“ чары, говорилось, поливая воду черезъ рѣшето молодыми вѣтками: „какъ эта вода не остается на рѣшетѣ, такъ на этихъ вѣткахъ пусть не остается ворожба, ни одна вредная вещь“ ⁸⁾.

А вотъ еще одинъ рецептъ съ заговоромъ, предложенный обвиняемой въ колдовствѣ, противъ дѣйствія чаръ: нужно взять въ банѣ изъ печи три раза по 9 углей, затѣмъ пойти за водой и всыпать уголья въ воду; потомъ крошить этой водой черезъ рѣшето молодыми вѣтками съ такимъ заговоромъ: „какъ эта вода не задерживается въ рѣшетѣ, такъ пусть „перелогн“ и все зло не удержится (въ домѣ)“ ⁹⁾.

Къ сожалѣнію, въ судебныхъ процессахъ очень мало приводится дословныхъ заговоровъ, а между тѣмъ теперь они имѣли бы для насъ громадное значеніе.

Вотъ всѣ немногочисленные этнографическія данныя, какія можно было извлечь изъ напечатанныхъ до сихъ поръ процессовъ о чародѣйствѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVII и XVIII вв. Тщательныя записи со-временныхъ видовъ колдовства и знахарства въ этомъ краѣ, безъ сомнѣнія, покажутъ, что большинство изложенныхъ здѣсь взглядовъ и понятій и до сихъ поръ твердо держатся въ нашемъ народѣ.

¹⁾ Juszcwicz, 185.

²⁾ Арх. Сб. Ш, 135.

³⁾ Ibidem, 167.

⁴⁾ Ibidem, 167—8.

⁵⁾ Juszcwicz, 183.

⁶⁾ Ibidem, 209.

⁷⁾ Ibidem, 183.

⁸⁾ Арх. Сб. Ш, 146

⁹⁾ Ibidem.

В. Н. Тяпинскій, переводчикъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе.

I—II.

Въ Императорской Публичной Библиотекѣ хранится обширный рукописный сборникъ разнообразнаго содержанія, въ которомъ между прочимъ влечено неполное (отъ Матвея и Марка) печатное евангеліе съ рукописнымъ предисловіемъ. Изъ начала этого предисловія явствуетъ, что переводчикъ евангелія и составитель предисловія называется Василіемъ Тяпинскимъ.

Мѣсто изданія неизвѣстно; не ясно также, вышла ли книга въ свѣтъ, или осталась не допечатанной. Наконецъ совсѣмъ неизвѣстна біографія автора. При такихъ условіяхъ и цѣль перевода евангелія на бѣлорусское нарѣчіе тоже не ясна, такъ какъ предисловіе не говоритъ прямо о религіозномъ міровоззрѣніи переводчика. Загадочная обстановка, которой окружено все Евангеліе Тяпинскаго, дала поводъ ученымъ сдѣлать о немъ разнорѣчивыя предположенія.

Первый наиболѣе подробно высказался о Тяпинскомъ архимандритѣ Леонидѣ, сдѣлавшій рядъ широкихъ предположеній. По его мнѣнію, Тяпинскій—протестантъ, покровительствуемый Радзивилломъ, жилъ со своею „коченою типографіею“ въ Несвижѣ; время перевода имъ евангелія архимандритъ Леонидъ относитъ къ 1570 г. ¹⁾ Но его предположенія не подтверждены имъ документальными данными.

Проф. П. В. Владиміровъ имѣлъ случай дважды высказаться по интересующему насъ вопросу. Въ своемъ изслѣдованіи о Ф. Скоринѣ онъ ставитъ Евангеліе Тяпинскаго на ряду съ Пересопницкою рукописью въ число памятниковъ православной переводной литературы ²⁾. Изслѣдуя шрифты евангелія Тяпинскаго сравнительно съ Скорининскими изданіями, онъ находитъ ихъ весьма близкими къ краковскимъ изданіямъ послѣдняго: „буквы

въ рамкахъ,—говоритъ онъ,—по всей вѣроятности перешли непосредственно изъ виленьской типографіи Скорины въ „убогую друкарню“ Тяпинскаго, тогда какъ строчный шрифтъ его заимствованъ изъ Несвижской типографіи, а нѣкоторые украшенія изъ Кракова“ ¹⁾. Разбирая тексты евангелія Тяпинскаго сравнительно съ Пересопницкою рукописью, онъ готовъ высказать догадку объ ихъ общемъ источникѣ—Скоринѣ и др. ²⁾.

Проф. Е. Ф. Карскій въ одной изъ своихъ работъ специально изслѣдовалъ языкъ Евангелія и вслѣдъ за проф. А. И. Соболевскимъ призналъ его бѣлорусскимъ (Каратаевъ называлъ его „малороссійскимъ“) ³⁾. Оба изслѣдователя въ вопросѣ о годѣ изданія ссылаются на архим. Леонида. О религіозномъ міросозерцаніи Тяпинскаго авторъ опредѣленно на этотъ разъ не высказывается, но въ своей позднѣйшей работѣ о западно-русскихъ псалтиряхъ г. Карскій уже настойчиво доказываетъ, что Тяпинскій анти-тринитарій; сравнивая тексты его евангелія съ текстами Буднаго, онъ считаетъ послѣдняго однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ перваго; наконецъ относитъ изданіе Тяпинскаго къ 1580 г. ⁴⁾.

Однако выводы г. Карскаго неудовлетворили проф. Владимірова. Въ своей рецензій на трудъ перваго г. Владиміровъ останавливается и на его выводахъ о пособіяхъ Тяпинскаго, находитъ такое сличеніе недостаточно полно введѣннымъ, указываетъ общій источникъ обоихъ переводовъ—церковно-славянскій текстъ и настаиваетъ на своемъ прежнемъ мнѣніи объ источникѣ Тяпинскаго—Скоринѣ ⁵⁾.

Такимъ образомъ два почтенные ученые, вполне компетентные въ вопросахъ западно-русскаго языка и литературы, кореннымъ образомъ не сходятся въ вопросѣ о религіозномъ міровоззрѣніи Тяпинскаго; базисомъ для ихъ сужденій служитъ языкъ Евангелія. Спорный вопросъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ В. Тяпинскаго разрѣшается компетентными свидѣтельными убѣжденіяхъ Ш. Буднаго, приведенными изъ очень рѣдкихъ его сочиненій въ замѣткѣ проф. Брикнера. Такъ Будный въ предисловіи къ кн. „O przednieuszyc wiarę chryścijańskięj artykułech“ (1576) говоритъ, что въ 1574 г. былъ синодикъ въ Литвѣ—„zebranie nasze w domu brata miłego Wasila Siarpińskiego“; здѣсь Будный излагалъ свое исповѣданіе. Другое свидѣтельство Брикнеръ встрѣтилъ у Буднаго же въ его „Urząd miecza“ (1583): рассказывая о създѣ литовскихъ содинанъ въ Лоскѣ, гдѣ обсуждался волновавшій этихъ сектантовъ вопросъ о владѣннй земельною собственности

1) Тамъ-же, стр. 213—204.

2) Тамъ-же, стр. 234.

3) Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варш., 1893, стр. 119.

4) Западно-русскіе переводы псалтири въ XV—XVI в. Варш. 1891.

5) Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія въ послѣднія 10 лѣтъ (Отгисскъ изъ Кіев. Унив. Изв. 1898 г., стр. 14).

1) Ж. М. Н. Пр. 1884, V, разборъ „Описанія“ Каратаева.

2) Докторъ Францискъ Скорина, Спб. 1888, стр. 30.

и о войнѣ, Будный говоритъ: „ozwał się jeden szlachcic, Basil Ciapiński a przy nim i innych kilka, że to nie jest precziw nauce ewanielskiej, urząd mieczowy, także imienie szlacheckie trzumać, na wojnę jachać, praw używać itd. Sparli się z nim bracia polscy, ale iz wieszor być, dali cobie pokój. Na-zażutż też różno się rozjechali“¹⁾). Этими свидѣтельствами устанавливаются принадлежность Типинскаго къ соцініанству, его связь съ Буднымъ, наконецъ то, что владѣтель „убогой друкарни“ былъ дѣятельнымъ членомъ секты; вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство Буднаго даетъ извѣстную точку опоры для біографическихъ поисковъ, такъ какъ изъ него открывается, что Типинскій былъ литовскій шляхтичъ, владѣвшій имѣніемъ; документы Литовской Метрики дѣйствительно подтверждаютъ это.

Уже одинъ фактъ перевода Типинскимъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе могъ бы вполнѣ оправдать интересъ со стороны историка и историка литературы къ его біографіи; но Типинскій не только переводчикъ евангелія и дѣятельный членъ соцініанской секты; его предисловіе къ евангелію представляетъ собою весьма видный памятникъ политической литературы того времени. Давая весьма мало для характеристики религіознаго мировоззрѣнія его автора, предисловіе это въ яркихъ чертахъ представляетъ намъ національныя убѣжденія самого Типинскаго и той среды, выразителемъ которой онъ является; оно не мало также говоритъ намъ о состояніи современнаго общества. Несмотря на высокое значеніе этого памятника, далеко выходящаго за предѣлы обычныхъ предисловій къ современнымъ переводамъ книгъ религіознаго содержанія, на него до сихъ поръ не обращали никакого вниманія въ литературѣ. Правда, что писатель, блестяще справившійся съ техникою перевода евангелія²⁾, излагаетъ свои мысли въ предисловіи весьма неудобнопонятно, тяжелымъ слогомъ, употребляетъ немало полонизмовъ и пр. Эта литературная особенность предисловія можетъ быть объяснена только тѣмъ, что мы имѣемъ дѣло съ черновымъ наброскомъ: въ одномъ мѣстѣ рукописи встрѣчаемъ на поляхъ приписку—очевидное дополненіе, которое хотѣлъ сдѣлать авторъ³⁾.

Съ разбора предисловія мы и начнемъ.

1) Archiv für Slavische Philologie, 1896. XVIII, стр. 629.

2) Ср. вѣрную характеристику литературныхъ достоинствъ перевода, сдѣланную А. И. Соболевскимъ: „живой, чистый бѣлорусскій языкъ“, Карскій, „Къ исторіи звуковъ“, стр. 119.

3) См. стр. 5 примѣч. въ изд. П. В. Владимірова (Кіевская Старина, 1889, январь); этииъ изданіемъ мы дальше пользуемся. Знаки препинанія разставляемъ согласно ихъ теперешнему употребленію.

I.

Самая важная черта въ мировоззрѣніи нашего автора—это его глубокая любовь къ русскому народу, членомъ котораго онъ себя считаетъ. Онъ много разъ говоритъ объ этомъ: „Рад покажу мою вѣру которую маю, а злща народу своему рускому“, начинается Типинскій свое предисловіе. Евангеліе онъ переводитъ „зъ зычливости ку моеи отичне“. Себя онъ называетъ „русиномъ“ (стр. 1). О рускомъ народѣ и особенно о его языкѣ Типинскій очнь высококаго мѣннія, хотя и скорбитъ о неуваженіи, которымъ онъ пользуется въ его время. Русскій народъ, говоритъ онъ, „зацный“, прежде былъ „довстинный, ученый“; мудрость въ словѣ Божьемъ была въ народѣ „праве яко врожоная“ (стр. 3).

Но Русь составляетъ самую близкую вѣтвь славнаго и ученаго народа славянъ, которымъ (т. е. славянамъ) „а што можетъ бытъ прироженною одно не рус“ (стр. 3). Свое предисловіе онъ обращаетъ „къ зацной монархіи словенской“. Тѣмъ, кто стѣдитъ письма и слова Божія на рускомъ языкѣ, Типинскій съ гордостью указываетъ на ученость и просвѣтительныя заслуги славянъ и ихъ Первоучителей. „Тутъ быхъ я имъ (хулителямъ) ихже хотъ одного з мнозства личбы оныхъ словянъ Иоанна або Григорія, которымъ дле великое нетолко в своемъ, але тежъ и в розныхъ езыкахъ науки и дла вдячно ихъ вымовы, ажъ зототуустыми звали“. Если бы они оба были живы, Типинскій взялъ бы ихъ себѣ „за причину до нихъ въ томъ, а на остатокъ за светка им тое речі“; если бы они теперь были, то они увидѣли бы, какъ „окраса и оздоба народу ихъ в потомствѣ ихъ огнята, а просто загноула“. Достаточно вспомнить о „давныхъ часахъ“, чтобы видѣть, какой „то былъ зацный, славный, острый, довстинный народъ; ихъ в умеѣтности, и яко многократъ постороніе учоныя народы ихъ мудрость мусели похвалыть“ и даже отъ нихъ учиться. Въ примѣрѣ такихъ заслугъ онъ приводитъ славянскій переводъ четвероевангелія и апостола,—„которые могутъ мовитъ передъ тысячею лѣтъ отъ нѣкоторого з словянъ выложено“. Этотъ переводъ употребляется въ церквахъ сербскихъ, московскихъ, волошскихъ, болгарскихъ, хорватскихъ и др. „Тотъ мужъ нашъ милыи словенинъ“ такъ самостоятельно („властне“) перевелъ съ греческаго языка, что трудно даже различитъ, какой языкъ переводчикъ зналъ лучше—греческій или славянскій; но если бы онъ даже и не лучше зналъ греческій языкъ, тѣмъ славянскій, то все-таки въ этомъ переводѣ мы имѣемъ не малый „знакъ“ того, что „людь“ славянскій „былъ довстинный“ (стр. 3).

Человѣкъ, имѣющій столь высокое представленіе о древнемъ славянствѣ, его языкѣ, не менѣе горячо почитаетъ заслуги „славной“ (стр. 1) славянской вѣры. Онъ ссылается въ данномъ случаѣ на „памятники“ и приводитъ въ примѣрѣ „памети годные“, „синоди“, которые славяне имѣли не только

съ папами римскими, но и съ другими; множество людей къ вѣрѣ изъ блуда „выдвигали“, въ разныхъ языкахъ учеными были, „к тому яко животь светобливыи вели, яко тежъ межи собою злыхъ фалшивыхъ и вере братовъ знашали (устраняли), лечили, направляли“; какъ наконецъ учителей своихъ „водле науки слова божого светобливымъ малженствомъ от инныхъ отдѣлили и ихъ тымъ одобренныхъ всимъ народомъ и верамъ и поинне ку прикладу праве, яко свечу чистостю малженства святичюу были показали“. Много пришлось бы о нихъ говорить, замѣчаетъ авторъ, но рѣшается остановиться только на одномъ примѣрѣ славянской мудрости, которая извѣстна и очевидна для всѣхъ, кто „безъ писма“ (т. е. кто не имѣетъ переводовъ Священнаго писанія на родномъ языкѣ). Славяне „дле такъ великое светобливости свое“ были, помимо другихъ народовъ, „такимъ гоиннымъ даромъ были отъ Пана оздобени“, что не говоря уже о папѣ римскомъ, но и другихъ болѣе въ то время „наученшихъ народовъ“, какъ то въ Ливіи, Антиохіи, Пентаполи, Сицилии, Месопотаміи, Палестинѣ, Финикіи, даже и сосѣднихъ народовъ, какъ французовъ, англчанъ, испанцевъ, влоховъ, нѣмцевъ, поляковъ—однимъ словомъ, всѣхъ христіанскихъ народовъ, они „въ слово божьемъ прозрѣвши, сами одни толко того были доказали, же подлугъ науки апостольское своимъ влоснымъ езкомъ от такъ давного часу слово божье выложили и мели и намъ zostавили“. Этотъ примѣръ всѣ другіе народы только въ наше время „обачили“ и „не безъ малого забуренья и ображенья“ что перевели на свои языки слово божье съ латинскаго языка.

Таковы были національныя представленія Тяпинскаго. Онъ гордился тѣмъ, что онъ—русинъ, указывалъ на заслуги славянства въ прошломъ и даже не прочь былъ ихъ преувеличивать—можетъ быть, и безосновательно; онъ гордится своимъ русскимъ и славянскимъ происхожденіемъ.

Здѣсь небезполезно привести два указанія. Происходя изъ Полоцкой земли, какъ увидимъ ниже, Тяпинскій могъ себя считать русиномъ по преимуществу. Въ XVI в. Русью, русскими воеводами, землями въ Литовско-русскомъ государствѣ считались именно Подвинье, Подвѣпрорье въ отлѣгаче отъ Украйны (Южной), Волины, Подляхія, Жмуди и Литвы. Далѣе Тяпинскій даже въ подписяхъ на официальныхъ актахъ употреблялъ русское письмо; не даромъ онъ въ своемъ предисловіи укоряетъ тѣхъ, кто „не смѣеть“ подписываться по-русски (стр. 2, прим.).

Однако авторъ, столь высоко цѣнившій „довстинность“, „умѣтностъ“, мудрость, заслуги предковъ, съ прискорбіемъ наблюдалъ глубокое паденіе этихъ прекрасныхъ национально-религіозныхъ качествъ въ современномъ ему обществѣ. Онъ видитъ передъ собой отступничество отъ национальности среди наиболѣе видныхъ его членовъ, грубость и религіозную неразвитость простого народа и находитъ причины этого явленія въ пониженіи въ рус-

скомъ народѣ образованности вообще и въ особенности въ умственномъ и нравственномъ паденіи учителей народа—духовенства.

Вѣра, говоритъ Тяпинскій, „яко устала, яко загнула; обачиване речей жалосныхъ квалтомъ слова до устѣ гонит“. Кто изъ богобоязливыхъ людей „не задержитъ“ (т. е. слово жалостныхъ), глядя на такую „казнь боію“, кто не будетъ плакать, видя въ средѣ великихъ княжатъ, знатныхъ пановъ, столь многихъ невинныхъ дѣтей, музей и женъ, въ средѣ такого ученаго народа, какъ русскій, „заедбане а просто възгардоу“ своего славнаго языка; вслѣдствіе того пренебреженія, „за покараньемъ Панскимъ оная ясная ихъ въ слово божьемъ мудрость“, которая была у нихъ врожденной, отошла отъ нихъ и ея мѣсто заступила „такая оплаканная неуметностъ... же иже некоторые и писмомъ се своимъ, а злѣща въ слово божьемъ встыдають“. Хуже всего то, что духовенство само не изучаетъ русскаго письма, не знаетъ его, не имѣетъ нигдѣ для науки школы, „зачимъ въ польскіе, або въ иные писма за такую неволю, немало и оу себе и дети не безъ встыдоу своего бы се одно почули немало запровауютъ“ (стр. 2—3).

Тяпинскаго особенно безпокоитъ паденіе образованности въ русскомъ смыслѣ. Указавъ на заслуги славянскаго языка, на то, что переводъ Священнаго писанія на славянскій языкъ послужилъ примѣромъ для всѣхъ народовъ—какъ было раньше приведено, авторъ въ сильныхъ выраженіяхъ обращается къ панамъ, требуя ихъ поддержки въ дѣлѣ поднятія образованія въ томъ же смыслѣ (т. е. при посредствѣ Священнаго писанія на русскомъ языкѣ): онъ совѣтуетъ панамъ быть достойными своихъ славныхъ предковъ и „вступитъ“ на ихъ мѣста, такъ какъ ни откуда нѣтъ, вслѣдствіе нашихъ грѣховъ, иной помощи. „Только вы, паны, могли бы притти на помощь изъ любви къ своей отчизнѣ“; „простота чловека беднаго послонитого на васъ очи завжды оудавала и удаетъ и за вами идетъ“. Онъ совѣтуетъ панамъ показать примѣръ, притти на помощь отчизнѣ въ недостаткѣ науки „грубой простотѣ“, братѣ своей, „если только у васъ есть сколько-нибудь милосердія“ для „богобойнаго“ чловека; „улитоване“ есть самое лучшее, ближе всего подходящее къ добротѣ божьей, качество. Онъ даетъ и еще совѣтъ панамъ, какъ помочь „народу вашому неуметностю заведеному и утрапенному“: просить митрополитовъ и владыкъ озаботиться о распространеніи наукъ (стр. 4—5).

Тяпинскій не падитъ словъ для характеристики тогдашняго духовенства, какъ высшаго такъ и низшаго. Такъ, непосредственно за приведеннымъ выше обращеніемъ къ панамъ мы встречаемъ слѣдующее мѣсто, которое приводитъ въ почти дословномъ перекладѣ: наконецъ ради вѣчной заплаты себѣ отъ Бога, вы бы (т. е. паны), помогая вашему народу „неуметностю заведеному и утрапенному“, „митрополита вашего“, владыкъ и учителей вашихъ до того просьбами вашими вели, чтобъ они не предавались подку-

памь, посуламъ „дле поседана столиць одинь перед другимъ, не доживотен и привилеев одинь надъ другимъ обварованейшихъ“, но *сами* учились бы слову божию и другихъ „братъхъ вапу“ къ тому же побуждали; чтобы они (т. е. духовные) заложили школы и выдвинули науку слова божьяго, такъ много лѣтъ „заведбаню“. Онъ указываетъ путь же и на средства для заведенія школы и на то, что эта наука не должна походить на вышнюю; школы должно устроить на средства маенностей и имѣній, которыя предки пановъ дали духовенству „не на марнотрацтва, не на строй и што такого, але дле наукъ“; эти средства надо употребить на развите наукъ, но не такихъ, какъ теперь—„яко тепер на вѣчный свой встыд толко прочести и то ледво в своемъ эзыку небольшъ учатсе“. „Которыхъ (т. е. братью) я,— заканчиваетъ Тяпинскій свою рѣчь,—не одному, которому (изъ пановъ и духовенства, къ которымъ онъ обращается), але всимъ изъ стюю потребою (въ образованіи) отчизны вапое богопонойной пилности, ростропности и верности поручаю и застаюу, просечи Пана (Бога), абыхъ былъ *отомъ*, если она (отчизна) до конца згинет (въслѣдствіе паденія образованія, о чемъ авторъ выше сѣтуеть), з *нею згинутъ*, або если черезъ *ваши* ретунокъ будетъ выдвинена, з вами и з нею выбрицуть“ (стр. 5).

Эти мѣста чрезвычайно важны для характеристики мировоззрѣнія автора. Его свѣдѣтъ горячее желаніе придти на помощь своей родинѣ, насадить въ ней науки, сдѣлать ее достойной своихъ предковъ, въ его словахъ звучитъ страстный призывъ къ лучшей и образованнѣйшей части тогдашняго общества; это общество авторъ убѣждаетъ повліять на митрополитовъ и владыкъ измѣнить свой образъ жизни и отдать свои средства на поддержаніе и укрѣпленіе науки слова божьяго; самъ авторъ, будучи человѣкомъ незнатнымъ и небогатымъ, очевидно, не надѣется поддѣйствовать на духовенство. Самъ онъ отдаетъ свои силы на благо отчизны и готовъ погибнуть вмѣстѣ съ ней, если это и ей суждено,—если общество не придетъ ей на помощь.

При его взглядахъ ничто не мѣшало ему видѣть темныя стороны въ жизни духовенства, ничего не побуждало его падить духовныхъ, какъ это дѣлали и православнѣйшіе люди его времени, въ родѣ К. Острожскаго и др. Правда, духовенства Тяпинскій не садилъ. Онъ бросаетъ духовенству упрекъ, что оно не только забыло еврейскій языкъ, но плохо понимаетъ и славянскій (стр. 5 прим.). Самое печальное, по его мнѣнію, то, что такъ называемые „духовные учителя письма русскаго и слова божія не знаютъ, не понимаютъ и не изучаютъ“ (стр. 3).

Да это и понятно. Онъ принимается за переводъ евангелія только потому, что духовенство не желаетъ за него взяться: „поневажъ которымъ бы то властенъ учинити пристоело митрополитове, владыки и нихто з ученыхъ черезъ многіи час не хотѣли“ (стр. 1). Тяпинскій не скрываетъ, что

ему пришлось испытать не мало неприятностей отъ разныхъ лицъ (вѣроятно и отъ духовенства), когда онъ задумалъ свой переводъ: вмѣсто того чтобы „з выкриканіемъ“ хвалить и радоваться, что посреди нихъ появились русинь, поставившій себѣ цѣлью принести пользу своей Руси, многие оказались совсѣмъ неблагодарными, а нѣкоторые даже, вмѣсто помощи „або дяки и заростью платити хотѣли“. Но, скромно замѣчаетъ Тяпинскій (стр. 2), „не одно ми тое все для моее повинности, и ку нимъ вычлонило не естъ прикро, але и овшемъ, за ласкою Пана Бога вдячно“. Заботясь о ихъ же спасеніи, онъ стремится ко славію божіей достигнуть конца въ своемъ дѣлѣ (стр. 1—2).

Вообще, у Тяпинскаго было не мало враговъ; вѣроятно, что враждебныя отношенія къ нему многихъ возникли какъ разъ на почвѣ задуманнаго имъ перевода. Можетъ быть, какъ человѣкъ недостаточный по своимъ средствамъ, онъ обращался къ кому-нибудь за матерьяльной помощью; какъ человѣкъ „неученный“, безъ вліянія, онъ можетъ быть встрѣтилъ насмѣшки, преграды. Такъ въ концѣ своего предисловія онъ говоритъ о своихъ врагахъ: обыкновенно бываетъ, что при жизни человѣка „въ дарехъ“ (даровитаго), особенно своего или „себе знаемаго люди скромне и безъ образы зносити не могутъ“; поэтому онъ и не надѣется такихъ людей никакими доводами „спирати“, полагая, что Справедливый Судья „речъ нашу пофалит, хотя ее такъ неприятели встаржають и выкидають“. Въ заключеніе онъ проситъ всѣхъ „побожныхъ“, „абы жадное васни немели противъ тымъ которіе насъ щипанемъ огижанемъ преследуютъ“. Очевидно, у переводчика былъ широкій кругъ недоброжелателей на почвѣ предпринятаго имъ дѣла.

Итакъ, любовь къ родному народу и горячее желаніе помочь его умственному преуспѣнію проникаетъ все предисловіе Тяпинскаго.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ убѣжденія автора—къ его религіи. Въ виду свѣдѣтельности Буднаго о соціианствѣ Тяпинскаго, насъ можетъ интересоватъ не то, къ какому исповѣданію принадлежалъ переводчикъ, но лишь вопросъ о томъ, какъ усвоены были имъ ученія секты. Но здѣсь необходимо прежде всего замѣтить, что предисловіе не даетъ на этотъ счетъ ясныхъ указаній. Мало того, когда авторъ говоритъ о „славной“ славянской вѣрѣ, о духовенствѣ, которое не заботится о переводѣ евангелія на русскій языкъ, и о распространеніи образованія, то у читателя легко можетъ возникнуть представление о принадлежности автора къ православію. Думать, что авторъ и самъ колебался въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, или тѣмъ болѣе, что предисловіе написано до перехода его въ сектанство, нѣтъ никакихъ основаній. Последнее предположеніе невозможно уже въ виду указанной г. Карскимъ зависимости переводчика отъ перевода Буднаго: Евангеліе поэтому приходится относить ко времени около 1580 г., т. е. къ тому, когда о соціианствѣ Тяпинскаго мы знаемъ со словъ Буд-

наго. Поэтому, нѣкоторую темноту въ вопросѣ о религіи автора предисловія можно объяснить иными мотивами. Прежде всего необработанность предисловія въ литературномъ отношеніи несомнѣнно вредитъ ясному пониманію мысли автора. Затѣмъ авторъ не имѣлъ нужды говорить о своей принадлежности къ соцініанству, можетъ быть, полагая, что это и такъ извѣстно. Общая цѣль его предисловія—доказать пользу чтенія евангелія на родномъ языкѣ, какъ „сумы закону божьего“, ведущей къ лучшему „розсудку“ въ дѣлѣ пониманія религіи; а образование съ цѣлью уясненія религіозныхъ истинъ онъ тѣсно связываетъ съ образованіемъ вообще. Но, съ другой стороны, предисловіе, можетъ быть, преслѣдуетъ и цѣль полемическую, когда авторъ его говоритъ о неспособности духовенства вести дѣло народнаго образования. Однако надо помнить, что авторъ принадлежитъ къ весьма умѣреннымъ соцініанамъ; это, конечно, уменьшало полемическій задоръ; при его горячей любви къ родному народу, онъ не отдѣлялъ себя отъ „грубой простоты“ и, быть можетъ, переводилъ евангеліе въ убѣжденіи, что оно будетъ способствовать распространенію образованности не только среди сектантской братии, но и среди лицъ, еще не подвергшихся воздѣйствію реформаціонныхъ идей. Въ предисловіи нѣтъ намековъ на исключительно сектантскія цѣли перевода. Притомъ, переводчикъ, работавшій въ послѣднемъ направленіи, едвали могъ бы скорбѣть о томъ, что митрополитъ и епископы сами не перевели евангелія; не могъ бы жаловаться на отсутствіе сочувственнаго отношенія къ своему дѣлу со стороны духовенства; странна была бы съ этой точки зрѣнія одна изъ цѣлей перевода—для „привченія“ тѣхъ, кто не сочувствуетъ переводу,—очевидно, духовенства, о которомъ онъ говоритъ нѣсколькими строками выше (конечно, протестанты не отвергали переводовъ Священнаго писанія); незачѣмъ, наконецъ, было бы и оттягивать съ особю силою того, что переводчикъ издаетъ русскій и славянскій тексты „такъ яко они вси вездѣ во всехъ своихъ церквахъ чтутъ и маютъ, не одно для лѣпшого ихъ вѣри, жесе не новое што, але ихъ же властное имъ подаетъ“, а также для „лѣпшого розсудку“ и „двиченья“ въ ученюмъ славянскомъ языкѣ (стр. 2). Высказавши эту цѣль перевода, авторъ говоритъ очевидно о духовенствѣ, но говоритъ о немъ (какъ и въ другихъ мѣстахъ) въ третьемъ лицѣ. Ясно, что онъ предназначаетъ свое евангеліе не для однихъ сектантовъ.

Сказанное выше, дополняя вопросъ о цѣляхъ перевода (не только для сектантовъ, но и для православныхъ и даже для самого духовенства), способно нѣсколько разъяснить то неопредѣленное положеніе переводчика-соцініанна, которое онъ занялъ по отношенію къ представителямъ ортодоксальнаго исповѣданія.

Съ другой стороны, если вѣрно предположеніе о двойственномъ назначеніи перевода евангелія, то этого нельзя не отмѣтить, какъ весьма ха-

рактерной черты въ мировоззрѣніи нашего автора: религіозная терпимость далеко не была достоинствомъ всѣхъ сектантовъ того времени.

Однако нельзя сказать, чтобы въ предисловіи не было нѣкоторыхъ указаний на религіозныя убѣжденія его автора. Такъ, о православномъ духовенствѣ онъ очень часто говоритъ во второмъ и третьемъ лицѣ. Онъ переводитъ евангеліе для лучшей „ихъ“ вѣры, указываетъ на паденіе науки „межи ними“, въ средѣ тѣхъ, „што се межи ними зовутъ духовными“; онъ обращается къ православнымъ панамъ съ предложеніемъ просить „митрополита вашого“, владыкъ и учителей „вашихъ“ о поднятїи въ народѣ образованія и т. п. Такимъ образомъ онъ отдѣляетъ себя отъ приверженцевъ православія.

Но съ другой стороны, нѣсколько фразъ предисловія обличаютъ догматическія представленія автора его. Въ этомъ отношеніи наиболѣе цѣнное указаніе заключаетъ начало: „Радъ покажу *мою вѣру*, которую маю, а власта народу своему роускому. Тые *ее* онымъ давнимъ вѣкомъ славноу, предковъ своихъ оумѣрностью, покорне яко довнимаю подтверждать, а естли ест в чомъ блудна, оны то *поправа*. Вежде *держу* же (ее?) *нетначей*, одно зъ евангеліи отъ Бога чрезъ Христа Пана и его апостоловъ поданое, которая ест *сума* закону божьего, которая зъ словенского абы имъ тежъ ихъ власнымъ езкомъ роускимъ в друкою вышла“ (стр. 1). Такъ начинается свою „предмову“ В. Типинскій. Здѣсь мы встрѣчаемъ указаніе на то, что вѣра автора отлична отъ господствующей и что основаніемъ ея, „суммой“ служитъ одно только евангеліе. И въ другомъ мѣстѣ онъ считаетъ евангеліе *катехизисомъ*; такъ въ надписи на первомъ листѣ передъ „предмовой“ читаемъ: „Катехизисъ або соума науки детен въ Христе Иисусе“ (стр. 2, прим.). Названіе *катехизиса* относится только къ переведенному имъ евангелію, такъ какъ Типинскій только его считаетъ основаніемъ вѣры. Наконецъ, встрѣчаемъ и намекъ на то, что нашъ авторъ не признавалъ святыхъ. Такъ, когда ему приходится упомянуть имена Іоанна Златоустаго и Григорія Веліаго, то онъ не называетъ ихъ святыми, каковой эпитетъ прибавилъ бы православный писатель. Далѣе два мѣста предисловія обличаютъ въ его авторѣ рационалистическое отношеніе къ религіи. Онъ дважды повторяетъ, что изученіе евангелія должно вести читателя къ „лѣпшому розсудку“, Богъ побудитъ читателей „ку статочному розсудку и ку уместности“ (стр. 2).

Если приведенныя мѣста обличаютъ догматическія воззрѣнія автора и рационалистическое отношеніе его къ религіи,—вполнѣ присутія соцініанской доктринъ,—то нѣкоторыя общія черты его убѣжденій доказываютъ, что Типинскій глубоко проникся и нравственнымъ ученіемъ соцініанства. Стоить только вспомнить, какъ высоко онъ цѣнитъ образование и школы, съ какою силою онъ говоритъ о вышшемъ долгѣ каждаго—объ „удитованїи“ къ „грубой простотѣ“,—во всемъ этомъ легко узнать убѣжденнаго пред-

ставителя социализма. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Тяпинскій примыкалъ къ болѣе умѣренному направленію исповѣдуемаго имъ ученія, такъ какъ признавалъ совмѣстимымъ съ догматами религіи участіе въ войнѣ, владѣніе земскими имѣніями (это мы знаемъ изъ свѣдѣтельства Буднаго и изъ актовъ) и самъ даже владѣлъ невольною челядью; все это, какъ извѣстно, отвергалось крайними послѣдователями ученія, напр. Март. Чеховичемъ и др.

Принадлежа самъ къ одной изъ сектъ, Тяпинскій однако неодобрительно отзывался о развившемся въ его время религиозномъ разновѣрїи: онъ говорить о немъ, хотя, правда, весьма неопредѣленно. Такъ, въ концѣ предисловія есть мѣсто, въ которомъ, повидимому, Тяпинскій съ сожалѣніемъ говорить о существующихъ религиозныхъ расприхъ: „теперь на око видим, ижъ вездѣ вси рѣчи злыми розсудками такъ сѣт попсованы, ижъ не можетъ бытъ ничего такъ добре поведено, на што бы потваръ не могла бытъ оучинена, а ни тежъ жаднѣтъ отъ того, чога се разхвати, отступитъ нехочетъ, абы се здалъ в чомъ побудитъ“ (стр. 5). Такимъ образомъ предисловіе Тяпинскаго вскрываетъ и его религиозныя убѣжденія.

Въ такомъ видѣ представляются намъ религиозныя убѣжденія Тяпинскаго.

Изъ того, что говорилось выше о разныхъ сторонахъ его міровоззрѣнія, можно ясно представить себѣ и цѣль его перевода евангелія на русскій языкъ: любовь къ родинѣ, сознание паденія въ ней образованности, негодность официальныхъ учителей религіи и, главное, глубокое сознание пользы Священнаго писанія на родномъ языкѣ—вотъ общіе мотивы, вытекающіе изъ его убѣжденія, побудившіе его переводить. Но при этомъ самъ Тяпинскій не разъ высказывается болѣе опредѣленнымъ образомъ о цѣляхъ своего перевода и въ томъ же духѣ. Онъ беретъ переводить „зъ зычливости къ мои отчизнѣ“ (стр. 1). Онъ переводитъ евангеліе и при немъ помѣщается славянскій контекстъ слово въ слово такъ, какъ его читаютъ во всѣхъ церквахъ не для лучшей вѣры, такъ какъ это не что-нибудь новое, но „ихъ (его хулителей, о которыхъ онъ тутъ говорить) же властное“, „для лѣшного имъ розсудкоу, надто для ихъ самихъ причина“ въ славянскомъ языкѣ. Такимъ образомъ нашъ переводчикъ сознаетъ, что на славянскомъ языкѣ евангеліе не вѣрмъ понятно и чтобы его сдѣлать общедоступнымъ, онъ его переводитъ. Онъ предвидитъ и такихъ читателей, которымъ наиболѣе нужно Священное писаніе на русскомъ языкѣ,—дѣтей, не только взрослыхъ: надо, чтобы не только сами (взрослые), но и дѣти „смыслы свои неяко готовали, острили и в вѣре причивчали тымъ часомъ тотъ катехизисъ“. Когда они познакомятся съ св. писаніемъ, Богъ побудитъ „ку *можнейшимъ наукамъ в слово своемъ, ку *статочному розсудку и ку *оумности**“ (стр. 2). Тяпинскій, повидимому, весьма заботился о подро-*

стающимъ поколѣніи, потому что въ надписи на первомъ листѣ мы встречаемъ приписку: „катехизисъ або сума науки *детей* въ Христѣ „Иисусѣ“. Очевидно, ставя высоко значеніе евангелія въ дѣлѣ вѣры, онъ хотѣлъ называть свое изданіе катехизисомъ и, можетъ быть, предназначить его преимущественно для подростящихъ поколѣній: не даромъ онъ такъ скорбитъ объ ихъ ополиченіи.

Указывая на цѣли перевода, Тяпинскій не забылъ оговорить и его способъ. Объ этомъ онъ говорить дважды. Онъ переводитъ „не смысловымъ або красомовнымъ выводомъ, не залѣцанными а ни часу оугажающими словами, але яко сирязливыми, простыми а ширіи, правдиве вѣрне, а отвористѣ“. Для перевода онъ съ немалымъ трудомъ добывалъ книги „старые давные“ (стр. 1). Онъ самъ сознаетъ, что переводъ и изданіе достались ему не безъ большой трудности (стр. 2). Онъ сознаетъ, что въ его изданіи могутъ быть ошибки, почему проситъ читателя „побожного“ не приписывать его ошибокъ „напашъ злости, але люцкои крѣпкости а неуметности“ (стр. 6).

Если трудно было выполнить переводъ, то не менѣе трудно было для Тяпинскаго его напечатать. Ученые, занимавшіеся интересующимъ насъ Евангеліемъ, дѣлаютъ, какъ мы видѣли, различныя предположенія о мѣстѣ типографіи и особенно о томъ, было ли все Евангеліе напечатано. Думается, что въ предисловіи и на этотъ счетъ есть достаточныя указанія. Тяпинскій говорить, что онъ „услужуетъ“ народу русскому „зъ убогое свое маетности“; такъ какъ „именъчко“ его не велико, то ему пришлось „накладъ“ не по силамъ: очевидно приходилось занимать средства, пришлось ѣздить въ далекія мѣста, доставал *старья книги* и разныя типографскія принадлежности; вслѣдствіе этого печатаніе, очевидно, шло медленно (онъ ѣздилъ въ „минуле лѣта“¹⁾—значитъ, дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ)—приходилось какъ бы съизнова не разъ начинать („а правѣ все до того зачинаючи заново“, стр. 1). Его затрудняло также параллельное печатаніе славянскаго и русскаго текстовъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ его „друкарна“ являлась „убогой“ (стр. 2). Изъ этихъ мѣстъ очевидно, что Тяпинскій владѣлъ собственной небольшою типографіей, находившейся вѣроятно у него въ имѣніи.

Относительно того, все ли евангеліе было отпечатано, Тяпинскій говорить два раза: онъ говорить, что имъ „выдруковано“ „писанія святого Марфея и святого Марка и початокъ Лоуки“. Далѣе, объясняя цѣль своего изданія, онъ говорить, что читатели узнаютъ слово божье „естъ ли не заразы“,

¹⁾ Это мѣсто о развѣздахъ, вѣроятно, подало поводъ архим. Леониду сдѣлать предположеніе о странствующей типографіи Тяпинскаго: онъ ясно говорить, что что ѣздилъ за принадлежностями и книгами; съ типографією ему, очевидно, не зачѣмъ было путешествовать.

вжды з своимъ часомъ оузнають, имъ впередъ подаю“ (издаю). Такимъ образомъ, Типинскій предполагалъ, не ожидая окончанія всего перевода, выпустить уже отпечатанную имъ часть его. Но вышла ли въ свѣтъ и эта часть—неизвѣстно.

Таковы данныя предисловія, характеризующія мировоззрѣніе его автора и задачи его переводческой дѣятельности.

Передъ нами одна изъ свѣтлыхъ личностей эпохи расцвѣта реформационнаго движенія въ Западной Руси. Не получивъ широкаго образованія, Типинскій однако быстро усвоилъ лучшія, благороднѣйшія стороны социанскаго ученія—глубокую любовь къ низшей братии и сознание пользы образованія. Свои убѣжденія онъ свѣдѣлъ приложить къ дѣлу и жертвуетъ своимъ трудомъ и своими небольшими средствами для того, чтобы дать своимъ соотечественникамъ наиболѣе полезное, по его мнѣнію, орудіе образованія—евангеліе на родномъ языкѣ. Онъ проникнутъ національною гордостью, вызываетъ къ былой славіи славянства; въ этомъ отношеніи онъ является однимъ изъ предшественниковъ Ю. Крижанича. Любовь къ своей Руси онъ ставитъ выше религиозныхъ несогласій и свой переводъ дѣлаетъ изъ любви къ отчизнѣ, безъ различія религиозныхъ убѣжденій своихъ соотечественниковъ. Но любовь къ родинѣ не мѣшаетъ Типинскому видѣть темныя стороны въ состояніи современнаго ему общества; онъ, сектантъ, не радуется умственному и нравственному паденію официальныхъ учителей уже чуждой для него религіи и, напротивъ, пытается поднять образованность и въ ихъ средѣ. Паденіе православнаго духовенства засвидѣтельствовано исторією и отзывами современниковъ¹⁾, и Типинскій нисколько этого не превеличиваетъ. Съ другой стороны, во взглядѣ на значеніе перевода евангелія на современный языкъ онъ сходится съ лучшими людьми вѣка, хотя и противоположныхъ религиозныхъ убѣжденій. Стоитъ вспомнить цѣль переводчика Пересопницкаго евангелія—„для легшаго выраженія люду христіанскаго послодитаго“, учительнаго евангелія, изданнаго Гр. А. Ходкевичемъ—„выраженія ради простыхъ людей“ и дѣятельности Ф. Скорина²⁾. Но важно то, что Типинскій понимаетъ вопросъ шире: онъ имѣетъ въ виду не только цѣли религіи, но и поднятіе, путемъ образованія, національнаго самосознанія. Онъ пишетъ въ то время, когда колонизація края дѣлаетъ первые шаги³⁾, первый начинаетъ борьбу съ нею и—что весьма замѣча-

¹⁾ Данныя объ этомъ сгруппированы въ ст. г. Прохаски: *Z dziejów unii brzeskiej*. (Kwartalnik Historyczny, 1906, III).

²⁾ П. В. Владиміровъ, Докторъ Францискъ Скорина, стр. 30—31.

³⁾ Вспомнимъ, что Типинскій жаждаетъ на предочтеніе, оказываемое польскому языку и на обученіе ему съ дѣтства, отбѣдимъ свидѣтельство Баркулабовской лѣтописи стр. 20 и 22 переиздана мною въ Киевск. Универс. Изв. 1898 г. лек.).

тельно—не на почвѣ религиозной (какъ это было впоследствии), но—на національно-культурной.

Въ заключеніе слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о научномъ образованіи Типинскаго. Однако этотъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ только на основаніи изслѣдованія состава его прижизненныхъ къ переводу, чего мы однако не могли сдѣлать. Что же касается до соответственныхъ мѣстъ предисловія, то оно даетъ въ этомъ отношеніи весьма немного и это немногое говорить не въ пользу нашего автора. Такъ, напр., онъ какъ будто не совѣмъ ясно представляетъ себѣ національность Іоанна Златоуста и Григорія Великаго. Его перечень христіанскихъ странъ (Пентаполия, Месопотамія, Финикія) отличается знакомствомъ съ географическими пособиями, устарѣвшими на нѣсколько вѣковъ. Впрочемъ, нашъ авторъ и самъ говоритъ о себѣ, что онъ „не влох не нѣмецъ або не доктор и ниякій постановенны межі поны“ (стр. 1).

II.

Изложивъ содержаніе предисловія Типинскаго къ Евангелію, характеризующее мировоззрѣніе переводчика, обратимся къ тѣмъ краткимъ свѣдѣніямъ о его жизни и дѣятельности, которыя удалось найти въ документахъ Литовской Метрики Моск. Арх. Мин. Юст.¹⁾ и въ архивѣ Греко-уніатскихъ митрополитовъ²⁾. Документы эти, правда, немногочисленны; притомъ въ нихъ тщетно было бы искать определенныхъ указаній на религиозныя воззрѣнія нашего автора; это судебные акты, мѣшковые, вообще документы, ризиующіе матеріальную обстановку Типинскаго. Это вполне понятно, такъ какъ другіе (напр. частная переписка) и не могли бы попасть въ официальные книги великокняжеской канцеляріи.

Къ сожалѣнію, по нашимъ документамъ нельзя точно опредѣлить времени жизни Типинскаго: первый по времени актъ съ его именемъ помѣченъ 14 юлемъ 1564 г. (С. Д. Л., 46, л. 859); въ послѣднемъ говорится о тяжбѣ между его сыновьями; актъ записанъ 22 іюля 1604 г., но въ немъ сказано, что возникшее между ними дѣло рѣшалось гродскимъ полоцкимъ³⁾

¹⁾ Поиски мои въ Метрику были вызваны письмомъ пр. А. И. Соболевскаго, обратившимъ мое вниманіе на возможность нахождения въ ней свѣдѣній о Типинскомъ.

²⁾ Копія документа изъ архива б. греко-ун. митрополитовъ любезно доставлена мнѣ многоуважаемымъ А. Н. Львовымъ, за что приношу ему глубокую мою признательность.

³⁾ Такимъ образомъ дѣло должно было бы находиться въ соответственныхъ полоцкихъ книгахъ; тамъ же могли бы быть и другіе документы о Типинскомъ. Я весьма обязанъ архивариусу Витебскаго Центрального архива Д. И. Довгяло, произведшему, по моей просьбѣ, поиски въ своемъ архивѣ. Въ сожалѣнію, въ сохранившихся книгахъ никакихъ упоминаній не встрѣтилось. Однако я считаю себя глубоко обязаннымъ Д. И. Довгяло за его поиски.

судомъ 1 января 1604 г. (С. Д. Л. 76, л. 278). Такимъ образомъ, если сыновья спорили о наслѣдствѣ, дѣлили его въ 1603 г., то очевидно Тяпинскій умеръ около этого года, а можетъ быть и въ 1603 г.; въ 1564 г. онъ уже былъ совершеннолѣтнимъ, такъ какъ велъ тяжбу объ имѣннн, бышемъ у него на залоговомъ правѣ, т. е. ему было по крайней мѣрѣ лѣтъ 20—25.

Изъ нашихъ документовъ мы узнаемъ отчество Тяпинскаго и его полную фамилію: во всѣхъ документахъ онъ называется Василиемъ Николаевичемъ (Миколая Ивановича¹⁾ Тяпинскимъ или В. М. Тяпинскимъ-Омельяновичемъ (эта фамилія въ кн. С. Д. Л. 76, л. 278, Амеляновичъ въ З. Л. 64, 9 об.). Такимъ образомъ онъ носилъ двойную фамилію.

Тяпинскій принадлежалъ къ шляхетскому сословию; документы называютъ его: земенникъ нашъ (т. е. господарскій, С. Д. Л. 47, л. 161, З. Л. 47, л. 99), земенникъ повѣта Виленскаго (С. Д. Л., 46, л. 859), Минскаго (С. Д. Л. 58, л. 106), Лидскаго (З. Л., 64, л. 9), наконецъ онъ самъ и его сыновья называются земьянами воеводства Полоцкаго (С. Д. Л. 76, л. 278). Это разнообразіе въ названіяхъ повѣтovah, къ шляхетству которыхъ принадлежалъ Тяпинскій, объясняется тѣмъ, что у него въ разныхъ повѣтахъ были земли, хотя и не въ одно время. Но родовое его имѣніе Тяпино лежало въ предѣлахъ Полоцкой земли.

Женатъ Тяпинскій былъ на княжнѣ Софіи Даниловнѣ Жижемской, представительницѣ захудалаго уже въ то время княжескаго рода: она всего одинъ разъ упоминается въ актахъ²⁾ подъ 1574 г. (З. Л. 64, л. 9 об.). Наконецъ, упоминаются два сына В. Тяпинскаго—Аврамъ и Тобіашъ³⁾ (С. Д. Л., 76, л. 278). Однако нѣтъ указаній, одинъ ли разъ былъ женатъ Тяпинскій.

Что касается до другихъ Тяпинскихъ, то о нихъ мало свѣдѣній въ Метрикахъ. Въ одномъ только случаѣ встрѣчаемъ коротенькую запись о пожалованнн кор. Сигизмундомъ Августомъ какому-то Фредриху Тяпинскому въ 1563 г. 10 службъ людей въ Борисовской волости, вслѣдствіе опустошенія непріятелими его имѣнія,—очевидно лежавшаго въ Полоцкой землѣ, района военныхъ дѣйствій (С. Д. Л., 53, л. 83 об.); въ другомъ случаѣ встрѣчаемъ замѣтку о дачѣ Матею Тяпинскому с. Головенчи въ Могилевѣ⁴⁾. Въ ревизіи Полоцкаго воеводства въ 1558 г. рядомъ съ Миколаемъ Ивано-

вичемъ Тяпинскимъ названъ тоже владѣльцемъ Тяпина (очевидно отдѣльнаго уже двора) Матвѣй Ивановичъ—конечно, братъ его (стр. 24¹⁾).

Въ XVII ст. нѣсколько разъ въ витебскихъ и полоцкихъ книгахъ встречается эта фамилія, но не сыновья Василя Миколаевича,—по поводу земельныхъ споровъ²⁾. Что Тяпинскіе рѣдко встрѣчаются въ документахъ, происходитъ отъ того, что эта мелкая земская фамилія не играла сколько-нибудь видной роли ни въ государствахъ, ни въ своемъ повѣтѣ.

Что касается имущественнаго положенія В. Тяпинскаго, то его можно опредѣлить по нашимъ даннымъ. О хозяйственномъ значенн родового имѣнія Тяпина наши свѣдѣнія довольно скудны. Тяпино лежало въ нын. Лепельскомъ у. на границѣ съ Сѣнскимъ. При Миколаѣ Ивановичѣ здѣсь былъ дворецъ съ пашнею; въ имѣнн были: 2 слугъ пугныхъ на конной службѣ, ничего не платившихъ владѣльцу; отчизныхъ людей было 12 дымовъ, тяглые люди работали ему по 2 дня въ недѣлю. Сверхъ того въ Тяпинѣ сдѣлао 4 кунничковъ, платившихъ всего 48 грошей въ годъ, да два отгородника служили по одному дню въ недѣлю. Со всего имѣнія своего Тяпинскій обязанъ былъ ставить на службу одного коннаго воина (Ревизія Пол. воев.).

Кромѣ Тяпина Тяпинскій владѣлъ им. Версокимъ въ Лидскомъ повѣтѣ. Это имѣніе принадлежало первоначально его женѣ Софіи Даниловнѣ Жижемской, какъ имѣніе „материстое, которое ся ей правомъ прирокономъ по матце ее з делу достало“. Раздѣлъ у Тяпинскихъ съ сестрою Софіи Екатериною Данильвною и ея мужемъ Василиемъ Михайловичемъ Скипоромъ сопровождался споромъ, о чемъ, въ самыхъ общихъ словахъ, упоминаетъ нашъ документъ: „вед же права которыземъ не заедналъ такъ до еднанья в року отъ нароженья Сына Божого тисеча пятьсотъ семдесятъ осмомъ месеца апреля дванадцатого дня у Лиде будущого зачатыхъ и ненарушонныхъ, яко и по еднанью, што се кольеке оповеданныхъ стало на земенина господарскаго повету Лидскаго Василя Михайловича Скипора и жену его Катерину Данильвну княжну Жижемскую, тыхъ правъ и самъ маю на нихъ доходити“—говоритъ онъ въ мѣновомъ актѣ. Софія Данильевна продала Версоку своему мужу за 600 копей грошей литовскихъ „добровольно по своей доброй воли, уживаючи вольности в поправе в статуте описаное, на вечность“. Неизвѣстно, въ какомъ году состоялась эта сдѣлка,

¹⁾ Часть Тяпина, въ 1591 г. находилась уже въ другихъ рукахъ: Мих. Служка закладываетъ свое имѣніе Тяпино въ Полоцкомъ пов. въ 1591 г. (Акты Вил., XIV, 41), но тогда еще живъ былъ Василій Миколаевичъ и владѣлъ своею частью, слѣдов. Служкѣ принадлежала часть Матвѣя; какъ она перешла къ нему—неизвѣстно.

²⁾ Напр., Акты Витебскія, т. XXVI, р. 138, 477, 497, XXIII, 430, XXV, 192 и пр.

¹⁾ *Scriptores regum polonicarum*, t. V, p. 244 (ревизія Полоцкой земли 1558 г.).

²⁾ Въ книгѣ г. Вольфа „*Kniazowie lit.-rusczy*“ Софія не упомянута среди дѣтей Данила Жижемскаго.

³⁾ Замѣтимъ, что оба сына носили библейскія имена, необычныя среди православныхъ того времени, но употреблявшіяся, какъ извѣстно, сектантами.

⁴⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, р. 143.

но изъ ссылки Статутовую поправу слѣдуетъ заключить, что продажа совершена во всякомъ случаѣ послѣ 1565 г.

Имѣніе Версока было весьма не велико по своему хозяйственному значенію. Въ немъ, по обычаю того времени, былъ дворъ, расположенный надъ р. Версокою, съ гриднею, свирномъ, стайнею; при домѣ—садъ, ставище, выгонъ, сѣножатъ, поля и проч. угодія. Дворъ Тяпинскаго находился бокъ-о-бокъ съ дворомъ В. Скипора, раздѣляясь только-что выстроеннымъ заборомъ. При дворѣ встрѣчается небольшой поселекъ крестьянъ „отчинныхъ и непохожихъ“—всего 5 службъ земли, на которыхъ насчитано 11 крестьянскихъ хозяйствъ. Эти службы сидѣли на дворной землѣ, надѣлы которой были въ разныхъ мѣстахъ. Кромѣ того при дворѣ Версокъ находилось 12 человекъ невольной челяди и 2 человека „заставныхъ“ отъ князя Шуйскаго, заложённыхъ „до отданья“ имъ еще матери Софій Данильевны въ 15 копейкъ грошей.

По неизвѣстнымъ причинамъ, можетъ быть, вслѣдствіе споровъ съ родственниками-сосѣдами, Тяпинскій мѣняетъ свою Версоку съ землянымъ опшескимъ Николаемъ Яновичемъ Братишевскимъ на имѣніе послѣдняго Польковское Опшескаго повѣта. Мѣновая сдѣлка совершена въ самой Версокѣ 28 февр. 1579 г. въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей—мелкихъ господарскихъ земель; но среди подписавшихся нѣтъ родственниковъ продавцовъ—Екатерины и Василія Скипоровъ. На мѣновомъ листѣ Тяпинскій подписался „писмомъ русскимъ“. 24 марта того же 1579 г. мѣновой актъ внесенъ въ книги Метрики Литовской, въ Вильнѣ.

Тяпинскій передаетъ свое имѣніе Братишевскому „за всимъ отъ мала до велика, позитки, яко ся выше поменило и за всеми крунты и вродищами.. на вечность на вси пришлое часы вечне ему самому, дѣтемъ и потомкамъ и падкомъ его поступилъ“. Впрочемъ, Тяпинскій въ этого имѣнія переводитъ „до иного имени моего“ всю невольную челядь—„которыхъ я Василій Тяпинскій вечне при себе и вечне при немъ (имѣніи) быти мають“. Въ случаѣ если бы Тяпинскій вздумалъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, винить искъ о возвращеніи ему имѣнія Братишевскію, то назначается „зарука“ 600 копѣй грошей на врьдъ и въ 600 копѣй грошей Братишевскому. Всѣ судебныя искы, споры о владѣніи, равно какъ и споръ съ Скипорами Тяпинскій принимаетъ на себя, совершенно устраняя отъ нихъ новаго владѣльца¹⁾.

28 марта того же 1579 г. въ Версокѣ же совершонъ мѣновой актъ, которымъ Братишевскій передаетъ свое имѣніе Польковское Тяпинскому. Мѣновой актъ совершенъ почти въ такихъ же выраженіяхъ, передающихъ

на вѣчность Тяпинскому Польковское имѣніе, въ какихъ онъ передавалъ свое.

Польковское имѣніе было выслужено Братишевскимъ на вѣчность за женой воеводы витебскаго Станислава Кипки Ганной Яновной, урожд. Радивилловой, въ моментъ заключенія акта бывшей уже вторично замужемъ за Кристофомъ Садовскимъ. На Братишевскомъ лежало обязательно ставить въ ея „почотѣ“ коня. Ганна и Кристофъ Садовскіе дали особый листъ Тяпинскому, которымъ позволяютъ ему промѣнять это имѣніе на свое и освобождаютъ на вѣчность отъ службы въ „почотѣ“ Ганны Яновны¹⁾.

Такимъ образомъ Тяпинскій сдѣлался владѣльцемъ Польковскаго имѣнія. Оно лежало въ Опшмянскомъ повѣтѣ надъ рѣкой Вельею, среди земель Жидискіихъ крестьянъ князей Вишневецкихъ. При имѣніи были поля, сѣножатъ, два участка сосноваго лѣса и 2 пустошины; въ центрѣ же находился дворецъ. Земли Польковскаго имѣнія были уже раздѣлены на волоки, на 4 волокахъ сидѣло 7 домохозяевъ, да два крестьянина жили отдѣльно въ с. Горднитяхъ.

Вотъ и всѣ небольшія свѣдѣнія объ этомъ имѣніи Тяпинскаго²⁾.

Съ документомъ заключенной объ обмѣнѣ имѣніями сдѣлки, у Тяпинскаго произошелъ казусъ, который мы здѣсь и передадимъ для полноты о немъ свѣдѣній. На другой день по совершеніи сдѣлки (30 марта) по приказанію короля Стефана Баторія въ судныя книги Метрики было занесено слѣдующее заявленіе Тяпинскаго: „Поведилъ передъ его королевской милостію земеннѣ повету Меньскаго Василій Тяпинскій, ижъ вчинивши з... Братишевскимъ мену на именье“, оба контрагента предъявляли королю листы до канцеляренъ наше ку висанью до книгъ канцеляренъ наше дали, ино въ канцеляренъ нашей пригодне тотъ листъ Николая Братишевскаго менованый на именье Польковское ему даннй инъявустомъ змазалсе; ведъже предя въ томъ месцу змазаномъ писмо значно и прочестъ его можетъ“. Тяпинскій „обаяючися, чтобы эти помарки листу „не вадило“, сдѣлалъ настоящее заявленіе, и получилъ эту выписъ (С. Д. Л., 58, л. 108).

Кромѣ имѣній Польковскаго и Тяпина, Тяпинскій владѣлъ еще на залоговомъ правѣ имѣніемъ *Свирань*³⁾ въ Виленскомъ пов. Это тоже небольшое имѣніице поступило къ Тяпинскому въ залогъ отъ старосты румборскаго п. Николая Остика до 1564 г. О раздѣлахъ имѣнія въ этомъ году можно судить по жалобѣ Тяпинскаго на наѣздъ и захватъ людей его п. Юріемъ Остикомъ. Такъ, въ немъ было 9 службъ людей съ тивуномъ, на которыхъ жило 13 домохозяевъ крестьянъ. Кромѣ того при Свиранскомъ

1) Зап. Л. 64, л. 9 об.—14.

2) Тамъ-же, 14—19 об.

3) Нынѣ въ Свѣцянскомъ уѣз. Вилен. губ., въ Коменшской волости.

1) Зап. Л. 64, л. 9 об.—14.

имѣнн было девять пустошинъ, на которыхъ тоже жили заставные люди. На пустошинахъ было засеяно въ 1564 г. 20 бочекъ жита, 2 бочки пшеницы, 4 бочки ячменя, 4 бочки ярицы, 12 бочекъ ярицы, 8 боч. гречихи, 1 бочка гороху. Кромѣ того на тѣхъ же пустошинахъ были посѣвы заставнаго боярина Бобровскаго, впрочемъ ушедшаго ко времени начала тяжбы и оставившаго посѣвъ въ 12 бочекъ жита, 8 бочекъ разной ярицы. При тѣхъ же пустошинахъ были сѣножати на 100 возовъ сѣна (С. Д. Л. 46, л. 85 об.).

Мы не знаемъ, когда и въ какой суммѣ было заложено Тяпинскому имѣніе Свираны; не знаемъ также, было ли оно въ концѣ концовъ выкуплено владѣльцами Остиками, или, по обычаю того времени, это имѣніе было перезаложено Тяпинскимъ. Во всякомъ случаѣ хозяйственное значеніе и этого владѣнія было весьма скромно.

Однако Тяпинскому пришлось изъ-за него выдержать многолѣтній процессъ съ братомъ покойнаго М. Остика, Юріемъ. Поводомъ къ нему послужилъ уже начинавшій входить въ то время въ обычай внезапный наѣзд Остика на Свираны.

19 июля 1564 г. Тяпинскій явился передъ земскимъ виленскимъ урядомъ, на которомъ тогда сидѣлъ намѣстникъ виленскій Стан. Гамшей, съ заявленіемъ: „иждъ дей дня ворапнего во второкъ его милость панъ Юрей Остикъ, староста браславскій рогтистръ его королевское милости, наехавши на имение его Свиранское, которое маеть в заставе от брата его милости пана Николая Остика, старосты румборскаго, модно квалтовне нетъ ведома для чего отнять“ (слѣдуетъ описаніе имѣнія). „Которого онъ имениа съ людьми тыхъ пустошинами вышей менеными былъ в зуполномъ а добровольномъ держанію и жививанію черезъ немалый часъ. То пакъ дей паецъ Юрей Остикъ квалтовне зобраши яко люди, пустошины, збоже и сеножати того имениа вышей менованаго Свиранскаго привернулъ ку двору своему Оранскому“ (С. Д. Л., 46, л. 859 об.).

Это заявленіе и послужило началомъ продолжительнаго процесса.

Завивъ уряду, Тяпинскій отправился къ королю въ Парцовъ. Король „моцно звирхности наше господарское“ приказалъ возвратитъ захваченныя при наѣздѣ пустошины и посѣвы, для чего посланъ былъ дворянинъ господарскій Каспоръ Новоселицкій; послѣдній возвратилъ Тяпинскому земли¹⁾. Тѣмъ не менѣе убытки, причиненные наѣздомъ, возращены не были потерпѣвшему, почему истецъ, основываясь на первомъ мандатѣ королевской власти, призвалъ въ судъ Ю. Остика по дѣлу о возращеніи убытковъ. Судебное разбирательство происходило 12 января 1565 г. въ Вильнѣ на валь-

¹⁾ Королевскаго мандата, выданнаго въ Парцовѣ, не сохранилось, но объ этомъ говорится при разборѣ нижеслѣдующаго иска.

номъ сеймѣ въ судебномъ засѣданіи маршалковскаго суда. Судъ составляли въ этой сессіи слѣдующія лица: п. Гр. Воловичъ, п. П. И. Сопѣга, п. С. П. Нарушевичъ, п. Матв. Петковичъ и др.

Тяпинскій предъявлялъ искъ обо учиненнй ему „нагорода“ „за квалтатъ и за шкодо въ онъ часъ ему починенне“.

Истецъ явился на судъ лично; въ числѣ его свидѣтелей встречаемъ владѣлицу заставнаго имѣнія п. Николаевую Остиконича. Юрій Остикъ поручилъ дѣло вести вмѣсто себя прокуратору Яну Лонскому, хотя и самъ былъ въ судѣ; его мѣсто заступилъ плибанъ Бурдынскій—главный виновникъ процесса.

Адвокатъ Лонскій указалъ на слѣдующія обстоятельства: Юрій Остикъ, какъ „подавца“ Ворнянской плебанн отдалъ ее своему служебному плебану Матусу Бурдынскому вмѣстѣ со всіми ея доходами и фундамами; между этими фундамами наданы отъ его предковъ на плебанію и люди въ Орняпахъ: „прото Тяпинскій жадного слушного права до нихъ не маеть и того яко костельного пристойне держати и жививати не могъ“. Однако отбѣдчикъ никакого наѣзда не чинилъ лично, земель и хлѣбовъ не забиралъ; если же самъ Бурдынскій, какъ плебанъ, „о тые люди и земли з нимъ починалъ“, то истцу предоставляется право вѣдаться съ нимъ самимъ¹⁾.

Тяпинскій прежде всего представилъ письменныя доказательства: залоговой актъ Николая Остика и его жены, которымъ оба обязывались „отъ братьи и всихъ крвнныхъ своихъ“ „очищать“ Свираны, листъ п. Николая къ служебнику о передачѣ двorca въ козованіе Тяпинскаго и о составленіи реестра, „з людьми и зо всімъ“, яко его первой на него (Остика) держаль“ (служебникъ),—реестръ имѣнія съ перечнемъ людей и имущества, переданный ему служебникомъ Мыслькомъ, въ силу приказанія своего пана. Затѣмъ слѣдовало показаніе п. Николаевой, заявившей: „иждъ восполно з мужомъ своимъ вошлымъ паномъ Николаемъ Остикомъ тые люди и земли при томъ дворцу Свиранскимъ, яко свои властны Тяпинскому зоставили“; если Бурдынскій имѣетъ какія-нибудь права на это имущество, онъ долженъ искать ихъ на ней и ея дочери Ганнѣ Николаевнѣ кнѣгинѣ Львовою Копирской, какъ „дѣдичкѣ“ имѣнія. Наконецъ, истецъ представилъ еще выписки изъ книгъ, свидѣтельствующія о наѣздѣ и „прыверненн“ людей къ имѣнію п. Ю. Остика, предавая при этомъ допроситъ и самого Бурдынскаго. Судьи дѣйствительно „неоднокротъ пытали“ Бурдынскаго доказатъ: „если бы якие иные обороны ку праву належачые на то в себе мель“. Однако Бурдынскій „жадное обороны правное не показалъ“, утверждая только, что эти люди—властность плебанен своее Ворнянское

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ въ нашемъ актѣ несомнѣнный пропускъ, но онъ, повидимому, не мѣшаетъ знакомству съ общимъ ходомъ дѣла.

у Тяпинскаго былъ *взялъ*, а на то котораго урядового и водле права учиненного поступку не показалъ"; но считалъ, что у него уже начать процессъ съ Тяпинскимъ, предлагалъ ему вести дѣло „*передъ урядомъ и травомъ духовнымъ*“ о то, яко о рѣчь костельную“. На это Тяпинскій представилъ слѣдующій доводъ: такъ какъ Бурдынский уже выступилъ отвѣтчикомъ передъ свѣтскимъ судомъ, то „подле звичаю права посполитого“ дождетъ его адѣсь продолжати.

Маршалковский судъ, по обычаю, доложилъ королю о результатахъ судоворенія. Король съ панами радами постановилъ такое рѣшеніе: въ виду сознанія Бурдынскаго въ отнятіи земель и въ виду того, что онъ „заступилъ“ въ судѣ мѣсто своего пана, отводъ его въ духовный судъ не признанъ подлежащимъ удовлетворенію; съ Бурдынскаго присуждено истцу за наездъ 12 рублей, а въ скарбъ штрафу 12 рублей. Далѣе суду пришлось опредѣлить размѣры убытковъ, понесенныхъ Тяпинскимъ. Такъ какъ послѣдній на день наѣзда не былъ въ имѣніи, то реестръ „шкодъ“ представилъ бывший при немъ служебникъ его Войтехъ Выряковскій и предлагалъ присягнуть въ вѣрности счета убытковъ. Такъ какъ Бурдынский не имѣлъ „оселости“ въ Литвѣ, то Тяпинскій настаивалъ на взятіи точтаса же его подъ стражу. Но бывший тутъ же Ю. Остикъ поручился за плебана, такъ какъ онъ имѣлъ „оселость“ въ его имѣніи. Въ день, назначенный для присяги, Бурдынский не пожелалъ присягнуть. Въ виду этого король вынесъ окончательное рѣшеніе объ убыткахъ въ такой формѣ, что они должны быть уплачены по счету Выряковскаго, соглашавшагося на присягу, — въ размѣрѣ, по статутовой оцѣнкѣ, 197 копѣ грошей; такимъ образомъ съ Бурдынскаго въ пользу Тяпинскаго наложено было взысканіе всего въ суммѣ 217 копѣ грошей (въ томъ числѣ вини за наездъ 12 рублей=20 копѣ грошей). Срокъ уплаты назначенъ слѣдующій: первые 100 копѣ должны быть уплачены черезъ 12 недѣль, вторые 100 копѣ черезъ слѣдующія 12 недѣль, а 17 копѣ черезъ 4 недѣли послѣ второго срока. Если бы Бурдынский не уплатилъ, то взысканіе должно быть обращено на имущество Ю. Остика, какъ поручителя. Если Бурдынский имѣетъ какое-нибудь право на Свираны, можетъ ихъ искать на наследникахъ М. Остика (С. Д. Л. 47, л. 161—163).

Впрочемъ, рассказанное дѣло—только начало процесса. Не было въ обычаѣ пановъ того времени исполнить постановленіе суда, хотя бы и королевскаго. Такъ поступилъ и Ю. Остикъ.

8-го сентября 1566 г. король по просьбѣ Тяпинскаго, пишетъ „упоминальный“ листъ Остику объ уплатѣ присужденныхъ на Бурдынскомъ убытковъ. Оказывается, что Бурдынский въ срокъ не уплатилъ. Мало того, король уже разъ посылалъ упоминальный листъ съ дворяниномъ къ Остику, но послѣдній „яко первой сего выроку нашему досеть нечинячи, такъ

и о тое напомианье и листъ панѣ ничего небаючи“.—платить не хочетъ. Поэтому король, на основаніи Статута и сеймовой уфалы посылаетъ къ Остику вторично дворянина съ приказаньемъ вести Тяпинскаго во владѣнье частью имѣнія Орианы въ суммѣ достаточной для обезпеченія 217 копѣ. Остику король приказываетъ: „твоя бы милость о томъ ведать и тому дворянину нашему противень не былъ подъ закладомъ“ 200 копѣ грошей. Если же и теперь Остикъ окажетъ сопротивленіе и неповиновеніе, король угрожаетъ дать приказаніе виленскому воеводѣ „рушить повѣтъ“, согласно Статуту (Зап. Л. 47, л. 99 об.—101 об.).

Надо замѣтить, что за время процесса Остикъ успѣлъ уже изъ ротмистра и старосты браславскаго сдѣлаться воеводой мстиславскимъ,—т. е. получить весьма важный и отвѣтственный урядъ. Какъ мало на него подействовали королевскія угрозы, видно изъ заявленія, сдѣланнаго 6-го декабря 1567 г., т. е. болѣе года спустя послѣ грознаго листа, дворяниномъ господарскимъ Матеемъ Ивановичемъ и занесеннаго въ книги господарскія канцелярейскія. Когда названный дворянинъ явился въ имѣніе Остика „за онымъ листомъ господарскимъ Тяпинскому на увязанье выиенне пана Остикова поменное даннымъ до пана Остика до имени его Козлишюкъ пришло, маючи пры себе людей стороннихъ, шляхту, хотячы въ той сумѣ водле листу господарскаго увезати, ино дей панѣ Юрей Остикъ имени своего за тую суму на служебнику его Матысь Бурдынскомъ сказаную, не поступилъ, и еще дей яко на того дворянина, такъ и на Тяпинскаго отповеди вдѣлалъ“. И проситъ тотъ дворянинъ записать его „сознавье“ въ книги (С. Д. Л., 51, л. 108 об.).

Такимъ образомъ, процессъ осложнился личнымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ Тяпинскому Остикомъ. Къ сожалѣнію наши акты не сохранили намъ конца дѣла: добился ли Тяпинскій возвращенія убытковъ, или нѣтъ.

Тяпинскому пришлось вести не одинъ этотъ процессъ. Сохранился документъ, указывающій еще на одно дѣло, но, къ сожалѣнію, нельзя выяснитъ всего хода его.

Въ 1585 г. 20 августа (по Грегорианскому календарю) занесенъ былъ слѣдующій позовъ В. Тяпинскаго въ градскія кievскія книги: возный Кіевскаго повѣта Янъ Войтковскій положилъ 3 іюля 1585 г. въ с. Воробьевичахъ кievскому митрополиту Онисифору Петровичу (Дѣвочкѣ) „листъ“ „упоминальный“ объ учиненіи „справедливости“ Тяпинскому съ атаманомъ Яцкомъ Семеновичемъ Осеемъ и другими митрополитичими подданными с. Воробьевки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и позовъ градскій на судъ 11 сентября. Жалоба Тяпинскаго на Воробьевскихъ крестьянъ и ихъ владѣльца митрополита заключалась „о неучетенья и зсоромотенья слуги его милости Мар-

ка Заленскаго, о пограбѣнїи коня из седломъ и о ипшен речи“¹⁾. Очевидно, на слугу Тяпинскаго было совершено нападеніе митрополитскими людьми, можетъ быть, по приказанію самого Онисифора; самъ митрополитъ не удовлетворилъ жалобы Тяпинскаго и не взыскалъ убытковъ съ своихъ подданныхъ, почему жалобщикъ и призываетъ его къ городскому суду. Къ сожалѣнію, мы только и обладаемъ этими коротенькими свѣдѣніями о распрѣ Тяпинскаго съ Онисифоромъ Дѣвочкою.

Вотъ обзоръ матеріальнаго положенія Тяпинскаго и пережитыхъ имъ невгодъ. Не знаемъ, удалось ли ему сохранить свое имущество до смерти и передать его своимъ сыновьямъ. Имѣющееся у насъ спорное дѣло между послѣдними не выясняетъ этого.

1 января 1604 года между Абрамомъ и Тобіашиномъ Тяпинскими должно было разбираться въ Полоцкомъ городскомъ судѣ дѣло. Абрамъ жаловался на своего брата за „выбитіе“ его изъ „спокойнаго держанья“ имѣнью его Тяпиннымъ, на захватъ обидчикомъ „зобжя разного и жита“, затѣмъ на неотдачу ему братомъ „садибы старое небожика отца ихъ“ и за неуплату ему положенной въ договорѣ о передачѣ ея неустойки (очевидно, между ними состоялось раньше соглашеніе), наконецъ, „за побранье будованья, заметовъ, плотовъ дворныхъ около того двора его“. Вотъ все, что актъ говорить о началѣ дѣла, которое повело къ дальнѣйшимъ спорамъ.

Тобіашъ, вызванный на судъ городской къ 1 января 1604 г. не явился, почему и былъ осужденъ заочно: съ него присуждено взыскать на его имѣніи Тяпинѣ убытковъ въ пользу брата на сумму 254 копей грошей литовскихъ и для взысканія ихъ, съ вводомъ въ имѣніе, судъ отправилъ полоцкаго вознаго Балтрома Банковскаго. Послѣдній въ положенный срокъ явился въ Тяпино въ сопровожденіи 3 шляхтичей для „уезванія“ въ имѣніе. Но Тобіашъ оказалъ возному и сторонѣ сопротивление „мощно боронилъ и отправки чинить не поступилъ“. Тогда отправился въ Тяпино судья городской „уроженный“ Янъ Рагоза 25 июля 1604 г. „на уезванье за тую верху помененую суму и за заруку“. Результатъ былъ тотъ же. Тогда судья отправилъ донесеніе королю о „выволаніи“ Тяпинскаго. Въ отвѣтъ на это донесеніе король и издаетъ уже 22 июля того же года для свѣдѣнія всей шляхты Литовской свой листъ о „выволаніи Тобіаша:“ выполняючи дальшій и срочный поступокъ правный его Тобіаша Тяпинскаго за такового упорного и враду нашего непослушнаго, сказали есмо его за всихъ панствъ нашихъ выволати и симъ листомъ нашимъ выволанцомъ чинимъ. Прото приказуемъ вамъ (шляхтѣ), абысте, з нимъ никоторого сполку, обцованыи не мелц, въ домахъ своихъ и нигдѣ переховывати не смели подъ винами, в праве, посполитыми опасаными. Што абы всимъ до ведомости прыходило

вамъ врадникомъ земскимъ и кгородскимъ полоцкимъ приказуемъ, абы сесь нашъ листъ водугъ звичаю, до книгъ публиковали, и то черезъ возныхъ обволати и копчи з него списуючи на местцахъ звичлыхъ прибавати веледїи конечно“ (С. Д. Л. 76, л. 278).

Изъ только-что изложеннаго акта видно, что сыновья Тяпинскаго дѣлили только одно Тяпино между собою: быть можетъ, отецъ ихъ, въ своихъ заботахъ объ изданіи Евангелія, успѣлъ растратить другія свои имѣнія.

Мы извелили всѣ данныя, которыми только удалось добыть, для сужденія о личности и о мировоззрѣній переводчика бѣлорусскаго евангелія.

Тяпинскій происходитъ изъ мелкаго земянства Подвинской окраины Литовской Руси. По имущественному своему цензу, онъ является мелкимъ землевладѣльцемъ; его два собственные двора и одинъ закладной весьма мелкія имѣнія сравнительно съ громадными литфондіями тогдашнихъ землевладѣльцевъ даже средней руки. Въ своей жизни нашему автору пришлось испытать не мало огорченій въ борьбѣ съ сильными людьми: мы отмѣтили три процесса—съ его родственниками по женѣ Скипорами, съ Ю. Остивкомъ и митрополитомъ. О второмъ изъ нихъ наши свѣдѣнія оказались довольно подробными и все дѣло является насиліемъ надъ слабымъ,—впрочемъ это обычное явленіе того времени; можетъ быть, въ томъ же родѣ былъ и процессъ съ Онисифоромъ Дѣвочкой, который оставилъ о себѣ нелестную память въ исторіи. Жизненные передраги, матеріальная недостаточность наложили свою печать и на единственное самостоятельное литературное произведеніе Тяпинскаго—его предисловіе къ Евангелію: въ немъ онъ неоднократно жалуется на паномъ, высшихъ церковныхъ сановниковъ и вообще на духовенство; онъ жалуется на свою матеріальную несостоятельность, мѣшающую ему успѣшно печатать приготовленный имъ переводъ, на траты на типографію—все это прекрасно сходится съ данными о его матеріальномъ положеніи.

По своимъ религиознымъ убѣжденіямъ онъ примыкалъ къ социанству. Но Тяпинскій не порывалъ связи съ роднымъ народомъ. Напротивъ, онъ глубоко огорченъ паденіемъ національнаго самосознанія и образованности въ средѣ своихъ соплеменниковъ въ виду наступающаго ополченія; онъ гордится плодами древне-русской культуры и въ ея возрожденіи видитъ спасеніе русской національности; возрождающаяся русская культура должна быть основана однако на школахъ и наукахъ на русскомъ языкѣ; конечно, первая книга, которая необходима для поддержанія и обоснованія этой русской культуры—должно быть евангеліе на вполне понятномъ для всѣхъ языкѣ. Религія, изучаемая въ національной школѣ и на родномъ

¹⁾ Архивъ б. греко-ун. митроп. № 108.

языкъ, послужить прочным залогом крѣпости русской народности. Основные мысли Типинскаго нѣсколько напоминают идеи, проводившіяся Иваномъ Мелешкомъ въ его извѣстной сеймовой рѣчи; а И. Мелешко, имя котораго напрасно нѣкоторые считают псевдонимомъ, происходилъ изъ той же Полоцкой Руси, былъ соотчуждомъ и современникомъ нашего автора.

Бѣлоруссы.

Этнографическій очеркъ *).

Среди деревенской обстановки и занятій пахаря и рыболова бѣлорусъ еще сохранилъ много любопытныхъ особенностей, какъ въ языкѣ, общемъ строѣ мировоззрѣнія, вообще во всемъ умственномъ укладѣ жизни, такъ и въ обстановкѣ вѣшняго быта. Общій колоритъ бѣлорусской рѣчи, фигура и одежда бѣлорусса рѣзко выдѣляютъ его отъ великоруссовъ и малоруссовъ. Бѣлорусское мѣщанство далеко не такъ консервативно: въ настоящее время національный бѣлорусскій костюмъ на городскихъ жителяхъ—уже большая рѣдкость. Мѣщанство болѣе или менѣе крупныхъ городовъ быстро утрачиваетъ чистую бѣлорусскую рѣчь, которая подвергается сильному великорусскому влиянію; въ иныхъ городахъ, особенно Мнѣской губ., гдѣ влияние польскаго элемента и католицизма было гораздо сильнѣе, преобладаетъ среди мѣщанства польскій языкъ. Такимъ образомъ въ городахъ среди мѣщанства слышится или польская рѣчь, или великорусская съ сильной примѣсью бѣлорусской фонетики, что придаетъ рѣчи горожанъ весьма неблагозвучный колоритъ. И вѣшняя обстановка быта городского ремесленника, огородника, горожанина уже говца въ сильной мѣрѣ подверглась городскому влиянію. Горожанинъ уже гнушается богатымъ запасомъ бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ, жадно усваивая солдатскую, фабричную пѣсню или какой-нибудь романсъ въ безобразной передѣлкѣ. Только еще нѣкоторыя основныя черты умственного уклада бѣлорусса сохраняются въ городскомъ пиджачникѣ: вѣра въ нечистую силу, въ помощь для борьбы съ ней знахаря, кое-гдѣ скомканное выполнение свадебнаго, родиннаго или рождественскаго обряда напоминаетъ о кровной связи мѣщанина съ окрестными селами. О мѣщанской бѣлорусской интеллигенціи, подобной, напр., малорусской, рѣчи быть не можетъ, такъ какъ ея не существуетъ. Независимо отъ того, къ ка-

*) Ст. помѣщенная въ „Россія“ изд. поль ред. В. П. Семенова, т. IX.
Довнар-Запольскій.

кому классу общества принадлежит образованный белорусец, прошедший среднюю или высшую школу, он охотно оставляет родной край и ищет мѣста на чужбинѣ. Немногіе поэтому изъ окончившихъ курсъ въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возвращаются на родину, да и возвращающіеся рѣдко поддерживаютъ связи съ сельскимъ людомъ. Эти факты, столь обычные для всей Россіи, въ белорусскихъ губерніяхъ имѣютъ еще особыя причины. Въ край отсутствуетъ крупная фабричная и заводская промышленность, а существующая находится въ рукахъ нѣмецъ и евреевъ; въ край нѣтъ единого крупнаго центра административнаго или культурнаго, который могъ бы присасывать къ себѣ образованную молодежь, въ трехъ губерніяхъ отсутствуетъ и земство. Въ тѣхъ же трехъ губерніяхъ земледѣдіе находится преимущественно въ рукахъ поляковъ; если полякъ стремится къ административной карьерѣ, онъ долженъ искать ее внѣ предѣловъ своего роднаго края; если полякъ не выплывъ изъ сферы польской культуры, то для него естественнымъ центромъ является Варшава, въ крайнемъ случаѣ Вильна, Киевъ. Такимъ образомъ три белорусскія губерніи находятся въ особыхъ условіяхъ, не представляющихъ широкаго поля для приложенія интеллигентнаго труда; мѣста же по администраціи охотно замѣщаются выходцами изъ великорусскихъ губерній въ цѣляхъ обрусенія края.

Итакъ, съ настоящимъ, кореннымъ белорусцемъ можно познакомиться только въ его бѣдной деревнѣ, среди болотъ и лѣсовъ. Мало того, чѣмъ глуше эта деревня, чѣмъ больше она удалена отъ города тѣмъ населеніе ея является болѣе интереснымъ для наблюдателя потому, что городскіе обычай, вліаніе школы и церкви начинаютъ проникать въ села и нарушаютъ первобытный жизненный укладъ ихъ.

По наружности белорусца очень трудно отличить отъ двухъ другихъ разновидностей русскаго племени — великороссовъ и малороссовъ. Прежде всего онъ средняго роста, скорѣе приземистъ; онъ не такъ широкъ и плотенъ, какъ великорусецъ. Данныя о ростѣ новобранцевъ, разработанныя проф. Д. Н. Анучинымъ, даютъ слѣдующія величины средняго роста:

Смоленская губ.	1.634	мм.
Витебская „	1.642	„
Могилевская „	1.637	„
Минская „	1.634	„

Такимъ образомъ ростъ новобранцевъ въ Витебской и Могилевской губ. можно признать среднимъ, а въ Смоленской и Минской — нѣсколько ниже средняго. Въ частности по уѣздамъ наиболѣе высокой ростъ новобранцевъ констатированъ Анучинымъ для Порѣчскаго, Красненскаго и Мозырскаго у.у., а наиболѣе низкій — для Пинскаго, Климовичскаго, Двин-

скаго, Рѣчицкаго и Люцинскаго у.у. Вообще среди новобранцевъ разсматриваемой области попадаетъ отъ 2 до 3% очень высокыхъ. Белорусецъ отличается свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, а женщины очень часто обладаютъ весьма тонкими чертами лица. Свѣтлые или свѣлорусые волосы являются преобладающими среди белорусскаго населенія, точно такъ же какъ и сѣрый или голубой цвѣтъ глазъ. Такимъ образомъ у белорусца нѣтъ того высокаго роста и той стройности, которой обладаетъ малорусецъ, и нѣтъ той осанности, степенности, которая составляетъ украшеніе великорусскаго типа. Несмотря на это общее впечатлѣніе, выносимое при встрѣчѣ съ типичнымъ белорусцемъ, весьма для него благоприятно: въ немъ замѣтна мягкость въ чертахъ лица, которую удачно пополняетъ кроткій взглядъ сѣрыхъ или голубыхъ глазъ; все это очень хорошо гармонируетъ съ нѣскольکو хрупкимъ, на первый взглядъ, физическимъ строеніемъ всего организма. Нѣкоторая скудность, которую отличаетъ физиономія центральнаго белорусца, также нисколько не портитъ общаго впечатлѣнія. Вообще белоруссы представляютъ собою едва ли не самый чистый типъ славянскаго племени. Это объясняется тѣмъ, что белорусское племя въ своемъ историческомъ прошломъ не сплывалось съ другими народностями, тогда какъ великороссы, занимаая земли финскихъ племенъ, смѣшивались съ ними, а малорусское племя представляетъ собою очень неструю смѣсь древне русскихъ племенъ съ тюркскими народностями. Белорусская народность никогда не подвергалась завоеванію неславянскаго племени; даже татары не пошли глубже Смоленской области, но и здѣсь они были недолго. Сліянне съ Литвой, а затѣмъ съ Польшей не могло повліять на измѣненіе белорусскаго типа, такъ какъ и изъ Литвы, и изъ Польши переходило въ русскія земли исключительно дворянство, притомъ вообще въ небольшомъ числѣ. Конечно чистота белорусскаго типа подвергается измѣненіямъ по мѣрѣ приближенія къ предѣламъ малорусской и великорусской народностей. На пограничьи съ Литвою и датскими белорусскій типъ не подвергся измѣненіямъ, по югъ и юго-западъ Минской губ. весьма замѣтны слѣды скрещиванія малорусскаго и белорусскаго племени, а въ Смоленской — белорусскаго и великорусскаго, притомъ на столько сильнаго, что границы того и другаго племени въ этой губерніи до сихъ поръ окончательно не установлены. Слѣды скрещиванія съ малороссами встрѣчаются спорадически: капръ крайній югъ Рѣчицкаго уѣзда населенъ типичными белоруссами, но въ заприпятской части Мозырскаго уѣзда встрѣчаются села съ населеніемъ малорусскаго типа, хотя и говорившимъ по белорусски. Этотъ смѣшанный типъ учащается съ приближеніемъ къ границамъ Пинскаго уѣзда и переходитъ на сѣверъ отъ Припяти, протягиваясь по сѣверной окраинѣ этого уѣзда къ Гродненской губ.

Бѣлоруссы отличаются отъ другихъ русскихъ народностей и своимъ нарѣчіемъ. Бѣлорусская рѣчь слышится далеко за предѣлами разсматриваемыхъ бѣлорусскихъ губерній: насчитываютъ 68 уѣздовъ, въ которыхъ бѣлорусское населеніе или преобладаетъ, или является въ значительныхъ группахъ¹⁾.

Важнѣйшія особенности бѣлорусской рѣчи заключаются въ слѣдующемъ. Прежде всего бѣлорусское нарѣчіе (какъ и южно-великорусское) выдѣляется своимъ *аканіемъ*. Оно состоитъ въ томъ, что всякое неударяемое *о* или *е* (*н*) выговаривается какъ *а*, *я*, т. е. бѣлорусъ говорить *калава*, *сяло*. Иногда впрочемъ *а* и *е* произносятся какъ *ы* и *и*, напримѣръ, *мылыдаля*, *нисьмь*. *О* подвергается еще и другому измѣненію: подъ удареніемъ оно въ нѣкоторыхъ говорахъ превращается въ двугласное *оу* или *юо*, напр., *доумь* (домъ) и т. п. Аканье и яканье бѣлорусскаго нарѣчія ставятъ его въ связь съ южно-великорусскими акающими говорами, но въ бѣлорусскомъ нарѣчій есть еще другія особенности. Такъ, *е* и *л* въ срединѣ словъ передъ слѣдующими согласными и на концѣ слова измѣняются въ *у*, произносимое кратко, вродѣ какъ въ малорусскомъ нарѣчій. Это очень характерная особенность нарѣчія. Бѣлоруссы говорятъ *шаукавий*, *дѣу*, *воуць*, *братоу*. Такой же очень важной чертой является бѣлорусское *дзеканіе*, *цеканіе* и *цоканіе*. Первое и второе явленіе заключается въ томъ, что мягкое *д* и *т* передъ гласными и въ концѣ слова произносятся какъ *дз* и *ц*, т. е. говорятъ: *дзѣць* (дѣть), *цляць*, *циса* (тихо), *биль* (бить). Дзеканіе и цеканіе составляютъ общую особенность нарѣчій, но цоканіе встрѣчается только въ сѣверо-восточномъ углу бѣлорусской территории, т. е. въ пограничныхъ съ Псковской губ. частяхъ Витебской (Себежской, Велижской, Витебской и Городокской у.у.) и коегдѣ въ Смоленской губ., именно близъ ея границы съ Тверской. Оно состоитъ въ замѣнѣ *ч* черезъ *ц*, т. е. говорятъ *цюлка* (пчелка), *кручина* (кручина) и т. д. Далѣе, бѣлорусское *р* произносится всегда твердо и не знаетъ послѣ себя мягкихъ гласныхъ (царѣ, гарачій), *г* произносится какъ французское *h*, т. е. съ придыханіемъ, близко къ *х*, какъ въ южно-великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчійхъ. Мягкія согласныя передъ мягкими (иотированными) гласными удваиваются, напр., *вясѣлме*, *стачиванне*. Въмѣсто

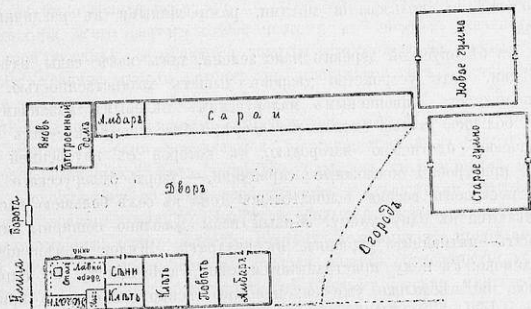
1) На бѣлорусскомъ нарѣчій говорятъ кромѣ Могилевской, Минской, Витебской и Смоленской губ., за исключеніемъ восточной части послѣдней, еще въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ большей части Виленской губ., въ сѣверной части Черниговской, въ Гродненской (половина), въ Сувалжской (Августовскій уѣздъ) наконецъ отдѣльныя поселенія въ Курляндской, Ковенской и на западныхъ окраинахъ Тверской, Калужской и Орловской (въ послѣднихъ трехъ очень не чисто вълѣдствіе метисаціи съ преобладающимъ родственнымъ великорусскимъ племенемъ).

великорусской группы *жж* бѣлоруссы произносятъ *ждж*, *ждч*, *ждч*, т. е. говорятъ: *прывяжджамъ*, *дажджася* (дожди). Бѣлорусское *с* передъ слѣдующими согласными выговаривается мягко, напр. *сѣтвай*. Наряду съ особенностями согласными выговаривается въ замѣнѣ гласныхъ и согласныхъ звуковъ, бѣлорусское нарѣчіе знаетъ рядъ особенностей свойственныхъ ему, въ окончаніяхъ формъ склоненій и спряженій.

Бѣлорусское нарѣчіе является преемникомъ говора, которымъ изъяснялись древніе кривичи, вѣроятно и дреговичи. Этотъ говоръ отличался отъ общерусскаго языка уже въ XIII—XIV в. Важнѣйшія нѣншнія особенности бѣлорусскаго нарѣчія, напр., *у* вмѣсто *в* и *л*, *р* твердое, *н* вмѣсто *г* замѣтны уже въ XIV в., цеканіе и дзеканіе—съ XVI в.

При знакомствѣ съ бѣлоруссами и ихъ бытомъ эти бѣглые замѣчанія о нарѣчій, которыя мы привели, будутъ небезполезны.

Для того кто не привыкъ къ общему колориту края, бѣлорусское село, вся внѣшняя его обстановка, могутъ показаться мало привлекательными—сѣренькими, бѣдненькими. Все сѣро и даже темно-сѣро: бѣлый

Планъ дома и усадьбы богатого крестьянина дер. Кравлевичи
Телеханской вол. (сѣв. часть Пинского у.).

нарядъ бѣлорусса очень скоро превращается въ грязно-сѣрый, построенная изъ сосновыхъ или еловыхъ бревенъ изба также скоро темнѣетъ, а соломенная на ней крыша пріобрѣтаетъ грязно-желтый оттѣнокъ, пока не покроется оазисами темноватой зелени. Окружающія деревню поля

и огороды гармонируютъ съ этой обстановкой, такъ какъ почва ихъ состоитъ изъ суглинки и сусеси, иногда съ большими пятнами чистаго песка. Эта наружная бѣдность иногда поражаетъ сѣбжаго наблюдателя, но тотъ, кто привыкъ къ этой обстановкѣ, кто приглядѣлся къ ней пристальнѣе, повнимательнѣе, тотъ найдетъ и въ ней много привлекательнаго.

Сельскія поселенія Бѣлоруссiи въ общемъ невелики: село въ полтораста—двѣсти избъ уже считается очень большимъ и попадается рѣдко. Въ Витебской Бѣлоруссiи нѣрѣдко можно встрѣтить деревню въ пять—десять избъ. Особенность въ расположенiи селенiй составляють еще такъ называемыя *приселки*. Приселокъ—это одинъ или нѣсколько дворовъ, выселившихся куда-нибудь на лѣсную поляну, или на расчищенное лѣсовище изъ ближайшаго селенiя; это новый поселокъ, изъ котораго въ нѣсколько поколѣнiй образуется настоящая деревня. Появленiе такихъ приселковъ объясняется расположенiемъ крестьянскихъ полей: при существующей чѣре полосицѣ крестьянскiя поля нѣрѣдко оказываются вдали отъ поселенiй, среди казенныхъ или помѣщичьихъ лѣсовъ и угодiй; развѣтвляющiяся семьи охотно основываютъ приселки, избѣгая неудобствъ въ пользованiи полями, разбросанными въ различныхъ мѣстахъ.

Въ бѣлорусской деревнѣ мало зелени, такъ какъ сады здѣсь весьма рѣдки. Зато устройство дворовъ дышетъ хозяйственностью. Въ противоположность живописнымъ малорусскимъ бѣленнымъ мазанкамъ, стоящимъ болѣею частью одиноко во дворѣ, обнесенномъ кое-какъ подурвалившейся плетневою изгородью, къ которой съ внутренней стороны двора пристроены несложные сараички, — дворъ бѣлорусскаго крестьянина построенъ весьма основательно. Дома въ селѣ болѣею частью выстраиваются въ одну улицу. Жилыя избы довольно обширны, иногда въ двадцать—пятнадцать аршинъ въ квадратѣ. Жилое помѣщенiе стоитъ не одиноко: къ нему пристраиваются сѣни, имѣющiя ту же ширину, что и изба, но нѣсколько уже ея; непосредственно къ сѣнямъ примыкаетъ клѣтъ или истопка. Клѣтъ обычно бываетъ такихъ же размѣровъ, какъ и изба. За истопкой въ одну линiю тянутся хлѣвы. Въ богатомъ хозяйствѣ хлѣвы идутъ вокругъ двора четырехугольникомъ, заканчиваясь противъ избы амбаромъ, называемымъ *клуно*. Между сараями, обыкновенно противъ воротъ, устраивается „новить“—крытое помѣщенiе, съ двухъ или трехъ сторонъ залуценное стѣнами. Здѣсь лежатъ сельско-хозяйственныя орудiя, телѣги, наколотыя дрова и проч. За линiей сараявъ (на сторонѣ противоположной воротамъ) тянутся огороды.

Важную часть въ хозяйственныхъ постройкахъ представляетъ *гумно*. Гумна выстраиваются или позади огородовъ, или если жилыя строенiя

расположены въ одну линiю,—черезъ улицу, противъ жилья; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ гумна устраиваются внѣ села. По внѣшнему виду гумно не трудно отличить отъ другихъ построекъ: оно имѣетъ при невысокихъ стѣнкахъ очень высоко приподнятую крышу, образующую широкiя навѣсы съ стороны вѣзда. Гумно окружено небольшою лужайкою, за которой тянутся поля или огороды. На пригумненной лужайкѣ въ южныхъ уѣздахъ разсматриваемой области возвышается еще высокой „переломъ“—два высокiе столба, соединенными поперечными жердями, въ которые вкладываютъ снопы для просушки. Гумна бываютъ вообще весьма солидныхъ размѣровъ. Въ среднѣ широкой стороны гумно имѣетъ ворота, на противоположной сторонѣ которыхъ находятся тоже ворота, или легко разбираемый простѣнокъ. Средняя часть гумна занята „токомъ“—глинянымъ поломъ, тщательно утрамбованнымъ; на току просходитъ молотѣба. По обѣ стороны токовища складываютъ снопы. На гумнѣ же находится сушильня (*сеня, рея, осеть*—овинь). Сушильня представляетъ собою небольшое строенiе съ выкопанной внутри ямой, въ которой раскладывается во время сушки огонь; надъ ямой сдѣланы рѣшетки, въ которыя складываютъ снопы. Вымолоченный хлѣбъ поступаетъ въ закрома „клуны“. Какъ-бы ни было велико гумно, но въ хорошемъ хозяйствѣ оно не вмѣщаетъ въ себя всего сжатаго хлѣба; поэтому въ богатомъ хозяйствѣ на пригумненной лужайкѣ встрѣчаются скирды сложеннаго въ снопы хлѣба. У богатаго хозяина скирды стоятъ по нѣсколько лѣтъ, составляя его запасный капиталъ.

Къ надворнымъ строенiямъ слѣдуетъ еще отнести и баню—*банька, лазня*“. Впрочемъ бани встрѣчаются преимущественно въ Витебской и Смоленской губернiяхъ, какъ наиболѣе близкихъ къ сѣвернымъ великороссамъ—охотникамъ до бани; да впрочемъ и здѣсь баня встрѣчается далеко не у всякаго хозяина. Бѣлорусъ большой охотникъ попариться, но, за отсутствiемъ бани, подобно южному великоруссу, прибѣгаетъ къ домовой печи, солидные размѣры которой даютъ возможность въ ней попариться. Гдѣ строятся бани, тамъ онѣ бывають весьма миниатюрныхъ размѣровъ—до двухъ сажень длины, въ полторы сажени ширины и въ сажень высоты, съ крохотнымъ предбанникомъ. Витебскiй бѣлоруссъ очень любитъ свою „лазенку“, а матери берутъ туда съ собой и грудныхъ дѣтей. Усердно распаривъ тѣло вѣникомъ, бѣлоруссъ охотно бьжить „окунуца“ въ осѣднее озеро или рѣчку, а зимою покатаются въ снѣгу, чтобы съ новыми силами отдаться банному удовольствию.

До сихъ поръ шла рѣчь о хозяйственныхъ строенiяхъ. Пора теперь заглянуть и въ жилую крестьянскую *избу*. Бѣлорусская хата всегда строится на улицу, но ходъ имѣетъ со двора. Крыша ставится высокая и покрывается болѣею частью соломой, или рѣже дранцами; наружная

шивается красною тесьмою. Въ болѣе полонизованныхъ мѣстностяхъ носятъ „*кваняровую кошулю*“ съ прямымъ разлѣзомъ, широкимъ воротникомъ, который обгibaетъ цвѣтной платочекъ, замѣняющей собой галстухъ. Рубашки носятъ на выпускъ и незвѣтно подпоясываются особымъ поясомъ. Поверхъ сорочки одѣваютъ „*кымыземку*“—жилетку изъ сукна или холста, застегивающуюся металлическими пуговицами или пшурочками. Первая верхняя одежда представляетъ собою „*насовъ*“, который бываетъ двухъ типовъ—съ низенькимъ, едва замѣтнымъ воротникомъ и „*кванярова*“—съ высокимъ отглаженнымъ воротникомъ; тотъ и другой насовъ шьется изъ холста, но насовъ съ короткимъ воротникомъ дѣлается въ талію и съ карманами, обшиваемыми синей тесьмой. Напротивъ „*кваняровый насовъ*“ представляетъ собою собственно балахонъ съ широкими полами, не суживающийся въ талію. Въ Витебской губ. насовы дѣлаютъ цвѣтные, напр., темные, коричневые, синіе; впрочемъ холсты, употребляемый на насовы, не имѣетъ сплошной окраски, такъ какъ при тканьи такого холста бѣлыя нитки переметаются съ цвѣтными. Насовъ, замѣняющий собою сюртукъ, не пользуется всеобщимъ распространениемъ. Зато *свитка* или *серма* изъ бѣлаго или сѣраго сукна домашнего приготовления можетъ быть признана національной одеждою бѣлорусса. Сукно, употребляемое на свитки, готовится на мѣстныхъ сукновальныхъ и обычно бываетъ весьма грубой работы. Свиты имѣютъ точно такой же покрой, какъ и насовы, причемъ очень часто рукава и воротники обшиваются тонкой кожей. Тонкой же цвѣтной тесьмой дѣлаются нашивки и узоры на груди. Свита съ широкимъ воротникомъ, сшитая не въ талію, считается болѣе дорожной одеждою, тогда какъ свита въ талію и съ узкимъ воротникомъ употребляется въ парадныхъ случаяхъ. Хозяинъ безъ свиты можетъ принимать у себя гостей, зайти по дѣлу къ сосѣду и проч. Но отправляясь въ церковь, въ парадныя гости, принимая у себя званыхъ гостей, крестьянинъ непременно натянетъ на себя свиту и подпоясается широкимъ и въ нѣсколько обхватовъ поясомъ, несмотря на дѣтнюю удушливую жару или на жарко натопленную печь.

Верхнюю одеждою зимой составляетъ овчинный нагольный тулупъ—*кожухъ*, который бываетъ или длиннымъ (для пути), или короткимъ (для работы около дома). Вышнимъ видомъ *кожуха* бѣлоруссъ не интересуется. Если поэтому онъ хочетъ принарядиться зимою, напр., ѣдучи на ярмарку въ сосѣднее мѣстечко, отправляясь въ церковь, то по-верхъ тулупа онъ натягиваетъ свиту. Тулупъ также обязательно подпоясывается.

Поясъ, какъ мы видимъ, въ одеждѣ бѣлорусса играетъ весьма видную роль. Поясъ дѣйствительно считается украшеніемъ и иногда хороший поясъ служить нѣсколькимъ поколѣніямъ. Поясъ представляетъ со-

бою шерстяную ткань изъ красныхъ или красныхъ и синихъ нитокъ съ разводами и узорами; ширина пояса очень различна, но доходитъ до четырехъ—шести вершковъ; длина пояса рассчитывается на два или четыре обхвата, и кромѣ того на концахъ онъ украшается бахромой.

Типичный для бѣлорусса головной уборъ, теперь уже быстро вытѣсняемый рыночными картузами,—это высокая шапка изъ того же толстаго сукна, изъ котораго дѣлаются свиты; она имѣетъ форму усѣченного конуса съ завороченными вверхъ небольшими краями. Такая „*марелка*“ употребляется какъ зимою, такъ и лѣтомъ; впрочемъ въ послѣднее время года иногда носятъ „*брыли*“ т. е. широкополая соломенные шляпы.

Женская одежда состоитъ изъ сорочки, юбки („*спадница*“), кофточка, застегивающейся у воротника на одну пуговицу, съ короткими полами, едва доходящими до поясицы, или „*китлика*“—пшурочки, плотно облегающей грудь и спину и напоминающей корсетъ безъ планшетокъ. Этотъ нарядъ дополняется фартукомъ. Нарядная женская сорочка шьется съ широкимъ, гладкимъ воротникомъ, съ широкими наплечниками и рукавами, окачивающимися узкими и тонкими обшлагами. Наплечники, обшлага рукавовъ и воротъ на груди иногда прошиваются дѣтными нитками. Въ послѣднее время „*спадница*“ все чаще и чаще дѣлается изъ ситца, но это новшество еще не распространилось повсемѣстно. „Старосвѣтская“ женская „*спадница*“ дѣлается или изъ обычного бѣлаго холста, или изъ домашней шерстяной матеріи. Нарядная шерстяная юбка („*андаракъ*“) дѣлается изъ такой-же матеріи, только нѣсколько болѣе грубой, какъ и мужские пояса, и бываетъ синію цвѣта, краснаго или краснаго съ синимъ съ разводами и узорами. Изъ такого же сукна лучшаго качества дѣлаютъ китлики. Впрочемъ есть мѣстности, гдѣ женщины носятъ всю одежду исключительно изъ холста, т. е. юбку, пшурочку и даже фартукъ; только зимою онѣ носятъ сѣрую или черныя шерстяныя юбки. Такой нарядъ женщины преобладаютъ въ Пинскомъ уѣздѣ и въ тѣхъ мѣстностяхъ Мозырскаго уѣзда, которыя прилегаютъ къ Пинскому. При бѣломъ головномъ уборѣ этотъ нарядъ является довольно оригинальнымъ.

Верхняя одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ мужской? т. е. женщины носятъ такіе же свиты и *кожухи*, какъ и мужчины. Поэтому очень обычно мужчины и женщины носятъ одну и ту же одежду. Надо только замѣтить, что свита въ парадныхъ случаяхъ является болѣе или менѣе необходимымъ одѣніемъ только для старухъ и пожилыхъ женщинъ; дѣвушки же и молодыя женщины набрасываютъ свиту только въ непогоду, или въ холодъ и снимаютъ ее при входѣ въ избу. Замужнія женщины дополняютъ свой нарядъ въ важныхъ случаяхъ большимъ аткомъ, который накидывается на плечи.

гой, а тут пошла дождь, и сѣно пропало; а Степану въ свою очередь кажется, что по винѣ Ивана пала кобыла, цѣлый годъ кормившаяся соломою съ крышъ, и т. д. до безконечности. Всякому кажется, что если бы онъ одинъ косилъ, не полагаясь на брата, то дождь не сгноилъ бы сѣна, да и кобыла, хоть безъ сѣна, а жила бы и т. д. Братья еще кое-какъ терпятъ, младшій уступаетъ старшему и тотъ и другой понимаютъ тяжелое положеніе хозяина-одиночки. Но женщины сживаются съ большимъ трудомъ. Онѣ спорятся другъ съ другомъ изъ-за дѣтей, работы и пр., и если самъ хозяинъ не пользуется достаточнымъ авторитетомъ, не крикнеть въ-время, то эти споры ведутъ къ раздѣлу: жены пользуются всякимъ случаемъ, чтобы возбудить враждебныя отношенія между мужьями.²

Итакъ раздѣлы проникаютъ въ правовой строй бѣлорусской семьи. Но, не смотря на это, старый строй, т. е. нераздѣльные семьи являются здѣсь еще господствующей формой семьи. Народныя обычно-правовыя возрѣвья болѣе рельефно выдѣляются въ большой семьѣ, такъ какъ она держится предписаніями обычая. Иное дѣло малая семья: здѣсь личные отношенія берутъ верхъ надъ обычно-правовыми.

Большія семьи Бѣлоруссіи по количеству членовъ достигаютъ весьма почтенныхъ размѣровъ, напр. пятнадцати душъ, а семейныя общины доходить до 25—30, а иногда и 50 человекъ. Въ составъ семейной общины входятъ прежде всего родственники, напр. нераздѣленные братья, дядя и племянники, затѣмъ лица, привешденіе въ общину при посредствѣ брака, напр. невестки и зятья (*примаки*), принятые въ домъ тестя, родственники, или даже не родственники, принятые на условіяхъ *сдолничества*, наконецъ пріемыши. Такимъ образомъ въ составъ семейной общины входятъ какъ родственники, такъ и чужеродцы. Связь, которая въ данномъ случаѣ объединяетъ тѣхъ и другихъ,—это общій трудъ на общемъ участіи земли. Положеніе кровныхъ родственниковъ въ описываемой семьѣ весьма понятно. Но необходимо выяснитъ тѣ условія, на которыхъ принимаются въ семью чужеродцы.

Сдольники (отъ слова доля—часть, соучастникъ) или семьяны приглашаются въ семью, въ которой отсутствуетъ необходимое количество рабочихъ рукъ при достаточномъ или даже большомъ земельномъ надѣлѣ: остается вдова съ малолѣтними дѣтьми, не можетъ сама управлять хозяйствомъ и принимаетъ къ себѣ сдольниковъ; захудалшій по тѣмъ или другимъ причинамъ домохозяинъ подыскиваетъ себѣ сдольника со здоровыми руками и иногда съ хозяйственнымъ инвентаремъ и деньгами. Сдольникъ или семьянинъ, являясь въ принимающую его семью, заключаетъ обыкновенно съ домохозяиномъ письменное или устное условіе. Онъ занимаетъ положеніе члена семьи. Если въ семьѣ домохо-

зяинъ самъ заправляетъ хозяйствомъ, то сдольникъ оказывается по отношенію къ нему въ положеніи младшаго брата, или сына, смотря по разницѣ въ дѣтахъ; въ случаѣ же смерти домохозяина, или отсутствія его въ моментъ пріема, сдольникъ можетъ замѣнять его мѣсто. Принюся въ семью свое имущество и главнымъ образомъ свой трудъ, сдольникъ и его семья получаютъ и право на движимое и недвижимое семейное имущество. Такимъ путемъ безземельный крестьянинъ приобретаетъ землю.

Другимъ лицомъ, принимаемымъ въ семью, является примакъ. Крестьянинъ очень неохотно идетъ въ примаки къ тестю. „Примачья доля—собачья“ говорятъ бѣлоруссы. Но малоземелье и вообще имущественная захудалость заставляетъ иногда парня перебраться въ семью жены. Здѣсь его положеніе сходно съ положеніемъ сдольника. Примакъ приноситъ свой трудъ, а иногда и движимое имущество. Этотъ трудъ даетъ ему и его семьѣ право на часть общей земли. Наслѣдованіе примака и его дѣтей послѣ тестя объясняется именно приложеніемъ труда къ землѣ, такъ какъ, по народнымъ полаганіямъ, дочери при сыновьяхъ не получаютъ правъ на землю. Вообще положеніе примака въ семьѣ тестя основывается не столько на родственныхъ связяхъ, сколько на имущественныхъ, почему примаки весьма часто заключаютъ съ семьей жены формальный договоръ.

Наконецъ остается сказать два слова о пріемныхъ дѣтяхъ. Народный обычай не знаетъ формальнаго усыновленія. Но съ другой стороны онъ различаетъ двойное положеніе пріемныхъ дѣтей въ семьѣ. Пріемная дочь или сынъ только тогда пользуются своими правами, когда усыновленіе ихъ совершено или посредствомъ письменнаго акта, определяющаго ихъ участіе въ общемъ имуществѣ, или при посредствѣ заявленія принимающаго передъ сельскимъ сходомъ, или наконецъ вслѣдствіе такого-же заявленія при свидѣтеляхъ. Принимающей объявляетъ пріемыша „за сына мѣсто“, или „за дочь“. Если эта формула не была употреблена письменно или устно при актѣ пріема, тогда ни сельской сходъ, ни волостной судъ не признаютъ пріемыша усыновленнымъ, но пріемнымъ работникомъ.

Состоитъ ли большая семья изъ родственниковъ или изъ родственниковъ и пріемныхъ членовъ, она управляется одинаковымъ образомъ.

Представитель бѣлорусской семьи не носитъ особаго спеціальнаго названія; это „хозяинъ“ для постороннихъ, „бацька“ для дѣтей и „дядька“ для младшихъ членовъ семьи. Значеніе домохозяина прежде всего опредѣляется тѣмъ, что онъ заботится всѣми мужскими работами въ хозяйствѣ. Распределеніе работъ дѣлается обыкновенно вечеромъ за уж-

номъ. Если приходится начинать какую-нибудь часть хозяйственныхъ работъ, напр., посѣвъ, жатву, то хозяинъ за ужиномъ совѣтуется со старшими членами семьи и дѣлаетъ соответствующее распоряженіе. Хозяинъ почти всегда бываетъ и казначеемъ въ семьѣ: у него хранятся общія деньги, онъ получаетъ выручку отъ хозяйственныхъ продуктовъ, производитъ платежи и т. д. Впрочемъ храненіемъ денегъ иногда завѣдуетъ хозяйка. Наконецъ хозяину же принадлежитъ и наблюденіе за поведеніемъ молодыхъ членовъ семьи: онъ понуждаетъ лѣнливыхъ работать болѣе усердно, слѣдитъ за нравственностью молодежи, наказываетъ провинившихся, отпускаетъ на заработки свободныхъ отъ общихъ работъ, отдастъ въ наймы младшихъ членовъ семьи, если это окажется нужнымъ и т. д. Какъ представитель семьи, хозяинъ окруженъ знаками почета и уваженія. Онъ садится за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ—на *куту*, въ углу подъ образами такъ что сидѣть на кутѣ—синонимъ хозяина дома; прочие члены семьи по старшинству садятся рядомъ съ хозяиномъ за столомъ, женщины на противоположной сторонѣ, а хозяйка всегда съ краю. Хозяинъ является представителемъ и хранителемъ домашнего благочестія: передъ началомъ ѣды онъ творитъ общую молитву и начинаетъ самъ ѣсть, и уже за нимъ остальные члены по старшинству. Онъ наблюдаетъ за соблюденіемъ праздниковъ, причемъ самая почетная роль выпадаетъ на долю хозяина въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обрядахъ выражается почитаніе умершихъ предковъ; во время „дзядоу“ (поминальная вечеря), онъ призываетъ души умершихъ „дзядоу—бабакъ“ „на вечеру“, отливаетъ имъ часть пици на столъ, ставитъ ее за окно на ночь и проч. Во всѣхъ этихъ чертахъ бѣлорусскаго хозяина нетрудно узнать воликорусскаго большака, сербскаго домашина, нетрудно видѣть, что на немъ отразились черты древняго домоладьяки. Впрочемъ власть хозяина въ семьѣ не бываетъ деспотической, потому что всякая несправедливость съ его стороны по отношенію къ кому-нибудь изъ членовъ семьи, неопытность въ работахъ, неумѣлое распоряженіе имуществомъ, наконецъ непыльность и лѣнь—неминуемо ведутъ къ разрыву семьи, къ раздѣлу ея, или переходу домохозяйства въ другія руки, напр., къ старшему сыну въ семьѣ, или къ брату хозяина. Хозяинъ обязанъ не только дѣлать то, чего требуютъ интересы семьи, но и своей личной работой онъ долженъ служить примѣромъ для остальныхъ членовъ семьи: въ тяжелой крестьянской работѣ хозяинъ выступаетъ первымъ, и взмахъ косы хозяина опредѣляетъ скорость работы остальныхъ косарей и т. д. Хозяинъ не можетъ также произвольно распорядиться общимъ имуществомъ, тѣмъ болѣе землемъ. Вотъ почему всѣ сколько-нибудь важныя имущественныя дѣла глава семьи совершаетъ съ совѣта и согласія всѣхъ членовъ семьи. Народный обычай выработалъ цѣлый рядъ условий, регулирующихъ се-

мейныя отношенія. Этими условіямъ подвергается не только такой глава семьи, какъ старшій братъ, дядя, сдольникъ, но даже и отецъ. Въ этомъ отношеніи рѣшенія волостныхъ судовъ представляютъ любопытные образчики народнаго взгляда на семью и соотношенія ея членовъ: при разборѣ жалобъ младшихъ членовъ семьи на своего главара судъ вообще становится на сторону послѣдняго, но весьма рѣдки случаи, когда судъ налагаетъ наказаніе на жалобщика, младшаго члена семьи, за непослушаніе старшему, но въ то-же время наказываетъ и старшаго за то, что онъ не умѣлъ внушить къ себѣ должнаго уваженія.

Подобно тому, какъ хозяинъ является распорядителемъ хозяйственныхъ работъ, связанныхъ съ земледѣліемъ, уходомъ за скотомъ и пр.,—хозяйка является распорядительницей домашнихъ работъ. Если въ семьѣ есть нѣсколько женщинъ, то хозяйка распоряжается ихъ работами по дому, по огороду, по приготовленію платы, бѣлья. Хозяйкой обыкновенно бываетъ жена домохозяина; впрочемъ въ случаѣ смерти домохозяина, когда его мѣсто заступаетъ старшій изъ сыновей, или слѣдующій изъ братьевъ, иногда управленіе домашнимъ хозяйствомъ остается въ рукахъ вдовы; при сыновьяхъ это явленіе обычное. Въ болѣе сложной семьѣ положеніе вдовы домохозяина зависитъ отъ личныхъ ея качествъ. Личныя-же качества хозяйки дома сказываются и въ тѣхъ случаяхъ, когда она по смерти мужа занимаетъ его мѣсто при взрослыхъ сыновьяхъ или племянникахъ. Переходъ власти домохозяйки ко вдовѣ его не считается правиломъ, но и нерѣдко, находясь въ зависимости отъ различныхъ житейскихъ условий.

Вообще положеніе женщины въ бѣлорусской семьѣ не можетъ быть навязно угнетеннымъ. Въ хозяйствѣ она является помощницей своего мужа, а сфера домоводства ей принадлежитъ цѣлкомъ. Народный взглядъ требуетъ, чтобы дѣти оказывали почтеніе матери, а младшіе члены семьи—хозяйкѣ и вообще старшимъ женщинамъ. Мать имѣетъ большое вліяніе на дѣтей: дѣвочки вообще вырастаютъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ матери, а мальчики ходятъ на ея-же пощеніи вплоть до 14—15 лѣтъ, когда они уже становятся помощниками сахара. Въ случаѣ смерти мужа, народный обычай предоставляетъ матери опеку надъ малолѣтними дѣтьми. Наконецъ женщина въ бѣлорусской семьѣ обладаетъ своимъ, отдѣльнымъ отъ семейнаго, имуществомъ. Такое личное имущество прежде всего складывается изъ того приданаго, съ которымъ женщина переходитъ въ семью мужа; кромѣ того женщина имѣетъ свои частныя заработки, которые она получаетъ отъ продажи огородныхъ овощей, льну, полотня, домашней птицы. Этими путями каждая мать копитъ приданое для своей дочери.

Въ силу сказаннаго и отношенія мужа къ женѣ въ бѣлорусской семьѣ представляютъ мало примѣровъ жестокости и грубого обращенія.

Въ случаѣ взаимныхъ споровъ народный судъ чаще становится на сторону жены и строго относится къ мужу. Даже народныя пѣсни говорятъ только о страдавшихъ женахъ, выносимыхъ ею отъ мужа-пьяницы, но въ нихъ трудно найти такіе мотивы, въ которыхъ воспѣвалось-бы горе жены вслѣдствіе ея подчиненнаго положенія.

Положеніе женщины ухудшается тогда, когда она остается вдовой съ малолѣтними дѣтьми въ нераздѣленной семьѣ. Жизнь въ семьѣ мужа въ такомъ случаѣ оказывается весьма тѣсной. Иногда поэтому вдовы уходять съ дѣтьми въ семью своихъ родныхъ или къ родственникамъ; въ такомъ случаѣ родные мужа обязаны дать на „воспитаніе“ (такъ выражаются крестьяне) извѣстное количество свѣстныхъ припасовъ. Если же вдова остается въ семьѣ мужа, то она оказывается въ положеніи работницы. Престарѣлые члены семьи тоже находятся въ нѣсколько особомъ положеніи. Если отецъ становится очень старъ, заправлять хозяйствомъ самъ не можетъ, то веденіе хозяйства переходитъ въ руки старшаго сына. Иногда въ такихъ случаяхъ происходятъ раздѣлы сыновей. Престарѣлый отецъ, чтобы предотвратить раздоры въ семьѣ послѣ своей смерти, самъ дѣлитъ ихъ. Въ такомъ случаѣ онъ выстраиваетъ отдѣльныя избы для старшихъ сыновей, а младшій остается въ отцовской избѣ. Съ младшимъ обыкновенно поселается и отецъ. Этотъ переходъ отца къ младшему изъ сыновей имѣетъ значеніе не только потому, что младшій меньше опытенъ въ хозяйствѣ, но также и по слѣдующей причинѣ. Отецъ при дѣлѣжѣ земли между сыновьями оставляетъ небольшой клочекъ себѣ; эту землю пашетъ тотъ изъ сыновей, у котораго живетъ отецъ, а послѣ смерти отца эта земля поступаетъ въ раздѣлъ между сыновьями. Неудивительно поэтому, что иногда раздѣленные сыновья спорятъ о томъ, у кого долженъ жить отецъ. Одинъ изъ изслѣдователей обычнаго права передаетъ любопытный судебный процессъ, разбиравшійся волостнымъ судомъ: старшіе сыновья силою отняли отца у младшаго сына.

Обзоръ семейныхъ отношеній будетъ не полонъ, если не коснуться вопроса о возрѣніи бѣлоруса на бракъ. Уже изъ многого, что говорилось раньше, можно было заключить, что семейныя отношенія въ Бѣлорусіи проникаетъ одно связующее начало. Этимъ началомъ является трудъ, полагаемый каждымъ членомъ семьи. Это особенно рельефно выдѣляется при образованіи сложной сдольнической семьи. Въ самомъ дѣлѣ сдольникъ получаетъ право на землю въ той семьѣ, въ которой онъ былъ принятъ. Въ такое-же отношеніе вступаетъ къ семьѣ тестъ примака. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, очевидно, въ основу принимается тотъ трудъ, который приносятъ съ собою эти члены семьи. Общій колоритъ старинныхъ семейныхъ отношеній также держится на общемъ трудѣ. Родственныя отношенія какъ-бы затушевываются этимъ трудовымъ началомъ, гос-

подвующимъ въ семьѣ. То-же начало выступаетъ и во взглядѣ бѣлорусовъ на бракъ.

Соображенія экономическаго характера имѣютъ первенствующее значеніе при заключеніи браковъ въ семьяхъ стариннаго покроя. Какъ паренъ, такъ и дѣвушка въ большой семьѣ подчиняются тому выбору, который дѣлаютъ старшіе. Суть вопроса заключается или въ привлеченіи въ семью новаго работника, или въ томъ, что семья должна лишиться рабочихъ рукъ. Поэтому всегда торопятся съ женитьбой старшаго сына для того, чтобы привлечь въ семью работнику-молодую; напротивъ, старшую дочь стараются придержать годъ-другой въ домѣ, чтобы воспользоваться ея работой. Не менѣе важны и другія соображенія, когда, напр., при обиліи дочерей въ семьѣ нужно подыскать примака, или когда при малоземельѣ надо отдать сына въ прѣимы и т. д. Все это очень важна соображенія въ крестьянскомъ быту. Тѣ-же соображенія побуждаютъ иногда родителей заключать договоръ относительно брака малолѣтнихъ дѣтей. Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ вопросъ о приданомъ въ крестьянскомъ быту не играетъ никакой роли: дѣло идетъ только о рабочихъ рукахъ. Дѣло въ томъ, что приданое бываетъ очень незначительно; приданое въ видѣ денегъ — новшество, практикуемое только у богатыхъ крестьянъ. Обычное-же приданое крестьянской невѣсты заключается въ „дублахъ“, наполненныхъ платями, холстомъ, да въ нѣсколькихъ штукъ скота. Но при этомъ „выправка“, „посагъ“ составляетъ собственность невѣстки, на которую семья мужа не имѣетъ правъ. Вотъ почему приданое не играетъ роли при заключеніи брака. Если вы поговорите со стариками и старухами, то они вамъ скажутъ, что и красота невѣсты мало нужна для хозяйства, куда требуются только хорошія рабочія руки.

Правда, молодое поколѣніе уже сильно возмущается противъ такого взгляда, и среди него личныя симпатіи начинаютъ получать преобладающее значеніе. Это особенно замѣтно въ малыхъ семьяхъ, гдѣ весь семейный режимъ не столь суровъ, не столь скованъ традиціонными взглядами. Съ точки зрѣнія народныхъ юридическихъ взглядовъ бракъ обставляется слѣдующими формальностями. Послѣ сватовства происходитъ договоръ, такъ называемыя вторья и третья „запоины“. Уже послѣ сватовства отказъ считается безславіемъ для той стороны, которая его получила. Отказъ послѣ запоинъ имѣетъ еще и другую сторону: отказавшаяся сторона должна возмѣстить убытки, понесенныя другой стороной; убытки эти заключаются какъ въ расходахъ на угощеніе, такъ и въ потерѣ рабочаго времени. Въ глазахъ крестьянъ атомъ, закрѣпляющимъ брачную сдѣлку, является вся процедура свадебнаго ритуала. Церковное вѣчаніе является такимъ образомъ недостаточнымъ. Среди бѣлорусскихъ крестьянъ едва-ли существуетъ понятіе о формальномъ разводѣ, но зато прак-

тика жизни выработала развод без посредства церкви: неполадившие супруги просто расходятся. Тут возникает только вопрос имущественный. Если обе стороны расходятся добровольно, то жена забирает свое приданое, внесенное ею в дом мужа, а муж-примак забирает свое имущество, с которым он явился в дом тещи или вдовы. Если же одна из сторон оставляет другую, то последняя считает себя в праве удержать имущество первой. Оттого в случаѣ споров в волостномъ судѣ судъ старается установить, кто кого из супругов "прогнал".

Таковъ строй семейныхъ отношений среди бѣлорусскаго крестьянства. Въ эти отношенія, какъ мы неразъ видѣли, проникаетъ объединяющее начало, регулирующее ихъ, именно трудъ. Крестьянская семья проникнута трудовымъ началомъ. Это представляется особенно яснымъ тамъ, гдѣ трудъ прилагается къ землѣ. Сама земля для бѣлоруса имѣетъ значеніе по столько, по сколько къ ней прилагается трудъ пахаря. Оттого мы и встрѣчаемъ такой взглядъ въ народномъ обычномъ правѣ, что право на землю признается за лицомъ, приложившимъ къ ней свой трудъ. Отсюда въ народномъ представленіи вытекаетъ право на землю содольника, примака; отсюда же согласно тому же взгляду, въ прежнее время отставные солдаты лишались своего права на часть надѣла, такъ какъ долгое время отсутствовали и не прилагали въ семѣ труда къ землѣ. Такимъ образомъ это народное пониманіе труда и его права на поземельную собственность рѣзко отличается отъ понятія о собственности, установившагося въ культурныхъ слояхъ.

Бѣлорусская деревня, по своимъ понятіямъ, по общему колориту жизни, далеко въ настоящее время не является однородной. Въ однихъ мѣстностяхъ господствуютъ старые обычаи, традиціонные взгляды, въ другихъ вырабатываются новыя жизненныя условія. Это разнообразіе замѣтно не только въ области юридическаго понятія, но оно рѣзко бросается въ глаза даже при бѣгломъ взглядѣ на внѣшнюю обстановку жизни крестьянина. Типъ стараго хозяина — настоящаго „зихира“ — очень не похожъ на типъ хозяина, уже подвергшагося вліянію городской культуры. Изба и дворъ „старожитаго зихира“ отличаются прежде всего консервативной внѣшностью: вся обстановка представляетъ собою дѣло рукъ членовъ семьи. Такое нововведеніе, какъ керосинъ, самоваръ, незнакомы въ подобной семьѣ. Приемы хозяйства тоже чисто дѣдовскіе. Такой „богатырь“ уклоняется отъ дѣятельности на сходахъ, отъ выборныхъ должностей. Зная цѣну рабочихъ рукъ въ семьѣ, подобный крестьянинъ является рѣзкимъ противникомъ раздѣловъ. Онъ не видитъ и большой пользы въ грамотности. Соха и грамота для него являются несовмѣстимыми. Оттого неудивительно, что народная школа въ глухихъ

уголкахъ Бѣлоруссіи далеко еще не получила права гражданства. Учителямъ иногда съ трудомъ приходится собирать школьники. Собираніе ихъ дѣлается при посредствѣ волостныхъ правленій и сельскихъ старостъ. Вотъ, напр., какія трудности приходилось преодолѣвать школьникамъ дѣтелямъ въ одномъ изъ такихъ глухихъ уголковъ. Дѣло касается *Мухомодовской* волости Рѣчицкаго уѣзда, занимающей глухой юго-восточный уголокъ Заприпетскаго Полѣсья: „Трудность собиранія мальчиковъ въ школу“, замѣчаетъ въ 1890 году одинъ изъ наблюдателей (Довнаръ-Запольскій¹⁾), „доходить до того, что уже записавшихся учениковъ приходится ловить. Вотъ какія, напр., затрудненія встрѣчалъ въ этомъ дѣлѣ настоятель одной изъ мѣстныхъ церквей, прослужившій одновременно лѣтъ около пятнадцати въ качествѣ народнаго учителя въ своемъ же приходѣ. Такъ какъ школы облуживаютъ здѣсь болѣе или менѣе обширные районы, то въ его школьный округъ было причислено три деревни, изъ которыхъ ближайшая отстояла на 8 верстъ, а самая дальняя — верстъ на 10—12. По установившемуся почти во всей губерніи обычаю, при народныхъ школахъ утверждены интернаты для учениковъ изъ соседнихъ деревень. Староста собираетъ съ деревни нужное число продуктовъ для учениковъ, проживающихъ въ школѣ, и свозитъ ихъ туда. Но изъ интерната собранные поневолѣ мальчики нѣрѣдко самовольно уходятъ къ родителямъ, которые со своей стороны покровительствуютъ блудцамъ; или же, отправившись на праздникъ домой, ученики не приходятъ по дѣскольку недѣль, пока волость не вытребуетъ ихъ черезъ старосту. Для предотвращенія такихъ побѣговъ почтенному настоятелю пришлось прибѣгать къ такимъ мѣрамъ: онъ отпускалъ учениковъ только на двухдневные праздники, но на второй праздничный день къ вечеру самъ отпраивался въ деревню и забираетъ съ собою своихъ школьниковъ. Онъ передавалъ мнѣ, что кромѣ постоянныхъ просьбъ, особенно матерей, не забирать отъ нихъ дѣтей, ему нѣсколько разъ приходилось наталкиваться на такую сцену: мать ложится на порогъ избы, проситъ его не забирать сына и такимъ образомъ загораживаетъ входъ. Даже угрозы не допустить къ причастію оказывались недействительными. Какія трудности приходилось испытывать учителю, занимавшему одновременно авторитетное положеніе священника, каково же обыкновенному учителю?“ По описанный типъ стариннаго крестьянина, равно какъ и его враждебное отношеніе къ школѣ, постепенно смѣняются. Въ деревенской средѣ трудно уже встрѣтитъ и иной типъ крестьянскаго „богатыря“. Это чело-вѣкъ, не чуждающийся никакихъ новшествъ, самъ грамотный или, если самъ неграмотенъ, то во всякомъ случаѣ понимающій значеніе школы.

1) Замѣтка относится къ 1890 г.

В настоящее время жизнь белорусского села быстро изменяется, потребности в образовании растут, печальные явления описанные выше, с каждым десятилетием отходят в область преданий.

Жизнь деревни изменяется, перерабатывается под влиянием двух условий: общего роста культуры и экономических условий. Вообще говоря, белорусы в момент освобождения крестьян были поставлены в довольно благоприятные условия, так как размеры наделов можно признать вполне достаточными, даже при не везде благоприятной почве. Но теперь надельная земля оказывается уже не всегда достаточной. Белорусы прежде всего сахарь. Разъ он чувствует недостаток въ землѣ, онъ теряется, не умѣя выйти изъ затруднительнаго положенія. По натурѣ довольно пассивный, белорусъ не отличается предприимчивостью. Это большой недостаток его характера, сложившійся вѣками, подъ влияниемъ крупнаго права и того, что области торговли и ремесла всегда были для него недоступны вслѣдствіе конкуренціи такого промышленнаго и бойкаго элемента, какъ евреи. Очень возможно, что уменьшеніе земли, при неподготовленности и отсутствіи предприимчивости, во многомъ способствуетъ усилению пагубнаго порока — пьянства, и безъ того сильно развитаго среди населенія. Пьянство укоренилось здѣсь вѣками. Уже писатели XVI в. были поражены необыкновеннымъ развитіемъ этого порока въ средѣ западно-русскаго населенія: „здѣсь всѣ пьютъ“, рассказываетъ одинъ изъ нихъ (Михалонъ Литвинъ), „пьютъ мужчины, женщины и дѣти, пьютъ въ праздничное и рабочее время“. Какъ это ни печально, но надо сознаться, что пьянство среди белорусовъ не уменьшилось съ теченіемъ времени. Трудно указать хоть одного наблюдателя, случайно ли появившагося въ Белорусію, или живущаго въ ней постоянно, который не обратилъ бы вниманія на этотъ порокъ. Вотъ напр., въ какихъ мрачныхъ краскахъ описываетъ одинъ этнографъ (г. Инчукъ) этотъ порокъ: „Водка и пьянство—вотъ второе, послѣ невѣжества, несчастіе белорусса, его разорит! И всѣ, кому только нужно, съ полнымъ успѣхомъ пользуются этой губельной слабостью белорусса для своихъ цѣлей. Одна-другая чарка водки, которою деревенскій факторъ охотно угощаетъ своего сосѣда-крестьянина въ счетъ будущей уплаты, дѣлаетъ то, что нерѣдко часть крестьянскаго хлѣба еще на корню давно продана еврею, или принадлежитъ ему какъ плата за выпитую водку и другіе долги“. И далѣе авторъ описываетъ печальныя сцены, которыя къ сожалѣнію, хорошо знакомы всякому наблюдателю белорусской жизни: стоить подъ вечеръ заглянуть въ базарный или ярмарочный день на базаръ любого мѣстечка или городка, чтобы убѣдиться въ поголовномъ опьяненіи деревенскаго люда, привезшаго для продажи часто послѣднія крохи; стоить выйти на дорогу, ведущую изъ мѣстечка, чтобы увидѣть поголовное движеніе пьянаго люда.

Пьянство, быть можетъ, единственная черта, которая съ невыгодной стороны характеризуетъ белорусскаго крестьянина. Въ общемъ же онъ отличается многими весьма симпатичными чертами. Белоруссъ отличается бережливостью, почти скупостью, расчетливымъ веденіемъ хозяйства. На работѣ онъ отличается замѣчательною выдержкой, которая такъ мало гармонируетъ съ его физической хилостью. Оттого белоруссы—прекрасные рабочіе на такихъ трудныхъ работахъ, какъ гонка плотовъ, баржъ, при земляныхъ и мостовыхъ работахъ. Белоруссъ отличается гостеприимствомъ, склонностью къ веселію и доверчивостью, хотя ее можно и не сразу списать. Отсутствіе злопамятности въ белоруссѣ рѣзко бросается въ глаза всякому, кто съ нимъ сталкивается. Вообще онъ обладаетъ кроткой натурой. Весьма возможно, что эта черта, плохо понятая поверхностными наблюдателями, создала легенду о принижности, заботитости белорусса. Это мнѣніе широко распространено, но оно далеко не справедливо. Вотъ, напр., впечатлѣніе, вынесенное безпристрастными наблюдателями. „Хотяячи представленія о типѣ белорусскаго крестьянина“, говоритъ г. Грузинскій, „рисуется оно неказистымъ... тѣдущимъ и придаленнымъ тяжелой жизнью въ болотистомъ, бѣдномъ краю. Мои личныя впечатлѣнія были не таковы. Я увидѣлъ белорусса крупнаго сложения, хотя и худощавымъ... Но главное, я замѣтилъ и слѣда угнетенности, заботитости. Манера держать себя и говорить, дѣйствительно, отличалась отъ великорусской своей медленностью, сдержанностью, но въ ней видѣлась скорѣе степенная важность, я-бы сказалъ, задумчивость, не лишешная достоинства. Выразительная физиономія встрѣчается очень часто, а среди женщинъ и дѣвушекъ много прямо красивыхъ лицъ“. Эта характеристика особенно важна, потому что это наблюденіе заѣзжаго москвича. Но, спрашивается, почему же создалось сдѣлалось ходячимъ вообще невыгодное представленіе о белоруссѣ? Это объясняется вотъ чѣмъ: въ 60-хъ годахъ русскіе публицисты изъ всѣхъ силъ старались представить белоруссовъ самымъ несчастнымъ, самымъ угнетеннымъ народомъ въ мірѣ для того, чтобы показать, какъ тяжело отразилось въ краѣ господство польскихъ помѣщиковъ и евреевъ. Публицисты тогда наговорили много недѣлаго, много и вѣрнаго, забывая, что крупное право окрѣплялось русскими законами, что оно едва-ли легче было и въ Великоруссіи и что вездѣ оно имѣло тяжелыя послѣдствія. Теперь пора уже русскому обществу отвѣкать отъ этихъ предрасудковъ.

При отсутствіи предприимчивости белоруссъ однако отличается сильнымъ развитіемъ воображенія и впечатлительностью. Онъ охотно уходитъ въ міръ мечтаній, воображенія. Стоить прислушаться къ разговорамъ деревенскихъ парней, когда они съѣдутся на ночлегъ для пастьбы лошадей: разгораченныя лица цѣлую ночь ведутъ бесѣду о всевозможныхъ

ужасах, говорить о самых фантастических, недоступных их пониманию предметах. Полет фантазии необыкновенный! И чего только не перескажет собеседнику рыболов, тихо скользящий на своей лодочке-душубугке в ночной тиши по серебрястой глади рѣки: каждый кустъ въ его воображеніи живетъ таинственной жизнью. Мельникъ въ тиши наступающаго вечера сообщить вамъ съ увѣренностью разскажетъ о жизни духовъ, населяющихъ его запруды, и т. д. Этотъ міръ, міръ фантазіи, отлился въ представленіи бѣлорусса, въ его сказкахъ, пѣсняхъ, обрядахъ. Эта старина въ бѣлорусскі очень интересна, и къ ней мы сейчасъ перейдемъ.

Духовная жизнь бѣлорусса имѣетъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ для наблюдателя проявленій. На мировоззрѣніи бѣлорусса отразились слѣды отдаленнаго прошлаго. Повсемѣстно въ Россіи еще сохраняются въ большей или меньшей степени слѣды языческихъ культовъ и вѣрованій. Но бѣлоруссу въ этомъ отношеніи бесспорно принадлежать первенство. Это и въ настоящее время еще страна, о которой можно сказать словами поэта: „тамъ чудеса, тамъ лѣній бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ“. Природа Бѣлоруссіи съ ея болотами и лѣсами положила свой отпечатокъ на его мировоззрѣніи. Историческія условія, заключавшіяся въ отчужденіи сельскихъ классовъ населенія отъ болѣе культурныхъ, способствовали укрѣпленію въ массѣ различныхъ суевѣрій, придали имъ живучесть: эти условія, по существу, въ извѣстной мѣрѣ дѣйствуютъ и въ настоящее время, такъ какъ школа, церковь и больница далеко еще не получили повсемѣстнаго распространенія.

Въ воззрѣніяхъ бѣлорусса нетрудно найти слѣды древнѣйшихъ языческихъ вѣрованій, выражающихся въ фетишизмѣ. Такъ прежде всего встрѣчаются остатки культа *огня*. При переходѣ въ новое жилище бѣлорусскі переноситъ изъ стараго огонь съ очага; безъ этого нельзя ожидать прежняго довольства. Ни одинъ бѣлорусскі не плюнетъ въ огонь, боится получить „вогнигъ“ (накожная болѣзнь, при которой лицо покрывается струпами). Въ глухихъ мѣстахъ въ каждой семьѣ стараются подержать свой огонь, тщательно загребая уголья въ печурку. Домашній огонь одолажаютъ весьма неохотно, а въ извѣстные дни, въ праздники, во время нѣкоторыхъ сельскихъ работъ, хозяйка ни за что не одолжитъ огня изъ домашняго очага сосѣдкѣ, такъ какъ вѣритъ, что за огнемъ можетъ уйти домашнее благосостояніе. Во многихъ мѣстностяхъ Бобруйскаго уѣзда на Ооминой недѣлѣ справляютъ женитбу „кѣмина“. Обрядъ очень напоминаетъ жертвоприношеніе огню. Къ этому времени кѣминъ бѣяютъ, украшаютъ зеленью и въ зажженный на немъ огонь бросаютъ кусочки сала и масла. *Вода* тоже составляетъ предметъ почитанія, въ особенности ключевая. Нѣкоторые источники пользуются особымъ почи-

таніемъ. О многихъ изъ нихъ разсказываютъ, какъ о такихъ, вода которыхъ излѣчиваетъ тѣ или иныя болѣзни. Почитаніе ключей и колодець даетъ начало такъ называемымъ „прощаламъ“. Проща — это ключъ или колодець обыкновенно гдѣ-нибудь въ лѣсу или надъ болотомъ. Сдѣлавшись почему-либо предметомъ почитанія, такое мѣсто привлекаетъ къ себѣ многихъ поклонниковъ, каждый изъ которыхъ оставляетъ на прощѣ свое послѣднее приношеніе — полотенце, пасму льна; дѣвушки кладутъ ленточки, или обвязываютъ ими срубъ колодца; деньги бросаютъ обыкновенно въ воду. Въ такихъ мѣстахъ вскорѣ появляется крестъ, ставятъ иконы, выстраиваютъ часовенку и приглашаютъ въ извѣстные дни духовенство служить молебень. Всѣ приношенія, дѣлаемые прощѣ, поступаютъ вслѣдствіе этого въ пользу причта ближайшей церкви. Камни тоже составляютъ предметъ почитанія. Такимъ почитаніемъ пользуются обыкновенно камни, отличающіеся величиной и какими-нибудь особенностями, въ которыхъ крестьяне распознаютъ или человѣческую фигуру, или слѣды человѣческой ноги. Бѣлорусскі вѣрятъ, что такіе камни иногда обладаютъ сверхъестественными свойствами. Въ Могилевской губерніи разсказываютъ о камняхъ-кравцахъ (кравецъ — портоя): стоить положить съ вечера на этотъ камень сушко и сказать ему, что надо сшить, а къ утру одежда будетъ уже готова. Нѣкоторые камни пользуются почитаніемъ и привлекаютъ къ себѣ поклонниковъ. Въ Игуменскомъ уѣздѣ близъ села *Пережича* находится два камня на разстояніи другъ отъ друга около ста сажень; одинъ изъ нихъ называется *Демьянъ*, другой — *Марья*. Еще въ недавнее время на поклоненіе къ этимъ камнямъ стекался людъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, потому что ходили слухи о многихъ исцѣленіяхъ. Весьма понятно, что согласно основному складу жизни бѣлорусскі съ особеннымъ почтеніемъ относятся къ землѣ и къ ея производительнымъ силамъ. При переселеніяхъ крестьяне берутъ съ собою узелокъ земли „для здоровья спользительна. Переѣдешь въ другую сторонушку чужую — тамъ иныя климаты, тамъ и вода для нашего брата большую уражду можетъ дѣлать, а какъ выпнать родной земельки въ воду, такъ никакая земля тебѣ ничемъ“ — объясняютъ смоленскіе мужики. Отсюда происходитъ и почитаніе *хлѣба*. Крошить хлѣбъ, сорить имъ — большой грѣхъ: всякую крошку хлѣба, упавшую на полъ, слѣдуетъ непременно поднять. Во всѣхъ бѣлорусскихъ обрядахъ хлѣбъ въ разныхъ видахъ играетъ весьма почетную роль, и во всѣхъ этихъ обрядахъ сказывается почитаніе хлѣба, какъ символа производительной силы земли Таковы, напр., обряды, выполняемые во время рождественскихъ святокъ, и въ особенности свадебный ритуалъ. Центральнымъ моментомъ свадебнаго обряда является печеніе каравая; пѣсни, которыя поются въ это время, выполняемые тогда-же обряды, наконецъ изобра-

женія изъ тѣста, дѣлаемыя на каравай, ясно указываютъ па то, что онъ является символомъ плодородія. Въ этомъ-же смыслѣ въ белорусскомъ быту есть множество обрядовъ, связанныхъ съ культомъ солнца и солнечныхъ божествъ.

Культъ *предковъ* оставилъ также весьма разнообразныя слѣды въ мировоззрѣніи белоруссовъ. Этотъ культъ наиболѣе рельефнымъ образомъ выразился въ почитаніи домового. Разказами о домовомъ, объ его палатахъ еще полно белорусское село. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей передаетъ разказъ крестьянина, который самъ будто-бы былъ очевидцемъ, какъ домовый являлся на „дзяды“ во время общаго ужина. Домового нетрудно видѣть; для этого, напр., слѣдуетъ на вечернѣ въ церкви взять зажженую свѣчу, принести ее горящею же домой и подняться съ нею на чердакъ. Тутъ будетъ лежать домовый въ видѣ собаки или голаго человѣка; надо прикрыть домового и, когда онъ спроситъ, что нужно, чистосердечно изложить ему свои нужды. Онъ постарается удовлетворить ихъ. По нѣкоторымъ указаніямъ, домовый живетъ подъ печкой, отчего онъ называется также *подпечникомъ*. Домового также называютъ *хатникомъ* или *господаремъ*. Этотъ господарь требуетъ къ себѣ почитенія. Чтобы снискать благоволеніе домового, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при закладкѣ новаго дома отрѣзываютъ пѣтуху голову и кладутъ ее подъ угловой камень. Во время „дзядоу“ для домового отливаютъ часть нищи. Если семья живетъ въ мирѣ съ „господаремъ“, то онъ вообще бываетъ для нея полезенъ, предупреждая объ угрожающемъ несчастіи, и вообще можетъ быть весьма полезнымъ. Передъ крупной бѣдой домовый въ полночь плачетъ и стонетъ. Когда нужно умиротворить домового, прибѣгаютъ къ его содѣйствію, во время домашней бѣды ему дѣлаютъ „относы“ — краху хлѣба съ солью, завязанной въ тряпочку; „относъ“ кладутъ на ворота, подъ повѣть, въ какую-нибудь печку печурку. „Относы“ домовымъ дѣлаются и въ нѣкоторые праздники. Хозяинъ, принеся „относы“, становится на колѣни и обращается съ молитвой къ домовому. Вотъ, напр., такая молитва, записанная въ Смоленской губ.: „Хозяинъ-батюшка, частный домовый! Хозяюшка-матушка, частная домовая! Вотъ я вамъ хлѣбъ-соль принесъ — примите. Можить іонъ сказалъ глупыя слова, можить іонъ (больной) васъ унизиу, можить іонъ призвеу ничистоту у хлѣва. Праститя яму! Примитя хлѣбъ-соль и биргитя статокъ и надворья“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ домовыхъ приглашаютъ во время заговѣвъ и поминальной вечера къ общему столу: „Даръ-домовой, царица-домовица, съ малыми дѣтками милости просимъ съ нами заговѣять“. Вообще вся усадьба въ представленіяхъ белорусса является мѣстопробываніемъ различныхъ духовъ. Такъ, въ хлѣвахъ и конюшняхъ живетъ *эльманикъ*; это тотъ-же домовый, но живущій въ сараѣ. Если хозяинъ или хозяйка не умѣютъ съ нимъ ладить, то онъ можетъ принести много бѣдъ: заѣздить лошадей,

отнять молоко у коровъ и т. д. Въ банѣ живетъ особый духъ — *банникъ*. На гумнѣ — *гуменикъ*, *свинокъ* (въ овнѣ), или *осетникъ*. Для знающаго хозяина свинокъ очень полезенъ. Онъ подметаетъ гумно, отъ него зависятъ увеличить количество вымолота изъ сноповъ и т. д. Всѣ свои работы уседные духи дѣлаютъ по ночамъ и скрываются, какъ только запоетъ пѣтухъ.

Усадьбные духи, если и понападаютъ иногда, въ общемъ отличаются благорасположеніемъ къ хозяину. Но за чертой усадьбной осѣдлости уже начинается дѣятельность злыхъ духовъ, съ которыми трудно ладить крестьянину. Глухой лѣсъ, мрачный въ плохую погоду, ревущій и стонущій во время бури, является мѣстопробываніемъ *лысовика*. Это ужасное существо, громаднаго роста, съ необычайно сильнымъ голосомъ и съ ярко-блещущими глазами. Человѣкъ боится встрѣчи съ лѣсовикомъ, такъ какъ онъ или нападаетъ, или даже задушитъ. Иногда лѣсовикъ не позволяетъ даже вѣхать въ лѣсъ; останавливается при встрѣчѣ съ нимъ лошади, да такъ и стоитъ до разсвѣта. Лѣсовика можно замѣтить въ лѣсу по громадной тѣни. Лѣсовикъ кричитъ, какъ ночныя птицы, воетъ, какъ звѣри, или плачетъ, какъ ребенокъ. У лѣсныхъ есть жены; это души загубленныхъ лѣснымъ дѣвухекъ, которые прокляты были родителями, или подняли на нихъ руку; онѣ „хитаются“, то есть качаются на вѣтвяхъ деревьевъ. Лѣсовики иногда вступаютъ въ сношенія съ людьми.

Водяникъ живетъ въ рѣкахъ и озерахъ, въ особенности возлѣ мельницъ подъ шлюзами и въ омутахъ рѣкъ. Водяные похищаютъ людей, понавившихся имъ. Похищенные водянымъ мужичны становятся такими-же водяными, а женщины — русалками. Мельники, по общераспространенному мнѣнію, водятся съ водяными. Водяной — царь надъ водой и рыбой. Его нѣкоторые даже видѣли; онъ „кашлатый“ (косматый), съ большой бородой и зелеными волосами. Водяной однако не все время живетъ въ водѣ, такъ какъ его гоняетъ Богъ. Такъ, до Крещенія водяной сидитъ въ водѣ, а потомъ переходитъ въ лозу, отчего и называется лозникомъ, потомъ онъ переходитъ на сушу, въ прибрежную траву и только постѣ Спаса снова попадетъ въ воду.

И лѣшій и водяной — все это разновидности нечистой силы. Вообще нечистая сила представляется белоруссамъ въ самыхъ разнообразныхъ и очень рельефныхъ видахъ. Что-бы не предпринимать белоруссъ, куда-бы онъ не отправлялся, вездѣ и всегда онъ долженъ опасаться присутствія невѣдомой для него, но страшной силы. Представителями ея являются „начисциги“, черти. Белоруссы очень хорошо знакомы съ чортомъ, знаютъ доподлинно всѣ проявленія его дѣятельности и способы борьбы съ нимъ. Белорусскія представленія не знаютъ величественнаго образа сатаны; белорусскій чортъ вообще мелкобравчатый. По воззрѣнію белорусса, на дѣлѣ неприступной трисины воссѣдаетъ старшій чортъ и оттуда разсылаетъ под-

власныхъ ему чертей дѣлать зло людямъ. Черти живутъ въ болотѣ, и въ каждомъ болотѣ есть свой старшій чортъ и подчиненные ему младше. Чортъ имѣетъ неблесный образъ: съ виду онъ черный, косматый, на голови имѣетъ два небольшихъ рожка, на ногахъ и рукахъ — острые когти, сади — хвостъ. Впрочемъ чортъ можетъ принимать всевозможные виды. Чорта не трудно увидѣть; стоитъ, напр., во время сильного вихря плынуть три раза и сказать: „чортъ, чортъ, покажи хвостъ“; тогда можно замѣтить вертичагося и производящаго вихрь „начиска“. Черти женятся, имѣютъ дѣтей и живутъ семьями. Когда подымается вихрь, бѣлорусъ убѣжденъ, что это ѣдетъ чортова свадьба. Черти живутъ обществами, любятъ сходбища и музыку. Чортъ не прочь также вступить въ связь и съ женщиной, но отъ такой связи рождаются разные уроды. Чортъ все дѣлаетъ для того, чтобы получить душу человѣка. Дѣлаетъ это онъ при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Въ церкви чортъ сидитъ на окнѣ и записываетъ смѣшанныхъ и разговаривающихъ; записи ведутся на воловьей шкурѣ. Чортъ иногда является человѣку въ разныхъ видахъ и не прочь подшутить надъ нимъ. Впрочемъ сообразительный мужикъ можетъ пугать чорта и самъ надъ нимъ посмѣяться. Вотъ какой, напр., по этому поводу передаютъ рассказъ. Одинъ путникъ разложивъ надъ болотомъ огонь и сталъ на немъ поджаривать на веретелѣ сало; поджарить сало, помажетъ имъ хлѣбъ и ѣсть. Высочилъ чортъ изъ болота, поймалъ лягушку и сталъ ее поджаривать: поджаритъ лягушку и смажетъ ею хлѣбъ путника. Последнй разсердился и сунулъ чорту сало въ зубы такъ, что у чорта зубъ выпалъ. Отъ страха чортъ бросился въ болото, но „старшій“ прогналъ его изъ болота. Вышелъ чортъ на берегъ и началъ страдать путника: будетъ тебѣ за то, что ты у меня зубы повывилъ. Но человѣкъ пригрозилъ, что отъ него всемъ чертямъ хорошенько достанется. Побѣждалъ черенокъ въ болото, рассказалъ объ угрозахъ „старшему“, но тотъ приказалъ чорту примириться съ путникомъ. Чортъ не помирился, ушелъ изъ болота поселился подъ мельницей и сталъ поргить ставъ.

Вообще бѣлорусъ олицетворяетъ всякую бѣду, всякое несчастье. Оттого и болѣзни онъ представляетъ себѣ въ видѣ злыхъ существъ, духовъ, которые вселяются въ человѣка. Такъ, *подый* (параличъ) производитъ тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. *Лихорадка*, столь обычная въ болотистомъ Полѣсьѣ, представляетъ бѣлорусу въ образѣ злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка выходитъ весной изъ-подъ земли и пашается повсюду, пока не наткнется на кого-нибудь, спящаго на весеннемъ солнышкѣ. Она подкрадывается къ спящему, иѣдуетъ его и тогда уже не разстается съ нимъ. Оттого бѣлорусы избѣгаютъ весной спать на открытомъ воздухѣ. Лихорадку можно выпгнать изъ человѣка такими средствами, которыхъ она не любитъ. Для этого, напр., даютъ пить настой изъ полыни; есть и на-

ружное средство отъ лихорадки: напр., носить на шеѣ освященное пасхальное яйцо, пока оно не высохнетъ. Лихорадку и другія болѣзни, можно обмануть. Про одного больного рассказываютъ, что онъ, ожидая въ урочный часъ свою неотвязчивую гостью, притворился умершимъ, легъ подъ образами, роднымъ приказалъ плакать и мѣряться; пришла лихорадка, повѣрила и ушла. Лихорадку можно иногда и испугать, напр., ружейнымъ выстрѣломъ надъ больнымъ, такъ какъ лихорадка большая трусиха. Другія болѣзни тоже поражаютъ человѣка, являясь въ видѣ духовъ. Въ особенности много рассказовъ ходитъ о холерѣ. Холера является въ село въ образѣ женщины, мужчины или черной коровы. Рассказываютъ, что когда въ одномъ селѣ люди начали умирать отъ холеры, то крестьяне сосѣдняго села рѣшили не пустить къ себѣ непрошенную гостью и устроили караулъ. Разъ ночью караульщики увидѣли, что изъ пораженного болѣзью села пробирается черная корова. Крестьяне убили ее, и съ тѣхъ поръ болѣзнь прекратилась во всей округѣ. Вообще о холерѣ ходитъ очень много самыхъ разнообразныхъ рассказовъ.

Смерть въ воображеніи бѣлоруса также представляется въ видѣ особаго существа. Смерть „душитъ людей“; однако она поражаетъ не тѣхъ, кого хочетъ, но того, кого назначаетъ Богъ. Есть множество примѣтъ, по которымъ можно узнать приближеніе смерти. Напр., станеть трещать потопленная печь съ тѣвой стороны — умереть хозяинъ, затрещитъ съ правой — умереть хозяйнн; запоетъ курица иѣтухомъ — непременно въ домѣ долженъ быть покойникъ. Бѣлорусы не имѣютъ сколько-нибудь отчетливаго представленія о загробной жизни, но зато они знаютъ много рассказовъ о мертвецахъ и ихъ явленіяхъ живымъ людямъ. Тѣло покойника, находясь въ землѣ, по представленію бѣлоруса, сохраняетъ свою чувственность. Поэтому не слѣдуетъ ложиться на могилу оттого, что можно придавить покойника и нарушить его покой. Не слѣдуетъ также разворять могилы, потому что покойники будутъ являться во снѣ и требовать, чтобы разрозненныя части ихъ скелета снова были сложены вмѣстѣ. Если умершему на томъ свѣтѣ жинется плохо, то онъ является живымъ родственникамъ, чтобы тѣ оказали ему помощь, т. е. помолились бы за него. По покойномъ не слѣдуетъ много плакать, потому что покойникъ всюду носить съ собой высканная надъ нимъ слезы; не слѣдуетъ поэтому отгонять его ноши. Рассказываютъ, что одна мать очень плакала по своей дочери и хотѣла ее непременно видѣть. Ей посоветовали забраться въ церковь ночью въ день празднованія Всѣхъ Святыхъ. Ровно въ полночь мать увидѣла свою дочь, которая съ трудомъ тащила за собой полную бочку вылаканныхъ слезъ. Съ тѣхъ поръ мать перестала оплакивать дочь.

Повиленіе обыкновеннаго мертвеца рѣдко приносить живымъ людямъ какое-нибудь несчастье: человѣкъ отдѣляется только испугомъ. Гораздо

страшнѣ появленіе съ того свѣта „вупора“; въ видѣ упыри приходятъ по ночамъ покойники, которые въ жизни занимались колдовствомъ. Тѣло такихъ покойниковъ не разлагается, почему и легко узнать упыри, если открыть его могилу. Появляясь по ночамъ въ домѣ, упыри причиняютъ зло людямъ. Иногда впрочемъ упыри являются по ночамъ къ себѣ домой и выполняютъ разныя домашнія работы. Чтобы избавиться отъ этихъ посѣщеній, надо вскрыть могилу упыри, отсѣчь ему голову, а въ спину вбить осиновый коль.

Говоря о различныхъ вѣрованіяхъ бѣлорусса, надо отмѣтить еще одно очень распространенное — вѣру въ оборотничество. Бѣлорусъ твердо убѣжденъ въ томъ, что человекъ можетъ превратиться въ какое-нибудь другое существо; есть „заклятые“ люди, которые обратились въ камни; колдуны могутъ прикидываться различными животными, но тверже всего и наиболѣе распространена вѣра въ превращеніе людей въ волковъ. Бѣлорусъ очень отчетливо представляетъ себѣ этого рода оборотничество, настолько отчетливо, что нетрудно встрѣтиться съ крестьяниномъ, который можетъ вамъ поразсказать о *вовулакахъ* со словъ какого-нибудь лица, будто-бы бывшего оборотнемъ. Въ одномъ сборникѣ бѣлорусскихъ разсказовъ передается, напр., слѣдующій наивный разсказъ. Разсказчикъ-крестьянинъ говоритъ, что будто-бы лѣтъ пять тому назадъ онъ встрѣтился на дорогѣ, въ лѣсу со страшнымъ-престрашнымъ человекѣмъ, съ покосившимися глазами. Разсказчикъ спрашиваетъ его: „отчего ты, человекѣ, такой „поврежденный“? — „Да, братъ, будешь „поврежденный“, когда нѣсколько лѣтъ побѣгаешь волкомъ.“ — „Да, развѣ ты боролъ вовулакомъ?“ Спутники зашли въ сосѣдній кабачокъ и бывший оборотень разсказалъ о своемъ несчастьи.

Поссорился онъ со своей сосѣдкой, такъ какъ, укладывая крышу на свое гумно, бросилъ нечаянно въ сосѣдскій огородъ нѣсколько сноповъ и поломалъ конопид. Поссорились изъ-за этого, повздорили, и сосѣдка пообѣщала за это отплатить. Черезъ недѣлю поѣхалъ разсказчикъ съ кумомъ на мельницу. На обратномъ пути стали пасти лошадей. Судьбалось ему тошно, нудно и захотѣлось непременно пролѣзть черезъ хомутъ. Пролѣзъ, сталъ волкомъ и побѣжалъ. Три года бѣгалъ волкомъ одинъ, а на четвертый былъ наконецъ принятъ волками въ ихъ сообщество и сталъ вмѣстѣ съ ними бѣгать. Разъ „апостоль Юрій“ приказалъ имъ съѣсть рабочаго коня, такъ запахъ предназначеннаго животнаго слышенъ былъ волкамъ верстъ за сто. Бѣжали они за этимъ конемъ сто верстъ, а другихъ не трогали, потому-что не приказано было. Съѣли коня и такъ наѣлись, что цѣлую недѣлю ѣсть не хотѣли. Въ другой разъ захотѣлось волкамъ ѣсть. Волки послали въ стадо разсказчика. Онъ подкрался и похитилъ поросенка. Вдругъ его окрикнулъ пастухъ: „эй ты, что-же ты взялъ безъ спросу?“ Такъ разсказчикъ и сталъ и ни съ мѣста, вокругъ него — яма. Волки кричатъ: „бросай да убѣ-

гай“. Пришелъ пастухъ и сказалъ: „кинь“. Разсказчикъ бросилъ, а пастухъ взялъ пугу (пастушескій влугъ), перегнулъ ее нѣсколько разъ и ударилъ его двѣнадцать разъ. Стѣла съ разсказчика волчья шкура, и онъ сдѣлался человекомъ, только „повраждонѣ“ видомъ.

Въ этомъ наивномъ разсказѣ сосредоточена полная теорія бѣлорусса объ оборотничествѣ. Изъ него-же видно, что это суевѣріе поддерживается въ народній средѣ проходимцами, которые за рюмку водки охотно выдаютъ себя за бывшихъ вовулаковъ.

Оборотничество бываетъ добровольное и недобровольное. Чаровникъ, если ему нужно, можетъ на время превратиться въ волка. Для этого колдунъ отыскивается въ лѣсу осиновый пенъ, на которомъ при рубкѣ не положено крестнаго знаменія, хватаетъ зубами за его край и черезъ голову перекидываетъ на противоположную сторону пня. Иные прибѣгаютъ къ другимъ способамъ. Когда такому оборотню надо превратиться въ человекъ, онъ подходитъ къ тому мѣсту съ противоположной стороны и продѣлываетъ тоже самое. Но въ большинствѣ случаевъ оборотничество является слѣдствіемъ дурного человекъ-чаровника. Иногда-же оно происходитъ вслѣдствіемъ заклятія, произнесеннаго въ лихую годину. Чародѣй чаще всего прибѣгаетъ къ заклятію свадебнаго поѣзда, отчего сваты наблюдаютъ, чтобы не обидѣть въ время свадьбы сосѣднаго знахаря. Въ Бѣлоруссіи ходитъ много разсказовъ о превращеніи чародѣями цѣлыхъ свадебныхъ поѣздовъ. Превращенные въ вовулаковъ поѣзжане съ жалобнымъ воемъ спрыгиваютъ съ возовъ и убѣгаютъ въ сосѣдній лѣсъ. По однимъ разсказамъ, вовулаки живутъ совсѣмъ по-волчьи, по другимъ, — избѣгаютъ мясной пищи, въ особенности несъѣдобныхъ животныхъ. Утромъ они умываются, проводя мордой по росистой травѣ, и даже въ осеннюю пору разгребаютъ землю вслѣдствіе привычки къ пахотѣ. Оборотни всегда заговариваются на известное количество лѣтъ, и никто не обладаетъ средствомъ сократить этотъ срокъ, даже самые сильные чародѣи. Тутъ можетъ помочь только случайность, напр., окрикъ какого-нибудь человекъ, произнесенный въ подходящее время, или же самъ вовулакъ случайно прошигнетъ подъ дугой перваго экипажа того поѣзда, который былъ заговоренъ, и т. п.

Итакъ бѣлорусъ окруженъ множествомъ всевозможныхъ опасностей. Олицетворяя болѣзни и всякое зло, представляя себѣ природу, населенную разнообразными духами, болѣею частью враждебно относящуюся къ человеку, имѣя такихъ же духовъ въ собственной усадьбѣ и даже въ хатѣ, бѣлорусъ оказался-бы въ крайне затруднительномъ положеніи, если-бы онъ по многимъ признакамъ не предугадывалъ грядущаго несчастья, если-бы онъ не зналъ признаковъ дѣятельности того или другого духа, если-бы онъ наконецъ не умѣлъ заранѣе принять соотвѣствующихъ мѣръ. Но есть цѣлый рядъ способовъ предотвратить несчастье, перехитрить лѣшаго-чорта, ту

или иную болѣзнь и т. д. Тутъ главнымъ образомъ надо самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить за всякаго рода примѣтами и остерегаться во-время; если примѣты предвѣщаютъ какое-либо зло, надо распознать, отъ кого оно исходитъ. Если несчастье уже случилось, есть рядъ способовъ отъ него избавиться, но при этомъ опять-таки надо знать не только средства, но и виновника несчастья.

Бѣлорусъ очень суеверенъ и обладаетъ очень обширнымъ и сложнымъ кодексомъ примѣтъ и средствъ для предотвращения несчастій. Онъ истоянно насторожѣнъ. Прежде всего человѣкъ можетъ предвидѣть будущее при посредствѣ сновидѣній. Толкованіе сновъ играетъ большую роль. Оно основано или на созвучіи словъ (напр., видѣть муку — предстоитъ мѣка, видѣть снѣгъ — предстоитъ смѣхъ), или на сходствѣ внѣшнихъ признаковъ (напр., ягоды, горюхъ во снѣ предвѣщаютъ слезы, блинъ — письмо), или на противоположеніи признаковъ различныхъ понятій (видѣть ангела нехорошо, видѣть бѣса — къ добру, видѣть гостей — мертвецъ будетъ). Иногда толкованіе сновъ повторяетъ собою примѣты и повѣрья.

Бѣлорусъ также вѣритъ въ лихую годину, отчего избѣгаетъ говорить о здоровьѣ своемъ или близкихъ людей, вообще о какомъ-либо благополучіи; а если и говоритъ, то снѣшивать сдѣлать оговорку: „не у гетымъ часи, не у гетымъ рази“. Остерегающъ накликать на себя бѣду, бѣлорусъ боится сглазу — „уроковъ“, „суроцовъ“. Особенно часто сглазу подвергаются дѣти и беременныя женщины, почему и тѣхъ и другихъ очень берегутъ. Порча отъ „суроцовъ“ сосредоточивается главнымъ образомъ въ головѣ и груди; поэтому матери высасываютъ болѣзнь дѣтей: ежедневно по три раза высасываютъ глазъ и грудь противъ сердца.

Есть множество средствъ для того, чтобы узнать порчу; для этого, напр., съ банной каменки снимаютъ три раскаленные камня — съ вершины, середины и снизу — и бросаютъ въ ведро съ водой. Если верхній камень шипитъ больше другихъ, то дитя „осушено“ мужчиной; если шипитъ больше нижній — женщиной; средній — не опредѣляетъ пола. Есть возможность предотвратить себя отъ сглазу, для чего носить въ львѣй полѣ платья воткнутую острѣмъ вверхъ иголку, толченую соль въ шейномъ платкѣ и т. д.

Для всякаго положенія человѣка, для всякаго случая въ жизни существуетъ рядъ примѣтъ и средствъ для того, чтобы предотвратить несчастье или достигнуть желаемого. Жизнь ребенка еще до рожденія и послѣ обставлена длиннымъ рядомъ всевозможныхъ предостереженій. Нечего и говорить о томъ, что вопросъ о бракѣ и сама свадебная церемонія также необыкновенно богаты примѣтами. Кто хочетъ имѣть красивую жену, тотъ долженъ опоясываться двумя поясами втеченіе трехъ насхальныхъ дней. Для дѣвушки, желающей пораньше выйти замужъ, въ народѣ хранится богатый запасъ средствъ, которыми можно этого достигнуть, и примѣтъ, по кото-

рымъ можно предугадать. Достаточно великъ запасъ средствъ для приворачиванія любимаго или любимой. Во время свадьбы опытные сваты и свахи узнаютъ все подробности будущей жизни молодой четы и принимаютъ рядъ предосторожностей противъ порчи молодыхъ.

И вообще въ жизни надо остерегаться неосторожныхъ дѣйствій, которыя могутъ повлечь за собою большее или меньшее несчастье, въ особенности болѣзни. Не слѣдуетъ наступать босыми ногами на метлу потому, что могутъ появиться судороги въ ногахъ; не слѣдуетъ вертѣть шапку на кулакѣ потому, что будетъ болѣть голова; когда пьешь болотную воду, надо помянуть Моисея, и тогда грязная вода не будетъ вредна; очень полезно носить въ карманѣ „четверговую“ соль, что помогаетъ отъ боли въ животѣ; надо избѣгать употребленія въ пищу почки и мозгъ животных; отъ первыхъ человѣкъ не растетъ, отъ вторыхъ — глупѣетъ. Есть множество и другихъ примѣтъ. Разными дѣйствіями предотвращается отъ сосѣдняго пожара нагая дѣвушка или молодуха оббѣгаетъ трижды съ полной крынкой молока вокругъ горящаго строения и бросаетъ крынку въ огонь. Свотъ подвергается всевозможнымъ чарамъ, почему также уходитъ за скотомъ обставленъ цѣлымъ рядомъ дѣйствій, имѣющихъ цѣлью предотвратить несчастье, ублажить хлѣвника, предотвратить чары и т. д.

Вообще бѣлорусъ главнымъ образомъ обращаетъ свое вниманіе именно на предотвращеніе тѣхъ или другихъ несчастій, или на то, чтобы добиться въ томъ или иномъ успѣха. Охотникъ умѣетъ заговаривать ружье, мельникъ умѣетъ ладить съ воданымъ, львничій — съ льшымъ, обыкновенный хозяинъ — съ домовымъ; воръ обладаетъ рукой убитаго имъ человѣка, или свѣчей, вытопленной изъ жиру убитаго; шинкаръ постарается добыть хоть кусокъ веревки, на которой повѣсился человѣкъ. Все это забота о будущемъ.

Теперь посмотримъ, какъ бѣлорусъ борется съ уже надвинувшейся бѣдой. Для этого существуетъ множество средствъ, известныхъ всякому обыкновенному смертному. Если болѣзнь или что-либо иное произошло отъ домового, то хозяинъ дома знаетъ, какъ его ублажить. Противъ болѣзней есть множество ходячихъ средствъ. Вѣдьмо можно вылѣчить печенымъ яйцомъ; на большой зубъ надо положить кусочекъ мыла, которымъ обмыли умершаго, или надо съѣсть мышиные хлѣбные огрызки; отъ желтухи помогаетъ питье отвара изъ клоповъ; желудочная боль унимается, если кто-нибудь подуеетъ на животъ больного; боль въ синигъ прекращается, если больной ляжетъ у порога и кто-нибудь черезъ него переступить. Такъ какъ болѣзнь — духъ, то его можно выгнать изъ больного разными чисто механическими дѣйствіями: напр., положивъ больного у порога животомъ къ низу, надо трижды подпрыгнуть на его синигъ; иногда прибѣгаютъ къ катанію

больного, ставят горшки на живот; последнее дѣлается такимъ образомъ: на животъ больного кладутъ дощечки или корку хлѣба, зажигаютъ на ней пучекъ льна и прикрываютъ горшкомъ; въ данномъ случаѣ происходитъ то-же, что и при ставленіи розкоя.

Не всегда однако блорусы знаютъ средство отъ болѣзней или отъ иной бѣды. Тогда онъ обращается къ людямъ свѣдущимъ, каковыми являются *знахари, вѣдѣмаки, знахарки* и *вѣдѣмьы*. Въ Бѣлорусіи очень много лицъ, свѣдущихъ въ тѣхъ или иныхъ сферахъ колдовства. Мелкія чары могутъ навести очень многие; они же могутъ и помочь въ неважныхъ случаяхъ. Но такіе вѣдуны не имѣютъ большого значенія, такъ какъ рядомъ съ этимъ существуетъ профессиональное колдовство. Такіе чаровники часто пользуются славой, выходящей далеко за предѣлы села или волости. Они обыкновенно бываютъ весьма необщительны, живутъ особнякомъ; большею частью это мельники или лѣсники по профессіи, иногда рыболовы. Окрестные крестьяне выказываютъ очень большой почетъ къ такимъ вѣдмакамъ и даже въ разговорахъ между собою избѣгаютъ назвать ихъ чаровниками, боясь мести. Чародѣйство — очень старое явленіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и уже свидѣтельства XVI—XVII вѣковъ говорятъ о многихъ процессахъ по преслѣдованію вѣдмъ и чародѣевъ. Тогда ихъ усердно ловили и казнили, добываясь пытками признанія. Вотъ любопытное показаніе половины XVIII столѣтія — письмо управляющаго имѣніемъ графа Тышкевича къ своему пану: „Ясневельможный панъ! Съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія съелъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальные — нѣтъ. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третья тоже лѣтъ пятидесяти, да къ тому же однанадцать дней онѣ все просидѣли у меня подъ чаномъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рознь въ духъ мѣстахъ заломана. Я собираю теперь съ десяти костеловъ святую воду и буду на ней варить кисель: говорить, непременно все колдуньи придѣдутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа!“

Профессиональное вѣдмачество не дается даромъ. Чаровникъ—служатель нечистой силы; онъ отдаетъ душу чорту и отъ него получаетъ свои силы и знаніе. Вѣдмачество передается отъ одного вѣдмака къ другому. Передача эта бываетъ обыкновенно на смертномъ одрѣ: вѣдмакъ напечатываетъ воду и даетъ ее испить своему преемнику; иногда сила и знаніе вѣдмака заключаются въ особой книгѣ, которая, по увѣренію блорусовъ, лежитъ гдѣ-нибудь подъ камнемъ въ глухомъ лѣсу. Получивъ отъ вѣдмака соответствующее указаніе, его преемникъ долженъ найти эту книгу и проспать въ данномъ мѣстѣ ночь, положивъ книгу подъ голову; послѣ этого книга опять кладется на мѣсто, а новый вѣдмакъ приобретаетъ всю силу своего учителя.

Сила чаровника заключается въ томъ, что онъ знаетъ все чары, кото-

торыя могутъ принести человѣку добро и зло. Настоящій „вѣляки вѣдмакъ“ умѣетъ не только сдѣлать зло, но и исправить сдѣланное. Вѣдмака можно и узнать. Для этого надо припрятать кусочекъ сыра, который ѣдятъ на заговѣнахъ предъ Великимъ постомъ, и носить этотъ сыръ въ мѣшечкѣ подъ мышкой втеченіе Великаго поста. Во время пасхальной заутрени, когда священникъ будетъ провозглашать: „Христосъ воскресъ“, надо за помощъ говорить: „у меня сыръ есть“. Тогда все вѣдмаки будутъ просить сыра, но давать его имъ не слѣдуетъ. Нѣкоторые вѣдмаки обладаютъ умѣніемъ понимать разговоръ животныхъ и птицъ; для этого они ѣдятъ соусъ изъ ужеваго мяса. Одни вѣдмаки бываютъ сильнѣе въ своихъ чарахъ, другіе—слабѣе. Иногда вѣдмаки мѣрились своей силой. Вотъ одинъ такой разговоръ. Женился однажды въ селѣ солдатъ. Въ томъ-же селѣ жилъ великій вѣдмакъ; все звали его на свадьбы, а солдатъ не поизвалъ. Когда ѣхалъ свадебный поѣздъ, вѣдмакъ превратилъ участниковъ его въ вовкулаговъ. Солдатъ оказался еще болѣе сильнымъ въ чарахъ: махнулъ платкомъ—исѣ снова сдѣлался людьми, а у вѣдмака на голоѣ выросли рога. На свадьбѣ все просили солдата, чтобы онъ простилъ своего врага. Тотъ простилъ и пригласилъ его къ себѣ на свадьбу. На свадьбѣ снова заспорили чаровники и стали пробовать свою силу.

Вѣдмаки лѣчатъ различныя болѣзни обыкновенно посредствомъ напентыванія надъ водкой или водой. Примѣниваютъ иногда въ воду порошки и настои изъ травъ. Обыкновенно они отпускаютъ длинные ногти для того, чтобы удобно было носить подъ ними порошокъ, который они незаметно бросаютъ въ пищу или питье. Чары можно производить не только надъ тѣми предметами и лицами, которымъ хотятъ сдѣлать вредъ, но также и надъ тѣми, которые имѣютъ съ первыми какое-либо соотношеніе или соприкосновеніе; очень многія чары производятся надъ слѣдомъ человѣка, для чего берутъ землю изъ-подъ лѣвой пяты слѣда, скатываютъ ее въ шарикъ и затѣмъ превращаютъ въ порошокъ. Для очарованія скота чаровники стараются достать ключекъ шерсти отъ скота, того хозяина которому хотятъ принести вредъ. Порча хлѣба производится при посредствѣ „заломовъ“ и „завитковъ“; они дѣлаются въ ржи и пшеницѣ около времени Ивана Купала, когда хлѣбъ наливаются. Переломанная въ трехъ или четырехъ пучкахъ рожь или пшеница перевивается красной шелковой ленточкой или ниточкой, причѣмъ произносятся заговоры. Если крестьянинъ нашелъ у себя въ хлѣбѣ заломъ (осмотрительные хозяева дѣлаютъ обходъ своихъ полей послѣ Купальскаго дня), то приглашаютъ священника отслужить молебенъ и тогда вырываютъ съ корнемъ заломъ.

Въ Бѣлорусіи ходитъ масса разсказовъ о вѣдмакахъ. Бѣлорусы увѣрены, что вѣдмы находятся въ любовной связи съ чортомъ, отъ котораго онѣ узнаютъ таинственные свойства нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ; въ кореньямъ онѣ

подмѣшивают порошок или жидкость изъ вывареннаго лисичьяго сердца или кошачьей печени. Когда вѣдьма выплеть добытую ею чудесную жидкость, она дѣлается легкой, невидимою и можетъ носиться по воздуху. Вѣдьмы слетаются на таинственное бѣсовское игрище или шабашы, которые бывають ночью гдѣ-нибудь на высокой горѣ; холмы, вершины которыхъ покрыты пескомъ и лишены крупной растительности — „лысыя горы, — считаются именно такими горами, на которыя слетаются вѣдьмы. Главный шабашъ вѣдьмъ бываетъ въ самую бурную ночь между Ильинымъ и Успеневымъ днями; эта ночь известна подъ названіемъ воробьиной или рябиновой.

Если при жизни вѣдьма и вѣдьмакъ пользуются почетомъ и достаткомъ, которые доставляетъ имъ ихъ ремесло, то зато бѣлорусы вѣрятъ, что смерть чародѣя бываетъ очень мучительна: нечистая сила не хочетъ выйти изъ его тѣла, а когда выходитъ, то присутствующіе замѣчаютъ быстро убгающее животное въ видѣ свиньи, поросенка или курицы. Такъ какъ крестьяне на косякахъ дверей и оконъ выжигаютъ кресты свѣчю, принесенной съ вечерни въ чистый четвергъ, то душа чародѣя не можетъ выйти черезъ окна и двери; поэтому для облегченія предсмертныхъ мукъ раскрываютъ потолокъ въ избѣ надъ ложемъ умирающаго или просверливаютъ дыры въ стѣнѣ. При кончинѣ чародѣевъ и погребеніи ихъ обыкновенно свирѣпствуютъ страшная буря; чтобы унять ее, надо на дно вырытой могилы опустить осиновый крестъ.

Все предъидущее изложеніе ясно показываетъ, чѣмъ занято воображеніе бѣлоруса и чтó составляетъ сущность его мировоззрѣнія. Послѣ этого можно не удивляться, что религиозный горизонтъ бѣлоруса очень не широкъ; легко также предвидѣть, что и религиозныя представленія подверглись сильному влиянію суевѣрій. Космогоническія представленія бѣлорусовъ носятъ отпечатокъ странной смѣси библейскихъ сказаній и народной фантазіи. Во всѣхъ разсказахъ о происхожденіи міра фигурируютъ два существа — Богъ и дьяволъ; Богъ сдѣлалъ для человѣка полезныя предметы, напр., равнину, хлѣбныя злаки, дѣлѣбныя травы, полезныхъ животныхъ; дьяволъ создалъ горы, сорныя растенія и вредныхъ животныхъ. Богъ вдунулъ въ человѣка добрую душу, а чортъ — злую, отчего человѣкъ склоненъ дѣлать зло. Богъ въ представленіи бѣлоруса является добрымъ старикомъ, который когда-то ходилъ по землѣ, дѣлая добро хорошимъ людемъ и наказывая дурныхъ. Не всѣ узнавали Бога и потому не всѣ оказывали ему услуги; поэтому однихъ онъ наказывалъ, а жизнь другихъ дѣлалъ счастливою.

Напримѣръ, по одному разсказу, Богъ шель дорогой и увидѣлъ бабу, которая жала жито. Богъ попросилъ бабу показать ему дорогу, но та отказалась за недоугомъ; за это Богъ сдѣлалъ такъ, что она никогда не могла управиться въ работѣ. Дальше встрѣтилъ Богъ мужика за сохою; погово-

рили оба; мужикъ попотчивалъ Бога нюхательнымъ табакомъ и показалъ ему дорогу. И Богъ сдѣлалъ такъ, что мужикъ всегда сталъ управляться съ работою.

Бѣлорусы не всегда твердятъ въ вопросѣ о количествѣ верховныхъ божествъ. Одинъ изслѣдователь, г. Романовъ, занесъ въ свой сборникъ такой отвѣтъ крестьянина по этому поводу: „Богъ его знаетъ, сколько есть боговъ. Главный, надо полагать, одинъ, а Иисусъ Христосъ сынъ его. Духъ Святой — это уже не Богъ — это Духъ Божій“. Апостолы и праздники, по понятіямъ бѣлорусовъ, — тоже боги, но меньшіе; каждый изъ нихъ чѣмъ-нибудь завѣдуетъ: Илья завѣдуетъ громомъ, св. Юрій завѣдуетъ вѣтриями и скотомъ, св. Фроль — лошадьми, отчего ему лошади и „святкуютъ“, т. е. празднуютъ, св. Николай — нивами, Кузьма-Демьянъ — „ковальскій богъ“ и т. д. Представленіе о Богѣ и свитыхъ отличаются реализмомъ. Такъ, со своими просьбами женщины обращаются преимущественно къ Божіей Матери и женскимъ свитымъ. Интересенъ, напр., такой разсказъ. Встрѣчаетъ одна соседка другую и спрашиваетъ: „куда ты идешь, кума?“ — „А вотъ я иду въ костель закупить мшу (обѣдни) на своего „лютаря“ (равнозначаще слову Каинъ, причѣмъ подразумѣвается мужъ). „Такъ ты, кума, смотри, не опшибься, не купи мши на Пана Іезуса: они мужичны всѣ одинаковы — другъ за друга, какъ жидъ за жидомъ, тинуть“. Смотри не опшибься и купи мшу Маткѣ Божьей“.

Святые, по понятіямъ бѣлорусовъ, ходили по землѣ и являлись людемъ въ человѣческомъ образѣ. Въ отношеніяхъ другъ къ другу святые не чужды чисто человѣческихъ недостатковъ. Ходили когда-то по землѣ Микола съ Юрьемъ. Встрѣчаютъ они мужичка на пашнѣ, поздоровались съ нимъ и сказали: „Богъ на помощь“. Мужикъ отвѣтилъ. Пошли дальше святые и заспорили о томъ, кому изъ нихъ мужикъ „здравствуй даль“. Поспоривъ, они снова вернулись къ мужику и спросили его. Мужикъ подумалъ, да и говорить: „Ну, конечно, этому старому“ (т. е. Миколѣ). Тогда св. Юрій сталъ насмѣлять на мужика всякія бѣды, потому что разсердился на него, а св. Микола сталъ предохранять его отъ бѣдъ, насылаемыхъ Юрьемъ. Долго такъ пробовали они свою силу надъ мужичкомъ. Наконецъ Юрій такъ разсердился, что рѣшилъ сечь весь дворъ мужика со всѣмъ его добромъ. И тутъ помогъ св. Микола, научивъ мужика поставить въ Юрьевъ осенній день св. Юрію самую большую свѣчу, св. Миколѣ — меньшую, а всѣмъ свитымъ — самую маленькую.

Бѣлорусы считаютъ праздники не отвѣченными понятіемъ, но олицетворяетъ и ихъ. Праздникъ самъ наказываетъ виновнаго за нарушение своей святости. Бѣлорусская женщина никогда не засидится за работою поздно вечеромъ въ субботу, потому что боится наказанія отъ „святой недѣльки“. По этому поводу ходитъ множество разсказовъ, напр., о томъ, какъ „святая

педьлька“ испугала засидѣвшуюся въ субботу вечеромъ бабу, прокатившись по хатѣ „трупай головой“ и т. д.

Итакъ, все міровоззрѣніе бѣлорусса проникнуто чертами, въ которыхъ самымъ причудливымъ образомъ языческія вѣрованія переплелись съ христіанскими: на представленіяхъ бѣлоруса отразились очень древнія черты языческихъ вѣрованій и понятій; съ другой стороны сказывается и воздѣйствіе средневѣковаго литературнаго репертуара, напр., апокрифовъ, духовныхъ стиховъ и пр. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени еще далеко не выяснено какъ наличное богатство бѣлорусскихъ вѣрованій, такъ и ихъ происхожденіе. Но то, что сказано по этому поводу, далеко еще не представляетъ всего запаса пережитковъ глубокой старины, которые сохранились среди населенія. Отголоски языческихъ воззрѣній на божество, иногда очень отчетливыя черты языческихъ божествъ не менѣе рельефно сказываются въ обрядахъ бѣлорускаго крестьянства. Бѣлоруссъ съ большимъ почтеніемъ относится къ обряду; для него обрядъ—это актъ священнодѣйствія, установленный предками, освященный вѣками и потому требующій къ себѣ уваженія и точнаго выполненія. Школа и заносы изъ города, вліяніе церкви, очень сильное въ послѣднее время, не могутъ окончательно побороть привычки къ выполненію обрядовъ, достигая лишь того, что обряды выполняются съ сокращеніями и со стороны молодежи не всегда серьезно. Въ самомъ дѣлѣ жизнь бѣлоруса изо дня въ день обставлена извѣстными обрядностями. Кругъ обрядовъ двоякаго рода: обряды сопровождаютъ бѣлоруса отъ рожденія, даже еще до появленія на свѣтъ, и свою многотрудную жизнь бѣлоруссъ оканчиваетъ среди сложнаго ритуала, совершаемаго его близкими; и послѣ смерти родные будутъ совершать обряды, посвященные покойникамъ. Это одинъ кругъ обрядовой жизни. Но рядомъ съ нимъ существуетъ и другой; это годичный обрядовой кругъ. Онъ выполняется изъ года въ годъ. Въ немъ отразилась трудовая жизнь бѣлоруса, такъ какъ, по существу, годовые обряды являются пережитками аграрнаго культа; даже игры молодежи втиснуты въ общій строй обрядовой жизни и являются такою-же частью обряда.

Въ сказанномъ легко убѣдиться изъ бѣлаго знакомства съ обрядовой стороной бѣлорускаго деревни. Сначала мы разскажемъ о трехъ важнѣйшихъ обрядахъ, сопровождающихъ жизнь бѣлоруса, именно объ обрядахъ при рожденіи ребенка, свадьбѣ и похоронахъ.

Народное суевѣріе обставляетъ будущую мать дѣльмъ рядомъ предписаній, при посредствѣ которыхъ стараются обезпечить здоровье ребенка. Нѣкоторыя изъ такихъ предписаній по существу могли-бы быть даны въ дѣльяхъ гигиены, но, конечно, объясненіе ихъ и выполненіе отличаются суевѣріемъ. Народный взглядъ боится „урока“, слгаза; это его основная точка зрѣнія. Такъ, беременная женщина должна избѣгать встрѣчь съ медвѣдемъ

или волкомъ, потому-что вслѣдствіе испуга младенецъ можетъ родиться съ плъшью, „лашкой“ на головѣ, съ шерстью дикаго звѣря, наконецъ съ лапами вмѣсто рукъ. Беременной женщиנѣ не слѣдуетъ выходить на пожары, потому-что если она отъ испуга схватится за какую-нибудь часть своего тѣла, то ребенокъ родится съ большимъ краснымъ пятномъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. Нельзя ничего перерубать топоромъ на порогѣ вблизи кровати беременной, потому-что у дитяти будетъ разсѣчено ухо или ротъ, или оно родится съ шестью пальцами на одной изъ конечностей. Въ этомъ родѣ длинный рядъ предписаній оберегаетъ будущаго младенца. Когда приходитъ время родовъ, женщина поступаетъ въ полное распоряженіе бабьи-повитухи. Повитуха въ селѣ пользуется большимъ почетомъ; она-же является дѣтскимъ врачомъ, потому-что знаетъ, какія дѣтскія болѣзни происходятъ отъ слгазу, и знаетъ отъ болѣзней заговора и другія средства. Бабкой можетъ быть женщина, уже переставшая рожать, и наилучшей считается та, у которой дѣтей было много, и они не умирали. Ремесло деревенской бабки, за которое обыкновенно берутся бѣдныя женщины, бобылки, почти всегда соединяется съ мелкимъ знахарствомъ. Присутствіе повитухи по существу очень мало облегчаетъ больную, такъ какъ средства, которыми она обладаетъ, заключаются въ наговорахъ и разныхъ символическихъ дѣйствіяхъ; нѣкоторыя прибѣгаютъ еще къ кое-какимъ снадобьямъ изъ травъ, но употребленіе ихъ не всегда счастливо кончается. Появленіе новорожденнаго также обставляется бабкой разными заговорами и дѣйствіями. При купаніи ребенка въ корыто кладутъ нѣсколько кусочковъ хлѣба, соли и щетку изъ свиной шерсти. Родильницу (по мѣстному „породуху“) усердно посѣщаютъ сосѣдки, приносятъ ей различные кушанья. На третій день послѣ родовъ бываютъ „взливки“ или „узвары“, для чего приготавливаютъ закуску, водку и созываютъ гостей преимущественно женщинъ. Послѣ хорошей выпивки подгулявшая бабка садится въ сани или на возъ, остальные-же бабы берутся за оглобли и везутъ повитуху въ корчму. Бабка подгоняетъ ихъ длинной хворостиною. Поднимается шумъ, пьяный бабій крикъ, сопровождаемый смѣхомъ, понуканіемъ и остротами. Въ корчмѣ продолжается пьянство. Послѣ обряда крещенія, который бываетъ въ церкви или на дому у священника, въ домѣ родителей собираются гости. Послѣ угощенія подается „бабина каша“, которую она приноситъ съ собой. Послѣ шутиваго предложенія бабки отвѣдать ея каши присутствующіе кладутъ монеты въ горшокъ. Деньги поступаютъ бабкѣ. Загѣмъ породуха даритъ кумовьевъ и бабку. Обряды при крещеніи сопровождаются многочисленными пѣснями, въ которыхъ сыплются остроты по адресу „породухи“, бабки и въ особенности кума и кумы.

Очень интересенъ свадебный обрядъ. Родители жениха, остановивъ свой выборъ на невестѣ, иногда, наведя окольными путями предваритель-

ныя справки насчет согласия родителей дѣвушки, приглашаютъ сватовъ. Эту почетную обязанность обыкновенно выполняютъ родственники жениха, люди почтеннаго возраста и по возможности уважаемые въ семьѣ. Немало бываетъ выпито водки во время предварительныхъ совѣтовъ родителей жениха со сватами. Совѣщанія ведутся не о выборѣ невесты, но о порядкѣ свадебнаго обряда, приглашенія гостей, о будущихъ расходахъ и т. п. Когда опредѣлится день, въ который рѣшится отправляться „въ сваты“ (наиболѣе благоприятнымъ днемъ считается воскресенье), тогда предварительно угощаютъ сватовъ и производятъ цѣлый рядъ гаданій, чтобы убѣдиться, насколько благоприятенъ день. Со сватами или со сватомъ отправляется обыкновенно и отецъ жениха; съ собою они берутъ бутылку водки и краюху хлѣба. Сваты, прїѣхавъ или придя къ дому невесты, становятся подъ окномъ и говорятъ: „Пустите, люди добрые, на ночь!“— „Здоровеньки были, идите въ хату!“— отвѣчаютъ имъ. Войдя въ избу, сваты ставятъ на столъ бутылку съ водкой и кладутъ краюху хлѣба. Послѣ предварительныхъ разговоровъ о постороннихъ предметахъ, старшій изъ сватовъ спрашиваетъ у родителей невесты: нѣтъ ли у нихъ телушки для продажи, на что имъ отвѣчаютъ, что продали бы, если бы были купцы. Такой отвѣтъ считается благоприятнымъ, и завязывается дѣловой разговоръ. Между сватаньемъ и свадьбой бывають еще „запоины“. На нихъ присутствуютъ женихъ и невеста и приглашаются наиболѣе солидные изъ родственниковъ обѣихъ сторонъ. За выпивкой (водку пьютъ ложками изъ общей чашки) ведутъ переговоры о бракѣ, порядкѣ свадьбы и т. д. Въ концѣ попойки невеста даритъ сватамъ, отцу жениха и самому жениху полотенца. Въ промежутокъ между „запоинами“ или „змовинами“ и днемъ свадьбы, когда вдутъ приготовления, подруги невесты собираются у нея, проводя время въ угощеніи и въ пѣніи пѣсенъ. Въ этихъ пѣсняхъ изображается грусть молодой дѣвушки, которой приходится оставлять отчий домъ и идти къ чужимъ отцу и матери; невеста, сдѣлавшись молодой, навсегда разстанется съ прежней веселой жизнью, съ подругами; она не покажется уже на деревенскомъ игрищѣ, въ пляскѣ, на деревенской вечеринкѣ; у нея будетъ суровой мужъ, злая свекровь. Пѣсни спрашиваютъ невесту, о чемъ она горюетъ, почему она проливаетъ горькія слезы: не плачетъ-ли она потому, что ей жаль разстаться со старикомъ-отцомъ, со старухой-матерью, съ роднымъ подворьемъ? Но не объ этомъ горюетъ невеста: она оплакиваетъ свою русую косу „да дѣвопкою красу“. На огородѣ мята, макъ и другія „краски“ (цвѣты) заросли лебедью; почему-же дѣвушка ихъ не полетѣ, почему не полетѣтъ себѣ вѣнка? Теперь ей уже не до цвѣтовъ, потому-что прїѣхалъ женихъ. Дѣйствительно, бѣлорусская дѣвушка, начиная со „змовинъ“, много плачетъ; если она выходитъ замужъ и по любви, то все-таки, по традиціи, она оплакиваетъ свое „дѣвоцтво“.

Церковное вѣчаніе не играетъ существенной роли среди „выселія“; иногда оно даже совершается за недѣлю до выполненія свадебнаго обряда, и молодые въ эти дни каждый живетъ у своихъ родителей. При вѣчаніи и при слѣдованіи въ церковь и обратно дружки только заботятся о выполнении разныхъ символическихъ дѣйствій для того, чтобы уберечь молодую чету отъ чаръ. Богатія свадьбы справляются такимъ образомъ, что сначала пиръ происходитъ отдѣльно въ домѣ жениха и въ домѣ невесты, и только вечеромъ женихъ со своей дружиною отправляется въ домъ невесты. Вообще свадебный обрядъ допускаетъ нѣкоторые варианты, хотя главнѣйшіе моменты его, какъ напр. посадъ невесты, караванный обрядъ и нѣкоторые другіе, строго выполняются. Вотъ, напр., въ краткихъ чертахъ описаніе обряда, практикуемаго въ южной части Рѣчичкаго уѣзда. Здѣсь „выселіе“ совершается послѣ вѣчанія черезъ нѣсколько дней. Утромъ, въ день, назначенный для „выселія“, женихъ со своею дружиною закусываютъ. Послѣ закуски родители благословляютъ его вмѣстѣ съ дружиною (называемой бо-арами) и отправляются за невестой. При выходѣ поютъ:

Иванку matka родзила,
У дарогу выпраўдзала;
Мѣсяцамъ абгардзала,
Зароу падляразала:
Бѣзъ, дзцяц, раджоное,
На свае суджоное!

На дворѣ у невесты ихъ уже ожидаютъ. Здѣсь стоитъ столъ, покрытый скатертью, на немъ стоитъ чашка и лежитъ ложка. Дружина съ шумомъ подъѣзжаетъ къ воротамъ; ихъ сначала не пускають, торгуются, но наконецъ выпускають. Отецъ жениха наливаетъ полную чашку водкой, а дружокъ изъ ложки угощаетъ всѣхъ присутствующихъ. Хоръ поетъ:

Чій, чій каравай выше?
Чіе дзяцятко краше?
Нашъ, нашъ каравай выше!
Наше дзяцятко краше!

Угощеніе происходитъ очень торжественно и чинно. Но чинность прерывается вдругъ тѣмъ, что одна изъ свахъ въ вывернутомъ тулупѣ обѣгаетъ всю толпу и скрывается въ сѣни. Молодежь гоняется за нею съ хлыстами и кнутами.

Послѣ этого совершается весьма важная церемонія. Женихъ со своею матерью и дружиною подходитъ къ сѣнечнымъ дверямъ избы. Въ сѣняхъ за порогомъ сидятъ невеста, ея мать и дѣвушки. Обѣ матери имѣють въ рукахъ восковыя свѣчи. Когда сойдутся оба хора, поютъ:

А чій коўн, а чій коўнъ.
По загаряду бѣгае (2).
Да капыцяхкомъ, да капыцяхкомъ

приходя въ домъ невѣсты, ведутъ сначала торгъ о продажѣ имъ телушки. Друзья не пускаютъ жениха въ домъ, требуя отъ него выкупа за невѣсту. Въ пѣсняхъ женихъ и его дружина изображаются воинами, которые всѣмъ полкомъ идуть на теста, воюютъ съ нимъ и силою отнимаютъ дѣвчину. Когда женихъ является въ домъ тестя, его сначала не пускаютъ, и женихова дружина собирается разломать ворота. Даже такой обрядъ, какъ расчесываніе дѣвичьей косы и одѣваніе женскаго головного убора, не является случайнымъ: похищенная женщина — раба своего господина почему и не можетъ носить такого головного убора, какой носятъ свободные люди; поэтому молодой и одѣваютъ женскій головной уборъ, расплетая косу — признакъ дѣвчести (у другихъ народовъ замужнія женщины брѣютъ голову, какъ это дѣлалось въ древнѣйшее время и по отношенію къ рабамъ).

Это — бытовые черты. Но свадебный ритуалъ представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и религиозный актъ. Земледѣлецъ совершаетъ обряды, которыми онъ желаетъ умножить божества, способствующія плодородію въ семьѣ, въ скотѣ, въ хлѣбѣ. Онъ тѣсно связанъ съ душами предковъ и совершаетъ обряды въ ихъ честь. Молодые съ обрядами и пѣснями обходятся вокругъ стола, поклоняются нечи, домашнему очагу. Въ этихъ обрядахъ отразилось почитаніе предковъ. Молодую сажаютъ на посадъ, т. е. на кашаню, покрываютъ тулупомъ шерстью вверхъ: этимъ желаютъ снискать у божествъ богатство и плодородіе (въ народномъ представленіи — мохнатый — богатый, плодородный). Нечего и говорить, что караванный обрядъ представляетъ собою священнодѣйствіе аграрному божеству: караванъ есть олицетвореніе самого божества, которому поклоняются и которое желаютъ умножить. Однимъ словомъ въ бѣлорусскомъ свадебномъ обрядѣ отразились очень древніе черты вѣрованій и быта.

Теперь перейдемъ къ *похоронному обряду* (похороны по бѣлорусски называются „хатуры“). Погребальные обряды открываютъ передъ нами несма интересныя черты крестьянскаго быта; отъ нихъ вѣтъ сѣдо старинно, въ нихъ мы находимъ прекрасное подтвержденіе обычаямъ нашихъ предковъ, о которыхъ имѣемъ лишь неясныя указанія въ историческихъ источникахъ. Смерть встрѣчаетъ бѣлорусскій крестьянинъ безстрашно и покорно, съ поистинѣ рѣдкою твердостью духа. Объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ наблюдатели. Завѣщаніе дѣлается обыкновенно устно, причемъ умирающій съ поразительными подробностями дѣлаетъ свои распоряженія, въ которыхъ онъ не забываетъ упомянуть малѣйшихъ обстоятельствъ настоящей и будущей жизни оставляемыхъ имъ близкихъ людей. Большею частью тутъ же дѣлаются и указанія на обстановку предстоящаго погребенія. Многие въ среднемъ возрастѣ запасаются „смертной рубахой“, а нѣкоторые — „домовемъ“, т. е. гробомъ, за много лѣтъ до смерти. Когда наступаетъ послѣднія агонія, умирающему даютъ въ руки „громническую“

или „страстную“ свѣчу, освященную въ страстной четвергъ. Въ домѣ воцаряется полная тишина, необходимая (по увѣренію крестьянъ) для того, чтобы душа спокойной рассталась съ тѣломъ. Какъ только въ тѣлѣ незамѣтно никакихъ признаковъ жизни, въ домѣ поднимаются общій плачъ. Но нужно „обряжать“ покойника. Кто-нибудь изъ старшихъ раскладываетъ огонь, грѣетъ воду, а между тѣмъ призываются сосѣди или знакомые, которые моютъ и одѣваютъ покойника: мужчины — мужчину, а женщины — женщину. Домашніе и родственники во все время пребыванія покойника въ домѣ не предпринимаютъ никакихъ работъ. Гробъ дѣлаютъ также знакомые, или же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лица, которыхъ считаютъ своею обязанностью дѣлать гробы и вообще помогать домашнимъ въ погребеніи. Обыкновенно они дѣлаютъ все даромъ, считая свое дѣло христіанскою обязанностью. Покойника въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ моютъ на соломѣ, головою къ востоку. Солома эта сжигается гдѣ-либо на перекресткѣ. Вообще воду, употребленную на омовеніе, выливаютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никто не ходитъ. Лицамъ, мывшимъ покойника, непременно даютъ выпить водки, иначе покойникъ не будетъ „пріять имъ“. Одѣваютъ покойника въ чистое лѣтнее платье, ноги обуваютъ въ лапти и рѣдко въ сапоги, а голову обертываютъ красной матеріей или одѣваютъ шапку, иногда же кладутъ ее въ гробъ, смотря по мѣстности. Дѣвушку и парня одѣваютъ какъ въ вѣнцу.

Когда покойника обрядили, его кладутъ на лавку подъ образами такъ, чтобы входящему въ избу голова приходилась по лѣвую руку, а ноги по правую, или же мужчину — по правую руку отъ входа, женщину — по лѣвую. На „покутъ“ у изголовья кладутъ кусокъ ржанаго хлѣба, но чаще зажигаютъ свѣчу, вставивъ ее въ насыпанную чучку овса или ржи. Какъ только покойникъ обряженъ, кто-либо изъ старшихъ членовъ семьи отправляется въ церковь, чтобы оттуда забрать „прочесъ“, т. е. крестъ и хоругви (въ Витебской губ. въ прежнее время употреблялся еще и колокольчикъ, которымъ звонили во время хода похоронной процессіи); при этомъ онъ извѣщаетъ причтъ и даетъ „на трезвонъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ приглашается кто-либо изъ причта или изъ грамотныхъ крестьянъ для чтенія псалтыри — „псалтырникъ“, который и читаетъ псалмы до погребенія у богатыхъ, или хотъ нѣсколько времени у бѣдныхъ. Одновременно извѣщаются родственники и знакомые о постигшемъ семью бѣдствіи и приглашаются на поминальный обѣдъ.

Между тѣмъ родные и знакомые изо всей деревни одинъ за другимъ сходятся отдать послѣдній долгъ покойнику — помолиться, что почти всякій считаетъ своею обязанностью. Женщины выражаютъ свою скорбь плачемъ, голошеніями и причитаніями, причемъ особенно усердствуютъ родственницы и люди, близкіе къ покойнику. Женщины голосятъ поочередно, одна за другой: наплакавшись вволю, голосица отходитъ къ толпѣ, ей мѣсто зани-

масть другая и т. д. Причитания, которые говорятся при этом, представляют глубокий интерес. В них описывается горе семьи, которую покидает отец, мать или взрослый работник, указывается тяжелое положение вдовы и т. д.; мать в словах, исполненных невыразимой горечи, оплакивает потерю дорогого, любимого дитяти; пересчитываются все хорошие стороны характера умершего, его отношения к семье, соседям, наконец привычки и т. п. Вообще эти причитания полны трагизма. Нужно заметить, что они не представляют собою, повидимому, уже готовых, вполне законченных произведений народного творчества, которые, как песни, повторяли бы плакальщицы. Тогда конечно такой искусственной постановкой для нарушался бы истинный, неподдельный трагизм. Плакальщицы знают очевидно лишь схему причитания при известных случаях, общия места их, но сами варьируют частности, почему от богатства фантазии и талантливости плачущей зависит форма самого причитания. По этой же причине они разнообразны до бесконечности. В приготовлениях домашних, в посещенных и голошениях родных и знакомых, чтеши псалтыри время проходит до погребения. Погребают обыкновенно на второй или третий день. Особенно интересно последнее выправление покойника из дому. В этой части похоронного обряда наиболее отражаются остатки чисто языческих вѣрований народа. Так, в некоторых местах окуривают гроб травами, свяшенными 24 июня, или в Верное воскресенье, или же кладут такие травы под подушку. В Новогрудском у. гроб обматывают несколько раз ярко-красной ниткой. Почти повсеместно кладут в гроб любимые предметы покойника: если он был плотник—топор, если особенно хорошо шлея лапти—недоплетенный лапоть и т. д. Бывают даже случаи, когда просят у священника позволения положить скрипку,—предмет особенно дорогой для покойного; если покойный курил табак или нюхал, кладут в гроб люльку (трубку) или табакерку. Кроме того встречаются указания на то, что в гроб кладут хлѣб, соль, пиво, водку и пр. Еще оригинальнее следующее. В Новогрудском и Игуменском уу. Минской губ. на голову надвѣвают шапку и в руки дают платок, чтобы покойник не встрѣтился на томъ свѣтѣ со знакомыми с непокрытой головой и голыми руками; в карманъ кладут мѣдную монету, чтобы покойник могъ купить себѣ место на томъ свѣтѣ. Монету бросают также и в могилу, если тамъ находят кости раньше погребенныхъ людей, чтобы новый покойник могъ купить себѣ место среди них, иначе раньше погребенные будутъ его гнать. А в одномъ случаѣ мы встрѣчаемъ рассказ, что в гробъ положили мыло, оставшееся отъ омовения, и срѣзанные при этомъ ногти; послѣдніе будто бы нужны для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ лѣстницу для восхождения на небо. В Горещкомъ у. Могилевской губ. кладутъ еще восковую свѣчу для освѣщенія пути во время слѣдованія на

страшный судъ. Снарядивъ такимъ образомъ покойника, тѣло выносятъ. Существуетъ обычай выносить ногами вперед, иначе все въ домѣ перемерутъ. При выносѣ беременныя женщины уходятъ, потому что ожидаемый ребенокъ можетъ родиться блѣднымъ, какъ мертвецъ, или же мертвымъ.

Интересны обряды, съ которыми соединено желаніе, чтобы осиротѣвшая семья не нуждалась въ хлѣбѣ. Для этого при выносѣ кто-либо изъ родственниковъ или дѣлавшихъ гробъ посыпаетъ вслѣдъ гроба ячменемъ; или обсыпаетъ три раза присутствующихъ, или посыпаетъ хлѣбными зернами скамьи и полъ. Старшій въ домѣ тотчасъ по поднятій покойника садится на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, чтобы здѣсь сидѣли все живые. Покойника непременно берутъ на кладбище, хотя бы оно было и близко. При этомъ особеннымъ почетомъ пользуется везущая везущая гробъ лошадь. Вмѣсто ея ведутъ за полотно или кусокъ полотна. В Витебской губ. старшій въ домѣ цѣлуетъ ей копыта съ причитаніями. Предварительно ее кормятъ на дворѣ и впрягаютъ только за нѣсколько минутъ до выноса тѣла. Послѣ погребенія, на телѣ, на которой везли тѣло покойного, никто не ѣдетъ; она нѣкоторое время должна оставаться безъ употребленія, и ее непременно ставятъ оглоблями къ улицѣ, а не во дворъ. Лошадь расширяютъ на гумнѣ, гдѣ она остается, пока не явится надобность выполнить при ея помощи какой-либо хозяйственной работы. В Гродненской губ. кто-либо изъ старшихъ членовъ семьи при выносѣ наливаетъ в миску около гарнца чистой воды, всыпаетъ туда съ кварту овса и, обойдя три раза вокругъ запряженной лошади, обливая ее этой смѣсью.

Со двора печальная процессія отправляется на кладбище при всеобщемъ плачѣ и соответствующихъ причитаніяхъ родныхъ. Въ присутствіи священника голошенія происходятъ сдержаннѣе. Существуетъ обычай, что дочери садятся на гробъ и, прижмнувъ къ нему головами, плачутъ во все время пути. Когда процессія проходитъ по деревнѣ, хозяинъ дома, около котораго проходитъ процессія, выходитъ за ворота и набожно крестится; когда кто спитъ въ это время, его будятъ, а спящему ребенку кладутъ въ изголовье головную щетку, а въ ноги ножъ. Если провозятъ тѣло около дома, хозяинъ котораго жить не въ ладахъ съ покойнымъ, то онъ выходитъ изъ дому, если желаетъ простить, становится на колѣни и, взявъ немного в руку земли, потираетъ ею и говоритъ: „Добрый бы чловѣкъ. Дарую я табъ“.

Послѣ отгѣванія и засыпанія могилы все бывшее на похоронахъ возвращается обратно въ домъ. Хозяинъ дома и кто-либо изъ старшихъ входитъ первымъ, беретъ свѣчу, горѣвшую на „покутѣ“, ударяетъ ею крестообразно въ косякъ двери и бросаетъ ее наотмашь. Бабы собираютъ овесъ и бросаютъ его на мѣсто, никѣмъ не пираемое. Старшая же женщина, войдя въ хату, беретъ горбушку хлѣба и, скобля мѣдный грошь, говоритъ,

оборачиваясь къ двери: „дѣды, бацьки, матульки, дядухни, цетухны, при-
мице къ себѣ помершаго нашего бацюхну (или другого кого) и живеци та-
моги зъ имъ добре, не доспорце“; этимъ она включаетъ новопредставлен-
наго въ число умершихъ родичей. Когда всѣ собрались, начинается пох-
оронный обѣд, къ которому приглашаются всѣ присутствующіе.

Садятся за столъ по старшинству, причѣмъ дѣлавшіе гробъ занимаютъ
видное мѣсто. Причѣмъ, если онъ присутствуетъ, пользуется особымъ пред-
почтениемъ. Главную роль изъ блюдъ играетъ ячменная каша—„куцця“. Въ
нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ интересный обычай—приглашеніе
покойника къ обѣду. Такъ, въ Горечкомъ у. (Могилевской губ.) прису-
тствующіе трижды пробуютъ кутью, приглашая покойника: „хадзи кудцью
ѣсця“. Вообще вѣрованіе въ то, что послѣ смерти умершей не сразу остав-
ляется семью, весьма распространено. Такъ, въ Витебской губ. распростра-
нено вѣрованіе, что покойникъ въ продолженіе сорока дней является въ свой
и чужіе дома и можетъ наносить вредъ людямъ, съ которыми не дружилъ
при жизни. Въ Могилевской губ. обѣдъ образа ставятъ чарку съ водою, что-
бы покойникъ могъ прогнать „смагу“. А въ Выховскомъ у. той же губерній
полотенце, на которомъ вѣли лошадь, везшую его, въ продолженіе шести не-
дѣль разстилаютъ подъ образами на лавкѣ и на него ставятъ стаканъ съ
водою, которая каждый день мѣняется. Дни поминовения раздѣляются на
„трацины“ (третій день), „дзевяцины“ (девятый день), „сарачины“ (соро-
ковой), „паўгадка“ (полгода), „угодка“ (годъ по кончинѣ), затѣмъ „при-
кладзини“—добавочный день ко всѣмъ поминовениямъ. Достаточные стара-
ются во всѣ эти дни отслужить заупокойныя панихиды и литургии, менѣе
достаточные отслуживаютъ одну-двѣ. Но зато всякій день поминовения со-
провождается „жалобнымъ“ столомъ, къ которому приглашаются родствен-
ники, всѣ что-нибудь дѣлавшіе при погребеніи и священникъ. На „жалоб-
ный“ столъ печется „завдароўный“ хлѣбъ и варится „сыта“ (растворъ ме-
да); это необходимыя части стола. Если служится литургія, то часть куша-
ній несутъ въ церковь, а по окончаніи литургіи несутъ ихъ на могилу по-
минаемаго; „сыту“ несутъ послѣ литіи въ домъ священника, гдѣ и дѣлятъ
между присутствующими. Интересно и то, что есть обычай, по которому
кто-нибудь изъ родственниковъ постится съ утра отъ кануна дня помино-
венія до окончанія литургіи. Когда соберутся всѣ къ „жалобному“ столу,
священникъ благословляетъ „завдароўный“ хлѣбъ и первую частичку его
дастъ поштившемуся; затѣмъ одѣляетъ хлѣбомъ всѣхъ членовъ семьи по-
койнаго и даетъ по частичкѣ на каждую семью, участвовавшую на помни-
кахъ, а иногда и на каждую семью въ селѣ или въ деревнѣ.

Конечно обиліе „жалобнаго“ стола зависитъ отъ достатка семья умер-
шаго, а также отъ того, кто изъ членовъ семьи умретъ: поминки по дѣтямъ
и вообще младшимъ членамъ не отличаются особой торжественностью и

обиліемъ стола и происходить въ тѣсномъ кругу семьи и близкихъ род-
ственниковъ, но поминки по хозяйну и хозяйкѣ стараются, даже и бѣдные,
справлять по всей старинѣ.

Дни *обыча поминовения* покойниковъ, или „дзяды“, отличаются у бѣ-
лоруссовъ очень интересными особенностями. Всѣхъ „дзядоў“ въ нѣкото-
рыхъ мѣстностяхъ насчитываютъ четверо,—„четырадзяды“: суббота передъ
масляной недѣлей, предъ радоницей („радоўничное“), понедѣльникъ предъ
днемъ св. Троицы („траѣчнне“) и наканунѣ дня св. Николая („Микаѣла-
ўськне“). Каждые „дзяды“ сопровождаются обильнымъ ужиномъ; число
блюдъ должно быть не меньше девяти, обычно ихъ готовятъ больше. Всѣ
домашніе должны собраться въ домѣ къ этой вечерѣ; если кто въ отлучкѣ
то спѣшитъ домой. Интересъ „дзядоў“ заключается въ слѣдующихъ обря-
дахъ. Приготовивъ кушанья, всѣ сосуды съ ними ставятъ на припечкѣ или на
лавкѣ противъ печи. Затѣмъ хозяинъ зажигаетъ восковую свѣчу и ставитъ ее
передъ иконами, въ какой-нибудь сосудѣ кладетъ горячихъ угольевъ, бро-
саетъ туда нѣсколько кусочковъ воска и кадитъ трижды. Вся семья, по
указанію домохозяина, начинаетъ молиться; молитвы сопровождаются земными
поклонами. Начинается вечера—„дзядованне“. Во время нея хозяйинъ от-
кладываетъ на столъ по три кусочка или ложки каждаго блюда. По окон-
чаніи ужина свѣчи тушатся хлѣбною коркою или блиномъ. При столѣ на-
блюдаютъ, куда идетъ дымъ отъ потушенной свѣчи: если вверхъ, все бу-
детъ благополучно, если наклонно, и особенно въ двери,—въ семьѣ кто-
либо скоро умретъ. Затѣмъ хозяйка беретъ сосудъ съ остатками пищи и
разливаетъ ее на края стола. Остатки кушаній оставляютъ на столѣ до
утра: души покойниковъ, по крѣпкому убѣжденію народа, слетаются ночью
ужинать. Конечъ обряда заключается въ томъ, что хозяйинъ или хозяйка,
забравъ полную кружку воды, поливаютъ отъ стола до двери, причѣмъ го-
ворятъ: „Што не доѣли, не допили, то идзица на паперъ на дворъ“. Ду-
маютъ, что произнесеніемъ этихъ словъ удалить души изъ хаты до слѣ-
дующихъ „дзядоў“.

Перейдемъ теперь къ тому обрядовому кругу, которымъ начинается и
оканчивается крестьянскій годъ. Эти обряды начинаются *Рождествовскими*
Святками, когда закрома земледѣльца уже значительно уменьшились, и онъ
подумываетъ о будущемъ урожаѣ. Эти святки называются „калядоў“, „ка-
лядками“ и считаются съ вечера 24-го декабря до полудня 7-го января.
Обряды, выполняемые втеченіе коляды, весьма разнообразны и касаются
всего строя крестьянской жизни. Въ эти дни крестьяне три раза справля-
ютъ сочельникъ, который называютъ кутьею, именно вечеромъ 24 декабря,
годъ новый годъ (богатая кутья) и наканунѣ Крещенья (голодная кутья).
Главнымъ кушаньемъ во время кутьи является ячменная каша—кутья.
„Богатая кутья“ называется такъ потому, что она состоитъ изъ скоромныхъ

блюдь. Она также называется кутей «святого козлика», потому что козлик, когда Иисус Христос лежал въ ясляхъ, своими рожами бросалъ на него сѣно, — «штожь дзцятка на змерала»; поэтому и обращаются въ Васильевъ день, когда пьютъ водку: «святой козликъ, святой Василлейко, надзляи Боже здоровейкомъ». Голодная кутя бываетъ постной. Ужинъ въ каждую кутю отличается обиліемъ. Какъ передъужиномъ, такъ и послѣ него члены семьи занимаются гаданьемъ. Старшіе гадаютъ о будущемъ урожаѣ, совершаютъ обряды, вслѣдствіе которыхъ скотъ долженъ въ-время приходить съ пастбищъ домой, не отбиваясь отъ стада; выражается пожеланіе, чтобы хорошо росли огородныя овощи, сѣно. Послѣднее дѣлается такимъ образомъ: послѣ ужина всѣ отходятъ подалше отъ стола, хозяинъ садится за столъ, а противъ него садится жена. Мужъ спрашиваетъ: «бабо, чи бачишь ты мене?» — «Не бачу». — «Кабъ-же ты не бачила за гурками, за гарбузами, за капустою свѣту!» Молодежь гадаетъ о женихахъ и невѣстахъ. Вечеріе праздничныхъ вечеровъ молодежь ходитъ по домамъ съ пѣніемъ колядокъ, а также съ козой. Хожденіе съ козой состоитъ въ слѣдующемъ: въ первый день Рождества Христова вечеромъ собирается человѣкъ пять—десять молодыхъ мужчинъ, выбираютъ изъ среды своей дѣда и такъ называемую «козу»; этому послѣднему одѣваютъ сдѣланную изъ дерева или соломы голову съ рогами, подобную козляной, вывернутый полдубокъ и отправляются по деревнѣ съ колядой. Впереди шествуетъ «дѣдъ»; онъ же и спрашиваетъ разрѣшеніе у хозяевъ войти. Послѣдній встрѣчаетъ ихъ съ охотой. Колядники входятъ и начинаютъ пѣть колядку. Въ колядкѣ говорится объ обстоятельствахъ рожденія Спасителя. Пропѣвъ хоромъ передъ столомъ, становятся толпою около лавки; наконецъ изъ толпы выходитъ дѣдъ и велитъ козѣ поскакать да повеселитъ хозяевъ. Коза выходитъ, скачетъ, кланяется хозяину и хозяйкѣ, а въ это время поютъ хоромъ общезвѣстную пѣсню: «Го, го, коза, го, го, сива!» и т. д.

Послѣ пропѣнія колядокъ серьезнаго содержанія начинаютъ пѣть юмористическія колядки, которыя прерываются шутками и остротами дѣда (всегда большаго остряка) и остальныхъ, сопровождаемыя всеобщимъ смѣхомъ. Колядованіе заканчивается обращеніемъ колядниковъ къ хозяевамъ: «Да поклониси (поетъ козѣ) гаспадару, гасподини, штобъ нашу казу дай додарили: рашато ауса, на верхъ колбаса, рашато гречки на варенички».

Хозяйка выноситъ имъ хлѣбъ, крупу и кусокъ сала. Дѣдъ все это собираетъ, складываетъ въ мѣшокъ, благодаритъ хозяевъ, кланяется, и колядники удаляются дальше. Такимъ образомъ въ ночь они обходятъ всю деревню; свой сборъ обыкновенно продаютъ и собранныя деньги, руб. 5—12, отдають въ церковь. Въ нѣкоторыхъ приходкахъ этотъ обычай уже выведенъ вслѣдствіе усилій мѣстнаго духовенства. Кромѣ козы водятъ еще «медвѣдя»; переодѣтый медвѣдемъ паренъ выдѣлываетъ разныя штуки по приказанію

своего вожака. Хожденіе со звѣздой также весьма обычно. Наканунѣ новаго года съ колядой наибольшими группами ходятъ дѣвушки; содержаніе колядокъ, распѣваемыхъ ими, составляютъ надежды на будущій урожай и расхваливаніе красоты и удалства домашнихъ.

Кромѣ того въ колядные вечера молодежи обоого пола собирается на игрища и вечеринки. Есть нѣсколько специальныхъ игръ, напр., «женитьба Терешки», «Яцперъ» и др., которыя выполняются именно въ это время. Молодежь угощаетъ другъ друга на вырученныя хожденіемъ съ колядами деньги. Святочные игры, благодаря большому количеству выпиваемого вина и тому, что онѣ происходятъ по ночамъ, и наконецъ тому, что онѣ обыкновенно пародируютъ женитьбу, сопровождаются объясненіями, поцѣлуями и вообще весьма свободными отношеніями играющихъ. Пѣсни и пригвѣвки, которыя поются въ это время, перенасынены весьма грубыми, циничными остротами.

Масляница среди бѣлорусскихъ обрядовъ не играетъ большой роли, такъ же какъ и нѣкоторыя великопостные обычай. Празднованіе Пасхи сопровождается хожденіемъ «*волочбниковъ*». Собирается большая толпа крестьянъ во главѣ съ «починальникомъ» и отправляется по домамъ пѣть «волочбныя» пѣсни. Содержаніе этихъ пѣсней обыкновенно бываетъ таково. Въ нихъ разсказывается, что волочбники пришли къ честному мужу, къ богатому дому, и затѣмъ описывается богатство, которое они здѣсь увидѣли. Богатый, славный «гаспадаръ» славится своимъ дворомъ. Дворъ подметенъ павлиньимъ перомъ, золотымъ крыломъ. Въ избѣ стоятъ тесовые столы; столы застланы зеленою китайкою; на столахъ стоятъ серебряныя кубки; въ кубки налито зелено вино, черное пиво, да сладкій медъ. Въ «волочбныхъ» пѣсняхъ воспѣвается нива хозяина, желтѣющая густой рожью. Хлѣвы хозяина наполнены добрыми конями. Славному «гаспадару» помогаютъ св. Юрій, св. Илья и св. Николай. «Волочбныя» пѣсни также воспѣвають доблести дѣльныхъ членовъ семьи, хозяйки, дѣвушки, парня. Всѣ онѣ кончаются напоминаніемъ о томъ, что «волочбниковъ» надо одарить. Пасхальные праздники у бѣлоруссовъ кончаются «радовницей», справляемой во вторникъ на Оминой недѣлѣ. Все село высматриваетъ на кладбище, неся съ собою обильные запасы остатковъ пасхальнаго стола. Семья располагается вокругъ могилъ умершихъ родственниковъ. Часть принесенныхъ яствъ съѣдается тутъ-же; часть отдается нищимъ за помянаніе душъ усопшихъ. Въ этотъ день также служатъ панихиды. Къ вечеру на кладбищѣ обыкновенно раздаются голошенія женщинамъ по умершимъ.

Пасха своимъ «волочбничаніемъ» и «радовницей» стоитъ среди весеннихъ обрядовъ нѣсколько особнякомъ. Рядъ весеннихъ праздниковъ сопровождается кликаніемъ («гукаемъ») весны и пѣніемъ «веснянокъ». Первую веснянку поютъ 2-го февраля, затѣмъ прекращають пѣніе и возоб-

повляют его съ 9-го марта, когда зима съ лѣтомъ „сустракается“. Веснянки поютъ втеченіе всего весенняго времени до Купальскаго дня. Бѣлорусскія дѣвушки обладаютъ очень обширнымъ репертуаромъ весеннихъ пѣсенъ. По своему строю коротенькія весеннія пѣсенки отличаются отъ другихъ пѣсенъ тѣмъ, что въ серединѣ пѣсни имѣютъ припѣвы въ родѣ ауканья, что звучитъ очень красиво, когда пѣсни разнеситса надъ широкою гладью разлившейся рѣки или въ лѣсной чащѣ. Почти каждый вечеръ весною дѣвушки нѣсколькими группами выходятъ на берегъ рѣки или озера, или за деревню въ поле; когда одна группа пропоетъ одинъ куплетъ пѣсни, другая группа подхватываетъ и поетъ или другой куплетъ, или другую веснянку. Содержаніемъ весеннихъ пѣсенъ служатъ призывъ веснѣ, распускающаяся зелень; другой отдѣлъ веснянокъ говоритъ о „залетахъ“ молодого парня, козака къ дѣвушкѣ, или о сборахъ дѣвушки замужъ, о зломъ свекрѣ, о потерѣ мужъ и о потерѣ дѣвничьей косы. Пѣсни отличаются задумчивостью тона и тихой грустью, чему соответствуютъ музыкальные мотивы.

Пѣвнѣ веснянокъ прерывается нѣсколькими весенними обрядами, которые касаются или всего села, или же только одной молодежи. Общій весенній сельскій праздникъ—это *Юрьевъ день* (23 апрѣля). Св. Георгій считается покровителемъ лошадей и вообще рабочаго скота, который въ этотъ день обыкновенно выгоняютъ впервые на пашню. Въ Бѣлорусси также очень распространено представленіе о томъ, что св. Юрій „отмыкаетъ землю“. Уже наканунѣ Юрьева дня хозяинъ съ пастухомъ выгоняютъ скотъ изъ хлѣва такимъ образомъ: передъ хлѣвнымъ порогомъ стелятъ шубу шерстью вверхъ и заворачиваютъ въ нее кусокъ хлѣба и яйцо. Скотъ выгоняютъ такъ, чтобы онъ прошелъ по шубѣ; хлѣбъ и яйцо отдается пастуху. На утро, передъ выгономъ въ поле скота животнымъ вытираютъ подгрудокъ *страстной* или *обходной* свѣчами (обходная свѣча—та, которая горѣла въ церкви въ Срѣтеніе Господне). Затѣмъ хозяинъ и хозяйка окуриваютъ скотъ „евангельской“ травой (собираемой съ того мѣста, гдѣ во время крестнаго хода стоятъ священники при чтеніи Евангелія). Затѣмъ все село провожаетъ скотъ до выхода въ поле. Въ этотъ-же день хозяева обходятъ поля съ караваемъ и освященною вербою, причемъ въ пѣсняхъ выражается пожеланіе о томъ, чтобы св. Юрій „пустилъ роу“ и далъ теплое лѣто. Пастухи послѣ полдня также обходятъ скотъ съ зажженной головней, горстью соли и освященною водою; все это дѣлается для того, чтобы волки не хватали скота. Дѣвушки въ этотъ день „юрятся“, т. е. выбираютъ себѣ подругу на весь годъ.

Дни св. Троицы сопровождаются обрядами, въ которыхъ преимущественно принимаетъ участіе молодежь. Эта часть весеннихъ праздниковъ весьма интересна. Наканунѣ Троицна дня сбѣютъ коноплю. Это дѣлаютъ обыкновенно къ вечеру, такъ какъ послѣ посѣва конопли ничего нельзя

дѣлать—иначе конопля не будетъ удачна. Вечеромъ-же подь окнами ставятъ березки и украшаютъ зеленью внутренность избы; полъ посыпаютъ аиромъ (*Acogus salamus*). Въ самый Троицннъ день крестьяне приносятъ въ церковь пѣвты и травы для окропленія ихъ святою водою. Освященная въ этотъ день трава служитъ для окуриванія скота и избы передъ грозью. Дѣвушки послѣ полудня отправляются въ лѣсъ вить вѣнки. Онѣ украшаютъ себя вѣнками, сплетенными изъ любистка, аира, полыни, буквицы, изъ вѣточекъ березы и черемухи; всѣ эти растенія считаются чародѣйственными, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые употребляются при привораживаніи. Подойдя къ рѣкѣ, дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду, и чей вѣнокъ скорѣе приплыветъ къ берегу, та дѣвушка раньше другихъ выйдетъ замужъ; если вѣнокъ потонетъ, то обладательница его умретъ втеченіе года. На второй день св. Троицы дѣвушки, запасшись закуской и водкой, отправляются въ лѣсъ. Здѣсь онѣ принимаются съ пѣснями завивать вѣнки. Каждая дѣвушка выбираетъ двѣ небольшія березки и связываетъ верхушки ихъ въ видѣ вѣнка, затѣмъ съ пѣсней проходитъ подь этими вѣнками. Въ дѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣвушки выютъ вѣнки изъ березовыхъ вѣточекъ, сорванныхъ съ тѣхъ же березокъ, которые каждая дѣвушка связала, и съ пѣснями идутъ къ рѣкѣ гадать; въ другихъ же мѣстностяхъ дѣвушки пляшутъ и поютъ пѣсни вокругъ завитыхъ березокъ. Во всякомъ случаѣ завитыя березки остаются втеченіе недѣли; въ воскресенье дѣвушки приходятъ развивать вѣнокъ. Хорошей примѣтой считается, если березки къ тому времени не завянутъ. По выполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ дѣвушки поютъ пѣсни, въ которыхъ говорится о томъ, какъ красная дѣвица „покумилася, поголубилася съ бѣлою березонькой“; въ другихъ пѣсняхъ сравнивается ростъ и красота молодой березки съ ростомъ и красотой молодой дѣвицы, или говорится о томъ, что бѣлая кудрявая береза радуется, потому что красныя дѣвицы несутъ ей подарочки; за ними идутъ къ березкѣ съ подарочками старыя бабушки и старые старики; всѣ кланяются березѣ, потому что она бѣлая, кудрявая и моложавая. Пѣсни, съ которыми дѣвушки идутъ въ лѣсъ и обратно, говорятъ объ ожиданіи милой своего милаго.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлорусси сохранился еще одинъ любопытный обычай, пріурочиваемый къ Троицному дню. Этотъ обычай называется „кустомъ“. Послѣ обѣда собирается компанія дѣвушекъ, выбираетъ самую красивую, одѣваетъ ее въ болѣе нарядное платье, волосы украшаютъ множествомъ лентъ, на голову кладетъ большой вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и закрываетъ лицо бѣлою вуалью. Дѣвушки водятъ „кустѣ“ по деревнѣ, останавливаясь передъ каждымъ домомъ, и поютъ пѣсни. Въ пѣсняхъ встрѣчается припѣвъ: „гдѣ куста водили, тамъ шпенченна родила“.

Во многихъ мѣстностяхъ Бѣлорусси крестьяне вѣрятъ, что около Троицна дня изъ воды выходятъ на сушу русалки; выйдя изъ воды, онѣ

остаются на сушь в течение всего лета. Русалки днем ходят по полям и лесам, ночью же качаются на деревьях; крестьяне боятся встречи с русалками, потому что они могут защекотать человека. Особенно опасной является неделя, следующая за Троицкими днями, почему она и называется „русальной“. Девушки в течение этой недели собираются по вечерам и поют особые „русальные“ песни, а в последний вечер той-же недели девушки ходят в лес и вешают на деревья веники из цветов в надежде умиротворить русалок. В Речицком у. выполняют еще обряд провожания русалки. Этот обряд исполняется или в Петровские заговья, или в день Ивана Купала. Церемония эта происходит следующим образом: парни и девушки собираются в лесу и раскладывают несколько костров один за другим в ряд; выбирают одну из девушек, наиболее красивую, убирают ей голову венок из цветов и трав и ставь по обе стороны ее, поют песни. Украшенная цветами девушка называется „русалкой“. Пройдя несколько песен на месте, девушки вместе с русалкой удаляются к ручью. Здесь они поют и гадают, а затем русалка снимает с себя венок, вешает его на дерево, и вся компания возвращается к кострам. Здесь продолжают игры и песни.

Весенние праздники заканчиваются шумным Купальским вечером. Канун и день *Ивана Купала* справляются в разных местностях Белоруссии с различными вариациями. В Белоруссии очень распространено убеждение в том, что в таинственную ночь с 23 на 24 июня раздается папоротник; кто найдет этот красно-огненный цветок, тот будет обладать сверхъестественными о зарытых кладках. В эту ночь все деревья и животные разговаривают между собой. Разговор этот можно подслушать, много можно узнать из него и сделаться знахарем. Нечистой силе тоже очень много работы в этот день; она развешивает в Купальскую ночь на лошадах, почему крестьяне не выпускают лошадей в эту ночь на подножный корм. В эту ночь ведьма отнимает молоко у коров, принадлежащих неприязненным ей соседям, почему хозяйки принимают ряд мер против очарования скота. Вечером накануне Ивана Купала молодежь собирается около ржаного поля; здесь зажигают костры; молодежь распевает песни и прыгает через огонь. В некоторых местностях парни выходят группами в поле из села, причем во главе каждой группы шествует парен, несущий зажатое колесо (оно густо обмазывается смолой или дегтем) на высоком шесте. Поодаль от молодежи располагаются люди солидного возраста и проводят время в беседах. В Гомельском уезде к вечеру 24 июня приурочивается еще очень интересный русальский обряд. Девушки выходят из деревни, убирают из своей среды русалку и с песнями вьют веники. Самый большой венок одвывают на голову русалки; выбирают также маленькую девочку, которая

называется дочерью русалки, и в то же время деляют соломенное чучело на подобие человека. Когда все готово, русалка с распущенными волосами остается в одной сорочке, а если она пожелает, то раздвигается и доната. Русалка со своей дочерью становится во главе компании с песней: „Поведай я русалочку до бору, а сама вернусь до дому. Проведу русалочку и в темный бор, а сама пойду и в татков двор“. Добывав до поля, раскладывают большой костер, бросают в него соломенное чучело, прыгают вокруг костра и поют купальские песни.

За Иваном Купалой следует ряд обрядов, относящихся к жатве. *Время жатвы* сопровождается массой песен лирического содержания, причем как начало жатвы, так и окончание ее сопровождаются особыми обрядами. Прежде всего совершаются „зажинки“. Хозяйка с дочерьми или невестками отправляется на ниву и срывают первый снопок. Этот снопок с песнями несут домой и ставят его на лавке под образами. В дни жатвы крестьяне иногда созывают „толочку“, т. е. приглашают соседей помочь в работ. При толчке хозяин обильно угощает пришедших к нему на помощь. Ко времени толчки принаровлены особые „толочанские“ песни. Окончание жатвы называется „обжинками“ или „дожинками“. Из ржи деляют венок и крест; одна из девушек одвывает венок на голову и идет в дом того хозяина, на поле которого окончили жатву. Девушки идут с песнями, а хозяева устраивают им обильное угощение. На дожинки к каждому хозяину собирается толка, так как все девушки, которые окончили жать у себя, идут помогать соседям. В некоторых местностях существует еще обряд „завивания бороды“. На краю поля оставляют недожатой ржи на снопок. Три девушки, только по три раза, обжинают кругом эту рожь, так что остается только несколько колосьев. Тогда все женщины садятся вокруг оставшихся колосьев, и одна из них через полу платья (чтобы земля не была голая), выщипывает между колосьями траву и кладет сюда кусок хлеба с солью. Затем она берет в руки колосья, сворачивает их вместе с хлебом и все это притаптывает к земле. Все живные обряды сопровождаются песнями. В этих песнях мы встречаем обращение к широкому полю, к золотистой ниве, к колосистому житу; выражается пожелание, чтобы в поле жито стало густым снопами. В песнях толочанских и дожиночных женщины обращаются с поздравлениями к славному господарю, у которого родился густой хлеб, выражают пожелание о будущем урожае, или-же говорят о предстоящем жницам угощения. Но тяжелое время жатвы наводит жниц на размышление о тяжелой семейной жизни.

Живные песни — это чудная мелодия, выливающаяся из женского сердца. В мотивах живных песен вы встречаете отголоски самых задуманных мыслей женщины. Длинной чередой проходят перед слу-

патедемь отдѣльные жизненные моменты радости, горя, тревоги, тоски, ненависти и ревности, цѣлая драма разбитой жизни. Вѣлая береза осенью говорить со своей листвою о предстоящей разлукѣ; дѣвушка говорить съ матерью: „Моя матулько, моя родная! Якъ мы разстанемся!“ Приѣдутъ сваты, возьмутъ дѣвушку; но она утѣшаетъ мать, проситъ не тужить: дочь не забудетъ о матери. Дочь убивается, горюетъ, мать обезпечена, не предчувствуетъ ли мать, что она попадетъ къ злой свекрови? Со слезами дочь объясняетъ матери, что ее ожидаетъ много оскорблений и горя, много труда въ чужой семьѣ. Вообще горе женщины, переходящей изъ родной въ чужую семью, очень рѣзкими штрихами рисуется въ живныхъ пѣсняхъ. Какъ бы ни работала молодуха, какъ бы ни была скромна въ чужой семьѣ, все таки ею недовольны. Пойдетъ молодуха на жатву и за работой затянетъ звонкую пѣсню; услышитъ свекоръ эту пѣсню и скажетъ, что невѣстка лѣйна,— оттого и поетъ; услышитъ ее голосъ родной батюшка и скажетъ: „милая дочь, много сдѣлала, довольна работой“.

Кромѣ пѣсень, приуроченныхъ къ массѣ обрядовъ, белорусская народная поэзія весьма богата лирическими пѣснями. Эти пѣсни приурочены къ извѣстнымъ временамъ года; такъ, въ Петровскій постъ поютъ петровскія пѣсни, въ Филипповъ — филипповскія и т. д. Но содержаніе ихъ одинаково. Это лирическія пѣсни, посвященныя женской долѣ. Въ пѣсняхъ белорусовъ много красоты и граціи. Когда белорусская дѣвушка гдѣ-нибудь въ лѣсу или на поляхъ затянетъ веснянку, въ ея пѣснѣ отражается ликование весенней природы, тихая радость пробуждающейся весны; любовь и нѣга не удержиимо летятъ въ голосъ пѣвицы. Это — гимнъ веснѣ. Въ полѣ во время жатвы раздается тихая, грустная мелодія, способная вызвать у слушателя искреннія слезы: это молодуха оплакиваетъ свою горькую судьбу. Но когда женщины возвращаются домой, въ особенности послѣ дожинки, то изъ ихъ груди выливается веселая, здоровая пѣсня, въ которой чувствуется довольство послѣ упорнаго дневного труда. Мотивы пѣсень, приуроченныхъ къ другимъ временамъ года, выдѣляются грустнымъ настроеніемъ, вполне гармонизирующимъ со словами. Всѣ наблюдатели, изучавшіе жизнь белорусской деревни, отмѣчаютъ любовь белорусса къ пѣвию. Музыка белорусскихъ пѣсень отличается и отъ великорусской, и отъ малорусской. Въ белорусской пѣснѣ нѣтъ той широты, размаха, по которымъ легко узнать великорусскій мотивъ. Въ белорусской пѣснѣ нѣтъ и той своеобразной „веселой грусти“, которой отличается малорусское пѣніе. Мелодія белорусской пѣсни нѣсколько однообразна, заунывна, но мила и граціозна. Вообще преобладаютъ мирные тона, иногда съ мажорнымъ перехватомъ или окончаніемъ. Только нѣкоторыя свадебныя пѣсни и нѣкоторыя веснянки поются въ мажорномъ тонѣ. Но преобладающій грустный тонъ въ пѣснѣ еще не значитъ, что белоруссы не умѣютъ веселиться. Всѣ игривыя пѣсни, многія изъ обрядовыхъ, плясовые отличаются веселымъ, разухабистымъ тономъ.

Выбѣтъ съ пѣсней белоруссы любить и танцы. Несмотря на общій грустный колоритъ поэзіи танцы и пѣніе, которымъ они сопровождаются, отличаются неподдѣльной веселостью. Изъ белорусскихъ танцевъ наибольшимъ распространеніемъ пользуются „лявониха“, „мяцелица“, „подушечка“ и нѣкоторые другіе; впрочемъ народные белорусскіе танцы быстро вытѣсняются передѣлкой городскихъ.

Танецъ „подушечка“ состоитъ въ слѣдующемъ: парни и дѣвушки, взявшись за руки, составляютъ кругъ. Одинъ изъ парней входитъ въ середину, избираетъ дѣвушку, проплясываетъ съ нею нѣсколько разъ въ кругѣ, плѣдуетъ ее и бросаетъ, а самъ соединяется съ хорОВОДОМЪ. Оставленная дѣвушка избираетъ себѣ для танца новаго парня и т. д. Хороводъ въ это время поетъ, мѣрно подплываетъ, двигаясь то вправо, то влѣво. Танецъ „мяцелица“ отличается бурнымъ исполненіемъ. Собираются въ пары; каждая пара соединена полотенцемъ или поясомъ. Какъ только раздается музыка и пѣсня, начинается настоящая мяцелица: первая пара, пройдя подъ полотенцемъ второй, пропускаетъ ее подъ свое полотенце, затѣмъ то-же продолжаетъ съ третьей парой, третья со второй и т. д. Одновременно такимъ образомъ вертятся всѣ пары, и надо много ловкости, чтобы не быть сшибленнымъ въ этой кутерьмѣ. Движеніе паръ сопровождается мѣрнымъ при топтываніемъ въ тактъ дуды или скрипки. Танцующіе все время поютъ разухабистую пѣсню:

„Курецъ, вѣщи мяцелица.
Чаму старыя ня женицца?
Якъ же яму жаницца?
Усѣ будзѣ дзивицца.
Ухъ, ухъ, уха-ху!
Янки голова у снягу.
— А якъ гэта да-й ня снѣгъ.
Тогда будзѣ людзямъ снѣгъ!
Ухъ, ухъ, уха-ху!
Гэта-жъ я быу на таку.
— А якъ гэта да-й ня пыль,
То адъ дѣвуки будзиць тыль,
Охъ, охъ, оха-хо!
Гэта-жъ на мнѣ малако.
— А якъ яго не сатремъ,
Каго въ танецъ павядзюмъ?

Охъ, охъ, аха-ха!
Гэта-жъ на мнѣ да-й мука,
— А якъ яна ня сляциць,
Кто на стараго да-й наглядзиць?
Курецъ, вѣщи, закуруаць,
Мая дѣвка разавіалясь.
— А якъ же ей не разавіацца,
Кали стары да яѣ масцица?
А хоць стары—не паганый,
Яцо дужый и румяный.
— А што кому до того?
Можа я пайду за яго!
Курецъ, вѣщи мяцелица,
Пеунѣ (вѣрно) стары аженицца.
— А што кому да таго?
Може я люблю яго.

Вообще белоруссы охотно предаются необузданному веселью, обладая очень богатымъ и разнообразнымъ подборомъ плясовыхъ прилѣвковъ. Пѣсни, танцы и игры сопровождаются обильнымъ употребленіемъ вина. Любовь къ вину, пляска и веселье иногда съ большимъ комизмомъ описываются въ пѣсняхъ. Вотъ какъ, напр., белоруссы подтруниваютъ надъ своими-же грѣш-

ками в одном стихотворении составленном еще в период крепостного права (приводимъ съ сокращениями):

Гей, кабы намъ быць вясялѣй!
Гей, кабы намъ быць пасмѣлѣй!
Пайдемъ, браццы, въ пачачокъ,
Выпьемъ горѣлки крочокъ.
Будземъ пиць горѣлку въ рядъ!
Пиш бацки и дѣды
И мы ступимъ въ ихъ слѣды:
Ены горы вязнавали,
Горѣлку добре сецвали (пили залпомъ).

Далѣе описывается самый пиръ:

Дзидзька сѣдзиць, пшкку (трубку) куриць,
Пець горѣлку, вочки жмуриць;
А дзядина (тетка) не уважаець,
Цѣлкомъ чарочка глотаець.
Савка скачець, цешець, цешець,
Уморився, ледва дышець.
Силіванъ зъ Бориса шкемиць (смѣется),
Пець горѣлку, духту (вздоръ) мелиць;
За языкъ въ маликѣ (затылокѣ) зловнѣць,
Ажъ дбожь дзвери отворивъ;
Хведось за угломъ козлы дзере,
А Микита носомъ оре.
Ци имъ черци надавали?
Значь, что мѣрку перебрали?

Но тутъ является господскій экономъ съ кнутомъ въ рукахъ и разгоняетъ всю веселую компанію.

Вмѣстѣ съ пѣніемъ бѣлоруссы очень любятъ и музыку. „Музыка“ — скрипачъ является любимымъ гостемъ на свадьбахъ и играющъ молодежи. Даже простое появленіе „музыки“ въ деревнѣ вызываетъ къ нему всеобщее вниманіе, и онъ всегда можетъ быть увѣренъ, что въ воскресный день и даже подъ праздникъ получить и обильное угощеніе, и посылное подношеніе. Кромѣ скрипачей въ старой Бѣлоруссіи были еще „дудары“. И теперь кое-гдѣ ихъ можно встрѣтить съ „дудою“ въ Витебской Бѣлоруссіи. Дуда состоитъ изъ кожаного мѣшка, видомъ своимъ напоминающаго бычачій пузырь или бурдюкъ; въ верхнюю часть дуды, образующую небольшую шейку, вставляется деревянная трубочка вершка въ четыре дюйма („соска“); эта трубочка служитъ для вдунанія въ дуду воздуха. Когда черезъ эту трубочку наполнить воздухомъ дуду, то ее закрываютъ особымъ клапаномъ, или же сворачиваютъ шейку. На нижней части корпуса, противоположной „соскѣ“, вставляется другая деревянная трубочка (около 8 вершковъ длиною) съ шестью клапанами на лицевой сторонѣ и однимъ на нижней; эта трубочка на-

зывается „пираборомъ“. Въ головкѣ этого перебора, которая находится внутри корпуса, вставляются пищикъ изъ крѣпкаго пера. Кромѣ того въ переборъ вставляются два „гудки“, т. е. длинныя трубочки не одинаковой длины; эти трубочки изъ перебора идутъ въ корпусъ дуды. Сдѣланная такимъ образомъ дуда даетъ цѣлую октаву звуковъ простой гаммы. За отсутствіемъ музыки съ его скрипкой или дударя съ дудой молодежь довольствуется самодѣльными инструментами, сдѣланными изъ лозовой коры или изъ ствола бузины — „пищиками“, „посвирѣлками“, „жулейками“.

Особенную категорію музыкантовъ и пѣснопѣвцевъ представляютъ собою „лирички“. Они впрочемъ извѣстны больше въ южной части Бѣлоруссіи, и „лира“, быть можетъ, занесена сюда подъ малорусскимъ вліяніемъ. Съ „лирами“ ходятъ „старцы“ — слѣпцы. Въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи старцы ходятъ безъ „лиры“. Бѣлорусскихъ старцевъ было бы ошибочно принимать за профессиональныхъ пищиковъ, т. е. бѣдняковъ, живущихъ исключительно подаяніемъ. У многихъ изъ нихъ есть не только свои избы и наделы земли, но и заведено хорошее хозяйство. Физической-же недугъ побуждаетъ ихъ ходить со „старцевою торбою“. Старцы иногда ходятъ группами, человѣка по два и по три, иногда-же по одиночѣ. Никакой „кирмашъ“, т. е. ярмарка, никакой „фестъ“, т. е. храмовой праздникъ, не обходится безъ присутствія многочисленныхъ старцевъ. Они разсаживаются гдѣ-нибудь неподалеку отъ церкви и распѣваютъ свои „старцевскія“ пѣсни, иногда подъ однообразный аккомпанементъ лиры. Каждая группа старцевъ окружена толпою внимательныхъ слушателей. Къ протяжному, заунывному пѣнію старца относятся съ большимъ почтеніемъ, такъ какъ ихъ пѣсни считаются поучительными. Тутъ слушатели знакомятся съ тѣми мучениками, которыхъ постигаютъ грѣшники въ аду, съ тою наградою, которую получаютъ люди богобоязненные и чтуніе пищихъ и т. д. Группы слушателей переходятъ отъ однихъ старцевъ къ другимъ и съ одинаковымъ умиленіемъ, глубокими вздохами и со слезами въ десятый разъ выслушиваютъ хорошо имъ знакомый стихъ. И слушатели не оставляютъ посылными подаяніями пѣвцовъ. Болье бѣдные изъ старцевъ ходятъ также и по деревнямъ, въ особенности лѣтомъ. Какъ только въ деревнѣ станетъ извѣстно о появленіи старца, къ нему собираются группы за группой слушатели. У каждаго старца или у группы ихъ имѣется свой „повадиръ“ — мальчишъ, котораго старцы нанимаютъ для того, чтобы онъ ихъ водилъ. Среди старцевъ встрѣчаются и женщины, но бѣлоруссы предпочитаютъ слушать стихи отъ мужчинъ. Во многихъ мѣстностяхъ существуютъ особая „старцевскія“ организаціи. Въ старцы извѣстной округи въ извѣстномъ пунктѣ имѣютъ икону, которую считаютъ своею и въ честь которой справляютъ праздникъ. Во главѣ округи стоитъ особый староста, который получаетъ годовое жалованье. Въ старцы данной округи дѣлаютъ извѣстный взносъ. Въ дни празднованія избранной

иконы всё старцы собираются, причём дѣлается провѣрка ихъ взноса. Послѣ обѣдни устраивается „громадскій“ обѣдъ. Непремѣнной принадлежностью пира бываетъ медъ, приготовляемый самими слѣщами. Праздникъ продолжается нѣсколько дней. Въ этомъ „старецкомъ“ обычаѣ нельзя не узнать древнихъ братчинъ, на которыя собирались всё братчики извѣстнаго братства, причёмъ медовареніе составляло неизмѣнную принадлежность братскаго пира.

Пѣсни обрядовыя, лирическія, плясовыя, рекрутскія, „пѣяниція“, наконецъ духовные стихи, при всемъ ихъ обиліи и разнообразіи, далеко еще не исчерпываютъ богатаго запаса бѣлорускаго народнаго творчества. Къ этому слѣдуетъ еще добавить богатый матеріалъ народныхъ сказокъ, пословицъ, загадокъ и заговоровъ. Но бѣлорусское творчество небогато историческими пѣснями: ихъ немного, и содержаніе ихъ исключительно вращается въ области прежнихъ крѣпостныхъ отношеній. Въ прежнее время въ Бѣлоруссіи были еще извѣстны и былинныя, эпическія сказанія. Теперь же эпосъ здѣсь неизвѣстенъ. Однако въ бѣлорусскихъ сказкахъ и въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ сохранились слѣды эпическихъ сказаній о князѣ Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ, Алешѣ Поповичѣ, объ Ильѣ Муромцѣ съ его противниками Идолищемъ Поганымъ и Соловьемъ Разбойникомъ и пѣ. др.

Бѣлорусское прошлое*).

(По поводу статей А. Пыпина, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ прошлаго года).

I.

Обозрѣвая прошлогоднюю журнальную литературу, относящуюся собственно къ Бѣлоруссіи, мы должны сознаться, что прошлый годъ не прошелъ совершенно безслѣдно въ русскихъ журналахъ въ вопросахъ, касающихся изученія роднаго нашего края. Не прошелъ безслѣдно именно потому, что въ прошлогоднихъ номерахъ „Вѣстника Европы“ появилось 4 статьи извѣстнаго ученаго А. Пыпина, посвященныя изученію Бѣлоруссіи, — „Бѣлорусская этнографія“.

Бѣлоруссія еще до сихъ поръ представляетъ для большинства русскихъ людей своего рода terra incognita; она такъ мало извѣстна въ русскомъ обществѣ, о ней такъ мало пишутъ и говорятъ, въ научномъ отношеніи она такъ мало изслѣдована, что трудъ г. Пыпина является дорогимъ вкладомъ въ литературу, относящуюся къ Бѣлоруссіи, а мы, бѣлоруссы, должны быть вполне признательны маститому ученому за то, что онъ принялъ на себя трудъ разъяснить интереснѣйшіе и важнѣйшіе факты исторической и литературной жизни нашей родины.

Задача, положенная г. Пыпинымъ въ основу статей своихъ „Бѣлорусская этнографія“, заключается въ изслѣдованіи литературы, какъ польской такъ и русской, посвященной изученію Бѣлоруссіи и особенно ея этнографіи; такимъ образомъ онъ пытается пріслѣдить взгляды той и другой литературы на историческую судьбу и современное положеніе этого края. Нечего и говорить о важности подобнаго рода историческаго анализа: только такимъ образомъ возможны прочная, основанная на фактахъ историческихъ и этнографическихъ, постановка взглядовъ всего русскаго общества на прошлую судьбу и современное состояніе нашего края, а слѣдовательно

*) Печаталась въ газетѣ „Минскій Листокъ“ за 1888 г.

и постановка его будущих отношений къ остальнымъ частямъ общаго нашего отечества.

Что такое именно назначеніе должны имѣть статьи „Бѣлорусская этнографія“ и по мысли самого автора, видно, какъ намъ кажется, изъ первыхъ же строкъ этого изслѣдованія. Г. Пыпинъ такъ начинаетъ свои статьи: „Можетъ быть поставленъ вопросъ: существуетъ ли „Бѣлорусская этнографія“, т. е. слѣдуетъ ли трактовать отдѣльно матерьялы, относящіеся къ этой западной отрасли русскаго племени? Существуетъ ли сама бѣлорусская народность?“ (В. Е., апрѣль, стр. 644).—Далѣе, указавъ на то, что русское общество и литература только въ недавнее время начали интересоваться одноплеменной имъ Бѣлорусіею, только въ самое позднѣйшее время, послѣ польскаго возстанія 60-хъ годовъ, русское общество узнало новость о существованіи родственнаго ему бѣлорусскаго племени, онъ задается такимъ вопросомъ: „Существованіе бѣлорусскаго „племени“ также не подлежитъ сомнѣнію, вопросъ идетъ о томъ, на сколько и въ какихъ сторонахъ своего характера это племя отличается отъ того великаго племени, которое составляетъ зерно и господствующую народность русскаго государства? Отвѣтъ на это дадутъ и исторія племени, его языкъ и бытовые черты“ (стр. 645). Однако центръ тяжести въ изслѣдованіи г. Пыпина ложится, какъ и слѣдовало ожидать, на анализъ литературы, относящейся собственно къ этнографіи Бѣлорусіи. Въ видѣ же отвѣта на приведенный выше вопросъ, онъ предлагаетъ небольшое вступленіе (стр. 645—666), въ которомъ пытается выяснитъ нѣкоторые отношенія Бѣлорусіи къ Польшѣ и Россіи.

Подробное изслѣдованіе этихъ отношеній не входитъ въ задачу изслѣдованія г. Пыпина. Однако изслѣдованіе историческихъ отношеній Бѣлорусскаго племени къ его сосѣдямъ, а также изслѣдованіе отношеніе его языка къ сосѣднимъ и бытовымъ этнографическимъ особенностямъ, имѣютъ для насъ весьма важное значеніе. Поэтому мы, въ свою очередь, постараемся сдѣлать очеркъ историческихъ отношеній Бѣлорусіи къ ея сосѣдямъ.

II.

Въ одной изъ прошлыхъ статей мы уже имѣли случай указать границы древней Бѣлорусіи въ періодъ ея въ IX—XII в. Нужно замѣтить, что границы эти, съ незначительными измѣненіями, оставались въ продолженіе всей исторической жизни Бѣлорусскаго племени и остаются до настоящаго времени. Мы указали также, что страна, образовавшая вѣдѣнствіи Бѣлорусію, населена была нѣсколькими племенами: Дреговичами, Кривичами (Полоцкими и Смоленскими) и Радимичами. Разсмотримъ, въ какомъ отношеніи были эти племена къ остальнымъ племенамъ древней Руси.

Древнѣйшія извѣстія о нашихъ предкахъ застаютъ ихъ уже раздѣленными на множество племенъ, поселившимися по большей части нѣмѣш-

ней Россійской равнины; племена эти уже тогда не составляли одного общаго цѣлаго; они различались какъ по своимъ правамъ и обычаямъ, такъ и по языку и степени образованности. Объ этомъ прямо и неоднократно упоминаетъ начальный лѣтописецъ, говоря: „Полянѣмъ же живущимъ особъ по горамъ сямъ“—„Полянѣмъ же живущимъ особъ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху Поляне, и живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ, володѣюще кождо родомъ своимъ“¹⁾; далѣе лѣтописецъ ясно указываетъ на то, что русскія племена имѣли между собою этнографическія различія, говоря: „Имѣющимъ бо обычай свой, и законы отъць своихъ и преданія кождо своя пороть. Поляне бо своихъ отъць обычай имяху тихъ и кротокъ... А Древяне „живяху звѣрскимъ образомъ, живуще скотьскы... А Радимичи и Вятичи, и Северо одинъ обычай имяху... Сице же обычай творяху и Кривичи и прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божіа, но творяху сами себѣ законъ“²⁾. Эти слова начального лѣтописца ясно указываютъ на то, что уже въ древнѣйшій періодъ Русскія племена не составляли одного цѣлаго.

Одно племя жило особо отъ другого, управляясь своимъ родомъ, имѣя своего князя. Лѣтопись неоднократно указываетъ на существованіе отдѣльныхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ князьковъ у древне-русскихъ племенъ: „и по сей братьи почаша, дръжати родъ ихъ княженіе въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дроговичи свое, а Словѣне свое въ Новгородъ, а друзи на Полотѣ, иже и Полочанѣ“³⁾. Далѣе мы встрѣчамъ интереснѣйшее мѣсто при описаніи Олегова похода въ Грецію въ 907 г. „И заповѣда Олегъ... дати уклады на Русскіе городы... по тѣмъ бо городамъ съяху князи подъ Ольгомъ суще“⁴⁾; кромѣ того лѣтописецъ даже называетъ по имени такихъ князей, какъ Маль, Полоцкій Роговолодъ, рассказываетъ народное преданіе о Турѣ, Радимѣ и Вяткѣ. Эти замѣчанія лѣтописца для насъ особенно важны: они такимъ образомъ неопровержимо устанавливаютъ то положеніе, что древнерусскія племена, не составляя одного этнографическаго цѣлаго, не представляли собою ничего политически-цѣлаго. И этотъ строй государственности, положенный въ основу древне-русской жизни, сохранился надолго, до полного подчиненія восточной Руси Московскому началу государственности, а западной—Литовскому. Конечно, значеніе и власть племенныхъ князьковъ не слѣдуетъ представлять себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ то и другое проявляется вѣдѣнствіи, особенно въ Восточной Руси. Князья племени представляютъ изъ себя старѣйшинъ, которые съ по-

¹⁾ Ипат. стр. 4, 5 и еще см. на 7.

²⁾ Ипат. стр. 7—8.

³⁾ Ипат. 6 стр.

⁴⁾ Ипат. 18 стр.

мощью вѣча правили племенемъ, т. е. творили въ немъ судъ на основаніи
обычнаго права и предводительствовали на войнѣ. Уже въ X вѣкѣ мѣстные
национальные князья уступаютъ мѣсто князьямъ изъ одного рода Рюрико-
вичей. Русь объединяется подъ властью одного княжескаго рода. Объеди-
нение это вызвано скорѣе внѣшними причинами, чѣмъ внутреннимъ стрем-
леніемъ племенъ къ соединенію. Этнографическое различіе племенъ мѣшало
во все продолженіе древняго періода къ сліянію въ одно цѣлое. Это разли-
чіе поддерживалось неудобствами географическаго положенія, занятаго Русью.

Многіе современные историки видятъ въ равнинности и обширности
страны, занимавшей огромное пространство и нигдѣ не ограниченной есте-
ственными предѣлами, залогъ и причину соединенія подъ одной властью
русскихъ племенъ. Однако это не совсемъ вѣрно. Именно равнинность и
обширность Россійской низменности, покрытой сплошными непроходимыми
лѣсами¹⁾, болотами озерами, рѣдко населенной, содѣйствовало раздѣленію,
какъ этнографическому, такъ и политическому, а не соединенію Русскихъ
племенъ. Раздѣляющее начало, заключенное въ устройствѣ поверхности
и географическомъ положеніи, состояло именно въ томъ, что сообщеніе
между племенами, какъ въ обыденной жизни частныхъ лицъ, такъ и въ
политической жизни племенъ, затруднялись отдаленностью ихъ другъ отъ
друга. Въ самомъ дѣлѣ, не легко было пробраться въ отдаленный Новго-
родъ или Полоцкъ; трудное и долгое путешествіе предостало изъ Новго-
рода въ Кіевъ и Тмутаракань, на Крымскомъ полуостровѣ, принадлежавшую
въ XI вѣкѣ Руси и населенную, какъ доказываютъ изслѣдованія, русскимъ
племенемъ²⁾. Удобство путей сообщенія, смягчало этотъ недоста-
токъ нашего географическаго положенія, давая возможность вести торговая
и политическія сношенія. Но для частныхъ лицъ, для обмѣна культурнаго,
обширность страны представляла не мало препятствій; препятствія заклю-
чались также и въ природномъ характерѣ страны; рѣки, болота и непрохо-
димый лѣсъ отдѣляли одно племя отъ другого. Препятствія эти по суще-
ству весьма незначительны, но они несомнѣнно имѣли важное вліяніе въ
древности, которое сказывается по настоящее время³⁾. Одно племя или да-
же отдѣльный родъ, окруженное рѣками, болотами, лѣсами, выработывали ка-
кой либо новый обычай, образовались у него новыя слова, неизвѣстныя

1) Лѣсами была покрыта въ древности не только сѣверная Русь, но и южная
ея полоса. Объ этомъ изслѣдованіе П. В. Голубовскаго „Печенги, Торки, Половцы.“

2) См. Голубовскаго: „Истор. зем. Сѣверской до половины XIV в.“

3) См. статьи наши „Древняя Бѣлоруссія“.

4) Объ этомъ смотр. блестящую статью Костомарова „О федеративныхъ нача-
лахъ въ древней Руси“.

другимъ наконецъ измѣняло костюмъ и т. д., и все это могло уже служить
для мѣстныхъ племенныхъ отличій¹⁾.

Мы указали на внутреннія причины, мѣшавшія русскимъ племенамъ
слиться въ одно цѣлое. Однако, внѣшнія обстоятельства заставляли ихъ
вступать еще въ IX вѣкѣ въ союзъ между собою, главнымъ двигателемъ
котораго были Поляне и ихъ кіевскіе князья. Внѣшнія обстоятельства эти
были: съ востока походы на Русь Хазарь, а съ сѣвера—варяжскихъ дру-
жинъ; сюда же нужно отнести и внутренніе несогласія племенъ; кромѣ того
и кіевскіе князья, усилившіе добровольнымъ присоединеніемъ нѣкоторыхъ
племенъ, стремились къ покоренію остальныхъ. Происходитъ борьба
кіевского централизованнаго начала съ русскими племенами, устремившими-
ся къ децентрализации и самостоятельной самостоятельности. Борьба эта про-
должалась до конца X в.; послѣдними были побѣждены Родимичи Владимі-
ромъ Святославичемъ 984 года²⁾.

Первоначальное, при Игорѣ, Олегѣ, Святославѣ, подчиненіе русскихъ
племенъ Кіеву выражалось въ томъ, что они платили дань³⁾ кіевскимъ
князьямъ; мѣстные князья еще оставались у власти надъ своими племена-
ми. Союзъ съ сильнымъ кіевскимъ княземъ представлялся имъ выгоднымъ
потому одному, что послѣдній могъ защитить ихъ отъ сосѣдей. Но пока
племена имѣли своихъ князей, неоднократно мы видимъ стремленіе нѣко-
торыхъ изъ нихъ возвернуть зависимость отъ Кіева: племена дѣлаютъ по-
пытки возстать и отдѣлиться (напр. возстаніе Древлянь въ 913 г. и др.⁴⁾).
Съ другой стороны, и Кіевскіе князья стремятся къ ниспроверженію пле-
менныхъ князей; они стараются, вмѣсто такихъ князей, садить своихъ
мужей, воеводъ. Но не всѣ племена соглашались на это⁵⁾; тогда князья,

1) Что это такъ, можно привести не мало фактовъ. Такъ, напр. извѣстно,
что провинція, даваемая одному племени въ насѣдку надъ другимъ, служила при-
чиною кровавыхъ столкновеній. Когда въ 1016 г. Ярославъ сошелъ на берегахъ
Днѣпра съ Святополкомъ, воевода послѣдняго, желая вызвать на битву Новгород-
цевъ, подраивалъ ихъ, говоря: „Что придете съ хромцемъ симъ, (Ярославомъ) а
вы платити суща? а приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ“. (Ипат. 99). Новгоро-
дцы до того оскорбились этимъ, что съ особенною яростію бросились на Святопола-
во войско и побѣдили его. И въ настоящее время мѣстныя отличія одного племени
отъ другого служатъ причиною насѣдки и враждебныхъ столкновеній. Вѣлорусскъ
Мозырскаго уѣзда при всякомъ удобномъ случаѣ выругаетъ своего сосѣда Волянца
„хохлакомъ“, а послѣдній Вѣлорусса „лопоносомъ“.

2) Ипат. 55.

3) „Устави (Олегъ) дани Словѣнамъ, и Кривичамъ, и Мерямъ“. Ипат. 13. „Иде
Игорь на Древлянь и побѣдивъ възложи на нѣ дань больше Ольгови“ Ипат. 25.
„Побѣди Святославъ. Вятичъ и дань на нѣхъ възложи“. Ипат. 14 и мн. др.

4) Ипат. 25.

5) Новгородцы требуютъ себѣ отдѣльнаго князя у Святослава, не желая управ-
ляться княжескимъ посадникомъ. См. Ипат. 45.

Долнаръ-Запольскій.

удовлетворяя требованіе, посылаютъ къ важнѣйшимъ племенамъ своихъ сыновей. Съ этого начинается, такъ называемый, удѣльный періодъ древне-русской исторіи. Хотя удѣльный періодъ не мало занималъ русскихъ историковъ, хотя ему посвящены труды лучшихъ изслѣдователей, но это интереснѣйшее время русской исторіи до сихъ поръ еще остается загадочнымъ, не выясненнымъ.

Для объясненія сущности удѣльной системы многие историки предлагали различныя теоріи, но однако въ дѣйствительности ни одна не оказывается состоятельной¹⁾. Не вдаваясь въ критическій разборъ теорій, пытающихся разъяснить удѣльный періодъ, укажемъ на главную его сущность. Въ дѣйствительности въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ русской исторіи мы замѣчаемъ: 1) проявленіе и развитіе племенной жизни народностей, составившихъ тогдашнюю Русь, 2) борьбу князей и 3) сдвигъ княжескихъ интересовъ съ интересами земствъ. Въ чемъ же выражалось проявленіе племенной жизни русскихъ племенъ?

Прежде всего оно выразилось въ усиленія вѣча, какъ выразителя народной воли. Вообще, вѣче играетъ весьма видную роль въ удѣльный періодъ.

Развитіе самостоятельности какой либо изъ русскихъ земель шло параллельно съ развитіемъ вѣчеваго порядка. Въ развитіи вѣчеваго порядка выражалось развитіе общественнаго самосознанія племени. Какъ только вѣче принимало болѣе или менѣе устойчивое положеніе, оно немедленно требовало себѣ князя, не желая подчиняться княжескимъ чиновникамъ. Но и подучивъ князя, вѣче нѣкоторыхъ городовъ, гдѣ оно получило особенное развитіе, старалось ограничить самый институтъ княжеской власти, т. е. заставить князя править на договорное началѣ. Вѣче стремилось по возможности уменьшить вліяніе княжеской власти на внутреннія дѣла страны, предоставивъ ему выполнять функціи верховнаго вождя въ военныхъ предпріятіяхъ и верховнаго суда въ особенно важныхъ случаяхъ. Главнѣйшая цѣль, къ которой стремилось вѣче—право выбирать князя. Полоцкое вѣче, какъ наиболѣе развившееся, достигло этого уже въ половинѣ XII в.

Особенное развитіе вѣчеваго порядка, а потому и національной само-

¹⁾ Приведемъ важнѣйшія изъ мнѣній. Карамзинъ полагалъ, что великіе князья раздавали волости своимъ дѣтямъ въ силу отеческой къ нимъ любви. Знаменитый авторъ „Исторія Россіи“ С. М. Соловьевъ и его многочисленные послѣдователи—раздачу земель великимъ князьямъ, какъ родоначальникомъ княжескаго дома и слѣдовательно, вся русская земля представляеть одно родовое мнѣніе княжеской семьи, а борьбу князей между собою они признають борьбу за княжескія родовые счеты. Костомаровъ видитъ въ борьбѣ племенъ и князей борьбу народностей. Наконецъ еще одно важное мнѣніе проф. Сергѣевича, который выдвигаетъ въ удѣльно-вѣчевомъ укладѣ договорное начало между князьями и городами.

стоятельности мы видимъ въ жизни Полоцкаго княжества; не менѣе самостоятельности проявляетъ къ концу XII в. Смоленское вѣче; развитіе Туровскаго вѣча почти не замѣтно. Прослѣдить развитіе вѣчеваго уклада въ древнихъ белорусскихъ княжествахъ весьма интересно, но мы оставимъ до другого раза.

Въ основѣ своей развитіе вѣчеваго уклада, какъ представителя народной воли и власти, оказывало на умственную политическую жизнь страны самое благотворное воздѣйствіе и могло повести къ самымъ блестящимъ результатамъ. Но когда вѣча еще были слишкомъ молоды, началась усерная партійная борьба. Особенно эта борьба была ожесточена во второй половинѣ XII в. въ Полоцкомъ княжествѣ. Борьба партій, неустойчивость правленія, внутренніе раздоры и борьба съ пригородами: Минскомъ, Друцкомъ и др. окончательно ослабили Полоцкое княжество и способствовали его паденію. Развитіе вѣчеваго уклада Полоцкаго княжества дошло до того, что Полоцкъ превратился въ концѣ XII в. въ *республику*: объ этомъ ясно говорить одно извѣстіе: *Полоцкѣмъ отчемъ ся справляли какъ Великій Новгородъ и Псковъ*¹⁾.

Другое враждебное обстоятельство, клонившее къ упадку древне-русскую жизнь, вызывавшее новыя и новыя междоусобія и ожесточенную борьбу—эта *борьба главныхъ городовъ* съ ихъ *пригородами*. Пригороды поднимали борьбу вслѣдствіи того же стремленія къ самостоятельности, вслѣдствіи развитія общественнаго самосознанія; пригороды не желаютъ управляться княжескимъ посадникомъ; они призываютъ себѣ самостоятельнаго князя. Такъ извѣстна долгая, упорная борьба Полоцкихъ пригородовъ Минска, Друцка, Города съ Полоцкомъ. Борьба эта только ослабляла силы страны.

Кромѣ всѣхъ этихъ бѣдствій удѣльно-вѣчеваго періода нужно еще прибавить споры и борьбу князей за личные родовые счеты.

Удѣльный князь былъ лично самостоятеленъ въ распоряженіяхъ надъ своею областью и если сбѣсялся, то только вѣчемъ. Но во вѣчныхъ дѣлахъ, въ отношеніяхъ къ другимъ удѣльнымъ князьямъ, въ случаѣ когда общее дѣло, напр. походъ, требовали общаго соединенія русскихъ князей, удѣльный князь повиновался великому кievскому князю, или въ большинствѣ случаевъ общему совѣту князей.

Таково было положеніе древне-русскихъ областей до начала XIII в. Мы остановились особенно на этихъ основахъ русской жизни, потому что они имѣли, какъ увидимъ, для Бѣлоруссіи весьма важное рѣшающее значеніе въ послѣдующей жизни, въ послѣдующихъ ея отношеніяхъ къ Литвѣ и московской Руси, остановились еще и потому, что до сихъ поръ никто, насколько намъ извѣстно, не бралъ на себя труда проанализировать исто-

¹⁾ Этого съ Быховца въ изданіи Нарбутта.

рискія отношенія бѣлорусскихъ племенъ къ сосѣдямъ, а въ разбираемыхъ статьяхъ г. Пыпина объ этомъ сказано вскользь.

Правда, указанныя условия древне-русской жизни во многомъ содѣйствовали ослабленію внутреннихъ силъ Руси, потому что выдвигали цѣлый рядъ междоусобицъ. Однако, въ нихъ были и прекрасныя зачатки будущаго; эти зачатки мы видимъ въ развитіи вѣчеваго уклада и самостоятельности отдѣльныхъ областей: эти начала могли повести къ соединенію Руси на чисто *федеративныхъ* основахъ, съ полной областной самостоятельностью; областная же самостоятельность имѣла бы то важное значеніе, что не мѣшала бы каждой составной части государства развиваться самостоятельно на выработанныхъ ею историческихъ основахъ. Но однако, пока складывался порядокъ новой жизни на Руси, зачатки которой мы указали, пока происходило броженіе, татарское иго съ одной стороны и Литовское завоеваніе съ другой приостановили свободный ростъ русскихъ земель, и Литовцы для западной части, Монголы для восточной внесли свои своеобразныя начала, которымъ поневолѣ должны были подчиняться русскія племена, какъ подчиненныя.

Что-же такое была Литва, что она внесла съ собою въ основы древней бѣлорусской жизни, въ какія, наконецъ, условия стали подчиненные и влители?

III.

Литовское племя впервые появилось подъ этимъ именемъ на страницахъ лѣтописныхъ извѣстій въ X вѣкѣ. Оно тогда уже не представляло собою этнографическаго цѣлага, состоя изъ нѣсколькихъ племенъ: Ятвяговъ, Прусовъ, Жмуди, собственной Литвы, Латышскихъ племенъ и др. Однако, первыя извѣстія о Литвѣ отличаются крайнею скудностью и неопредѣленностью. Только во второй половинѣ XII в. на нее начинаютъ обращать вниманіе въ Зап. Европѣ и въ концѣ этого вѣка слагается на устьяхъ Западной Двины нѣмецкій военный орденъ, имѣющій цѣлаго обращеніе язычниковъ литовцевъ въ христіанство.

Сношенія Литвы съ Русью начались съ X вѣка; сношенія эти не имѣли характера политическихъ отношеній одного государства къ другому. Какъ ни скудны извѣстія о сношеніяхъ литовско-русскихъ¹⁾ до половины XIII вѣка, однако можно вывести о Литвѣ заключеніе, что племена эти не составляли одного политически цѣлага народа, дѣлились на множество самостоятельныхъ племенъ и дѣйствовали, въ столкновеніяхъ съ русскими, отдѣльными группами.

¹⁾ О нихъ см. Ипат. стр. 108, 212, 340, 355, 419, 452, 455, 456, 483, 492 503 и др. Татищевъ, т. I, стр. 318, 301 и др.

Многія изъ пограничныхъ литовскихъ племенъ платили дань полоцкимъ князьямъ, даже въ глубинѣ литовскихъ земель были литовско-русскіе княжества, гдѣ князья были русскіе, завѣсившіе отъ полоцкаго. Кромѣ мирныхъ колонизаціонныхъ сношеній Кривичей и Дреговичей съ Литовцами, лѣтописи упоминаютъ только о военныхъ походахъ русскихъ князей на Литву, каковыя походы, вѣроятно, вызывались отложениемъ литовскихъ данниковъ или желаніемъ принудить платить дань еще не завоеванныя племена. Въ такомъ видѣ представляются литовско-русскія отношенія до конца XII вѣка.

Но уже въ концѣ означеннаго вѣка и въ началѣ слѣдующаго между литовскими племенами замѣчается значительное возбужденіе. Возбужденіе это клонилось къ соединенію литовскихъ племенъ въ одно цѣлое, слѣдовательно, къ централизаціи племени и къ сплоченію его подъ властью князя. Возбужденіе это и потребность въ соединеніи вызвана была двумя или даже тремя причинами, чисто вѣшняго характера: съ сѣвера на Литву начинаетъ нападать Нѣмецкій орденъ, притѣснять и грабить покоренныя племена, обращать насильно въ христіанство и тѣмъ заставляя ихъ отказываться отъ родной зажитной страны, отъ вѣры отцовъ, къ которой литвины питали глубокое и упорное почтеніе; съ лишеніемъ старой языческой религіи и съ обращеніемъ въ католичество, литовцы лишались своей національной свободы, политической независимости и должны были подчиняться власти корыстолюбивыхъ рыцарей. Въ такое положеніе стали соплеменники и сосѣди Литвы—Латыши; такая же участь грозила коренной Литвѣ и Жмуди. Литовскому народу предстояла борьба съ могущественнымъ, искуснымъ въ военномъ дѣлѣ, непрителемъ. Между тѣмъ раздѣленіе ихъ на мелкія племена, разъединенность политическая мало указывали на возможность успешной борьбы. Нужно было сплотиться и сплоченіе это выразилось въ лицѣ одного великаго князя, который успѣлъ собрать литовскія силы и съ ними вступилъ въ борьбу съ рыцарями. Какъ произошелъ въ литовскихъ племенахъ этотъ переворотъ въ направленіи политической жизни,—мы не знаемъ. Извѣстія позднѣйшихъ литовскихъ лѣтописей, въ родѣ Быхонца, не заслуживаютъ въ данное время вниманія: онѣ записали только отдаленныя преданія, циркулировавшія въ народной массѣ.

Итакъ, давленіе нѣмецкихъ орденовъ была одна изъ причинъ, заставившихъ литовскія массы слиться въ одно цѣлое, хотя подчиненіе одному властелину не было въ ихъ нравахъ: любовь къ свободѣ и національной независимости была сильна въ литовскомъ народѣ; она время отъ времени проявляется въ послѣдующія эпохи, и мы видимъ немало случаевъ реакцій въ пользу возстановленія прежнихъ порядковъ.

Другая причина централизаціи литовцевъ, сплоченія ихъ, лежала въ основѣ сношеній ихъ съ Русью. Съ конца XII вѣка русскіе полоцкіе князья

все чаще и чаще вмѣшиваются въ свои внутреннія дѣла Литвы. Она является въ видѣ вспомогательныхъ отрядовъ въ русскихъ войскахъ, заходитъ внутрь русскихъ земель. Само собою разумѣется, что подобныя отношенія не могли не отразиться на развитіи политическихъ взглядовъ литовскаго народа; знакомство съ Русью, съ русскими порядками, знакомство съ русскими военнымъ устройствомъ и государственными основами положило глубокій слѣдъ на созданіе порядковъ новаго литовскаго государства. Появленіе литовскихъ дружинъ съ ихъ предводителями въ предѣлахъ русской территоріи возбуждало въ нихъ желаніе захватить, пользуясь русскими междоусобицами, пограничные русскіе уѣзды. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что первые литовскіе князья утвердились въ пограничныхъ русскихъ городахъ: въ Полоцкѣ и Новогородкѣ Литовскомъ (Новогрудкѣ) и отсюда уже распространяли, посредствомъ удачныхъ политическихъ экспроприатій, власть свою надъ собственною Литвою. Русскіе безъ бою подчинялись литовскимъ князьямъ, напротивъ они даже сами приглашали къ себѣ князей изъ Литвы. Очень понятны причины такого отношенія русскихъ городскихъ общинъ къ своимъ иноземнымъ избранныкамъ. Причины этого обуславливаются, какъ внутренними, такъ и внѣшними условіями тогдашняго состоянія Западной Руси: нѣкоторыя части ея потерпѣли сильное пораженіе отъ татаръ и естественно стремились примкнуть къ сильному здоровому литовскому организму, съ другой стороны, внутренней раздоръ вѣчевыхъ общинъ, борьба и несогласіе внутри собственныхъ предѣловъ побуждали западно-русскіе города обратиться къ литовскимъ князьямъ. Сосдиненіе русскихъ земель съ литовскими, подъ главенствомъ князей изъ рода послѣднихъ, принесло несомнѣнную пользу обоимъ народамъ. Литовцы внесли въ государственную и общественную жизнь современнаго русскаго общества новыя, здоровыя начала, послужили крѣпкимъ военнымъ оплотомъ со стороны сѣверѣ; русское племя внесло съ своей стороны въ литовскую народную стихію свои начала, свою выработанную культуру, далеко превосходившую литовскую и стоявшую на равной степени съ западно-европейскою; русскіе поддерживали и матеріально юное литовско-русское государство, они дали литовцамъ готовыя культурныя начала, готовые образцы государственнаго и общественнаго устройства, торговыя связи и проч., воспользовавшись которыми литовцы быстро поднимаются на пути гражданственности; юное государство быстро растетъ, и уже къ концу XIV в. дѣлается грознымъ для сосѣдей, извѣстнымъ Европѣ; Литва и Русь, соединившись въ одно государство, внесли вѣрный залогъ для взаимнаго совмѣстнаго существованія. Залогъ этотъ — сознаніе взаимной полезности, сознаніе общности интересовъ обоихъ государствъ и при всемъ томъ полнѣйшая равноправность. Это были важнѣйшія условія, на которыхъ утвердилось соединеніе двухъ народностей, различныхъ по происхожденію и языку. Обѣ народности давно знали другъ

друга, давно, повидимому, подготовилось, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, ихъ соединеніе, и потому когда оно совершилось, два народа сошлись на основахъ взаимнаго уваженія и равноправности.

Литовцы и русскіе имѣли одинаковыя права, одинаково служили князю; самою замѣчательною чертою Литовско-русскаго государства до конца XIV вѣка была *реализная вѣротерпимость*. Въ Европѣ того времени не было государства, гдѣ бы въ такой степени была развита терпимость къ вѣрѣ другихъ, какъ въ Литвѣ. Православіе развивалось въ ней совершенно свободно, но въ тоже время сюда проникало и католичество (въ Вильнѣ было при Гедиминѣ два католическіе монастыря). Уже въ XIII вѣкѣ мы видимъ многихъ не только частныхъ лицъ литовскаго происхожденія, но даже князей, исповѣдующихъ православіе. Но на ряду съ нимъ господствующею религіею признавалась языческая Литовская. Замѣчательно, что такое отношеніе Литовскихъ князей къ чужой религіи вызывалось не только политическими взглядами, но полнымъ признаніемъ вѣротерпимости, какъ кореннаго убѣжденія литовскаго общества. Подтверженіемъ этому могутъ служить слова язычника-Гедимина посланъ папы, предлагающимъ ему креститься: „Если я когда нибудь имѣлъ намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ креститъ! Я дѣйствительно говорилъ, какъ написано въ грамотѣ, что буду почитать папу какъ отца, но я сказала это потому, что папа старше меня; всѣхъ стариковъ: и папу и Рижскаго архієпископа, и другихъ, я почитаю какъ отцовъ; сверстниковъ своихъ я люблю какъ братьевъ, тѣхъ же, кто моложе меня, я готовъ любить какъ сыновей. Я говорилъ дѣйствительно, что дозволю хрестіанамъ молиться по обычаю ихъ вѣры, Русинамъ по ихъ обычаю и Полякамъ по своему; сами же мы будемъ молиться Богу по нашему обычаю. *Вся мы видѣ почитаемъ одною Богомъ!*“) Въ этихъ словахъ, какъ намъ кажется, выражались не одно личное мнѣніе Гедимина, но въ нихъ отражалось признаніе вѣротерпимости всѣмъ литовскимъ обществомъ.

Говори о быстромъ ростѣ русско-литовскаго государства, нельзя не замѣтить еще того не маловажнаго обстоятельства, что Литва въ началѣ своего перваго появленія на исторической сценѣ, была въ періодѣ того воинственнаго настроенія, которое переживаютъ почти всѣ народы. Такой періодъ характеризуется всегда особеннымъ воинственнымъ оудешевленіемъ народа, который устремляется съ необыкновенной энергіей къ завоеваніямъ; въ періодъ этотъ появляются замѣчательныя личности, становящіяся во главѣ народа. Нужно отдать полную справедливость, что первые литовскіе

1) В. В. Антоновичъ: „Очерки исторіи Великаго княжества Литовскаго до половины XV ст.“ Киевъ 1872 г.

князья представляют собою замѣчательный примѣръ мужества, стойкости ума и энергии въ своихъ дѣйствіяхъ, проникнутыхъ истиннымъ сознательнымъ стремленіемъ къ народной пользѣ. Рядъ этихъ князей начинается Мендовгомъ, котораго считаютъ первымъ историческимъ княземъ Литовско-русскаго государства; твердость въ политическихъ стремленіяхъ, умъ и необыкновенная энергія—характеристическія черты его: рядомъ ловкихъ политическихъ приемовъ онъ заставлялъ всю Литву и Жмудъ соединиться подъ его властью, соглашается даже креститься въ трудныхъ обстоятельствахъ, но потомъ опять переходитъ въ язычество, удививъ западно-европейскій міръ своимъ вѣроломствомъ; политикою Мендовга была начертана дальнѣйшая дѣятельность литовско-русскихъ князей, которая сводилась къ централизаціи земель собственно литовскихъ и западно-русскихъ и на упроченіе власти великаго князя. Слѣдую центризаціонной политикѣ, русско-литовскіе князья Витенъ, Гедеминъ, Ольгердъ, Кейстутъ и Ягайло вскорѣ соединили подъ свою власть всё собственно-литовскія земли и изъ западно-русскихъ: Полоцкія, Турово-Пинскія, Волынскія, Кіевскія и Подольскія. Смоленскія земли, управлявшіяся полу-самостоятельными князьями тяготѣли на Литвѣ. Ольгердъ, посредствомъ умной и дальновидной политики, даже стремился распространить свое вліяніе на Псковъ и Новгородъ, и въ этихъ республикахъ была уже подготовлена сильная партія, тяготѣвшая на Литвѣ, но верхъ взяла партія Московская.

Основы единенія Русской и Литовской народностей жилились, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, на равноправности, взаимномъ пониманіи полезности союза и вѣротрѣпимости. Русскія области во внутренней своей жизни не лишались своихъ правъ и обычаевъ; кромѣ великаго князя, въ большинствѣ городовъ, какъ Новгородъ, Полоцкъ и др., были удѣльные князья, управлявшіе страной съ согласія вѣча; въ отношеніи государственнаго устройства, литовскіе князья слѣдовали русскимъ традиціямъ. Преобладаніе въ новомъ государствѣ русскихъ культурныхъ началъ было особенно замѣтно. Даже литовскимъ государственнымъ языкомъ былъ русскій языкъ. Князья опирались на русскій элементъ даже въ борьбѣ съ собственными Литовскими племенами, когда въ нихъ появлялись протесты противъ новыхъ порядковъ.

На указанныхъ основахъ взаимнаго сближенія образовалось прочное соединеніе обоихъ племенъ. Но однако политическія обстоятельства конца XIV и начала XV вѣка стали на пути соединенія. Рядъ этихъ препятствій начинается со времени принятія великимъ княземъ Ливонскимъ Ягайломъ католичества и сближенія Литвы съ Польшей.

Принимая католичество и Польскую корону, Ягайло подписалъ въ Кревъ въ 1385 г. политическую унію Литвы съ Польшей. Въ 1387 г.

онъ прѣхалъ въ Вильно крестить Литовцевъ въ католичество и въ тоже время были приняты мѣры къ подавленію греко-восточнаго исповѣданія. Ягайло велѣлъ всѣмъ литвинамъ, жившимъ въ Литвѣ и на Руси, перейти въ католичество *изъ всякой другой секты*, запретилъ католикамъ вступать въ браки съ православными. Этими мѣрами начался рядъ прѣтѣній русскихъ со стороны Польско-литовскихъ государей. Послѣательно на свободу православія было въ тоже время послѣдствіемъ на русскую культуру и на русскую народность. Отсюда возникаетъ рядъ недоразумѣній и раздоровъ.

Городельскій сеймъ 1413 года, на который съѣхались всѣ литовскіе удѣльные князья, подтвердилъ Ягайлово обѣщаніе уніи Литвы съ Польшей. Однако осуществленіе этой уніи совершилось только черезъ 2 столѣтія на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Условія Городельской уніи заключались въ томъ, что Литва соединяется съ Польшей подъ главенствомъ польскаго короля, но сохраняетъ внутреннее управленіе, согласное съ литовскими законами, избираетъ великаго князя съ согласія польскаго сейма; съ своей стороны и поляки не могутъ избирать короля безъ согласія литовскаго народа. Все внутреннее правленіе литовско-русскаго государства не подверглось измѣненіямъ, поляки допускались въ княжество наравнѣ со всѣми другими иностранцами, и не имѣли права занимать высшихъ государственныхъ должностей. На Городельскомъ-же сеймѣ были проложены первые шаги вліянія Польши въ культурномъ отношеніи на Литву. Желая сблизиться съ польскими, поляки стараются водворить въ ней свои государственные порядки; король, въ видѣ особой милости, даруетъ литовскому католическому дворянству польскія шляхетскія привилегіи, гербы и т. п. Дѣйствія подобнаго рода мѣрами, поляки постепенно старались сблизиться съ литовцами и съ тѣми русскими, которые принимали католичество.

Теперь русскому народу приходится бороться съ польскою культурою; вліяніе его на католическую Литву постепенно падаетъ; послѣдняя, принимая польскіе порядки, заражается духомъ католическаго нетерпимости. Русское племя, вмѣстѣ съ значительнымъ большинствомъ литовцевъ, еще не успѣвшихъ ополячиться, постоянно противопоставляетъ отпоръ польско-католическимъ притязаніямъ, оно старается поддержать всякое стремленіе къ отдѣленію Литвы отъ Польши, поддерживаетъ такихъ князей, какъ Свидригайло и проч. Русское вліяніе было еще сильно до самой Люблинской уніи.

Однако, несмотря на всѣ усилія польской знати подчинить своему вліянію литовскій народъ, присоединить къ королевству часть русскихъ земель и даже всю Литву имъ не удалось до конца XVI вѣка. Не обращая вниманія на договоры и обѣщанія Ягайлы, литовцы избираютъ послѣдующихъ князей безъ согласія польскихъ сеймовъ и вообще дѣйствуютъ вполне само-

стоятельно, преграждая въ то же время доступъ польскому вліянію въ краѣ, не дозволяя полякамъ долго оставаться въ литовскихъ земляхъ, покупать имѣнія и занимать значительныя государственныя должности. Литовцы хорошо понимали опасность, грозившую имъ въ случаѣ соединенія съ поляками, и открыто высказывали передъ королями желаніе, чтобы панове поляцы не имѣли тоѣ жаждѣти, абы тоѣ панство наше милости отчужное было унижено и привлечено къ нимъ*.

Во второй половинѣ XVI ст. поляки воспользовались правленіемъ Сигизмунда-Августа, избраннаго на литовскій и польскій престолы, чтобы окончателно утвердить соединеніе Литвы съ Польшей. Извѣстно, что декларация объ инкорпорации Литвы была утверждена литовско-русскими вельможами по приказанію короля, взяшаго на себя отвѣтственность за все сдѣланное противъ воли представителей Литвы и Руси. Унія 1569 года, признаваемая многими современными польскими историками за братскій союзъ двухъ государствъ, положила конецъ самостоятельному существованію литовскаго народа. Въ дѣйствительности соединилась съ Польшей не одна только Литва, но и соединенные съ нею земли бѣлорусскія и малорусскія, составлявшія чуть не девять десятыхъ всего литовско-русскаго княжества.

Оставивъ въ собственной Литвѣ нѣкоторыя автономныя права, Сигизмундъ, по требованію поляковъ, прямо присоединилъ къ польскимъ провинціямъ Украинскія земли: Киевъ, Подолію, Волынь и Черниговъ. Такимъ образомъ Литва составила изъ бѣлорусскихъ провинцій и собственно литовскихъ. Польскіе политики, руководившіе Люблинскимъ сеймомъ, соединяя Литву съ Польшей, приняли на себя трудную обязанность удовлетворить всѣмъ многочисленнымъ потребностямъ литовско-русскаго государства; они начали вводить свои польскіе порядки, вмѣстѣ съ которыми проникала польская національная и религіозная исключительность; поляки старались перенести свою шляхетскую республику, признававшую внѣ городовъ только два сословія: шляхту и хлопцовъ, на новую почву. Послѣдующія событія ясно доказали, какіе плоды принесла злосчастная Люблинская унія.

Поляки и ихъ приверженцы въ Литвѣ торжествовали заключеніе „братскаго союза“ двухъ народовъ. Но соединеніе это готовило гибель новому государству. Въ составъ Польши вошли теперь разнородные по религіи и по національностямъ элементы, разнородные по своему географическому положенію. Польскіе политики не хотѣли, да и не могли понять нужды новыхъ своихъ подданныхъ. Преслѣдованіе православной вѣры, уничиженіе всего того, что напоминало собою русское и литовское, не католическое, начавшееся непосредственно послѣ Люблинской уніи,—внесло раздоръ и въ безъ того уже разнородные элементы польско-литовскаго государства. Составныя части его начали стремиться къ разьединенію. Угне-

тенный православный людъ сталъ искать выхода; южно-руссъ нашли для себя этотъ исходъ въ казачествѣ и Запорожской Сѣчи; бѣлоруссы, которыхъ положеніе было гораздо хуже, у которыхъ не было степныхъ пространствъ, куда бы они могли устремить свое движеніе, глухо роптали противъ новаго владычества, старались всѣми мѣрами содѣйствовать казацкимъ дружинамъ, возставшимъ противъ Польши, а часто и сами брались за оружіе.

Къ злосчастной Люблинской уніи присоединилась Брестская церковная унія 1596 г., какъ естественное послѣдствіе первой. Это было новое посягательство, не только Польши, но и всего католическаго міра на національную самобытность западно-русскихъ земель. Брестская унія, доставившая столько торжества католичеству, ускорила паденіе польско-литовскаго государства. Два вѣка полки шагъ-за-шагомъ стремились къ присоединенію Литвы и Западно-русскихъ земель, и менѣе чѣмъ въ два вѣка новое государство пало.

Когда бѣлоруссы и малоруссы поняли, наконецъ, невозможность дальнѣе претерпѣвать польско-католическое иго, они стали искать внѣшней точки опоры, внѣшней силы, которая поддержала бы ихъ въ предстоящей борьбѣ. Такой силой была Москва, единовѣрная и родственная, на которую и обратили свои взоры западно-руссъ.

IV.

Въ то время, когда Литва собирала русскія земли на западѣ, Москва на востокѣ была занята тѣмъ-же.

Однако политика въ данномъ случаѣ той и другой имѣла важное различіе.

Московское царство возникло изъ маленькаго небольшого удѣла и причиною его возникновенія были личныя качества первыхъ московскихъ князей. Нужно отдать полную дань справедливости, что развитіе и управленіе московскаго государства всецѣло составляетъ заслугу первыхъ князей его. Послѣ татарскаго нашествія восточныя области Россіи пришли въ страшное запустѣніе; города и села были разорены; люди, кто оставался живъ, разбѣжались или попали въ плѣнъ; вся страна представляла печальную картину разрушенія.

Въ это время выдвигаются одинъ за другимъ энергическіе московскіе князья. Они собираютъ народъ въ свой маленький удѣлъ, переманиваютъ бояръ и крестьянъ изъ сосѣднихъ княжествъ, даруютъ имъ всякія льготы, строго наблюдая, чтобы ни тѣ, ни другіе не могли перейти отъ нихъ въ другой удѣлъ; они собираютъ казну, скупаютъ сосѣднія земли, завлаждаютъ ими, вытравливаютъ у хановъ и т. д. Всѣ московскіе князья похожи одинъ на другого, всѣ дѣйствуютъ, сознательно или бессознательно, по

строго начертанному плану, раздѣляя и губя сосѣдей, собирая по клочкамъ Русь и въ то же время приобретаая всякими происками, съ помощью подарковъ, вліяніе въ Золотой Ордѣ.

Частиѣ имъ благопріятствовало. Грозная Золотая Орда въ XIV в. была раздраема сама внутренними смутами: ханы смѣнялись по нѣскольку разъ въ годъ; власть ихъ совершенно упала. Для каждаго въ отдѣльности русскаго княжества она была страшна своею грозною силою и особенно грознымъ прошедшимъ. Но московскіе князья сумѣли воспользоваться ордынскими неурядицами, и такимъ образомъ сама Орда помогла ихъ возвышенію, утверждая великое княженіе за Москвою, дѣлая послѣднюю судею надъ остальными русскими княжествами, возлагая на нее собраніе дани со всей Руси. Все это было на руку Москвѣ. Почти въ полтора столѣтія она усилилась на столько, что очутилась во главѣ восточной Руси и дала сильный отпоръ своимъ властителямъ татарамъ.

Условія возникновенія и усиленія московскаго государства были таковы, что политическій укладъ его сложился изъ трехъ главнѣйшихъ началъ, на долгое время ставшихъ основой его устройства, внутренней и внѣшней политики. Долгое и близкое сожительство съ татарами, сношенія съ ними оставили на московскомъ княжествѣ сильное вліяніе необузданнаго татарскаго деспотизма, татарскихъ понятій о властелинѣ и подчиненномъ. Съ другой стороны, не менѣе сильно было вліяніе византійское, проникшее въ Россію съ появленіемъ Софіи, жены Иоанна III. Наконецъ третье условіе, — былъ самый способъ собранія московскими князьями русскихъ земель, большинство которыхъ досталось имъ или вслѣдствіи завоеваній, или записаній и подарковъ, т. е. такимъ именно образомъ, что они становились личною собственностью князя. Народъ принималъ только пассивное участіе въ собраніи земель; дѣло это личное князей и высшей боярской элиты: если народъ и сходилъ со всѣхъ сторонъ подъ высокую руку московскаго князя, то сходилъ потому, что подъ этой высокой рукой жить было покойно и удобно; татары почти не появлялись, князья не любили вести междоусобныхъ войнъ, стремились къ захватамъ посредствомъ политическихъ сдѣлокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ, отдававшій Москвѣ, терялъ свои политическія права: не было уже шумныхъ вѣчевыхъ сходокъ, партійной борьбы, никто не смѣлъ ратовать за народные интересы; Москва налегла всею своею тяжестью, увеличивая или уменьшая права и обязанности своихъ подданныхъ, не желая знать ихъ нуждъ и требованій. Все это вносило гармонировало съ вліяніемъ, проникшимъ изъ Орды и Византіи. Князья, по правамъ подходя ближе къ татарамъ, во внѣшнихъ отношеніяхъ стараются подражать византійскимъ императорамъ. Уже современники Иоанна III жалуются на то, что князь оставляетъ древніе княжескіе обычаи, пренебрегаетъ совѣтами бояръ, не позволяетъ имъ перечить себѣ, и управляетъ

государствомъ самъ-третьей. Ко всѣмъ этимъ порядкамъ присоединяется религиозная нетерпимость, которая поддерживалась крайнимъ упадкомъ образованности среди Московскаго государства вообще и особенно среди духовенства. За предѣлами "высокой власти" московскаго государя всѣ были бусурмане; и поляки, и турки, татары и даже православные малоруссы и бѣлоруссы, которыхъ московскіе политики не могли отличить отъ сосѣднихъ поляковъ и литовцевъ. Во главѣ московской дипломатіи стояли политики поляковъ и литовцевъ. На сосѣдей, не справлявшихся съ исторіей и современнымъ положеніемъ странъ, которыя захватывали ихъ войско. Они на все смотрѣли съ своей исключительной, узкой великорусской точки зрѣнія; вслѣдствіе примѣняли свои порядки, не справляясь съ духомъ и точками страны; все, что не подходило подъ мѣрку великорусскихъ понятій, что хоть немного возмущало надъ ними въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, они стремились передрать, перекроить по своему. Если среди московскихъ политиковъ и поднимался какой либо честный голосъ, вродѣ боярина Ордына Нащокина, предостерегавшій ихъ отъ неминуемыхъ послѣдствій, но этотъ голосъ терпелся среди криковъ узкоколбой дипломатіи.

Понятно, что при такихъ условіяхъ тогдашней московской политики, уже первыя столкновенія москвитянъ съ бѣлоруссами и украинцами повели къ пѣлому ряду недоразумѣній, раздоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, условія жизни бѣлорусскаго народа отличались совершенно противоположнымъ направленіемъ, сравнительно съ жизнью московской. Мы видѣли, что бѣлорусскій народъ до конца XIV вѣка, т. е. именно до того времени, когда въ Московскомъ государствѣ уже ясно обозначились указанныя нами порядки, до этого времени онъ жилъ самостоятельно жизнью, управлялся прежними вѣчевыми порядками и, какъ культурно-господствующая національность, имѣла огромное вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла страны. Образование въ немъ не только не остановилось, но напротивъ еще сильнѣе поднялось, вслѣдствіе знакомства съ европейскимъ западомъ, который тогда стремился къ выработкѣ лучшихъ социальныхъ условій, и вообще пользовался относительною свободой.

Съ соединеніемъ Литвы съ Польшей, положеніе западно-русскаго народа ухудшилось. Однако за бѣлоруссами оставались важныя права и преимущества: такъ, бѣлорусскіе мѣщане управлялись магдебургскимъ правомъ, имѣли суды; кромѣ-того, множество бѣлоруссовъ имѣли шляхетскія права и соединенныя съ ними преимущества. Терпѣло больше всего крестьянство, на него обрушивалась вся тягость польскаго давленія. Но и въ Московскомъ государствѣ внутреннія дѣла были едва ли не хуже. Никто не имѣлъ равно никакихъ правъ, всѣ одинаково были холопы; но въ этомъ то и заключалась бѣда: большій холопъ давилъ меньшаго и т. д. На меньшихъ холоповъ, т. е. на крестьянъ

янство и горожанъ, обрушивалась вся тягость московскихъ порядковъ; не даромъ говорили представители на земскомъ сборѣ въ 1642 г.: „а разорены мы лучше гурскихъ крымскихъ и басурманъ московскою волокитею, отъ неправдъ и несправедливыхъ судовъ“. Положение московскихъ людей едвали было не хуже западно-русскихъ: у послѣднихъ по крайней мѣрѣ были кое какія права, да при томъ они пользовались частыми смутами, чтобы воспользоваться приобретениемъ новыхъ правъ, чтобы отомстить своимъ угнетателямъ, чего не могли дѣлать великорусскіе люди. Важнѣйшія причины, заставившія западно-русскія земли искать выхода изъ польской неволи, заключались въ религиозныхъ преслѣдованіяхъ, которыя сливались и съ національной нетерпимостью поляковъ. Что еще больше возбуждало бѣлорусовъ, такъ это то, что тутъ же рядомъ съ ними жили католики, пользовавшіеся всѣми широкими правами польской шляхты. Какъ люди развитые по своему времени, большинство бѣлорусовъ прекрасно понимали всю выгоду польскихъ шляхетскихъ правъ, и конечно, ихъ національное чувство сильно оскорблялось несправедливымъ отношеніемъ къ нимъ властителей.

Между тѣмъ, справедливо говоря, польская конституція была образцомъ свободнаго правленія, котораго не достигало ни одно современное ему государство. Недостатокъ ея, бывшій причиной паденія Польши, заключался не въ самой сущности, но въ болѣе или менѣе внѣшнихъ обстоятельствахъ, именно, что польская конституція признавала только одно шляхетское сословіе, внѣ котораго не могло быть равноправныхъ гражданъ и, что особенно важно, она не согласовалась съ понятіями и общественною правдностью своихъ гражданъ; простой народъ былъ совершенно устраненъ отъ правленія, порабощенъ, такъ что изъ него не выходило на общественную арену новыхъ дѣятелей съ здоровыми жизненными задачами, а шляхетское сословіе было слишкомъ деморализовано, чтобы пользоваться своими правами безъ злоупотребленія. Въ отношенія къ русскимъ землямъ польская политика поступалась своей узкой шляхетско-католической точки зрѣнія, не признавая правъ народа и вообще православныхъ. Польскіе политики, въ своемъ стремленіи централизовать разнородныя національности, изъ которыхъ состояло государство, не пренебрегали никакими средствами.

Въ этомъ пунктѣ, т. е. въ стремленіи къ централизаціи національностей, которыхъ историческія и народно-бытовыя традиціи склонялись къ децентрализаціонной жизни, федеративному устройству, московское правительство имѣло полное сходство съ польскимъ. Польское начало внесло въ Бѣлорусію шляхетскую аристократическую республику, московское начало — боярскую олигархію; то и другое государство совершенно исключали де-

мость, тогда какъ бѣлорусскій народъ былъ прежде всего, но своимъ историческимъ и народно-бытовымъ традиціямъ, въ высшей степени демократиченъ. Во всемъ не великорусскомъ московское начало видѣло вообще не русское, не православное, и стремилось къ его уничтоженію. Критеріумомъ для такого отличія русскаго отъ не русскаго часто служили въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ земляхъ однѣ внѣшнія отличія. Насколько въ этомъ отношеніи были близоруки московскіе политики, видно изъ слѣдующаго мѣста изъ манифеста Алексѣя Михайловича къ православнымъ. Польша и Литва, когда онъ вступилъ въ предѣлы послѣдней въ 1654 г.: „и вы бы, православные христіане, освободились отъ злыхъ, въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе проводжали; и сколько васъ Господь Богъ на то добро дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія раздѣленія съ поляками сотворите, какъ вѣрою такъ и чиномъ (наружностью), хохлы, которые у васъ на головахъ постригите“ (Соловьевъ). При такомъ узкомъ обрядовомъ отношеніи къ Западно-Русскимъ провинціямъ, которыя отвоевывали москвитяне отъ Польши, понятно, не могло произойти соединенія. Бѣлоруссы сами призывали великорусовъ, сносились съ ними, измѣняли полякамъ, но какъ только они почувствовали на себѣ тяжесть московскаго управленія, они очутились въ безвыходномъ положеніи и начали мало по малу снова тянуть къ Польшѣ. Вступая въ подданство подъ „высокую руку“ московскаго Царя, бѣлорусскіе города, однако, старались выговорить себѣ свободу внутренняго управленія, какъ Могилевъ, Смоленскъ и др.: они стремились такимъ образомъ избѣгнуть гоненій на свою народность и православіе со стороны Польши, но свято держались старинныхъ порядковъ свободы, самоуправления; вотъ какъ напр., договаривались Смоленяне въ 1514 г. съ Иваномъ Васильевичемъ: „Даемъ вѣдати, что намъ былъ челомъ нашъ Богомолецъ, наше Смоленскіе вотчины Владыка Варсанофей и урядники, окольничіе, и князи, и бояре, и мѣщанѣ и черные люди, о томъ, что намъ ихъ пожаловати, *держати съ ихъ старинъ*, какъ ихъ держалъ Князь Великій *Витовтъ*, и иные преждшій Государя ихъ, по той утвержденной грамотѣ, какову далъ имъ Александръ король... а которые отчины за ними, а намъ въ тѣ не вступатися, а развода имъ самимъ не чинити“ и ¹⁾ т. д. Тѣ же льготы, даже такіе, какъ ношеніе національной одежды и пр. выговорилъ себѣ въ 1654 г. Могилевъ. Однако, даже даровавъ бѣлорусскимъ городамъ свободу ихъ прежняго самоуправленія, московскіе заправили не съумѣли войти съ ними въ дружескія братскія отношенія, нарушали ихъ права, напосыли обиды гражданамъ по своимъ московскимъ обычаямъ. Города стали измѣнять Москвѣ, переселиться на сторону Польши. Отношенія обострились

1) Никитинъ „Исторія города Смоленска“, приложение стр. XXVIII.

часто до того, что напр. Могилевцы перебили однажды 7-ми тысячный московский гарнизон.

Вступая в Бѣлоруссію, Москва не имѣла определенной, напередъ выработанной социальной системы, не знала страны, куда ее звали; она слеза въ покоряемыя страны всю тигость своего воеводскаго управления, московской волокиты; однимъ словомъ, вносила ту же деморализацію, только на восточно-русскій ладъ, каковую несло польское владичество съ запада, т. е. то отъ чего бѣжали бѣлоруссы.

Въ виду такого положенія дѣлъ, соединеніе Великой Россіи съ Бѣлоруссіею не могло произойти въ XVII в. при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на слѣдующихъ отношеніяхъ Россіи къ Бѣлоруссіи, такъ какъ это повело бы насъ слишкомъ далеко и отняло бы много времени и мѣста, да при томъ характеръ этихъ отношеній достаточно выясненъ въ упомянутыхъ статьяхъ г. Пылина. „Бѣлорусская Этнографія“. Прибавимъ, что взгляды русскаго правительства на Бѣлоруссію не особенно измѣнились и послѣ окончательнаго присоединенія ея къ Россіи. Въ 1796 г. Екатерина, присоединяя къ своимъ владѣніямъ бѣлорусскія земли, считала и особенно любила называть ихъ землями „отъ Польши возвращенными“, но „возвращеніе это понималось въ томъ смыслѣ, что Полоцкъ, Минскъ и др. города составляютъ наслѣдіе дома св. Владимира“, представительницею котораго она себя считала. Однако, въ чемъ заключалось, это „наслѣдіе“, что собою оно представляло въ прошломъ и настоящемъ, объ этомъ тогдашняя дипломатія не справлялась, хотя съ особеннымъ удареніемъ указывала на то, что Россія только возвращаетъ принадлежавшія ей земли по династическимъ правамъ, но неправильно „захваченныя“ Польшею. Обыкновенно же до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, Бѣлоруссія считалась официально „Литвою“, или даже, особенно западныхъ части ея, просто „Польшею“. Вслѣдствіе такого взгляда, вмѣсто того, чтобы выдвигать мѣстный элементъ, ему покровительствовать начали выдвигать въ первое время польскій элементъ. Сюда же присоединилось гибельно подѣйствовавшее „обрусеніе“ Бѣлоруссіи: посылались чиновники изъ великорусскихъ губерній, большинство которыхъ не оправдало намѣреній правительства: это были люди, не могшіе ужиться, не имѣвшіе мѣста на родинѣ или ѣхавшіе въ Бѣлоруссію изъ жажды къ быстрой наживѣ.

Такіе люди не только не привлекали къ себѣ мѣстныхъ жителей, но напротивъ отталкивали ихъ. Притомъ, неравномерныя отношенія къ краю, поднятіе то польскаго элемента въ немъ (при Павлѣ Петровичѣ и Александрѣ I), то великорусскаго, посредствомъ присланныхъ чиновниковъ, дѣйствовало крайнѣе благоприятно на мѣстныхъ жителей: послѣдствіемъ этого мы видимъ быстрое ополяченіе края въ первое время русскаго владичества; вмѣсто того, какъ можно было бы ожидать, что здѣсь выдвигается

мѣстный бѣлорусскій элементъ, выдвигается вдругъ польскій, пришлый. Не только великорусская дипломатія, но даже ученые, какъ напр. Карамзинъ, не всегда имѣли ясное понятіе и о прошломъ о современномъ состояніи Бѣлоруссіи: они указывали на право меча, на династическія права Россіи по отношенію къ „Литвѣ“ и „Польшѣ“, т. е. по отношенію къ бѣлорусскимъ провинціямъ, забывая о томъ, что тамъ живетъ народъ, который имѣетъ большое сходство съ великоруссами, что тамъ тоже Русь (только не Великороссія).

Въ 1835 г. извѣстный историкъ Устряловъ доложилъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода Протасову и министру народнаго просвѣщенія Уварову, что литовское княжество—тоже Русь. Протасовъ, для котораго это важно было, „по политическимъ соображеніямъ“, и Уваровъ пришли отъ этого „въ восторгъ“ (выражая его на французскомъ языкѣ); они рѣшили точасъ-же „доложить“ объ этомъ государю. Такъ необширны были понятія русскихъ политиковъ о странѣ, которою они уже правили около полу-столѣтія.

Мы остановимся пока на этихъ историческихъ данныхъ объ отношеніяхъ Бѣлоруссіи къ сосѣдямъ и постараемся опредѣлить, какое отношеніе къ нимъ она занимаетъ въ настоящее время.

Въ настоящихъ очеркахъ мы коснулись главнѣйшихъ моментовъ исторической судьбы Бѣлорусскаго народа. Уже изъ этихъ бѣглыхъ очерковъ можно, какъ кажется, вывести заключеніе, что Бѣлорусское племя имѣло свою исторію, отличительную отъ исторіи сосѣднихъ, родственныхъ ему племенъ, свои историческія традиціи начала, что эти начала оно когда то упорно отстаивало. Кромѣ того, Бѣлорусскій народъ имѣетъ этнографическія отличія отъ сосѣднихъ народностей, отличается отъ нихъ складомъ своего развитія, понятій и наклонностей. Въ устахъ его еще сохранилась масса пѣсенъ, многія изъ которыхъ дышатъ родной, завѣтной стариной, и рисуютъ бытовую обстановку жизни; въ нихъ воспѣваетъ бѣлорусъ свою радость и горе; въ нихъ слышится отдаленная пѣснь языческихъ временъ, теперь уже не понятная современнымъ поколѣніямъ, предки которыхъ воспѣвали ихъ нѣкогда въ тѣнистыхъ дубровахъ предъ своими богами.

Много есть пѣсенъ, въ которыхъ бѣлорусъ вспоминаетъ о своемъ прежнемъ несчастіи: это хватающая за душу пѣснь народа—раба, стонущаго среди гоненій, подъ игмомъ чужеземной неволи...

Вообще, народное наше творчество составляетъ наше великое богатство, которымъ бѣлоруссы могутъ гордиться, которое должны поддерживать и сохранять. Наконецъ, есть еще завѣтъ у бѣлоруссовъ—свой языкъ, отличающийся отъ языковъ сосѣднихъ племенъ важными фонетическими и ле-

кисическими особенностями. Язык этот имѣть свою исторію: признаки его замѣтны съ очень древнихъ временъ.

На этомъ языкѣ писанъ цѣлый рядъ грамотъ, договоровъ, литературныхъ памятниковъ и даже извѣстный Литовскій Статутъ; онъ былъ государственнѣмъ языкомъ въ средніе вѣка, до нач. XVII вѣка, на всемъ обширномъ пространствѣ Литвы и Бѣлоруссіи. На немъ сохранилась наша обширная средневѣковая литература; наконецъ, какъ литературный языкъ, онъ извѣстенъ еще въ половинѣ нааотоящаго вѣка, когда появилось не мало писанныхъ этимъ языкомъ беллетристическихъ произведеній.

Мы не станемъ подробно останавливаться на этнографическомъ отличіи бѣлоруссовъ и ихъ языкѣ, такъ какъ, полагаемъ, вопросъ этотъ достаточно обслѣдованъ научной литературой¹⁾.

Привзавая вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ и языкѣ бѣлоруссовъ достаточно рѣшеннымъ и извѣстнымъ читателямъ изъ научной литературы, остановимся на томъ, что составляетъ для всякаго народа его языкъ, исторія и этнографическія особенности. Группа людей, имѣющая свои традиціонныя историческія начала, свои этнографическія особенности и языкъ, такая группа людей составляетъ уже отдѣльную народность, племя, однимъ словомъ *народный организмъ*.

Какъ зачинается каждый народный организмъ,—пока наука не даетъ намъ опредѣленныхъ формъ его зачаточнаго состояніи; этотъ вопросъ предстоитъ рѣшить антропологіи.

Зато историческія изслѣдованія даютъ намъ право вывести общія заключенія о ростѣ народнаго организма, его отпавленіяхъ, силѣ и значеніи въ настоящее время. Настоящая жизнь народа есть сумма всего пережитаго имъ, какъ бы онъ не былъ молодъ,—результатъ борьбы и развитія массы предшествовавшихъ поколѣній и, наконецъ, результатъ идей, внесенныхъ разными поколѣніями, вырабатываемый и пережитый другими. Все это и составляетъ сущность жизни народнаго общественнаго организма въ данное время.

Народный организмъ не есть произведеніе данной жизни народа, по преимуществу мы его разсматриваемъ какъ результатъ прошедшаго, какъ сумму работы предшествовавшихъ формаций поколѣній. Одно поколѣніе идетъ за другимъ, одно смѣняетъ другое,—и каждое изъ нихъ оставляетъ слѣдъ въ исторіи.

¹⁾ Укажемъ по языку труды Карокаго, Наденшева, Вудуна-де-Куртона, Карпинскаго („Говоръ Пинчукскій“) и мн. др. По этнографіи имѣемъ сборники Романова, Шейна, Носовича и др.

Этотъ слѣдъ cadaго поколѣнія выражается въ измѣненіи общественныхъ и бытовыхъ формъ народной жизни, что вмѣстѣ влияетъ на нравственный и социальный строй народа. Бытовые и общественныя формы измѣняются у cadaго народа и въ измѣненіи этихъ формъ состоитъ прогрессъ этого народа. Каждое такое измѣненіе формъ народной жизни, внесенное или отдѣльнымъ поколѣніемъ или цѣлымъ рядомъ ихъ, удерживается въ общій ходъ жизни болѣе или менѣе продолжительно, пока, наконецъ, въ свою очередь не состарится и не вытѣсняется новой работою послѣдующихъ поколѣній.

Изъ такихъ формаций и складывается народная жизнь, народный организмъ. Сколько помнитъ себя человѣчество, сколько могли проникнуть современные ученые. археологи, филологи и антропологи, въ прошедшую доисторическую жизнь, вездѣ народный организмъ представляетъ уже результаты жизни предшественниковъ; однако каждое поколѣніе складывается изъ отдѣльныхъ жизней индивидуумовъ и каждый отдѣльный индивидуумъ имѣетъ въ себѣ идеи времени, и по жрѣбъ силъ выполняетъ частности ихъ. Такимъ образомъ работа органическаго поколѣнія разлагается на болѣе мелкую частичную работу индивидуумовъ.

Совокупность идей индивидуумовъ есть выраженіе работы поколѣній. Природа общества есть природа идей и мы пока еще не знаемъ, гдѣ еще кромѣ общества, возникаютъ, рождаются идеи, будетъ ли состоять общество изъ отдѣльныхъ лицъ, или изъ многихъ, изъ цѣлаго народа.

Идей, вырабатываемыя послѣдующими формациями поколѣній народа, по частностямъ созидаются отдѣльными индивидуумами, которые вносятъ свою лепту въ общую сокровищницу народной жизни: изъ идей индивидуумовъ рождаются и формируются идеи общества. Но въ то же время каждое предшествующее поколѣніе его вырабатываетъ основу для послѣдующаго развитія поколѣній и отдѣльныхъ индивидуумовъ. Задача работы народнаго общественнаго организма сводится къ выработкѣ высшаго, въ нравственномъ и умственномъ смыслѣ, индивидуума. Высшая степень развитія индивидуальной жизни и свободы — есть высшая степень развитія cadaго народа въ частности, въ общемъ всего человѣчества.

Чѣмъ выше стоитъ общество, тѣмъ свободнѣе, въ нравственномъ, умственномъ и социально-политическомъ отношеніяхъ въ немъ поставленъ индивидуумъ. Чѣмъ разнообразнѣе и свободнѣе жизнь индивидуумовъ, тѣмъ быстрѣе общество движется на пути прогресса. „Что предохраняло до сихъ поръ Европу отъ подобной участи (Китаю)? Почему семья европейскихъ народовъ была до сихъ поръ не неподвижною, а постоянно совершенствующеюся частью человѣчества? Не потому, конечно, чтобы европейскіе народы

имѣли какое нибудь превосходство предъ другими народами, такъ какъ это превосходство, если оно и существуетъ, во всякомъ случаѣ есть слабѣе, но не причина, а потому, что они постоянно отличались большимъ разнообразіемъ характеровъ и культуры. Индивидуумы, классы общества, народы, все это представляеть въ Европѣ весьма рѣдкое разнообразіе, и всѣ эти разнообразія стремились къ прогрессу весьма различными путями",—говоритъ извѣстный Джонъ Стюартъ Милль „Этому разнообразію путей“,—заключаетъ онъ далѣе,—„Европа и обязана, по моему мнѣнію, своимъ прогрессивнымъ развитіемъ“¹⁾. Въ развитіи народнаго общественнаго организма имѣеть значеніе не одно только равномерное развитіе поколѣній и составляющихъ ихъ индивидуумовъ, но и другіе факты, оказывающіе на народъ то или другое воздѣйствіе. Мы не можемъ согласиться вполне съ теоріей нѣкоторыхъ историковъ, извѣстною въ русской исторической наукѣ именованъ *субъективной*, представителемъ которой является маститый ученый С. М. Соловьевъ; теорія эта видитъ въ народномъ общественномъ организмѣ альфу и омегу его существованія и развитія, такъ что воздѣйствіе *постороннихъ* факторовъ не можетъ оказывать на него своего вліянія: порабощенія народовъ, даже его передвиженія, появленіе сильныхъ историческихъ личностей—всѣ подобныя явленія оказываются безъ воздѣйствія на народную жизнь. Разъ зародился народный общественный организмъ, у него уже есть свои политическія и социальныя задачи, у него уже заранѣе опредѣлена форма служенія человечеству и пр. Къ функционированію этихъ задачъ стремится народъ, хотя и безсознательно; въ этомъ состоитъ его міровая миссія и цѣль жизни.

Ничто постороннее не можетъ воспрепятствовать ему къ достиженію цѣлей, появившихся при зародышномъ состояніи организма: онъ неуклонно стремится къ своимъ задачамъ. Такъ гласитъ исторія субъективная. Съ нею нельзя вполне согласиться: въ дѣйствительности исторія даетъ намъ противоположныя факты. Она намъ указываетъ, что различныя факторы исторической жизни имѣютъ важное значеніе въ жизни народа.

Они не только усиливаетъ или замедляютъ выполненіе историческихъ функций въ жизни народа, но и вліяютъ на умственный и социально-политическій складъ его.

Такъ, на жизни Московскаго государства отразилось нѣсколько татарское иго, сношенія его съ Византіею, сліянія его сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ великорусскихъ колонизаторовъ съ финскими племенами и пр.; еще и до сихъ поръ вліяніе этихъ историческихъ факторовъ нельзя отрицать въ жизни современной Великороссіи.

¹⁾ См. его «Утилитаризмъ и о свободѣ», пер. Новѣдомскаго С. П. В. 1882 г. стр. 293 и 294.

Татарско-византійское вліяніе, начиная съ XV вѣка, красной нитью проходить по всей политической исторіи Великорусскаго племени; мало того: оно оставило свой слѣдъ въ семѣи, въ характерѣ великоросса. Можно ли отрицать, какъ это дѣлають субъективисты, значеніе и вліяніе татарскаго ига?

Какъ согласить сравнительно высокой уровень образованія и развитія древне-русскихъ племенъ, или ихъ социально-политическое устройство съ послѣдующимъ рабствомъ и отупѣніемъ Московскаго народа.

Въ жизни каждаго народа мы можемъ наблюдать подобные этому примѣры воздѣйствія историческихъ факторовъ на складъ народнои жизни.

Соединеніе Бѣлоруссіи и Литвы съ Польшею ускорило политическую смерть послѣдней, подготовивъ ей тотъ историческій гробъ, куда вело ее неустройство Рѣчи Посполитой. Для Бѣлоруссіи тоже соединеніе оказалось гибельнымъ въ томъ смыслѣ, что послѣдовавшая религіозная и социальная борьба ея населенія съ шляхтою оторвала силы Бѣлорусскаго племени отъ работы надъ саморазвитіемъ и содѣйствовало тому политическому омертвѣнію ея, которое сказалось въ послѣдующихъ событіяхъ.

И такъ, нужно признавать вліяніе на жизнь каждаго народа различныхъ историческихъ факторовъ, но задача исторіи указать, на сколько тотъ или другой факторъ имѣлъ дѣйствительное наченіе въ жизни народнаго общественнаго организма.

Таково развитіе народнаго общественнаго организма. Мы позволили себѣ остановиться на свойствахъ его потому, что намъ придется еще указать на значеніе сложившагося уже организма. Сложившіяся народный организмъ имѣеть, какъ мы видѣли, свои историческія традиціонныя начала принадлежностью его бываетъ его языкъ, литература устная или даже письменная и этнографическія особенности, связанныя болѣе или менѣе съ природными условіями мѣстоположенія народа и его истеріею; прибавьте ко всѣму этому особенности географическаго положенія и физиологическаго строя организма индивидуумовъ,—и мы получимъ признаки и качества, которыми обособляется одно племя отъ другого, одинъ народъ отъ другого, которыя даютъ ему права называться *народомъ, племенемъ* въ семѣи другихъ народовъ.

Эти признаки племени имѣютъ великую силу для общественнаго организма; они поддерживаютъ его, идутъ и совершенствуются съ нимъ рука объ руку и, наконецъ, пока они существуютъ, будетъ существовать народъ, племя.

Особенно важнымъ тутъ является языкъ: пока въ народѣ живъ его языкъ,—живъ и самъ народъ, съ потерей его племя лишается своего *народнаго* самознанія и исчезаетъ въ массѣ поглотившей его силы.

Не мало народностей погибло, утративъ свои племенные особенности:

на сѣверо-востокѣ такъ затерялись въ массѣ великорусскихъ колонистовъ тюрко-финскія племена, нѣмецкіе колонисты основали цѣлыя государства на развалинахъ славянскихъ племенъ, болѣе ясныхъ по своимъ особенностямъ.

Такъ умираетъ народъ, теряя свои особенности и сливаясь съ болѣе сильнымъ племенемъ, поглощаемымъ его.

Но за то и наоборотъ: народъ, лишенный политической жизни, подавляемый внутреннимъ гнетомъ, иногда на цѣлыя столѣтія сходящій съ политической арены и какъ бы замирающій,—такой народъ, если онъ не потерялъ своего языка, этнографическихъ особенностей и пр.,— снова выдвигается на арену, если не политической, то по крайнѣй мѣрѣ социальной и умственной жизни. Таковы свойства и крѣпость народнаго общественнаго организма: сохраняя свои особенности, онъ не можетъ погибнуть, затеряться, пока не свершитъ своей миссін въ общей исторической судьбѣ міра. Такъ было со многими племенами. Не такъ то давно, въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка, многие и забыли о существованіи нѣкоторыхъ западно-славянскихъ и юго-славянскихъ племенъ: ихъ, съ потерей политической самостоятельности, считали сходящими съ жизненной арены, жалкими остатками.

Имя нѣкогда великой Чехіи къ этому времени уже почти сошло съ карты Европы; большинство чеховъ, особенно горожанъ и дворянства, лишилось языка, и признаки чешской національности жили еще кой-гдѣ въ деревняхъ. Но это были бѣдные крестьяне, подавленные работой, забывшіе о своемъ великомъ прошломъ, шедшіе по пути онѣмеченія; многие гнушались чешскаго имени: оно дѣлалось чуть ли не позорнымъ. Чешскіе крестьяне сохранили только свой языкъ, забывая народную поэзію, въ которой слышалась иногда отдаленная пѣснь о славномъ прошломъ.

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ—Чехія и чехи измѣнились: о нихъ заговорили европейская наука и повременная печать, чехъ съ гордостью поднялъ голову; онъ имѣетъ теперь богатую литературу, языкъ ихъ раздается съ высоты профессорской кафедры, чехи много сдѣлали въ области науки, они приобрѣли себѣ политическія права и требуютъ автономіи; многие, онѣмеченные уже, чехи снова возвратились въ лоно своей народности. Произшло, такимъ образомъ возрожденіе чешской народности.

Нашлися патриоты, которые напомнили чехамъ объ ихъ историческомъ славномъ прошломъ, о томъ, что ихъ языкъ, какъ и языки другихъ народовъ, былъ нѣкогда языкомъ литературы, что онъ и теперь еще не потерялъ своихъ особенностей и своей прелести и можетъ служить для развитія новой литературы.

Такимъ же образомъ и на тѣхъ же основахъ произошло возрожденіе и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Еще недавно, послѣ австро-венгерской

войны, поляки всему міру заявили, что австрійское правительство „выдумало“ русиновъ въ отпоръ польскимъ стремленіямъ. Правда, правительство дѣйствовало тогда не безъ задней мысли, желая ослабить поляковъ, но относительно русинской народности оно поступило вполне справедливо, даровало ей кой-какія политическія права и официально признавъ ее существованіе; съ тѣхъ поръ литература и языкъ русиновъ получили право гражданства.

Возрожденіе сербовъ началось послѣ изданія Караджичемъ собранія сербскихъ народныхъ пѣсенъ; для возрожденія Болгарскаго племени много потрудились Венелинъ, наконецъ, начало малорусской новѣйшей литературы считается съ появленія „Энеиды“ Котляревскаго.

Конечно, возрожденіе каждой славянской народности сопровождалось массой различныхъ мелкихъ причинъ, но это были побочныя обстоятельства. Главное состояло въ томъ, что славянскія народности не успѣли утратить своихъ племенныхъ особенностей, а потому возрожденіе ихъ нужно признать обязательнымъ.

Послѣ указанія на законность возрожденія народныхъ организмовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, для насъ возникаетъ весьма важный вопросъ: что представляеть, по существу, возрожденіе національности—положительное для нее благо, или зло?

Вопросъ этотъ весьма важенъ, такъ какъ съ рѣшеніемъ его выясняется, слѣдуетъ ли народности стремиться къ возрожденію, или нѣтъ. Окончательный отвѣтъ на это дастъ будущее, когда будутъ подведены итоги возрожденію различныхъ народностей, проявившемуся въ нашемъ вѣкѣ. Однако, въ данное время кое-что уже можно видѣть изъ исторіи и результатовъ возрожденія славянскихъ народностей.

Когда тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ данъ толчекъ къ возрожденію народности, силы ея обновляются, въ ней начинается новая жизнь, кипучая дѣятельность на поприщѣ общественномъ и научномъ.

Дѣятельность вызываетъ новые таланты изъ среды народной. Силы, вызванныя возрожденіемъ, отдають свой трудъ своей родиנѣ.

Возбужденіе въ жизни народа всегда полезно, потому что оно вызываетъ усиленную дѣятельность общественную, вызываетъ новыя силы.

Во время такого возбужденнаго состоянія народъ весьма много переживаетъ, что способствуетъ быстрому его культурному росту. Исторія возрожденія славянскихъ народностей представляетъ наглядные тому примѣры. Возродившаяся Малороссія выдвинула изъ себя цѣлый рядъ свѣтлыхъ, талантливыхъ личностей, обратившихъ свои интеллектуальныя силы на пользу роднаго народа; это были: профессоръ—Водянский, Гулакъ-Артемовскій, Максимовичъ, Костомаровъ и др., цѣлый рядъ ученыхъ, не занимавшихъ столь высокаго общественнаго положенія, и наконецъ, солидный рядъ по-

этовъ и беллетристовъ, начиная съ Котляревскаго, Шевченка, Квитка, Гребенки и многихъ др.

Всѣ эти люди воздвиглись къ своей дѣятельности вслѣдствіе горячей любви къ своей родинѣ, ея прошедшему и настоящему, вслѣдствіе искренняго желанія помочь ей, облегчить ея страданія, вывести ее изъ мрака невѣжества, въ которомъ находилась Малороссія; большинство ихъ вышли сами изъ среды невѣжественной и это имъ придавало силы въ послѣдующей борьбѣ. Кому неизвѣстны пламенные, хватающія за душу обращенія Шевченка къ своему народу?

„ пошли
 Подай души убогой силу,
 Щобъ огненно заговорила,
 Щобъ слово пламенемъ взялось,
 Щобъ людямъ сердце ростошло
 И по Украйни пронеслось.
 И на Украйни свѣтылось
 Те слово чистое, кадыло
 Чистѣйшей истины“.

Или извѣстное его:

„Обнимайтежь, брати мой,
 Найменшого брата;
 Нехай мати усмихнеца,
 Заплакана мати...
 И забудеться срамотня
 Давня година,
 И оживъ добра слава,
 Слава Украйны;
 И свить ясний, не вечерній
 Тыхенько засяе...“

Огненные слова Шевченка дышутъ горячей любовью къ родинѣ и ея населенію; послѣднее составляетъ отличительную черту всѣхъ, какъ современныхъ ему, такъ и послѣдующихъ и настоящихъ дѣятелей Малороссіи.

Таковы свойства не только малорусскаго возрожденія, но и всякаго славянскаго племени: въ Чехіи, въ Сербіи, въ Хорватіи—вездѣ мы встрѣчаемъ ту же идею, руководящую мѣстныхъ дѣятелей: горячую самоотверженную любовь къ родинѣ, подтверждающую плодотворную дѣятельность на ея пользу.

Мы удерживаемся отъ приведенія другихъ примѣровъ, что выходитъ за предѣлы предначертанной нами статьи.

Скажемъ только, что все, что даетъ намъ въ настоящее время исторія возрожденія славянскихъ народностей, въ виду вышеприведенныхъ отли-

чительныхъ качествъ, сопровождающихъ его, оно должно быть признано великимъ благомъ для каждой народности.

Что касается собственно бѣлоруссовъ, то это племя еще ждетъ своего изслѣдователя, который бы указалъ на основаніи изученія его прошлаго и настоящаго, положеніе его среди родственныхъ ему славянскихъ племенъ.

Въ какое отношеніе оно станетъ къ нимъ, покажетъ будущее. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного труда, который бы обнималъ современное состояніе, или прошлая судьба Бѣлоруссіи.

Конечно, это очень печально и вся вина въ этомъ падаетъ на ученыхъ, вышедшихъ изъ среды бѣлоруссовъ, но обратившихъ свои силы на другіе предметы.

Между тѣмъ, прошлое Бѣлорусскаго племени представляетъ для изслѣдователя не мало интереса. Исторія его не блещетъ знаменитыми битвами, завоеваніями, у него не было полководцевъ, которымъ хронисты вложили бы въ уста рѣчи, но за то исторія его въ высшей степени интересная въ бытовомъ отношеніи, исторія борьбы бѣлорусскихъ культурныхъ началъ съ польскими.

Въ изученіи быта народа и заключается главный интересъ исторіи; въ этомъ отношеніи наша родина представляетъ не початый край.

Остается только желать, чтобы въ самомъ скоромъ времени было изслѣдовано прошлое и настоящее Бѣлоруссіи, чтобы современники, зная его, могли начать снова культурную работу въ пользу своего племени, какъ это было и есть у другихъ, раньше насъ пробудившихся, славянскихъ народностей...

Солнышко и мѣсяць въ бѣлорусской свадебной поэзіи *).

Почитаніе солнца и мѣсяца, какъ божествъ-покровителей брака, представляетъ очень распространенное явленіе въ первобытныхъ языческихъ религіяхъ. Обычно мѣсяць является началомъ мужскимъ, женихомъ, солнце — невѣстою, хотя встрѣчаются и обратныя представленія. Эти небесныя свѣтила являются, по общему представленію аріевъ, божественно брачной парой; бракъ которой служитъ прототипомъ человѣческихъ браковъ. Какъ божествамъ, живущимъ въ бракѣ, люди отдавали подъ покровительство солнцу и мѣсяцу земные браки. Вотъ отчего въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ аріевъ мы встрѣчаемъ не мало остатковъ поклоненія этимъ божествамъ. Кромѣ того, любовь мѣсяца и солнца, ихъ бракъ, повели къ созданію прекрасныхъ поэтическихъ мифовъ.

Уже гимны Ригъ-Веды поютъ о бракѣ Сомы-мѣсяца съ Сурью, — солнцемъ или солнечной дочерью. Въ германскихъ сказаніяхъ — солнце — Frau Sonne, мѣсяць — Herr Mond. Мифы грековъ и римлянъ не менѣе богаты сказаніями о бракѣ солнца и мѣсяца.

Въ народныхъ воззрѣніяхъ до сихъ поръ сохраняются крупныя слѣды почитанія солнца и мѣсяца, особенно послѣдняго, какъ брачныхъ божествъ; они — устроители браковъ. Нѣмецкая дѣвушка, возлюбленный которой равнодушень къ ней, говоритъ, обращаясь къ мѣсяцу: „Поздравляю тебя, богъ, любезное вечернее свѣтило; я охотно смотрю на тебя сегодня и всегда; покажись на краю лоза моему возлюбленному; не дай ему сна, не дай ему покоя, чтобы онъ долженъ былъ придти ко мнѣ“ (Wutke, Deutsche Aberglaube 342). Калабрійская невѣста такъ обращается къ мѣсяцу, прося его о счастья въ супружеской жизни: „Мѣсяць, святой мѣсяць, дай мнѣ счастливую судьбу“ (Dogza, La tradizione gr.-lat. negli d. Calabria, p. 55).

* Напеч. въ „Мин. Листъ“ 1894 г. № 80.

Особеннымъ интересомъ отличаются литовскія пѣсни. Мы приведемъ одну изъ нихъ:

Мѣсяць—батюшка
Долю выдѣлялъ.
Солнце—матушка
Приданое готовила.
Сетивъ—братецъ
Въ поле провожалъ,
Звѣзды сестрицы
Кушакъ ткали,
Божье дерево—мой милый
Вѣнокъ сплетала.

(Юшкевичъ, Литовскія нар. пѣсни, СПБ. 1867, 5 — 6).

Въ славянскихъ мифахъ и поэзіи солнце и мѣсяць играютъ очень важное значеніе. Мѣсяць считается подателемъ здоровья, богатства. Солнце въ славянской поэзіи является то мужскимъ, то женскимъ началомъ. Великороссы называютъ его царь, князь, болгарскія пѣсни — женихомъ, хорваты представляютъ солнце статнымъ воиномъ. Но женскій обликъ солнца обычнѣе: великорусскія пѣсни называютъ его красной дѣвицей, сербы представляютъ его съ длинными волосами, а чехи знаютъ о солнцѣ — матери. Не менѣе обычно представленіе о солнцѣ и мѣсяцѣ, какъ супружеской парѣ (Hanus Machal, Nakres slovanskego bajeslovi, Praha, 1891, стр. 44—45, 47, 54; Сумцовъ, о свадебныхъ обрядахъ, 51).

Въ бѣлорусской народной поэзіи, особенно свадебной, мы находимъ очень значительныя остатки почитанія мѣсяца и солнца, при чемъ первый — неизмѣнно мужское начало, второе — женское. Рядомъ съ этимъ невѣста иногда называется „зоранькой“, сравнивается съ нею, такъ что наши пѣсни поютъ то о свадьбѣ мѣсяца съ солнышкомъ, то мѣсяца съ зоренькой, утренней зарей.

Въ пѣснѣ, въ которой свадебная дружина напоминаетъ, что пора невѣстѣ ѣхать въ домъ жениха, говорится, что невѣста должна просить благословенія у родителей, сосѣдей и

У яснаго солнца,
У широкаго мѣсяца,
У дробныхъ звѣздъ. (Шейнъ, Матер. II 145).

Этотъ отрывокъ интересенъ указаніемъ, что солнце, мѣсяць и звѣзды призываютъ благословить невѣсту, какъ божества — покровители брака.

Небесныя свѣтила, но понятіямъ бѣлорусса, — источникъ всякаго благоденствія, ихъ товарищъ — дробень дождикъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ одна колыда:

Застилайте столы, кладите пироги (въ жертву),

Къ намъ найдуть любые гости:

Первый гостикъ—ясенъ мѣсяцъ,

Второй гость—жаркое солнейко;

Третій гость—дробень дождика;

Ясенъ мѣсяцъ выхвалется:

Якъ выйду я, выйду поодно съ вечера,

Да взрадуются кушцы въ дорожи,

А рыба въ морѣ, звѣри въ полѣ.

Отъ солнца „взрадуется“ „людь хрещенный“, а отъ дождика—въ полѣ „всякая папница“ (Радченко, Гомельскія пѣсни, 115).

Сопоставленія невѣсты съ солнцемъ мы встрѣчаемъ въ сравненіяхъ, въ родѣ слѣдующихъ:

- 1) Ишло мило солнышко коло лѣсу,
Ровяло искорья по закустѣцу,
Ишла, ишла Машечка коло столыка и т. д. (Шейнъ,
Матер., II, 332).
- 2) На дворѣ сонейко заходзиць,
Кацаринка Марцянка проводзиць. (Янчукъ, по Минск. губ., 51).
- 3) Отчини, матынька, вакоцца,
Вязу тебѣ невѣсту, якъ сонца. (Шейнъ, Вѣл. н., 348).
- 4) Адчини, мамухна вакоцца,
Вотъ табѣ невѣстка, якъ сонца (Piosnki wesniacze Чечота, 44).
- 5) Ой, жарка, жарка да у лузи калина,
Да ще найжарчѣй таго да паненька у матки.
Па дворѣ ходзи, увесь дворъ красуя,
Да на ганю узышла, гани зазвягѣла,
Да у хату зашла, якъ сонца узышло,
На посадзи сѣла,—якъ рожка сыгѣла. (Мое собраніе изъ
Бобр. у.).

Во всѣхъ этихъ отрывкахъ очевидно сопоставленіе невѣсты съ солнцемъ.

Съ другой стороны, встрѣчаемъ сравненія невѣсты съ зарей, зоренькой, въ родѣ слѣдующихъ:

- 1) Што то за зора
У татки на дворѣ?
Дзѣвечка съ ципломъ ходзиць,
Дзѣвечекъ побуждаецъ. (Шейнъ, 87).
- 2) Да не зорка сѣвила,
Тамъ Гануличка ходзила,
Тамъ Ивановна ходзила,
Зѣ залатыми ключами. (ib., 293).

Мѣсяцъ всегда является мужскимъ началомъ:

Да у мѣсяца два рожичька вострѣнькихъ:

Одинъ рожичикъ зимну воду освяциу,

Други рожичикъ на неби звѣду сулицу.

Ды у Андрейка два брацятки родненькихъ и т. д. (Шейнъ, Вѣлор. н., 324).

Рожки мѣсяца—два брата его. Но и самъ женихъ—мѣсяцъ. Это видно изъ слѣдующихъ сопоставленій:

- 1) Чи высокъ мѣсяцъ на зарѣ,
Ти хороши, пригощи Иванъ на конѣ. (Радченко, Гомельскія
пѣсни, 81).
- 2) Ой, что-жъ это за мѣсячко,
Въ ночи сѣтитъ, а въ день нѣ?
Ой, чтожъ это за милый,
Лѣтомъ любилъ, а зимою—нѣ? (ib. 127).
- 3) Да аткель ясенъ мѣсяцъ изйде?
Да аткель малады дзѣвчанка придзе?
Зыйшоу ясенъ мѣсяцъ зъ зорями,
Прийхау малады дзѣвчанка зъ сестрами (Янчукъ, по Минской
губ., 57).
- 4) Откуль, отсюль ясный мѣсяцъ взыйшоувъ,
Откуль, отсюль Игнатка пришоувъ
Откуль, отсюль ясный мѣсяцъ блеснуувъ,
Откуль, отсюль Игнатка у ворота скакнуувъ (Дембовецкій,
Опытъ, т. II, 686).

Мать родила жениха, говорится въ пѣснѣ, и

Мѣсяцемъ обгороздила

Зарей подпирозала (Шейнъ, Мат., II, 344).

Но наиболее интересный мотивъ—это бракъ мѣсяца и солнца, кото-
рое называется иногда красной дѣвицей, или бракъ мѣсяца съ зоренькой.
Иногда невѣста мѣсяца прямо называется „дзѣвчанкой“:

Да мѣсячикъ, дзѣвчанка, мѣсячикъ,

Чаму ты стоиши да не сядзешъ?

Ци ты сабѣ мѣсячка да не найдзешъ?

Да кладзи талירו на миси,

Для свое дзѣвчанки садзиш (Мое собраніе).

Это поется передъ выкумомъ невѣсты; мѣсячикъ, подобно жениху, дол-
женъ купить себѣ невѣсту. Но чаще онъ, какъ бравый молодецъ, добываетъ
себѣ дѣвицу. Онъ не боится тести и предупреждаетъ о своемъ нападѣнии:

Мѣсячикъ навокала неба ходзиць,

Малады Антоська изъ Ганнаю за столъ заходзиць.

Листѣ писани, да да цесыци,—слаци:

— Будзь сабѣ, песця, да ня погнави,
Я у пѣбе буду, да тысячу люду,
Да памішь таго люду я самъ тамъ буду.
Не дзеля обѣду, не дзеля снаданья,
Але къ своей Ганнацы на заручанья (Мое собраніе).

Другія пѣсни прямо говорятъ о женитьбѣ мѣсяца и солнышка: мѣсяць—женихъ, солнышко—невіста:

Божа раданька перелятѣла
Черезъ тую рыдельку (изба) Лукашкину.
Веселая рыдалка Лукашкина,
А у кути мѣсяць—Лукашечка,
А на паду рыдельки теплое совнушко,
Теплое совнушко—Прасковіечка (Дембовецкій, I, 524).

Приведемъ еще одну пѣсню изъ Смоленской губ.:

Изъ-за моря синяго,
Изъ-за лѣса цемнаго,
Изъ-за поля чистаго
Выхадзю ясьмень мѣсяца,
По заутрань ранешенька
Выходило красно солнышко,
Ясьмень мѣсяць—то Иванушка,
Красно сонце—то Аленушка (Шейнъ, Мат., II, 423).

Другія пѣсни говорятъ о бракѣ мѣсяца и зораньки. Мѣсяць—„пероборничекъ“.

Перебравъ усихъ зоричекъ,
Якъ выбравъ сабѣ Зоричку,
Хоть маленьку—ясененьку,
Межъ усихъ Зоричекъ видненьку,

Такъ и пероборничекъ дѣтинка—перобираетъ дѣвушкѣ (Дембовецкій, I, 549).

Женихъ вѣзжаецъ съ своею невістою въ избу, подобно тому какъ мѣсяць „взводитъ зораньку“:

А взыйшовъ мѣсячикъ надъ избою,
А увезъ Зораньку за собою:
Тутъ табѣ, Зорынька, свѣту ждатъ.
А узѣхавъ Иванька къ татку на дворъ,
А увезъ Марьячку за собой:
Тутъ табѣ, Марьячка, вѣкъ вѣвуватъ. (Романовъ, Вѣл. Сбор., I, 358).

Сродный мотивъ развивается въ одной пѣснѣ, записанной въ Смо-

ленской губ., но гораздо полнѣе: ее поютъ, когда свадебный поѣздъ отправляется въ домъ жениха:

Взошовъ мѣсячекъ
Надъ избою
Енъ узъвезъ Зораньку
За собою,
Поставивъ Зораньку
Поплечъ сабѣ:
„Стой, моя Зоранька,
Якъ я стовъ“.
— Я уже, мѣсячекъ,
Настаяся.
„Сьвяци, моя Зоренька,
Якъ я свѣчу“.
— Ой, я уже мѣсячекъ,
Насвѣцися,
По цемныхъ тученькахъ находзися.
Узѣхавъ Петрушка

На бацькинъ дворъ и т. д. (Шейнъ, Мат., II, 451).

Мѣсяць-женихъ, его невіста—зоранька, звѣзды—его сваты:

Затѣзные калы звеняць,
Да сивы кони иржаць.
Ды узѣхавъ мѣсяць надъ избой,
Ды ня знаць мѣсяца за звѣздами,
Только знаць мѣсяць по Зоранькѣ,
Ды ня знаць Хведарки за сватами,
Ды знаць Хведарку по шапоцѣ:
На имъ шапочка, какъ жаръ горчыць,
За нимъ сваточки, якъ макъ цвицьця. (Шейнъ, Вѣл. п., 367).

Въ одной пѣснѣ поется о свадьбѣ мѣсяцева сына и зорыкиной дочери. Эта пѣсня еще замѣчательна и тѣмъ, что поется въ началѣ свадебнаго пира, т. е. собственной свадьбы, и служить, такъ сказать, обращеніемъ къ мѣсяцу и зоранькѣ:

Ай мѣсяць сына жениць,
Зорка дочку замужъ даецъ,
Ай мѣсяць у радысьци,—
Зорынька у жалысьци.
— Ай свекрыка сына жениць,
Ай щецынька дочку замужъ даецъ,
Ай свекрыка у радысьци,
Ай щецынька дый у жалысьци (Шейнъ, Мат., II, 6).

Приведенныя данныя о мѣсяцѣ, солнцѣ и зарѣ даютъ право сдѣлать тотъ выводъ, что бѣлорусская народная поэзія, преимущественно свадебная, сохранила остатки сказаній о свадьбѣ мѣсяца съ солнцѣмъ или съ зарей. Эта божественная брачная пара, прототипъ человѣческаго брака, является покровительницей послѣднихъ; къ мѣсяцу и солнцу обращаются пѣсни въ надеждѣ на ихъ благословеніе, освященіе заключаемаго брака.

Свадебныя пѣсни Пинчуковъ *).

Пинщина и ея жители Пинчуки давно интересуютъ и науку и образованное общество. Это край чудовищныхъ болотъ, первобытныхъ лѣсовъ, о которомъ въ обществѣ ходитъ немало чисто мифологическихъ разсказовъ. Онь остается, въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ мало извѣстнымъ. Этнографическія изслѣдованія, изученіе его населенія, его нравовъ и обычаевъ, языка, экономическаго состоянія—все это почти не затронуто наукою. Одно описанія устарѣли, неполны, другія—въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ разбросаны въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ за прошлые годы, недоступныхъ для публики.

Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ я рѣшился познакомить интересующихся читателей съ маленькой частичкой изъ быта населенія этого края. Одна изъ интересныхъ особенностей Пинчуковъ—это ихъ пѣсни. Лирика ихъ отличается высокими поэтическими качествами, обнимая самыя разнообразныя стороны народной жизни. Я выбралъ отдѣлъ свадебныхъ пѣсней. Разбирая поэтическія мотивы этихъ пѣсней, можно выяснитъ цѣльныя поэтическія образы главныхъ лицъ обряда, жениха и невѣсты, ихъ отношенія между собою, къ семьѣ своей и чужой и пр. Рядомъ съ мотивами, имѣющими интересъ только съ точки зрѣнія изученія народной лирики, мы встрѣчаемъ и мотивы изъ отдаленнаго религіозно-бытоваго прошлаго. Присутствіе послѣднихъ понятно, потому что свадебный обрядъ и пѣсни создавались вѣками и цѣлыя вѣка сохраняются народомъ. Ясно поэтому, что въ народныхъ пѣсняхъ о свадьбѣ мы встрѣчаемъ и такіе мотивы, которые рисуютъ намъ брачныя отношенія въ болѣе первобытную эпоху. Выясненіе всѣхъ этихъ мотивовъ и составляетъ предметъ предлагаемаго очерка.

*) Напеч. въ 1893 г.

Довнаръ-Запольскій.

Матерьяломъ для него послужили пѣсни, записанныя лично авторомъ въ Пиндичѣ¹⁾. Кромѣ того я воспользовался и сборниками моихъ предшественниковъ²⁾.

I.

Невѣста.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ Пинчуковъ отразились мотивы и отдаленная культурно-религіознаго прошлаго, и рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ картины современной повседневной жизни.

Центральными лицами, къ которымъ такъ или иначе относится большая часть пѣсней,—это, конечно, женихъ и невѣста, ихъ отношенія другъ къ другу, къ семьѣ своей и чужой, ихъ будущее счастье и пр.

Съ особенной симпатіей и тихой грустью относятся пѣсни къ молодой. Собираясь къ вѣнцу „дѣвонька росу брала“ съ зеленой руты; этою росою она умывается. По другой пѣснѣ, росу она собираетъ съ яблони. Русая коса ея („роса къса“)—до пояса, „сукунька да до мурѣвки“ на ней „рутинный вѣнчонокъ, шоуковой косычокъ“ Сама она—„чирвона-бѣла“. Въ общемъ, одна пѣсня такъ рисуетъ наружный видъ молодой:

Тонкая бы былина, чирвоная бы калина,
Высокая бы тополина.

Другая пѣсня говоритъ, что невѣста—
Наражена як панятко,
Посажена як князятко.

„Не сваряси, матка“, говорится въ другомъ мѣстѣ невѣстой, что я опоздала: въ новомъ костелѣ долго „барылася“: „стояла годину, пуки звячала, стояла другую—люде не познали“:

Чи то мѣшанка, чи то боярка?
На ей сива свита зъ окладомъ шита,
Перецень кованы и другѣ коханы³⁾.

Одна пѣсня дѣлаетъ очень поэтическое сравненіе невѣсты съ пчелою, хмарою, дождикомъ и пр. Мы приведемъ этотъ интересный отрывокъ, въ которомъ народная поэзія собрала всѣ любимые обороты, чтобы охарактеризовать сямпатичную для насъ личность:

Да сіяла невѣста чоронъ макъ,
Нѣ удавалася свюкру ў знакъ:

¹⁾ Книга вышла въ 1895 г., подъ загл. „Пѣсни Пинчуковъ“, Киевъ.

²⁾ Эти сборники: Булгаковский „Пивчуки“ С.П.В. 1892 г., Zieñkiewicz, Piosnki gminne Ludu Piñskiego, Kovno, 1851, ст. Бочковского въ IX т. Zbióra wiadomosci do anthropol. kr.—Краковской Академіи Наукъ, и ст. Коальберга въ XIII т. того же собрания.

³⁾ Zieñkiewicz, p. 66.

Ой лисомъшла пчолою,
Пыдъ сало подошла хмарою,
А ў сало узышла дожджикомъ,
На дырѣ силыла рычкою,
А ў снни упала шукою,
А ў хату ўлизла павою,
За столомъ сѣла панею;
И свикратко нѣ познаў,
Да и панею назваў.

Подобныя сравненія мы встрѣчаемъ и въ другихъ пѣсняхъ. Вчера рѣчка была быстро, говоритъ въ одной изъ нихъ, сегодня притххла, потому что на нее понаплыли „човнычки“, понавесли лозы:

Ты быстрая рыченька!
Ты ўчора была быстрѣнька,
А тепѣра стоишь тихѣнька,
— Якъ же мни быстрѣнькой бути?
Що на мене човнычки наплыли,
Що на мене лозоньки нависли!

Такъ и молодая Ганночка: вчера она была веселая, сегодня „смутненька“ сидитъ. Что за причина, спрашиваетъ пѣсня?

— Якъ же мни веселѣнькой бути?
Що ослѣла мене чужая сторона,
Все Януськова родина¹⁾.

Вообще, пѣсни охотно сравниваютъ женщину съ атмосферической водой. По одной—„бѣгло солнце проти хмары“ и проситъ у нея спрятаться: такъ и невѣста бѣжитъ къ матери и проситъ спрятать ее отъ жениха.

Народная поэзія даетъ невѣстѣ самыя нѣжныя сравненія. Въ одной пѣснѣ она сравнивается съ „кункой“—куницей: „да фхалы жь мы тымъ сѣдомъ, куды наша кунка бѣгла“. Кунка бѣжала, „росыцу потрусила“ и пригласила всѣхъ гостей на „одынь вчорокъ, на солодки мѣдокъ“. Но особенно часто она называется „завулькой“,—кукушкой. Она пошла на дворъ свекра, какъ лѣсная кукушка въ садъ, откуда—„сюды гляне, я туды гляне,—некуда вылятѣть“: съ одной стороны вишневый садъ, съ другой виноградъ.

Другая пѣсня спрашиваетъ:

Дѣжъ наша зузулечка,
Чы у орла пыдъ крылечкомъ,
Чы у мисца ў поковъ,
Чы у батѣньки коморы?

¹⁾ Zieñkiewicz. 110—112.

Ее собираются по что бы то ни стало добыть: изъ подъ крыла орла ее „выстрѣлять“, изъ покоя мѣсяца выкатить, а у батюшки выпросить. Далѣе встрѣчаемъ сравненія невесты съ „соколкой“, „голубкой“ и др. (Zienkiewicz, 104, 96).

Большую прелестью дышутъ сравненія невесты съ грустной калиной, одиноко стоящей на лугу, или съ розой, украшающей собою сады. Я приведу одну относящуюся сюда пѣсенку цѣликомъ:

Ой, шарка, шарка ¹⁾ да калина ў лузи,
Шарчей калыны да дѣвонька у батьки!
По двору ходыла, весь дворъ скрасыла ²⁾,
За столомъ сѣла, якъ рожа сѣла;
Коло ее дѣвочки, якъ василечки,
Коло ее молыдки, якъ бѣлы лебедки.

Судьба дѣвочки сравнивается съ судьбой розы, стоящей „около сыножаги“: розѣ не вымокать тамъ, а дѣвучкѣ не вѣковать у батюхны. Дочь у матери—„гожа якъ червона рожа“ (Bykovski, 20).

Въ другой пѣснѣ невеста сопоставляется съ калиной, стоящей у моста. Черезъ мостъ ѣдетъ дружина з женихомъ во главѣ; онъ вынимаетъ свою „шабельку“ и собирается рубить калину, но она стала просить его: „не сѣчи, не рубай, женишок, бо мене, калыну, корѣл сады“, „дождь поливалъ, „а тѣбѣ дѣвоньку Бѣгъ годовая““. Молодая дѣвонька „засмутила“, опечалила всю семью, подобно тому, какъ калина весь лугъ „закрасыла“:

Ой, ў лузи калына,
Весь лугъ закрасыла,
Наша дѣвонька да молодѣнька
Увесь рыдъ засмутила (Bykovski, 20).

Калина въ народныхъ пѣсняхъ относящихся къ невестѣ, служитъ не только простымъ поэтическимъ сравненіемъ, но имѣетъ связь и съ народными воззрѣніями, находящими оправданіе въ взглядахъ первобытнаго человѣка на природу вообще, какъ на обладательницу высшей производительной силы; растительность, будучи сама слѣдствіемъ великой производительной силы природы, является въ народномъ представленіи сама носительницею той силы. Такъ какъ въ извѣстный періодъ человѣческаго развитія, который можно назвать общимъ именемъ родового или патриархальнаго, главное цѣлью брачнаго сожителства было произведеніе потомства, способнаго продолжать служеніе домашнему очагу, культу предковъ, то человѣкъ естественно обращался ко всемъ тѣмъ си-

¹⁾ Шарка—красива, отъ шарыцца—красоваться.

²⁾ Украшена.

ламъ природы, олицетворенной имъ въ разныхъ проявленіяхъ подъ именемъ отдѣльныхъ боговъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, зависѣла производительная сила вновь образуемой черезъ бракъ семьи. Не забудемъ при этомъ, что во всѣхъ извѣстныхъ языческихъ свадебныхъ ритуалахъ, на ряду съ моленіями къ божеству у дарованіи новобрачнымъ потомства, мы встрѣчаемъ такіе же моленія къ божеству и о дарованіи плодородія скота и умноженія другихъ богатствъ, что зависѣло отъ тѣхъ же божествъ. Вотъ почему и растительность, олицетворенная въ болѣе развитыхъ религіяхъ (какъ Сома у Индусовъ, Гаома у Иранцевъ, Фрея у Германцевъ, быть можетъ, Лада у Славянъ и пр.) и неолицетворенная—въ неразвитыхъ, такъ тѣсно связана съ свадебными обрядами и пѣснями всѣхъ народовъ. Сюда относится, напр., употребленіе вѣнковъ на свадьбахъ, украшеніе вѣтвями избѣ, выставленіе дерева подъ окнами брачнаго дома или на крышѣ его, наконецъ, далѣе—употребленіе соломы и хлѣба. Люди украшаютъ себя цвѣтами и листьями, ставятъ во дворѣ дерева, углы въ комнатахъ устилаютъ зелеными вѣтвями, полъ устилаютъ соломой, молодыхъ кладутъ спать на соломѣ, сажаютъ ихъ на хлѣбную квашню, обсыпаютъ хлѣбными зернами и пр.—все для того, чтобы символически низвести производительную силу природы, заключающуюся въ растительности, на брачную пару и основываемое ею домохозяйство.

Но, какъ извѣстно, всѣ эти обряды достигаютъ своего апогея, когда молодыхъ ведутъ въ кѣльи и когда ихъ будятъ. Во многихъ мѣстахъ Вѣлоруссіи всѣ эти обряды извѣстны подъ общимъ названіемъ „калинка“, „чирвоная“, „красная, чирвоная горѣлка“ и т. п. Къ этимъ обрядамъ приуроченъ цѣлый рядъ пѣсней, въ которыхъ такъ или иначе упоминается „чирвоная калина“. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этихъ обрядахъ и пѣсняхъ: связь съ обрядами калины, ее эпители „чирвоной“, сопоставленія ея съ невестой достаточно говорить сами за себя. Я ограничусь лишь для подтвержденія сказаннаго приведеніемъ выдержки изъ одной пѣсни, записанной въ Игуменскомъ у. Мать невесту: „ў лузи добыла“, „ў калюжцы ¹⁾ кунала, подъ бирозкою спаць квала, подъ калинкою спави вала“. Невѣста ногою калинку „украула“ (ударила)—

Тая калинка капнула

Да на мой шицянѣкы рукавецъ,

А на мой сльичнянѣкы падалецъ.

Послѣ сказаннаго понятно и участіе калины въ свадебныхъ пѣсняхъ и частое сравненіе невесты съ калиною. По одной изъ нихъ Ганночка „замадала“ (захогѣла) калиноваго вѣночка, просить отца

¹⁾ Лука.

поѣхать въ долину по калину, но отецъ прѣѣхалъ — калина не цвѣтеть. Она проситъ мать, брата, — результатъ тотъ же. Тогда дѣвушка обращается къ своему милому. Янусько прѣѣзжаетъ и „калинонька зацѣвита“:

Часть и пора и годинька
Зацѣвила калинонька (Zienk., 100).

Въ другихъ пѣсняхъ дѣвушки украшаютъ гривы лошадей, которыя должны везти свадебный поѣздъ, калиною, хата родителей жениха, куда собираются везти невѣсту — „калиною обтыкана“, невѣста провожаетъ своего отца до калиноваго моста и проч.

Къ описанной характеристикѣ невѣсты остается прибавить, что пѣсни хвалятъ ее и за то, что она „тонко прала, дзвонко ткала, бѣленько бѣлыла“ полотенца и скатерти, раздаваемые жениховой дружинѣ въ подарокъ. Не разъ пѣсни отмѣчаютъ и то, что невѣста „хочъ вона по ночи ходыла“, не всетаки „при себѣ красу носыла“ —

Да носыла красу до часу,
Держала праудоньку ў сэрдэньку,

т. е. сохранила цѣломудріе.

Но не все представляется невѣстѣ и ей окружающимъ въ радужномъ свѣтѣ. Невѣста красива, наряжена „як панятко, князятко“, но ошибочно было бы думать, что она рада тому, что происходитъ вокругъ нея. Невѣста грустна, въ слезахъ. Причина ея горя — невѣдѣнность будущаго. Волненіе ея доходитъ до того, что, прѣѣхавъ отъ вѣнца, она не можетъ „слоўца промовыць“: „слезки да набѣгають, слоўца не згадають“. Ее легко узнать среди сіяющихъ лицъ гостей и родныхъ, потому что у нея „по плачамъ кэска, а по личку слезка; ў ручкахъ хустанька — безъ вѣтру мае, безъ вѣтру мае, безъ сонца сляе“.

„По плэчкамъ кэска, по лицу — слезка то вона“ — говоритъ другая пѣсня.

Въ горѣ, ожидая невѣднаго будущаго, невѣста вспоминаетъ о своей долѣ и призываетъ ее: „Охъ, й доля жъ ты, доленька!“ — обращается къ ней молодая. Если доля добрая — пусть идетъ съ нею до „шлюбу“, если злая — лихая, — пусть плыветъ на море съ водою. Доля встрѣчаетъ ее на возу при отъѣздѣ въ церковь, идетъ передъ ней, но всетаки доля эта невѣдѣнная, сомнительная: дѣвушка скорѣе предполагаетъ худшее.

Ненадежность будущаго заставляетъ дѣвушку дорожить настоящимъ. Она боится потерять главные атрибуты своего дѣвичества: *двичичю косу*, „всему роду прыкрасу“, и *вѣнокъ*.

Коса — гордость дѣвушки. Пѣсни особенно восхваляютъ русую косу, доходящую до пояса. „Держи, дѣвонька, своихъ кысь“ предупреждаетъ ее пѣсня. Съ потерей косы женщина перестаетъ быть дѣвушкой, становится

„молодыцей“, надъ ней наляжетъ тяжелая власть мужа. Ходитъ дѣвушка по двору, „зорачки пидъ зору“, и говоритъ матери:

Зваты матинка, дождь будэ,
На мою кэску мла (мгла) надэ.
Тобѣ, батенько, жалъ буле.

Коса красота дѣвушки. За нею гонятся хлопцы, ломаютъ отцовскія ворота, а потому пѣсня торопитъ родителей скорѣе проить дочь, — „нехай она ў косяхъ не ходыть, да нехай хлопцоў не зводыть“. Пѣсни предупреждаютъ дѣвушку, чтобы она не дала расчесывать своихъ косъ: „Молодая дѣвонька, не дай кэски рваты“. Другая пѣсня совѣтуетъ ей выбѣжать на „вулоньку“:

Кидайся, мѣтайся, завиватыся не дайся.

Но всетаки родители безжалостно проили ея косу, братъ продалъ за канчукъ. Въ отчаяніи невѣста говоритъ:

Распустю косу по кованому поясу,
Да нехай моя русая коса шарытца,
Да нехай мои роднай маты жалитца

Другая пѣсня говоритъ, что „уплеты“ (ленточки, которыми переплетаютъ косу) нужно отдать матери: пусть она, прижавъ ихъ къ сердцу, обольется горькими слезами, вспомяна о своей дочери. Мать пропняетъ, отдаетъ свою дочь, но скоро раскается и „уплеты“ ей будутъ служить горькимъ напоминаніемъ.

Плачь дѣвнцы о косѣ носитъ глубоко поэтический характеръ. Она плачетъ о ней, убивается, потому что коса — дѣвочья краса —

Да поплакала дівонька по косѣ,
Не такъ же она по косѣ,
Якъ по своей материной роскош!

(Булгаковский, 101, № 16).

Она распустила свою русую косу „по бѣлыхъ плечицахъ“ —

Ой, не жалъ же мнѣ русой косы,
Що я ей распустила,
Якъ жалъ же мнѣ свого батенька,
Що я его разгнѣвала (Булгаковский, 101, № 15).

Дѣвушка думаетъ, что она чѣмъ либо прогнѣвала своего отца, и онъ отдаетъ ее замужъ, заставляетъ расплестъ русую косу.

Дѣвушка плачетъ о косѣ больше, чѣмъ о разлукѣ съ матерью, отцомъ. Коса ея — это бѣлый жемчугъ, какъ поэтически выражается пѣсня (Булгаковский, 101, № 14). Вышла дѣвушка и стала подъ черновой калиной, „ручки згорнула, тязко востхнула, силенько заплакала“. Мать спрашиваетъ ее: отчего плачешь? Отецъ спрашиваетъ: жалѣешь ли меня стараго, или роднаго подворья?

Я не жадую ¹⁾ тебе старого,
 Ни подворья твоего,
 Якъ жадую русое косы.
 Дѣвоцкое красы.
 Гдѣѣ дѣвочки граць,
 Косками маюць ²⁾,
 Тамъ мене не примаюць;
 А гдѣѣ молодочки суму сумують ³⁾,
 Тамъ мене потребуоць. (Zieñk., 54—56).

Съ косою тѣсно связанъ другой атрибутъ дѣвчества—вѣнокъ. Пѣсня приглашаетъ дѣвушекъ отправиться въ садъ вязать на вѣнокъ руту въ пучки. По другой пѣснѣ вѣнокъ кулениъ на рынкѣ и спрятанъ „у скринкѣ“. Снять вѣнокъ означаетъ тоже, что распустить косу, т. е. переходъ отъ дѣвчества въ замужество. Дѣвушка хотѣла еще побыть у отца—„у батѣньки побыты, хороше ходиты“. Но женишокъ ей не далъ: онъ „зняў вѣнчочкѣ, наложиў наметочкѣ, зняў выльненьки, наложиў биленьки“. Вѣнокъ былъ только одинъ, но и того не пришлось износить дѣвушкамъ:

Одного была звѣла,
 Дай ѣ того не зносила,
 Януську зложила (Zieñk., 114).

Пѣсни о косѣ и вѣнкѣ имѣютъ значеніе не только какъ превосходные образцы народной лирики. Сопоставляя ихъ съ свадебными обычаями бѣлоруссовъ и другихъ народовъ, мы находимъ въ нихъ отголоски религиозно-бытовыхъ мотивовъ. Въ настоящее время въ народномъ сознаніи, конечно, затерялась первоначальная связь грустныхъ мотивовъ пѣсней о косѣ дѣвушки съ другими обычаями; эту связь можно открыть лишь съ помощью сопоставленій.

Извѣстенъ цѣлый рядъ обычаевъ изъ быта какъ европейскихъ такъ, и другихъ народовъ, которые указываютъ, что съ обрѣзаніемъ волосъ человекъ лишается свободы, изъ свободнаго состоянія, переходить въ несвободное. Такъ, обрѣзанные волосы по древне-германскимъ и французскимъ обычаямъ служили признакомъ несвободнаго состоянія; наоборотъ, длинные волосы—отличительный признакъ людей свободныхъ (Revue des trad. populaires, t. III, p. 403—405). Спенсеръ собралъ цѣлый рядъ данныхъ изъ быта австралійскихъ дикарей, указывающихъ что длинные волосы могутъ

носить лишь свободные люди; рабы и женщины носятъ волосы коротко обстриженные (Обряд. учрежд., 94—98).

Мы видѣли, что въ пѣсняхъ дѣвушка жалуется о потерѣ косы, которую продаетъ отецъ, или братъ жениху. Конечно, въ настоящее время женщины не обрѣзываютъ своихъ косъ, но въ свадебномъ ритуалѣ сохранился одинъ обычай, который символизируетъ отрѣзываніе дѣвичьей косы при переходѣ ея къ мужу. Во время обряда, называемаго посадомъ невесты, братъ послѣдней или дружокъ подстригаетъ часть волосъ или же прижигаетъ ихъ. Съ этого момента невеста перестаетъ носить распущенные по-дѣвичьи волосы, и вскорѣ на нее надѣваютъ нарядъ замужней женщины, который, какъ извѣстно, тщательно скрываетъ волосы. Этотъ обрядъ указываетъ на то, что первоначально существовалъ обычай, требовавшій обрѣзанія волосъ дѣвушки при выходѣ ея замужъ. Судя по аналогичнымъ даннымъ, лишеніе волосъ женщины связывалось съ переходомъ ея въ несвободное состояніе, въ подчиненіе мужу.

Этотъ обычай имѣетъ тѣсную связь съ обычаями другихъ народовъ. Такъ, слѣды подрѣзыванія волосъ невесты, какъ актъ брачной церемоніи, мы встречаемъ у др. Индусовъ, Грековъ, Этовъ, у нѣкоторыхъ Славянъ и пр.; у Римлянъ волосы невесты растревывали особымъ кошемъ; этотъ обычай сохранился почти повсемѣстно въ современной Италіи. Если съ теченіемъ времени и переставали лишать женщину ея естественнаго украшенія и начали довольствоваться лишь символизированіемъ обряда, притригавъ или прижигавъ волосы, то всетаки обычай запрещалъ для замужнихъ женщинъ ношеніе волосъ распущенными. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли существуетъ народъ, гдѣ бы обычай позволялъ носить женщинѣ замужней непокрытые волосы или, по крайней мѣрѣ, такую же прическу, какую носятъ дѣвушки. Извѣстно, что у русскаго народа женщины всегда покрываютъ головы свои платками, дѣвушки носятъ распущенныя косы. Этотъ обычай относится и ко всѣмъ Славянамъ, др. Индусамъ, Грекамъ, Римлянамъ, Нѣмцамъ, Итальянцамъ, финскимъ племенамъ и пр. Замѣтимъ, что и среди общества, чуждаго требованіямъ народнаго обычая, принято, однако, что замужнія женщины носятъ прическу нѣсколько иную, чѣмъ дѣвушки.

Послѣ этихъ замѣчаній обратимся къ вопросу, насъ занимающему. Такимъ образомъ, понятно, что въ пѣсняхъ о косѣ, которую дѣвушка можетъ носить распущенною и которую она, съ выходомъ замужъ, должна будетъ прикрыть,—въ этихъ пѣсняхъ невеста оплакиваетъ потерю своего дѣвчества, потерю свободы; ей придется подчиниться мужу, перейти въ чужую семью, натерпѣться горя. Пока она носила косу и вѣнокъ,—она была свободной, независимой, не знала „женочкаго“ горя. Но наступаетъ день брачныхъ обрядовъ, обычай велитъ пойдъ платкомъ косу,—признакъ свободнаго дѣвчества,—и молодая естественно обливается горя-

¹⁾ Жадую.

²⁾ Машутъ.

³⁾ Тяжелую думу думаютъ; ср. бѣл. сумно.

кими слезами. Ея отчаяніе выразилось въ массѣ коротенькихъ, но глубоко поэтическихъ пѣсень.

Мы рассмотрѣли одинъ отдѣлъ пѣсень, относящихся къ невѣстѣ, рисующихъ намъ обликъ ея безъ отношенія къ окружающему люду. Такая грусть лежитъ на всемъ обликѣ молодой, но эта грусть переходитъ въ море отчаянія, когда невѣста начинаетъ прощаться съ своими родными. Мы скорѣй перейдемъ къ рассмотрѣнію и этихъ пѣсень, а теперь займемся пѣснями, относящимися къ другому виновнику свадебнаго торжества—женеху, молодому.

II.

Женихъ и его дружина. Похищеніе дѣвцы.

Тогда какъ пѣсни, относящіяся къ невѣстѣ, много занимаютъ душевнымъ ея состояніемъ и внѣшнимъ видомъ—наоборотъ,—пѣсни о женихѣ останавливаются болѣе надъ тѣми дѣйствіями, которыя онъ совершаетъ съ своею дружиной. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ и описаніе внѣшняго вида жениха. Теща легко можетъ узнать своего новаго зятя, потому что—

Нашъ зять чернобрыный,
Пудъ имъ коникъ сыный,
И на ручкахъ соколки,
А на ѣмъ шапка красна,
Якъ зырочка ясна.

Молодой представляется въ пѣсняхъ бравымъ молодцемъ, предводителемъ боевой дружины. Пѣсни сравниваютъ его съ соколомъ, съ сободемъ, съ соловьемъ и, наконецъ, съ голубемъ. Дѣвонька ѣдетъ подъ вѣнецъ съ „паничемъ“, ее вѣчаютъ съ „королемъ“. Его можно узнать, потому что отъ него „мадомъ пахне, а виномъ дыше“.

Молодецъ—женихъ сидитъ на конѣ и пристально смотритъ на свою милую, какъ соколъ на соколку:

Чемъ же то за соколикъ
На воружечкахъ сѣдять?
На соколку пилно глядитъ
Эъ подъ правого крыльца,
Эъ подъ золотого парца (уменьш. отъ перо).

Это не соколъ смотритъ на соколку, а молодой Янусюк сидитъ на конѣ и „пилно“ смотритъ на свою Ганочку:

Эъ подъ правое ручки,
Эъ подъ білого кожуха (Zienk., 104).

Съ большими подробностями пѣсни останавливаются на томъ, какъ

собирается женихъ добыть себѣ невѣсту, какъ онъ ее добываетъ и пр. Здѣсь мы встрѣчаемся съ переживаніемъ похищенія, умчки женщины. Всѣ народы, по сколько ихъ исторія и современный бытъ разслѣдованы наукою, переживали, а многие изъ менѣе развитыхъ переживаютъ и въ настоящее время—такой моментъ въ исторіи своей, когда женщина могла сдѣлаться женою мужчины не иначе, какъ будучи похищена имъ. При болѣе первобытномъ состояніи, женщинъ похищали другъ у друга враждующія племена, обращая похищенныхъ въ своихъ женъ—плѣнницъ. Обычай брать жену изъ другого племени—рода (такъ наз. аксогамія) укореняется, дѣлается священнымъ обычаемъ. Племена, жившія въ мирѣ между собою, покушали другъ у друга женъ, а враждовавшіе—добывали силою. Обычай похищенія до того укоренился, что впоследствии былъ обставленъ религіозными церемоніями (это видно изъ обрядовъ свадьбы), сдѣлался, слѣдовательно, достояніемъ религіи и началъ практиковаться даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда предварительно состоялось соглашеніе между женихомъ и родителями невѣсты. Обычай умчания настолько силенъ, что въ пѣсняхъ и свадебныхъ обрядахъ народовъ, давно уже забывшихъ о реальномъ похищеніи женщинъ, какъ напр. у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ и др.—встаки до сихъ поръ встрѣчаемъ переживанія, непонятныя для самихъ исполнителей обрядовъ, воспоминанія о бытовавшемъ нѣкогда обычаѣ. Славяне тоже пережили время, когда парень долженъ былъ похищать себѣ жену. Объ этомъ вполне опредѣленно свидѣтельствуютъ извѣстное мѣсто изъ лѣтописи Нестора и др. источники, а у восточныхъ великороссовъ и сербовъ и до сихъ поръ встрѣчаются случаи похищенія (такъ наз. „самокрукты“) дѣвцы. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ славянскихъ воспоминанія объ этомъ обычаѣ очень живы.

Въ пинскихъ пѣсняхъ отраженіе сказаннаго обычая выразилось очень яркими, живыми чертами. Очень интересно то обстоятельство, что мы можемъ по пѣснямъ прослѣдить всѣ отдѣльные моменты похищенія дѣвцы; передъ нашими глазами проходитъ полная картина болѣе древнихъ бытовыхъ отношеній. Пѣсни поютъ о молодцѣ и его дружинѣ, добывающихъ дѣвицу, поютъ о томъ, какъ ее добываютъ, какъ „воюютъ“ съ тестемъ, какъ увозятъ молодую плѣнницу; въ то же время пѣсни не забываютъ и о субъективномъ состояніи дѣйствующихъ лицъ, особенно невѣсты, горе которой—любимая черта народной поэзіи.

Снаряжая сына на трудное дѣло, мать „оперезала его мѣсянемъ, зыркою застягнула, долею опянула“. Женихъ не самъ отправляется въ дорогу: онъ собираетъ родъ весь свой, всю „роднину“; онъ припадаетъ „до ножекъ“ своему батеньку—

Мый батюхо, родный, зырай мою родыноньку,
Близкую и далекую, богатую и убогую:

Богатую да попытыся, а бидную порадытыся,

Богатая на славоньку, а бидная на порадоньку.

Родъ жениха долженъ составить дружину, съ которою онъ и ѣдетъ добывать невѣсту. Рой пчелъ хочетъ полетѣть на солодкіе мѣды, на желтые цвѣты. Но это не рой, это женихъ и его родыня. Онъ хочетъ поѣхать, передъ тестемъ „статы“, „тестя своеваты, собѣ дѣвоньку ўзаты“. Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ женихъ сравнивается съ мѣсяцемъ: расхотился асень мѣсяць по небу, „сбираючи свои зырночки ў громаду“:

Да засвѣтимо ўсебъ разомъ.

Такъ и молодой женишекъ собираетъ свою роднину:

Да поѣдмо усѣбъ разомъ на войну,

Да зовоємо мойго тѣстанка, што ў дому,

Да возьмѣмо млада дѣвоньку съ собою.

Въ другомъ варьянтѣ пѣсня кончается болѣе подробнымъ описаніемъ „войны“:

Станѣмо съ своимъ полкомъ цудъ ганкомъ,

Да выбѣмо крамѣну¹⁾ стѣну крамѣнкомъ,

Озьмѣмо молоду дѣвоньку изъ вѣнкомъ.

Упоминаніе о родѣ встрѣчаемъ и въ другихъ пѣсняхъ, связанныхъ съ тѣмъ же вопросомъ. Въ одной пѣснѣ, отражающей въ себѣ уже болѣе мирныя отношенія семьи жениха и невѣсты, женихъ проситъ своего отца пробѣжать по „роднынѣ“, собирать „музыки рѣзаты“²⁾, выбрать „друщатка—скакунца“ (дружку—хорошого пласуна), чтобы дружина, гдѣ стала—заиграла, гдѣ сѣла—запѣла—

Бо тамъ чужая сторона,

Щобъ не було сорома.

Родъ также присутствуетъ при проѣздѣ дѣвицы, т. е. при ея куплѣ—продажѣ. Отмѣтимъ еще интересное выраженіе „рыдъ спѣваты“, т. е. пѣть родъ, родовую пѣсню.

Собравъ дружину, женихъ собираетъ и все нужное для отправления. Онъ, принавъ къ ногамъ батюхны, проситъ, чтобы тотъ приготовилъ девять коней, а десятую жеребицу „цудъ мою молодыцу“. У него отборные кони, пригодные для богатырей, они стоятъ „у золота плота“, воды не пьютъ, бѣлками бьются, дороженьку чувятъ. Женихъ самъ кормитъ ихъ передъ дорогою, коситъ сѣно и до „станки“ носить. Ъжыте, коники мои, говоритъ онъ имъ, потому что поѣдемъ на войну,—

Будѣмъ тѣстя воеваты,

Соби дѣвоньку браты.

Коней кормятъ пшеницею изъ новыхъ корытъ. Имъ предстоитъ „ве-

¹⁾ Каменную, кременную отъ слова кремень.

²⁾ Отъ слова рѣзать: рѣзатый музыка—хорошо „рѣжущій“, играющій на скрипкѣ.

лына дорога“; на этой дорогѣ трое „ворытець“: въ одні ворота—„сонейко грае“, въ другія—„мисячигъ“ свѣтитъ, въ третія—„женишокъ“ ѣдетъ. Поѣздъ такъ хорошъ, что „мѣсто“, черезъ которое онъ проѣзжаетъ, „дивуе“: чыйто снѣгъ ѣдъ?

А тому надлѣпши, кому зятѣмъ будѣ.

Солнце и мѣсяць сопутствуютъ жениху. Ему приходится пройти трудный путь: невѣста предупреждаетъ его, чтобы онъ подковалъ коника „на штыры ноги“. Ъхать придется „борѣмъ—корѣнемъ“—„подемъ—кременемъ“:

Бырь будѣ шумѣты, кременъ звинѣты,

Чужимъ же людѣмъ за диво будѣ.

Для большаго успѣха въ предпріятіи ѣдутъ ночью. Женихъ посылаетъ впередъ соловья дать вѣсть о себѣ тестю:

Ѣдъ зять воеваты,

Соби дѣвоньку браты.

Въ самомъ дѣлѣ, не съ добрыми мыслями ѣдетъ женихъ съ дружиною къ своему будущему тестю. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ пѣсня, которую я привожу цѣликомъ въ виду ея глубокаго интереса:

Жаль батюшка, жаль, жаль,

А матеры еще жалъчей,

Що бѣрѣ дочку жоўнеръ.

Замѣтай, матка, попалѣ,

Бо мы твою дочку ўхопѣмъ,

Озьмѣмо да рученькамы,

Повьзѣмо да кониченькамы,

Ухопѣмо да бѣлянкымы,

Повьзѣмо да воронѣнъкымы,

Озьмѣмъ да повьзѣмо,

Да положымо шаты,

Што схочѣмо, то зробымо

Да ваному дятяты,—

Съ крышокъ паланыца,

А съ дѣўчыны молодыца.

Ясно, что съ невѣстой собираются расправиться какъ съ плѣнницей. Приѣхавъ на тестевъ дворъ, дружина съ женихомъ во главѣ ведетъ себя, какъ самые страшные непріатели. Женихъ въѣхалъ на „залызный мостъ, на залызній мостъ да коньтца знесъ“. Желѣзные мосты дружина ломаетъ, „тонкіе обрусъ“ разрываетъ:

Залызные мосты ковалы ковалы,

Тонкіе обрусъ тгачи тгачы,

Бѣлые лебѣды на моры бѣлылы.

Не удивительно, что такихъ страшныхъ враговъ боится весь родъ

невѣсты. Бойтся и она сама, виновница нападенія, бойтся, быть можетъ, больше другихъ.

Родъ невѣсты предвидитъ нападеніе жениховой дружины. Онъ желаетъ узнать заранее о приближеніи врага, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ. Пѣсня обращается къ невѣстѣ:

Молодая Ганночка!
Выйди за ворожачка!
Выйди къ дороженьки:
Ци стогне доруженька,
Ци шумитъ дубравушка,
Ци не ѣдутъ сваты твои,
Ци не везуть розкуй—косы,
Ци не везуть розлей—слезы? (Zieńk., 96—98).

Дружина жениха приближается шумно, на лошадахъ, ѣдетъ открыто дорогою: топотъ лошадиныхъ копытъ далеко слышно и къ нему со страхомъ прислушивается дѣвушка. Они везуть ей недоброе: разовьютъ (раскуютъ—раскуй—косу) ея косу, разольютъ слезу. Но вотъ женихъ приближается. Выбѣжало двое коней, Ганночка услышала въ коморѣ топотъ: „по кого, коники, бѣжине?“

Да по тебе, Ганночка, по тебе,
По твое билзе личенько,
По твою косуьнку русую,
По твою слезуьнку друбуьну,
По твое кубальце тесоьн,
По твое подушки пуховь. (Zieńk., 92).

Вотъ зачѣмъ бѣгутъ кони. Невѣста хочетъ спрятаться. Объ этомъ говорится въ одной пѣснѣ съ мифологическимъ оттѣнкомъ. Солнце бѣжитъ „противъ хмары“ и проситъ его „заховать“, такъ и невѣста бѣжитъ „протиѹ матоньки“ и съ отчаяніемъ проситъ „заховать“ ее:

Не заховаю, мае дятятко,
Сваты нахалы, щобъ тебѣ ѹзяти.

Дѣвица хорошо знаетъ, что женихъ, который ѣдетъ, ее „не жалуетъ“, и готова лучше утонуть. Она бойтся „того жаѹнера“, что сидитъ „край ее“ и закрывается отъ него.

Но всетаки дружина съ женихомъ выпили бочку „медочку“ и „выбѣдлы, выкрутылы отъ маты дочку“. Теперь ее собираются везти къ себѣ и сдѣлать съ нею, — „што схочемо“, сдѣлать молодицу. Женихъ не даетъ невѣстѣ „хорошо поинитъ“ у батюшки, онъ снялъ вѣночекъ, положилъ наметочку. Но уже увезенная изъ родительскаго дома, уже въ „долынь“, она „еще выглядаз родныну“, очевидно, надѣясь на помощь. Но родня не гонится, чтобъ отбить дѣвицу. Она думаетъ, что мать бойтся враговъ:

Да чаго, матонько, боисса?
Чи знѣваженьки боисса?
Не бойса, матонько, не бойса,
й чирвоны черевыки обуйса,
Топчи вороги пидь ноги,
А подкиуками пороги.

Одна пѣсня, записанная у Зенькевича, напоминая собою извѣстное мѣсто изъ Слова о Полку Игоревѣ, сравниваетъ сватовъ съ сивыми голубями, косы дѣвицы—бѣлый жемчугъ, слезы ея—живое золото. Эта пѣсня богата высоко поэтическими элементами:

Зѣ суботоньки на неделенку
Снився мни сонъ дивноньки:
Сивы голубы да наленули,
Бѣлы жемчуръ розвернули,
Живѣ золото розспшали.
— Да мое жѣ дитятко родня!
Мало умны розумѣ маель,
Що сего сну не стадашь:
Сивы голубы—сваты твое;
Бѣлы жемчугъ—коски твое;
Живѣ золото—слѣзки твое (Zieńk., 58).

Добывъ дѣвицу, молодецъ привозитъ ее къ матери и спрашиваетъ у послѣдней:

Чи рада ты, моя матонько,
Што я зѣ войны зѣздыѹ,
Звоеваѹ да дѣвокъ—панночь,
Выбраѹ себѣ пану—молоду дѣвоьнку?.

Трудно было добыть дружинѣ дѣвицу. Поэтому, сватъ, прѣхавъ съ „войны“, приказываетъ дѣвушкамъ (женщинамъ своего рода):

Да не отчиняйтѣ двьрыны,
Да не выпускайтѣ звѣрыны,
Я своего коника угониѹ,
Покуль звѣрину половиѹ,
Я свое ботаньки потоптаѹ,
Покуль звѣрину ѹсю ѹлапаѹ.

Такъ крѣпко держатъ дорого доставшуюся роду плѣнницу.

Вотъ какъ представляютъ себѣ пивскія пѣсни похищеніе дѣвушки. Онѣ даютъ возможность прослѣдить сборы въ путь, самый процессъ борьбы и ея конецъ, и описываютъ весь этотъ процессъ въ живыхъ яркихъ краскахъ. Эта живость воспроизведенія былого культурнаго прошлаго свидѣлствуетъ, что умница оставила глубокіе слѣды въ міросозернаніи Пинчука.

Разсматривая вышеприведенные данные с точки зрения их пригодности для этнологических выводов, мы прежде всего обратим внимание на участие рода в добычании дѣвцы для одного из своих членов.

Жених является предводителем своего родового пола. Эти указания на участие рода глубоко замѣчательны. Мало того, мы можем даже составить понятие о томъ, какъ представляютъ пѣсни себѣ этотъ родъ, дружину.

Родъ этотъ составляетъ отдѣльное цѣлое, враждебное роду невесты; у него есть общіе интересы—побѣдить тестя, добыть дѣвицу для одного изъ своихъ членовъ, онъ заботится о томъ, чтобы на чужихъ людяхъ ему не было „сорома“, наконецъ, онъ имѣетъ одного общаго представителя въ лицѣ батюхны жениха, по приказанію котораго весь родъ собирается на войну; батюхна выправляетъ его, заботится о немъ, хотя его личного участия мы не видимъ въ поѣздѣ: онъ представляетъ возможность выказать свою военную доблесть молодому члену рода. Последнему въ первый разъ представляется возможность показать свое мужество въ поддержаніи родовыхъ интересовъ, показать, что онъ будетъ достойнымъ представителемъ ихъ.

Родъ невесты—несомнѣнно враждебенъ роду жениха. Последний распоряжается съ невестой какъ съ плѣнницей, „звѣрной“. Оба рода перебиваются между собой:

Отсунѣтся совы,
Налецуды соколы,

говоритъ дружина жениха, выкупивъ невесту.

Осины, осины нашу пролисочку
То грибы, то грибыца,
Боровые масляница

коритъ невестина дружина жениховъ.

Эта враждебность обоихъ родовъ проходитъ и въ другихъ пѣсняхъ и поддерживается обрядами.

Когда пѣсни говорятъ о „родѣ“, „роднѣ“, то, разумѣется, представление ихъ объ этомъ родѣ ограничивается понятіемъ всей родни, родственниковъ, свойственникововъ. Все они и составляютъ родъ, родню, какъ понимаетъ народъ эти слова въ настоящее время. Ясности представления о строго организованности рода, какъ онъ представляется наукою, не существуетъ. Но приведенная совокупность данныхъ едва ли не указываетъ на то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ отдаленнымъ переживаніемъ родового быта. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что вообще большинство свадебныхъ обрядовъ, сама организція ритуала относятся, повидимому, именно къ этому періоду человеческого развитія (О знач. дружины жениха и рода въ свад. обрядахъ см. мою ст. „Бѣлорусская свадьба въ культурно-религиозныхъ пережиткахъ“).

III.

Продажа невесты. Братъ ея.

Последующая стадія въ развитіи брачныхъ формъ—именно купля-продажа дѣвушки—отразилась гораздо слабѣе въ нашихъ пѣсняхъ. Онѣ хорошо знаютъ о выкупѣ, пропой невесты, но упоминаютъ лишь объ обычаяхъ, не давая возможности возстановить весь актъ.

Пропиваетъ дѣвицу весь родъ ея, слѣдовательно, весь родъ ея участвуетъ въ ея продажѣ, а родъ жениха—въ куплѣ. Последній, найдя невесту въ коморѣ у батюхны, говоритъ:

Мы тѣбѣ выпросимо, мы тѣбѣ выважимо
Золотою вагою, повозмо зъ собою.

Пріѣхали „Ильвуци“ (отъ слова Львовъ), сыплютъ червонцы на скамьи, чтобъ только мать продала невесту:

Торгуй, моя матзнько, пѣ бары,
Лѣпша я у тѣбѣ, якъ вони—

говоритъ дочь. Но мать отдаетъ ее: „наехали тые люди, штобъ тѣбѣ ўзйти“. Пропиваетъ весь родъ, но главную роль играетъ мать и отецъ: „Пропыѣ батько, прошыла маты одъ себѣ работничку“.

Другая пѣсня говоритъ:

Да запята дівонька,
Шовкомъ хустонька нашита:
Запивавъ ей ўсей родѣ,

Да ей батэнько наперужъ (Булгаковскій, 96, № 2).

Сваты особенно упрашиваютъ отца отдать дѣвицу. Зозулька ковала, что дѣвушка семь лѣтъ замужъ не поидеть. Но это оказалось невѣрнымъ:

Якъ прышла я изъ красокъ,
Ажъ мэзъ да зашиваютъ,
Мэдъ, вино на стулѣ (столѣ) носить,
И мого бацюхну просягъ (Zieñk., 48).

Поэтому невеста больше жалуется на отца, мать мало виновата въ ея несчастьи:

Не жаль же мнѣ завзуденьку,
Що рано заковала,

но жаль ей „на батюхна“, что дѣвица у него „не вгуляла“, не много „вкрасовалася, но тилько избѣчалася“ (Bykowski, 16, № 23).

Продажа и пропой невесты встрѣчаются часто въ пѣсняхъ, но не представляютъ ничего характернаго.

Но интересно отмѣтить роль брата въ продажѣ дѣвицы. Извѣстно, что „братъ“, т. е. старшій дружокъ (родной братъ или ближайшій родствен-

никъ) играетъ во всемъ свадебномъ обрядѣ крупную роль и у жениха, и у невесты (у каждого свой). Этотъ „братъ“ вмѣстѣ съ сватомъ руководитъ всемъ ритуаломъ. Въ обрядѣ, символизирующемъ куплю—продажу невесты, „братъ“ жениха покупаетъ ее у „брата“ невесты. Пѣсни также хорошо знаютъ объ этой продажѣ братомъ сестры.

Братейко-татаринъ, онъ продалъ „казоньку“ за канчукъ (нагайку), бѣлое лице за „шостагъ“, а родную сестру отдалъ „такъ“, т. е. даромъ—говоритъ пѣсня.

Расплѣѣ братю кэску,
Да разлѣѣ же мнѣ слѣзку,
Да по бѣлому лыченьку,
По червонымъ нагрудничку—

говоритъ по адресу брата другая. Гдѣ подвѣвалъ братъ „уплѣты“, спрашиваетъ пѣсня: бросилъ ли онъ ихъ на Дунай, или подвязалъ ими свои „ботоньки“; если подвязалъ себѣ ботоньки,—то „якъ ноженькою ступилъ“,—свою сестрину вспомнить. Конечно, братъ будетъ жалѣть о сестрѣ, но тогда будетъ уже поздно.

Пѣсня передъ посадомъ приглашаетъ брата сѣсть на стулъ и учиться „торговать“ сестру.

Достойно замѣчанія и то, что и въ пинскія лирическія пѣсня проникла та же враждебность отношеній между братомъ и сестрой: и тамъ братъ является то главнымъ виновникомъ несчастья дѣвцы, отдавъ ее за нелюбимаго, то онъ мѣшаетъ сестрѣ соединиться съ милымъ¹⁾.

Интересъ пѣсенъ къ брату невесты объясняется не однимъ родствомъ ихъ. И въ другихъ свадебныхъ ритуалахъ братъ является распорядителемъ судьбы невесты, играть видную роль, какъ напр. у древнихъ Индусовъ (Вс. Миллеръ, Оч. арийской мифологіи, 21—22), у южныхъ славянъ (Юридик. Вѣстн., 1877, № 1, 99) и др. У Новоселандцевъ и др. меньше культурныхъ народовъ братъ имѣетъ фактическую власть въ распоряженіи продажей сестры и въ настоящее время (Post, Studien Zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts, p. 164). Указанные факты даютъ возможность сдѣлать тотъ выводъ, что участіе брата невесты въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ можетъ разсматриваться какъ отдаленный пережитокъ той эпохи человѣческаго развитія, когда родство и старшинство въ родѣ считалось только по матери, т. е. по женской линіи (т. наз. матриархатъ, материнскій родъ) и, слѣдовательно, когда братъ матери имѣлъ право распоряжаться судьбою своихъ младшихъ родственниковъ, будучи представителемъ семьи, рода (М. Ковалевскій, Первобытное право, I, 136).

Разставаніе невесты съ роднымъ домомъ.

Выше было сказано, что рядомъ съ остатками прошлаго быта въ пинскихъ пѣсняхъ отразились мотивы современной жизни. Нашимъ пѣснямъ известны и такія отношенія жениха и невесты, когда они другъ для друга „милый“ и „милая“.

Невеста напоминаетъ жениху—„не залейца“ другой, „не забывайса“ дѣвоньки. Но ему и забыть трудно: куда ни пойдеть, она у него „на умѣ“, за столъ сидеть „край ея“.

Возьму за ручку—тѣпленько,
Къ сердцу прыгорну—мыленько.

Она ходитъ по лѣску и „гукаетъ“ жениха: не „баўса“, потому что уже все готово для встрѣчи молодого. Она выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу и съ „цукромъ (сахаромъ) у папери“, и съ „виннымъ яблочкомъ у кипени“. Молодая проситъ молодого скрыпиться въ пошедѣльникъ раненько. Но молодой говорить, что у нея ворота скрыпильныя, батюхно сварливый. „Я ворота подтешу, своего батюхна попрошу“, отвѣчаетъ невеста. Молода дѣвонька не правду говорила: она и замужъ пошла и женишка полюбила. Невѣста приходитъ утѣху и поддержку въ молодомъ: „Нежалостливы“ батюхно выдаетъ ее противъ „нычки“, да и проводничка не даетъ, и дорожки не кажетъ, и самъ съ ней не идетъ. Гдѣ ей молодой спать: на водѣ ли, или въ зеленой дубравѣ, или у батюшки въ коморѣ? Но ее утѣшаетъ молодъ Тимыхъ:

Не жураса, мнѣ Прысенько,
Не будѣшь почоваты на води,
Ни ў зеленой дуброви,
Ни у батеньки ў каморы,—
Тай будѣшь ночоваты
Да на тасэной кровати,
Да на пуховыхъ подушкахъ,
Да на шоўковыхъ радюшкахъ.

Но даже, если невеста и идетъ къ милому, она не знаетъ, какъ при-
метъ ее чужая семья, для которой она вѣтаети будетъ чужой. Тѣмъ тяжелѣе ей положеніе среди новой семьи, если она попала туда, какъ плѣнница, или какъ купленная. Она съ грустью, съ тяжелымъ сердцемъ, часто съ упреками къ своимъ, покидаетъ родную семью и вступаетъ въ чужую. Мы рассмотримъ отношенія ея къ той и другой семьѣ. И опять таки, и здѣсь, какъ и среди другихъ мотивовъ, отразились болѣе древнія черты быта рядомъ съ современными. Невѣста то плачетъ, прощаясь съ домашними, посылаетъ имъ упрекъ за отдачу, пропой ея, то спокойно сѣвшія къ жени-

¹⁾ См. мою статью „Женская доля въ пѣсняхъ Пивчуконъ“.

ху, собирая как можно больше даровъ, приданого. Уже, прѣхавъ отъ вѣсна,—она не слуга своего отца, она принадлежитъ другому, тѣсти она и должна слушаться. Дай, дѣвица, батюхнѣ водицы „изъ дылного колодеза, изъ крыницы“, говорить пѣсня—

— Уже я тебѣ, батюхна, нѣ слуга,

Уже моя водица дорога.

Подъ высокимъ лѣсомъ брала дѣвица ягоды, много ихъ набрала, но понесетъ мимо батюковаго двора на свекратковъ:

Нѣ ѣстымъ мой батюхно ягдыдокъ,

Бо упустя ѣ золотой кубокъ изъ ручокъ:

Да ѣстымъ мое свекратко ягдыки,

Бо оно ѣзяло золотой кубокъ ѣ ручки.

Дѣвушка покончила счеты съ родной семьей, но ей тяжело разстаться съ нею. Она плачетъ даже по предметамъ утвари, покидаемымъ ей:

Да нѣ куръ кудаче, перьячко скаче,

Молядая дѣвонька по краснахъ плаче.

Но, конечно, живые люди дороже предметовъ: мать очень близка къ дочери, она приходитъ въ ужасъ при мысли о разлукѣ.

Моя матынько, моя родная,

Разлука мнѣ съ тобою!

— восклицаетъ съ отчаяніемъ молодая при мысли о разлукѣ съ матерью. Прощальныя слова дышутъ отчаяніемъ: приступы матынько, близокблизынько, говорить пѣсня, уклону тобѣ головуку низко-визынько, кѣсками землицу покрыю, слезками ноженъки помыю.

Въ другой пѣснѣ дочь проситъ мать пожелать ей сегодня, потому что завтра уже не придется, завтра завладѣть ею Ипусько:

Моя матко родна!

Полилъ да мене циперь,

Бо вже завтра не дилѣцмежъ,

Да у себѣ да не мѣцмежъ,

Оддаси боярамъ на руки,

Ипуську на вѣки (Zienk., 116)

Одна пѣсня дѣлаетъ прекрасное сравненіе невѣсты, прощающейся съ своей матерью—съ березою растающеюся съ дубровонькою. Дуброва защищала березу отъ вѣтра и дождя, такъ и дочь у матери важнаго, т. е. труднаго дѣла не дѣлала, только танцы водила. Вотъ эта пѣсня:

Схилилася береза

Черезъ гору въ долину,

Склонилася Ганночка

Черезъ скамлю маценцы:

— Дзякуй тоби, дубрувунька,

За твое годованьейко!

Якъ я у цибе бугала,

Буйного витру не чунала.

Друбного дцу не видала.

Склонилася Ганночка

Черезъ скамлю маценцы:

— Дзякуй тоби, моя маценка.

За твое годованьейко!

Якъ я у цибе бугала,

Важного дѣла не робила.

Позно по воду не ходила,

Все тихіе тоньки (танцы) водила.

Дзякуй тоби, мой матынько.

За твое годованьейко! (Zienk.).

Конечно, съ выходомъ замужъ эти порядки измѣнятся: придется „важное“ дѣло дѣлать, поздно ночью за водой идти и пр.

Но и сама мать не хочетъ разстаться съ дочерью: не хочу твоихъ низкихъ поклоновъ, говорить она, встань съ воза да иди за мною. Тоже говорить мать въ другой пѣснѣ. Дочь проситъ подать ей руку,—не вернуть ли ее домой. Рада бѣ я и обѣ подати, да нельзя вернуть назадъ, говорить мать. По другой пѣснѣ почти въ такихъ же словахъ невѣста прощается съ отцомъ своимъ. Ей хотѣлось бы побыть еще у батюхны, „хороше походить“, потому что у батюхны „все горы да горы мнѣ ходити удоволи“, а „у свекраки ей гулять невудльно“.

Съ упрекомъ обращается она къ матери, отдающей ее на чужую сторону на тяжелую работу, отрывающую ее отъ роднаго дома. Она все дѣлала, что только нужно было для матери, а та отдастъ ее. Чѣмъ я тебѣ „дѣла“, (надоѣла), что ты отдашь мени отъ дома, сраниваешь дочь.

Чи я тобѣ кошули не прала,

Чи я тобѣ постѣлки не слала?

Прала тобѣ кошулку на моря,

Слала тобѣ постѣлку ѣ каморы.

Въ другой пѣснѣ она выражаетъ ту же мысль:

Я жъ тоби була женчикъ хорошій:

Я тоби жала, гроши не брала.

Теперь ты будешь нанимать жнецовъ, платить имъ деньги, сама будешь свое добро съ поля собирать.

Но такъ или иначе молодая должна сдѣлаться членомъ новой семьи; въ этой семьѣ она съ мужемъ составитъ часть, а потомъ, быть можетъ, и сама станетъ ея главою. Поэтому, ей приходится подумать и о своемъ будущемъ достаткѣ, о томъ, чтобы ни отъ кого не было „доганы“ (упрека).

как говорить одна лирическая пѣсня, за то, что она вступила въ семью безъ статка, безъ приданаго. Тутъ мы встрѣчаемся съ пѣльмъ рядомъ пѣсенъ, рисующихъ исправленіе молодой. Очень замѣчательно, что молодую даритъ племя, роднына:

Нашу дѣвоньку да племмячко даруе;
Самъ Богъ сѣдять на покути, лешую долю готуе.

Другая выражается въ томъ же смыслѣ:

У нашей дѣвоньки да вѣлька роднына,
Якъ скинз по пляжечку, то будз скотына.

Такимъ образомъ родъ—племя участвовало въ защитѣ дѣвицы отъ нападенія жениха, оно, далѣе, продавало ее ему и, наконецъ, когда смѣнились бытовья условія, выправляетъ ее въ чужую семью. Завота лежитъ не только на родныхъ отцѣ—матери, но и на пѣломъ родѣ—племеніи, которое прежде всего и есть господинъ надъ своими сочленами.

Но главное участіе въ выправѣ играетъ, разумѣется, мать. Она заботится и о томъ, чтобы одарить, по обычаю, всю женихову родню; невѣстѣ нечего хлопотать о томъ, что не хватитъ подарковъ: есть у нея мать, она и добудетъ, она достанетъ, „колы пѣ станз“. Мать хорошо прядла, звонко ткала, бѣленько бѣлила полотно на подарки, она некоротила крошень, „дытьятя норовыла“ и раздастъ длинные куски полотна. Еще больше заботится мать, чтобы уложить полный „кубель“ своей дочери. „Лады, матко, лады, Усе ѣ кубель клады“, говоритъ пѣсня, не оставяла меньшей дочери, потому что та еще не „надбала“, т. е. мало еще поработала на батьковомъ хозяйствѣ. Батько въ свою очередь даритъ дочь „черною коровою“. Дочь не хочетъ отъ него „ни поля, ни загана, ни межи, ни разоры, да хочу жъ и коровы, пуховые подушки, шоѣковне радюжки“,—говоритъ другая пѣсня. Матери же она оставляетъ все домашнее хозяйство—„новый дзвян и хлвенец“, а себѣ желаетъ лишь „повѣнъ кубель платя“. Молодая убзываетъ со всѣмъ добромъ изъ батькового подворья ночью, она проситъ „свзтовую зырненьку“ взойти раненько, засвѣтитъ ясененько, пока она выйдеть изъ батькового подворья:

Покиль я выкотю кублы изъ коморы,
Покиль я выведу корову изъ обору,
На скверовы возы, что стоятъ при дорози.

Невѣста является во дворъ свекра—„повѣнъ дзвянъ статку жене, поѣну вѣлтѣ добра везе, статочку до рогатого, одѣ батьки да богатаго, матѣри да розумной“. Ее свекоръ не узналъ и „панею“ назвалъ.

Такъ собирается молодая въ чужую семью. Послѣдніе мотивы уже дышутъ современнымъ порядкомъ вещей. Что же встрѣчаетъ она въ новой семьѣ?

Невѣста и семья жениха.

Уже собираясь въ новую семью, невѣста сидитъ „хмурнѣнька“:

А якъ же мни бути веселой,
Колы мѣнз осила чужина,

Усе женишкова родына.

Осѣла невѣсту чужина и даже ея наружный видъ измѣнился. Мать едва узнаетъ ее. „Учора“, т. е. у матери она была въ вѣточкѣ, а сегодня „ѣ сѣрпаночку“, вчера была „ѣ чирвоному, а теперѣ ѣ зяльному“. Куда ты, дѣвца, ходила, спрашивается пѣсня, что головку „зболыла“ (бѣлый женскій головной уборъ)? Она ходила въ вишневый садъ, на ея голову цвѣтокъ упалъ, „да мою голоѣку убраѣ“.

Невесело рисуетъ пѣсня будущую семью. Куда тебя батько отдастъ, спрашиваетъ невѣсту пѣсня: „чи ѣ турки, чи ѣ татары, чи ѣ турацкую землю, чи ѣ вѣлькую семью?“ И такъ рисуетъ ея будущее положеніе въ этой „турецкой землѣ“:

Тамъ земля кременистая,
Тамъ сѣмья норовистая,
Твоего ходу перожаживать муть (начнутъ),
Твое діло перожаживать муть.

Темными красками описываетъ другая пѣсня свекровь, съ которой невѣстѣ больше всего придется имѣть дѣло. Чужая мать безъ вѣтру вѣсть, безъ солнца грѣть, она „безъ крыѣ дынны сварять, непраѣдненьку говоритъ“, Якъ покорыть словами, Обольесса слезами.

Чужая мать ждала только работницу въ домъ: „ѣсю ныченьку изъ спала, тамъ собѣ работничка достала“.

Радуется она. Это новая работница—„ѣ дымъ дымоваты (въ домъ дымовать, хозяйничать), а ѣ поли жито жаты“—

А ѣ дымъ дымовничку,
А ѣ поли работничку.

Главное достоинство невѣсты, чтобы она была
И ручая, рабочая,
И до дѣла охвачая (Zienk., 192).

Въ новой семьѣ ожидаютъ работника, на котораго всякій не прочь взвалить часть своей работы. У батьки ея были „бѣлыя“ руки, да будутъ ли бѣлыя у свекра? Вотъ какъ будутъ приказывать ей въ новой семьѣ:

Уставай, невѣста, равненько,
Да бѣжи по водщцу хутѣнько,
Да помый рученьки бѣленько.

У свекра „ѣсюды роѣненько, мнѣ гуляты невольненько“. Всѣ

хвалить отца невесты, а свекра „судить“, не хвалить. Но невеста узнала об этом уже послѣ того, какъ „пирогі помѣняли, подарки подавали“ послѣ вѣчана. Теперь уже поздно, пусть лучше не говорятъ: „мого сердца на сушита“.

Въ новой семьѣ нужно угождать свекру и свекрови: свекра ей совѣтуетъ называть батькомъ; для свекрови она готовитъ тонкій кужель на подарки. Въ новую семью она вводитъ „зѣ дарами да зѣ низенькими уклонами, да съ тонкими кужелями“.

Этими чертами ограничиваются наши пѣсни о судьбѣ молодой въ ея будущемъ домѣ.

Черты эти сравнительно блѣдны съ тѣми густыми красками, какими рисуетъ себѣ „вазную“ семью пинская женщина въ лирическихъ пѣсняхъ. Послѣднія останавливаются съ большими подробностями на различныхъ сторонахъ горькаго житья—бытья молодой женщины въ семьѣ ея мужа. Объ этомъ мнѣ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ^{*)}.

Теперь мы разсмотрѣли всѣ пѣсни, относящіяся собственно къ жениху и невестѣ и лицамъ, ихъ окружающимъ. Но на этомъ не заканчивается разнообразіе мотивовъ свадебной лирики Пинчуковъ. Намъ остается еще разобраться въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, стоящихъ отдѣльно отъ предыдущихъ: это пѣсни коровайныя; за ними слѣдуютъ пѣсни, поющія о бракѣ краснаго солнышка съ яснымъ мѣсяцемъ.

VI.

Коровайныя пѣсни.

Маленькія коровайныя пѣсни, большею частію четверостишія, занимаютъ описаніемъ самого коровайа и способовъ его приготовления, поясняютъ то, что дѣлаютъ коровайницы,—женщины нарочито для того избранныя и пользующіяся огромнымъ почетемъ во все время своей работы и до окончанія свадьбы.

Мать собираетъ ихъ „по мѣсяцу и по зырночкамъ и по яспому сонцу“, говорятъ пѣсня.

Къ работѣ надъ короваемъ призываютъ самого Бога:

Прибудь, прибудь

Самъ Господь до насъ,

Да тѣпърь у насъ вѣзалечко

У Божій часті!

Кудрявая коровайница печь мететъ, „хорошуха“ поправляетъ, „и

^{*)} См. названную мою статью „Женская доля въ пѣсняхъ Пинчуковъ“.

Бугъ помогае“, рассказываетъ пѣсня. Участіе божественной силы въ печеніи коровайа простирается до того, что

Самъ Бугъ коровай мѣсить,

А Прѣчистая сѣять,

А янголь воду носить,

Христось приступае,

Хустою накрывае.

Другая пѣсня такъ призываетъ Пречистую:

Прѣчистая маты!

Сѣй чечокъ сувати,

Ходи къ намъ до хаты,

Сей домъ освѣтити,

Вощечку топтати,

Коровай замѣсити (Zienk., 74).

Съ той важностью, которую придаетъ короваю присутствіе божественной силы, вполне гармонируютъ и описаніе самого хлѣба и эпитеты, которые ему даются. Его „гиблеть“ (мѣсать) „на скамьи“ „золотыми перстенками“. Обычный эпитетъ коровайа—„ясный“, другой эпитетъ—„дѣшый“. Его мажутъ дровинымъ масломъ (отъ коровы, въ первый разъ отелившейся), за которымъ бѣгутъ „до новой клѣти“, или „до новаго мѣста“. Коровай имѣетъ золотыя „вѣтти“:

Да зелѣнь яворъ на двори,

А у явора вѣтти зеленѣе,

А коровай гибнуть на столі!

А у коровай золотѣе.

Одна пѣсня даетъ такое замѣчательное описаніе самого коровайа:

Коло околыночку *) шишки, Звѣрху—сыръ и масло,

По сэрэдынѣ—ѣсѣ зрночки,

У сэрэдынѣ доля и шаст!

„Зрночки“—это зорочки, звѣзды.

Это описаніе дополняется другими. Коровай пекутъ на липовомъ листу:

Росты, коровай, якъ липиньба,

А шишечки—якъ зрночки (зорочки).

А голечко якъ дубечко!

Коровай качаютъ на серебря, сажаютъ на золотѣ:

Короваю, мой раю,

Съ тобою граю,

На сребри качаю.

На золотѣ сажаю (Булгаковскій, р. 108).

Шишечки, о которыхъ поетъ пѣсня,—это звѣздочки и разныя изображенія изъ тѣста по краямъ коровайнаго хлѣба. Изображаютъ чаще всего птицъ: непременно пѣтуха, перелелокъ, потомъ цѣтки и пр. Пѣсни также говорятъ объ этомъ. Отецъ собираетъ сосѣдямъ коровайа сгибать, чтобы коровай былъ—

^{*)} Повидимому, околыночку—кругъ, окружіе верхнею хлѣба, коло околыночку—по окруженію.

Съ квѣтками, зъ зерпѣлками,
Зъ дорогами да макувками (Zienk., 70).

Наконецъ, хлѣбъ, идущій на коровай, тоже особенный. Это непременно пшеница, пшеница старая, доброкачественная. „Годи“ тебѣ семь лѣтъ въ стогѣ стоять, обращается къ ней пѣсня, время изъ тебя готовить коровай—

Пшеничка друба,
На всё сподобна (Zienk., 72).

Такое приготовленіе коровай и его внѣшній видъ.

Коровай подходитъ, растетъ необычно, ростъ его тоже замѣчательнъ. Пѣсня сравниваетъ его ростъ: „якъ хмѣль на тычнини, а пшеница на ныви“. Другая пѣсня начинается тѣмъ же сравненіемъ, но затѣмъ говоритъ:

Росты, коровай, росты,
Да на гору дывьса,
Да за лбынь борьса,
А якъ буде коровай росты,
То мы будемъ коровай трасты.

Коровай, подходя въ квашнѣ, выбиваетъ „дубовое дѣнце“. Пьяныя коровайницы тѣсто покрали „то ў мѣхъ, то ў кишени—своимъ дѣткамъ на вечеру“, но тѣсто „набрынало“ (разбухло) и оборвало кашени.

Даже неодушевленные предметы выражаютъ свое удовольствіе по воду печенія коровай:

Припечекъ рогоче,
Пичъ коровай хоче.

По изготовленіи, коровай несутъ нѣ клѣтъ.

Пѣсни описываютъ и этотъ моментъ. Даже про коровайницу, которая несетъ его, говорится, что „на ин свята шоўкомъ шита, соболями подбита“. Пѣсни обычно говорятъ, что коровай спрашиваетъ у печи, есть ли стѣжечка до клѣти?

Ты, коровай, нѣ штайса,
Да до клѣти добирайса.

Другая совѣтуетъ ему опереться на пироги и добираться до клѣти. По другимъ пѣснямъ коровай несутъ на жито: „да постаўтѣ коровай да на батьковомъ жити“. Одна пѣсня въ этомъ родѣ очень интересна:

Да зышоў мясячичъ високо,
Запаслы коровай далеко,
Да поставылы на жити,
Суды намъ, Боже, спожиты!

Коровай сравнивается съ мѣсяцемъ, выносятся на жито, потому что въ немъ есть сила, способствующая плодородію поля.

Наконецъ, къ коровайнымъ же пѣснямъ относится цѣлый рядъ пѣсенъ

шуточныхъ. Коровайницы медлятъ сажать въ печь коровай: меду ли онѣ напились, или въ морѣ утонули? спрашиваетъ пѣсня, или отъ собаки не отбился, добавляется вариантъ. Коровайницы напились такъ, что имъ „до дому не видно“, онѣ порастеряли свои свитки, спяна онѣ раскрали все тѣсто и т. под.

Выше я собралъ всѣ черты пѣсенныхъ мотивовъ, характеризующіи какъ самый коровай, такъ и способ его изготовленія. Коровай, какъ обрядовый хлѣбъ, и самъ коровайный обрядъ имѣетъ огромное значеніе не только въ Пинской свадбѣ, но также и у Вѣлорусовъ, Малороссовъ, и на всемъ пространствѣ Великороссіи; мало того, аналогичные обряды съ свадебнымъ хлѣбомъ мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ Славянъ, у народовъ Западной Европы, у древнихъ Индусовъ, Грековъ, Римлянъ и у многихъ неарійскихъ народовъ. Это обстоятельство даетъ прочное указаніе на особенную важность обрядового свадебнаго хлѣба въ религіозномъ мировоззрѣніи различныхъ народовъ. Я буду имѣть случай говорить болѣе подробно объ этихъ обрядахъ въ другой работѣ, первые главы которой я уже имѣлъ случай цитовать („Вѣлорусскія свадьбы въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ“) и къ которой интересующіеся могутъ обратиться. Здѣсь же я ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями, основанными на изученіи пинскихъ пѣсенъ. Начнемъ съ общей характеристики коровай и коровайнаго обряда, которая вытекаетъ изъ предложенныхъ выше пѣсенъ.

Прежде всего печеніе коровай представляется дѣломъ особой важности: Божественная сила призывается къ короваю и охотно участвуетъ въ печеніи его. Коровай носитъ званіе „дивный“, „ясный“, онъ имѣетъ золотыя вѣтви, его качаютъ золотыми перстнями, сажаютъ на серебрѣ. Эти черты указываютъ на связь нашего коровай съ божествами. Далѣе, онъ стоитъ въ тѣсной связи съ растительностью: его голышко, какъ „дубечко“, онъ растетъ какъ липа, хмель, или пшеница на нивѣ.

Связь коровай съ растительностью и особенно съ хлѣбной важна. Тому, кто знакомъ съ народной религіозной символюкой, будутъ вполне понятны слова проф. Потебни: „Къ числу символовъ солнечнаго бога слѣдуетъ отнести и хлѣбъ“ („О знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій“, р. 39). Божества, отъ которыхъ зависить ростъ хлѣба, или же самъ хлѣбъ, олицетворяющій эти божества, отражаютъ въ себѣ производительныя силы природы, бога—производителя, оплодотворителя. Связь коровай съ деревомъ имѣетъ тотъ же основной смыслъ. Дубъ же считается у всѣхъ народовъ деревомъ по преимуществу антропоморфическимъ: по преданію Грековъ же люди его возбуждали страхъ (De Gubernatis, La Mythologie des Plantes, II, 64 и сл.). Имѣли такую тѣсную связь съ элементами растительной силы божества, коровай и самъ растетъ необычно, съ особенной силой, о чемъ поютъ пѣсни.

Но все, что обладаетъ божественной силой, можетъ, по народнымъ

представлениям, передавать эту силу другим предметам и лицам. Вот почему коровай, символ бога—производителя, несут, по пѣснѣ „на батюково жито“, чтобы онъ способствовалъ его росту; въ среднѣй коровай „щасте и доля“, а при несеніи выражается пожеланіе—„дай, Боже спожити“,—говорится въ предположеніи, что его божественныя свойства полезны и людямъ.

Мы уже указали на связь нашего коровай съ солнцемъ. „Хлѣбъ вообще, говорить Потебня, и въ особенности коровай, сближается съ солнцемъ“ (idid, 51)—выводъ, сдѣланный на болѣе широкомъ матерьялѣ и вполне подтверждаемый и нашими пѣснями. Божество, символомъ котораго служить коровай,—богъ, дающій всякое изобиліе, плодородіе полей, скота и людей; ему умѣстно поклоняться на свадьбахъ, посредствомъ которыхъ мужчина и женщина вступаютъ въ союзъ для произведенія потомства. Коровай символъ бога—оплодотворителя, котораго обыкновенно видятъ въ нашемъ Ярилѣ. Печеніе коровай—часть культа Ярилы—Дионисія. Въ самомъ дѣлѣ, съ этимъ не трудно будетъ согласиться, если принять въ расчетъ то оргиастическое настроеніе, которое неизмѣнно сопутствуетъ печенію коровай: пѣсни и веселіе сопровождаются шутками и пѣснями часто совсемъ не двусмысленнаго содержанія (какъ это бывало и въ древнихъ культахъ), изъ тѣста лѣпятъ фаллосы или же изображенія людей и животныхъ въ непозволительныхъ позахъ; такія изображенія иногда и теперь запечатываютъ на короваѣ, хотя это и начинаетъ выходить изъ обычая.

VII.

Мѣсяцъ и Солнышко

Но функція Ярилы въ народномъ представленіи тѣсно связаны съ функціями солнца, оплодотворяющаго своими лучами землю, вообще съ солярнымъ божествомъ. Ярило самъ солярное божество, то солнце, то мѣсяцъ. Свѣтило, съ которымъ связанъ коровай—и въ пинскихъ пѣсняхъ почти исключительно—мѣсяцъ.

Я напомнимъ стихъ уже приведенной пѣсенки:

Да й зышоу мѣсячикъ високо,

Занесли коровай далеко.

Сопоставленіе съ мѣсяцемъ—очевидно. Пинки коровай—„зерночки, зырочки“, или же въ серединѣ мѣсяцъ, окруженный звѣздочками. Напомнимъ, что и наружная форма коровай сближаетъ его съ мѣсяцемъ, окруженнымъ звѣздами: въ серединѣ коровай лѣпятъ мѣсяцъ, по краямъ—звѣзды, а затѣмъ ужъ и другія изображенія (Zienkew., p. 68). Вотъ почему мѣсяцъ въ пѣсняхъ играетъ выдающуюся роль, тогда какъ солнце служитъ лишь для сравненій.

Мы встречаемъ лишь такія сравненія, какъ „сонейко грѣе“ „сонейко

грае“, коровайницъ мать собираетъ „по ясному сонцу“. Солнце сравнивается съ невѣстой, о чемъ скажемъ ниже.

Совсемъ другое отношеніе къ свадьбѣ мѣсяца и звѣздъ. Мѣсяцъ свѣтитъ свадебному поѣзду. Пѣсня призываетъ его посвѣтить женихову поѣзду, когда тотъ ѣдетъ добывать невѣсту:

Свѣты, свѣты, ясенъ мѣсяцу, надъ нами,

Еще ѣхаты чотыры мили борами.

Но мало того, мѣсяцъ сравнивается съ мужскими дѣйствующими лицами. Мѣсяцъ—отецъ невѣсты, она—

У батюхны ў коморы

Якъ у мѣсяца ў колы.

Возоли два мѣсяца, говорить пѣсня, и оба „ясенькіе“: а у жениха два „дядухны“ и оба „радненькіе“, затѣмъ два жениховыхъ брата оба сравниваются съ мѣсяцами (Zienkew., p. 80). Въ другой, два жениховыхъ брата называются „рожками“ мѣсяца:

У мѣсяца два рожки,

У Януська два братки (Zienkew., 86)—

одинъ коня сѣдлаетъ, другой научаетъ жениха, чтобы онъ выбралъ невѣсту не въ золотѣ, а въ „розумѣ“.

Последнія сравненія мѣсяца важны лишь потому, что указываютъ, что въ мѣсяцѣ призывалось мужское начало. Особенный интересъ имѣютъ сопоставленія мѣсяца съ женихомъ. Шапка жениха „якъ зырочка ясна“. Мать выражала сына,

Мѣсяцемъ оперезала,

И зыркою застягнула.

Цѣлый рядъ пѣсень, въ которыхъ говорится о добычаніи невѣсты, начинается сравненіемъ:

Расхадѣса мѣсячикъ по небу,

Да збираючи зурочки ў громаду:

Да засвѣтимо усѣ разомъ по небу.

Здѣсь уже женихъ прямо сравнивается съ мѣсяцемъ, зырочки—его войско.

Мѣсяцъ—самъ женихъ. Это сравненіе упорно поддерживается:

Ишовъ мѣсячикъ до зырки,

Ишовъ молодичикъ до дивки (Bukowski, p. П. № 2).

Мѣсячикъ по небу ходитъ, какъ Янусько за столъ заходитъ—

Ясенъ мѣсячикъ по небу бродитъ,

Молоды Янусько за стулъ заходиць (Zienkiew., 78).

Особенно интересно слѣдующее сравненіе:

Ишла тѣщенька зорею,

А зить мѣсяцемъ за ею (Bukowski, 22).

Отождествление мѣсяца, такимъ образомъ, съ женихомъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Звѣзды, зорочка, представляются обычно женскимъ началомъ. Двѣ сестры жениха—двѣ зырочки (Zieikiew., 80). „Тэщенко, моя зырочка“,—обращается женихъ къ своей тещѣ. Мать невѣсты печалится, что женихъ разбилъ ея комору, разлучилъ ее съ дочерью, но тотъ утѣшаетъ ее:

Не журися, моя матынько, Изъ своею женою;
Я назадъ къ вамъ іду, А моя жиночка,
Зъ святою зорою, Якъ у неби зырочка (Вукowski, 19).

Подобное сравнение находимъ еще въ одной пѣснѣ:

Убирайся, дѣвонько, зъ хаты да мяталкою,
А зъ двора перепалкою,
За ворота зыркою.

Какъ видно изъ приведенныхъ нами отрывковъ, звѣзды, зорочки представляются въ пинскихъ пѣсняхъ въ женскомъ образѣ, причемъ не разъ отъ прямо сопоставляются съ невѣстою.

Не менѣе интересны пѣсни, относящіяся къ солнцу. Если мѣсяцъ является началомъ мужскимъ, вообще и женихомъ въ частности, то немало находимъ указаній и на то, что пѣсни олицетворяютъ солнце въ женскомъ образѣ, въ невѣстѣ.

Соняіко колесомъ на гору іду.
Да дѣвонька къ вѣчанью їду.

Другая характеризуетъ невѣсту такъ: у нея

Изъ рукавицъ вѣтрець віе,
Изъ личенька сонце гріе,
Умна да розумна,
Хороша да богата (Булаковскій, 107, № 40).

Лицо невѣсты—солнцу. Въ другомъ мѣстѣ невѣста уподобляется солнцу такъ:

Погледи, матинько, въ оконце,
Уже твое дитятко якъ сонце (Zieik., 64).

Отождествление невѣсты съ солнцемъ несомнѣнно повліяло на связь невѣсты съ „золотомъ“, часто замѣняющимъ въ народныхъ пѣсняхъ само солнце. Золото „завынігло у шкатулці“, когда невѣста заплакала (Zieik., 66), она мететь сѣни „золотою мяталкою“ (ibid. 60); прѣхаль отъ вѣнца, невѣста раскипаетъ золото (Булаковскій, 98, № 7 и др.); невѣста очень часто сравнивается съ „золотымъ кубкомъ“ (Zieik., 50).

Сравнение, отождествление жениха съ мѣсяцемъ, невѣсты то съ звѣздою, то съ солнцемъ, не одно поэтическое сравнение, но имѣетъ болѣе глубокий смыслъ. Народная поэзія какъ современныхъ (Русскихъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ и др.), такъ и болѣе древнихъ народовъ (Индусовъ, Грековъ, Римлянъ и др.), даетъ возможность заключить, что въ народномъ

мировоззрѣніи существовало представление о бракѣ небесныхъ свѣтилъ, причемъ чаще мѣсяцъ представляется мужемъ, солнце или зоря—женою, но у другихъ народовъ (напр. Грековъ) и наоборотъ. Это представление лежитъ въ основѣ народной мѣологии. Чтобы объяснить себѣ происхождение подобнаго вѣрованія, нужно обратить вниманіе на то, что всякая первобытная религія имѣетъ въ основѣ своей обоготвореніе производительной силы природы, покорившей впервые сознание первобытнаго человѣка и заставившей его поклоняться себѣ. Поклоненіе это выразилось въ массѣ различныхъ проявленій: въ почитаніи растительности, воды, огня, животныхъ, олицетворенныхъ въ видѣ отдѣльныхъ божествъ или въ непосредственномъ поклоненіи. Но и различные предметы на землѣ, животныя, воды, смѣна временъ года и т. п. считалось человѣкомъ также проявленіемъ производительной силы природы. Чтобы объяснить себѣ происхождение всего, онъ бралъ аналогію изъ жизни собственной и окружающихъ его животныхъ. Какъ люди и животныя отъ сношеній самца съ самкою производятъ потомство, такъ и высшія существа, мѣсяцъ и солнце, небо и земля, вступающія въ бракъ между собою, производятъ всѣ прекрасныя вещи въ этомъ мірѣ. Вотъ почему и земля называется матерью не только у Славянъ, но у Индусовъ, Грековъ, Римлянъ, Германцевъ, Галловъ и др., а небо является ея супругомъ оплодотворителемъ; средство оплодотворенія—въ Славянской мѣологии—дождь. Такимъ образомъ, первобытная религія знаетъ двѣ высшія божественныя пары—небо и землю, мѣсяцъ и солнце.

Этимъ то и объясняется отраженіе въ свадебной поэзіи Пинчуковъ мотивовъ о мѣсяцѣ—женихѣ и солнцѣ—невѣстѣ. Отраженіе это, правда, не особенно яркое, но всетаки достаточное для того, чтобы привлечь его къ известнымъ мѣологическимъ воззрѣніямъ болѣе первобытной религіи.

Обращаясь въ заключеніе къ тѣмъ даннымъ, которыя можно извлечь изъ представленнаго обзора мотивовъ пинской свадебной поэзіи, я считаю нужнымъ напомнить общіе выводы.

Пѣсни наши представляютъ мотивы культурно-историческаго и мѣологическаго характера; на ряду съ тѣми и другими мы встрѣчаемся съ картинами обиденныхъ житейскихъ отношеній уже новѣйшаго времени.

Къ мотивамъ историко-культурнаго характера относятся: 1) пѣсни объ участіи рода въ женитьбѣ и выдѣлѣ замужъ своихъ молодыхъ сочелювъ; 2) пѣсни о добычаніи и куплѣ невѣсты, объ участіи брата ея.

Среди мѣологическихъ мотивовъ видное мѣсто занимаютъ переживанія почитанія великой производительной силы природы; почитаніе это выразилось въ поклоненіи хлѣбу и хлѣбныхъ пѣсняхъ и въ пѣсняхъ о свадьбѣ мѣсяца и солнца.

Этими выводами опредѣляется значеніе пинскихъ свадебныхъ пѣсней, изъ этнологическаго матеріала.

Первобытныя формы брака *)

I.

Этнологія и первобытныи брак.—Безразличное смѣшеніе полов.—Гетеризм бытовои и религіозный.

Наука о человѣкѣ, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, въ послѣднее время достигла такихъ необыкновенно важныхъ результатовъ, что взглядъ на его первобытную культуру совершенно измѣнился. Многое изъ того, что еще такъ недавно считалось вполне установленнымъ, казалось истиной, оказывается диаметрально противоположнымъ тому, что добыто современной этнологіей. Современная этнологія или, какъ нѣкоторые не совсемъ точно называютъ ее, социологія, является высшею точкою современнаго научнаго прогресса. Она охватываетъ всѣ отрасли знанія, стараясь выжать изъ нихъ все, что относится къ человѣку, и такимъ образомъ воссоздать его начальную исторію, исторію его культурной жизни, и искать затѣмъ уже законовъ человѣческаго развитія. Нигдѣ такъ наглядно не проявлялось значеніе и успѣхъ молодой науки, какъ въ вопросѣ объ исторіи брачныхъ и вообще семейныхъ отношеній. И это вполне естественно, потому что исторія семейныхъ отношеній самымъ тѣснымъ образомъ связана съ историческимъ ходомъ прогресса вообще. По исторіи семьи и брака можно наилучшимъ образомъ слѣдить за постепеннымъ ростомъ культуры. Каждый новый шагъ въ исторіи брачныхъ формъ сопровождается высшимъ фазисомъ развитія даннаго народа. И, наоборотъ, всякое новое проявленіе высшей культуры непременно идетъ параллельно съ новой высшею формою брачныхъ отношеній. Больше или меньше правильная форма брачныхъ отношеній дала первый толчекъ къ установленію частной собственности, и этою первою собственностью была женщина. „Въ исторіи права собственности слѣдуетъ искать исторію брака, говорить Жиро-Телонъ; оба эти

института имѣли одну и ту же форму и повиновались однимъ и тѣмъ же законамъ развитія“¹⁾.

Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся представить формы брака въ ихъ постепенномъ развитіи въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ предметъ трактуется въ современной этнологической наукѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что то, что у насъ называется семьею и бракомъ, вовсе не существовало на первобытныхъ ступеняхъ развитія, не существовало также и той дѣятельности родства по матери и отцу, которую признаемъ мы. Наибольше первобытное состояніе половъ извѣстно подъ названіемъ *безпорядочно сожительства*. Оно характеризуется полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было формъ семьи и брака. У многихъ современныхъ дикарей не существуетъ даже слова, означающаго бракъ; это замѣчается, напр., у калифорнскихъ индѣйцевъ, у апантѣевъ и др.; тѣмъ болѣе не существуетъ брачныхъ обрядовъ, а у бушменовъ въ языкѣ нѣтъ даже различія замужней женщины отъ дѣвушки²⁾.

Такъ, о жителяхъ Венецуолы въ Южной Америкѣ Геррера разсказываетъ: они не соблюдаютъ никакихъ правилъ супружескаго сожительства, но берутъ столько женъ, сколько хотятъ, а женщины берутъ столько же мужей, сколько пожелаютъ; между ними не существуетъ ревности; живутъ они въ домахъ человѣкъ по 160 (G. Telon, Les origines). Среди индѣйцевъ средней Америки женщины безразлично принадлежатъ всѣмъ родственникамъ. Миссіонеры, отправлявшіеся въ 20 годахъ нашего столѣтія въ Австралію, были приведены въ ужасъ отношеніемъ между обоими племенами на Сандвичевыхъ островахъ: сожительство братьевъ и сестеръ представляеть здѣсь обычай, говоритъ одинъ изъ нихъ; туземцы не имѣли стыда и воздержанія болѣе, чѣмъ животныя: мужья имѣли по нѣсколько женъ и жены по нѣсколько мужей, и всѣ смѣшивались одни съ другими, какъ кому хотѣлось (ib. 61). Подобными описаніями полны разсказы современныхъ путешественниковъ объ австралійскихъ и американскихъ дикаряхъ. Но тѣ же данныя приводятся и древними писателями. Очень интересный разсказъ изъ жизни арабовъ приводитъ Страбонъ. Всѣ родственники имѣютъ общую собственность и одну жену. Они считаются братьями между собою и наказываютъ смертью всякое прелюбодѣліе, каковымъ признается всякое сожительство съ представителями другого племени. Первый, кто входитъ къ общей женѣ, остается съ ней, оставивъ у дверей свою налку: она служитъ знакомъ его присутствія, и никто другой уже не войдетъ къ ней. Одинъ царь имѣлъ 15 сыновей и одну дочь, отличающуюся красотою. Всѣ братья любили ее и посѣщали одинъ за другимъ. Наскучивъ

*) Напечатано въ 1892 г.

1) Les origines du mariage et de la famille.

2) Леббокъ, Первобыт. Культ., p. 62—3.
Домгаръ-Запольскій.

безпрестанным посященіемъ, она съдѣлала палки точно такія же, какъ у ея братьевъ, и попеременно ставила ихъ у дверей. Наконецъ, случайно, братья открыли шутку своей сестры.

Геродотъ рассказываетъ о Тамимахъ, что „они сходились публично, какъ животныя“. А Жакмонъ тоже сообщаетъ про одного индусскаго раджу, который прогуливался съ одною изъ своихъ женъ на синій слона et s'ébattoit publiquement avec sa compagne“ (Letourneau, L'évolution du mariage et de la famille, p. 51).

Вотъ что находимъ мы у древнихъ и новѣйшихъ писателей о первобытномъ отношеніи половъ. Исслѣдованія послѣдняго времени подтверждаютъ, что приведенные факты не представляютъ случайнаго явленія, характеризующаго одно только или нѣкоторыя племена, почему либо оказавшіяся наиболее безнравственными, съ нашей точки зрѣнія. Такія животныя отношенія половъ существовали у предковъ нынѣшнихъ европейцевъ. Конечно, свѣдѣнія, которыми мы обладаемъ на этотъ счетъ, не такъ положительны и подробны, какъ о современныхъ дикаряхъ, и это потому, что у предковъ нашихъ появилась письменность уже, разумѣется, въ иной періодъ, когда у нихъ образовалась правильная форма брачныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе народная поэзія, обычаи и обряды и древнѣйшіе юридическіе памятники оставили намъ несомнѣнные слѣды существованія первобытнаго смѣшенія половъ у древнихъ индусовъ, грековъ, латинянъ, кельтовъ, германцевъ и славянъ.

Вообще, занимаясь исслѣдованіемъ вопросовъ первобытной культуры, не слѣдуетъ забывать двухъ аксіомъ, на которыя опираются эти исслѣдованія. Первая аксіома состоитъ въ томъ, что развитіе разныхъ народовъ, какъ бы, повидимому, они не были различны по своимъ расовымъ отличіямъ, по языку и степени культуры (напр. какъ арійцы и краснокожіе или полинезийцы),—неизмѣнно проходило одніи и тѣ же стадіи развитія. Такимъ образомъ, если мы можемъ установить, что какой нибудь обычай или институтъ, известное состояніе, наконецъ, хотя бы, напр., разсмотрѣнное отношеніе половъ, присущи всѣмъ дикимъ народамъ, находящимся на известной степени культуры, то отсюда мы имѣемъ право вывести заключеніе, что такое же точно состояніе переживали на той же ступени развитія и другой народъ, уже вышедшій изъ нея, хотя бы мы объ этомъ и не имѣли опредѣленныхъ данныхъ. Ни одинъ народъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключеній. И эта аксіома замѣчательно вѣрна и подтверждается тысячами фактовъ. И не буду о ней распространяться; мы сейчасъ-же будемъ имѣть случай убѣдиться на фактахъ въ справедливости ея.

Другая столь же великая аксіома заключается въ томъ, что народныя вѣрованія, преданія, обряды и обычаи, народная поэзія, а также и право отличаются величайшею костью. Народная пѣсня, сказка, обрядъ—

лучшая лѣтопись народной жизни. Проходятъ вѣка, тысячелѣтія, народъ достигаетъ высокой степени культуры, цивилизациа, а все-таки въ его пѣсняхъ и преданіяхъ, обрядахъ, правахъ мы можемъ наблюдать всю исторію его жизни, начиная отъ самыхъ раннихъ ступеней цивилизациа, начиная съ того стаднаго состоянія, которое только что было нами обрисовано. Разумѣется, это источники косвенные для исторіи народной жизни, но памятники столь же несомнѣнные, какъ и рассказы очевидцевъ. Мы будемъ имѣть случай не разъ убѣдиться, какъ тщательно народныя вѣрованія и поэзія сохраняютъ черты первобытной жизни, иногда съ мельчайшими подробностями. Методъ, который служитъ для открытія чертъ первобытной жизни, въ современныхъ намъ вѣрованіяхъ народа, извѣстенъ въ социологій подъ названіемъ метода переживаній, терминъ, впервые пущенный въ ходъ Лебокомъ. Вотъ, съ помощью этого метода переживаній и открываются отголоски первобытной жизни у народовъ, уже давно вступившихъ на путь цивилизациа.

Послѣ сказаннаго, которое всегда нужно имѣть въ виду при послѣдующихъ замѣчаніяхъ, перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію предмета.

Итакъ, переходя къ народамъ индоевропейскимъ, мы прежде всего, остановимся на древнихъ народахъ. Послѣ исслѣдованія В. Ф. Миллера о бытовыхъ чертахъ въ книгахъ Ригъ-Ведь, древнѣйшаго памятника индусскаго творчества, едва ли можно сомнѣваться въ отсутствіи безпорядочнаго сожительства среди индусовъ (первобытнаго періода. Названный ученый находитъ въ гимнахъ Ригъ-Веды слѣды сожительства брата съ сестрою, отца съ дочерью, нѣсколькихъ мужчинъ съ одною женщиною и пр. ¹⁾ Въ современномъ индусскомъ свадебномъ ритуалѣ невѣста на вопросъ жреца, кто былъ ея любовникомъ до брака, непременно должна назвать чье либо имя, хотя бы такового не было; это свидѣтельствуеетъ о существовавшей нѣкогда свободѣ половъ ²⁾).

Не менѣе убѣдительно и греческое преданіе о Кекропсѣ, по которому этотъ герой впервые установилъ правильный бракъ, возложивъ на супруговъ обязанность быть вѣрными другъ другу; слѣдовательно, греческое преданіе тѣмъ самымъ указываетъ, что былъ моментъ, когда сношенія между полами не были регулированы ничѣмъ (Paul Gide, „Etude sur la condition de la femme dans le droit ancien et moderne“).

О древнихъ галлахъ мы имѣемъ свидѣтельство Цезаря, что они имѣли по нѣскольکو женъ, общихъ для всѣхъ братьевъ, и родители жили съ дѣтьми (Ковал., Перв. пр., II, 7).

Что касается славянъ, то еще Несторова лѣтопись отмѣчаетъ, что

1) Очерки арійской мнѳологій т. I.

2) Ковалевскій, Первоб. право, II, р. 12.

Радимичи и др. племена не имѣли браковъ, похищали себѣ женъ, жили по-скотски и не имѣли стѣдния къ снохамъ. Въ томъ же духѣ описываетъ нравы древнихъ чеховъ Козма Пражскій³⁾.

Не увеличивая своего изложения примѣрами, я останавлиюсь лишь на томъ, какъ стоитъ въ настоящее время въ наукѣ этотъ вопросъ о первобытномъ стадномъ состояніи общества. Джонъ Леббокъ въ своей „Первобытной культурѣ“ особенно напиралъ на это безразличіе въ половыхъ отношеніяхъ и на отсутствіе того, что можно было бы назвать бракомъ въ первобытномъ обществѣ. Но уже Спенсеръ въ своей критикѣ (Основанія социологии, т II, гл. III) Леббокской теоріи сильно сомнѣвается въ совершенномъ отсутствіи индивидуальнаго брака на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія. Онъ приводитъ два аргумента, подрывающихъ Леббокскую теорію. Во-первыхъ, что слѣдѣя Леббоку, рядомъ съ коммунизмомъ въ отношеніяхъ къ женщинамъ существовалъ коммунизмъ въ отношеніи къ какой бы то ни было собственности. Индивидуальный бракъ начинается тогда, когда проявляется въ дикарѣ стремленіе къ частной собственности которую имѣлъ мужчина. Но ничто не доказываетъ, по мнѣнію Спенсера, чтобы не существовало частной собственности на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія: имѣлъ же дикарь стрѣлы, оружіе, которое составляло его личную собственность и т. д. Отсюда и стремленіе имѣть отдѣльную женщину.— Другой аргументъ тотъ, что уже у высшихъ животныхъ наблюдается нѣкоторый подборъ семьи и, что самцы вовсе не безразлично относятся къ той или другой самкѣ Тѣмъ болѣе слѣдуетъ предполагать о существованіи нѣкотораго подбора среди дикарей. Мысль высказанная Спенсеромъ, поддерживается многими этнологами. Профессоръ Ковалевскій ограничиваетъ также сферу смѣшенія половъ, ссылаясь на изслѣдованія въ области зоологіи,⁴⁾ а Летувно въ своемъ сочиненіи „L'Evolution du mariage et de la famille“ первая три главы посвящаетъ разбору брачныхъ и семейныхъ, если такъ можно выразиться, отношеній среди животныхъ и приходитъ къ тому же выводу.

Такимъ образомъ, по мнѣнію большинства этнологовъ, безразличное общеніе половъ въ древнѣйшій періодъ предполагается болѣе или менѣе ограниченнымъ нѣкоторымъ подборомъ группъ, живущихъ въ коммунальномъ бракѣ. Какъ выражается этотъ подборъ въ наиболее дикомъ состояніи, они не даютъ опредѣленнаго отвѣта. Теперь перейдемъ къ тѣмъ

³⁾ Объ этомъ и др. свидѣтельствахъ о гетеризмѣ у славянъ см. ст. М. Ковалевскаго въ англ. журналѣ „Folk Lore“, „Marriage among the early slavs“, (изъ лекцій его въ Оксфордѣ), 1890 года, декабрь. Ср. также, „Rites et usages nuptiaux d'Ukraine“ par Volkov, въ жур. „L'Anthropologie“, 1891 г., № 2, 4, 5.

⁴⁾ См. его Первоб. культура, II. То же онъ поворяетъ и въ своихъ послѣднихъ десятихъ, читанныхъ въ Стоголомѣ „Tableau des origines de la famille et de la propriété“, 1890 г.

переживаніямъ въ бытовой и релігиозной сферѣ человѣческой жизни, которая оставила намъ переживанія эпохи первобытнаго общенія половъ. Явленіе это—*гетеризмъ*. Гетеризмъ—явленіе уже болѣе позднее, замѣчаемое даже въ эпоху установившихся брачныхъ и семейныхъ отношеній среди народовъ, у которыхъ преобладающею формою является уже монологическій бракъ. Такимъ образомъ, гетеризмъ—сопствующее обстоятельство другимъ болѣе высокимъ формамъ брака, представляеть собою лишь переживанія первобытнаго коммунизма.

Гетеризмъ проявляется въ двухъ видахъ: въ началѣ, какъ только въ данномъ племени начинается устанавливаться индивидуальный бракъ, а таковой бракъ, какъ увидимъ ниже, начался съ похищенія женъ, а потомъ съ купли ихъ, — онъ представляеть реальное явленіе. Отношенія между полами еще не регулированы, понятія о томъ, что мы называемъ нравственностью не существуетъ. Женщина вовсе не обязана воздерживаться въ половомъ отношеніи до того времени, пока случайно она будетъ похищена или куплена мужчиною. Дѣло простое, когда она будетъ похищена или куплена: тогда она становится вполнѣ собственностью своего мужа, его рабонъ и не можетъ располагать собою безъ позволенія мужа. Оттого то мы замѣчаемъ среди дикарей такое явленіе: цѣломудренность дѣвушки несколько не цѣнится, напротивъ, считается почетнымъ, если она пріобрѣтеть себѣ приданое проституткѣ; но зато замужнія женщины отличаются вѣрностью своимъ мужьямъ. Такъ, напр., въ Нука-Гава и вообще во всей Полинезій дѣвушки не выходятъ замужъ до 19—20 лѣтъ и въ это время они пользуются полной свободой. Среди жителей Америки замѣчается то же самое. Среди племени Хинукъ дѣвушки продаютъ себя, и родители получаютъ плату. То же самое встрѣчаемъ и у Эскимосовъ, Кафровъ, на Борнео и пр. (Letourneau, p. 63). Японскіе нравы въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны. Здѣсь дѣвушка пользуется большимъ почетомъ, если она добудетъ себѣ приданое проституткѣ. Отецъ и мать ей въ этомъ вслѣски способствуютъ. Напротивъ, дѣвушка, отдавшаяся своему любовнику безъ согласія отца, наказывается имъ 60 ударами за то, что уворовала имущество, принадлежащее отцу (G. Telon, p. 47—48). Замужняя женщина можетъ располагать собою лишь съ согласія мужа. Гостепріимные эскимосы считаютъ того мужа самымъ почетнымъ, который безъ всякаго колебанія предлагаетъ свою жену гостю. Такіе обычаи гостепріимнаго гетеризма извѣстны всѣмъ краснокожимъ, американскимъ и африканскимъ племенамъ, а также и древнимъ грекамъ и римлянамъ. Лигуртъ предоставляетъ мужьямъ предлагать своихъ женъ друзьямъ, если они сочтутъ ихъ достойными. Въ Спартѣ же одобрялось поведеніе стараго мужа, если онъ заботился о пріисканіи для жены молодого любовника.—Сократъ, какъ передаетъ преданіе, предложилъ свою жену другу своему Алкивиадѣ, а Катонъ Старшій сдѣ-

заль то же самое для Гортензия (Плутарх, Letourneau, p. 65—67). Только что описанный род гетеризма можно бы назвать бытовым, потому что он имѣет тѣсную связь съ бытовой стороною жизни. Онъ стоитъ на срединѣ между устанавливающимися формами индивидуального брака, когда еще отголоски первобытнаго смѣшаннаго состоянія половъ довольно сильны и когда еще вовсе не установилось понятіе о томъ, что мы называемъ нравственностью. Онъ свидѣтельствуетъ лишь о поворотномъ пунктѣ въ этомъ отношеніи.

Но слѣдуетъ еще различать другого рода гетеризмъ—религіозный. Начало его кроется въ томъ же первобытномъ состояніи, но мотивы, которыми онъ поддерживается среди сравнительно высоко культурныхъ обществъ, совершенно другіе. Известно, что многія бытовые черты обыденной жизни съ теченіемъ времени постепенно переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ видѣ обычая предковъ и наконецъ получаютъ религіозное освященіе, становятся какъ бы частью самой религіи, настолько тѣсно сливаются съ нею, что уже трудно отличить начальные бытовые черты. Давленіе этихъ привычекъ, обычаевъ, мы сами испытываемъ въ повседневной жизни. У насъ, напр., существуетъ обычай ѣсть на Рождество непременно колбасы и вообще свинину, справлять масляницу, печь пироги на Пасху и т. д.; изъ года въ годъ исполняемъ мы это требованіе обычая, хотя прекрасно понимаемъ, что онъ не имѣетъ вовсе соотношенія съ тѣмъ религіознымъ торжествомъ, къ которому мы его приурочиваемъ. Такова сила обычая! Но для крестьянина пирогъ на Пасху, колбаса на Рождество уже не просто обычай, а законъ, и, вѣроятно, не многіе изъ нихъ смотрятъ на это иначе, какъ не на требованіе религіи. Но чѣмъ далѣе мы переходимъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ крѣпче сила обычая, обычай—законъ самый строгій, а законъ бытовое—это законъ религіи. Оттого-то мы видимъ, какъ множество самыхъ обыкновенныхъ бытовыхъ отношеній становится со временемъ непреложнымъ закономъ общественной жизни. Мы будемъ еще имѣть возможность въ этомъ убѣдиться. А теперь замѣтимъ, что и первобытныя отношенія половъ, въ силу указанной живучести преданія, получили съ теченіемъ времени религіозное освященіе. Простой обычай, доставлявшій дѣвушкамъ половую свободу, съ теченіемъ времени, при установленіи индивидуальныхъ браковъ, съ установленіемъ болѣе прочнаго понятія о нравственности, доходитъ до того, что лишеніе дѣвушки цѣломудрія до брака становится обычаемъ и его беретъ подъ свое покровительство религія.

Нужно замѣтить, что весьма важныя религіозныя мотивы содѣйствовали такому переходу. Дѣло въ томъ, что основной мотивъ всѣхъ первоначальныхъ религіи—это поклоненіе животному, оплодотворяющему началу. Первый древнѣйшій богъ индусовъ это *Сана*—самецъ, быкъ. Въ многочисленныхъ пѣсняхъ Ригъ-Веды, посвященныхъ ему, самымъ почетнымъ

для него эпитетомъ считается „самецъ“—„orshan“, что значить въ то же время и быкъ—какъ наглядное проявленіе той же силы. Богъ Зендъ-Авесты, не менѣе древняго памятника Иранцевъ,—„быкъ, рожденный единымъ“¹⁾. Очевидно, первобытнаго человѣка поражала прежде всего творческая сила природы. Онъ видѣлъ, какъ земля, смоченная дождемъ, производила растенія, какъ солнце, появляясь на небѣ, оживляло все своимъ свѣтомъ и т. д. Беря для объясненія этой животельной силы солнца и земли матерьялъ изъ собственной жизни, онъ, конечно, видѣлъ въ солнцѣ величайшую оплодотворятельную силу, сравнивая его съ мужчиной. Отсюда и поклоненіе солнцу. Эта идея проникаетъ рѣзко и въ первобытныя религіи. Съ теченіемъ времени понятія осложняются, пантеонъ боговъ увеличивается, старые боги замѣняются новыми, носящими не столь грубый характеръ, но старая идея живетъ и переживаетъ самую религію. Мы видимъ культъ Венеры въ Римѣ, Милиты и Астарты въ Вавилонѣ, Ауродиты, Вауха и Приана у грековъ, наконецъ Ярилы или Тура (быка) у древнихъ славянъ и т. д.

Такое широкое распространеніе поклоненія оплодотворяющему началу вполне объясняется намъ идею религіознаго гетеризма; дѣвушка предъ вступленіемъ въ бракъ, должна была искупить себя, отдавъ свою невинность Богу. „Женщина, — оставила дѣвичество, — говоритъ Жиро-Телонъ,—должна слѣдовать примѣру великой матери, ненасытной земли и имѣть одну только цѣль—оплодотвореніе. Богиня требуетъ отъ всякой дѣвушки своего народа, чтобы она отдавалась всякому, кто потребуетъ; бракъ, т. е. связь исключительно съ однимъ человѣкомъ,—это нарушеніе божественныхъ законовъ. Всякое препятствіе со стороны человѣка принципъ произведенія есть грѣхъ передъ богиней, которая одна можетъ по своей прихоти разорвать цѣпи и освободить женщину отъ оковъ цѣломудрія“ („Les origines“ p. 20).

Эта религіозная концепція повела къ религіозному гетеризму, нѣсколько примѣровъ котораго мы приведемъ.

У нѣкоторыхъ негрійскихъ племенъ женщина должна провести первую брачную ночь въ беспорядочномъ половомъ сожитіи. То же самое известно о жителяхъ Америки. Однородныя изложенія разсказываютъ древніе писатели о гетеризмѣ на о. Самосѣ, во Фракіи, Коринѣ, въ Александріи у ливійцевъ и др. (Страбонъ, Діодоръ).

У Аоніянъ тотъ же обычай мы видимъ при совершеніи мистерій въ честь Афродиты, въ Римѣ во время вакханалій и др.

Геродотъ передаетъ такой разсказъ о посвященіи вавилонскихъ дѣвушекъ. Ни одна изъ нихъ не могла выйти замужъ, прежде чѣмъ не отда-

¹⁾ См. Кузиковскаго „Опытъ изученія вакхическихъ культовъ“ и его же „Къ вопросу о религіозныхъ представленіяхъ о быкѣ“ Зап. Новорос. универс., т. 43.

валась какомунибудь иностранцу у храма Милиты и не получала от него какойнибудь мелкой монеты, которая для нея служила затѣмъ талисманомъ.

Въ Индіи это религиозное проституированіе имѣетъ мѣсто и въ настоящее время. Здѣсь даже существуютъ храмы, въ которыхъ дѣвушки посвящаютъ себя, видя въ этомъ служение божеству. Въ Гоа, Калькуттѣ и др. жрецы сами принимаютъ на себя обязанность божества, вступающаго въ связь съ дѣвушкой.

Въ средневѣковой Европѣ этотъ гетеризмъ выразился въ *ius primae noctis*, правѣ первой ночи. Съ жрецовъ, представителей божества, это право перешло къ владѣльцамъ. Отъ нихъ начало зависѣть позволеніе вступить въ бракъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освященіе этого позволенія посредствомъ права первой ночи.

Довольствуясь этими наглядными примѣрами, я перехожу дальше къ указанію слѣдовъ тѣхъ же культовъ въ языческой религіи славянъ и въ обрядахъ современныхъ.

Въ мисологіи русскихъ славянъ богъ-оплодотворитель извѣстенъ подъ названіемъ Ярилы, иногда же онъ называется въ древнихъ поученіяхъ Туромъ, что свидѣтельствуется о поклоненіи быку, какъ наглядному выраженію силы плодородія природы. Образъ Ярилы далеко не исчезъ, какъ и самое имя, изъ вѣрваній различныхъ уголковъ русскаго населенія, причемъ остатки поклоненія Ярилѣ носятъ вполнѣ опредѣленный видъ оргіастическихъ культовъ.

Ближайшій интересъ для насъ представляетъ бѣлорусское преданіе о Ярилѣ. По разсказу Деревлянскаго, бѣлоруссы представляютъ себя его молодымъ, красивымъ, развѣжающимъ на бѣломъ конѣ; онъ покрытъ бѣлою мантиею и на головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ цвѣтовъ. Празднество его происходитъ 27 апрѣля (вѣроятно, 24). Вечеромъ дѣвѣны избираютъ одну изъ себя Ярилою, одѣваютъ ее такъ, какъ представляютъ себя Ярилу, сажаютъ на бѣлого коня. Вокругъ пляшетъ хороводъ дѣвицъ съ вѣнками на головахъ, причемъ поютъ пѣсни¹⁾.

Смыслъ праздника ясенъ: онъ совершается весной, когда земля, оплодотворенная весенними лучами солнца, рождаетъ всякое изобиліе. Цѣнты, употребляемые при этомъ случѣй служятъ символомъ растительной силы земли. Этотъ праздникъ совпадаетъ съ днемъ св. Георгія, сюда же относятся и праздниства Купалы; это потому, что черты языческихъ боговъ разложались на христіанскихъ святыхъ въ народномъ воззрѣніи: народъ подыскивалъ въ житіяхъ святыхъ сходныхъ чертъ съ своими богами, и черты послѣднихъ перенесъ на первыхъ.

¹⁾ Ж. М. Нар. Пр. 1846, кн. 1, Прибав., 20—21.

Не менѣе интересны также похороны „Кострубонки“ у малороссовъ или „Костромы“ у великороссовъ. Это также весенній праздникъ. Онъ состоитъ въ томъ что женщины дѣлаютъ соломенное изображеніе Кострубонки—Ярилы со всѣми его естественными частями, поютъ, пляшутъ и плясуютъ и наконецъ голосятъ, какъ бы погребая его, причемъ допускается свобода тѣлодвиженій, а ночной мракъ покровительствуетъ свободѣ отношеній между полами²⁾.

Собранія, на которыхъ въ религиозныхъ видахъ допускается свобода въ отношеніяхъ половъ, практиковались въ средневѣковой Руси, и остатки ихъ можно наблюдать среди народа и въ настоящее время. Я сдѣлаю два—три указанія на этотъ счетъ.

Одинъ итальянскій путешественникъ XVI в., Роккалинни, описываетъ намъ одинъ изъ такихъ празднествъ въ Московіи. Бѣдучи ночью, онъ и проводникъ сбился съ дороги и наконецъ случайно забрѣли въ какое то селеніе, здѣсь ихъ ввели въ просторную избу. Здѣсь онъ увидѣлъ большое собраніе женщинъ и мужчинъ, плясавшихъ и пѣвшихъ пѣсни, объясненныхъ винными парами. Черезъ нѣкоторое время тушила лунину, освѣщавшую избу, и присутствующіе предавались разврату. Такъ повторялось нѣсколько разъ въ ночь. Одинъ изъ присутствующихъ объяснилъ Роккалинни, что подобныя собранія въ извѣстные дни года составляютъ обычай этой страны (ст. Веселовскаго, въ Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этн. т. II).

Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ отраженія тѣхъ же „звѣринскихъ обычаевъ“, о которыхъ говоритъ еще Лѣтопись.

Но далѣе, ученые согласны и въ томъ, что и наши извѣстные „вечорки“, малорусскія „вечерницы“, великорусскія „посидѣлки“ носятъ въ основѣ своей тѣже черты первобытнаго гетеризма. На вечоркахъ, въ настоящее время носившихъ въ общемъ вполнѣ невинный характеръ (за исключеніемъ подгородныхъ сель — здѣсь другія условія), дозволяется обычаемъ извѣстная свобода отношеній: всякій парень можетъ разговаривать, позволять себя нѣкоторымъ шуткамъ съ дѣвушкой, какихъ въ другое время этикетъ не дозволяетъ. Мало того, во многихъ мѣстныхъ сохранился даже обычай, по которому дѣвушка осмѣивается и даже изгоняется изъ собранія, если она отгаликиваетъ подсѣвшаго и шутящаго съ ней парня, хотя бы онъ ей не нравился: такъ требуетъ обычай.

Наши свадебные обряды также не лишены многихъ чертъ, указывающихъ на то, что одинъ изъ основныхъ мотивовъ свадебнаго обряда въ первобытномъ обществѣ—это поклоненіе, восхваленіе Бога-оплодотворителя. Въ самомъ дѣлѣ женитьба, въ глазахъ первобытнаго человѣка, имѣла главною цѣлью соединеніе двухъ лицъ для произведенія себя подобныхъ

²⁾ См. ст. Ерименко о Ярилѣ въ Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этн., т. II.

Это считалось важнѣйшею, священнѣйшею обязанностью человѣка. Отсюда ясно, что поклонение Яриль въ свадебномъ ритуалѣ играетъ видную роль.

Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссїи (въ Минск. губ.) послѣ брачной ночи совершается такъ называемый „карагодъ“. Молодыхъ ведутъ на гумно и обводятъ трижды вокругъ сноа соломы, стоящаго посрединѣ, затѣмъ ихъ и присутствующихъ угощаютъ. Этотъ снопъ соломы, если мы сравнимъ его съ празднествомъ „Кострубонки“, изображеніе котораго дѣлается также изъ соломы, то въ немъ нетрудно увидѣть остатки поклоненія Яриль. Куль соломы—это его изображеніе или же pars pro toto (черта, свойственная всѣмъ народамъ).

Сюда же относятся и свадебные подарки, дѣлаемые самимъ женихомъ или его отцомъ лично невестѣ. Такимъ подаркомъ чаще всего бываетъ монета или нѣсколько монетъ, подаваемыхъ невестѣ въ водѣ или въ водѣ. Подобный обычай извѣстенъ не только бѣлоруссамъ и славянамъ вообще, но онъ практикуется, наприм. у итальянцевъ и у французовъ¹⁾. Эту плату обыкновенно считаютъ какъ плату за невинность невесты, остатки того времени, когда она собирала, какъ мы видѣли себѣ приданое простирающею. Интересно, что во многихъ мѣстностяхъ Франціи и Италїи существуетъ обычай, что всякій можетъ танцевать съ невестой, если дастъ ей какойнибудь подарокъ¹⁾. Въ этомъ обычѣ нельзя не видѣть переживанія искупленія невесты передъ вступленіемъ въ бракъ, когда она могла принадлежать въ первую ночь всѣмъ мужчинамъ, обычай—потомъ перешедшій на сеньеровъ и помѣшниковъ, какъ мы уже видѣли.

Отъ этихъ переживаній первобытнаго состоянія половъ перейдемъ къ рассмотрѣнію простѣйшихъ формъ брака.

II.

Бракъ по группамъ. Поландрїя. Левиратъ. Снохачество.

Въ прошломъ очеркѣ мы рассматривали наиболѣе первобытную форму общенія между полами—это безпорядочное половое сожителство и вырожденіе его—гетеризмъ. Конечно, эти отношенія далеки отъ того, что мы называемъ бракомъ, до котораго вообще человѣчество не такъ скоро дошло. Первые зародыши болѣе или менѣе правильныхъ отношеній кроются въ системахъ первобытнаго родства. Вполнѣ понятно, что, при от-

¹⁾ Carrence, le mariage chez nos pères, Pitré Biblioteca delle trazioni popolari siciliani, vol. XV. Usi e costumi, v. II.

¹⁾ Salomano Marino, „Archivio per lo studio delle tradizioni popolari“, 1890 г. *Exenia nuptialiae.*

существованія какой бы то ни было правильности въ сношенїяхъ, не можетъ быть установлено родство ребенка. Въ началѣ ребенокъ не принадлежитъ никому. Даже пѣть связи между нимъ и матерью: богата южная природа, неприхотливость первобытной жизни позволяютъ матерямъ очень рано оставлять на произволъ судьбы своихъ дѣтей. У нѣкоторыхъ дикарей матери оставляютъ дѣтей на шестомъ, даже третьемъ году жизни, а иногда ихъ просто убиваютъ, особенно дѣвочекъ, такъ какъ они служатъ лишь бременемъ для племени.

Ребенокъ, такимъ образомъ, теряя связь съ своими родителями, чувствуетъ таковую лишь съ своимъ племенемъ, среди котораго онъ растетъ. Онъ дѣлается, сыномъ этого племени и на всѣхъ взрослыхъ смотритъ какъ на отцовъ и матерей, на старыхъ, какъ на дѣдовъ и бабокъ, а на ровесниковъ—какъ на братьевъ и сестеръ. Выростая, онъ постепенно самъ доходитъ до сгенени отца и дѣда по отношенію ко всѣмъ младшимъ по возрасту. Такимъ образомъ устанавливается отношеніе, связь, даннаго субъекта къ своему племени и въ этой группировкѣ лежатъ зачатки правильного брака.

Многіе дикари и по настоящее время пользуются такой системой несложнаго родства и другой. Она преобладаетъ у краснокожихъ Сѣв. Америки, у всѣхъ Малайцевъ, остатки ея находятъ у Черкесовъ и европейскїхъ народовъ. Для иллюстраціи я приведу классическїй примѣръ такой системы у жителей Гавайи въ Полинезїи. Въ обществѣ ихъ система повторяется почти у всѣхъ Малайцевъ, но въ данномъ племени она поддерживается съ замѣчательной строгостью.

По описанію знаменитыхъ изслѣдователей Фирена и Хоудита (Kamilaroi and Kutuai), Гавайцы раздѣляются на двѣ большихъ группы—Камилароевъ у Курнаевъ. Каждая группа въ свою очередь распадается на нѣсколько трибъ. Такъ, Курнаи раздѣляются на Кумитовъ и Кроки. Каждая триба, далѣе, раздѣляется на женщинъ и мужчинъ—это простѣйшее дѣленіе.

Для означенія женщины въ языкѣ прибавляется *горъ*: всѣ мужчины или Кумиты или Кроки, всѣ женщины Кумить-горъ или Кроки-горъ. Всѣ Кумиты между собою братья, младшіе изъ нихъ—сыновья ихъ, старшіе—отцы. Всѣ Кумить-горъ—сестры, старшія изъ нихъ матери, младшія—дочери.

Тоже самое дѣленіе и у трибы Кроки. Такимъ образомъ, здѣсь мы уже замѣчаемъ родство, которое принимается въ расчетъ при половыхъ отношенїяхъ. Ни одинъ Кумить не можетъ жениться на Кумить-горъ, потому что она его или сестра, или мать, или дочь, смотря по возрасту. Но всякій Кумить считается мужемъ всякой Кроки-горъ, т. е. женщины изъ другой трибы, всякій Кроки можетъ быть мужемъ всякой Кумить-горъ.

Текь и въ обыденной жизни всякій Кумитъ называетъ всякую женщину изъ трибы Кроки (слѣдов. Кроки-горь) своею женой послѣдняя его—своимъ мужемъ; другихъ обозначеній не существуетъ. Подобныя же дѣленія у другого племени Камилароевъ и вообще у многихъ австралийцевъ, краснокожихъ и у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ.

Однако и при такой группировкѣ еще не существуетъ индивидуальных браковъ. Мужчины Кумитъ вовсе не заключаютъ какой нибудь опредѣленной связи съ женщиной Кроки; всѣ изъ нихъ мужа и жены и встрѣчаются, гдѣ пошло. Всякій живетъ среди своей трибы, среди своихъ „братьевъ“, „сестеръ“, „матерей“, „отцовъ“. Дѣти, рождающіеся отъ Кроки-горь—принадлежатъ трибѣ Кроки, считаются общими дѣтьми, слѣдовательно всякая дѣвушка изъ племени Кроки будетъ женой всякому мужчигѣ изъ трибы Кумитъ, хотя бы то былъ ея отецъ. Это родство по группамъ наблюдается очень бдительно и всякое отступленіе считается прелюбодѣніемъ и виновные наказываются.

Мало того, даже женщины, похищенные изъ какого нибудь враждебнаго племени, рѣдко поступаютъ во владѣніе похитителя; онѣ считаются принадлежащими всему племени, составляютъ его собственность. Но среди этихъ же племень замѣчаются уже и признаки индивидуального брака. Начальники или вообще болѣе выдающіеся изъ племени часто монополизируютъ ту или другую женщину на время или даже навсегда, разумеется, если она изъ другого рода.

Другіе мужчины принуждены съ этимъ согласиться, уступая силѣ. Только во время праздниковъ или общественныхъ собраній, вожди должны давать полную свободу своимъ женамъ.

Болѣе опредѣленный шагъ къ индивидуальному браку мы замѣчаемъ у многихъ племенъ въ обычаѣ заключенія брака на извѣстное время, напр., на нѣсколько мѣсяцевъ, годъ и болѣе. У нѣкоторыхъ же племенъ существуетъ обыкновеніе, чтобы мужъ и жена не расходились ранѣе года или трехъ по рожденіи ребенка. Такимъ образомъ, здѣсь уже замѣчается созданіе родственной связи между ребенкомъ и его родителями.

Однако, слабость сознанія родственной связи между ребенкомъ и родителями его вызвала еще одинъ фазисъ въ развитіи брачныхъ отношеній. Мы уже видѣли, что на самой первобытной ступени развитія дѣтя признается сыномъ, дочерью цѣлаго рода племени. Но постепенно связь его съ общиной уменьшается, зато выдвигается другая болѣе естественная—это связь ребенка съ матерью. При безразличныхъ отношеніяхъ отецъ, разумеется, не всегда извѣстенъ, но мать знаетъ свое дитя и естественное чувство подсказываетъ ей близость къ нему.

Та стадія развитія въ сферѣ брачныхъ отношеній, въ которой признается родство ребенка съ матерью, въ которой уже образуется семья, цент-

ромъ коей является мать, — такой періодъ составляетъ *полиандрія* или *многумужество*. При многумужествѣ женщина имѣетъ неопредѣленное число мужей, связь съ которыми устанавливается тѣмъ или другимъ способомъ и уже есть то, что мы называемъ заключеніемъ брака; здѣсь мы видимъ ограниченіе первобытной неопредѣленности въ полномъ сношеніи, но отецъ все таки не играетъ существенной роли, онъ далеко еще не всегда извѣстенъ. Центромъ образующейся семьи является женщина. Родство считается только по ней, наследство распределяется точно также, близость къ отцу не имѣетъ значенія, наконецъ главою такого рода—племени является старшій по материнскому родству—дядя или братъ. Такъ, напр., въ древнемъ Египтѣ престолъ переходилъ къ старшей дочери, и фараonomъ былъ ея мужъ (обыкновенно старшій братъ)

На первоначальной ступени своего развитія пробивающееся стремленіе къ ограниченію первобытнаго стаднаго состоянія половъ черезъ многумужество мало чѣмъ отделяется отъ первой. Весь успѣхъ состоитъ въ томъ, что вмѣсто всякаго мужчины, цѣлаго племени или опредѣленной группы, мужемъ женщины можетъ быть только то или другое количество мужчинъ, родственное между собою; выборъ зависитъ отъ женщины, связь заключается торжественно и на извѣстныхъ условіяхъ, напр., на извѣстное время. Но женщина остается въ своей семьѣ, и мужъ ея является лишь временнымъ посѣтителемъ. Классическимъ образцомъ такой полиандріи считаютъ ученые племя Наировъ на Малабарскомъ берегу въ Индіи, какъ описываютъ его португальскіе путешественники конца прошлаго вѣка.

Высокая цивилизація и богатство Наировъ и въ тоже время низкая правственность ихъ поразили первыхъ европейскихъ путешественниковъ.

Семья Наировъ состоитъ изъ матери, ея дѣтей и ея братьевъ и часто состоитъ изъ 80—100 человекъ. Мужья наирскихъ женщинъ лишь временные гости, являющіеся въ опредѣленные дни. Братъ матери — главное лицо въ семьѣ, ему повинуются всѣ племянники и племянницы, они называютъ его кормильцемъ, и смерть его оплакивается всѣми. Дѣти оплакиваютъ смерть дяди и наследуютъ ему, но не своему отцу или отцамъ, которые вовсе не пользуются привилегією траура по себѣ со стороны своихъ дѣтей и жены. Мать пользуется высокимъ почтеніемъ, за ней слѣдуетъ ея младшая сестра и т. д. Все общее имущество принадлежитъ также женщинамъ.

Наирскія дамы могутъ имѣть сколько угодно мужей, но довольствуются обыкновенно 8—12. Мужъ является въ опредѣленный день и долженъ облегчать трудъ своей жены. Въ свою очередь, мужчины могутъ имѣть также по нѣсколько женъ. Путешественники удивляются отсутствію ревности среди нихъ.

Интересны способы заключенія брака. Женщина получаетъ право рас-

полагает собою съ 10 — 12 лѣтъ. Мать устраивает большой праздник приглашает друзей и знакомых. Одинъ изъ молодыхъ людей объявляетъ себя супругомъ молодой дѣвушки и торжественно вѣшаетъ ей на шею золотую монету на полковомъ шнурѣ, которую она потомъ всегда носить. Заявившій согласіе быть мужемъ дѣвушки не можетъ однако быть таковымъ впоследствии; если онъ не родственникъ, ему позволено пробить всего нѣсколько дней съ новой „замужней“ женщиной; если же родственникъ— дѣло ограничивается одной только переменей, и мать обязана найти кого нибудь для сожителства съ своей дочерью на нѣсколько послѣ-свадебныхъ дней; это считается почетнымъ. По прошествіи дней 4—5, молодая женщина получаетъ право располагать собою; мать и ея старшій братъ стараются рекомендовать ей возможно большее число мужей, что считается почетнымъ (Giraud Telon, „Les origines“ p. 156 и сл.).

Такова типическая форма полиандрій въ ея первобытномъ грубомъ видѣ; какъ видитъ читатель, она мало еще отличается отъ стадности, хотя уже и составляетъ шагъ впередъ. И чѣмъ большее ограниченіе въ подборѣ женъ и мужей, тѣмъ большій шагъ впередъ дѣлаетъ развитіе человѣческихъ расъ. Болѣе высокій видъ многожества бываетъ уже тогда, когда одна жена имѣетъ нѣсколько родственныхъ между собою мужей, обыкновенно братьевъ. Болѣе тѣсный кругъ мужей и родственныхъ отношеній способствуютъ большей близости ихъ къ общей семьѣ, связи между дѣтьми и отцами—братьями, очевидно, крѣпче. Оттого на этой ступени полиандрическаго брака мы уже наблюдали образование семьи: она состоитъ изъ жены, дѣтей и мужей, живущихъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, мужчина—отецъ приближается къ такому положенію, когда онъ становится кормильцемъ своихъ дѣтей, а водвореніе послѣдняго въ домъ произвело совершенный переворотъ въ брачныхъ отношеніяхъ, какъ это мы увидимъ впоследствии. Хотя виды полиандрической семьи на разныхъ ступеняхъ ея развитія встрѣчаются у очень многихъ народовъ Азии, Африки и Америки, но мы не будемъ останавливаться на перечисленіи ихъ; приведемъ только нѣсколько чертъ такой семьи у Тодасовъ, какъ образецъ указаннаго нами высшаго порядка многожества.

„Когда имѣется четверо или пятеро братьевъ и когда старшій изъ нихъ, достигнувъ брачнаго возраста, возьметъ себѣ жену, то эта жена заявляетъ притязаніе и на всѣхъ остальныхъ его братьевъ, какъ на своихъ мужей, такъ что, подростая и достигая возраста зрѣлости, всѣ они послѣдовательно сожителствуютъ съ нею, какъ мужья; точно также, когда у жены имѣется сестра или нѣсколько сестеръ, эти сестры, по мѣрѣ достиженія ими брачнаго возраста, становятся поочередно женами мужа или мужей своей старшей сестры; такимъ образомъ, семья, состоящая изъ нѣсколькихъ братьевъ, можетъ смотря по обстоятельствамъ, имѣть или одну жену на всѣхъ или нѣсколько, но будетъ ли ихъ одна или нѣсколько, во всякомъ случаѣ, вся

семья живетъ подъ одною кровлею, и всѣ они сожителствуютъ другъ съ другомъ безъ всякаго разбора“. Такъ описываетъ эту полиандрическую семью путешественникъ Шортъ (Спенсеръ, Инд. Соп. 709, II).

Дальнѣйшимъ вырожденіемъ этихъ обычаевъ признаютъ два ея явленія—снохачество и левиратъ. Они основаны на требованіи со стороны другихъ мужчинъ семьи, родственниковъ мужа, предъявляемомъ къ женѣ послѣдняго. При этомъ—снохачество это такое явленіе, когда подобное требованіе предъявляется къ женѣ родственника при его жизни, а левиратъ — только послѣ его смерти.

Такъ у Реддеевъ въ Южной Индіи женщина выходитъ замужъ за мальчика 5—6 лѣтъ, тогда съ нею живетъ кто-либо изъ родственниковъ мужа по матери или же отецъ его; дѣти, происшедшія отъ такого сожителства, считаются его дѣтьми. Снохачество водилось на всемъ великорусскомъ сѣверѣ, гдѣ женили младшихъ сыновей для того, чтобы имѣть въ семьѣ работницу.

Въ послѣднее время такіе порядки вызываютъ сильный протестъ въ молодомъ поколѣніи. ¹⁾ Еще Ломоносовъ возмущался ими. Классическимъ образомъ левирата служить извѣстный расказъ Библии о томъ, какъ Воозъ долженъ былъ наследовать землю и жену брата своего Елимелеха, Руоа. Принадлежитъ ли снохачество и левиратъ къ такимъ формамъ семейныхъ отношеній, которыя свойственны всему человѣчеству на извѣстной ступени развитія, или же являются свойственнымъ только нѣкоторымъ народамъ,—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ оба явленія имѣютъ весьма широкое распространеніе среди древнихъ и новыхъ народовъ.

Слѣдуетъ только дополнить о причинахъ, которыми поддерживается существованіе обѣихъ формъ среди народностей, практикующихъ высшія формы брака.

Особенно снохачества и левирата лежатъ, какъ мы сказали, въ устройствѣ и возрѣніяхъ полиандрической семьи. По съ теченіемъ времени взглядъ на женщину, положеніе ея самое измѣнились. Женщина сдѣлалась рабой не только своего мужа, но и цѣлой семьи; владыкой въ семьѣ сдѣлался старшій изъ мужчинъ. Женщина покуналась или похищалась съ цѣлью приобрести работницу; кромѣ личнаго труда, отъ этой работницы требуется еще и произведеніе потомства, новыхъ работниковъ. Отецъ, приобретаая женщину въ этихъ видахъ для своего малолѣтняго сына, разумѣется, долженъ озаботиться, чтобы въ будущей семьѣ этого сына было побольше работницъ: когда сынъ подрастетъ, подрастутъ и дѣти его жены, которыя будутъ помогать ему. Это узаконяетъ сожителство родственника съ женою мало-

¹⁾ Многочисленные примѣры снохачества въ Руси собраны у Смирнова „Очеркъ семейныхъ отнош. по обычн. праву русск. нар.“, а также въ ст. Весина „Великорус. въ его свад. обряд. и пѣсняхъ“ въ „Русской Мысли“ за 1891 годъ.

дѣтняго ей мужа; отсюда ясна живучесть свохачества. Но съ другой стороны, въ случаѣ смерти мужа, остающіеся вдову родственники покойнаго стараются удержать за собой, какъ работницу и производительницу новыхъ членовъ. На женщину уже затраченъ капиталъ, она сдѣлалась собственностью всей семьи.

Ясное дѣло, что семья покойнаго не хочетъ выпускать отъ себя доходную статью, извлекаетъ изъ нея всѣ выгоды. Братъ или другой ближайшій родственникъ вдовы дѣлается ей мужемъ и приобретаетъ всѣ права на жену, дѣтей и имущество умершаго. Это, въ свою очередь, поддерживаетъ левирагъ.

III.

Похищеніе женщинъ и купля—продажа.

Въ бракахъ по группамъ кроется дальнѣйшее развитіе брачныхъ формъ. Оно состоитъ въ томъ, что индивидуальному браку, въ самыхъ зачаточныхъ стадіяхъ его, сопутствуетъ непременное условіе, — чтобы мужчина бралъ себѣ жену уже не изъ противоположной группы, съ которой разрѣшается бракъ, а изъ другого племени. Это и есть такъ наз. *эксгамія*, т. е. бракъ не въ средѣ своего племени. Въ противоположность эксгаміи существуетъ—эндогамія, т. е. бракъ индивидуальный въ средѣ самого племени (не семьи или рода даже). Какъ та, такъ и другая форма встрѣчаются и въ очень первобытныхъ обществахъ, и въ сравнительно культурныхъ, поэтому затрудненіе состоитъ въ томъ, какаѣ форма брака предшествуетъ другой. Несомнѣненъ фактъ, что эксгамія имѣла огромное влияние на развитіе брачныхъ формъ и должна быть признана въ тоже время такимъ явленіемъ, которое было или есть на известной ступени развитія у всѣхъ народовъ; если нѣкоторые народы пережили періоды чистой эксгаміи, то всѣтаки мы можемъ найти у нихъ весьма осязательныя переживанія этого періода. Замѣтимъ здѣсь же, что съ эксгаміей сливается похищеніе женщинъ по той простой причинѣ, что при враждебномъ отношеніи первобытныхъ племенъ, мужчина не иначе могъ добыть себѣ жену изъ чуждаго племени, какъ похитить ее.

Итакъ, эксгамію всѣ ученые признаютъ непременнымъ фазисомъ въ развитіи брака. Но вопросъ спорный, что вызвало развитіе ея. Вопросъ этотъ впервые былъ поднятъ англійскимъ ученымъ Макъ-Ленаномъ въ его знаменитомъ „Primitive Mariage“. Причина, вызвавшая эксгамію, по его мнѣнію,—избѣженіе дѣвочекъ въ средѣ племени, какъ лишняго бремени (очень распространенный фактъ, но едва ли безусловно повсемѣстный). Но послѣ основательной критики Герб. Спенсера это положеніе едва ли можно

принимать въ расчетъ. Спенсеръ, среди другихъ соображеній, видитъ на чашѣ эксгаміи въ захватѣ плѣнницъ и въ постоянной борьбѣ среди племенъ, сопровождающей человѣческое общество на первыхъ ступеняхъ его развитія. Хотя эта гипотеза далеко не обнимаетъ всѣхъ фактовъ, имѣющихся въ распоряженіи науки, и противъ абсолютнаго признанія ея могутъ быть сдѣланы весьма вѣсскія возраженія, тѣмъ не менѣе она хоть отчасти удовлетворяетъ истинному положенію вещей по крайней мѣрѣ на самыхъ первобытныхъ ступеняхъ культуры. Поэтому, доводы Спенсера принимаются въ расчетъ какъ ученые, придающими особенную важность похищенію жентъ (М. Ковалевскій и др.), такъ тѣми, которые или придаютъ ему малое значеніе (Летурно), или же считаютъ эндогамію болѣе важной формой въ развитіяхъ брака (Жиро Телонъ). Но всѣ, приводя означенную гипотезу, дѣлаютъ оговорки, свои дополненія и т. п., потому что она всѣтаки не объясняетъ вполне удовлетворительно причинъ возникновенія эксгаміи, ея живучести и тѣсной связи съ религіознымъ мировоззрѣніемъ. Нѣмецкій же ученый Постъ ставитъ эксгамію въ связь съ родовымъ бытомъ (Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts, 1890).

Такимъ образомъ вопросъ этотъ въ наукѣ далеко не можетъ считаться выясненнымъ; остается лишь одинъ неопровержимый фактъ—это всеобщность эксгамическихъ браковъ и связаннаго съ ними похищенія жентъ*). Къ разсмотрѣнію этихъ фактовъ мы и перейдемъ.

Похищеніе въ чистомъ видѣ встрѣчается у народовъ Африки, Австраліи, у большинства азіатскихъ племенъ. У этихъ дикихъ народовъ женщина служитъ предметомъ добычи, какъ и всякая другая вещь. Какъ только мужчина достигаетъ зрѣлаго возраста, онъ долженъ похитить себѣ жену, одну или нѣсколько, сообразно съ своимъ состояніемъ. Жены въ тоже время служатъ и рабынями своего господина. Онѣ не только готовятъ пищу, блюдаютъ домашнее хозяйство, кормятъ дѣтей и пр., но на ихъ же обязанности лежить и снабженіе пищей господина и всей семьи. Мужъ занимается только войной и охотой. Само похищеніе сопровождается необычайною жестокостью. Я разскажу для примѣра, объ обычаяхъ похищенія у Тасманійцевъ. У нихъ похищеніе еще бываетъ часто симулированное, т. е. такое, которое совершается по предварительному обоюдному согласію мужчины и женщины. Сравнительно мирныя отношенія способствуютъ этому, но тѣмъ не менѣе самый образъ похищенія совершается съ необычайной жестокостью. Желавшій похитить располагается и сторожитъ вблизи стоянки того племени, изъ котораго онъ рѣшился похитить. Лишь

*) Въ этомъ отношеніи весьма любопытную статью напечаталъ известный антропологъ Тайлоръ, переведенную на русскій яз. въ „Этногр. Обзор.“ Здѣсь онъ показываетъ на цифровыхъ данныхъ соотношеніе эксгаміи къ эндогаміи.

только женщина остается одна, без мужчины, онъ быстро набрасывается на нее, сваливаетъ ее ударомъ кинжала, хватаетъ за волосы и тащитъ въ ближайшій дѣсъ, гдѣ уже ожидаютъ его товарищи, готовые защищать. Тутъ похититель, въ ихъ присутствіи, насилуетъ женщину, и съ этого момента она становится его женой. Иногда дѣлая дружина мужчинъ нападаетъ на спящее селеніе, связываетъ и уноситъ женщинъ. Жизнь красивой австралийки— это безконечный рядъ похищеній ея то однимъ, то другимъ племенемъ. Обиженное племя рѣдко пореноситъ обиду; оно старается войной, опустошеніемъ, или подобнымъ же похищеніемъ вознаградить себя (Летурно, р. 111—112). Отъ этого безконечные ссеты и войны.

Этого примѣра достаточно, чтобы понять характеръ похищенія въ первобытномъ обществѣ. Прежде теперешнихъ культурныхъ народовъ практиковали тоже самое. Уже индусскій кодексъ Ману назначаетъ наказаніе похитителю. Факты похищенія извѣстны изъ Библии, изъ мифовъ грековъ и римлянъ; у германцевъ и кельтовъ оно практиковалось въ эпоху ихъ столкновенія съ римлянами. Относительно славянъ всѣмъ извѣстны слова нашей начальной лѣтописи, гдѣ она говоритъ, что нѣкоторыя племена умывали себѣ женъ и пр.

Умыканіе еще живеть и теперь на почвѣ Европы. Оно до послѣдняго времени было одною изъ обычныхъ формъ брака на Кавказѣ (см. „Адаты Кавказскихъ Горцевъ“ Леонтовича). Похищеніе на паперти церкви, передъ самымъ вѣнчаніемъ съ другимъ, считается актомъ подвига у Сицилійцевъ и похититель не преслѣдуется (Pitré, Biblioteca, v. XV). Очень интересны остатки похищенія у насъ на Сѣверѣ Россіи. Это такъ наз. браки самокрутки. Если родители невѣсты не желаютъ ее выдать за сватающагося шаря, онъ съ дружиной друзей похищаетъ ее съ улицы, съ поля; односельцы и родственники, узнавъ о похищеніи, стараются отнять дѣвушку, иногда завязывается даже серьезная драка. Увесивъ дѣвушку, похититель вѣнчается съ нею въ ближайшемъ селѣ, и потомъ оба являются съ повинной къ родителямъ невѣсты; тѣ сначала не хотять простить, но потомъ дѣло улаживается и справляется свадьба. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такое похищеніе считается обычаемъ и совершается съ согласія родителей невѣсты (Якушкинъ, Об. право, предисл., Веснѣ—ст. въ „Р. М.“ 1892 года).

Похищеніе женъ настолько тѣсно связано съ общимъ ходомъ развитія каждаго народа, что оно оставило весьма глубокіе слѣды въ обычаяхъ и обрядахъ современныхъ культурныхъ народовъ. Эта связь съ обрядами несомнѣнно указываетъ на то, что похищеніе въслѣдствіи получало религиозный характеръ и такой его характеръ отразился въ многихъ частяхъ свадебнаго ритуала, создававшагося, разумѣется, уже въ эпоху мирнаго сожительства племенъ, когда похищеніе, какъ грабежъ, было немислимо.

Всѣмъ извѣстенъ, напр., одинъ моментъ бѣлорусской свадьбы, когда позвѣжане жениха съ воинственными криками подъбѣгаютъ къ дому невѣсты, стучатъ въ ворота и требуютъ чтобы ихъ пустили. Послѣ долгихъ споровъ ихъ выпускаютъ, они въ шапкахъ вываливаются въ хату, и послѣ угоненія стараются увести невѣсту силой; родственники и друзья послѣдней ее защищаютъ, просяхотить серьезная свалка двухъ подвыпившихъ кампаній. Аналогичный обрядъ извѣстенъ и у южныхъ славянъ, скандинавовъ, жителей Валлиса и др., но здѣсь дружина жениха является вооруженною, стѣлается подъ окнами и пр.

Во всѣхъ этихъ обрядахъ нельзя не узнать симуляцію того же похищенія. Въ Тверской губ., у тамошнихъ бѣлорусовъ, женихъ собираетъ дружину, произноситъ съ ней клятву „стоятъ другъ за друга“ и отправляются вмѣстѣ раздобывать дѣвушку (Этн. Сб., т. I). Наконецъ, многія мелкія черты свадебнаго ритуала символически указываютъ на то подчиненное положеніе женщины, въ которомъ она должна оказаться послѣ брака, какъ похищенная или купленная своимъ мужемъ.

Обычай купли явился уже какъ результатъ болѣе мирныхъ отношеній племенъ. Сосѣднія племена по разнымъ причинамъ могли завязать между собою мирныя сношенія, напр. для торговыхъ дѣлъ и пр. Тогда борьба изъ за похищеній становилась тягостной, во многихъ случаяхъ наконецъ опасной, и вотъ постепенно устанавливается обычай купли. Къ тому же присоединяется, по вѣрному замѣчанію Летурно, и поддерживаетъ этотъ обычай—власть отца, владыки рода; дѣвушка его семьи становится доходной статей для него. Продавая ее, онъ такимъ образомъ вознаграждаетъ себя за тотъ кормъ, который ей давалъ, и за ту ея работу, которой онъ воспользовался бы, если бы она оставалась дома. Обычай купли очень распространенъ. Незачѣмъ перечислять народности, среди которыхъ онъ существуетъ. Достаточно напомнить, что онъ распространенъ среди сѣверныхъ и восточныхъ нашихъ инородцевъ, на Кавказѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи и Сербіи. Среди кавказскихъ горцевъ, татарскихъ племенъ и др., плата за невѣсту называется *калымъ*. Обычай послѣдняго времени требуетъ, чтобы этотъ калымъ или часть его поступала въ пользу невѣсты, въ качествѣ приданаго, но раньше такого обычая небыло: родители невѣсты могли дать что нибудь и не дать ей, независимо отъ полученнаго ими калыма. Многие ученые видятъ въ обычаѣ передавать калымъ, или часть его невѣстѣ начало приданаго: сначала родители передаютъ дочери своей часть калыма, затѣмъ весь, прибавляя приданое и отъ себя; такимъ образомъ получалъ начало институтъ приданаго. Обычай платы за невѣсту исчезъ, а обычай дачи приданаго остался, какъ выраженіе уже естественной любви родителей къ дѣтямъ. Одно происхожденіе съ калымомъ имѣють и наши вѣновныя записи, практиковавшіяся еще въ эпоху треть-

яго Статута; но уже женихъ прямо дарилъ передъ бракомъ невѣсту, а потому эти записи могутъ быть сопоставлены и съ известнымъ римскимъ институтомъ *donum ante nuptias*, а, можетъ быть, и съ нѣмецкимъ обычаемъ утренняго дара послѣ брачной ночи (*Morgengabe*).

Въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ мы встрѣчаемъ многочисленныя черты обряда купли—продажи невѣсты. Напомнимъ, что сюда относится вся процедура сватовства. Въ многихъ мѣстностяхъ сваты вовсе не говорятъ о невѣстѣ: разговоръ ведется о *продажѣ телушки* и пр. Потомъ известенъ также обычай выкупа невѣсты, какъ одна часть свадебнаго ритуала: дружки окружаютъ невѣсту и не даютъ ее свату, пока тотъ не выкупитъ. Средные обычаи известны нѣмъ индоевропейскимъ народамъ.

Свадебный ритуаль, какъ уже было замѣчено, полонъ символическими выраженіями того подчиненнаго положенія женщины, въ которое попадала она, какъ купленная или похищенная мужемъ. Известенъ, напр., обрядъ разуванія невѣстою жениха, какъ символъ ея подчиненія. Брачное кольцо имѣетъ тоже значеніе: первоначально кольцо давалось только невѣстѣ (у римлянъ непременно желѣзное) и въ немъ справедливо видятъ символъ цѣпи, которая связывала жену съ мужемъ. И у насъ, и у южныхъ славянъ, невѣста входя въ домъ жениха, цѣлуетъ руки своего будущаго свекра и свекрови; тоже практикуется и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи. Наконецъ, тоже значеніе имѣетъ подрѣзываніе женской косы,—это знакъ ея рабства. Остриженные волосы—признакъ не свободнаго состоянія, и у дикарей жены всегда почти носятъ коротко остриженные волосы (Спенсеръ, обрядовыя учрежденія) и т. д.

Сказаннаго достаточно, чтобы значеніе и отраженіе купли—продажи невѣсты въ народномъ міровоззрѣніи было достаточно ясно.

Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ¹⁾.

Потребность въ широкомъ изученіи особенностей русскихъ говоровъ давно уже чувствовалась въ нашей наукѣ. Въ изслѣдованіи русской диалектологіи одинаково заинтересованы не только специалисты-филологи, но и этнографы и историки. Поэтому нельзя не отнести вполне сочувственно на призвѣ къ работѣ въ этомъ направленіи такого почтеннаго журнала какъ «Живая Старина». Отдѣльныя работы по описанію различныхъ говоровъ тѣмъ болѣе своевременны, что уже началъ общій обзоръ русской диалектологіи такимъ известнымъ ученымъ, какъ профессоръ Соболевскій.

Важность выясненія отдѣльныхъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ чувствуется едва-ли не сильнѣе, чѣмъ другихъ частей Россіи. Поэтому, авторъ настоящихъ замѣтокъ рѣшился подѣлиться съ читателями «Живой Старины» имѣющимися у него матеріалами по бѣлорусской диалектологіи. Нижеслѣдующія замѣтки не будутъ имѣть опредѣленнаго плана; авторъ предполагаетъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся изъ известныхъ ему говоровъ Минской губерніи. Главная цѣль замѣтокъ—описать менѣе известные особенности говоровъ, и лишь въ первомъ очеркѣ авторъ дозволитъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя общія замѣчанія объ особенностяхъ бѣлорусскаго нарѣчія вообще, что вполне умѣстно, потому что говоръ Ново-Сверженской волости, какъ лежащей въ Минскомъ уѣздѣ, принадлежитъ къ центральному бѣлорусскимъ. Матеріалы для настоящихъ замѣтокъ—исключо-

¹⁾ Ст., помѣщ. въ „Живой Старинѣ“, 1893 г., кн. 1.

чительно рукописные, имѣющіеся въ распоряженіи автора. По нѣкоторымъ мѣстностямъ они собраны лично авторомъ, по другимъ—оставлены изъ надежныхъ источниковъ ¹⁾.

1. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда.

Материалъ, которымъ я пользуюсь,—это записи пѣсень и сказокъ, сдѣланныхъ для меня въ этой мѣстности гг. Демидовичемъ и Ярмаковичемъ. Записи были сдѣланы по моей просьбѣ и по моимъ указаніямъ. Главнымъ образомъ я заботился о точности записи, которая, думаю, и достигнута въ возможной мѣрѣ. Количество записей—до 500 пѣсень и до 50 сказокъ.

Ново-Сверженская волость расположена въ юго-зап. части Минскаго у., по верхнему Нѣману, на граничьи съ Новогрудскимъ уѣздомъ. Замѣчу, что большинство записей относится къ д. Нейгертово этой вол., Кнотовицкиѣ, с. Никольску. Такимъ образомъ, избранная нами мѣстность можетъ быть отнесена къ центральной части Бѣлорускаго нарѣчія, считая Минскій и Новогрудскій уѣзды его типичными представителями.

А. Гласныя О, Е, Ъ.

Изъ гласныхъ, звуки *о* и *е* представляютъ наиболѣе интересныя особенности не только даннаго говора въ средѣ бѣлорусскихъ, но и всего бѣлорускаго нарѣчія. Прежде всего *о* и *ь* на значительномъ пространствѣ этого нарѣчія являются звуками двогласными: *Оу, уо, и ѳе*; двогласіе это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что звуки *о* и *у, і* и *е* настолько тѣсно сливаются, что представляютъ одинъ звукъ—дифтонгъ, слышимый въ одной мѣстности рѣзче, въ другой весьма близко подходящій, а иногда совсѣмъ превращающійся въ чистый *о* и *е*. Съ другой стороны, будучи безударными, эти звуки

¹⁾ Автору не удалось выполнить своего плана, и данная статья осталась неоконченной.

представляютъ другое замѣчательное явленіе бѣлорускаго вокализма—явленіе *а* *к* *а* *н* *я*.

Разсмотримъ сначала безударное *о* и *е, ѳ*.

Всякое безударное *о* произносится какъ *а*. Это явленіе наблюдаемъ какъ въ серединѣ словъ, такъ и на концѣ. Вообще, кажется, оно не имѣетъ исключеній въ данной мѣстности, если не считать таковыми случайнаго расположенія словъ въ пѣснѣ или рѣчи, гдѣ на *о* лежитъ логическое удареніе, или наконецъ обмолвокъ или опасокъ въ записяхъ. Такъ, въ серединѣ словъ мы встрѣчаемъ: *дзѣвачкуомъ, дзѣвачкѣ, ѳ канцѣ, пасюль, акѣнца, сь пуоуначи, пахавайма, пять ганачкамъ*. Въ суффиксахъ и флексіяхъ: *жалка, сильня, вѣрня, правая рукоуѳ, дзѣтакъ, зь сынючкамъ, за вуйськамъ, дрыўляни, зь бѣлай, сташма, пахавайма, жита* (им. виш. ед.) ¹⁾ и проч. Эти примѣры убѣдительно свидѣтельствуютъ, что независимо отъ мѣста, занимаемаго безударнымъ *о* въ словѣ, оно переходитъ въ *а*. Однако есть разница въ природѣ этого *а*, какъ мнѣ кажется: *а* изъ *о*, стоящее передъ ударнымъ слогомъ и непосредственно послѣ него, слышится явственно, какъ *а*; стоящее же на второмъ отъ ударяемаго слогѣ, послѣ или передъ нимъ, имѣетъ звукъ менѣе чистый, средній между *а* и *о*; послѣднее относится и къ тѣмъ случаямъ, когда безударнымъ *о* кончается слово. Поэтому не одинаково явственно слышимъ *а* въ: *канцѣ, дѣтакъ, гадоуѳ* и въ: *ганачкамъ, пахавайма, жалка, жита*, равнымъ образомъ, во флексіи *аа* при довольно явственномъ конечномъ *а*, предыдущее *а* неясно: *злѣнага*. Г. Карскій объясняетъ подобные случаи тѣмъ, что *о* здѣсь можетъ переходить въ *а*, но можетъ и не переходить ²⁾. Мнѣ кажется, что переходъ всегда происходитъ, но звукъ получается неясный.

Къ переходу *о* въ *а* тѣсно примыкаетъ замѣна *е* безударнаго и *ь*—черезъ *ја, а*. Еще К. Анпель указалъ, что правильная замѣна въ этомъ случаѣ наблюдается лишь тогда, когда *е* стоитъ передъ ударнымъ слогомъ ³⁾. На этотъ случай мы находимъ полное подтвержденіе въ

¹⁾ Приводимыя слова я оставляю въ той формѣ, въ какой онѣ встрѣчены въ текстѣ записей.

²⁾ Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорускаго рѣчи, р. 43.

³⁾ Ст. О бѣлорускомъ нарѣчьи, Р. Фил. Вѣстн., 1880, № 2, стр. 198 и сл.

Ново-Сверженскомъ говорѣ: *сладъ, вялікая, съвячү, сляднѣ, вяліцѣ, цвѣярбзѣй, бяруо́за, дзяўчына, бяда, вялюокъ, бялѣй, пасучоакъ, сястра, вяснѣ, святлица* и т. д. Однако, для *e* собственно мы наблюдаемъ достаточно правильный переходъ его въ *я* и тогда, когда оно стоитъ послѣ слога ударнаго: *вѣрнямяся, кѣмянѣ, Марусянька, вѣвяду, ляснѣсянька, галаснѣсянька, мѣляньки*. Въ суффиксахъ и флексіяхъ: *суклянь, бѣвѣяшѣ, дякуюмя, пракатѣмяся, ращитѣмяся, зрѣя, бушүя, пѣвѣця, іѣщя, пѣця, (пейте), чүя* и др.

Такъ какъ *p* въ бѣлорусскомъ нарѣчїи абсолютно твердо, то *e* и *ь* послѣ него замѣнились не *я*, а *a*: *страчаўся, рашато, горай*, (горѣй, хуже), *чаравікі, выразалі, ракрутачки, сустрачачи, наракаць, рака (рѣка), гора* (горе), *прась* (презь—чрезъ, когда оно свое удареніе передаетъ слѣдующему слову), *ў ращцѣ* и др.

Послѣ шипящихъ, которыя, какъ извѣстно, въ бѣлорусскомъ тверды: *пясочакъ, грошай, грача, хоча, плача, чепа, речанька, плачаль, уяжанька, ручачку, жана, вечара, жанітсия, лутшай, ручаньки, щакү, ращашү, панята* ¹⁾, *чаравікі, пацалую, цаны* и пр. Аналогично: *сардэньку* и *сабѣ*.

Явленіе *a* канья представляетъ одно изъ важнѣйшихъ отличій бѣлорусскаго нарѣчїя, хотя оно извѣстно южно-великорусскому говору, а также немногимъ сѣверно-великорусскимъ, но здѣсь оно является болѣе или менѣе спорадически и не отражается такъ рѣзко на всемъ строѣ говора. Безоновь даже высказываетъ мысль, что южно-великорусское *a* канье есть отраженіе, заимствованіе *a* канья бѣлорусскаго ²⁾. Это послѣднее вполне возможно, но, разумѣется, московское *a* канье не есть «передѣлка» съ половины XVII ст., какъ выражается Безоновь, а скорѣе болѣе глубокой слѣдъ колонизаціоннаго движенія кривичей въ области Окскаго бассейна, продолжавшагося много столѣтїи и закончившагося раньше окончательнаго обособленія бѣлорусскаго нарѣчїя отъ праязыка русскаго. Бѣлорусское *a* канье ³⁾

¹⁾ Но ручаемъ проф. Соболевскій производитъ отъ *руч а я*. Ж. М. Н. Пр. 1885, VI, p. 305.

²⁾ Бѣлорусскія пѣсни, p. V.

³⁾ Объ *a* канья въ Моск. пам. пол. XIV ст. см. Соболевскій, Лекціи по ист. р. яз., p. 69 г. (1-ое изд.).

замѣчается уже въ самомъ нач. XV в. Въ договорѣ Полоцка съ Рягою 1405 г. мы встрѣчаемъ всякой ¹⁾. Въ памятникахъ половины и конца этого стол. оно является уже господствующимъ: гр. 1478 г. *въ абого, стить, пасле*, ²⁾, въ Четьѣ 1489 г. оно представляетъ обычное явленіе: *пращаетъ, богата, вясло, веселя* и пр. ³⁾. Однако *a* канье было извѣстно и раньше, по крайней мѣрѣ *я* изъ *ь* находимъ уже въ половинѣ XIV в.: *поколя* (грам. 1340) и *дотоля* (1383 г.) и нѣк. др. ⁴⁾. При консервативности письма, оно въ первое время, въ XIV и нач. XV в., встрѣчается рѣдко, но съ конца XV и въ XVI в.—становится явленіемъ обычнымъ. *A* канье, начавшееся въ древнихъ кривичскихъ и московскихъ говорахъ, охватило на почвѣ чисто бѣлорусской, послѣ окончательнаго обособленія кривичскихъ и дреговичскихъ говоровъ. *O* безударное потемнѣло въ сознанїи народа, начало колебаться и перешло въ *a*. Но *a* изъ *e* пережило еще посредственный переходъ: сначала явились *o* изъ *e*, затѣмъ уже это *o* перешло въ *a* ⁵⁾. Колебаніе звука *e* относится къ очень раннимъ особенностямъ ⁶⁾ бѣлорусскаго нар.—къ XIII ст., напр. чловека, въ грам. Смол. кн. въ Ригу 1284: *пашому, вашому* ⁷⁾. Хотя эта черта не была преобладающею въ говорѣ, и на ряду съ развитіемъ *o* изъ *e* мы встрѣчаемъ уже переходъ этого новаго *o* въ *я* (съ XV в.), однако подобные примѣры проходятъ и въ XIV и XV вв.: *аже* (грам. XIV в.), *цоловати* (гр. 1389 г. ⁸⁾; *коворъ, хочомъ* и др. примѣры изъ Четьи 1489 ⁹⁾.

¹⁾ Соболевскій, Полоцко-Смоленскій говоръ. Р. Фил. Вѣстн. 86 г., № 1, p. 11.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Карпинскій, Четья 1489 г. (изъ Р. Ф. В.), p. 10, 9.

⁴⁾ Недешевъ, Историч. Обзоръ зв. и морфол. особ. бѣлор. гов., p. 18 (отт.), но не до *о* *ко* *ля*, какъ думаетъ г. Недешевъ. Ср. рец. Соболевскаго, Ж. М. Н. Пр., 1885, № VI, p. 305.

⁵⁾ Соболевскій, Къ ист. русск. акающихъ говоровъ, Р. Фил. Вѣстн. 1884, № 3, p. 108.

⁶⁾ Соболевскій, Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В. 1886, № 1, 13. Но въ др. р. памятн. эта черта встрѣчается уже въ XII в. (См. объ Ангириствѣ, Галицкїи Выголексинскїи сб. и др.). Соболевскій, Лекціи, p. 52.

⁷⁾ Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В., 81, № 1, В.

⁸⁾ Ibidem, p. 10, 11.

⁹⁾ Карпинскій, 10.

Когда закончился этот переход *e* в *a*, неизвестно; в настоящее время он едва ли слышим где нибудь в Бѣлор., но еще в Статутѣ 1588 г. г. Карскій отмѣчает формы: нашего, случого, мацохи, чоловіек¹⁾. Однако сомнительнымъ кажется, чтобы всякое *a* изъ *e* прошло черезъ *o* и чтобы была такой моментъ въ языкѣ, когда бы послѣднее явленіе было всеобщимъ, или по крайней мѣрѣ преобладающимъ. Встрѣчающіеся одновременно факты (съ XV в.) *o* изъ *e* и *a* изъ *e* черезъ *o* противорѣчатъ послѣднему: явленіе *o* изъ *e* предшествовало явленію *a*, но и послѣднее явилось непосредственно за первымъ, а вѣ началѣ могло быть и одновременнымъ прямо изъ *e*. Очевидно, что подъ влияніемъ общаго процесса вѣ языкѣ, перехода отъ *o* и *e* (черезъ *o*) къ *a*, отдѣльныя реченія могли непосредственно перемѣнять *e* на *a*, недожидаясь посредственной ступени. Это возможно тѣмъ болѣе, что *o* изъ *e* мы чаще всего встрѣчаемъ послѣ шипящихъ (отвердѣніе которыхъ началось очень рано) и сравнительно вѣ другихъ немногихъ случаяхъ (говоръ вѣ Четьѣ 1489 г. и др.).

Покончивъ съ *a*наниемъ, перейдемъ къ другимъ случаямъ перехода безударнаго *o* и *e*.

Прежде всего встрѣчаемъ переходъ безударнаго *o* вѣ суффиксахъ и флексіяхъ вѣ *u*: прыгодуцьки, на рокитавумъ кусту, ў бѣлуй свици, буюспінькуй (дат. п.), варуожуцьки, суботуцьки, ўдовуцька, на правуць, на лѣвуць, при ясуць, на новумъ, на жуоутумъ и др.

Такимъ образомъ, этотъ переходъ мы встрѣчаемъ лишь вѣ суффиксахъ *оцька*, *ецька* и вѣ дат. и предл. пад. женск. р. и твор. муж. им. прилаг. Кажется, указанными случаями и исчерпывается данное явленіе Ново-Сверженскаго говора. Вѣ серединѣ словъ встрѣтилось грумаду (ср. *оубеспечили* вѣ Стат. 1588)²⁾.

Смѣна *o* на *u*, происшедшая, какъ думаетъ К. Анпель, уже послѣ перехода *o* вѣ *a*³⁾ отражается вѣ говорѣ данной мѣстности лишь вѣ нѣсколькихъ примѣрахъ: зѣ друўлянан хаты, дрыжиць, подышподши,

¹⁾ Р. Ф. Вѣстн. Къ ист. зв. и ф. бѣл. рѣчи, 1890 г. и 4, р. 203.

²⁾ Карскій, Р. Ф. Вѣстн., 1890 г., № 4, 208.

³⁾ Р. Фил. В., 1880, № 2, р. 208.

яблычки, кривавыя, дабрысьци (полагаемъ, что эту форму народъ связываетъ съ бродить, бродѣ).

Вѣ настоящее время явленіе перехода безударнаго *o* вѣ *u* свойственно только сѣв.-восточн. бѣлорусскимъ говорамъ: приведенные у К. Апеля примѣры всѣ относятся къ Витебскому, Лепельскому и Суражскому уу., нѣсколько словъ взяты изъ Дисненскаго и Выховскаго уу. Западно-бѣлорусскимъ говорамъ оно извѣстно лишь вѣ немногихъ случаяхъ, хотя это явленіе здѣсь не ново: ср. вѣ Четьѣ 1489—дрыжаху, кривавы¹⁾.

Послѣдніе примѣры изъ Четьи, а также и наши примѣры представляютъ *u* послѣ *r*; другихъ примѣровъ, кажется, нѣтъ, а потому они скорѣе соответствуютъ малор. кривави, вѣ которыхъ *u* объясняется проф. Соболевскимъ какъ рефлексъ древняго глухаго звука²⁾. Примѣръ подышподъ можетъ быть объясненъ и изъ подѣ-исподъ³⁾.

Равнымъ образомъ нашъ говоръ не представляетъ выдающихся особенностей перехода неударнаго *e*, *u*. Переходъ *u* вѣ *u* вѣ серединѣ словъ встрѣченъ нами лишь вѣ зацьвятала, цѣвила, усьмихнуўся. Кажется, другихъ примѣровъ не встрѣчается. Зато переходъ *u* во флексіяхъ дат. ж. и мѣстн. пад. вѣ *u*, а послѣ шипящихъ, *u* и *r*—вѣ *u* можетъ быть признакъ общимъ правиломъ: ў лѣси, ў няволи, ў касцели, ў звинтары, дѣўцы, сиротуцьды, на садзи, ў начы, на рѣчы, ў матальцы, на галовацьы, ў гѣры, на моры и пр. Ср. вѣ грам. 1396 г.: на рѣцѣ, при вѣры и др.⁴⁾

E вѣ нѣкоторыхъ суффиксахъ также можетъ переходить вѣ *u*: бѣльницька, раницька, прыкрасицьки, худицька, вѣ префиксѣ *pre*: прыкрасна; вѣ серединѣ словъ только: семдзясцѣ, дзясцѣкѣ, падлица, цинерь, пинѣкъ; частица *ne* обыкновенно произносится *ni*, рѣже *nia*; наконецъ, вѣ мѣстномъ *миця*, *шibe* (вин. п., дат. *табѣ*), *мине* (вин. п.), *сibe*, *сибя*. Перехода вѣ флексіяхъ глаг. 2 л. ед. ч. *ешъ* вѣ *ишъ*,

¹⁾ Карпинскій, р. 6.

²⁾ Очерки изъ ист. русск. яз., р. 73, и рец. на кн. Карскаго. Журн. М. Нар. Пр., 1887 г., № 5, 146; Потобня, Замѣтки о малор. нар., р. 12.

³⁾ Соболевскій, Ж. М. Нар. Пр., 1885 г., № 6, р. 305.

⁴⁾ Недешевъ, 19.

въ родѣ будзизъ и пр. въ нашемъ говорѣ не встрѣчается. Оно болѣе пріусуще сѣверо-восточн. говорамъ.

Отмѣтимъ еще $e=ю$ въ флексіяхъ: на крайнюмъ, на синюй и др.; сюда же относятся формы: Василюнку и усюхъ=всѣхъ.

Перейдемъ теперь къ ударнымъ o , e , $ь$. Важнѣйшимъ явленіемъ представляется здѣсь переходъ o въ yo , а $ь$ въ $iѣ$. Разсмотримъ, въ какихъ случаяхъ встрѣчаемъ первое явленіе, и постоянное ли оно или спорадическое.

Самый большой рядъ словъ съ yo тотъ, гдѣ ударное o находится передъ двумя или болѣе согласными, также передъ согласнымъ j , или передъ однимъ согласнымъ, заключающимъ собою слогъ. Вотъ рядъ примѣровъ: *буо*льша, *явуо*льна, *кучуо*льничка, *дуо*нька, *буо*льна, *пудю*ляши, *гуо*рка (горько), *туо*льки, *вуо*зьмуцъ, *сакую*ль, *вуо*чками, *пахую*ть, *злуо*тнички, *волачуо*бнички, *руо*днаныки, *рабуо*тнички, *чабуо*рь (родъ травы), *буо*рку, *падуо*рья, *кракуо*сь (растеніе), *сирую*ть, *халуо*дная, *ѣспую*ми, *буо*рздыхъ, *вячуо*рип, *друо*бы, *гуо*рняца (горнется, прихляется), *гуо*рница, *плутничка*ѣ, *адбуо*рничка, *збуо*рицкъ, *пярabuо*рицкъ, *пюо*чка, *мюо*жна, *загую*нь, *вуо*тка, *кюо*пка, *жуо*нка, *руо*зна, *пюо*зна, *галуо*ѣка, *изюо*ѣ (снова), *дуо*ѣга, *свьякруо*ѣ, *пюо*ѣначь, *пярую*я (норовъ, паровые), *здарио*ѣя, *вуо*ѣкъ, *пяртуо*ѣка, *малуо*йчикъ, *вуо*йска, *буо*йся, *малуо*йця, *вуо*йту, *муо*й, *твуо*й, *разбуо*й, *пастуо*й и мн. др.

Исключенія на данные случаи сравнительно рѣдки, и, быть можетъ, объясняются, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вліяніемъ русскаго языка или меньшею отчетливостью произношенія; вообще въ прозѣ, въ разговорной рѣчи, такихъ исключеній больше: yo чаще переходитъ въ чистое o , чѣмъ въ пѣсняхъ. Но и въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: хлопчики, тонки (обычно), хвосчики, найомнички, скароджано, усюмни, конь, злосци; сюда же—Христось, васкросъ. Къ этому относятся и случаи чистаго o передъ dz изъ d общерусскаго: хоззяць, ѣ пародзи, малоданкуй, годзи, на слабодзи и мн. др. Вообще можно сказать, что dz изъ d не вліяетъ на удлиненіе o въ yo .

Напротивъ, въ коренныхъ слогахъ, гдѣ за o слѣдуетъ одна согласная, мы встрѣчаемъ повсемѣстно чистое o ; воля, выносяць, Сб-няйка, воранъ, хоча, скочила, заборы, дароги, горай, скося, корань,

повадь, поламья, варотами, укрою, дарози, ѣ повую росячи, просячи, рожа, поле, кинчакъ, сосянка, цихони, паровичи, дуброва, вози, соли, паро, зловяць, звоняць, сирѣта, гожи, широкая, почки, моры, косы, могуць, харомы, високуй, божа, паложими, чырвоны, раскоши, паходамъ, бочачка, словамъ, да дому и мн. др.

И въ этомъ случаѣ исключенія нерѣдки, особенно въ пѣсняхъ, хотя почти нѣтъ примѣровъ, которые строго выдерживались бы повсюду. Такъ, встрѣчаемъ: *звюо*щикъ, *малуо*душку, *дарюо*жачку, *рыба*луовы, *ѣдуо*вушку, *гавуо*рыць, *луо*жа, *варюо*ччакъ, *барюо*дачку, *барюо*пушку, *галуо*вакъ, *малуо*дакъ, *карчуо*мачки, *пюо*ванъ, *пюо*винки, *стюо*ликамы, на *дуо*бакъ и нѣк. др. Указанные только что примѣры легко могутъ быть объяснены вліяніемъ другихъ словъ, въ которыхъ yo обычно.

Въ словахъ съ конечнымъ o ударнымъ послѣднее всегда чистое: дно, вжо, зяляно, вино, адно, яво, русѣ. парѣ, браткѣ, чуткѣ, лицѣ, хто, што, харано и др.

Мы говорили до сихъ поръ только о коренныхъ слогахъ; обратимся къ флексіямъ и суффиксамъ. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ едва-ли не слѣдуетъ принять за общее правило, что здѣсь o не переходитъ въ yo , то же относится и къ o , соединяющему суффиксы съ корнемъ такъ наз. соединительному. Возьмемъ рядъ примѣровъ: кусочакъ, листочакъ, пясочки, кляновы, дзявоцкія, дубокъ, цисовы, дзѣвачокъ, мужычокъ, кулачокъ, вяночки, паповы, платочакъ, саладокъ, мядокъ, заручонал, разлучонал, травою, чаѣномъ, малади, сястрою, рудон, булавой, самому, ѣдавою, кумою, рукавомъ, валою, виномъ, другога, вараного, маладога, маладой, радной, чужой, бядою и др. Исключенія рѣдки и невыдержаны; напр.: на живюга, залатуоу, пабярюомъ, дзѣвачкуомъ, на адюоуомъ, варагуомъ, сѣѣцюоуомъ, варанцюоуомъ, галубуоуомъ, сарюочку, чахуотка, тынчуочакъ и др.

Въ виду важности рассматриваемаго явленія мы привели возможно большее число примѣровъ, чтобы имѣть право обобщить его. Приведенныя данныя прежде всего убѣдительно свидѣтельствуютъ, что переходъ o ударнаго въ yo , т. е. дьогласность его въ данномъ говорѣ представляетъ собою явленіе не спорадическое, но въ извѣстныхъ случаяхъ обычное и необходимое: именно, yo является въ корен-

ныхъ, закрытыхъ слогахъ, гдѣ за *o* слѣдуютъ двѣ или болѣе согласныя, или одна согласная, закачивающая слово. Наоборотъ—*o* передъ одной согласной (незакачивающей слога), конечно, въ суффиксахъ и флексіяхъ—остается чистымъ. Качество согласныхъ не имѣетъ значенія. Примѣры, противорѣчащія указаннымъ правиламъ, должны быть признаны исключеніями, случайными отступленіями.

o йотированное (*jo*), если въ словѣ лежитъ удареніе тамъ, гдѣ и въ великорусскомъ, обладаетъ тѣми же свойствами, напр.: суджо-нушку, вясюль, зялюны, маю. Отмѣтимъ форму ручаюбъ, происшедшую вслѣдствіе несмягчаемости *ч*; въ оконч. 3 л. ед. ч. глаголовъ: живюць, бярюць, завядуюць, вясюць, пасюць, идзюць, пасюць и др. Отмѣтимъ необычныя въ великор. формы: хростъ (крестъ), пасюль (посоль) и даже бясюлу.

Остается отмѣтить еще извѣстныя въ бѣлор. ф.: свьякряви, чарнабрыви, форма — змяю¹⁾; а также единичные случаи *e*, *э* изъ *o*: акэцца, вяэчки, послѣднее—пололизмъ: wianeczki.

Здѣсь же умѣстно указать на: тудю (изъ тудою), кудю и тудэма, кудэма.

Ѣ въ бѣлор. вообще отличается своею мягкостью сравнительно съ великор.; оно стоитъ только послѣ мягкихъ йотированныхъ согласныхъ, какъ уже замѣтилъ проф. Потенія²⁾ (говоримъ о *ѣ* ударяемомъ). Такимъ образомъ бѣлоруссы говорятъ бѣульий, звѣуль, чалауль, и пр.; однако Ново-Сверженскій говоръ представляетъ собою еще болѣе особенн. ударяемое *ѣ* въ немъ растягивается въ *іе*. Трудно сказать, всякое ли ударное *ѣ* произносится какъ *іе*, или же только въ нѣкоторыхъ словахъ: записавателемъ это написаніе употребляется въ весьма многихъ словахъ, хотя встрѣчаемъ и простое *ѣ*. Такимъ образомъ встрѣчаемъ: іесца, біелы, ніеть, ў діеси, свіеть, іешца, табіе, сабіе, сіели, хлѣба, віенчикъ, нявіехна, свіежуньки, біелы, бідны, ў Масквіе, сіера (сѣрая) и друг. Слова іесья, іешца еще про-

¹⁾ См. Анделя, О бѣлор. нар., Р. Ф. В., 1890, № 2, 210; Потенія, Два изслѣдованія и пр., 59.

²⁾ Зам. о малор. нар., 46.

всюду написаніемъ *і*; потому что въ бѣлорусскихъ говорахъ слова, начинающіяся мягкой гласной, всѣ, какъ кажется, йотируютъ начальную гласную. Трудно подвести подъ общее правило, когда *ѣ* выговаривается чисто, когда—какъ *іе*. Насколько мнѣ приходилось слышать въ другихъ мѣстностяхъ,—долгота *ѣ*, въ которомъ слышится *іе*, болѣе замѣтна тогда, когда бѣлорусь дѣлаетъ особенное удареніе на этомъ слогѣ.

На этомъ основаніи, мнѣ кажется, можно объяснить, почему иногда въ словѣ свѣтъ, напр., ясно можно различить свѣтъ, иногда просто свѣтъ. Съ другой стороны, приведенные примѣры, кажется, даютъ право заключить, что *іе* изъ *ѣ* появляется передъ твердымъ согласнымъ свѣтъ, но бляньки, бяднянки, при бідны. Третья, наконецъ причина появленія *іе*—скопленіе мягкихъ согласныхъ передъ нимъ; свіежуньки, свіетляцка, свіелянка. Послѣдній случай *іе* въ говорахъ Мозырскаго у., какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, является очень обычнымъ.

Такъ какъ *р* въ бѣлор. абсолютно твердое, то оно съ *ѣ* не соединяется, а развиваетъ послѣ себя звукъ *іе*, иногда прямо *и* (рѣку, дат. п.—сястры, ў кары—въ корѣ и др.); гарыелку, сустрыеў: рыечка, рыечи и др.

Аналогичное явленіе послѣ шипящихъ: ў концѣ (изъ концѣ), на щачѣ (по щецѣ) и др.; замѣчательно, что въ рѣдкихъ случаяхъ и *e* ударное, очевидно, по аналогіи съ *ѣ*, переходитъ въ *іе*; піечка, мапѣрка, міеду, насыцѣль, тріеска, іесць (есть) и др. Примѣры рѣдки.

Во флексіяхъ дат. ж. и предл. муж. и ж. р. *ѣ* переходитъ въ *и*: пры свѣчѣ, ў агнѣ, ў пячѣ и др. Въ среднихъ словъ въ мѣст. ўсмы, зачымы, тымъ (тѣмъ), чымъ (чѣмъ).—*E* въ *ю* въ суф.: яснюсянька, галаснюсянька, бялюсянька и пр. Ударное *e=и*: мною.

Изъ обзора особенностей ударныхъ *o* и *ѣ* въ нашемъ говорѣ, видно, что важнѣйшая ихъ черта—способность переходить въ *ю*, *іе*; на нихъ мы нѣсколько остановимся прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изученію.

Профессору Потенія неоднократно и настойчиво утверждаетъ, что *ю* изъ *o* и *іе* изъ *ѣ* есть особенность исключительно малорусская, встрѣчаемая въ сѣверныхъ говорахъ этого нарѣчія и этой особенности

«вовсе нѣтъ» ни въ бѣлорусскихъ, ни въ великор. говорахъ ¹⁾, отрицая указанія Максимовича ²⁾, что произношеніе ударнаго *о* какъ *у* болѣе свойственно бѣлор. говорамъ, чѣмъ малор., хотя послѣдній, очевидно, опирался на извѣстномъ ему произношеніи. Подобную мысль почтенный ученый высказываетъ неоднократно: форма *воол* (откуда *вудл*, *вѣол* *вуд*, и пр.) «не можетъ быть общерусской» ³⁾. Мысль эта высказана почтеннымъ ученымъ много разъ ⁴⁾ и при томъ такъ категорически, что изслѣдователямъ печего было и думать найти подобное явленіе въ Бѣлоруссіи.

Такое категорическое заявленіе оказывается преждевременнымъ. Приведенные нами примѣры говорятъ о томъ, что дифтонги *ю* и *іе* свойственны въ сильной степени одному изъ срединныхъ говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія, составляютъ его неизмѣнную и важную примѣту. Но до сихъ поръ на эту особенность бѣлорусскаго нарѣчія не было обращено вниманія изслѣдователями просто потому, что имѣющіяся записи такъ еще не совершенны, что въ нихъ едва отражается эта тонкая, но характерная особенность. Однако и теперь можно собрать нѣсколько указаній на то, что и въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Такъ для Минской еще губ. мы имѣемъ рядъ прекрасныхъ записей изъ д. Подлѣся Слупскаго у., сѣланныхъ г. Копанцемъ и разбросанныхъ по сборнику г. Шейна ⁵⁾: *дору(ю)жки*, *пуд(ю)зо*, *воу(і)та*, *горіелочку*, *бесіеда*, *дзіе*, *піе(і)чь*, *свѣчачку*, *кля(і)тачку* и мн. др. ⁶⁾. Встрѣчаемъ также и въ другихъ мѣстахъ Минскаго у. (д. Ячонка): *выбіе(і)гла*, *табіе*, *зацвіе(і)тана*, и др. ⁷⁾, Слупскаго у. (д. Сежевео)—*году(ю)вку* ⁸⁾—въ д. Островкахъ—*буор(ю)рь*, *туом(ю)рь*, *руд(ю)ная*, *куоски*

¹⁾ Зам. о малор. нар., 30.

²⁾ Ист. р. слов., 112.

³⁾ Къ ист. звуковъ русск. яз. Фил. Зап., 1876 г., т. I, 47.

⁴⁾ См. еще, напр., Замѣтки о малор. нар., р. 5 и др.

⁵⁾ Матерьялы для изуч. быта и яз. русск. нас. Сѣв.-Зап. Края, т. I, ч. I.

⁶⁾ Ibidem, p. 27, 28, 22, 98, 347—350 и мн. др. Ср. разсказъ, написанный Слупскимъ нар. въ „Календарѣ Сѣв.-Зап. Края“ на 1889 г., издав. подъ ред. М. Заньольскаго.

⁷⁾ Матерьялы, ч. I, 150.

⁸⁾ Ibidem, ч. 2, p. 208.

и мн. др. ¹⁾. Въ Новогрудскомъ у. встрѣчаемъ формы *бугь*, *ѣ* *вилюк(ю)й* ²⁾, въ Игуменскомъ у.—*су* *воины*, *широк(ю)й* ³⁾, въ Бобруйскомъ—*вуп(ю)нь* ⁴⁾, въ Борисовскомъ—*грумадо(ю)й* ⁵⁾; имѣемъ многочисленныя указанія для Мозырскаго у.: въ с. Мелешковичахъ (недалеко отъ Мозыря): *ѣ* *новом(ю)мъ*, *ѣ* *бѣлесеньку(ю)й*, *черву(ю)нице(ю)й*, *пир(ю)ухъ* и др. ⁶⁾. Относительно Бобруйскаго у. добавимъ, по личнымъ наблюденіямъ, что подъ городомъ говорить—*дру(ю)бный*, *вуд(ю)ль* даже *удоча(ю)нь* (очень) и др. Въ западной части Мозырскаго у., на основаніи имѣющихся у насъ записей, говорить:—*вуд(ю)ль*, *свѣ(і)ть*, по подл. вліяніемъ соеѣднхъ Пинчуконъ и *вуд(ю)ль*, *свѣ(і)ть*. Объ этомъ говорѣ мы скажемъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ статей. Въ Пинскомъ говорѣ дифтонговъ почти нѣтъ, но зато чистое *у* на мѣстѣ ударнаго *о* обычно: *вуд(ю)ль*, *ку(ю)нь*, *дру(ю)бны*, *руд(ю)ны* и т. п. О Пинскомъ говорѣ будемъ еще особо говорить въ слѣд. статьѣ. Наконецъ, юговосточный уголь Минской губ., по слѣданнымъ нами записямъ изъ Дерновичской волости Рѣчицкаго у., знаетъ *ѣ* *у* на мѣстѣ *о* и *іе* на мѣстѣ *ѣ*: *студ(ю)лька*, *Боу(ю)ть*, *коу(ю)нь*, *ліе(і)сь*, *свѣ(і)ть* и пр.

Послѣ этого, правда, бѣлаго обзора данной особенности въ говорахъ другихъ частей Минской губ. едва ли можетъ оставаться сомнѣніе въ томъ, что она свойственна въ большей или меньшей мѣрѣ всѣмъ говорамъ губ. Только наши печатные источники на этотъ счетъ еще очень не полны и не точны ⁷⁾.

Мало того, не только въ Минской губ., но въ Могилевской (формы *бугь*, *вуд(ю)ль*, *студ(ю)лька* и др. въ записяхъ сказокъ г. Романова обычны и свойственны едва ли не всей губ., но не въ одинаковой степени ⁸⁾, въ бѣлорусскихъ частяхъ Гродненской губ. ⁹⁾, въ Смоленской

¹⁾ Ibidem, ч. 2, 290 и слѣд.

²⁾ Ibidem, ч. 1, 245, 246.

³⁾ Ibidem, 480, 501.

⁴⁾ Ibidem, ч. 2, 267.

⁵⁾ Ibidem, ч. 1, p. 486.

⁶⁾ Ibidem, 58, 59, 95.

⁷⁾ Для мѣстностей, гдѣ лично нами не сдѣланы наблюденія, мы пользовались сборн. г. Шейна, но о записяхъ его см. рец. въ „Кіевской старинѣ“, 1892 г. Май.

⁸⁾ По выраженію собирателя, *о* произносится „почти какъ *у*“ (вып. II, предисл. XV), т. е. мы имѣемъ *оу*, *юо*.

⁹⁾ У Бобровскаго (Гродн. губ.) имѣемъ *Буогь*, *веселѣчко*, и др., Ч. I, p. 828. Ср. Этногр. Сборн., т. III, p. 98—99. (Замѣтки о зап. ч. Гродн. губ.)—*цѣ(і)ть*, *пир(ю)ухъ* и др.

губ. (прим. въ сборникъ Добровольскаго) мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Только о Витебской губ. трудно сказать что либо определенное въ данное время.

Такимъ образомъ, дифтонги \widehat{yo} , \widehat{oy} , а также отчасти и \widehat{ie} , при болѣе внимательномъ изученіи бѣлорусской діалектологіи, должны быть признаны какъ основные признаки бѣлорусскаго нарѣчія.

Что касается до характера дифтонговъ \widehat{yo} , \widehat{ie} , то еще г. Житецкій замѣтилъ, что перезвуки эти съ долготой на *o* и *e*, т. е. $y\bar{o}$ $i\bar{e}$ не имѣютъ ничего общаго съ малорусскими говорами и характеризуютъ скорѣе нарѣчіе бѣлорусское¹⁾. Малорусское *i* изъ *o* и *ъ* получилось при посредствѣ ряда перезвуковъ изъ долгихъ *oo*, *ee* черезъ *yo*, первоначальные *yo*, $y\bar{o}$, *yo*, *io*, $i\bar{o}$, въ послѣдующія *yi*, $y\bar{i}$, *yi*, еще и теперь слышимые въ нѣкоторыхъ карпаторусскихъ говорахъ и въ сѣв. части Черниговской губ. (*кунь*, *муй*); рядомъ съ дифтонгомъ *yo*, *io* явились чистые *y*, *yo* которыя затѣмъ большею частью перешли въ обще-малорусское *i*, оставивъ лишь слабые слѣды въ окраинныхъ говорахъ. На существованіе посредствующей ступени въ переходѣ малор. *o* въ *i* черезъ *y* указалъ еще Головацкій. Потебня, а затѣмъ г. Житецкій дополнили это мнѣніе указанною послѣдовательною перехода. Мнѣнія обоихъ изслѣдователей по существу сходны. Проф. Потебня удовольствовался указаніемъ ряда перезвуковъ *кунь*, *кунь*, *куйнь*, *кунь*, *кунь*²⁾; для *ъ* онъ указываетъ перезвукъ \bar{e} долгое равное великор. *e*, *ye*, (м. б. *e*) . *ь*, (*свѣт*, *свѣт*, *свѣт*, *сѣт*³⁾). Но г. Житецкій, рассматривая природу этихъ перезвуковъ, пришелъ къ заключенію, что малорусское *i* изъ *o* и *ъ* получилось именно вслѣдствіе долготы первой гласной дифтонговъ *yo* и $i\bar{e}$ ⁴⁾. Съ этими перезвуками имѣютъ связь и *ы*, *э* изъ *o* (*кынь*, *бэнь*, *бынь* въ Пинскомъ говорѣ). Г. Житецкій считаетъ развитіе *ы* при посредствѣ $y\bar{o}$ ⁵⁾; это объясненіе, кажется,

¹⁾ Очеркъ звуковой ист. малор. нар., 115.

²⁾ Два изслѣдованія..., п. 103—104

³⁾ Ibidem, 112.

⁴⁾ Оч. звук. ист. малор. нар. 115. Впрочемъ долгота *yo* имѣется въ виду и Потебней, когда онъ, въ позднѣйшемъ своемъ соч., ставитъ рядъ: *воол*, *воул*, *вуол*, *вул* и пр. Къ ист. звук. русск. языка. Фил. зап., 1876, I, 47.

⁵⁾ Оч. звук. ист. 113.

ближе къ истинѣ, чѣмъ если признавать *бынь* пинское за отвердѣніе въ немъ малор. *i*. Пинскій говоръ является переходнымъ, въ немъ господствуетъ *ы* изъ *o*, а *уи* и *э* является болѣе или менѣе спорадически: малорусскаго же *i* изъ *o* въ немъ нѣтъ; потому, можно думать, что оно въ немъ и не развилось. Затѣмъ, появленіе твердаго открытаго *э* (*бэнь*) можно предположить при посредствѣ дифтонга \widehat{ye} , который въ немъ иногда можно даже различить: *бынь* *амель*; ср. съ этимъ им. множ. *косароѣ* = *касарѣ*.

Такимъ образомъ, малорусское нарѣчіе получило свои два важнѣйшіе признака—*i* изъ *ъ* и *o* посредствомъ цѣлаго ряда перезвуковъ, послѣдовательно развившихся въ языкѣ. Причина, вызвавшая неустойчивость ударныхъ *o* и *ъ*, ихъ потенціи и растяженіе,—паденіе глухихъ звуковъ. Это послѣднее явленіе въ исторіи славянскихъ языковъ отразилось болѣе или менѣе во всехъ языкахъ въ колебаніи чистоты *o* и *ъ*, какъ ударныхъ, такъ и безъ ударенія. Въ чешскомъ появился перезвукъ \bar{a} , близкій къ нашему *yo* (*rād*, *bñh*), въ польскомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ дало *y* чистое (*bóg*, *ród*). Русскій языкъ выдѣлился изъ старославянскаго до окончательнаго паденія въ немъ глухихъ. Паденіе ихъ совершилось уже на русской почвѣ, почему мы и видимъ различныя степени измѣненія *ъ* и *o* въ трехъ важнѣйшихъ нарѣчіяхъ русскаго языка, великорусскомъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ. *O* начало колебаться и въ результатѣ дало малорусское *i* при посредствѣ *yo*, а *ъ* \bar{y} .

Въ нарѣчіяхъ бѣлорусскомъ и великорусскомъ преобладающею явилась вторая часть дифтонговъ \bar{o} и *e* которая и дала въ великорусскомъ чистое *o* и *e* (\bar{e}), а въ бѣлорусскомъ, въ средней и западной части его,—большею частью остались перезвуки $y\bar{o}$, $i\bar{e}$ съ наклопностью къ чистымъ *o* и *e*, и чѣмъ восточнѣе, тѣмъ эта склонность къ чистымъ *o*, *e* ярче, вслѣдствіе сосѣдства съ великорусскими говорами (въ Смоленской губ.). Только о сѣв. части бѣлорусскихъ говоровъ, т. е. о говорѣ собственно Полоцкихъ Кривичей трудно сказать что либо определенное. Если бы отсутствіе этихъ особенностей не было отмѣчено въ предѣлахъ послѣднихъ говоровъ, то мы могли бы считать наши особенности остатками чертъ собственно Дреговичскаго

нарѣчія, такъ мало извѣстнаго намъ въ древнѣйшую пору, потъ что южныя и западныя окраины бѣлор. нарѣчія обладаютъ въ сильной мѣрѣ *yo* и *ie*.

Разсматриваемыя особенности съ трудомъ и теперь находятъ себѣ выраженіе въ нашей этнографической литературѣ, а потому неудивительно, что онѣ еще больше затрудняли переписчиковъ, и намъ трудно прослѣдить исторію этихъ особенностей. Однако на нихъ мы можемъ указать въ Четвѣ 1489 г.: апустоломъ, докоуле, оттоуле¹⁾. Впрочемъ, исторія бѣлор. нарѣчія едва затрогнута изслѣдователями (Недешевъ, проф. Владимірова о языкѣ Скорины, Очерки проф. Соболевскаго, статьи Карпинскаго и Карскаго въ „Р. Фил. В.“) Быть можетъ, послѣдующее изученіе памятниконъ дастъ намъ болѣе опредѣленныя указанія и на этотъ счетъ.

Съ вопросомъ о перезвукахъ *yo* и *ie* тѣсно связанъ вопросъ о пограничныхъ говорахъ между малорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчійми. Какъ извѣстно, говоры эти, и особенно Заблудовскій Гродненской губ., характеризуются, въ той или другой степени, присутствіемъ этихъ перезвуковъ.

Проф. Потебня перечисляетъ въ своемъ сочиненіи „Два изслѣдованія“ и проч. слѣдующія мѣстности съ перезвуками *ou, u*: въ Сосницкомъ у. Чернигъ губ. (*тум, нуд*; по Кулину *вуд*), въ западн. части Вол. губ. (*пузно, стуй, муй*), въ Заблудовскомъ Гродн. губ. (*беруожа*²⁾). Позже, въ „Замѣтк. о малор. нар.“ онъ дополняетъ эти свѣдѣнія еще указаніями на уу. Пружанскій, Бѣльскій, Кобринскій, Врестскій Гродненской губ.³⁾, Кролевецкій и Козелецкій Черниг. губ. Гораздо неопредѣленнѣе у него свѣдѣнія о переходѣ *o* въ *yo* въ Угорщинѣ и вообще въ Галиціи, гдѣ, повидимому, этотъ перезвукъ болѣе приближается къ *ui, ui*. Этотъ перечень мѣстностей очень не полонъ. Во первыхъ, не хватаетъ свѣдѣній о средней части полосы, раздѣляющей оба нарѣчія, между Черниговской и Гродненской губ. Здѣсь,

¹⁾ Карпинскій, р. 11

²⁾ Два изслѣдованія, 101.

³⁾ Р. 23; Повидимому, эти уѣзды онъ выдѣляетъ въ „Бѣлостоцкій говоръ“.

Но это неясно: въ данной полосѣ столько перекрестныхъ говоровъ, что рѣчь о „Бѣлостоцкомъ“ едва ли возможна.

впрочемъ, встрѣчаемъ также тѣ же перезвуки; такъ, наприм., въ Дерновичской волости, занимающей южный уголъ Рѣчицкаго у., существуетъ *ou* (*тоулька*) въ тѣхъ же случаяхъ, что и вообще въ Бѣлорусскомъ; затѣмъ онъ извѣстенъ всей при-Припятской полосѣ Мозырскаго у., а въ Лавинской волости, сосѣдней съ Пинскимъ у., есть *u* при рѣдкомъ *ou*, въ самомъ Пинскомъ у. есть *u, э, ъ*. На крайнемъ западѣ пограничной полосы можно указать на Кошольское, Хотычское и отчасти Клеванское разнорѣчія¹⁾ (уу. Бѣльскій, Радинскій и Константиновскій) и т. д. Однимъ словомъ важно, что перезвуки *yo, ie* встрѣчаемъ въ ихъ типичной формѣ именно на границѣ бѣлорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ.

Обыкновенно эти разнорѣчія считаютъ наиболѣе архаичными остатками болѣе древняго періода въ малорусскомъ нарѣчии. Главнымъ показателемъ этого признаются именно разсматриваемые перезвуки. Примѣрами изъ этихъ говоровъ, особенно изъ Заблудовскаго, широко пользуется Потебня въ своихъ сочиненіяхъ о малорусскомъ нарѣчии, г. Житецкій пошелъ еще дальне, впа въ этихъ говорахъ разъясненія современныхъ звуковыхъ особенностей малорусск. нар., ставя очень высоко ихъ архаическія черты.

Несомнѣнно, что малор. *i* изъ *o* и *ъ* прошло рядъ дифтонговъ, подобіе которыхъ видимъ въ этихъ говорахъ. Но слѣдуетъ ли искать архаичныхъ чертъ этого нарѣчія въ говорахъ именно этихъ мѣстностей.—это еще вопросъ. Дѣло въ томъ, что эти говоры, сохранивъ *yo* и *ie*, въ тоже время обладаютъ значительнымъ количествомъ признаковъ бѣлорусскаго нарѣчія. Въ нихъ преобладаетъ мягкость звуковаго строя (исключаемъ Пинскій говоръ), часто *деканье* и *цеканье*, твердость шипящихъ, твердость *p*, иногда даже перемежающееся *аканье*, Присутствіе послѣднихъ признаковъ неостанавливаетъ названныхъ изслѣдователей признавать говоры малорусскими, разъ въ нихъ есть *yo, ie*.

Мы бы черезчуръ отступили отъ намѣченной нами задачи, если бы взяли за подробное изслѣдованіе особенностей этихъ говоровъ и

¹⁾ Житецкій, Оч. зв. ист. малор. нар., прил.; также сообщ. свѣд. Желховскаго. Р. Ф. В., 1834 г., кн. р. 256. О Константин. у. Сѣдлецкой губ. см. Янчука. Малороссійскія свадьбы.

их сравнения съ бѣлорусскими. Этотъ вопросъ требуетъ специальной работы, для которой однако существующія записи представляютъ пока очень неблагодарный материалъ. Обращая на этотъ вопросъ вниманіе послѣдователей, мы позволимъ себѣ остановиться лишь на Заблудовскомъ говорѣ.

Всякому, знакомому съ сочиненіями проф. Потебни, извѣстно, что этотъ говоръ играетъ очень большую роль въ его работахъ. Факты этого говора въ работахъ уважаемаго ученаго приводятся чуть не на каждой страницѣ, но почти вездѣ съ замѣчаніями, что въ Заблуд. гов. встрѣчается такая особенность, каковая псевдобенна малор. нар.; это естественно потому, что заблуд. говоръ вполне бѣлорусскій. Характеризуя говоръ, онъ заявляетъ, что однѣ изъ особенностей встрѣчаются въ малорус. говорахъ, другія предполагаются ими ¹⁾. Въ Малорусскомъ предполагаются, а въ бѣлорусскихъ—составляютъ обычное явленіе. Въ Заблудовѣ встрѣчаются: $d' = d\alpha$, $m' = m$; e —смягчается, y и $и$ различаются, $o = yo$, $e = io$, $\eta = j\eta$, $i = i$, $dj = d\alpha c$, $a = y$, $y = a$, $л = в$ и др. ²⁾ особенности вполне бѣлорусскія. Отсутствуетъ аканье, которое пока однако должно оставаться подъ сомнѣніемъ ³⁾. Непонятное въ малор. $a = ye$ въ *удыерить*—представляетъ обычную бѣлор. форму ⁴⁾. P —твердое, η послѣ него = ye : *рысечка, рѣлочка* и др. какъ въ бѣлорусскомъ. Заблудовскій говоръ не можетъ быть признанъ никомъ образомъ за малорусскій говоръ, а слѣдовательно и типичные въ немъ yo и $j\eta$ —черты бѣлорусскія. И другіе пограничные говоры соединяютъ въ себѣ тѣ или другія черты бѣлорус. и малорус. нарѣчій: опредѣленно отнести ихъ къ тому или другому, безъ натяжекъ, трудно.

Но перезвуки yo и ie здѣсь едва ли не черта бѣлорусская. Въ сосѣднихъ малор. говорахъ (т. е. въ средней части Черниговск. губ. и средней Волыни, хотя въ западн. части есть *пузно, рузно*), эти особенности не встрѣчаются, да и вообще не играютъ никакой роли въ малор. нар., кромѣ переходныхъ предполагаемыхъ перезвуковъ. Въ

¹⁾ Два изслѣдованія, 143.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Зам. о малор. нар., р. 97; въ нѣск. пѣсняхъ изъ Заблудова, напечатанныхъ съ сборн. Гильдебранта, встрѣчаемъ *горьлке, адзинъ* и др.

⁴⁾ Ibidem, 97.

бѣлор. нар., во всей срединной и южной его территоріи они составляютъ коренную особенность. Между тѣмъ сохраненіе одинаковыхъ перезвуковъ въ сѣв. части Черниговской губ. и въ южной Гродненской, въ двухъ противоположныхъ концахъ, иначе не можетъ быть объяснено, какъ только влияніемъ бѣлорусск. нар. Допустимъ, въ Польшѣ, въ лѣсахъ (хотя Брестъ и Гродно были очень видными пунктами въ Польско-Литовскую эпоху, а Брестъ и въ древнѣйшемъ періодѣ: здѣсь было постоянное движеніе, что должно было-бы вліять на ускореніе жизни языка),—здѣсь могли сохраниться архаичныя черты въ языкѣ, особенно, если вспомнимъ, что близкое къ этому имѣемъ и въ Зап. Волыни. Но какимъ образомъ сохранились архаичныя особенности на такомъ перекрестномъ пунктѣ, какъ пограничье Сѣверянъ и Радимичей,—территорія, черезъ которую проходила борьба Кіева съ Черниговымъ и Суздальемъ, территорія, на которой послѣдствіемъ столкнулись интересы великорусскіе, малорусскіе и бѣлорусскіе? Однимъ словомъ, здѣсь мы менѣе всего можемъ ожидать архаизмовъ малор. языка: перезвуки yo , ie здѣсь являются, какъ и въ большинствѣ Гродненскихъ разнорѣчій, и поддерживаются подъ влияніемъ сосѣдняго бѣлорусскаго нарѣчія. Или это нарѣчье уступаетъ въ этихъ пунктахъ напору малорусскихъ элементовъ, но оставляетъ свое вліяніе въ этихъ и другихъ чертахъ, или же, наоборотъ, оно расширяется на этихъ окраинахъ, вытѣсняя элементы малорусскіе.

Покончивъ съ звуками o и e , перейдемъ къ другимъ звукамъ нашего говора.

Звуки y и $и$. Сравнительно съ общebѣлор. употребленіемъ этихъ звуковъ Ново-Сверженскій говоръ не представляетъ особенностей. Произношеніе обоихъ звуковъ какъ и въ великорусскомъ. Нѣкоторыя замѣны являются лишь случайными явленіями, большею частью въ сферѣ отдѣльныхъ словъ. Встрѣчаемъ замѣну y черезъ $и$ въ префиксахъ—*вухадзили* и въ словѣ *калубелька*. На мѣстѣ y является a —*втруся*—*вытруся*, очевидно, вслѣдствіе перехода ударенія на y , аналогія съ *отыратся*—*отруся*. Въ суфигѣ *гышко*— y смѣняется $и$; y сопошко, *акуоношко, судзенцшкy*. Болѣе крупное явленіе—это смѣна $и$ на e . Оно бываетъ очень рѣдко въ корняхъ словъ, всегда подъ удареніемъ: *праседживали, седзя*. Съ этимъ явленіемъ интересно сопоставить: не

пръетемо въ Четьѣ 1489 г.¹⁾ Зато въ повелит. множ., подѣ удареніемъ, смѣна *и* черезъ *е*—явленіе необходимое: пятажуеца, плещеца, привяжеца, учинеца, побудеца, привядеца, пакажеца, сячеца, прасьцеца и др. Явленіе—давнинее: въ Четьѣ 1489 г.; пустьѣ, творѣте, говорѣте, помолѣтеся (Карпинскій, р. 9).

Конечное *и* въ им. множ. подѣ удареніемъ переходитъ въ дифтонгъ *иѣ*, который иногда слышится просто какъ открытое э: а *зала-тыѣ*, *ключѣиѣ*, а р *иѣ* *е*, *валѣиѣ*, *барѣиѣ*, *зварѣиѣ*, *листяѣиѣ*, *сиуцѣиѣ*, *варанцѣиѣ*, *мядѣиѣ*, *сватѣиѣ*, *вятрѣиѣ*. Послѣ гортанныхъ это конечное *иѣ* (на мѣстѣ *и*) встрѣчается рѣже, произносится какъ среднее между *иѣ* и *иѣ*: *палкѣиѣ*, *гарникѣиѣ*, *лучѣиѣ*, *жалкѣиѣ*; сюда же отдѣльныя: *голубѣиѣ*, *даждусѣиѣ*.

Въ срединѣ словъ, смѣна *и* на *иѣ* встрѣтилась только въ чатьѣ-ры и кватѣра.

А не представляетъ также никакихъ особенностей. О смѣнѣ *и* ударяемаго *о* въ *а* мы уже говорили. Отмѣтимъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ смѣны *а* другими гласными; *а* смѣняется *е*: *гледзичи*, *прогледзала*, *рѣбачи* (отъ рабѣтъ).²⁾ *А* ослабляется въ *іа* въ нарѣчійхъ: *вѣрня*, *силыя* (здѣсь *я* изъ *о*). *Я* смѣняется *е* въ род. п. мѣстоим. *миѣ*, *тиѣ*, *сиѣ*.

Сююзъ *якъ* (какъ) почти всегда *икъ*; *я* смѣнилось подѣ влияніемъ ударенія—*е*: да *пасу*.

Въ *разный* произносится правильно *уо*: *руозы*.

Конечное *я* въ частицѣ *ся* колеблется, склоняясь часто къ *е*: *закациласе*, *захацѣлосе* и пр.

¹⁾ Карпинскій. 9.

²⁾ Ср. свѣтого, сентября, завезаль и др. въ Четьѣ 1489 г., Карпинскій, 9, и изъ Сб. XVII в.: гледи, пометають и др., Карскій, Р. Ф. В., 1890 2. 284.

Статистическіе очерки Сѣверо-Западнаго края¹⁾.

I.

Населеніе и пространство.

Сѣверо-Западный край Россіи, въ который входятъ 7 губерній: Минская, Виленская, Могилевская, Витебская, Гродненская, Ковенская и Смоленская²⁾, населенный кореннымъ бѣлорусскимъ и литовскимъ племенемъ, заключаетъ въ себѣ, по исчисленію Стрѣльбицкаго, 6583,61 кв. миль; пространство это настолько велико, что оно превышаетъ многія европейскія государства, напр. менѣ чѣмъ вдвое больше Турціи (3910 кв. миль), болѣе Норвегіи (5,909 кв. м.), Великобританіи (5718 кв. м.) и др.

На всемъ этомъ пространствѣ живетъ, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, до 9.646.746 душъ обоего пола³⁾, что по плотности составляетъ почти 1465 чел. на 1 кв. милю. Однако, всѣ губерніи населены далеко неравномѣрно и настолько, что въ самой плотно населенной Ковенской губ.

¹⁾ Напечатана въ 1888 г. Матерьяломъ для этой статьи, кромѣ памятныхъ книжекъ, издаваемыхъ губ. статистическими комитетами, послужили главнымъ образомъ губернаторскіе обзоры и изданія Центрального Статистическаго Комитета. Объ обзорахъ не упоминается въ текстѣ, потому что на нихъ нельзя было ссылаться, когда печаталась статья.

²⁾ Смоленскую губ. совершенно несправедливо многіе относятъ къ центральнымъ губ.; между тѣмъ она, по устройству поверхности, географическому положенію, почвѣ и экономическому состоянію, а въ особенности, по своему населенію, какъ одна изъ Бѣлорусскихъ губ., несомнѣнно принадлежитъ къ группѣ губ. Сѣверо-Западнаго края. Это признаютъ и такіе маститые знатоки Россіи, какъ Семновъ и др.

³⁾ Распредѣленіе населенія въ частности по губерніямъ представляется въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Минская губ. 1,680 тыс. (сотни и проч. мы отбрасываемъ), 2) Ковенская—1521 т., 3) Гродненская—1,353 т., 4) Смоленская—1311 т., 5) Витебская—1267 т., 6) Могилевская—1263 т. и 7) Виленская—1253 т.

приходится 2061 чел. на одну кв. м., а в самой мало населенной Минской губ. только 1013 чел.¹⁾

Незначительную плотность народонаселения Минской губ. конечно, нужно объяснить тѣмъ, что губернія эта, занимая огромное пространство (1659,14 кв. м.), покрыта болѣею частью озерами, болотами, лѣсами или вообще неудобной для поселений землей. Такъ, изъ всей площади Минской губ., пахатной земли только 24,2% (1,818,612 дес.), остальная же земля покрыта лѣсомъ (38,8%), лугами, выгонами и проч. (14,5%), болотами и вообще неудобной для пашни (23% или 1,735,328 дес.).

Замѣтимъ еще одно немаловажное обстоятельство, указывающее на гораздо болѣе значительную разницу вѣ плотности населенія. Разсмотрѣние плотности населенія по губерніямъ, какъ административнымъ единицамъ, не совсѣмъ удобно и не совсѣмъ вѣрно представляетъ общую картину края, потому что административное дѣленіе далеко не совпадаетъ съ природнымъ географическимъ характеромъ мѣстности; такъ, напр., Минскій и Новогрудскій уѣзды, сравнительно возвышенные, съ незначительнымъ пространствомъ неудобной земли (въ первомъ 7,3% общаго количества, а во второмъ 7,5%); между тѣмъ въ Мозырскомъ такой земли — 33,8%; подъ озерами въ первыхъ двухъ уѣздахъ считается менѣ одной квадрат. версты, тогда какъ, напр., въ Минскомъ, по исчисленію Стрѣльбицкаго, 47 кв. в., а въ Мозырскомъ 43,9 кв. в.; Минскій и Новогр. у. плотно (сравнительно съ остальными частями, конечно) населены (въ Минскомъ 1,505 чел. на 1 квадрат. милю, въ Новогрудскомъ 2,245 чел.), а между тѣмъ въ административномъ отношеніи составляютъ одно цѣлое съ такими мѣстностями, какъ Пинскій, Мозырскій уѣзды: въ первомъ на 1 квадрат. м. приходится 712 чел., во второмъ—387. Гораздо болѣе ясное представленіе о распредѣленіи народонаселенія въ нашемъ край можно получить, если раздѣлить его на природныя географическія части. Такое дѣленіе наиболѣе удачно устанавливается, какъ намъ кажется, извѣстнымъ географъ Семеновъ²⁾; поэтому постараемся представить данныя о плотности населенія согласно предлагаемому имъ раздѣленію на *тишическія* мѣстности.

Три губерніи *литовской* группы (Гродненская³⁾, Ковенская и Вилен-

¹⁾ По относительной плотности народонаселенія губ. стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Ковенская—2061 чел. на 1 кв. м., 2) Гродненская—1920 ч., 3) Виленская—1920 ч., 4) Витебская—1545 ч., 5) Могилевская—1441 ч., 6) Смоленская—1287 чел. и 7) Минская—1013 чел.

²⁾ См. «Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи». Изд. центрального статистическаго комитета, вып. V. С.-Пет. 1882, стр. 1—10.

³⁾ Замѣтимъ, что названіе Литовской губ., приданное г-мъ Семеновымъ Гродненской губ., не совсѣмъ вѣрно: литовцы, въ числѣ нѣсколькихъ тыс. человекъ, на-

скаля) представляютъ двѣ мѣстности, собственно *тишическую Литовскую* и т. н. *Бѣловѣжскую* (три уѣзда Гродненской губ.: Слонимскій, Гобринскій Пружанскій); послѣдняя представляетъ собою *переходную* мѣстность отъ первой къ Пинскому Полѣстью. *Литовская тишическая мѣстность* составляетъ въ общемъ составѣ своемъ 1,911 кв. миль¹⁾, съ народонаселеніемъ въ 3,690,000 чел., что на одну квадратную милю составляетъ 2,459 челов. Это самая плотно населенная мѣстность Сѣверо-Западнаго края. Отъ нея идетъ переходъ къ бѣдно-населенному болѣеистому Пинскому Полѣстью и другимъ частямъ Минской губ. Эту переходную мѣстность и составляетъ такъ назыв. Бѣловѣжская мѣстность, плотность населенія которой представляетъ значительную разницу съ предыдущей, именно на 1 кв. м. приходится 1,485 чел. (303 кв. м., съ населеніемъ въ 450 тыс. чел.).

Съ другой стороны, *Литовская мѣстность* отдѣляется на юго-востокѣ отъ Полѣся переходною мѣстностью—тремя уѣздами Минской губерніи (Минскій, Новогрудскій и Слуцкій), которая имѣетъ весьма значительную плотность населенія въ 2,018 чел.; эта мѣстность занимаетъ всего 330 кв. м., съ народонаселеніемъ въ 666 тыс. человекъ.

Замѣчательную разницу въ распредѣленіи населенія мы видимъ между только что указанными мѣстностями и Полѣсьемъ, которое занимаетъ остальную часть Минской губ. (кромя уѣзда Минскаго, Слуцкаго и Новогрудскаго), т. е. все теченіе Припяти и сѣверную часть ея бассейна и теченіе Березины; мѣстность эту можно назвать *Пинско-Березинскимъ Полѣсьемъ*. По устройству поверхности, распредѣленію водъ и почвъ она представляетъ обширное, однообразное пространство, весьма низменное²⁾, лѣсистое³⁾, съ большимъ количествомъ болѣтъ и озеръ и съ почвой, состоя-

вяющей лишь самую сѣверную часть этой губ., остальная часть населена чернорусами и бѣлорусами, а западныя окраины—полями (мазурами); однако, мы уделимъ названіе мѣстностей г-на Семенова, независимо отъ того, насколько они удачны.

¹⁾ Замѣтимъ, что цифры пространства, принятыхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, разнятся отъ чиселъ, предлагаемыхъ Стрѣльбицкимъ; мы будемъ придерживаться послѣдняго источника.

²⁾ Исключеніе составляетъ, повидимому, только сѣверная часть Борисовскаго уѣз., высшая точка котораго поднимается надъ уровнемъ моря на 947,7 англ. ф. (Домашковичи); остальная мѣстность Пинско-Березинскаго Полѣся поднимается, въ среднемъ, на 550 ф. (въ Игуменскомъ у. высшая точка 773 ф., низшая—448, въ Бобруйскомъ высшая—662, низшая 546 ф., въ Пинскомъ высшая (с. Лодзинъ) поднимается на 589 ф., низшая (уровень воды въ р. Пинѣ у г. Пинска) на 435 ф.). Между тѣмъ высшая точка Минскаго уѣзда (Лисая Гора) 1,129 ф., высшая 687 ф., въ Слуцкомъ у. высшая точка 732 ф., низшая 570 ф.; отсюда видно, какая огромная разница существуетъ между двумя мѣстностями Минской губ. (См. «Материалы для ст. и геогр. Р. Минская губ.» Зеленскаго, т. I, стр. 118.

³⁾ Лѣсная площадь этихъ уѣздовъ занимаетъ 28 %.

щей из суглинка и супеска и только мѣстами торфяную. Вслѣдствіе этихъ причинъ, мѣстность Пинско-Березинскаго Полѣсья незначительно населена: на обширномъ пространствѣ въ 1,329 кв. м. живетъ всего 1.013,000 чел. или 761 на 1 кв. м. Нѣсколько въ лучшихъ условіяхъ находится т. н. *Бѣлорусское Полѣсье*, состоящее изъ всей Могилевской губ., части Витебской (кромѣ у. Динабургскаго, Рѣжицкаго, Велижскаго, Людинскаго и Дрисненскаго) и изъ Смоленскаго, Духовницкаго, Дорогобужскаго, Краснинскаго, Ельнинскаго и Рославскаго у. Смоленской губ.: она занимаетъ 1,758 кв. м., съ населеніемъ въ 2,625 тыс. чел. или 1,500 ч. на 1 кв. м.

Еще болѣе поразительна незначительность населенія въ мѣстности *Полесья верховьевъ Западной Двины* (Велижскій у. Витебской губ. и Бѣльскій и Порѣчскій Смоленской губ.); тамъ приходится всего 573 человекъ на 1 кв. м. (пространство 468 кв. м., населеніе 268 т.); мѣстность эта, покрытая озерами, представляетъ переходъ къ сѣверной озерной области Новгородской и Псковской губ.

Разсмотримъ еще 2 мѣстности: т. н. *Инфлянтскую* (уѣз. Дрисненскій, Рѣжицкій, Людинскій и Динабургскій Витебской губ.), въ которой плотность на 1 м. 1,617 ч. и *Вяземскую*, составляющую переходъ отъ Бѣлорусской области къ центральной Московской; плотность населенія составляетъ здѣсь 914 чел. на 1 кв. м.

Не менѣе интересны данныя по статистикѣ городского и сельскаго населенія; данныя эти во многомъ уясняютъ также и распредѣленіе населенія. Приведемъ только процентное отношеніе городскихъ жителей къ остальной массѣ населенія: болѣе всего живутъ въ городахъ Гродненской губ., именно 17% всего населенія, затѣмъ въ Витебской 16,7%, въ Минской 14%, Виленской 10,8%, Ковенской 9,52%, Смоленской 8,5% и Могилевской 8,3%. Если принять въ расчетъ только одно не городское населеніе, то окажется, что плотность его увеличится въ губ., въ которыхъ наименьшій процентъ городскихъ жителей; особенно увеличеніе это замѣчательно въ Ковенской губ., въ которой, при значительной плотности населенія, процентъ городского населенія весьма не великъ.

Въ Минской губ., болѣе другихъ рѣдко населенной, дѣйствительное распространеніе (не городского) населенія даетъ цифру на 1 кв. м. гораздо менѣе высчитанной нами, потому что процентъ городского населенія довольно великъ. А въ мѣстности, названной нами Пинско-Березинскимъ Полѣсьемъ, плотность на 1 кв. м. даетъ всего 666 человекъ, если изъ общаго числа жителей отбросить городское населеніе.

Теперь обратимся къ распредѣленію народонаселенія по *вероисповѣданіямъ*. Около половины всего народонаселенія исповѣдываютъ *православную религію*, именно 4,265,000 чел., что составитъ 44,21% количества всего населенія края; наиболѣе православныхъ въ Смоленской губ. — 1,280 тыс.,

что составитъ 98% всего населенія губ. или 30% всего православнаго населенія Сѣверо-Западнаго края; такимъ образомъ, можно сказать, что эта губ. населена собственно православными, представители другихъ религій составляютъ въ ней незначительное меньшинство (катол. 3,000 и евреевъ 5,500 чел.). Крайне незначительно число православныхъ въ Ковенской губ., всего 33 тыс. чел., что составитъ 2,17% населенія губерніи. Православное населеніе Ковенской губерніи составляетъ, вѣроятно, по преимуществу, контингентъ служащихъ, притомъ населеніе это болѣе или менѣе пришлое, болѣе половины его живетъ въ городахъ (11,650 мужск. и 3,390 женск.), въ уѣздахъ же живетъ всего до 18,000 чел. Въ остальныхъ губ. процентное отношеніе православныхъ къ общему количеству населенія выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Минской губ. 69%, въ Могилевской 83,06%, въ Гродненской 53,33%, въ Витебской 53,1% и въ Виленской 27,13%¹⁾.

Что касается до представителей римско-католической религіи, то ихъ во всѣхъ губерніяхъ оказывается 2,645,000 чел. или 27,42% всего населенія. Больше всего католиковъ, конечно, въ Ковенской губ. — 1,104 тыс. менѣе всего въ Смоленской—3,000²⁾.

Представители еврейской религіи составляютъ третью по количеству группу населенія Сѣверо-Западнаго края; ихъ можно считать до 1,362 тыс. душъ, что составитъ 14,12% общаго населенія края. Однако, въ частности по губерніямъ, процентное отношеніе еврейскаго населенія къ общему числу населенія какой либо изъ губ. гораздо значительнѣе; исключеніе составляетъ только Смоленская губ., въ которой еврейскій элементъ крайне незначителенъ, всего 0,42% или около 5¹/₂ тыс. чел.

Въ остальныхъ 6 губерніяхъ процентъ евреевъ гораздо выше 14,12%, за исключеніемъ Могилевской (18%) и Витебской (11,47%); такъ, въ Гродненской губ. еврейское населеніе составляетъ 20,34% всего населенія, въ Минской 19,34%, въ Ковенской 16,2% и въ Виленской 15,6%³⁾. Слѣдовательно, въ Гродненской и Минской губ. на каждыя 100 душъ остальнаго населенія приходится въ 1-ой 26 ч. евреевъ, во 2-ой 24 чел.

Въ заключеніе интересно было бы привести данныя о раздѣленіи жителей Сѣверо-Западнаго края по національностямъ. Но такъ какъ офи-

1) Вотъ эти цифры: въ Смоленской губ. 1,280 тыс. правосл., въ Минской 1,159 тыс., въ Могилевской 1.049,000, въ Гродненской 721,000, въ Витебской 673,000 и въ Виленской 300,000 чел.

2) Въ остальныхъ губерніяхъ: въ Виленской 684,000, въ Гродненской 345,000, въ Витебской 315,000, въ Минской 170,000, въ Могилевской 25,000.

3) Предлагаемъ числа еврейскаго населенія въ губерніяхъ: въ Минской 325 тыс., въ Гродненской 275 тыс. д., Ковенской 247¹/₂ т. д., Витебской 150 т. д., Могилевской 164 т. д. и въ Смоленской 5¹/₂ тыс. д.

циальные источники об этом умалчивают, мы оставляем этот вопрос до другого раза (о сословиях мы еще будем иметь случай говорить).

II.

Народное образование.

Образовательные средства всего населения Северо-Западного края зачисляются в несколько разрядов учебных заведений, как то: народные школы, церковно-приходские, разных наименований городских училища, духовные училища, гимназии, прогимназии и несколько специальных учебных заведений, кроме того существуют частные и училища исключительно для евреев. Таким образом, все училища можно подвести под следующие категории: городских учебных заведений всех наименований, в которых воспитываются представители всех исповеданий (кроме военных училищ и духовных семинарий), сельских училищ вместе с церковно-приходскими школами, которыми исключительно пользуются лица крестьянского сословия, наконец частные и специально еврейских училища.

Разсмотрим прежде общия данные о народном образовании.

Всех училищ в 7 губерниях Северо-Западного края насчитывается 5,756; в частности, по вышеуказанным категориям, они разделяются следующим образом: в городах разных наименований учебных заведений 287, сельских 4,068 и специально еврейских 839; остальные училища—частные и ремесленные школы.

Общее число учащихся во всех заведениях составляет 184,164 душ обоого пола; это число, согласно указанным категориям, распадается на следующие части: учащихся в городах 32,457, в сельских школах 131,168 и в специально еврейских 16,897 душ обоого пола.

Из этих данных мы видим, что средним числом на губернию приходится всего 822 учебных заведений и 28,881 учащихся; между тем среднее количество населения на губернию составляет около 1,378,000 душ обоого пола, так что на 6,716 человек приходится 1 школа, или на каждые 1,000 душ населения учащихся 22 чел. Недостаток в образовательных средствах становится еще виднее, если примем во внимание количество населения в школьном возрасте: известно, что на 2,000 населения приходится лиц школьного возраста, т. е. мальчиков от 7—15 и девочек от 7—14 лет, около 337; следовательно, в действительности получает образование едва только около 11,4% того числа населения, которое должно бы было в данный период воспитываться в каждой губернии.

Вышеизложенные средние выводы несколько иначе представляются

в частности по губерниям. Принимая во внимание только абсолютное количество учащихся в каждой губернии, то получим следующие данные.

В губерниях:

1) Гродненской уч.	32,269	дѣтей обоого пола.
2) Минской "	37,893	" " "
3) Могилевской "	34,623	" " "
4) Виленской "	26,066	" " "
5) Витебской "	17,794	" " "
6) Смоленской "	15,313	" " "
7) Ковенской "	14,206	" " "

Из этих данных видно, что количество учащихся не пропорционально количеству населения в губерниях, так как по количеству населения Минская губ. занимает первое место, Ковенская второе и т. д.

Между тем, по количеству учебных заведений губернии распределяются в следующем порядке:

1) в Минской губернии	1,315	учебных заведений.
2) " Могилевской "	1,293	" " "
3) " Гродненской "	1,088	" " "
4) " Виленской "	738	" " "
5) " Витебской "	584	" " "
6) " Смоленской "	509	" " "
7) " Ковенской "	229	" " "

Порядок в распределении школ довольно близок к порядку распределения учащихся по губерниям. Кроме того, на распределение школ естественно должна была оказывать влияние и плотность населения: в местах более плотно населенных относительное количество школ должно было бы быть меньше, но за то количество учащихся в каждой школ больше; наоборот, в местностях с редким населением число учащихся в каждой школ должно уменьшаться, но за то увеличиваться количество школ. В этом случае расстояние местожительства учащихся от школы, если оно велико, затрудняет посещение училища учениками. Обширность района, на который распространяется действие учебного заведения, составляет отличительную черту условий народного образования в нашем крае.

Приведем по этому поводу данные в связи с средним количеством учащихся в каждом учебном заведении:

Губернии:	Кв. в. приходится на одно уч. зав.	Кв. миль пр. на 1 учебное заведение.	Среднее число учащихся на 1 уч. зав.
1) Ковенская	156	3,2	62 об. пола.
2) Витебская	66,2	1,4	30 " "

3) Минская	61	1,26	28	"	"
4) Виленская	50,6	1,09	34	"	"
5) Смоленская	38	2	30	"	"
6) Могилевская	32,7	0,67	26	"	"
7) Гродненская	31,3	0,65	37	"	"

В среднем для всего Северо-Западного края выйдет, что одна школа захватывает районъ въ 55,5 кв. верстъ или 1,14 кв. м. и на одну школу учащихся приходится 32 души обоего пола. Слѣдовательно, районы, захватываемые каждою школою, настолько велики, что не могутъ удовлетворять нуждамъ населенія. Въ самомъ дѣлѣ: на пространствѣ 3,2 кв. м., которое составляетъ районъ каждаго училища въ Ковенской губ., живетъ 6,600 чел., между тѣмъ изъ нихъ обучаются толко 62, т. е. почти 0,9%. Вообще, отношеніе учащихся къ общему числу населенія крайне незначительно и въ среднемъ учащіяся составляютъ 2,01% всего населенія края. Меньшій процентъ въ Ковенской губ., именно 0,9%, высшій въ Гродненской—3%¹⁾. Количество душъ мужского и женскаго населенія, на которое приходится въ среднемъ одна школа, 1676²⁾.

Приведемъ еще характерныя данныя объ отношеніи учащихся къ количеству всего населенія. Оказывается, что 1 учащійся приходится на 107 душъ обоего пола въ Ковенской губ., на 85 въ Смоленской губ., на 70 чел. въ Витебской губ., на 50 ч. въ Виленск., на 42 въ Минской губ. и на 33 въ Могилевской губ., т. е. въ среднемъ одинъ учащійся на 52 чел. Теперь обратимся къ отношеніямъ учащихся обоихъ половъ между собою и къ остальному населенію. Дѣти мужскаго пола получаютъ образованіе въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ дѣвочки. Процентъ послѣднихъ по отношенію ко всему количеству женскаго населенія крайне незначителенъ; такъ, въ Могилевской губ. 1 учащійся приходится на 126 душъ женскаго пола всего населенія губ., или 14,4% всѣхъ учащихся, въ Ковенской губ. 1 дѣвочка приходится на 313 душъ женскаго пола, или 10,6% всѣхъ учащихся, въ Гродненской губ. одна на 132, или 12,6% и т. д.

Мы разсмотрѣли общія данныя о народномъ образованіи. Приведемъ еще сравненіе количества дѣйствительно учащихся съ тѣми, которые должны бы были получать образованіе въ данное время. Если предположимъ школьный возрастъ для мужскаго пола отъ 7 до 15 лѣтъ, а для женщинъ отъ 7—14, то получимъ (посредствомъ таблицы возрастовъ Буниковскаго), что на каждыя 10,000 душъ населенія приходится въ данномъ возрастѣ

¹⁾ Въ остальныхъ губерніяхъ: въ Минск. 2,3%, въ Витебск. 1,4%, въ Виленск. 2%, въ Смоленск. 1,13% и въ Могилевск. 2,7%.

²⁾ Въ частности по губ.: въ Ковенской 1 школа приходится на 6613 душъ, въ Смоленской на 2576, въ Витебской на 2126, въ Виленской на 1622, въ Минской на 1271, въ Гродненской на 1242 и въ Могилевской на 976 душъ обоего пола.

1,827 душъ мужскаго пола и на 10,000 женщинъ 1,544 душъ, всего на 20,000 душъ обоего пола выходитъ 3,371 чел. Такимъ образомъ, мы получимъ слѣдующую таблицу, указывающую, сколько могло бы быть приблизительно въ данное время учащихся и какой процентъ въ дѣйствительности учится:

Губерніи:	Число лицъ въ школьномъ возрастѣ.	Изъ нихъ обучается.
Гродненская	227,879	17,2% ⁰
Могилевская	212,878	15,9% ⁰
Минская	283,114	13,75% ⁰
Виленская	211,193	12,34% ⁰
Витебская	218,553	8,28% ⁰
Смоленская	220,969	6,98% ⁰
Ковенская	256,364	5,11% ⁰

Всего въ школьномъ возрастѣ до 1,626,000 душъ обоего пола, изъ которыхъ получаетъ образованіе только 11,32%, остальные 88,68% вовсе не получаютъ хотя бы начальнаго образованія.

Впрочемъ, данныя эти значительно видоизмѣняются, какъ увидимъ далѣе, если разсматривать вопросъ о народномъ образованіи, насколько имъ могутъ пользоваться различныя группы населенія.

Въ заключеніе общаго обзора не безынтересно было бы прослѣдить ростъ дѣла по народному образованію. Полное разсмотрѣніе этого вопроса повело бы насъ очень далеко, въ виду чего мы ограничимся только нѣкоторыми данными, именно, указавшимъ насколько подвигнулось дѣло народнаго образованія за послѣднія 15 лѣтъ (1872—1887 г.). Ниже мы представимъ таблицу, показывающую количество населенія въ 1872 году, число учебныхъ заведеній всѣхъ родовъ, число учащихся въ нихъ, а также увеличеніе школъ и учащихся за 15 лѣтъ.

Губерніи.	Школъ въ 1872 г.	% увеличенія за 15 лѣтъ.	Учащихъ въ 1872 г.	% увеличенія за 15 лѣтъ.	% увеличенія населенія за 15 лѣтъ.
Минская	527	150% ⁰	20358	86% ⁰	33% ⁰
Гродненская	456	139	17594	123	29
Виленская	384	100	15329	63	14
Витебская	258	126	9982	78	33
Могилевская	253	411	9836	252	17
Ковенская	216	6	10189	39	26
Смоленская	202	152	7540	103	—

Изъ этой таблицы мы видимъ, что процентъ возрастанія школъ и количества учащихся идетъ значительно быстрее возрастанія народонаселенія, откуда слѣдуетъ, что край значительно прогрессируетъ по пути образованія. Болѣе быстрое возрастаніе количества школъ сравнительно съ количествомъ учащихся свидѣтельствуетъ также, что населеніе въ доста-

точной степени пользуется имѣющимися въ его распоряженіи учебными заведеніями и что при данномъ числѣ школъ количество учащихся могло бы быть значительно больше. Особенно выдающееся явленіе между этими данными составляетъ незначительность увеличенія числа школъ и количества учащихся въ Ковенской губерніи.

Разсмотрѣвши общія условия состоянія дѣла народнаго образованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, перейдемъ къ вопросу, какими образовательными средствами пользуются различныя группы населенія. Въ данномъ случаѣ можно, какъ намъ кажется, раздѣлить народонаселеніе Сѣверо-Западнаго края на три главныя группы: 1) крестьянское сословіе, 2) дворянство, духовенство и др. и 3) евреи. Первая группа пользуется исключительно сельскими народными училищами и церковно-приходскими школами (процентъ крестьянъ, обучающихся въ среднихъ и городскихъ учебныхъ заведеніяхъ не болѣе 1%), вторая группа пользуется городскими училищами и средними учебными заведеніями и, наконецъ, третья, евреи, имѣютъ исключительно свои школы, но въ то же время пользуются другими учебными заведеніями.

Наиболѣе неблагоприятно отзывается незначительное количество народныхъ школъ на крестьянскомъ сословіи: имъ приходится испытывать всю тяжесть неудобства, заключающагося въ томъ, что каждая школа захватываетъ весьма большой районъ. Такъ, начальныхъ народныхъ училищъ въ Сѣверо-Зап. краѣ 4068, такъ что каждая школа захватываетъ районъ въ 78 кв. в. Несмотря на такое неудобство, замѣтно особенное стремленіе крестьянъ къ образованію; данныя показываютъ, что процентное отношеніе крестьянъ не только не меньше, какъ слѣдовало бы ожидать, учащихся изъ другихъ сословій, но даже превосходить ихъ и превосходить значительно. Такъ, число школъ и учащихся вмѣстѣ съ процентнымъ отношеніемъ ко всему числу учащихся, выражается по губерніямъ въ слѣдующихъ данныхъ:

	Учащихся.	Школъ.	% въсѣхъ учащихся.
Минская	30910	1249	82%
Гродненская	28264	724	72%
Могилевская	28428	1063	72%
Виленская	15384	585	62%
Ковенская	40186	182	72%
Витебская	9970	310	56%
Смоленская	7828	429	51%

Эта таблица показываетъ, что учащіеся крестьянскаго сословія составляютъ значительное большинство въ 71%; этотъ значительный процентъ объясняется не только тѣмъ, что крестьяне составляютъ большинство населенія, но и тѣмъ, что относительное количество учащихся изъ нихъ гораздо больше учащихся изъ другихъ сословій. Въ самомъ дѣлѣ: всѣхъ городскихъ

учебныхъ заведеній насчитывается 287 съ 32457 учащимся¹⁾; ими пользуется 1,513,000 населенія (за исключеніемъ евреевъ), такъ что учащіеся составляютъ едва только 1,1%, между тѣмъ учащіеся изъ крестьянъ составляютъ 1,9% крестьянскаго сословія; кромѣ этого нужно замѣтить, что въ городскихъ училищахъ еще обучаются евреи (числа ихъ за недостаткомъ данныхъ нельзя опредѣлить точно) и крестьяне (почти 1% учащихся въ городскихъ школахъ) такъ, что процентъ учащихся въ городахъ имѣющихъ дворянъ и духовенства долженъ быть ниже 1,1%, а процентъ обучающихся въ начальныхъ школахъ изъ крестьянскаго сословія повысится съ 1,9%, что составитъ болѣе 2% изъ всего крестьянскаго населенія.

Приведемъ еще интересныя данныя объ отношеніи числа школъ къ числу учащихся. Оказывается, что на 1 сельскую школу приходится 32 учащихся обоего пола²⁾, а въ городскихъ на 1 училище—113 учащихся; притомъ 1 сельская школа приходится на 1,664 душъ крестьянскаго населенія, а 1 городская на 5,272. Дѣтей крестьянскаго сословія въ школьномъ возрастѣ около 1,148,000 душъ обоего пола, изъ которыхъ обучаются 11,4%.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить еще одно немаловажное обстоятельство, во многомъ могущее иллюстрировать состояніе начальнаго образованія, именно отношеніе числа школъ къ числу крестьянскихъ дворовъ и селеній.

Губерніи:	Дворовъ на 1 школу.	Селеній на 1 shk. почти.
Ковенская	411	59
Витебская	302	45
Смоленская	287	23
Виленская	139	20
Могилевская	118	4
Гродненская	117	5
Минская	83	2

Эти цифры еще разъ доказываютъ, что каждая школа занимаетъ слишкомъ большой районъ, что положительно препятствуетъ дѣлу начальнаго образованія.

1) По губерніямъ эти числа распределяются слѣд. обр.:

Могилевская	4057 учащихся и 43 учебныхъ заведеній.
Смоленская	6827 " " 43 " "
Ковенская	2646 " " 25 " "
Гродненская	3338 " " 34 " "
Виленская	3557 " " 47 " "
Витебская	4638 " " 50 " "
Минская	5375 " " 45 " "

2) По губерніямъ: въ Ковенской 55 учаш. на 1 shk., въ Гродненской 39, въ Витебской 32, въ Виленской 29, въ Могилевской 27, въ Минской 24 и въ Смоленской 18.

Между тѣмъ совокупность всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ показываетъ, что крестьянское сословіе, не смотря на множество прештствій, ревностно стремится къ образованію настолько, что процентъ учащихся въ немъ выше процентнаго отношенія другихъ сословій. Явленіе это не случайное; оно поддерживается народомъ изъ года въ годъ. Такъ, 15 лѣтъ тому назадъ, въ 1872 году, начальныхъ школъ было 1,663 во всѣхъ 7 губ., а городскихъ 643 ¹⁾, но въ продолженіе 15 лѣтъ первыхъ увеличилось на 2,405, или по 160 въ годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ количество учащихся увеличилось на 72,347, т. е. по 4,823 ежегодно.

Въ заключеніе обзора состоянія начального обученія въ нашемъ краѣ нужно замѣтить, что преобладающій характеръ школъ—школы для дѣтей обоюго пола; число специально мужскихъ или женскихъ школъ крайне незначительно. За то большую половину всѣхъ школъ составляютъ церковно-приходскія школы, именно 2,591; въ нихъ учится 51,074 душъ обоюго пола.

Что касается до школъ, предоставленныхъ исключительно евреямъ, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ, то ихъ въ 6 губерніяхъ (кроме Смоленской, гдѣ ихъ нѣтъ) насчитывается 839 съ 16,897 учащихся. Если мы примемъ во вниманіе, что еврейскаго населенія въ краѣ 1,363,000 душъ обоюго пола, то увидимъ, что одна школа приходится на 1,612 чел. всего еврейскаго населенія, или на 20 учащихся; эти общія данныя показываютъ, что положенія и образованіе для евреевъ также не блистательно.

Было бы весьма интересно привести данныя о расходахъ по народному образованію, но, къ сожалѣнію, источники наши не заключаютъ этихъ данныхъ.

III.

Поземельная собственность.

Приступая къ изложенію статистическихъ данныхъ о поземельной собственности, мы прежде всего должны указать на то, что въ нашихъ источникахъ, „Памятныхъ книжкахъ“ и губернат. обзорахъ почти вовсе не имѣется по этому вопросу никакихъ свѣдѣній; только въ „Памятной книжкѣ Ковенской губ.“ помѣщены весьма интересныя свѣдѣнія о числѣ сельскихъ обществъ, селеній и участковъ по волостямъ, числѣ душъ по ревизіи и о наличномъ составѣ крестьянскаго населенія, а равно о количествѣ земли и о цѣнахъ на оную по выкупнымъ и лотраціоннымъ актамъ и въ настоящее время за 1886 г. .

¹⁾ Въ числѣ городскихъ школъ въ данныхъ Центр. статистич. ком. поставлены и городскія еврейскія, вотъ почему цифры городскихъ школъ за 1872 г. (673) больше нашей 283 (наши цифры безъ еврейскихъ школъ).

да въ „Памятной книжкѣ Минской губерніи“ сдѣланы выдержки изъ изданій Центрального статистическаго комитета. Конечно, нельзя не пожалѣть объ этомъ важномъ недостаткѣ изданій нашихъ статистическихъ комитетовъ. Въ виду этого мы воспользовались данными о поземельной собственности, изданными Центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Чтобы уяснить себѣ сущность сельско-хозяйственныхъ условій Северо-Западнаго края, рассмотримъ прежде всего общее распредѣленіе поземельной собственности по угодьямъ.

По даннымъ Центрального статистическаго комитета, вся площадь семи губерній Северо-Западнаго края представляетъ 29,797,963 десятины; число это нѣсколько меньше вычисленнаго Стрѣльбицкимъ, именно на 3,385,474, 5 дес., что составить почти 10,2% недочета; недочетъ падаетъ на рѣки, озера, дороги и проч. пространства; недочетъ произошелъ также, вѣроятно, и отъ неточности данныхъ комитета.

Означенное число десятинъ распредѣляется по угодьямъ слѣдующимъ образомъ: площадь пахатной земли составляетъ 30,8% (9,165,989 дес.), лѣсной площади 33,2% (9,994,441 дес.), подъ дугами 19,5% и, наконецъ, остальные 16,5% составляютъ земли неудобныя ¹⁾. Само собою разумеется, что при далеко не одинаковыхъ условіяхъ, въ которыя поставлены различныя мѣстности Северо-Западнаго края, распредѣленіе земель по угодьямъ значительно измѣняется; тѣмъ плотнѣе населеніе какой либо мѣстности, тѣмъ относительное количество пахатныхъ земель больше, такъ какъ населеніе края преимущественно земледѣльческое, кромѣ того нужно брать во вниманіе природныя условія мѣстности, насколько онѣ благопріятствуютъ разработкѣ пахатныхъ полей. Въ самомъ дѣлѣ, въ трехъ болѣе плотно населенныхъ губерніяхъ мы замѣчаемъ и относительно преобладающее количество пахатныхъ земель надъ остальными; такъ, наиболѣе пахатныхъ земель въ Виленской губ., гдѣ приходится 40,2%, въ Гродненской 39,6% и въ Ковенской 36,2%, а во всѣхъ трехъ губерніяхъ въ среднемъ 38,6%. Такимъ образомъ, эти губерніи представляются наиболѣе обработанными; причина эта заключается какъ въ плотности ихъ населенія, такъ и въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ устройства поверхности; притомъ всѣ три губерніи сравнительно съ остальными лежатъ выше надъ уровнемъ моря и заключаютъ въ себѣ гораздо меньше озеръ, болотъ и проч. неудобной земли. Въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ условія для хлѣбопашества менѣе удобны и притомъ онѣ менѣе населены, вслѣдствіе чего и относительное количество пахатныхъ земель значительно менше; въ Минской г. прихо-

¹⁾ „Статистическій Временникъ Россійской Имперіи“. Серия III, вып. IV, С.-Петербургъ. 1884.

дится 24,2% пашни, в Витебской 27,2%, в Могилевской 28,7 и в Смоленской (больше других возвышенной) 29,8; в среднем для четырех губерний составят 26,8% пахатной земли общего пространства.

Сообразно съ местными условиями и съ количеством пахатной земли изменяется и относительная площадь лѣсовъ, луговъ, выгоновъ и неудобной земли. Въ трехъ губерніяхъ: Гродненской, Ковенской и Виленской лѣса занимаютъ 25,4%, тогда какъ въ остальныхъ губерніяхъ 37,6%; разница весьма значительная. Въ Минской губ. лѣса занимаютъ 38,3% всей площади; въ ней же находится наибольшее количество неудобной земли, именно 23% (1,735,325) дес.

Приведенныя данныя по губерніямъ о раздѣленіи поземельной собственности далеко не точно характеризуютъ поверхность Сѣверо-Западнаго края мы уже имѣли случай указать, что административные районы, на которые раздѣленъ край, вовсе не соответствуютъ природнымъ условиямъ его географическаго положенія. Это несоотвѣтствіе отражается и на распредѣленіи поземельной собственности. Такъ, напр., въ Минской губ. болѣе возвышенные уѣзды—Новогрудскій, Слуцкій и Минскій заключаютъ отъ 37,6% до 47,1% пахатной земли, тогда какъ въ среднемъ для всей губерніи едва приходится 24,2%, такъ какъ Пинскій уѣздъ заключаетъ 16,4% пашни; еще большую разницу замѣчаемъ въ Смоленской губ.: Бѣльскій уѣздъ ея содержитъ 11,1% пашни, между тѣмъ какъ Сычевскій 44,4%; разница въ томъ и другомъ случаѣ настолько значительная, что нѣтъ возможности разсматривать каждую губернію, какъ одно цѣлое, но нужно въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ раздѣленію на указаные нами районы, болѣе соответствующіе дѣйствительному положенію мѣстности.

Дѣйствительно, обращаясь къ даннымъ, согласно указанному нами раздѣленію Сѣверо-Западнаго края на мѣстности, мы замѣчаемъ, что количество пахатной земли постепенно уменьшается съ переходомъ отъ болѣе плотно населенныхъ мѣстностей (и въ то же время болѣе возвышенныхъ, а слѣдовательно и болѣе удобныхъ къ хлѣбопашеству) къ менѣе плотно населеннымъ. Такъ, на западѣ густо населенная литовская типическая мѣстность заключаетъ въ себѣ весьма значительный процентъ пахатныхъ земель—39,9%, относительное количество пахатныхъ земель съ переходомъ къ мѣстности Пинско-Березинскаго Подлѣсья постепенно уменьшается и въ послѣдней мѣстности оно едва составляетъ 19,7% общаго количества земли. Разность эта весьма значительная, но она происходитъ не вдругъ, а постепенно; переходъ этотъ явно отражается на *переходныхъ* мѣстностяхъ отъ литовской типической къ Пинско-Березинскому Подлѣсью; такъ, въ переходной Бѣловѣжской мѣстности пахатныя земли занимаютъ 31% (429,884 дес.), а въ Минской (Слуцкій, Новогрудскій и Минскій уѣзды) 41,6% (628,857

дес.); отсюда видно, что эти три уѣзда Минской губ. ближе подходятъ къ собственно литовской мѣстности, нежели бѣловѣжская. Обширныя болота, лѣса, множество рѣкъ и проч. и къ тому же еще мало плодородная почва, характеризующіе остальную часть Минской губ., представляютъ весьма мало удобствъ для земледѣлія, такъ что въ Пинско-Березинскомъ Подлѣсьи количество пахатныхъ земель составляетъ 19,7%; при этомъ наименьшій процентъ падаетъ на Пинскій уѣздъ—16,4% и на Мозырскій 16,9%. Къ востоку отъ этой мѣстности, во всей Могилевской губ., части Смоленской (уѣзды Смоленскій, Краснинскій, Рославльскій, Ельнинскій, Дорогобужскій и Духовичинскій) и къ сѣверо-востоку въ части Витебской (уѣзды Лепельскій, Невельскій, Городокскій, Полодкій, Себежскій и Витебскій) поверхность снова повышается и плотность населенія увеличивается (въ Пинско-Березинскомъ Подлѣсьѣ 761 чел. на 1 кв. милью, а въ Бѣлорусскомъ 1,500 чел.), а потому и относительное количество пахатныхъ земель увеличивается до 29,4% (2,871,381 дес.), а на самой восточной окраинѣ Сѣверо-Западнаго края, въ *Вяземской* мѣстности, оно достигаетъ 41,5%, что составляетъ уже переходъ къ московской центральной области.

Сѣверныя части находятся далеко не въ лучшихъ условияхъ; напротивъ, условия для земледѣлія тамъ настолько хуже, что въ мѣстности, названной нами Подлѣсьемъ верховьевъ Западной Двины, пахатныя земли едва достигаютъ 14,7%, а въ Инфлянцкой—20,7%.

Считаемъ не лишнимъ привести всѣ эти данныя въ сводной таблицѣ:

Мѣстности.	Общее количество земли.	Пахатной.	Проценти. отношенія.
Литовская типическ.	8.545,455 дес.	3.408,279 дес.	39,9%
Бѣловѣжская	1.338,257 „	422,884 „	29%
Пинско-Берез. Подлѣсье	6.025,342 „	1.189,755 „	19,7%
Минская	1.511,123 „	628,857 „	41,6%
Бѣлорусск. Пол.	8.044,419 „	2.374,381 „	29,5%
Пол. верх. Зап. Двини.	1.650,170 „	242,515 „	14,7%
Инфлянцкая	1.432,371 „	396,621 „	20,7%
Вяземская	1.199,825 „	494,197 „	41,5%

Площадь лѣсовъ, луговъ и выгоновъ, а также и неудобной земли находится въ полной зависимости отъ относительнаго количества площади пахатныхъ земель. Такъ, въ Литовской типической мѣстности, съ преобладающимъ количествомъ пахатной земли, лѣсная площадь занимаетъ 24,5%, а луга и выгоны тоже 24,5%, остальные же около 11% составляетъ неудобная земля. Въ переходной Бѣловѣжской мѣстности лѣса занимаютъ 29% (415,548 дес.), въ Минской 25,6% (382,694 дес.), а въ Пинско-Березинскомъ Подлѣсьи 41,6% (25,041,988 д.). Однако по относительному количеству лѣсной площади эта мѣстность должна считаться на 2-мъ мѣст: первая въ этомъ отношеніи—Подлѣсье верховьевъ Западной Двины, гдѣ при-

ходится 51% лѣсной площади (842,573 дес.). Менѣ всего лѣсу, конечно, въ западныхъ окраинахъ и восточныхъ: въ Литовской типической мѣстности—24,5% и въ Вяземской 24%¹⁾.

Остальное пространство поземельной собственности состоитъ изъ луговъ, выгоновъ и неудобной земли. Какъ мы уже замѣтили, площадь луговъ въ общемъ занимаетъ 19,5% всей поверхности Сѣверо-Западнаго края, а неудобная земля 16,5%; въ частности колебанія по мѣстностямъ бываютъ весьма значительны; такъ, въ типической Литовской мѣстности луга занимаютъ 24,5%, а неудобная земля лишь около 11%, тогда какъ въ Пинско-Березинскомъ Подлѣсьи луговъ 12%, а неудобной земли 26,5%, менѣ всего неудобной земли въ Минской мѣстности, 5,8% ея пространства.

Обратимся теперь къ даннымъ, указывающимъ распределение поземельной собственности между различными группами населенія.

Отличительною чертою Сѣверо-Западнаго края является крупное землевладѣніе. Частнымъ личнымъ собственникамъ принадлежитъ въ край 53,2% всей поземельной собственности; остальное пространство распределяется между крестьянами, которымъ принадлежитъ 10,623,172 десятины, или около 37,3%, казною (немного менѣ 8%), церкви принадлежатъ 0,66% всей земли (въ томъ числѣ церквамъ 173,148 десятины или монастырямъ 17,552 дес.); остальные земли, въ количествѣ около 0,84%, принадлежатъ городамъ, различнымъ обществамъ и проч.

Разматривая данныя о частной поземельной собственности въ частности по губерніямъ, можно замѣтить, что и тутъ преимущество находится на сторонѣ западныхъ губерній, Виленской, Гродненской и Ковенской; въ первой изъ нихъ частная собственность составляетъ 46,9%, во второй 40%, а въ послѣдней 48,6%, а въ общемъ по тремъ губерніямъ 45% (4.332,000 дес.) всей земли. Въ то же время относительное количество крестьянскихъ земель увеличивается до 45%, т. е. гораздо выше указанной нами средней нормы для всего края. Въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ вла-

1) Приводимъ данныя о количествѣ лѣсовъ по мѣстностямъ:

Мѣстности.	Количество лѣсовъ площ.	% къ общ. числу дес. мѣств.
Литовская типическая . . .	2.107,824 д.	24,5%
Пинско-Береа. Подлѣсье . . .	2.504,988 "	41,6%
Бѣловѣжская	415,548 "	29,9%
Минская	382,694 "	25,6%
Бѣлорусское Подлѣсье . . .	2.980,839 "	37,4%
Подлѣс. верх. Зап. Дв.	842,573 "	51,4%
Ипфляндская	472,922 "	33,9%
Вяземская	287,052 "	24,0%

дѣльческая собственность является преобладающею: въ Минской губ. она составляетъ 60,7% всей земли, въ Могилевской губ. 57%, въ Витебской губ. 55% и въ Смоленской губ. 53,9%, что въ среднемъ составитъ 57%. Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ большое различіе относительнаго количества земель въ частной собственности между первую группу губерній и вторую: въ частности же въ первой группѣ рѣзко выдѣляется Гродненская губ., гдѣ эти земли составляютъ 40% и Ковенская губ. (48,6%); разница эта происходитъ, повидимому, отъ того, что въ Гродненской губ. весьма значительна процентъ казенной земли (до 480 тыс. дес.), именно 16%, чего не замѣчается ни въ какой другой губ. Сѣверо-Западнаго края; въ ней же наибольшій процентъ (2%) земель въ собственности церкви, кампаний (въслѣдствіе развитія фабрично-заводской промышленности) и другихъ учреждений. Въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ частная поземельная собственность распределяется съ менѣ замѣтной разницей; она является сильно преобладающею въ Минской губ. (60,7) и менѣ преобладающею въ Смоленской (53,9%). Однако, распределение ея по уѣздамъ въ первой изъ нихъ значительно видоизмѣняется; такъ, въ Игуменскомъ уѣздѣ количество частной поземельной собственности восходитъ до 73,3%, а наименѣе въ Борисовскомъ нисходитъ до 52,9%; разница, какъ мы видимъ, настолько значительная, что средняя цифра не можетъ служить достаточно вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительнаго распределения собственности. Тоже мы замѣчаемъ и относительно другихъ губерній: въ Оршанскомъ уѣздѣ, Могилевской губ., 64,5% находится въ частномъ владѣніи, а въ Горецкомъ всего лишь 43,3%, въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губ., 71,9%, а въ Сычевскомъ лишь 35,1% и т. д. Раздѣленіе по принятымъ нами мѣстностямъ въ данномъ случаѣ не можетъ установить болѣе или менѣ соответствующей средней цифры, такъ какъ размѣръ частной поземельной собственности во многомъ часто зависитъ отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Притомъ не столько важно для страны само количество частной поземельной собственности, какъ размѣръ ея во владѣніи отдѣльныхъ собственниковъ; важно также, насколько размѣръ частной собственности вліяетъ на крестьянское хозяйство, принимая во вниманіе не абсолютное количество крестьянскихъ земель, но размѣръ ихъ на каждый дворъ или душу. Къ этимъ вопросамъ мы еще обратимся.

Разсмотримъ составъ земель, находящихся въ частной собственности. Въ общемъ составѣ владѣльческихъ земель Сѣверо-Западнаго края заключаютъ въ себѣ около 12.420,124 дес. удобной земли, или до 80% всей земли, остальные 20% считаются неудобною. Количество пахатныхъ земель весьма незначительно, всего около 18,4% (2.851,498 дес.). За то лѣсная площадь владѣльческихъ земель составляетъ почти половину ихъ зе-

мель, 47,1% или 7.320,656 дес., что составит почти 73,5% всѣхъ лѣсовъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ частности по губерніямъ данныя эти представляютъ не малую разницу.

Наибольшій процентъ пахатныхъ земель приходится въ трехъ западныхъ губерніяхъ Гродненской, Ковенской и Виленской, въ общемъ 34,1% (1.304,349 дес.); изъ нихъ ниже общей нормы въ Ковенской губ. 29,6%, въ Гродненской губ. пахатныхъ земель наиболѣе, именно 38,7%. Въ группѣ остальныхъ четырехъ губерній процентъ пахатныхъ владѣльческихъ земель крайне незначителенъ, въ среднемъ не превышаетъ 18%. Въ частности изъ губерній въ наименѣе благоприятныхъ, въ этомъ отношеніи, условіяхъ находится Смоленская, въ которой пахатныя владѣльческія земли занимаютъ 12,5% всего пространства владѣльческихъ земель; Витебская и Могилевская губерніи находятся въ этомъ отношеніи почти при одинаковыхъ условіяхъ: въ первой изъ нихъ изъ владѣльческихъ земель пахатныя составляютъ 17,5%, а во второй 17,8%; въ Минской этотъ процентъ повышается до 22,1%; послѣднее обстоятельство зависитъ отъ того, что часть ея, какъ мы уже указали, находится совершенно при другихъ условіяхъ, чѣмъ остальные уѣзды; въ этихъ уѣздахъ процентъ пахатной земли почти вдвое выше остальныхъ уѣздовъ; такъ, въ Минскомъ уѣздѣ онъ равенъ 41,6% (63,537 дес.), а въ Новогрудскомъ 35,8%, между тѣмъ какъ въ Рѣчицкомъ лишь 15,9%.

Площадь лѣсовъ и луговъ соответствуетъ большому или меньшему количеству площади пахатныхъ земель. Площадь лѣсовъ на владѣльческихъ земляхъ въ Могилевской, Смоленской и Витебской губ. почти одинакова, именно: въ первой она занимаетъ 68,4% (1228 тысячъ дес.), во второй 67,8% (540,548 дес.) и въ послѣдней 67,4% (1,000 тыс. дес.). Въ остальныхъ четырехъ губ. лѣсная площадь занимаетъ 42,4%. Такимъ образомъ, въ среднемъ для всего Сѣверо-Западнаго края владѣльческая лѣсная площадь занимаетъ 47,1%, или 7.320,656 дес. Луга же занимаютъ почти 9%.

Обратимся теперь къ распредѣленію частной поземельной собственности между владѣльцами. Вообще всѣхъ частныхъ владѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ считается 64,709; они владѣютъ, какъ мы уже указали, 15.132,336 дес. земли, такъ что средней размѣръ имѣній равенъ около 234 дес. земли. Размѣръ этотъ довольно значителенъ и по своей величинѣ онъ превосходитъ Московскую и центральную земледѣльческую области, такъ какъ въ первой на одного владѣльца приходится 86 дес., а во второй 123. По губерніямъ средней размѣръ собственности распространяется далеко не одинаково. Такъ, наименшій средней размѣръ ея въ 95 дес. въ Гродненской губ., тогда какъ наибольшій въ Минской достигаетъ 470 дес. на одного владѣльца ¹⁾. Большой интересъ имѣетъ распредѣленіе

¹⁾ Въ остальныхъ губ.: въ Виленской 181 дес., въ Ковенской 202. въ Витебской 336, въ Могилевской 204 и въ Смоленской 170 десятинъ. (Стат. позем. собств. нас. м. Ц. Ст. К. V).

собственности по размѣрамъ грядѣній на крупную, среднюю и мелкую собственность. Если сочтемъ владѣльцевъ, имѣющихъ собственность, менѣе 100 дес. за мелкихъ собственниковъ, имѣющихъ же не болѣе 1,000 дес. за среднихъ и, наконецъ, имѣющихъ болѣе тысячи за крупныхъ земледѣльцевъ, то окажется, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ: мелкихъ собственниковъ 55,531, которымъ принадлежитъ 1,118 тыс. дес. земли, что на cadaго владѣльца составитъ менѣе 20 дес., среднихъ 10,534, которымъ принадлежитъ 3,557 тыс. дес., что на cadaго человѣка составляетъ по 337 дес., и, наконецъ, крупныхъ владѣльцевъ 2,644; имъ принадлежитъ 10,457,000 дес., т. е. почти $\frac{2}{3}$ всей земли, принадлежащей частнымъ владѣльцамъ, болѣе $\frac{1}{3}$ всей земли въ краѣ; крупные собственники, въ числѣ 2644 лицъ, владѣютъ почти такимъ количествомъ земли, какъ почти 7 миллионноу человѣкъ крестьянъ, которые имѣютъ всего лишь 10,623 тыс. дес., т. е. всего на 200 тыс. дес. болѣе крупныхъ помѣщиковъ; на cadaго такого владѣльца приходится почти 4000 десятинъ. Интересно рассмотреть данныя, указывающія процентное отношеніе числа поземельныхъ собственниковъ мелкихъ, крупныхъ и среднихъ къ общему ихъ числу, а также процентное отношеніе занимаемыхъ ими земель. Для краткости приведемъ слѣдующую таблицу:

Губерніи.	% собственниковъ.			% собственности.		
	Мелкихъ.	Средн.	Крупн.	Мелкой.	Средней.	Крупной.
Витенская	78	18	3	12	32	55
Ковенская	74	23	3	12	36	52
Гродненская	91	7	2	10	29	61
Минская	79	14	7	3	11	86
Витебская	72	21	7	5	22	73
Могилевская	84	11	5	7	20	73
Новогрудская	79	18	3	9	35	56

Тѣ же данныя гораздо опредѣлительнѣе выражаютъ характеръ земледѣнія, если мы сгруппируемъ ихъ по принятымъ нами мѣстностямъ:

Мѣстности.	% собственниковъ.			% собственности.		
	Мелк.	Средн.	Крупн.	Мелк.	Средн.	Крупн.
Литовская	83	15	2	12	34	54
Вѣловжская	79	17	4	6	26	68
Вѣлорусское Полясье	80	15	5	8	28	64
Пинскъ-Берез. Пол.	80	13	7	2	8	90
Минская мѣстн.	76	19	5	7	22	71
Иплянская	66	24	10	3	14	83
Вилзская мѣстн.	86	12	2	7	33	59
Пол. верх. Зап. Двин.	76	18	6	8	27	66

Изъ этой таблицы ясно видно, что преобладающій характеръ земледѣнія—крупная поземельная собственность; процентъ мелкой и даже

средней собственности вообще крайне незначителен; он повышается только в Литовской типической местности вследствие развития в ней имений мелкопоместной шляхты.

Разсмотрим теперь условия крестьянского землевладения.

Крестьянскому сословию Северо-Западного края принадлежит около $\frac{1}{3}$ всей земли, именно 10.623,000 десят. В частности по губерниям крестьянская собственность является преобладающею в западных губерниях: Виленской, Ковенской и Гродненской, где процентное отношение ее выше среднего для всего края, именно: в первой крестьянские земли занимают около 41%, во второй около 45% и в последней до 42%. Почти в таком же отношении находится и Смоленская губерния, в которой крестьянские земли составляют 43%. Процент крестьянских земель в рассмотренных нами губерниях, как мы видим, не велик, если принять во внимание численность крестьянского сословия. Однако же, в остальных трех губерниях относительная численность крестьянских земель еще незначительнее; из них в Минской она исходит до 26%, в Витебской 37%, в Могилевской 39%.

Если рассматривать те же данные по местностям, то замечаем значительную разницу в распределении крестьянских земель: в типической литовской местности крестьянские земли составляют 44% всей земли; число это постепенно понижается в Пинско-Березинском Полесье, где, как мы видели, особенно развито крупное землевладение; так в Бельвизской местности крестьянские земли составляют 37%, в Минской 36%, а в Пинско-Березинском Полесье едва достигают 26%. К востоку от последнего замечаем снова увеличение крестьянских надельных земель — в Бѣлорусском Полесье они составляют 40%, а на восточной окраине, в Вяземской местности, достигают наибольшей относительной величины 55%. В местности Полесья верховьев Западной Двины 36% и в Инфляндской местности 37%.

Что касается до состава земель, принадлежащих крестьянам, то пахатные земли составляют преобладающую часть крестьянских владений. Им принадлежат до 6.195,536 десятин пахатных земель, что составляет 58,3% всей земли, обладаемой ими, или 21,8% всех земель Северо-Западного края, или ок. 68% всей пахатной земли. Таким образом, оказывается, что крестьяне, обладая лишь 37,3% всей поземельной собственности, одной пахатной земли имеют 21,8% всего пространства, или 68% всей пахатной земли, и следовательно, процент разработанной крестьянской земли несравненно выше поместичьей. За то несомненно должен быть чувствителен в крестьянском хозяйстве недостаток лесов, выгонов и лугов. В этом отношении луга занимают второе по пространству место среди крестьянских владений, именно около 2.155,000

дес., или 20,4% всех крестьянских земель. Леса и выгоны занимают почти одинаковую площадь, именно по 8% (леса около 874 тыс. дес., выгоны около 857 тыс. дес.), остальное пространство поземельной собственности признается неудобной.

Таким образом, количество лугов в сравнении с остальной собственностью можно признать достаточным, но леса решительно мало; при этом крестьянские леса большей частью дровяные, строевой лес в них чрезвычайная редкость.

Чтобы лучше выяснить отношение различных составных частей крестьянской поземельной собственности, с разделением ее на губернии и местности, представим процентное отношение различных угодий в следующей таблице:

% отношение к общему числу крестьянских земель:

Губернии:	% пахат. земли.	% лугов.	% выгонов.	% лесов.
Витебская	57	22	7	8
Смоленская	58	22	3	12
Могилевская	58	18	5	14
Минская	57	19	9	10
Гродненская	65	16	12	2
Виленская	66	18	9	2
Ковенская	61	27	12	2
В среднем	58%	20%	8%	8%

Группируя те же данные по принятому нами разделению на местности, получим следующие выводы:

% отношение к общему числу крестьянских земель:

Местности.	% пахат. земли.	% лугов.	% выгонов.	% лесов.
Литовская типическая	60	20	13	2
Пинско-Берез. Пол.	58	21	10	14
Бельвизская	59	23	13	1
Минская	69	16	10	3
Бѣлорусское Полесье	58	16	4	11
Пол. верх. Зап. Двины	39	23	3	23
Инфлянтская	58	25	11	2
Вяземская	56	22	4	5

Данные эти могут несколько уяснить, насколько природные условия благоприятствуют разработке пахатных земель: процент их в Полесье верховьев Западной Двины, вследствие крайне неблагоприятных условий местности, незначителен, тогда как в Литовской типической местности

онъ довольно высокъ. Кромѣ первыхъ изъ этихъ мѣстностей въ остальныхъ пахатныхъ земли составляютъ большую половину крестьянскихъ земель. Относительное количество луговой площади въ общемъ должно быть достаточно, но лѣсная площадь занимаетъ весьма малое пространство и въ Вѣловѣжской мѣстности нисходитъ до 1%.

Чтобы уснить окончательно характеръ крестьянскаго землевладѣнія въ нашемъ краѣ, обратимся къ даннымъ о пользованіи землей каждой единицей крестьянскаго сословія.

Крестьянское сословіе по своей численности составляетъ значительную часть населенія Сѣверо-Западнаго края, именно до 2.901 тыс. челоѣкъ. Оно составляетъ 13.012 сельскихъ обществъ, обнимающихъ 69.977 селеній, такъ что каждое крестьянское общество, заключающа въ среднемъ болѣе 5 селеній, состоитъ почти изъ 530-ти душъ обоого пола и владѣтъ 816,4 дес. земли, которая по угодіямъ распредѣляется слѣд. образ.: пахатной земли 476,1 дес., луговъ 166 дес., выгоновъ 66 дес., лѣсной площади почти столько же—67 дес.; остальная земля признается неудобной.

Число обществъ и среднее количество составляющихъ его душъ выражается по губерніямъ въ слѣдующихъ данныхъ:

Губернія.	Число крестьянскихъ обществъ.	Населеніе об. пола.
Витебская	1020	867
Смоленская	4134	266
Могилевская	1934	518
Минская	1647	679
Гродненская	2319	380
Виленская	984	887
Ковенская	983	1025

Особенно интересно прослѣдить, какъ распространены различныя составныя части поземельной собственности по обществамъ. Обращаясь къ этому рода даннымъ можно представить распредѣленіе угодій на крестьянскія земли въ слѣдующемъ видѣ:

Одному крестьянскому обществу (наличный составъ см. выше) принадлежатъ:

	Количество земли въ десятинахъ:			
	Пахатн.	Луговъ.	Выгоновъ	Лѣсн. площади.
Витебской	743	284	97	102
Смоленской	241	99	14	55
Могилевской	457	130	37	104
Минской	678	221	111	117
Гродненской	361	90	69	10
Ковенской	577	409	177	34
Виленской	897	240	134	21

Таблица эта показываетъ, что земельныя угодія въ различныхъ частяхъ края раздѣлены совершенно не равномерно; такъ въ Виленской губ., при 897 дес. пахатной земли, находящейся во владѣніи каждого крестьянскаго общества, луговой площади находится всего 240 дес., а лѣсной лишь 21, тогда какъ въ Витебской, при 743 дес. пахатной земли считается 284 дес. луга и 102 дес. лѣсу; мѣжду тѣмъ, средняя цифра населенія каждого виленскаго общества (887 челоѣкъ) даже болѣе витебскаго (867 челоѣ.) и т. д.

Вообще, при довольно равномерномъ распредѣленіи относительнаго количества пахатныхъ земель, распредѣленіе остальныхъ угодій крайне неравномерно и должно весьма неблагоприятно отзываться на благосостояніи крестьянскаго хозяйства.

Нужно замѣтить, что этотъ недостатокъ, если разсматривать его по принятымъ нами мѣстностямъ, оказывается еще чувствительнѣе. Такъ, хотя каждое общество Минской губ., состоящее, какъ мы указали, изъ 679 челоѣкъ, при 1112 дес. всей земли, владѣтъ въ общемъ 117 дес. лѣсу, но въ одной части ея, въ Пинско-Березинскомъ Польсѣи, каждое крестьянское общество изъ 523 челоѣкъ, при 1062 дес. всей земли, владѣтъ 145,4 лѣсу, а въ другой Минской мѣстности, при 1235 дес. земли, которыми владѣтъ каждое крестьянское общество изъ 966 челоѣкъ, состоитъ подъ лѣсомъ всего 34,9 дес. Данныя этого рода весьма интересны; мы приведемъ, для краткости, сводную ихъ таблицу:

Каждое крестьянское общество владѣтъ десятинами:

Мѣстности.	Число крестьянскихъ обществъ.	Число душъ об. пола на 1 крестьян. общ.	Всей земли.	Луговъ.	Выгоновъ.	Лѣса.
Литовская типическая	3527	684	1017	209	136	23
Вѣловѣжская	759	436	652	139	89	7,5
Пинско-Берез. Польсье	1221	523	1062	222,8	104	145,4
Минская	426	966	1235	206	131	34,3
Бѣлорусское Пол.	435	600	638	124	30,1	82
Пол. верхов. Зап. Дв.	1025	252	492	26,6	15,6	114
Инфлинская	309	1194	1629	431	183,6	50
Вяземская	1319	317	485	109	17,4	24

Сравненіи приведенныхъ нами данныхъ о количествѣ десятины въ количествомъ ихъ владѣльцевъ уже показываютъ, что земли далеко, въ общемъ, недостаточно для населенія; недостатокъ этотъ является еще рѣзче, если мы разсмотримъ данныя о количествѣ крестьянской поземельной собственности по отношенію къ каждому отдѣльному представителю сословія.

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что на одну душу обоого пола приходится всей земли 1,54 дес., а пахатной лишь 0,89 дес. Такимъ образомъ

надѣль на каждую душу обоего пола, въ общемъ, весьма незначительнъ; но въ нѣкоторыхъ частяхъ рассматриваемаго нами края онъ еще менѣе. Болѣе значительнымъ онъ оказывается въ губернныхъ менѣе плотно-населенныхъ, и наоборотъ.

Вотъ данныя о количествѣ всей и пахатной земли на каждую душу обоего пола наличнаго населенія:

	Число десятинъ на душу обоего пола:	
	всей	пахатной.
Минская	1,73	1,06
Смоленская	1,73	0,90
Виленская	1,54	0,97
Могилевская	1,51	0,88
Гродненская	1,45	0,94
Ковенская	1,44	0,74
Витебская	1,29	0,75

IV.

Сельское хозяйство.

Рассмотрѣвши условія земледѣлія въ Северо-Западномъ краѣ, безытерносно будетъ взглянуть, какъ отзывается на странѣ выше ослѣдованное распредѣленіе поземельной собственности.

Земледѣліе является почти единственною отраслью сельскаго хозяйства. Хотя по количеству луговъ и выгоновъ край занимаетъ довольно удобное положеніе, но скотоводство крайне не развито и едва ли удовлетворяетъ нуждамъ мѣстнаго населенія. Такъ, напримѣръ, въ Минской губерніи въ 1886 году числилось всего рогатаго скота 646,169 штукъ, лошадей 246,131, простыхъ овецъ 462,169 штукъ и т. д.; конечно, такое количество скота для болѣе чѣмъ полумилліоннаго населенія губерніи весьма незначительно и, пожалуй, не удовлетворяетъ мѣстнымъ нуждамъ, если принять во вниманіе, что скотъ, особенно рогатый, весьма плохихъ породъ.

Съ другой стороны, и фабричная промышленность, кромѣ Гродненской губерніи, незначительна, сосредоточивается почти исключительно въ центральныхъ городахъ, а потому сельскій людъ и тутъ не можетъ найти себѣ заработка.

Въ виду этого, земледѣліе представляется не только важнѣйшею отраслью экономическаго благосостоянія страны, но и единственнымъ источникомъ народнаго богатства.

Приступая къ изложенію состоянія нашего земледѣлія, мы ограничимся только изложеніемъ результатовъ сельскаго хозяйства за прошлый годъ, съ указаніемъ, насколько результаты эти удовлетворяютъ нуждамъ населенія.

Прошлый 1887 годъ былъ болѣе счастливымъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи: согласно даннымъ, опубликованнымъ Центральнымъ статистическимъ комитетомъ, урожай этого года повсемѣстно почти въ Россіи далъ блестящій результатъ; такъ, рожь дала средній урожай самъ — 5,2, озимая пшеница 7,5, яровая пшеница 5,0, ячмень 5,6, овесъ 4, гречиха 2,9 и картофель 4,8. Урожайный годъ отразился благоприятно и въ нашемъ краѣ: рожь дала наивысшій урожай, въ среднемъ, самъ — 5,8, озимая пшеница — 5,6, яровая пшеница — 5,1, ячмень — 4,4 и наименьшій урожай дала овесъ — самъ 3,6, а картофель почти самъ — 5,4. Такія высокія цифры средняго урожая, при малоплодородной почвѣ, составляютъ явленіе исключительное, такъ какъ средній обыкновенный урожай рѣдко въ общемъ превосходить самъ 3.

Вообще, въ семи губернныхъ было собрано ржи озимой и яровой 12 008,727 четвертей, пшеницы 669,709 четвертей, овса 8,342,800 четвертей, ячменя 2,917,402 четверти и картофеля 19,849,660 четвертей. Большая часть сбора приходится на земли, принадлежащія крестьянамъ, такъ какъ они, какъ мы уже указали, владѣютъ значительною частью всей пахатной земли; крестьяне, почти безъ исключеній, пользуются трехпольною системою обработки земли, тогда какъ у помѣщиковъ, особенно крупныхъ, преобладаетъ четырехпольная система и даже многопольная.

Такъ, на крестьянскихъ земляхъ было собрано:

	количество	или	процента	всего сбора.
Озимой и яровой ржи	8,299,798	четвертей,	или	69,1%
Озимой пшеницы	244,983	"	"	54,3%
Яровой пшеницы	244,983	"	"	78,5%
Овса	5,715,200	"	"	68,2%
Ячменя	1,991,804	"	"	68,3%
Картофеля	9,367,473	"	"	73%

При этомъ нужно замѣтить, что въ среднемъ владѣльческія земли даютъ болѣе широкій урожай, чѣмъ крестьянскія; это происходитъ потому, что крестьянскія земли менѣе удобряются и притомъ болѣе истощены трехпольною системою. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, для примѣра, средній урожай ржи на одну десятину крестьянской и владѣльческой земли, по губерннымъ:

Губерніи.	Средній урожай на 1 дес.		Средній посѣвъ на 1 дес.	
	На владѣльч. землѣ	На крестьян. землѣ.	На владѣльч. землѣ	На крестьян. землѣ.
	Четвертей.	М	р	з.
Виленская	4,3	3,3	7,0	7,5
Витебская	4,8	4,0	4,8	8,3
Гродненская	4,8	4,2	7,0	6,9

Ковенская	6,6	5,3	8,8	8,6
Минская	4,1	3,8	7,2	7,2
Могилевская	4,2	3,9	8,5	8,5
Смоленская	6,0	5,0	10,1	10,8

Эти данные показывают, что почти при одинаковом среднем посеве на крестьянской и владьческой землѣ, урожай на землѣ послѣднихъ гораздо выше первыхъ, какъ мы видимъ въ Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской губ.; или же даже при меншемъ посевѣ на владьческой землѣ, урожай на ней получается болѣе, чѣмъ на крестьянской, какъ въ губ. Смоленской, Витебской; въ Ковенской губ. посевъ на крестьянской землѣ только на 0, 2 мѣры меньше владьческой, но зато сборъ у владьцевъ больше, чѣмъ у крестьянъ на 1, 3 четверти. Тоже самое мы замѣчаемъ и относительно другихъ хлѣбныхъ растений.

Особенно сильно отражается истощенность крестьянской земли на посевѣ пшеницы; такъ, напримеръ, въ Витебской губерніи средней посевъ озимой пшеницы на крестьянской землѣ равенъ 9 мѣрамъ, на владьческой 8,1, а между тѣмъ сборъ въ первомъ случаѣ составляетъ лишь 3,8 четвер. съ десятины, а во второмъ 5,6; въ Ковенской губ., при 8,5 мѣрахъ посева, крестьяне получаютъ 6,4 четверти того же зерна, а владьцы, при 8,2 мѣрахъ посева, собираютъ 7,2 четверти на десятину; въ Гродненской губерніи крестьяне сѣяли 7,2 мѣры озимой пшеницы, а владьцы 6,9, но первые получили только 4,8 четверти, а вторые—5,4. Такое же колебаніе замѣтно и относительно другихъ хлѣбовъ, хотя не столь рѣзко. Такимъ образомъ, совокупность этихъ данныхъ доказываетъ, что качество владьческой земли несравненно лучше крестьянской; крестьянская земля сравнительно съ владьческой значительно истощена и для растеній, требующихъ хорошей почвы, какъ пшеница, она даетъ, даже при значительномъ урожаѣ прошлаго года, весьма ничтожный результатъ. Отсюда вытекаетъ важное слѣдствіе, что почва крестьянскихъ полей не способна производить дорогого въ торговлѣ растенія—пшеницы, что должно отзываться крайне невыгодно на крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ какъ имъ приходится сѣять на своихъ поляхъ менѣ цѣнные растенія; съ другой стороны, вообще, въ случаѣ неурожая, тягость его всецѣло должна отозваться на крестьянахъ, такъ какъ у нихъ земли недостаточно и она малоплодородна.

Вообще, какъ недостатокъ земли, такъ и ея малоплодородность весьма неблагоприятно отзываются на благосостояніи крестьянскаго сословія. Такъ, не смотря даже на то, что прошлый годъ далъ особенно блестящій результатъ, который случается только въ нѣсколько лѣтъ, даже и послѣ такого года нельзя признать вполне обеспеченнымъ наше крестьянство отъ недостатка въ хлѣбѣ, отъ того, что оно вмѣсто ржи будетъ потреблять менѣ питательное вещество картофель и проч. Такъ, на настоящій годъ, не смо-

трян на хороший урожай, по расчету, не хватаетъ для продовольствія населенія важнѣйшаго продукта—ржи. Если примемъ на каждую душу населенія въ среднемъ по одной четверти ржи, $\frac{1}{2}$ четверти остальныхъ хлѣбовъ и 2 мѣры картофеля¹⁾ на продовольствіе въ продолженіе года, принявъ при этомъ во вниманіе количество, нужное для обезпеченія на слѣдующій годъ (предполагая размѣръ посева прошлаго года), то окажется, что на этотъ годъ *ржи не хватило* для населенія 441,255 четвертей, или 4,58% количества ржи нужнаго для продовольствія населенія.

Недостатокъ этотъ долженъ пополниться или прикупкою на сторонѣ, или болѣе усиленнымъ употребленіемъ прочихъ хлѣбныхъ продуктовъ и картофеля.

Недостатокъ во ржи распространяется только на пять губер. Сѣверо-Западнаго края, въ слѣдующемъ размѣрѣ (за вычетомъ количества нужнаго на обмененіе): въ Могилевской губ. недостаетъ 239,070 четвертей или 19% колич.,

въ Витебской губ.	47,209	четвертей или	19%	колич.
„ Виленской „	144,531	„	11,4%	„
„ Минской „	66,399	„	3,9%	„
„ Гродненской	37,285	„	2,7%	„

Въ остальныхъ двухъ губерніяхъ, Ковенской и Смоленской оказывается излишекъ ржи: въ первой на 84,053 четверти, во второй на 209,186. Кромѣ того здѣсь не принято во вниманіе, что извѣстное количество ржи ежегодно потребляется винокуренными заводами.

Недостатокъ ржи восполняется или прикупкою ея, взамѣнъ остатка отъ прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, или же болѣе большимъ потребленіемъ картофеля или другихъ хлѣбовъ; кромѣ того, многіе изъ малоземельныхъ крестьянъ арендуютъ земли у сосѣднихъ помѣщиковъ.

Что касается сбора остальныхъ хлѣбовъ, то онъ оказывается для настоящаго года благоприятнымъ на столько, что даетъ чистый остатокъ (за вычетомъ на обмененіе и продовольствіе по $\frac{1}{2}$ четверти на душу), почти въ 3,845 тыс. четвертей, которыя по губерніямъ распределяются слѣдующимъ образомъ:

Въ Смоленской губерніи остается	Четвертей.
„ Ковенской „	1,294,822
„ Могилевской „	544,353
„ Минской „	505,115
„ Витебской „	409,870
„ Гродненской „	186,940
„ Виленской „	101,047

1) Такой расчетъ принимается и центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Ковенская	6,6	5,3	8,8	8,6
Минская	4,1	3,8	7,2	7,2
Могилевская	4,2	3,9	8,5	8,5
Смоленская	6,0	5,0	10,1	10,8

Эти данные показывают, что почти при одинаковом среднем посеве на крестьянской и владьельческой землѣ урожай на землѣ послѣднихъ гораздо выше первыхъ, какъ мы видимъ въ Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской губ.; или же даже при меншемъ посевѣ на владьельческой землѣ, урожай на ней получается болѣе, чѣмъ на крестьянской, какъ въ губ. Смоленской, Витебской; въ Ковенской губ. посевъ на крестьянской землѣ только на 0, 2 мѣры меньше владьельческой, но за-то сборъ у владьельцевъ больше, чѣмъ у крестьянъ на 1, 3 четверти. Тоже самое мы замѣчаемъ и относительно другихъ хлѣбныхъ растеній.

Особенно сильно отражается истощенность крестьянской земли на посевѣ пшеницы; такъ, напримѣръ, въ Витебской губерніи средній посевъ озимой пшеницы на крестьянской землѣ равенъ 9 мѣрамъ, на владьельческой 8,1, а между тѣмъ сборъ въ первомъ случаѣ составляетъ лишь 3,8 четвер. съ десятины, а во второмъ 5,6; въ Ковенской губ., при 8,5 мѣрахъ посева, крестьяне получаютъ 6,4 четверти того же зерна, а владьельцы, при 8,2 мѣрахъ посева, собираютъ 7,2 четверти на десятину; въ Гродненской губерніи крестьяне сѣяли 7,2 мѣры озимой пшеницы, а владьельцы 6,9, но первые получили только 4,8 четверти, а вторые—5,4. Такое же колебаніе замѣтно и относительно другихъ хлѣбовъ, хотя не столь рѣзко. Такимъ образомъ, совокупность этихъ данныхъ доказываетъ, что качество владьельческой земли несравненно лучше крестьянской; крестьянская земля сравнительно съ владьельческой значительно истощена и для растеній, требующихъ хорошей почвы, какъ пшеница, она даетъ, даже при значительномъ урожаѣ прошлаго года, весьма ничтожный результатъ. Отсюда вытекаетъ важное слѣдствие, что почва крестьянскихъ полей не способна производить дорогого въ торговлѣ растенія—пшеницы, что должно отзываться крайне невыгодно на крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ какъ имъ приходится сѣять на своихъ поляхъ менѣе цѣнные растенія; съ другой стороны, вообще, въ случаѣ неурожая, тягость его всецѣло должна отзываться на крестьянахъ, такъ какъ у нихъ земли недостаточно и она малоплодородна.

Вообще, какъ недостатокъ земли, такъ и ея малоплодородность весьма неблагоприятно отзываются на благосостояніи крестьянскаго сословія. Такъ, не смотря даже на то, что прошлый годъ далъ особенно блестящій результатъ, который случается только въ нѣсколько лѣтъ, даже и послѣ такого года нельзя признать вполне обезпеченнымъ наше крестьянство отъ недостатка въ хлѣбѣ, отъ того, что оно вмѣсто ржи будетъ потреблять менѣе питательное вещество картофель и проч. Такъ, на настоящій годъ, не смо-

три на хороший урожай, по расчету, не хватаетъ для продовольствія населенія важнѣйшаго продукта—ржи. Если примемъ на каждую душу населенія въ среднемъ по одной четверти ржи, 1/2 четверти остальныхъ хлѣбовъ и 2 мѣры картофеля¹⁾ на продовольствіе въ продолженіе года, принявъ при этомъ во вниманіе количество, нужное для обмененія на слѣдующій годъ (предполагая размѣръ посева прошлаго года), то окажется, что на этотъ годъ ржи не хватило для населенія 441,255 четвертей, или 4,58% количества ржи нужнаго для продовольствія населенія.

Недостатокъ этотъ долженъ пополниться или прикупою на сторонѣ, или болѣе усиленнымъ употребленіемъ прочихъ хлѣбныхъ продуктовъ и картофеля.

Недостатокъ во ржи распространяется только на пять губер. Сѣверо-Западнаго края, въ слѣдующемъ размѣрѣ (за вычетомъ количества нужнаго на обмененіе): въ Могилевской губ. недостаетъ 239,070 четвертей или 19% колич.,

въ Витебской губ.	47,209	четвертей или	19%	колич.
„ Виленской „	144,531	„	11,49%	„
„ Минской „	66,399	„	3,9%	„
„ Гродненской	37,285	„	2,7%	„

Во остальныхъ двухъ губерніяхъ, Ковенской и Смоленской оказывается излишекъ ржи: въ первой на 84,053 четверти, во второй на 209,186. Кроме того здѣсь не принято во вниманіе, что извѣстное количество ржи ежегодно потребляется винокуренными заводами.

Недостатокъ ржи восполняется или прикупою ея, взаменъ остатка отъ прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, или же болѣе большимъ потребленіемъ картофеля или другихъ хлѣбовъ; кроме того, многіе изъ малоземельныхъ крестьянъ арендуютъ земли у сосѣднихъ помѣщиковъ.

Что касается сбора остальныхъ хлѣбовъ, то онъ оказывается для наступающаго года благоприятнымъ на столько, что даетъ чистый остатокъ (за вычетомъ на обмененіе и продовольствіе по 1/2 четверти на душу), почти въ 3,845 тыс. четвертей, которыя по губерніямъ распределяются слѣдующимъ образомъ:

		Четвертей.
Въ Смоленской губерніи остается		1.294,822
„ Ковенской „		795,442
„ Могилевской „		544,353
„ Минской „		505,115
„ Витебской „		409,870
„ Гродненской „		186,940
„ Виленской „		101,047

1) Такой расчетъ принимается и центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Почти $\frac{2}{3}$ настоящего остатка приходится на долю крестьянских земель, именно 2.506,977 четвертей; этот остаток, хотя неравномерно, падает на 6 губерний, и только в одной Виленской недостает в общей сложности 4,002 четвертей, в остальных губерниях остаток отъ сбора на крестьянских землях распределяется следующим образом:

	Остается четвертей.	Чистый остаток на одну душу четвертей.
Въ Смоленской	1,050,471	0,95
„ Ковенской	412,258	0,41
„ Могилевской	359,596	0,36
„ Витебской	304,237	0,34
„ Минской	285,052	0,27
„ Гродненской	95,993	0,11

Въ среднемъ остатокъ для всего края составитъ 0,36 четверти на душу.

Теперь обратимся еще къ весьма важному продукту нашего сельского хозяйства—картофелю. Урожай прошлаго года составляетъ 12.849,660 четвертей. Если положимъ на годовое продовольствие на 1 душу по двѣ мѣры его, то получится, за вычетомъ посѣва, чистый остатокъ въ 7.368,631 четверть, что въ общемъ дастъ на одну душу 0,77 четвертей.

Кромѣ продовольствія населенія, известная часть хлѣба и картофеля уходитъ на винокуренные заводы; такъ, въ Минской губ. они потребляютъ ежегодно до 811 тысяча четвертей озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ и 656,749 четвертей картофеля, въ Гродненской 290,484 четверти озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ и 712,679 четвертей картофеля¹⁾.

Изъ обзора данныхъ о состояннн урожая за прошлый годъ, мы видимъ, что, не смотря на то, что почти всѣ силы страны устремлены на добываніе сельскохозяйственныхъ продуктовъ, ихъ все-таки добывается недостаточно, даже для мѣстнаго населенія, хотя прошлогодній урожай былъ изъ наиболѣе выдающихся. Въ виду этого и центральный статистическій комитетъ призналъ половинъ Сѣверо-Западнаго края не обеспеченнымъ на настоящей годъ въ продовольственномъ отношеніи: изъ 66 уѣздовъ, составляющихъ край, 32 признаны имъ не обеспеченными, а именно: въ Витебской губ. 10 (всѣхъ уѣздовъ 12), въ Минской губ. 7 (всѣхъ 11), въ Виленской губ. 5 (всѣхъ 7), въ Гродненской губ. 3 (всѣхъ 11), въ Смоленской губ. 3 (всѣхъ 11), въ Ковенской губ. 2 (всѣхъ 7) и въ Могилевской губ. 2 (всѣхъ 9). Такимъ образомъ, нѣтъ губерніи, которая могла бы вполне прокормить себя даже въ самый урожайный годъ. Недостатокъ въ хлѣбѣ больше всего, конечно, отъзывается на земледѣльческомъ состояніи, т. е. на крестьянахъ, для которыхъ земледѣліе составляетъ почти единственный источникъ къ жизни.

Мы уже видѣли, что почти 650 тысяча четвертей ржи не хватаетъ крестьянамъ собственно на продовольствіе; остатокъ остальныхъ хлѣбовъ по 0,36 четверти на душу и 0,77 четверти картофеля слишкомъ не великъ, чтобы удовлетворить какъ недостатокъ въ ржаномъ хлѣбѣ, такъ и прочія нужды жителей; другія доходныя статьи крестьянскаго хозяйства, при современномъ его положеніи, крайне незначительны и рѣдко идутъ въ продажу; большую часть онъ съ трудомъ удовлетворяютъ нужды семей; а въ на этотъ, исчисленный нами, незначительный остатокъ крестьянинъ долженъ платить подати, одѣваться, покупать хлѣбъ (по крайней мѣрѣ строевой, но большею частью и дровяной) и пр. Администрация предпринимаетъ заисненія отъ нея мѣры къ тому, чтобы, на случай неурожая, населеніе не осталось въ безвыходномъ положеніи, но мѣры эти, какъ кажется, врядъ ли могутъ оказывать серьезную поддержку: ссуды изъ запасныхъ продовольственныхъ магазиновъ и капиталовъ разрѣшаются къ выдачѣ только въ случаѣ голода, происшедшаго отъ неурожая; поэтому въ настоящемъ году въ большой половинѣ края не предполагалось вовсе выдавать ссуду на обмѣненіе и продовольствіе. Конечно, предусмотрительно приготовленная администраціе помощь зерномъ или денежными ссудами бѣднѣйшимъ крестьянамъ, въ случаѣ неурожайнаго года, положительно необходима, предупреждая разореніе массы земледѣльцевъ.

Устроенные въ нашихъ губерніяхъ запасные продовольственные магазины не могутъ оказать серьезной поддержки населенію, такъ какъ полагаютъ, по официальнымъ счетамъ, самыми скудными средствами. Такъ, во всѣхъ семи губерніяхъ, по счетамъ, числилось въ запасныхъ магазинахъ въ 1887 году 1,549,324 чет. озимаго зерна и 893,831 чет. ярового. Уже само по себѣ это количество весьма незначительно для семи-милліоннаго почти населенія крестьянъ, такъ какъ на продовольствіе и обмѣненіе имъ необходимо ежегодно до 15 милліоновъ четвертей разнаго рода хлѣба. Слѣдовательно, въ случаѣ неурожая, запасные магазины могли бы, если бы дѣйствительно ихъ содержаніе соответствовало официальнымъ отчетамъ, едва удовлетворить шестой части населенія, а между тѣмъ мы видѣли, что даже въ наиболѣе урожайный годъ почти половина Сѣверо-Западнаго края признана не обеспеченною въ продовольственномъ отношеніи и, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ четвертая или пятая часть населенія можетъ обратиться въ магазины за ссудами на обмѣненіе и даже на продовольствіе.

¹⁾ Къ сожалѣнію, мы не рѣшаемся привести данныя о количествѣ выкуриваемаго матерьяла на заводахъ другихъ губерній, такъ какъ мы не считаемъ имѣющимся у насъ данныя вполне достоверными.

Но нужно еще принять во внимание, что, как количество запасных магазинов, так и количество их хлебных запасов далеко неравномерно распределяются по губерниям края. Так, в Смоленской губернии числится запасного хлеба 180,086 чет. озимого и ярового, что составляет около 6,5% количества нужного на продовольствие и обменение, в Витебской губ. 160,731 четверть, или 8%; между тем в последний, как мы указали, даже в урожайный год 10 уѣздов не обеспечены, а в первой 3.

Впрочем, в других губерниях количество числящегося номинального запасного хлеба несколько выше: в Минской губ. сохраняется 746,613 чет. озимого и ярового, или 34%, в Гродненской—419,029 чет. или 24%, в Могилевской—384,950 чет. или 14% и в Ковенской—384,947 чет. или 17% из количества нужного на обменение и продовольствие. Заметим, однако, что указанное нами количество хлеба только номинальное, так как значительная часть его находится в ссудах и недоимках.

В прошлом году находилось в ссудѣ в 6 губерниях (кроме Смоленской) 315,605 чет. озимого и 122,165 чет. ярового хлеба, или почти 19,2% всех запасов. При этом в некоторых губерниях процент этот гораздо выше; так, в Витебской губернии 69% всех хлебных запасов находится в ссудах и недоимках (115,943 чет.), в Виленской 31,2%, в Могилевской губернии 16,8% и в Гродненской 2%.

Кроме запасных магазинов, в губ. есть еще продовольственные капиталы с тем же назначением.

Они разделяются на несколько родов, имеющих в виду различные классы населения. Наибольшей суммой достигает, так называемый, сословный или мѣщанскій продовольственный капитал, до 400 тысяч руб. в 6-ти губерниях, за исключением Могилевской, капиталы которой не приведены в известность.

В частности по губерниям и эта сумма разбивается на слишком незначительные части: в Смоленской губернии числится всего 15,071 руб. 14 коп., в Виленской 11,568 р. 29 коп., в Ковенской 81,712 руб.

Собственно сельскій продовольственный капитал еще менее значителен; так, в Ковенской губернии его считается всего 41,950 р., в Витебской 32,821 р. 84 коп. и т. д. Вообще, продовольственные капиталы слишком не велики и притом в большинстве губ. не приведены в известность, или, быть может, их совсем нет.

Заметим еще, что почти все губ. находятся в неоплатных долгах в государственный продовольственный капитал; так, Смоленская губ. должна 951,118 руб. 50 коп., Витебская 599,331 р. 62 к., Виленская 375,350 р. 78 коп. и проч.

Подводя итоги сказанному нами о современном положении крестья-

янского хозяйства, можно, как кажется, вывести заключение, что крестьяне владеют слишком незначительною, в общем, частью поземельной собственности, размеры которой принимая при этом во внимание малоплодородие и истощенность почвы, не могут удовлетворять нужды земледельческого класса даже при благоприятных условиях, и что принятые в настоящее время меры на случай бедствия от неурожая не могут оказать серьезной поддержки населению; конечно, такое печальное положение масс крестьянства могло бы улучшиться, если бы они могли иметь заработки на стороне, но таких заработков нет, за исключением сплава леса и возки его к пристаням; фабрики и заводы, в общем, незначительные в крае, как увидим, не могут оказывать серьезной поддержки; а между тем съ истреблением лесов или съ уменьшением вывоза его в некоторых мѣстностях, вследствие нового закона, уменьшаются даже заработки при сплаве. Объединение масс и увеличение числа свободных рук, вследствие незначительности крестьянских надѣлов, отражается и на сравнительно низкой заработной платѣ; так, подневная плата работнику, даже в летнее время, падает до 20—30 коп., а работниц от 15 до 25 (на хозяйских харчах), тогда как в центральной Московской области и в южных губ. плата эта утраивается и больше.

V.

Фабрично-заводская промышленность.

Большее или меньшее развитие фабрично-заводской промышленности страны имеет важное экономическое значение в жизни ее населения; кроме того, что усиление промышленной деятельности скопляет капиталы в руках некоторых предпринимателей, что увеличивает общее богатство страны, но оно дает средство для заработка больше или менее значительной беднейшей части населения. Промышленность Северо-Западного края стоит настолько низко, что она ни в том, ни другом отношении не может оказывать значительного влияния на экономической строй жителей; между тем усиление ее было бы особенно желательным и выгодным в виду того, что, как мы уже видели, земледельческая часть населения не может быть обеспеченною в жизни добытанием одних лишь сельско-хозяйственных продуктов, и потому некоторая часть рук свободна и может съ успехом обратить свои силы на фабрики и заводы.

В тоже время нельзя сказать, чтобы географическія условия мѣстности могли не благоприятствовать развитию промышленности и торговли; кажется, напротив, что положение Северо-Западного края между торговыми центрами—Центральной Московскою областью, первую в Россіи в тор-

гово-промышленномъ отношеніи, Петербургомъ и Варшавой со всѣмъ Прибалтійскимъ краемъ, съ одной стороны, и съ другой—между Ригой съ Балтійскимъ моремъ и Киевомъ и Одессой.—должно бы вызывать въ краѣ торгово-промышленное движеніе, затѣмъ, обиліе горячаго матеріала, значительная цѣна на рабочія руки и дешевизна мѣстныхъ произведеній все способствуетъ упроченію промышленности.

Однако, обращаясь къ статистическимъ даннымъ о нашей фабрично-заводской промышленности, можно видѣть, что она находится въ крайне низкомъ состояніи и только начинаетъ зарождаться въ нашемъ краѣ.

Такъ, всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ семи губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края считается до 4852¹⁾, которые выработываютъ на сумму въ 37,955,285 р. и даютъ работу 25,777 рабочимъ. Уже по этимъ общимъ даннымъ нельзя не видѣть, что какъ число мѣстъ производства, такъ и сумма производительности и количество рабочихъ рукъ, занятыхъ на этихъ фабрикахъ и заводахъ въ сущности весьма незначительны, сравнительно съ обширнымъ пространствомъ и девятимилліоннымъ населеніемъ края. Последнее особенно бросается въ глаза, если мы сравнимъ настоящія данныя съ данными о фабрично-заводской промышленности сосѣднихъ губерній.

Сосѣдняя Кіевская губернія съ населеніемъ въ 2,938,645 душъ обою пола, при условіяхъ гораздо болѣе благоприятныхъ для земледѣлія, доставила на своихъ фабрикахъ и заводахъ въ 1887 г. различныхъ произведеній на сумму 70,753,577 рублей, т. е. почти вдвое больше, при чемъ эта сумма меньше суммы производства 1886 года на 3,026,321 рубль; всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ этой губерніи насчитывается всего лишь 643 съ 34,685 рабочими.

Приведенныя данныя о количествѣ фабрикъ и заводовъ Сѣверо-Западнаго края, въ сравненіи съ кіевскими указываютъ, что промышленность его преимущественно мелкая, служащая для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Такъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ каждая фабрика и заводъ выработываетъ въ среднемъ на незначительную сумму въ 7822,6 рубля и на ней работаютъ всего 5—6 человѣкъ, такъ что *каждый* рабочій выработываетъ различныхъ произведеній на 1472,5 р. Мелко-промышленный характеръ дѣятельности нашего края еще болѣе усиливается въ сравненіи съ Кіевскою губерніею, въ которой преобладаетъ крупная фабричная и заводская промышленность. Такъ, въ послѣдней каждая фабрика, въ среднемъ, выработываетъ на 110,036,6 рубля посредствомъ 54 рабочихъ.

¹⁾ По свѣдѣніямъ 1887 года по пяти губ.; по Могилевской же и Гродненской свѣдѣнія за 1886 годъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію данныхъ о распредѣленіи мѣстъ производства и суммы производительности въ частности, по губерніямъ Сѣверо-Западнаго края. Самая промышленная изъ губерній оказывается Гродненская, которая при 603 фабрикахъ и заводахъ съ 12,302 рабочими производит на сумму 8,255,092 рубля, что составляетъ 21,7% всей суммы производства края; за ней слѣдуетъ Минская губернія съ общей суммой производства въ 7,468,604 р., или 19,64% всего производства (при 612 фабрикахъ и заводахъ и 3,555 рабочихъ), третья—Смоленская съ суммою производства на 7,083,172 р. (при 972 фабр. и зав. и 6,836 рабочихъ), четвертая—Ковенская—на 4,846,923 р. (при 955 фабр. и зав. и 3,685 рабочихъ), пятая—Виленская на 4,236,408 р. (при 413 фабр. и зав. и 3,090 рабочихъ), шестая—Могилевская, производящая на 3,868,120 р. (510 фабр. и зав. и 3,354 рабочихъ) и, наконецъ, послѣдняя—Витебская съ суммой производства на 2,196,966 рублей при 787 фабрикахъ и заводахъ съ 3,035 рабочихъ.

Мы уже указали, что наша промышленность принадлежитъ къ числу мелкихъ; очевидность этого, какъ намъ кажется, заключается въ незначительной средней суммѣ производительности каждаго промышленнаго заведенія.

Большія мануфактуры съ миллионными оборотами—весьма рѣдки и находятся въ особенно промышленныхъ мѣстностяхъ—въ Гродненской губ. и Смоленской; такъ, напримѣръ, въ послѣдней, въ с. Ирцевѣ Духовицкаго уѣзда находится ткацкая и бумаго-прядильная фабрика Хлудовыхъ съ оборотомъ въ 3,799,517 рублей при 2,636 рабочихъ.

Фабрики и заводы другихъ мѣстностей рѣдко имѣютъ обороты даже на нѣскольکو сотъ тысячъ рублей; напротивъ, преобладаютъ небольшія промышленныя заведенія съ оборотомъ въ нѣскольکو сотъ рублей при 1—5 рабочихъ. По общей суммѣ производительности на каждую фабрику выше всѣхъ губерній стоитъ Гродненская, въ которой на каждую фабрику приходится, въ среднемъ, произведеній на 13,689,9 рубля; наименьшая сумма производительности падаетъ на фабрики Витебской губ.—по 2778,9 рубля на каждую; въ остальныхъ губ. средняя сумма производства на каждое промышленное заведеніе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Минской—по 12,122 р., въ Виленской—по 10,258,4 р., въ Могилевской—по 7,585 р., въ Смоленской—по 7,287,2 р. и въ Ковенской губерніи—на каждую фабрику или заводъ, въ среднемъ, выходитъ по 5,072,2 рубля суммы производства. Такимъ образомъ, приведенныя данныя достаточно характеризуютъ направленіе промышленной дѣятельности Сѣверо-Западнаго края.

Такъ какъ фабрично-заводская промышленность нашего края по преимуществу стремится удовлетворить мѣстныя потребности, то она не

имѣть опредѣленныхъ районовъ дѣятельности, по распространена довольно равномерно по всему краю; число городовъ и уѣздовъ, дѣятельность которыхъ простирается до миллионныхъ оборотовъ, крайне незначительно, и притомъ тѣ изъ нихъ отличаются наиболѣе обширною дѣятельностью, въ которыхъ значительно мѣстное потребленіе, или тѣ, которые находятся на торгово-промышленныхъ путяхъ, благоприятствующихъ мѣстной дѣятельности; въ послѣднемъ случаѣ производство достигаетъ обширныхъ размѣровъ, такъ что продукты идутъ за границу района дѣятельности.

Къ числу центровъ, въ которыхъ сильна фабрично-заводская дѣятельность, нужно отнести прежде всего почти всѣ губерскіе города Сѣверо-Западнаго края, такъ какъ наличное населеніе ихъ, въ общемъ, довольно значительно, да при томъ они, по своему положенію, становятся естественными центрами мѣстнаго спроса. Изъ губерскихъ городовъ наибольшую дѣятельностью замѣчательны Кононо и Вильно: въ первомъ находится 49 фабрикъ и заводовъ съ 1210 рабочими, которые производятъ на сумму 1,580,296 р., что составитъ 30,4% всего производства губерніи; въ Вильнѣ считается 37 фабрикъ и заводовъ съ 790 рабочими съ суммою производства въ 1,281,185 р.

Остальные губерскіе города производятъ менѣе чѣмъ на миллионъ рублей; меньше всего дѣятельность въ Витебскѣ: въ немъ считается 43 фабрики и завода, при 137 рабочихъ, съ суммою производства на 150,167 руб., или только почти на 7% всего производства губерніи, хотя оно весьма незначительно. Дѣятельность остальныхъ губерскихъ городовъ выражается въ слѣдующихъ данныхъ:

Города:	Число фабрикъ и заводовъ.	Сумма производства.	Число рабочихъ.	% отнош. къ общей суммѣ производ. губ.
Смоленскъ	42	796,168	445	11,1
Гродно	32	695,036	951	8,3
Минскъ	51	657,011	475	8,8
Могилевъ	135	278,556	300	7,2

Другихъ мѣстностей, городовъ и уѣздовъ, съ значительными производствами весьма немного; дѣятельность ихъ обуславливается, въ большинствѣ случаевъ, удобнымъ географическимъ положеніемъ. Такъ, на западѣ, выдаются по суммѣ производительности нѣкоторые города и уѣзды Гродненской губерніи: изъ нихъ особенно выдѣляется Бѣлостокъ съ уѣздомъ, такъ какъ самъ городъ доставилъ въ 1886 году произведеній на сумму въ 2,097,707 р., а уѣздъ на 3,280,908 р. (въ городѣ 76 фабр. и заводовъ съ 2,541 рабочимъ, въ уѣздѣ 132 съ 5182 рабочими); другой изъ выдающихся городовъ Гродненской губ., кромѣ самого Гродно,—Брестъ, производящій на сумму въ 174,253 р. на своихъ 34 фабрикахъ и заводахъ.

Значительная фабрично-заводская дѣятельность Гродненской губ., особенно Бѣлостока и его уѣзда, легко объясняется тѣмъ, что онъ служитъ естественнымъ продолженіемъ района промышленности Привислянскаго края и тѣмъ, что Гродненская губ. находится на выгодномъ пути изъ этого края въ центральную Россію.

Минская губ. представляетъ нѣсколько значительныхъ мѣстностей фабрично-заводской дѣятельности, сообразно съ природными условиями; болѣе другихъ выдѣляется Пинскъ съ уѣздомъ: въ городѣ находится 26 фабрикъ и заводовъ съ производствомъ 552,890 р., а въ уѣздѣ 51 фабрика и заводъ съ производствомъ на 1,150,560 р.; кромѣ этого замѣчательны: Бобруйскій уѣздъ (городъ производитъ на 253,728 р., уѣздъ—на 522,104 руб.), Рѣчицкій (одинъ уѣздъ доставляетъ произведеній на 1,150,155 р. при 54 фабрикахъ и заводахъ), Слуцкій и Новогрудскій уѣзды. Особенно выдающееся производство Пинскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ зависитъ отъ ихъ важнаго положенія при рѣчной системѣ Припяти: первый находится у перховьевъ ея, а второй при истокахъ ея въ Днѣпръ.

Отмѣтимъ еще нѣкоторые изъ важнѣйшихъ пунктовъ промышленной дѣятельности въ другихъ губерніяхъ. Такъ, въ Ковенской губ., кромѣ Кононо и его уѣзда, замѣчательнъ г. Шавли съ уѣздомъ, въ которомъ считается 151 фабрика и заводъ съ производствомъ на 1,272,353 р. Въ Виленской губ. болѣе производительнымъ оказывается, кромѣ Виленскаго, Свенцянкскій уѣздъ съ производствомъ на 519,353 р. Въ Витебской—только Рѣжицкій и Динабургскій уѣзды: въ первомъ считается 92 фабрики и завода съ производствомъ на 540,227 р. (кромѣ города), а во второмъ—30 фабр. и зав. съ суммою производства на 492,344 р. Въ Могилевской губ. выдѣляется своею промышленностью Гомель съ уѣздами, въ которыхъ находится 45 фабрикъ и заводовъ съ производствомъ на 1,330,105 р. при 1,032 рабочихъ. Наконецъ въ Смоленской губ., кромѣ губернскаго города и Духовицкаго уѣзда, замѣчательнъ Рославльскій уѣздъ съ 32 фабр. и заводами и суммою производства на 619,142 р. и Сычевка, производящій на 358,455 р.

Мы указали главнѣйшіе пункты фабрично-заводской промышленности Сѣверо-Западнаго края, чтобы выяснитъ характеръ распространенія ея; однако, это еще болѣе выясняется, если обратитъ вниманіе на мѣстности съ наименьшею производительностью. Данныя этого рода весьма интересны и поучительны, и мы, для краткости, приведемъ тѣ изъ городовъ, которыхъ общая сумма производительности менѣе 10,000 р. и изъ уѣздовъ тѣ, которыхъ сумма производства не превышаетъ 25 тыс. рублей. Вотъ эти данныя:

Города и уезды:	Число фабрик и заводов.	Сумма производства. Рубль.	Число рабочих.
Новоалександровск г.	7	5,030	13
Докшицы зашт. г.	7	3,963	7
Рѣчица г.	5	4,038	8
Несвиж г.	3	2,514	4
Новогрудок г.	4	3,552	11
Мозырь г.	6	3,965	9
Дрисса г.	5	3,007	11
Лешель г.	7	7,852	25
Лодзьяв г.	5	2,150	9
Неведь г.	21	9,373	39
Мстиславль г.	3	3,802	4
Съвно г.	2	300	3
Чириковъ г.	12	5,710	21
Порѣчь г.	11	5,610	25
Юхновъ г.	6	1,030	10
Соколка г.	3	10,000	15
Полоцкій уезд.	24	21,450	63
Витебскій уезд.	36	20,780	159

Приведенныя нами данныя достаточно, какъ намъ кажется, характеризуютъ общее состояніе фабрично-заводской дѣятельности Сѣверо-Западнаго края.

Мы рассмотрѣли общія условія состоянія нашей промышленности и степенъ распространенія ея по различнымъ мѣстностямъ края.

Теперь перейдемъ къ вопросу о главнѣйшихъ видахъ промышленности.

Почти всѣ фабрики и заводы нашего края обрабатываютъ мѣстное сырье, растительное или минеральное. Издѣлія послѣдняго рода не многочисленны и служатъ только для мѣстнаго потребленія.

Главнѣйшую роль въ промышленности играютъ продукты сельскаго хозяйства, какъ напр.: хлѣбъ, картофель, кожи, сало, ненька, шерсть (почти исключительно въ Гродненской губерніи и только въ небольшомъ количествѣ въ Минской) и др., а также лѣсъ, но въ крайне незначительномъ количествѣ.

Важнѣйшими продуктами нашей фабрично-заводской промышленности являются: винокурение, пивоварение, мукомольное дѣло, выдѣлка кожи, мыловарение, свѣчные заводы, сыроварни, маслобойни и проч.

Первое мѣсто въ нашей промышленности занимаютъ винокуренные заводы, общая сумма производительности которыхъ за прошлый годъ со-

ставляетъ почти $\frac{1}{3}$ всего производства края, именно 11,181,665 руб. Всѣхъ винокуренныхъ заводовъ считается 446, съ 3,361 человѣкомъ рабочихъ; слѣдовательно, каждый заводъ, въ среднемъ, вырабатываетъ на 25,071 руб., при 7—8 раб.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и главнѣйшее наше производство, винокурение, носитъ характеръ мелкаго производства, между тѣмъ какъ въ другихъ губерніяхъ средняя сумма производительности достигаетъ несравненно большей средней величины; такъ, напримеръ, въ Кіевской губ. каждый винокуренный заводъ вырабатываетъ спирта на 169,183 р., т. е. почти въ семь разъ больше, причеиъ на кіевскихъ заводахъ каждый рабочий вырабатываетъ на сумму 12,564 р., тогда какъ у насъ всего лишь 3,324 р.

Частныя данныя, по губерніямъ, указываютъ на значительно неравномѣрное производство спирта въ каждой отдѣльной мѣстности, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Губерніи:	Число винокуренн.	Сумма произв.	% отношеніе ея ко всему производству губ.	Средняя произв.	Число рабоч.
		Рубль.		на заводъ.	
Минская	1.0	5,344,171	71,56%	44,518	830
Могилевская	89	1,555,964	40,29%	17,483	835
Виленская	71	1,550,984	36,69%	21,845	413
Ковенская	23	1,020,647	21,02%	44,380	110
Витебская	32	373,901	17,02%	11,684	230
Гродненская	73	735,715	8,9%	10,078	519
Смоленская	38	602,281	8,5%	15,849	424

Другимъ важнымъ потребителемъ нашего хлѣбнаго продукта является пивоварение. Всѣхъ пивоваренныхъ заводовъ считается 270 съ 1,079 рабочими; сумма производства ихъ 2,307,453 р. составляетъ 6,08% всего производства края.

Наибольшимъ производствомъ пива выдѣляется Гродненская (58 заводовъ, съ суммой производства на 530,222 р.), Ковенская (80 заводовъ, на 655,664 р.) и Виленская (54 зав., на 487,862 р.); въ остальныхъ губерніяхъ производство его сравнительно незначительно и въ Могилевской считается всего 10 заводовъ, съ производствомъ на 75,165 р.

Губерніи.	Винокурен. заводи.		Пивоварен. заводи.		Ковшевные заводи.		С в ѣ з д н ы е заводи.		Мукомольни заводи.		Крупопер. ни.		Маслобойни заводи.		Сыроварен. заводи.		Мясоварен. заводи.		Качелицы фабрики.	
	Сумма произв.-тогн. кжл. ав.	% общ. произв.	Сумма произв. кжл. ав.	% общ. произв.	Сумма произв. кжл. ав.	% общ. произв.	Сумма произв. кжл. ав.	% общ. произв.	Сумма произв. кжл. ав.	% общ. произв.	Сумма произв. кжл. ав.	% общ. произв.	Сумма произв. кжл. ав.	% общ. произв.	Сумма произв. кжл. ав.	% общ. произв.	Сумма произв. кжл. ав.	% общ. произв.	Сумма произв. кжл. ав.	% общ. произв.
Минская	44,518	71,56%	2,423	1,04%	1,292	1,04%	176,355	2,12%	9,982	3,2%	1,899	0,3%	2,096	3,2%	1,446	0,13%	0,5571	0,67%	1754	0,09%
Могилевская	17,483	40,2%	7,516	1,9%	1,807	6,5%	804	0,15%	—	—	1446	1,5%	642	1,3%	1300	0,14%	2170	1,12%	4064	1,5%
Витебская	21,845	36,6%	9,034	11,5%	1,592	8,2%	—	—	66,350	3,14%	—	—	—	—	—	—	4662	0,44%	—	—
Борисовская	44,380	21,06%	8,195	13,5%	783	2,09%	235,588	19,5%	793	7%	—	—	—	—	—	—	8109	1,118%	1726	1,19%
Витебская	11,681	17,02%	7,891	9,4%	3,983	28,3%	4,788	1,08%	1,365	12%	88	0,04%	—	—	—	—	3741	0,85%	395	0,07%
Гродненская	10,078	8,9%	9,142	6,4%	3,375	1,3%	489	0,08%	3,657	0,44%	—	—	1076	0,27%	670	0,16%	2629	0,25%	—	—
Смоленская	15,849	8,5%	2,741	3,6%	1,232	8,7%	4,381	0,60%	199	0,53%	—	—	—	—	3004	4,08%	6750	0,19%	191	0,017%
	25,071	29%	8,546	6%	3,604	70%	25,105	3,1%	1,226	2,7%	150	0,2%	2912	0,8%	2869	0,49%	1919	0,48%	2301	0,21

Мы приведем данные о важнейших производствах, обрабатывающих нашу сельско-хозяйственные продукты. Они показывают, что почти половина (45%) нашей обрабатывающей промышленности занята обработкой произведений сельского хозяйства. Далее, данные эти свидетельствуют, что промышленность этого рода вообще мелкая, не исключая даже и винокурения; различные части ее довольно равномерно распределяются между всеми губерниями, за редкими исключениями.

Обратимся теперь к исследованию других видов нашей промышленности. По важности своей, нужно на первом плане поставить последние заведения, обрабатывающие сельско-хозяйственные продукты, — фабрики и заводы, обрабатывающие местные ископаемые продукты, частью лесные продукты. Таких продуктов не много и они мало ценные, но имеют важное значение в обыденной жизни населения, особенно беднейшей его части, как, напр., кирпичное производство, стекольное, гончарное. Вся промышленная предприятия этого рода носят тот же характер мелкой промышленности; они разбросаны по всему краю, управляются небольшим числом рабочих (1—5 человек, редко больше), и имеют незначительную сумму годовых оборотов; кроме того, они раздроблены на множество мелких производств, согласно разнообразным потребностям местной жизни. Однако, судя по количеству мест производства их и суммы производительности, трудно допустить, чтобы заведения, даже и этого рода, могли удовлетворять местным потребностям, — так они в общем незначительны.

Приведем в одной общей таблице итоги производства.

Губернии.	Кирпичные заводы.		Стекланые заводы.		Гончарные заводы.		Известковые заводы.		Ирраэовые заводы.		Удсоплные заводы.		Спичечные заводы.		Скиллари и ослонн з.		Детярные заводы.		
	Средняя сумма производства каж. завода.	% от произв. губ.	Средняя сумма производства каж. завода.	% от произв. губ.	Средняя сумма производства каж. завода.	% от произв. губ.	Средняя сумма производства каж. завода.	% от произв. губ.	Средняя сумма производства каж. завода.	% от произв. губ.	Средняя сумма производства каж. завода.	% от произв. губ.	Средняя сумма производства каж. завода.	% от произв. губ.	Средняя сумма производства каж. завода.	% от произв. губ.	Средняя сумма производства каж. завода.	% от произв. губ.	
Видекая	2963	0,63	12,612	1,2	—	4884	0,7	1200	0,021	14,466	1	3,000	0,07	1420	0,03	—	—	—	
Смоленская	708	0,91	56,146	4,9	54	0,01	905	0,1	—	11,214	3	10,833	0,9	1720	0,8	—	110	0,15	
Могилевская	661	0,5	15,047	1,6	67	0,027	208	0,005	6307	1,3	27,557	2,1	17,656	1,1	—	—	—	—	
Витебская	608,3	2,5	51,950	2,3	83	0,6	383	0,32	3250	0,3	933	0,2	30,750	2,8	—	—	—	45	0,004
Милоская	940,3	0,74	10,000	0,13	829	0,5	897	0,035	6669	0,3	7,752	0,8	1,671	0,1	1309	2,1	1176	0,4	—
Гродненская	320,5	2,1	5,300	0,13	81	0,003	833	0,03	509	0,1	4,313	0,2	999	0,026	857	0,16	—	—	—
Ковенская	1399	2	5,738	0,12	530	0,24	1082	0,4	—	—	7,770	1,5	4,662	0,4	—	—	—	—	—
ИТОГО	1219	1,1	28,306	2,4	402	0,17	1125	0,2	2821	0,23	9,496	1,4	9,370	0,5	1350	0,6	311	0,1	—

Въ приведенной таблицѣ собраны всѣ данныя о производствѣ нашихъ естественныхъ продуктовъ. Какъ видно, оно не велико и едва достигаетъ 5,6% суммы всего производства. Незначительность производства объясняется, конечно, бѣдностью страны. Между тѣмъ нѣкоторые изъ указанныхъ родовъ промышленности имѣютъ важное значеніе въ жизненномъ обиходѣ нашего земледѣльческаго сословія, какъ то: гончарное (выдѣлка простой глиняной посуды), детярное и др. Кирпичное и известковое производство, не смотря на хорошее качество нашей глины, не могли у насъ сильно развиться вслѣдствіе обилія и дешевизны въ краѣ дѣса. Замѣтимъ еще, что приведенныя данныя достаточно опредѣленно подтверждаютъ высказанное нами раньше положеніе относительно мелко-промышленнаго направленія нашей фабрично-заводской дѣятельности. Намъ остается еще обратить вниманіе на два рода промышленныхъ заведеній, имѣющихъ также повсемѣстное значеніе, — на гвоздевыя фабрики и чугуно-литейные заводы; первая занимаетъ значительное мѣсто въ нашей промышленности: изъ въ 3-хъ губ. считается 9 съ производствомъ на 1,522,312 р., или 4% всего производства; чугуно-литейныхъ заводовъ считается 11, съ производствомъ на 2,211,154 р.

Мы рассмотрѣли данныя о трехъ группахъ промышленности: 1) занимающуюся обработкою сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, 2) занимающуюся обработкою естественныхъ произведеній страны и 3) занимающуюся обработкою металловъ. Почти вся наша промышленность обращена на эти три группы производительности. Общій выводъ изъ полученныхъ нами данныхъ указываетъ на характеръ ея: она обращаетъ свои силы почти исключительно на мѣстныя произведенія, избирая притомъ такія производства, которая доставляютъ необходимые предметы въ жизненномъ обиходѣ населенія. Въ виду повсемѣтнаго спроса на такія произведенія, объясняется значительное количество мѣстъ производства и въ то же время незначительная сумма ихъ годовыхъ оборотовъ, такъ какъ они удовлетворяютъ потребностямъ незначительной группы мѣстнаго населенія.

Такой выводъ представляютъ общія данныя, такъ какъ до 70% суммы всего производства падаетъ на три выше указанные группы. Однако, частныя данныя по губерніямъ измѣняютъ нѣсколько вышеизложеннаго положенія; именно, оказывается, что двѣ изъ губерній, Смоленская и Гродненская, кромѣ обработки предметовъ мѣстнаго потребленія, успѣваютъ въ производствѣ другихъ предметовъ, которыми они могутъ, судя по суммѣ производства, вести болѣе или менѣе обширную торговлю за предѣлами мѣстнаго района. Къ такимъ предметамъ нужно отнести выдѣлки писчебумажныхъ, ткацкихъ, бумагопрядильныхъ фабрикъ и проч.

Для подтвержденія сказаннаго о составѣ промышленности каждой губ., приведемъ сводную таблицу процентныхъ отношеній первыхъ трехъ группъ, указанныхъ нами, ко всему производству губерній.

Производства.

Губернии.	I группа.	II группа.	III группа.	Общий итог.
Ковенская	65%	5%	19%	89%
Минская	83%	5%	0,65%	88,65%
Витебская	68%	9%	0,29%	77,29%
Могилевская	52%	7%	5%	64%
Виленская	60%	4%	11%	73%
Смоленская	26%	10%	0,04%	36,04%
Гродненская	18%	3%	0,9%	21,9%

Приведенные процентные отношения вполне характеризуют направления производств по каждой из групп. Гродненская и Смоленская губернии направляют свою деятельность на другие производства, о которых сейчас скажем, типа крупной фабричной промышленности. Среднею между ними и остальными губерниями стоит Виленская губ. Первая же двѣ, по характеру своей промышленности, находятся под влиянием соседних губерний. Гродненская—Привислянского края, Смоленская—Московской области; одна и другая составляют естественныя окраины восточной и западной промышленных областей. Усиление прочих производств Виленской губ. объясняется центральным положением ея среди Сѣверо-Западнаго края и удобствами въ торговомъ отношеніи; она, очевидно, стремится превратиться въ одну изъ такихъ промышленныхъ окраинъ.

Теперь нужно обратиться къ составу производствъ, не подходящихъ подъ вышеуказанныя рубрики группъ, и имѣющихъ мѣсто преимущественно въ Гродненской и Смоленской губ., и отчасти въ Виленской.

Изъ этихъ производствъ мы должны прежде всего обратить наше вниманіе на табачныя фабрики; хотя онѣ имѣютъ повсемѣстное распространеніе и съ значительною суммою производства, однако мы не причисляли ихъ къ одной изъ указанныхъ группъ, потому что онѣ не обрабатываютъ мѣстныхъ продуктовъ.

Производство табачныхъ фабрикъ составляетъ 2,371,713 р.; при этомъ считается 68 фабрикъ при 3708 рабочихъ; такимъ образомъ табачное производство составляетъ около 6% всего производства.

Приведемъ безынтересныя данныя о распредѣленіи этого производства по губерніямъ.

Губернии.	Число производствъ.	Сумма производства.	% отн. ея къ общ. суммѣ произв.	Средняя сумма производ. каждой фабр.	Число рабочихъ.	Среднее число рабочихъ на каждой фабрицѣ.
Гродненская	16	930,755	11,5%	59,435	1666	104
Виленская	7	461,752	10,9%	65,966	339	48
Смоленская	4	444,822	6,3%	111,203	107	27
Ковенская	11	242,182	5%	22,017	710	65
Витебская	10	137,943	6,3%	13,794	303	30
Могилевская	6	81,893	2,1%	1364	153	25
Минская	14	52,386	0,7%	13,659	430	31

Намъ остается еще сказать о нѣк. крупныхъ производствахъ, не входящихъ въ составъ первыхъ трехъ группъ.

Изъ такихъ производствъ отмѣтимъ писчебумажныя фабрики, которыя находятся въ двухъ губерніяхъ: въ Виленской 3 съ суммою производ. на 348000 р. или почти 8%, и въ Могилевской—1 съ произв. на 707600 р. или почти 19% произв. губ.—Въ Смоленской губ. выдѣляется по своему производству 1 ткацкая и бумагопрядильная фабрика, которая при 2626 рабочихъ, доставила произведеній въ прошломъ году на 3,799,517 р., что составитъ почти половину производительности губерніи. Ткацкія фабрики находятся еще въ небольшомъ числѣ въ Гродненской губ. (9), производящихъ на 55,870 р. Вообще Гродненская губернія по направленію своей промышленности, значительно отдѣляется отъ другихъ, равно какъ и Смоленская. Такъ, приведемъ важнѣйшія производства.

Фабрики.	Число фабрикъ.	Сумма производ. дѣлатель. рублей.	% общ. произв. губ.	Средняя сумма произв. кажд. ф. рублей.	Число рабочихъ.
Суконныя	26	365,249	4,4%	14,044	634
Сукон.-картоныя.	142	3,826,885	46,3%	26,815	5814
Шерстяныя	25	577,164	7%	23,088	740
Шококовыя	2	345,000	4,1%	172,500	410

Приведенныя данныя достаточно характеризуютъ состояніе и направленіе промышленности Гродненской и Смоленской губ.: въ общемъ, онѣ базисно подходятъ подъ типъ крупной промышленности, а по составу своему совершенно отличаются отъ прочихъ губерній Сѣверо-Западнаго края.

Въ заключеніе нашего очерка о фабрично-заводской промышленности слѣдовало бы упомянуть о положеніи рабочихъ, но официальные данныя за прошлый годъ, имѣющіяся у насъ подъ руками, не упоминаютъ объ этомъ; данныя же, собранныя фабричными инспекторами, были своевременно опубликованы въ газетахъ.

Зная общее состояніе нашей промышленности въ настоящее время, небезинтересно будетъ оглянуться назадъ и познакомиться съ ростомъ ея до послѣдняго времени.

Общее впечатлѣніе отъ данныхъ о ростѣ нашей фабрично-заводской промышленности состоитъ въ томъ, что промышленность увеличивается крайне медленно и весьма неравномѣрно. Увеличеніе довольно замѣтно, если разсматривать данныя съ 60-хъ годовъ; послѣднее же десятилѣтіе отличается сильными колебаніями. При весьма незначительномъ, въ общемъ, и не постоянномъ ростѣ за послѣднее десятилѣтіе, настоящее состояніе промышленности значительно понизилось сравнительно съ предшествующими годами.

Только двѣ губерніи, Ковенская и Смоленская, выработали произведеній въ 1887 году на большую сумму, чѣмъ въ какой либо изъ предшествовавшихъ годовъ; для всѣхъ остальныхъ губерній сумма производительности этого года ниже какого либо изъ предшествовавшихъ. Годы наивысшаго производства—1883—1884 почти для всѣхъ губерній; въ эти годы наша промышленность поднялась до наивысшей своей величины; затѣмъ начинается поворотъ, въ смыслъ уменьшенія производительности губерній, происходящій, какъ слѣдуетъ полагать, отъ извѣстнаго экономическаго кризиса, послѣдовавшаго за этими годами и продолжающагося, отчасти, до послѣдняго времени. Таково общее положеніе дѣлъ.

Мы уже замѣтили, что увеличеніе производительности страны замѣтно только за большой періодъ времени; въ послѣднее десятилѣтіе усиленіе промышленной дѣятельности незначительно. Принявъ во вниманіе періодъ времени съ шестидесятыхъ годовъ, мы замѣчаемъ, что наибольшее усиленіе промышленной дѣятельности замѣтно въ Минской и Ковенской губ. Такъ, въ первой изъ нихъ за послѣдніе 27 лѣтъ (отъ 1861—1887 г., включ.) сумма производства увеличилась въ 13 разъ: въ 1861 г. въ ней считалось всего 70 фабрикъ съ суммою производства на 564,443 р. Производство Ковенской губ. за то же время увеличилось въ 10 разъ: въ ней въ 1861 г. считалось фабрикъ и заводовъ 317 съ 1148 рабочими и производствомъ на 468,163 р. Такимъ образомъ производительность Минской губ. увеличивалась, въ среднемъ, почти по 259 тыс. р. въ годъ, а Ковенской почти по 162 тыс. р.

Это только двѣ губ., въ которыхъ сумма производства увеличилась такъ значительно; въ остальныхъ увеличеніе гораздо меньше; такъ въ Грод-

ненской губ. оно произошло въ 2,6 раза съ 1860 г. или всего на 4787 тыс. р., въ Витебской (съ 1862 г.) въ 2,2 раза или на 1,227 тыс. р., въ Виленской (съ 1868 г.)—въ 3,6 раза, или на 3113 тыс. р., и въ Смоленской (съ 1866 г.) въ 2,8 раза. Ежегодное увеличеніе производительности этихъ губ. выражается въ слѣдующихъ диграхахъ: въ Гродненской губ. сумма производительности ежегодно увеличивалась въ среднемъ по 146 тыс. р., въ Виленской по 155 тыс. р., въ Витебской—по 15,600 р. и въ Смоленской—208 тыс. рублей. Указанное нами увеличеніе, въ сущности, незначительно, если сравнить съ другими губерніями, гдѣ въ тѣ же періоды сумма производительности увеличилась на десятки милліоновъ рублей, а въ Московской губ. съ 1868 г. болѣе, чѣмъ на 100 милл. р.

Медленными шагами промышленность наша шла до конца 70-хъ годовъ, съ этого времени производительность увеличилась, но въ то же время замѣтно сильное колебаніе, а съ 1883—84 г. и паденіе. Въ самомъ дѣлѣ, приведемъ данныя за послѣднее десятилѣтіе (1881—1886 годъ включ.) общей суммы производства всѣхъ губерній.

Годы.	Сумма произво- дительности. Рубли.	Увеличеніе (+) или уменьшеніе ея сравн. съ предш. год.	% увеличе- нія или уменьшенія
1881	34.795,524		
1882	36.435,418 +	1.639,894 +	+ 4,7%
1883	38.197,371 +	1.761,953 +	+ 4,8%
1884	40.266,416 +	2.069,045 +	+ 5,3%
1885	35.892,706 —	4.373,710 —	+ 10,9%
1886	36.059,378 +	166,672 +	+ 0,9%

Изъ этой таблички видно, что промышленность наша съ 1881 года подвинулась впередъ на весьма незначительную сумму, а наивысшая точка ея развитія приходится на 1884 г., съ которой она замѣтно пала въ два послѣдующіе года.

Группируя тѣ же данныя по губерніямъ, принявъ во вниманіе отчеты за дѣло десятилѣтіе (съ 1878 г.), нельзя не замѣтить значительной разницы въ развитіи нашей промышленности въ различныхъ губерніяхъ края.

Такъ, представимъ данныя, показывающія колебанія суммы производства сравнительно съ каждымъ предшествовавшимъ годомъ.

Год	Губернии							
	Гродненск.	Виленск.	Могилевск.	Смоленск.	Минск.	Ковенск.	Витебск.	Витебск.
	Увеличение суммы (+) или уменьшение (-) суммы производ. ср. съ предд. г. (въ рублях)							
1879	-366,218	+223,169	+21,650	+1,737,982	-	-	-	-
1880	-709,508	-425,812	-177,041	-2,198,363	+149,686	-316,480	-	-
1881	+470,551	+688,484	+249,013	+1,537,410	+638,856	-160,991	-	-
1882	-130,906	+248,408	+222,128	+523,222	+554,003	+689,094	-151,059	-
1883	+1,240,378	+1,474,888	+136,113	-1,062,422	-469,659	+188,678	+253,977	-
1884	+1,416,374	+414,997	+529,939	+1,644,438	+639,030	-388,872	+315,777	-
1885	-1,327,614	-1,642,280	-503,762	-1,036,443	-285,940	-358,484	+781,413	-
1886	+518,219	+1,046,111	+342,976	-370,473	-1,074,426	+719,746	-964,421	-
1887	-	-500,237	-753,575	+1,620,278	+347,117	+346,923	+81,826	-

Вышеприведенныя данныя указываютъ на значительное колебаніе производительности.

Притомъ, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдъ за поднятіемъ ея слѣдуетъ паденіе; наивысшаго уровня своего она достигаетъ въ періодъ 1883—84 года. Размѣры паденія суммы производства, превышающіе часто милліонъ рублей, при незначительномъ общемъ уровнѣ промышленности, должны были крайне неблагоприятно отзываться на общемъ экономическомъ строе страны.

Отношеніе данныхъ этой таблицы къ общей суммѣ производства каждаго года еще болѣе выяснится, если привести процентное отношеніе этихъ же данныхъ къ суммѣ производительности каждаго предшествующаго года.

Год	Губернии							
	Гродненск.	Виленск.	Могилевск.	Смоленск.	Минск.	Ковенск.	Витебск.	Витебск.
	Процентное отнош. увелич. (+), или уменьшеніе (-) суммы производительности кажда. послѣд. года къ преддущему.							
1879	проц. -3,5	проц. +8	проц. +0,7	проц. +37	проц. -	проц. -	проц. -	проц. -
1880	-7	-14	-5	-34	+2	-9	-	-
1881	+5	+27	+8	+34	+9	-5	-	-
1882	-4	+8	+7	+9	+7	+21	-8	-
1883	+13	+42	+4	-17	-6	+4	+14	-
1884	-14	+8	+15	+31	+8	-0,9	+15	-
1885	-15	-31	-12	-17	-3	-8	+24	-
1886	+7	+30	+10	-6	-13	+19	-31	-
1887	-	-10	-20	-29	+5	+4	+4	-

Такимъ образомъ, за означенный періодъ послѣдовало абсолютное уменьшеніе суммы производства только въ Гродненской губ.: въ 1878 г. она равнялась 10.277,564 р., слѣдовательно, до 1887 г. уменьшилась на 2.022,474 р., или 20%. Въ остальныхъ губерніяхъ замѣтно абсолютное повышеніе суммы производительности: менѣе всего она увеличилась въ Могилевской губ.—на 58,441 р., или 1,6% (въ 1878 г. равнялась 3.047,104 р.), въ Минской на 488,667 р., или 7% (въ 1879 г. равнялась 6.979,937 р.), въ Витебской на 302,513 р., или 16% (въ 1881 г. равнялась 1.894,453 р.), въ Ковенской на 1.049,617 р., или 28% (въ 1878 г. равнялась 3.797,309 р.) и въ Смоленской на 2.395,083 р., или 51% (въ 1878 г. равнялась 4.688,089 р.); наивысшій процентъ увеличенія дала Виленская губ.—55%, или 1.484,728 р (въ 1878 г. сумма производительности равнялась 2.748,680 руб.).

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ о различныхъ причинахъ, обуславливающихъ ростъ промышленности нашихъ губерній; причины эти заключаются какъ въ географическомъ положеніи ихъ, такъ и въ направленіи самой промышленности въ различныхъ частяхъ края. Такъ, изъ предыдущаго мы видѣли, что промышленность 5 нашихъ губерній (Могилевской, Минской, Виленской, Витебской, Ковенской) направлена на обработку мѣст-

ных сырых произведений; съ увеличеніем населенія увеличивался и спросъ на эти продукты, увеличилось также количество мѣстныхъ произведений (напр. разнаго рода хлѣба, вслѣдствіе большого количества воздѣлываемыхъ полей и проч.)

Наконецъ, и рабочіе, обрабатывающіе на фабрикахъ и заводахъ мѣстные продукты, стоятъ предпринимателямъ дешевле, вслѣдствіе несложности самой работы (напр. на винокуренныхъ заводахъ и пр.) и привычки къ ней мѣстнаго населенія. Вслѣдствіе этихъ причинъ мы и замѣчаемъ значительный ростъ въ этихъ губерніяхъ промышленной дѣятельности. Замѣтимъ еще, что на такого рода производство экономической кризисъ послѣдняго времени не могъ оказать сильнаго вліянія (кромѣ, и то отчасти, вывоза спирта).

Медленный же ростъ производства этихъ губерній зависитъ отъ незначительнаго увеличенія спроса на нихъ и вообще отъ медленнаго теченія жизни въ нашемъ краѣ.

Нѣсколько иначе стоитъ положеніе другихъ двухъ губерній, Гродненской и Смоленской.

Гродненская губ., какъ мы уже замѣтили, и по характеру своей промышленности, и по торговымъ связямъ, всецѣло зависитъ отъ Привислинскаго края, который служитъ рынкомъ для ея произведений. Между тѣмъ промышленность послѣдняго, какъ наиболее связанная съ Западной Европой, потерѣла въ послѣднее время, вслѣдствіе экономического кризиса, серьезные убытки; только въ самое послѣднее время товары ея начали появляться на московскихъ и петербургскихъ рынкахъ, что вызвало жалобу въ департаментъ торговли и мануфактуръ, поданную московскими фабрикантами, объ ограниченіи ввоза произведений Привислинскаго края. Вслѣдствіе такого положенія дѣль промышленность Гродненской губ. въ послѣднее время значительно пала.

Сказанное нами съ достаточной точностью подтверждается какъ на общихъ, введенныхъ нами данныхъ, такъ и въ частности—на производствѣ суконныхъ фабрикъ этой губ. Вообще, суконныя фабрики имѣютъ въ ней преимущественное значеніе, такъ какъ на ихъ долю приходится болѣе половины всего производства; за ними, по важности, слѣдуютъ шерстяныя фабрики и шелковыя. Поэтому, производительность Гродненской губерніи основывается по преимуществу на хорошемъ сбытѣ этого рода произведений; улучшение или ухудшеніе его отражается на всей губерніи. Такъ, данныя о производствѣ суконныхъ, суконно-кортовыхъ и кортовыхъ фабрикъ за восьмилѣтіе, съ 1879 г. по 1886 г. включительно, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1879 г.—6,3 мил. р., въ 1880 г. 5,7 (—8,6%), въ 1881 г. 6,09, въ 1882 г. 6,05, въ 1883 г. 6,08, въ 1884 г. 2, въ 1885 г. 4,8, въ 1886 г. 4,2.

Особенно выдающееся явленіе представляетъ послѣдній, 1886 годъ: тогда какъ все производство губерніи увеличилось на 7% (518 тыс. руб.), сравнительно съ предшествующимъ годомъ, производство суконныхъ фабрикъ пало до 616 тыс. руб. Эти факты достаточно уясняютъ положеніе означеннаго рода мануфактуры, медленность ея развитія, неустойчивость ея современнаго состоянія и, если дѣла и дальше пойдутъ такимъ же образомъ, то и паденіе. Гродненская мануфактура не имѣетъ своихъ постоянныхъ рынковъ, но всецѣло зависитъ отъ Привислинскаго края, и болѣе всего отъ Варшавы; чѣмъ больше рынковъ для сбыта имѣетъ привислинская мануфактура, тѣмъ лучше пойдутъ дѣла гродненскихъ фабрикантовъ; при ухудшеніи дѣлъ первой, послѣдніе остаются на второмъ планѣ и приужены сокращать свои операціи.

Смоленская губернія находится въ другихъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Рынки сбыта ея произведений въ Москвѣ, на Нижегородской ярмаркѣ и далѣе къ востоку; она производитъ по преимуществу простые товары (ситцы, миткаль и проч.), которые отчасти расходятся на мѣстѣ, и болѣею частью, выѣздя съ московскими товарами такого же рода, въ восточныя области Россіи, въ Азію и на Кавказъ. Экономической кризисъ не могъ оказать тутъ сильнаго вліянія; даже, напротивъ, началъ оказывать весьма благотворное вліяніе; московскіе и владимирскіе фабриканты обратились къ изысканію новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ и въ послѣднее время сдѣлали болѣе успѣхи въ Средней Азіи. Все это хорошо повліяло на промышленность Смоленской губерніи и она значительно поднялась за послѣднее время.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы успѣли коснуться различныхъ сторонъ жизни нашего края. Однако, трудъ нашъ въ такомъ видѣ далеко нельзя назвать законченнымъ, полнымъ; мы не коснулись еще нѣкоторыхъ сторонъ, весьма даже существенныхъ экономической жизни разбираемаго района. Такъ, напримѣръ, мы не сказали ничего о торговлѣ и промыслахъ сельскаго и городского населенія и проч., принуждены были отказаться отъ изслѣдованія нѣкоторыхъ частностей изъ вопросовъ, уже отчасти изслѣдованныхъ нами и проч. Причина, заставившая насъ отказаться говорить о томъ или другомъ предметѣ, — недостаточность, неполнота существующихъ источниковъ, часто даже совершенно отсутствіе въ нихъ важнѣйшихъ данныхъ. Такъ, о торговлѣ официальные источники судить по количеству взятыхъ торговыхъ свидѣтельствъ, билетовъ и проч. Врядъ ли кажется, можно судить о торговлѣ по этимъ источникамъ, особенно въ нашемъ краѣ, гдѣ каждый еврей является торговцемъ, совершаетъ часто значительные обороты, а между тѣмъ немногіе изъ нихъ берутъ свидѣтельства; да и сами эти документы вовсе не могутъ указывать на сумму тор-

говых оборотов, но невольно является недоверие к выставленным цифрам; каким методом собирания пользовались составители? Ведь у нас, как известно, даже большие коммерческие фирмы не ведут книг, торговых записей и пр.; если же некоторые еврейские фирмы и ведут, то на еврейском языке, следовательно, недоступном для составителей отчетов. Больше заслуживают доверия отчеты начальников рѣчных дистанций о прохождении через их округи грузов, доставляемых на рѣчных судах; но даже и этих данных мы не можем собрать. Вообще торговля Северо-Западнаго края, по ея исключительному положению и способу ведения, требовала бы серьезнаго изслѣдованія людей науки, ва что не могут рассчитывать наши статистические комитеты. (Подобное изслѣдованіе было сдѣлано Инсономъ въ 60-хъ годахъ „Пинскъ и его районъ“. Спб. 69 г. Въ настоящее время эта работа, весьма добросовѣстная и интересная, во многихъ отношеніяхъ устарѣла, конечно).

Въ такомъ видѣ приходится встрѣчать не только данныя о торговлѣ, но даже и такія, собираніе которыхъ не можетъ встрѣтить большихъ затрудненій; такъ, не точны свѣдѣнія о народномъ образованіи, о санитарномъ состояніи и др. Вообще, бѣдность, неполнота, неопредѣленность статистическихъ данныхъ о Северо-Западномъ краѣ поразительны. О вполне научномъ трудѣ по разнообразнымъ вопросамъ нашей жизни, при настоящемъ положеніи источниковъ, еще нечего и думать. Мы съ трудомъ могли собрать хоть общія данныя, изложенныя въ предыдущихъ очеркахъ, а между тѣмъ мы имѣли возможность пользоваться всеми изданіями централнаго и губернскихъ статистическихъ комитетовъ и всетаки оказалось невозможнымъ обследовать многіе изъ вопросовъ, имѣющихъ существенную важность.

Въ заключеніе нашихъ очерковъ приведемъ данныя о состояніи податной части въ губерніяхъ нашего края. По смѣтѣ на 1887 г. ожидалось къ поступленію всѣхъ сборовъ, окладныхъ и неокладныхъ, 8,168,021 руб. недоимочныхъ и оклада 20,177,313 р., а всего 28,345,334 р., что на каждую душу наличнаго населенія составляетъ около 3 р., а на каждую мужскую рабочую душу (отъ 18 до 60 лѣтъ) почти по 12,5 р. Однако, цифра предположенныхъ сборовъ въ продолженіе года измѣнилась оттого, что къ нимъ были еще причислены нѣкоторые сборы, именно: недоимокъ на 1,335,914 руб. и оклада на 2,888,575 руб., всего на 4,224,489 р. Слѣдовательно, всего, вмѣстѣ съ причисленными налогами, подлежало взысканію 32,569,823 руб., или около 14 р. на рабочую душу.

Изъ этой общей суммы въ теченіе года было исключено недоимокъ на 1,533,807 р. и дѣйствительно взыскано было съ населенія: недоимокъ на 2,158,593 р. и окладныхъ сборовъ на 18,802,081 р.; всего 20,960,674 р., что составить на наличную душу 2 р. 15 к., а на рабочую душу почти 9½ р.

Вотъ данныя о налогахъ, сгруппированныя въ таблицу:

Губерніи:	Взысканіе	На 1 ду-
	податей и налоговъ.	шу обр-щ. населенія
	(Руб)	Рубл.
Минская	8,030,549	4,8
Могилевская	2,220,769	1,8
Смоленская	2,241,022	1,7
Ковенская	2,484,726	1,63
Виленская	1,967,045	1,5
Гродненская	2,131,871	1,5
Витебская	1,844,693	1,45

Сюда не вошли городскіе налоги, слѣд., общая сумма взимаемыхъ налоговъ нѣсколько увеличится.

Укажемъ, далѣе, на важнѣйшія статьи губернскихъ доходовъ. Больше одной трети настоящихъ сборовъ входитъ въ составъ неокладныхъ налоговъ по вѣдомствамъ разныхъ министерствъ (напр., за снѣжнокъ, охоту, продажу лѣса и проч., по вѣдомству мин. гос. им. за гербовый сборъ и проч.).

Именно, по окладу 1886 года полагалось взыскать по неокладнымъ сборамъ 9,718,625 р.; въ продолженіе года къ нимъ было причислено 3,170,836 р., а дѣйствительно было получено отъ населенія 7,217,113 р. Остальные налоги составляютъ окладные сборы, именно взыскано было ихъ 13,742,561 р.

Окладные сборы состоятъ изъ подушнаго оклада, выкупныхъ платежей, взимаемыхъ исключительно съ крестьянъ (подушной подати взимаются только недоимки, такъ какъ сама она, какъ извѣстно, отмѣнена); далѣе, изъ налоговъ, взимаемыхъ въ пользу духовенства съ лицъ польскаго происхожденія и имѣній, имъ принадлежащихъ (на дняхъ и эта повинность отчасти отмѣнена), и наконецъ, различныхъ земскихъ сборовъ, взимаемыхъ съ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ.

Такимъ образомъ, недоимки по подушной подати было взыскано въ прошломъ году во всѣхъ губерніяхъ 77,103 р., что на каждую крестьянскую душу составить немного болѣе одной копейки *).

Выкупные платежи составили въ прошломъ году 9,169,933 р. (недоимочныхъ 703,869 р. и окладныхъ 8,466,124 р.). Слѣдовательно, на каждую десятину крестьянской земли приходится по 86 коп., а на одну крестьянскую душу по 1 р. 35 к.

*) Всего крестьянскаго сословія считается 6,7.0820 д. обогаго пола.

Остальные окладные сборы составляют 4.575,568 р.; часть ихъ, въ количествѣ 648,006 р., недоимки и оклады, вимается исключительно съ лицъ польскаго происхожденія, а остальные 3.925,502 р. составляютъ поземельный сборъ и земскіе государственные сборы.

Въ общемъ на десятину изъ этихъ сборовъ приходится почти по 15 коп. Изъ этихъ окладныхъ сборовъ крестьянское сословіе вноситъ менѣе $\frac{1}{3}$ ихъ, именно около 1,593 тыс. р.; остальная сумма вносится частными собственниками.

Изъ всѣхъ этихъ сборовъ, на одну душу крестьянскаго сословія, безъ различія возраста, приходилось: недоимки по подушной подати 1 коп., выкупныхъ платежей 1 р. 35 коп. и поземельныхъ сборовъ 23,6 к., слѣдовательно всего 1 р. 59,6 коп. Такъ какъ крестьянъ мужскаго пола въ рабочемъ возрастѣ можно считать приблизительно около 1,769 тыс. чел., то всѣхъ вышеназванныхъ статей сборовъ на каждую рабочую душу крестьянскаго сословія пришлось: недоимки подушной подати 4,3 к., выкупныхъ платежей 5 р. 18 к., поземельнаго налога и земскихъ сборовъ 90 копеекъ, а всего 6 р. 12,3 коп. Впрочемъ, сумма эта, въ дѣйствительности, будетъ больше, потому что въ нашъ расчетъ не вошли волостные сборы, которые доходятъ мѣстами до 1 рубля. Поэтому, въ среднемъ, можно положить на каждую рабочую душу крестьянскаго сословія по 7 р., кромѣ этого крестьянинъ уплачиваетъ еще косвенные налоги въ видѣ акциза, гербоваго сбора, что можетъ составить еще 1 р.

Кустарные промыслы Минской губерніи*).

Какъ въ наукѣ, такъ и въ обществѣ укоренилось мнѣніе, что въ Северо-Западномъ краѣ совершенно отсутствуютъ кустарные промыслы. Мнѣніе это настолько сильно, что даже спеціальная комиссія по изслѣдованію этихъ промысловъ и сельскаго хозяйства, изучая кустарное производство промышленной полосы Россіи и отчасти черноземной, ограничилась лишь нѣсколькими замѣчаніями, слишкомъ поверхностными, о состояніи сельскихъ промысловъ въ Вѣлоруссіи. Такъ, комиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ одномъ изъ своихъ докладовъ заявила, что въ Вѣлоруссіи, несмотря на скудную повзу, крестьяне занимаются почти исключительно однимъ земледѣліемъ, а изъ подспорныхъ промысловъ берутся только за самыя простыя, какъ сплавъ дѣса, извозъ (Гр. ком. IV, 19 прил. I, отд. I). Относительно Смоленской губ. въ частности также комиссія заявляетъ, что значительное число рабочихъ дней теряется непроизводительно, такъ какъ работникамъ очень часто нечего дѣлать, въ особенности раннею весною. Впрочемъ, относительно нѣкоторыхъ губерній можно найти въ трудахъ этой же комиссіи лишь неопредѣленные указанія на выдѣлку здѣсь посуды, осей, саней, бочекъ и др. промыслы.

Однако, если мы обратимъ вниманіе на причины, вызывающія вообще въ Россіи кустарную промышленность, то найдемъ, что и въ нашемъ краѣ онѣ не только существуютъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще въ большей силѣ, чѣмъ въ губерніяхъ фабричныхъ или черноземныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ мы встрѣчаемъ ту же недостаточность земельного надѣла, малоплодородность почвы, продолжительность свободнаго отъ полевыхъ работъ времени, да еще ко всему этому присоединяется отсутствіе фабрикъ и заводовъ, которыя могли бы предьявлять спросъ на рабочія руки, и вообще незначительность отхожихъ промысловъ. Лѣсные промыслы занимаютъ весьма немного рабочихъ рукъ. Такъ, въ Минской губерніи, мѣстъ ихъ наибольшаго развитія, занято ими было въ 1887 г. немного болѣе 73 тыс. человекъ, что составитъ около 6% населенія. Слѣдовательно, въ нашемъ

* Вѣ дополненіе къ предыдущей статьѣ погѣщаемъ наст. ст., напечатанную въ 1890 г.

край существуют причины аналогичны тѣмъ, которыя вызвали развитие кустарныхъ промысловъ въ черноземной полосѣ.

Съ другой стороны, если разсмотрѣть относительное число ремесленниковъ, имѣющихъ свидѣтельства на ремесло, той же самой Минской губерніи, то ясно станетъ, что они не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ полуторамилліоннаго населенія губерніи. Такъ, всѣхъ городскихъ ремесленниковъ въ ней было въ 1887 г. 23,373 человекъ, мастеровъ и рабочихъ, что составить всего лишь 1,4% населенія губерніи, такъ что на каждого ремесленника приходится по 73 человекъ остального населенія. Совсѣмъ ясно, что 1,4% населенія, занимающіеся ремеслами, не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ остальныхъ жителей губерніи, особенно если принять въ расчетъ разнообразныя потребности болѣе зажиточныхъ классовъ. Слѣдовательно, естественно, что для потребностей крестьянскаго населенія губерніи существуетъ особый классъ промышленниковъ земледѣльцевъ, которыхъ въ наукѣ и въ обществѣ принято называть кустарями. Предположеніе о существованіи кустарной промышленности можно сдѣлать уже по сопоставленіи вышеуказанныхъ данныхъ, хотя въ русской экономической наукѣ существуетъ взглядъ, подтвержденный заявленіями официальныхъ комиссій, что въ Вѣлоруссіи вообще отсутствуетъ эта часть промысловъ. Такой взглядъ установился вслѣдствіе того, что наша окраина вовсе не подвергалась изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи.

Если же мы изслѣдуемъ изданные недавно Минскимъ статистическимъ комитетомъ *) матеріалы о кустарной промышленности, то при первомъ же взглядѣ на общіе итоги можно уже заключить, что этотъ родъ промысловъ занимаетъ видное число крестьянскихъ рабочихъ рукъ, не уступающее губерніямъ, въ которыхъ кустарный промыселъ считается занимающимъ видное мѣсто. Такъ, въ 9-ти уѣздахъ Минской губерніи занимающихся кустарными промыслами 20,216 крестьянъ почти исключительно мужъ-

*) Матеріалы эти изданы при Памятной Книжкѣ по Минской губерніи на 1890 г. Эти данныя далеко не могутъ быть признаны полными; въ нихъ вошли далеко не всѣ мѣстности, даже пріобрѣтшія себѣ извѣстность на болѣе или менѣе обширный районъ. Такъ напр., извѣстны во всемъ при-Припятья жители мѣст. Петрикова, почти поголовно занимающіеся всю зиму шитьемъ сапоговъ, продающіе свои издѣлья не только на ярмаркахъ южной части Минской губ., но и соседнихъ губерній, вовсе не названы въ опубликованныхъ данныхъ. Тоже случилось и съ выдѣлкой деревянной посуды въ м. Лахвѣ, хорошо извѣстной въ томъ же районѣ. Несмотря на недостатки, данныя эти весьма важны, такъ какъ нельзя и признать за ними извѣстной доли правдивости. Къ сожалѣнію, форма, въ которой онѣ изданы, весьма неудобна для пользования: издатели не прибавили къ изданію ихъ самыхъ обыкновенныхъ приемовъ при статистическихъ изданіяхъ. Было бы весьма желательно, чтобы и другіе комитеты послѣдовали примѣру Минскаго и собрали бы свѣдѣнія о кустарной промышленности.

чинъ, живущихъ въ 646 селеніяхъ; промыслы ихъ раздѣляются на 25 видовъ. Эта цифра вовсе не можетъ быть признана преувеличенною: насколько намъ извѣстно, сюда не вошли многія селенія, въ которыхъ процвѣтаютъ тѣ или другіе промыслы (Петриково, Лахва и др.). Правда, сюда вошли не мало простыхъ сельскихъ ремесленниковъ, которыхъ не всѣ причисляютъ къ кустарямъ. Какъ бы то ни было, но это количество сельскихъ промышленниковъ не уступаетъ по количеству многимъ промышленнымъ и черноземнымъ губерніямъ. Такъ, въ Полтавской губ. всѣхъ ремесленниковъ 26,352 д. об. п. изъ коихъ собственно кустарей всего лишь 3728 чел.; въ Ставропольской губ. кустарей всего 2470 чел.

Указанное число кустарей (20,216 ч.) по уѣздамъ Минской губерніи распределяется слѣдующимъ образомъ.

У ѣ з д ы.	Число кустарей.	% отнош. къ общ. числу по губ.	% отнош. къ насел. уѣзда.
Мозырк	5817	48,80%	50%
Новогруд	4587	22,70%	2,10%
Слудскій	3406	20%	2%
Игуменскій	2908	14,50%	1,60%
Пивскій	707	3,50%	0,40%
Борисовскій	665	3,30%	0,420%
Рѣчнскій	678	3,30%	0,50%
Вобруйсскій	551	2,70%	0,360%
Минскій	350	1,70%	0,240%

Если эти поуѣздныя данныя сопоставить съ таковыми же другихъ губерній, то окажется, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ уѣздовъ не уступаютъ въ этомъ отношеніи уѣздамъ съ наиболѣе развитыми кустарными промыслами промышленной полосы. Такъ, наприм., въ Егорьевскомъ уѣздѣ всѣхъ сельскихъ ремесленниковъ 4750 чел., въ Разинскомъ 4000. Касимовскомъ 3800; Спаскомъ 4000, Сапожковскомъ 2400 и т. д. Всѣ эти данныя указываютъ на то, что кустарная промышленность Минской губ., а, вѣроятно, и всего Сѣверо-Западнаго края вовсе не находится въ такомъ перинотномъ состояніи, какъ объ этомъ обыкновенно думаютъ, и что слѣдовало бы обратить болѣе серьезное вниманіе какъ изслѣдователямъ, такъ и правительственнымъ сферамъ, въ которыхъ въ послѣднее время возникъ серьезный вопросъ объ оказаніи рациональной поддержки кустарямъ.

Разсмотримъ теперь отдѣльные виды кустарной промышленности Мин-

ской губ. и сумму производства их. Мы уже сказали, что промыслами занимается 20,216 чел., которые вырабатывают на сумму до 300 т. руб. в годъ. Замѣчательно, что усиленіе промышленной дѣятельности среди крестьянъ въ томъ или другомъ уѣздѣ вездѣ обуславливается большимъ или меньшимъ числомъ свободныхъ рукъ. Это можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ чиселъ, въ которыхъ мы обозначили количество пахатной надѣльной земли на душу об. пола и процентное отношеніе числа кустарей и суммы производства каждаго уѣзда къ общей суммѣ ихъ по губ.

У ѣ з д ы .	Десят. па- хат. надѣл. земли.	% отнош. рабочихъ.	% суммы ихъ произ- в. въ общ. сум.
Минскій	1,09	1,7	4,3
Бобруйскій	1,24	2,7	12,3
Рѣчицкій	1,52	3,3	8
Борисовскій	1,03	3,3	8
Пинскій	0,88	3,5	3,7
Игуменскій	0,97	14,5	16,7
Слуцкій	0,86	20	18
Новогрудскій	0,79	22,7	9,1
Мозырскій	1,09	48	19,2

Эта табличка ясно доказываетъ, что количество крестьянской земли играетъ весьма видную роль въ развитіи сельской промышленности: въ уѣздахъ, въ которыхъ крестьянскій надѣлъ больше, сельская производительность имѣетъ сравнительно весьма скромные размѣры и наоборотъ. Если мы при этомъ припомнимъ отношеніе кустарей каждаго уѣзда къ общему числу его жителей, каковыя данныя мы привели нѣсколько выше, то еще болѣе убѣдимся, что чѣмъ меньше надѣльной земли, тѣмъ болѣе число рукъ занято промыслами. Въ приведенныхъ данныхъ можно указать лишь на два явленія, повидимому, противорѣчающія вышесказанному—именно сильное развитіе промысловъ въ Мозырскомъ уѣздѣ, средній надѣлъ котораго довольно значителенъ, и низкое состояніе промысловъ въ Пинскомъ уѣздѣ при весьма низкомъ надѣлѣ. Но это обстоятельство легко объясняется, если принять во вниманіе чрезвычайно низкую по качествѣ почвы Мозырскаго уѣзда и развитіе славянаго и лѣсного отхожихъ промысловъ въ Пинскѣ.

Исслѣдуя, далѣе, характеръ сельской промышленности данной губерніи, нужно замѣтить, что она носитъ на себѣ характеристическія черты мѣстныхъ природныхъ условий съ одной стороны и служитъ, очевидно, для

удовлетворенія несложныхъ потребностей крестьянскаго населенія, съ другой.

Всѣ 25 видовъ сельскихъ промысловъ, для большаго удобства при обзорѣ ихъ, можно раздѣлить на пять группъ.

Первая группа, куда мы относимъ всѣ издѣлія изъ дерева *), занимаетъ весьма видное мѣсто: этимъ промысломъ занято 8,832 рабочихъ, т. е. 41% всего числа, вырабатывающихъ на сумму въ 132 тыс. руб., или 46% всей суммы. Почти всѣ промыслы этой группы распространены по всѣмъ уѣздамъ губерніи, охватывая собою 232 селенія. Наиболѣе важными изъ нихъ является тѣлѣжный промыселъ, которымъ занято 2,487 чел., вырабатывающихъ на сумму въ 19,899 руб., или 6,5% общ. суммы, затѣмъ слѣдуютъ столярное и плотничье ремесло, (194 раб., на сумму 16,416 руб., или 58% вс. с.), бондарнымъ промысломъ занято 1,327 ч., зарабатывающихъ 12,339 р., и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ группа промысловъ, матеріаломъ для которыхъ служатъ скотоводство **); ими занято 4,341 чел., или 21% общаго числа работающих, на сумму 64 тыс. руб., или 2,2% всей суммы. По количеству суммы производства кожевнный промыселъ занимаетъ въ этой группѣ первенствующее значеніе: имъ занято 163 чел., производящихъ на 22,486 руб., что составитъ 7,8% всей суммы; затѣмъ шерстяной промыселъ даетъ 13,604 руб. 3,871 кустарямъ, производствомъ обуви занято 65 чел., зарабатывающихъ на 8,560 руб. Промыслы свѣчной, клеварный, выдѣлка волоса не имѣютъ, по незначительности ихъ суммы производства, вовсе какого либо значенія.

Выдѣлка земледѣльческихъ орудій и металлическое производство (ножи, косы, серпы и т. п.) также занимаютъ видное мѣсто среди другихъ отраслей производства: ими занято 938 чел., вырабатывающихъ на 38 тыс. рублей. Эти промыслы распространены повсемѣстно.

Обработка минеральныхъ богатствъ страны (гончарный промыселъ и обработка камня) имѣетъ весьма незначительное распространеніе: имъ занято 394 чел., зарабатывающихъ въ годъ немного болѣе 8 тыс. руб.

Затѣмъ въ послѣднюю группу мы выдѣляемъ разнаго рода мелкіе промыслы, преимущественно домашняго характера.

Ими занято сравнительно довольно значительное число рабочихъ (5,353 чел.), по незначительности общей суммы производства (45 тыс. руб., т. е. почти по 9 руб. на рабочаго) указываетъ на ихъ небольшое значеніе въ сельско-хозяйственномъ обиходѣ. Только одинъ поргняжннй промыселъ,

*) Промыслы: бондарный, тѣлѣжный, мелкіхъ деревянныхъ издѣлій (посуда и др.), токарный издѣлія, корзиночный гонка смолы и дегтя, а также изготовленіе матеріаловъ для деревянныхъ издѣлій.

***) Промыслы: шерстяное производство, кожевнный, скорняжннй, шорный, обувь, свѣчной, клеварный, выдѣлка волоса.

который мы отнесли къ этой группѣ, занимаетъ 726 рабочихъ, которые вырабатываютъ 5,8% общей суммы.

Послѣ указанія на предметы обработки нашей сельской промышленности, интересно было бы выяснить какъ способы обработки разныхъ видовъ промышленности и способы сбыта получаемыхъ произведений, такъ и значеніе ея въ сельско-хозяйственномъ быту, и, наконецъ, самую качественную сторону произведений этой промышленности. Къ сожалѣнію, для выясненія этихъ важныхъ вопросовъ имѣющіеся матеріалы не даютъ ровно ничего. Единственно, что возможно опредѣлить болѣе или менѣе, да и то чисто апіорнымъ путемъ, это значеніе нашей кустарной промышленности въ сельско-хозяйственномъ обиходѣ. Значеніе различныхъ родовъ промышленности для крестьянина достаточно выясняется изъ сопоставленія среднихъ данныхъ о прибыляхъ, получаемыхъ однимъ рабочимъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что развитіе кустарныхъ промысловъ, особенно если они не успѣли получить въ данной мѣстности правильной организаціи, зависитъ какъ отъ болѣе или менѣе степені интенсивности затрачиваемаго труда, такъ и отъ матеріаловъ для обработки и самыхъ орудій обработки произведений; конечно, тутъ еще нужно принять въ расчетъ условія рынка. При чисто земледѣльческомъ характерѣ населенія данной мѣстности, кустарный промыселъ является лишь подспорьемъ въ сельско-хозяйственномъ быту, занимающимъ свободныя руки, когда нѣтъ полевыхъ или домашнихъ работъ. Поэтому, крестьяне преимущественно избираютъ тотъ родъ ремесла, который не требуетъ постоянной работы въ продолженіе года, къ которому земледѣлецъ можетъ обратиться только въ свободное время. Съ другой стороны, на обученіе какому нибудь ремеслу болѣе или менѣе трудному нѣтъ у крестьянина достаточно времени, такъ какъ сынъ уже съ десяти лѣтъ работникъ въ семьѣ. Наконецъ, дороговизна орудій обработки, устройство мастерской, необходимость имѣть оборотный капиталъ для закупки матеріаловъ для издѣлій, неудобство сбыта, неустойчивость рыночныхъ цѣнъ и т. д. вѣляютъ на развитіе тѣхъ или другихъ видовъ кустарныхъ промысловъ. Конечно, во многихъ великорусскихъ уѣздахъ эти причины теперь уже не имѣютъ такого вліянія, что зависятъ отъ правильной во многихъ мѣстностяхъ организаціи сбыта произведений и отъ слишкомъ незначительныхъ надѣловъ, которымъ бываетъ занята лишь часть семейства.

Однако, въ Минской губерніи всѣ указанія нами условія сельской промышленности имѣютъ весьма важное значеніе. Это довольно ясно видно изъ разсмотрѣнія средняго заработка въ различныхъ видахъ производства.

Такъ, въ среднемъ каждый рабочий подучаетъ въ годъ 14,3 руб. Такая незначительная сумма, конечно не можетъ служить серьезнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Промыселъ является у нашего крестьянина не спеціальнымъ занятіемъ, а побочнымъ, къ которому онъ прибѣгаетъ во всякое

время и который не требуетъ оборотнаго капитала, устройства мастерской и проч.

Такимъ образомъ, наиболѣе распространенные промыслы являются такіа, какъ: плетеніе корзинъ и метелокъ, пряжа и издѣлія изъ льна и пеньки, деревянные издѣлія (посуда и др.), вышиваніе, вязаніе, шерстяное производство, бондарный и тельжанный промыслы. Для всѣхъ ихъ не требуется затраты оборотнаго капитала, мастерской и, наконецъ, на нихъ можетъ быть употреблено свободное зимнее время. Поэтому неудивительно, что этими промыслами занято 80% (16,156 человекъ) всѣхъ кустарей губерніи. Зато и заработная плата каждаго рабочаго сравнительно незначительна: во всѣхъ промыслахъ она менѣе 10 руб., но зато большинствомъ ихъ можетъ заниматься семья, женщины и дѣти (плетеніе корзинъ, метелокъ, тканіе и др.) Даже разсматривая тѣ же данныя по уѣздамъ, мы замѣчаемъ, что эти производства носятъ тотъ же характеръ, исключенія очень рѣдки. Такъ, напримѣръ, въ Милоскомъ уѣздѣ на каждаго занимающагося тельжаннымъ промысломъ приходится 200 рублей заработка, что указываетъ на спеціализацію его. Почти всѣ вышеназванные промыслы открываютъ себѣ рынокъ въ окрестныхъ селеніяхъ или ближайшихъ городахъ.

Промыслы, требующіе болѣе постоянной работы или же оборотнаго капитала, хотя и занимаютъ меньшее число рукъ, но за то доставляютъ большіе прибыли рабочему. Такъ отъ 10 до 25 рублей въ годъ зарабатываетъ 1096 человекъ, или 5% всѣхъ кустарей, на сумму всего 24,850 р. Сюда принадлежатъ занимающіеся гончарнымъ дѣломъ, портильникамъ, токарнымъ издѣліями изъ кости и дерева. Максимумъ суммы производства въ гончарномъ дѣлѣ возрастаетъ (въ Рѣчицкомъ уѣздѣ) до 100 руб. на рабочаго.

Затѣмъ слѣдуетъ значительная группа (1369 чел., или 7%) лицъ, занимающихся приготовленіемъ матеріаловъ для деревянныхъ издѣлій (осей, ободьевъ и др.), скорняжнымъ промысломъ, изготовленіемъ земледѣльческихъ орудій, металлческими производствами и обдѣлками камня. Въ среднемъ они зарабатываютъ отъ 25 до 50 руб. въ годъ каждый. Отъ 50 до 75 зарабатываютъ 62 чел. шорниковъ и сибѣльниковъ. Занимающіеся столярнымъ или плотничьимъ ремесломъ (194 чел.) вырабатываютъ отъ 75 до 100 руб.

Такимъ образомъ, мы видимъ постепенно восходящій рядъ отъ мелкаго и мелкоприбыльнаго производства, занимающаго огромное число рукъ, къ болѣе крупному. Въ послѣднемъ уже видна нѣкоторая спеціализація промысла, когда онъ начинаетъ быть главнѣйшей статьѣй бюджета, что видно изъ средней суммы прибылей. При томъ тутъ уже требуется предварительная подготовка и оборотный капиталъ (шорное, металлическое производство и др.). Поэтому число рабочихъ, получающихъ отъ 100 до 150

руб. в год, хотя сравнительно не велико (77 чел., 0,30%), но указывает на болѣе или менѣе постоянное занятіе данными ремеслами (производство обуви и клевареніе, максимумъ перваго достигаетъ въ Минскѣ уѣздъ до 500 р. на человека, въ Бобруйскомъ до 300 руб. и т. д.). Кожевники получаютъ заработка отъ 150 до 200 руб. в годъ (163 чел.), а занимающіеся гонкой смолы и дегтя по 483 руб., а наибольшій заработокъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ превышаетъ 600 руб.

Оглавленіе.

	Стр.
Очерки семейнаго обычнаго права крестьянъ Минской губ.	1
Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ (Введеніе. I. Предварительныя приготовления—63. II. Заручины—84. III. Обрядъ посады жениха и невесты—97. IV. Посада жениха—106. V. Посада невесты—121).	61
Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ.	147
Женская доля въ пѣсняхъ Пинчуковъ.	159
„Талочъ“, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ яз. В. Дунина-Маринкевича (изъ исторіи бѣлорусской письменности).	173
В. Дунина-Маринкевичъ и его поэма „Тарась на Парнасъ“. Очеркъ изъ исторіи бѣлорусской этнографіи.	192
Чародѣйство въ Северо-Западномъ краѣ въ XVII—XVIII вв.	214
В. В. Тяпкинскій. Переводчикъ Евангелія на бѣлорусское нарѣчіе.	232
Бѣлоруссы. Этнографическій очеркъ.	257
Бѣлорусское прошлое	317
Солнышко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзіи	346
Свадебныя пѣсни Пинчуковъ (Введеніе. I. Невѣста—354. II. Женихъ и его дружина. Похищеніе дѣвицы—352. III. Продажа невесты. Брать ея—359. IV. Невѣста и семья жениха—375. VI. Коровайныя пѣсни—376. Мѣсяцъ и солнышко—380).	352
Первобытныя формы брака (I. Эволюція и первобытный бракъ. Безразличное смѣшеніе половъ. Гетеризмъ бытовій и религіозный—384. II. Бракъ по группамъ. Полаванрія. Левиратъ. Снохачество—394. III. Похищеніе женщинъ и куля-продажа).	384
Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ.	405
Статистическіе очерки Северо-Западнаго края (I. Населеніе и пространство—425. II. Народное образованіе—430. III. Поземельная собственность—436. IV. Сельское хоз.—448. V. Фабрично-заводская промышленность—454.	425
Кустарные промыслы Минской губерніи	479

Имѣются въ продажѣ книги того же автора:

- Государственное хозяйство Вел. кн. Литовское при Ягеллонахъ. Т. I. К. 1901. 4 р.
- Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в. К. 1905. 3 р. 50 к.
- Идеалы декабристовъ. М. 1907. 1 р. 25 к.
- Мемуары декабристовъ (Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей). К. 1907. 1 р. 50 к.
- Тайное общество декабристовъ. М. 1907. 1 р. 25 к.
- Украинскія староства въ перв. пол. XVI в. К. 1908. 1 р.
- Книга для чтенія по русской исторіи. Т. I. М. 1904. 3 р.
- Вережня и разрубныя книги Сѣвернаго края. Слб. 1905. 1 р.
- Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до к. XII ст. К. 1891. 1 р. 50 к.
- Акты литовско-русскаго государства. В. I. (1340—1524 г.). М. 1899. 1 р. 50 к.
- Пѣсни Пинчуковъ. К. 1895. 2 р.
- Баркулабовская лѣтопись. К. 1909. 25 к.
- Документы Моск. Арх. Мин. Юст. Т. I. М. 1897. 2 р.
-